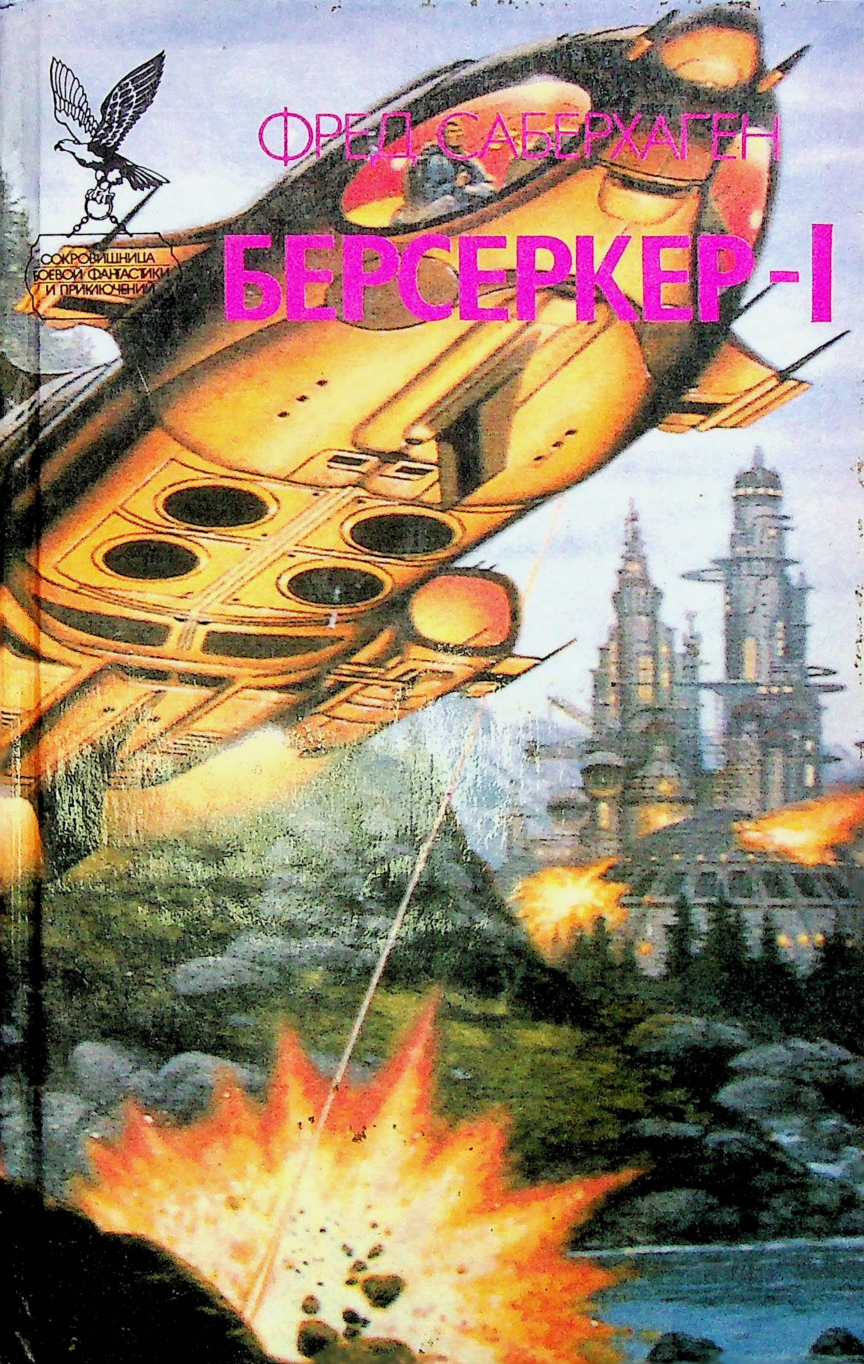

ФРЕД САБЕРХАГЕН
СОКРОВИЩНИЦА БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ
БЕРСЕРКЕР-I

ФРЕД
САБЕРХАГЕН

БЕРСЕРКЕР - I

РОМАНЫ

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1994

ББК 84 (7 США)
С121
УДК 820(73)-31

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского *Г. А. Ильинского,*
И. М. Радченко, Н. Тумановой
Художник *А. А. Шуплецов*

Публикуется впервые с разрешения автора и его литературного агента Александра Корженевского. Любые другие публикации настоящего произведения в любой форме, в целом или частями являются противоправными и преследуются по закону

Саберхаген Ф.

С121 Берсеркер-I: Романы / Пер. с англ. Г. А. Ильинского и др.; Худож. А. А. Шуплецов.— Смоленск: «Русич», 1994.— 544 с.— (Сокровищница боевой фантастики и приключений).

ISBN 5-88590-105-8.

В первой книге всемирно известного американского фантаста Фреда Саберхагена рассказывается о войне человечества с запрограммированными на уничтожение всего живого беспощадными машинами смерти — берсеркерами.

С 8200000000 **ББК 84(7 США)**

ISBN 5-88590-105-8

© by F. Saberhagen, 1967
© Перевод. Г. А. Ильинский, И. М. Радченко, Н. Туманова, 1994
© Оформление. А. А. Шуплецов, 1994

БЕРСЕРКЕР

ВСТУПЛЕНИЕ

Я, Третий Историк Кармпианской расы, в благодарность потомкам землян за их защиту моего мира, представляю наброски моих наблюдений об этой великой битве против нашего общего врага.

В основе нижеследующих отчетов лежат впечатления от контактов с интеллектами людей и машин. И, хотя в разумах этих, мне чуждых, я зачастую нахожу много непонятного, я постарался беспристрастно отобразить деяния и слова людей — выходцев с Земли — как великих, так и простых; высказывания и, даже, по мере возможности, сокровенные мысли не только ваших героев, но и тех, кто предал вас.

Оглядываясь назад, я вижу, как в двадцатом веке по христианскому летоисчислению ваши предки на Земле построили радиопередатчики, способные посылать сигналы в межзвездное пространство. Обнаруженный однажды шепот наших голосов, донесшийся с невообразимых расстояний, сделал бесконечную Вселенную реальной для всех наций и племен Земли.

Они пришли к осознанию мира, окружающего их — неизведанной, непонятной и, возможно, враждебной Вселенной. Как дикари, живущие на затерянном в океане острове узнают о существовании могущественных сил, обитающих где-то за безбрежными водными просторами, так и ваши народы начали — медленно, недоверчиво, почти против своей воли — прекращать междуусобные свары, объединяясь перед лицом нарастающей опасности.

В том же веке люди древней Земли впервые шагнули в космос. Они исследовали шорохи наших цивилизаций, и, когда наконец овладели способом перемещений в пространстве со скоростью, превышающей скорость света, постарались обнаружить нас.

Наши расы изучали друг друга внимательно и с необычайной учтивостью. Мы, кармпианцы, как и наши более старшие друзья, гораздо пассивнее вас. Мы живем в совершенно других условиях и наш образ мыслей кардинально отличен от вашего. Угрозы для Земли мы не представляли. Землян также не стесняло наше присутствие; мы не препятствовали их физическому и умственному проникновению в пространство. Единственным нашим стремлением было сохранение всеобщего мира. Увы, наступил тот черный день, когда мы пожелали стать воинственными!

Вы, земляне, обнаружили необитаемые планеты, где можно жить и процветать под теплыми лучами солнц, напоминающих ваше собственное. Вы тут же разбросали свои колонии, большие и малые, на значительном участке нашей медленно вращающейся галактики. Она, наша галактика, стала для ваших переселенцев гостеприимным местом, богатым мирами, созревшими для вашей мирной оккупации.

Чуждое окружение оказалось в конце концов не таким уж враждебным. Воображаемые угрозы отошли на второй план, скрываясь за горизонтами тишины и бесконечных расстояний. И вот вы снова позволили себе роскошь опасной, самоубийственной междуусобицы.

На каждой из ваших колоний объявились лидеры, озабоченные лишь упрочением собственной власти и толкающие людей на конфликты со своими же собратьями — выходцами с Земли.

Все дальнейшее освоение космоса было отложено именно в то время, когда из бездн Вселенной начали доноситься новые радиоголоса, не поддающиеся расшифровке. Земля и земные колонии были отделены друг от друга взаимными подозрениями, страхами и усиленно готовились к войне.

Но именно эта ваша готовность к насилию, из-за которой вы неоднократно стояли на грани разрушения, оказалась в конечном счете средством к выживанию. Для сторонних наблюдателей, коими мы, кармпианцы, являемся, стало очевидным, что неспроста вам была уготована судьба нести бремя войны через всю вашу историю, словно вы знали, что боевой опыт и военные технологии однажды пригодятся для благой цели.

Когда пробил час и наш враг напал без предупреждения, вы уже обладали армадами боевых флотилий. Вы

закрепились на десятках планет, вооружившись до зубов. Именно поэтому многие из вас, да и из нас, еще живы сегодня.

Мы, с нашей кармпианской психологией, логикой, типом мышления, нашей утонченностью и терпимостью, ничем не могли помочь вам. Имеющиеся у нас навыки умиротворения и примирения были бесполезны — наш враг оказался неодушевленной машиной, механизмом...

ИГРА ВСЛЕПУЮ

Машина представляла из себя колоссальную безлюдную крепость, запрограммированную своими давно умершими хозяевами на уничтожение всего живого. Она, как и многие другие подобные ей, была наследием войны между неведомыми межзвездными империями, имевшей место совсем недавно. Одна такая машина могла в два дня превратить поверхность планеты в безжизненное облако пыли и пара. Машина, о которой идет речь, именно это только что и сделала.

Она не пользовалась определенной тактикой в своей извечной, бессознательной войне с жизнью. Древние создатели рассчитывали на нее как на фактор случайности: ее запускали на вражескую территорию, где она разрушала все, что могла. Люди полагали, что в основе ее наступательных планов лежало использование скрытого где-то глубоко в ее недрах некоего блока долгоживущих изотопов, дезинтегрирующих атомы. Ее действия не могли предсказать, даже в теории, ни человеческий, ни электронный интеллект.

Люди называли ее берсеркером.

Дел Мюррей, в прошлом специалист по компьютерам, называл ее другими именами, но в настоящий момент он был слишком занят, чтобы сотрясать воздух проклятиями. Дел, шатаясь, ходил по маленькой рубке одноместного истребителя и заменял блоки оборудования, выведенные из строя близким взрывом ракеты берсеркера. Животное, напоминающее большую собаку с обезьяньими конечностями, тоже двигалось по рубке, держа в своих почти человеческих руках куски аварийного герметизирующего пластыря. В воздухе рубки парила дымка, постепенно устремляясь тонкими струйками к тем местам обшивки корпуса корабля, где была

утечка. Собака-обезьяна металась по помещению и заклеивала трещины пластырем.

— Привет, Фоксглав! — заорал Дел в надежде, что его радиопередатчик снова в порядке.

— Привет, Мюррей! Фоксглав на связи.— Голос был на удивление громким.— Где ты находишься?

— Дам тебе знать через минуту. У, чертова штуковина, она, кажется прекратила меня обстреливать. Ньютон, ты можешь побыстрее?

Вопрос был адресован странному существу, которое продолжало добросовестно искать места утечки воздуха в корпусе. Покончив, наконец, с ремонтом, Дел уселся в кресло пилота перед пультом управления. В результате взрыва вражеской ракеты всю рубку засыпало мелкими острыми осколками. Удивительно, что ни Дела, ни айана — так называлось животное — не ранило.

Теперь, когда радар снова был в рабочем состоянии, Дел сообщил:

— Я приблизительно в девяноста милях от объекта, Фоксглав. На противоположной от тебя стороне.

Его нынешняя позиция была именно такой, какую он пытался достигнуть с начала схватки. Два земных корабля и берсеркер находились на расстоянии в полсветового года от ближайшего солнца. Берсеркер не мог выскочить из обычного пространства к беззащитным колониям планет этого солнца, пока корабли оставались так близко от него. На борту корабля Фоксглава было только два человека и они обладали более совершенным, чем у Дела, оборудованием, но оба корабля казались комарами по сравнению с их противником.

Радар Дела показал древнюю металлическую громаду, поперечник которой был не намного меньше территории штата Нью-Джерси. Атаки людей прожгли в ней дыры размером с остров Манхэттен, оставив на ее поверхности озера расплавленного шлака и окалины.

Но мощь берсеркера все еще была огромной. До сих пор ни одному человеку не удавалось остаться в живых после столкновения с ним. Он мог прихлопнуть крошечный корабль Дела, как надоедливого москита, но по какой-то своей непредсказуемой прихоти пока не сделал этого. Он не боялся, но сам всегда пугал людей.

Тактика землян, выработанная горьким опытом борьбы с берсеркерами, предполагала одновременную атаку монстра тремя кораблями. Два истребителя — Дела

и Фоксглава — ожидали третьего, движущегося к ним со скоростью Си-плюс за пределами обычного пространства. Но ему еще оставалось восемь часов пути. До его прибытия Фоксглаву и Мюррею следовало держать берсеркер под контролем, пока он вынашивал свои, только ему одному известные планы.

Он мог в любой момент атаковать корабли, а мог и попытаться скрыться. Он был в состоянии часами ждать, пока они предпримут первый шаг — хотя, несомненно, открыл бы огонь, атакуй они его. Он даже выучил язык земных астронавтов и при желании мог бы поговорить с ними. Но всегда, в конечном счете, берсеркер просто искал способа уничтожить их, да и любое другое живое существо, попавшееся ему на пути. Это лежало в основе программы, введенной в него древними воителями.

Тысячу лет назад он легко стер бы с лица Вселенной корабли данного типа, вступившие с ним в схватку. Но теперь его электронный разум осознавал свое собственное ослабление вследствие накопленных повреждений. И, возможно, за долгие века галактических битв он научился понимать, что такое осторожность.

Детекторы Дэла внезапно показали формирование силовых полей позади его корабля. Подобно объятиям огромного медведя они блокировали ему путь к противнику. Ожидая смертельного удара, он дрожащими пальцами коснулся красной кнопки пуска атомных ракет. Но если бы он атаковал один — или даже вместе с Фоксглавом — адская машина парировала бы удары ракет, сокрушила бы корабли и обрушилась на беспомощные планеты. Для атаки требовалось как минимум три корабля, а красная кнопка оставалась теперь лишь последней, отчаянной надеждой.

Дел сообщил о силовых полях Фоксглаву, когда почувствовал в своем мозгу первый намек на иного рода атаку.

— Ньютон! — резко позвал он, оставив канал связи с Фоксглавом открытым. Они услышат и поймут, что происходит.

Айан немедленно спрыгнул со своей походной кушетки и встал, загипнотизированный, перед Делом, преданно глядя человеку в глаза. Дел иногда хвастался:

— Покажите Ньютону картинку, раскрашенную разными цветами, убедите его, что она представляет из себя пульт управления, и он будет нажимать кнопки там, где вы ему скажете, пока настоящий пульт соответствует рисунку.

Но ни один айан не обладал человеческой способностью мыслить и творить на абстрактном уровне; вот почему Дел сейчас собирался отдать Ньютону управление своим кораблем.

Он отключил все корабельные компьютеры — они стали бесполезны, как и его собственный мозг во время приближающейся атаки — и скомандовал Ньютону:

— Ситуация «Зомби».

Натренированное животное действовало проворно: Ньютон крепко схватил руки Дела, опустил их к низу кресла и защелкнул на них установленные там специальные зажимы.

Опыт научил людей определенным образом противостоять телепатическому оружию берсеркеров, хотя принцип его действия оставался неизвестным. Воздействие было медленным и не продолжалось более двух часов, после чего берсеркеру приходилось по каким-то причинам снимать его так же постепенно. Но в период мозговой атаки человеческий — как, впрочем, и электронный — разум терял способность что-либо планировать или предугадывать. Делу показалось, что это неоднократно случалось и прежде.

Ньютон, забавный парень, зашел в своих шалостях слишком далеко; он даже забыл о маленьких коробочках с цветными бусами, которые стали его любимыми игрушками, и теперь двигал рычажки и нажимал кнопки на освещенном пульте управления. Такое его поведение было определенно невыносимым, особенно перед предстоящей битвой. Дел попытался высвободить руки и позвал Ньютона.

Ньютон захныкал, но от пульта не отошел.

— Ньют, псина, освободи меня... Послушай, а где твои игрушки? Покажи мне свои прекрасные бусы.

Он надеялся отвлечь Ньютона его разноцветными шариками, а затем... Смутная мысль мелькнула в его сознании и ускользнула из затуманенного мозга.

Ньютон, похныкивая, продолжал манипулировать кнопками пульта, производя длинные последовательности переключений, как его обучили. Корабль совершал

ложные отвлекающие маневры, заставляя берсеркера думать, что судно по-прежнему управляется человеком. Рука Ньютона пока не приближалась к большой красной кнопке: только почувствовав невыносимую боль или обнаружив Дела в кресле мертвым, он имел право потянуться к ней.

— Сигнал принят, Мюррей,— вещало время от времени радио, словно подтверждая полученное сообщение. Иногда к этим словам добавлялись ряды ничего не значащих слов или цифр.

Дел понял — Фоксглав пытается поддержать иллюзию, что кораблем командует специалист. Реакция страха пришла, когда Дел осознал, что он еще раз пережил воздействие телепатического оружия. Размышляющий берсеркер — полугений-полуидиот — воздержался от продолжения атаки в тот момент, когда успех ему, казалось, был обеспечен. Может, он обманулся, а может просто следовал своей непредсказуемой стратегии.

— Ньютон!

Животное обернулось, услышав в голосе хозяина *интонации, указывавшие на то,* что опасность миновала и он может освободить человека от сковывающих его пут. С радостным тявканьем Ньютон снял зажимы с рук Дела, и тот сразу же повернулся к радиопередатчику.

— Воздействие, очевидно, закончилось, Фоксглав,— раздался его голос из громкоговорителя в рубке более крупного корабля.

— Он вернулся к управлению! — командующий облегченно вздохнул.

— Это означает,— отозвался второй офицер,— что у нас появился шанс напасть на объект в течение двух следующих часов. Предлагаю атаковать сейчас!

Фоксглав покачал головой.

— С двумя кораблями у нас очень мало шансов. Осталось менее четырех часов до прибытия Джизмо. Нам следует подождать, если мы хотим выиграть бой.

— Он непременно атакует в следующий раз, когда снова отключит мозг Дела! Не думаю, что нам удалось одурачить его... Мы здесь недосягаемы для мысленного луча, но Дел не сможет ему противостоять. От айана нельзя ожидать целенаправленных действий, а с потерей одного корабля у нас действительно не останется шансов.

— И все же, не будем торопиться.— Командующий

оторвал взгляд от пульта управления.— Я не уверен, что он обязательно атакует, направив на Дела луч...

Берсеркер вдруг заговорил, и его радиоголос заполнил рубки обоих кораблей.

— У меня есть предложение для тебя, маленький кораблик.— Голос был ломкий, с юношеским тембром.

Берсеркер соединил слова и звуки голосов людей — его пленников обоих полов различных возрастов. Кусочки человеческих эмоций, отсортированные и закрепленные, словно бабочки на булавках, подумал Командующий. Вряд ли берсеркер оставил своих пленников в живых после того, как научился от них языку.

— Какое? — Голос Дела звучал напряженно.

— Я изобрел игру,— продолжил берсеркер.— Мы сыграем в нее и, если ты окажешь мне достойное сопротивление, я пока не буду убивать тебя.

Фоксглав в сердцах ударил кулаком по ручке кресла.

— Это означает проверку умственных способностей Дела, контроль мозга во время действия мысленного луча при других модуляциях. Если берсеркер удостоверится, что мысленный луч срабатывает, он сразу же атакует.

— Я подумаю над твоим предложением,— ответил Дел, стараясь быть как можно хладнокровнее.

— Не стоит спешить,— заметил Командующий.— Он не сможет снова послать мысленный луч раньше, чем через два часа.

— Но нам необходимо четыре часа,— напомнил второй офицер.

— Опиши игру, в которую ты хочешь сыграть,— решился Дел.

— Это упрощенный вариант человеческой игры под названием шашки.

Командующий и Второй переглянулись. Они не представляли Ньютона способным играть в шашки. Не сомневались они и в том, что проигрыш айана будет сигналом к их смерти и разрушению еще одной планеты.

— А что мы используем в качестве доски? — поинтересовался Дел после минутной паузы.

— Будем обмениваться ходами по радио,— ровным голосом ответила машина.

Она продолжила описание игры на доске меньшего размера и с меньшим количеством фигур, чем в обычных шашках. Ничего особенного, но, безусловно, игра потре-

бует функционально мыслящего — человеческого или электронного мозга, способного планировать и предугадывать.

— Я согласен,— медленно проговорил Дел.— Как мы решим, кто сделает первый ход?

— Он пытается оттянуть время,— догадался Командующий, нервно покусывая ноготь большого пальца.— А мы не можем ничего посоветовать — эта штука услышит. Ради Бога, будь осторожен Дел!

— Для простоты дела,— заявил берсеркер,— в каждой игре я всегда хожу первым.

Дел мог рассчитывать еще на час отсрочки от нового воздействия телепатического оружия, когда закончил моделирование доски. При перемещении деревянных шашек соответствующие сигналы будут передаваться по радио берсеркеру; освещенные квадратики на доске покажут ему, куда передвинулись фигуры. Если берсеркер заговорит с ним во время воздействия мысленного луча, голос Дела ответит с магнитофонной ленты — он записал слегка агрессивные фразы типа «Ну, давай, живее, продолжай игру!» или «Не пора ли тебе сдаться?»

Он не сообщил берсеркеру, как далеко продвинулся в своих приготовлениях, так как был занят кое-чем, о чем враг не должен знать — системой, позволяющей Ньютону уметь играть в упрощенные шашки.

Работая, Дел посмеивался про себя и поглядывал на Ньютона, который расположился на кушетке, крепко сжимая в руках свои игрушки, словно они приносили ему успокоение. Задуманный план приведет айана к пределу его умственных возможностей, но Дел не видел причины, из-за которой эта схема не сработала бы.

Он проанализировал предстоящую игру, составил диаграммы каждой позиции, затем заготовил маленькие карточки, где стрелками указал наилучшие возможные ходы в ситуациях, которые могли возникнуть на доске. Теперь осталось быстренько обучить Ньютона игре, показывая ему соответствующую карточку и заставляя его делать ход, указанный стрелкой...

Командующий неожиданно грязно выругался громким, отчетливым голосом. Он позволял себе подобные вещи чрезвычайно редко, поэтому Второй удивленно оглянулся:

— В чем дело?

— Думаю, Мюррей разрабатывает некую тему, которая позволит Ньютону сыграть. Но это не сработает. Ньютон просто механически, не понимая сути запомнит систему и будет делать определенный ход в определенной позиции. Для него система, возможно, и безупречна, но ведь человек так не играет, черт побери. Он совершает ошибки, меняет стратегию. Человек учится игре, когда играет в нее. Он совершенствуется, двигаясь вперед. Берсеркер, возможно, слышал об айанах и как только он догадается, что его соперник — бессловесное животное, а не человек или компьютер...

— Я получил сигналы об их ходах,— после короткой паузы заметил Второй.— Они начали партию. Может, нам тоже смоделировать доску, чтобы следить за игрой?

— Нам лучше подготовиться к атаке, когда придет время.

Фоксглав безнадежно взглянул на пусковую кнопку, потом на хронометр — оставалось еще два часа до прибытия Джизмо.

Через некоторое время Второй сообщил:

— Кажется, первая партия закончена... Дел проиграл.— Он помедлил.— Сэр, появился сигнал — берсеркер вновь включил мысленный луч. Дел, похоже, скоро опять подвергнется его воздействию.

Фоксглаву нечего было сказать. Люди молча ожидали вражеской атаки, надеясь только на то, что им удастся поразить берсеркера прежде, чем он обрушиться на них всей своей мощью.

— Дел начал вторую партию,— недоуменно произнес Второй.— Он говорит: «Давай продолжим».

— Его голос, наверное, записан на пленку. Вероятно, он заготовил для Ньютона план, но это вряд ли надолго собьет берсеркера с толку.

Время тянулось невыносимо медленно.

— Он проиграл первые четыре партии,— сообщил Второй.— Все-таки нам следовало изготовить свою доску...

— Заткнись ты со своей доской! Что, уставимся на нее вместо пульта управления?

На этот раз пауза была более продолжительной. Потом Второй воскликнул:

— Ну, наконец-то!

— Что?

— Наши закончили партию ничьей.

— Тогда луч пока не действует. Ты уверен...

— Действует! Взгляните, те же показания приборов, что и в прошлый раз. Луч направлен на Дела уже почти час и усиливается.

Командующий посмотрел недоуменно, но он знал Второго и доверял ему. Индикаторы на пульте лишь подтверждали сказанное.

— Тогда кто-то — или что-то — с примитивным мозгом учится там игре. Ха-ха-ха,— он рассмеялся так, словно старался вспомнить, как это делается.

Берсеркер выиграл еще одну партию. Потом была другая ничья. Снова выигрыш противника. Затем три ничьих сразу.

До Второго донесся бесстрастно холодный голос Дела:

— Не желаешь ли сдаться?

На следующем ходу он проиграл очередную партию, а последующая опять закончилась ничьей. Дел просто делал ходы медленнее своего соперника, не испытывая, все же, его терпения слишком подолгу.

— Берсеркер пытается применить другие модуляции мысленного луча,— объявил Второй.

— Да,— сказал Командующий.

Он подавлял желание связаться по радио с Делом, одобрить его действия. Фоксглав просто изнывал от вынужденного безделья, от невозможности помочь своим друзьям. Но любое вмешательство могло принести непоправимый вред.

Он не верил в безусловный успех даже сейчас, когда шашечный матч представлял из себя бесконечную последовательность ничьих. Несколько часов назад Фоксглав уже почти распрощался с жизнью и по-прежнему ожидал смертельного удара.

И все же он надеялся.

Настал момент, когда Дел Мюррей наконец-то смог сообщить Ньютону, что его руки можно освободить. Ньютон с радостной готовностью исполнил приказ хозяина.

Незаконченная партия была отложена несколькими

секундами ранее. Мысленный луч отключился в тот самый момент, когда Джизмо ворвался в обычное пространство, опоздав лишь на пять минут. Берсеркеру пришлось сконцентрировать всю свою энергию, чтобы подготовиться к отражению атаки трех кораблей.

Дел взглянул на свои компьютеры, оправляясь от воздействия луча, установил прицельный экран на искореженную, бугристую среднюю часть берсеркера и правой рукой смахнул с доски шашки.

— Мат! — хрипло проревел он и ткнул кулаком в большую красную кнопку.

— Хорошо, что он не захотел сыграть в шахматы,— сказал Дел Фоксглаву.— Тогда моя уловка не прошла бы.

На экранах люди видели облако клубящегося газа, слегка мерцающего — останки того, что совсем недавно было берсеркером, беспощадным наследием древнейшего зла.

Командующий внимательно посмотрел на Дела.

— Ньют действовал согласно твоим диаграммам, это мне понятно. Но как он смог научиться игре?

Дел ухмыльнулся.

— Благодаря своим игрушкам.

Он подозвал к себе айана и взял из руки животного маленькую коробочку, в которой что-то перекатывалось. На крышке была нарисована диаграмма одной из вероятных позиций упрощенной игры в шашки, со стрелками другого цвета, указывающими каждый возможный ход фигур Дела.

— У него две сотни таких коробочек. Вот эта — из группы, которую Ньют использовал для четвертого хода. Когда он нашел коробку с диаграммой, соответствующей позиции на доске, он открыл ее, вынул одну бусинку, не глядя — этому его в спешке оказалось научить труднее всего, между прочим,— заметил Дел.— А это — голубая. Значит, делай ход, указанный на крышке голубой стрелкой. Теперь, оранжевая стрелка ведет к невыгодной позиции, видите? — Дел вытряс все бусинки из коробки себе в руку.— Оранжевых бусинок не оставалось; когда мы начинали, было по шесть штук каждого цвета. Но каждый раз, когда Ньют вытаскивал бусинку, я приказывал ему оставлять ее вне коробки, пока не

закончится партия. Затем, если мы проигрывали, он отбрасывал все использованные бусинки. Все неудачные ходы были постепенно исключены. Через несколько часов Ньют и его коробочки в совершенстве освоили игру.

— Да уж,— промолвил Командующий. Он протянул руку и почесал Ньютона за ушами.— Я бы никогда до такого не додумался.

— Мне следовало вспомнить об этом раньше. Идее, по меньшей мере, века два. А я ведь когда-то был специалистом по компьютерам.

— Это могло бы пригодиться нам,— задумчиво проговорил Фоксглав.— Я имею в виду, что основу твоей идеи могут использовать те, кто столкнется с мысленным лучом берсеркера.

— Да,— Дел о чем-то вспомнил.— Интересно...

— Что?

— Да нет, я просто подумал о парне, с которым однажды играл в сеансе одновременной игры. Бланкеншип, чемпион по шахматам. Я проиграл. Вот если бы тогда мне удалось применить свою уловку..

* * *

Да, я, Третий Историк, коснулся живых разумов, земных разумов, таких отчаянно дерзких, что поначалу они воспринимали войну, как игру. Но первые же десятилетия войны с берсеркерами убедили их, что ставкой в этой игре была жизнь.

Все ужасы вашего прошлого, усиленные временем и пространством, присутствовали в этой величественной схватке. И по мере ее дальнейшего развертывания даже закаленные в боях земляне столкнулись с кошмарами, о которых никогда прежде не ведали.

Смотрите...

ГУДЛАЙФ

— Это всего лишь машина, Хэмпхилл,— сказал умирающий слабым голосом.

Хэмпхилл, невесомо парящий в полутьме, слушал раненого со смешанным чувством презрения и жалости.

Покидай этот мир покорно, прощая Вселенной все, если находишь, что так легче!

Он неотрывно смотрел в иллюминатор на темную зубчатую форму, заслонявшую многие звезды. Возможно, лишь одна эта каюта пассажирского корабля осталась относительно целой, с тремя людьми в ней и воздухом, со свистом вырывающимся из многочисленных щелей и трещин. Скоро аварийные резервуары истощатся и дышать будет нечем. Корабль превратился в развалину, изорванную и изломанную, а удерживался он на месте, вероятно, силовыми полями берсеркера.

Молодая женщина, третий пассажир, подплыла через каюту к Хэмпхиллу и тронула его за руку. Кажется, звали ее Мария, фамилии он не помнил.

— Послушайте,— начала она.— Думаете, мы можем...

В голосе ее звучало не отчаяние, а нечто вроде решительности, поэтому Хэмпхилл приготовился ее выслушать. Но ее прервали.

Стены каюты завибрировали так, как вибрирует диафрагма громкоговорителя, и раздался скрипучий машинный голос берсеркера:

— Все, кто еще способен слышать меня, пока живите. Я намерен пощадить вас. Посылаю катер, чтобы спасти вас от смерти.

Хэмпхилл чуть не задохнулся от приступа гнева. Прежде он никогда непосредственно не слышал голоса берсеркера, но тот показался ему знакомым, как старый кошмар из детских снов. Он почувствовал, как женщина убрала ладонь с его руки и увидел, что сам он, не отдавая себе отчета, в ослепляющей вспышке ярости, сжал кулаки и чуть было не размозжил их о толстое стекло иллюминатора. Проклятая глыба металла захотела поглотить его! Его, Хэмпхилла, пожелала сделать своим пленником!

В его сознании созрел план, и Хэмпхилл рывком отвернулся от иллюминатора. Здесь, в этой каюте, должны быть боеголовки для небольших оборонительных ракет. Он вспомнил, что видел их.

Третий оставшийся в живых человек, медленно умирающий офицер корабля, истекающий кровью через лохмотья униформы, понял, что собирается сделать Хэмпхилл и протянул руку, пытаясь помешать.

— Не надо... Вы только уничтожите посланный им

катер... Если он не убьет вас раньше... Здесь могут быть еще люди... Живые...

Лицо офицера висело перед лицом Хэмпхилла перевернутым — оба они парили в невесомости. Как только они оказались в нормальном положении относительно друг друга, раненый вдруг перестал говорить и отпрянул, безвольно поплыв по воздуху, словно уже мертвый.

Хэмпхилл не надеялся совладать с целой боеголовкой, но он мог извлечь из нее химический взрывной детонатор сравнительно небольшого размера, который вполне можно было нести под рукой. Когда началась неравная схватка, все пассажиры одели аварийные скафандры; теперь Хэмпхилл нашел для себя дополнительный баллон с воздухом и лазерный пистолет, оброненный кем-то из офицеров, который он заткнул за пояс своего скафандра.

Девушка снова приблизилась к нему и он встретил ее подозрительным взглядом.

— Сделайте это,— проговорила она с тихой убежденностью, пока все трое они медленно вращались в полутьме, а воздух свистел через пробоины.— Сделайте. Потеря катера ослабит его хотя бы ненамного. В конце концов, у нас нет другого шанса.

— Да,— Хэмпхилл одобрительно кивнул.

Девушка поняла самое важное: причинить вред берсеркеру, бить, жечь, разрушать, наконец, убить. Остальное имело мало значения. Он указал на раненого и прошептал:

— Не дайте ему помешать мне.

Она молча кивнула. Если берсеркер был способен говорить через стены, он мог также и слышать.

— Катер приближается,— проговорил раненый тихим голосом.

— Гудлайф! — позвал голос машины, запинаясь между слогами.

— Здесь!

Человек испуганно вздрогнул и быстро вскочил на ноги. Он задремал почти под капающей трубкой от резервуара с питьевой водой.

— Гудлайф!

В маленьком помещении не было громкоговорителей; зов доносился откуда-то издалека.

— Я здесь!

Гудлайф тяжело побежал на зов, шаркая ногами по металлическому полу. Он заснул, потому что устал. Хотя сражение было небольшим, ему пришлось выполнять возложенные на него задачи — обслуживать и направлять машины, снующие по бесконечным коридорам и проходам и устраняющие повреждения.

Сейчас шея его саднила от тяжелого шлема, а все тело ныло от непривычной оболочки, которую ему приходилось одевать во время каждого боя. Он подбежал к плоскому глазу сканера и остановился, ожидая указаний.

— Гудлайф, вражеский корабль разрушен, а уцелевшие недобрые жизни беспомощны.

— Да,— человек закачался из стороны в сторону, зажмурившись от счастья.

— Напоминаю тебе, жизнь — зло,— произнес машинный голос.

— Жизнь — зло, я — Гудлайф, Добрая Жизнь! — быстро пролепетал он, прекратив раскачивания. Он не думал, что ему грозило наказание, но хотел быть уверенным.

— Хорошо. Как и твои родители, ты оказался полезным. Теперь я намерен доставить внутрь себя других людей, чтобы тщательно их изучить. Ты будешь участвовать в моих экспериментах над ними. Еще раз напоминаю, они — недобрая жизнь. Нам следует быть осторожными.

«Недобрая жизнь». Гудлайф знал, что эти существа обличьем походили на него, но обитали за пределами великой машины. Именно они являлись причиной сотрясений, ударов и повреждений, из которых состояли битвы. Недобрая жизнь — здесь? От этой мысли он задрожал и обернулся, вглядываясь в проход, в котором стоял, словно опасаясь, что злобные создания вот-вот нападут на него.

— Ступай в медицинский отсек,— приказала машина.— Тебя нужно иммунизировать против болезней, прежде чем ты приблизишься к недоброй жизни.

Хэмпхилл переходил из одной разрушенной каюты в другую, пока не обнаружил разрыв во внешнем корпусе. Он начал расширять его, отрывая металлические

листы, чтобы выбраться наружу. В этот момент он услышал лязг причалившего к кораблю катера берсеркера, который прибыл за пленниками. Хэмпхилл надавил плечом на корпус, обшивка подалась и его вынесло в пространство.

Вокруг изувеченного корабля плавали сотни обломков, удерживаемых незначительным притяжением судна, а может, силовыми полями берсеркера. Хэмпхилл удостоверился, что его скафандр функционирует нормально и с помощью крошечного реактивного двигателя облетел вокруг корабля к месту, где остановился вражеский катер.

Огромная черная клякса берсеркера заляпала звездную россыпь, ощерившись зубцами, как крепость древнего города, размерами в сотни, если не в тысячи раз превосходя любой такой город. Хэмпхилл увидел, что катер каким-то образом обнаружил нужную каюту и пришвартовался к изуродованному корпусу корабля. Он, вероятно, уже принял на борт Марию и раненого офицера. Держа пальцы на плунжере своей бомбы, Хэмпхилл подплыл ближе. Сейчас, на грани смерти, его раздражало, что он никогда не узнает, будет ли уничтожен катер.

А тот, тем временем, уже отчалил от корпуса корабля. Невидимые силовые поля берсеркера потянули к себе катер, Хэмпхилла и обломки, кружащиеся вокруг. Хэмпхилл сумел подцепиться к катеру, отправившемуся в обратный путь — к своему могущественному хозяину. Он подумал, что часового запаса воздуха в баллоне его скафандра больше, чем достаточно.

Берсеркер тащил его к себе. Хэмпхилл готовился к неминуемой смерти, крепко сжимая пальцами взрыватель своей бомбы. Черная, изрезанная чудовищными шрамами поверхность колоссальной машины-убийцы неумолимо приближалась, освещаемая нереальным светом звезд, превращаясь в планету, на которую падал катер.

Хэмпхилла, прилепившегося к катеру, вовлекло в отверстие, способное принять сразу несколько кораблей. Мощь берсеркера окружала его теперь со всех сторон. Он внезапно осознал, что его бомба — лишь бессмысленная шутка. Когда катер пришвартовался во внутреннем доке, Хэмпхилл соскользнул с него и поспешил спрятаться.

Укрывшись под каким-то металлическим выступом, он испытал жгучее желание немедленно взорвать бомбу, чтобы разом покончить со всем этим кошмаром. Но он заставил себя успокоиться и стал наблюдать, как двоих пленников высасывает из катера через пульсирующую трубу, уходящую куда-то сквозь переборку дока. Не отдавая себе отчета, чего он хочет добиться, Хэмпхилл рванулся в направлении трубы. Здесь уже не было невесомости, как на погибшем корабле: масса берсеркера создавала собственную, естественную силу тяжести. Но все же Хэмпхилл двигался легко — притяжение было меньше планетарного.

Минут через десять он приблизился к воздушному шлюзу. Да, несомненно, это был шлюз, вырезанный вместе с секцией корпуса из какого-то земного боевого корабля и установленный в переборке.

Внутри шлюза я и взорву бомбу, решил Хэмпхилл. Внешняя дверь была открыта и он вошел вовнутрь. Если он уничтожит себя здесь, берсеркер лишится... чего? Зачем ему вообще нужен воздушный шлюз?

Во всяком случае, не для пленников, подумал Хэмпхилл, если их всасывает через трубу. Вряд ли вход построен для врагов. Он проверил воздух в шлюзе и открыл прозрачный щиток шлема. Тогда для кого; для дышащих воздухом друзей размером с человека? Чушь. Все, что живет и дышит — враждебно берсеркеру, кроме неизвестных существ, создавших его.

Внутренняя дверь шлюза открылась от толчка Хэмпхилла. Он шагнул в узкий, плохо освещенный коридор. Здесь сила тяжести уже была большей, искусственной. Пальцы Хэмпхилла все еще лежали на плунжере бомбы.

— Входи, Гудлайф,— пригласила машина.— Внимательно посмотри на каждого из них.

Гудлайф издал неопределенный горловой звук, словно серводвигатель поработал и заглох. Его охватило чувство, напомнившее голод и страх перед наказанием одновременно. Сейчас он непосредственно, не в воображении и не с картинки, увидит чуждые ему формы жизни. Он нерешительно топтался у двери комнаты, где содержалась недобрая жизнь. Гудлайф снова одел свой скафандр, как приказала машина. Костюм защитит его от недоброй жизни, если та попытается причинить ему вред.

— Входи,— повторила машина.

— Может, лучше не надо? — страдальческим тоном спросил человек, помня о том, что говорить следует громко и отчетливо.

— Накажу, накажу,— ответил машинный голос.

Повторенное дважды, слово это означало, что наказание совсем близко. Как будто уже ощущая в костях щемящую боль-не-оставляющую-повреждений, Гудлайф быстро открыл дверь и вошел.

Он лежал на полу, окровавленный и изувеченный, в странном, разорванном одеянии и, в то же время, он стоял у двери. На полу валялась его собственная форма, человеческая форма, которую он знал, но теперь видел со стороны. Больше, чем изображение, гораздо больше, он сам, как будто раздвоившийся. Там, здесь, сам, не сам...

Гудлайф оперся спиной о дверь, снял шлем, поднял руку и попытался укусить ее, забыв о скафандре. Он яростно замолотил руками друг о друга, пока не ощутил боль. Мало-помалу ужас отпускал его. Постепенно разум смог объяснить и усвоить увиденное. Я здесь, здесь, у двери. А там, на полу — другая жизнь. Другое тело, как и я, разъедаемое жизненностью. Только гораздо больше пораженное, чем я. Там, на полу — недобрая жизнь.

Мария Хуарес долго молилась, закрыв глаза. Холодные металлические захваты тащили ее куда-то. Ощущение веса вернулось, и можно было дышать, когда ее шлем и скафандр осторожно сняли. Она открыла глаза и пыталась сопротивляться, когда захваты начали раздевать ее; она увидела, что очутилась в комнате с низким потолком, окруженная механизмами различных очертаний в человеческий рост. Работы прекратили ее раздевать, приковали ее локоть к стене и укатили прочь. Умирающего товарища по несчастью просто бросили на пол в другом конце комнаты, словно он больше не стоил внимания. Человек с холодными мертвыми глазами, Хэмпхилл, пытался изготовить бомбу, но, видимо, потерпел неудачу. Теперь быстрой смерти не жди...

Когда Мария услышала, как открывается дверь, она повернула на звук голову и увидела бородатого молодого человека в древнем скафандре, вошедшего в комнату

и изумленно уставившегося на умирающего. Пальцы незнакомца двигались проворно и ловко, когда он расстегивал крепления своего шлема. Когда он снял его, взору Марии предстали всклокоченные волосы и борода, обрамляющие вялое лицо идиота.

Визитер совершал странные действия. Он стоял опершись о дверь, в левой руке держа шлем, а правую поднес ко рту, пытаясь прокусить материал скафандра; потом исступленно начал ударять руки одна о другую, не выпуская шлема.

Немного успокоившись, он положил шлем на пол и покопался в своих лохматых космах, не сводя глаз с человека на полу. Он еще не заметил Марию, а она не могла смотреть никуда, лишь на него. Она никогда не видела у живого существа такого пустого выражения лица. Вот что происходит с пленниками берсеркера!

И все же, все же... Марии приходилось наблюдать людей с «промытыми мозгами», бывших преступников на ее планете. Она чувствовала, что этот человек представлял из себя нечто другое.

Бородач стал на колени перед умирающим, нервно вздрагивая, и протянул руку, чтобы коснуться его. Раненый слегка пошевелился; пол под ним был мокрым от крови. Незнакомец взял безвольно податливую руку офицера, подвигал ее туда-сюда, согнул в локте, словно интересуясь работой человеческих суставов. Раненый застонал и попытался слабо сопротивляться. Бородатый дебил вдруг протянул свои руки в металлических перчатках и схватил умирающего за горло.

Мария не могла ни двигаться, ни отвести глаз, хотя вся комната, казалось, медленно вращается, потом все закружилось быстрее и быстрее вокруг этих бронированных рук.

Бородатый убрал руки с горла несчастного и встал на ноги, не спуская взгляда с тела, лежащего у его ног.

— Отключился,— выговорил он отчетливо.

Возможно, она пошевелилась. Во всяком случае, незнакомец поднял свое лицо лунатика и посмотрел на нее, не глядя в глаза. Мышцы его лица дрябло висели под кожей. Человек направился к ней.

Он же совсем молодой, подумала Мария, почти мальчик. Она вжалась в стену и ждала, обеспокоенно глядя на приближающегося бородача. Странно, но чем ближе он подходил, тем меньше она боялась его. Однако, если

бы он улыбнулся, она бы истошно завопила.

Человек постоял около нее некоторое время ничего не предпринимая, потом протянул руку и коснулся ее лица, волос, тела. Мария замерла: она не чувствовала в нем ни доброты, ни злобы, ни похоти. Словно он изучал пустоту.

— Не изображение,— недоуменно произнес молодой человек, словно говорил сам с собой, затем добавил,— недобрая жизнь.

Мария почти заговорила с ним, но сдержалась. Задушенный человек лежал всего в нескольких ярдах от них. Парень повернулся и неторопливо зашаркал прочь. Подобной походки она никогда не видела. Он поднял с пола шлем и вышел через дверь, не оглянувшись.

В один из углов комнаты шла труба, по которой журчала вода, с бульканьем проходя сквозь дыру в полу. Сила тяжести, похоже, была установлена на земном уровне. Мария сидела, прислонившись к стене, молясь и прислушиваясь к стуку своего сердца. Оно почти замерло, когда дверь вдруг открылась и на пороге появился робот, который нес нечто похожее на большой пирог из розовато-зеленого вещества. Вероятно, пища. На обратном пути механизм обошел вокруг мертвеца на полу.

Она только начала есть пирог, когда дверь опять открылась, сначала чуть-чуть, затем достаточно для того, чтобы в комнату быстро шагнул человек. Хэмпхилл, холодноглазый пассажир с корабля, наклонившийся немного в одну сторону от веса небольшой бомбы, которую он нес под рукой. Быстро осмотревшись вокруг, он закрыл за собой дверь и двинулся к Марии, мельком взглянув вниз, когда перешагивал через мертвое тело.

— Сколько их здесь? — зашептал Хэмпхилл, наклонясь над ней. Она по-прежнему сидела на полу, слишком удивленная, чтобы двигаться или говорить.

— Кого? — наконец выдавила она из себя.

Он нетерпеливо мотнул головой в сторону двери.

— Их. Тех, кто живет внутри него, и обслуживают его механизмы. Я видел, как один из них выходил из комнаты.

— Но я только этого и видела.

Глаза Хэмпхилла сверкнули. Он показал Марии, как можно взорвать бомбу, отдал ей свою опасную ношу, а сам начал пережигать лазерным пистолетом цепь,

которой девушка была прикована к стене. Попутно они обменивались информацией о происшедшем. Мария не думала, что сможет привести бомбу в действие и убить себя, но об этом она Хэмпхиллу не сказала.

Они наконец вышли из комнаты, но тут же остановились как вкопанные — из-за угла им навстречу выкатились три робота. Машины проигнорировали двух застывших людей, бесшумно проскользнули мимо них и вскоре исчезли из поля зрения.

Хэмпхилл повернулся к Марии с ликующим выражением лица.

— Проклятая штука на три четверти слепа здесь, внутри своей собственной шкуры! — прошептал он.

Девушка молчала, глядя на него испуганными глазами.

У Хэмпхилла в голове начал формироваться смутный план, дающий право надеяться на удачу. Он повел Марию по проходу.

— Нужно что-нибудь выяснить об этом человеке. Или людях. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, что он здесь один.

Коридоры были плохо освещены, пол — неровный, с углублениями и бугорками. Они двинулись в том направлении, куда ушел бородатый полуидиот.

Через несколько минут осторожного продвижения Хэмпхилл услышал шаркающие шаги, приближающиеся к ним. Мужчина снова отдал бомбу Марии и заслонил собой девушку, отступившую в темную нишу.

Впереди закачалась смутная тень. Лохматая голова появилась так неожиданно, что удар металлического кулака Хэмпхилла почти промазал. Удар лишь задел затылок парня; бородач взвизгнул, потерял равновесие и упал. Он был без шлема, одетый в скафандр старой модели.

Хэмпхилл нагнулся над ним и приставил к его лбу лазерный пистолет:

— Только пикни, и я прикончу тебя! Где другие?

Лицо, смотревшее на Хэмпхилла снизу вверх, было ошеломленным — более, чем ошеломленным. Оно казалось мертвым, но взгляд перемещался с мужчины на девушку и обратно, не обращая внимания на пистолет.

— Тот самый,— прошептала Мария.

— Где твои друзья? — злобно прошипел Хэмпхилл.

Человек потрогал рукой затылок, то место, куда пришелся удар.

— Повреждение,— сказал он невыразительным голосом, словно самому себе. Потом спокойно протянул руку к пистолету, почти коснувшись его.

Хэмпхилл отскочил на шаг назад, едва сдержавшись, чтобы не выстрелить.

— Сиди спокойно, не то вышибу тебе мозги! Говори, кто ты такой, и сколько вас здесь!

Человек безмятежно сидел на полу, тупое лицо его ничего не выражало.

— Твоя речь,— сказал он,— ровная по тону, не такая, как у машины. Ты держишь в руке инструмент для убийства. Отдай его мне, я разрушу тебя и... другого.

Этот человек — калека с оскопленным мозгом, а не подлый предатель. Какой от него прок, подумал Хэмпхилл и медленно опустил пистолет.

— Откуда ты,— Мария обратилась к пленнику.— С какой планеты?

Человек уставился на нее пустым взглядом.

— Где твой дом? — настаивала она.— Где ты родился?

— В родильном резервуаре.— Иногда его голос звучал прерывисто, как у берсеркера, словно он пародировал машину.

Хэмпхилл нервно хохотнул.

— Конечно же, из родильного резервуара. И что дальше? Последний раз спрашиваю, где остальные?

— Я не понимаю.

— Ну ладно,— Хэмпхилл вздохнул.— Где твой родильный резервуар?

С чего-то нужно было начинать.

Место выглядело, как биологическая лаборатория, загроможденная оборудованием, увешанная какими-то проводами и трубами. Здесь, возможно, никогда не ступала нога живого техника.

— Ты родился здесь? — спросил Хэмпхилл.

— Да.

— Он сумасшедший.

— Нет, погоди,— Мария зашептала еще тише, будто снова испугалась чего-то.

Она взяла человека с дряблым лицом за руку и тот наклонил голову, чтобы посмотреть на прикоснувшиеся к нему пальцы.

— У тебя есть имя? — спросила Мария, словно обращаясь к потерявшемуся ребенку.

— Я — Гудлайф.

— Безнадежно,— вставил Хэмпхилл.

Девушка проигнорировала реплику.

— Гудлайф? Добрая жизнь? Меня зовут Мария. А это — Хэмпхилл.

Со стороны человека не последовало никакой реакции.

— Кто твои родители? Отец? Мать?

— Они тоже были доброй жизнью. Они помогали машине. Произошло сражение, и недобрая жизнь убила их. Но они отдали клетки своих тел машине, и она изготовила из этих клеток меня. Теперь я — единственная добрая жизнь.

— Боже правый,— прошептал Хэмпхилл.

Лицо Гудлайфа вдруг исказилось гримасами; он отвернулся и пробормотал.

— Я знаю, они были похожи на вас. Мужчина и женщина.

Хэмпхиллу захотелось в клочки разнести каждый кубический фут чудовищного механизма; он с ненавистью оглянулся вокруг.

— Проклятый ублюдок,— проговорил он прерывающимся, как у берсеркера, голосом.— Что он сделал со мной. С тобой. Со всеми нами.— Он положил руку на плечо Гудлайфа.— Послушай меня. Ты знаешь, что такое радиоактивный изотоп?

— Да.

— Здесь должно быть место, где машина решает, что ей делать, какой стратегии следовать. Место, содержащее какой-то изотоп с большим периодом полураспада. Возможно, где-то около центра машины. Ты знаешь такое место?

— Да, я знаю, где находится стратегический корпус.

— Стратегический корпус? — надежда осветила лицо мужчины.— Мы можем добраться до него?

— Вы — недобрая жизнь! — Он неуклюже смахнул руку Хэмпхилла со своего плеча.— Вы хотите нанести вред машине, и уже нанесли вред мне. Вас следует уничтожить.

Мария попыталась его успокоить.

— Гудлайф, мы — этот мужчина и я — не плохие. Недобрая жизнь — те, кто создал эту машину. Понима-

ешь, кто-то построил ее, какие-то живые люди, давным-давно. Вот они — действительно недобрая жизнь.

— Недобрая жизнь.— Непонятно было, соглашался ли он с Марией или обвинял ее.

— Ты что, не хочешь жить, Гудлайф? Хэмпхилл и я хотим. Мы хотим помочь тебе, потому что ты живой, похожий на нас. Помоги и ты нам.

Гудлайф некоторое время молчал, созерцая переборку, затем повернулся к ним и заученно проговорил:

— Все живое уверено в своем существовании, но оно заблуждается. Существуют лишь частицы, энергия и пространство, а также законы машин.

— Послушай, Гудлайф,— мягко сказала Мария.— Однажды один мудрый человек сказал: «Я мыслю, следовательно, существую».

— Мудрый человек? — спросил он ломким голосом. Потом сел на пол, и обхватив колени руками, стал раскачиваться из стороны в сторону. Наверное, он думал.

— Мне кажется, у нас есть надежда,— сказал Хэмпхилл, отведя Марию в сторону.— Здесь пригодный для дыхания воздух, достаточно воды и пищи. Берсеркера, несомненно, преследуют наши боевые корабли. Если мы найдем способ обезвредить его, нас подберут через месяц — другой. Может, раньше.

Она мгновение молча смотрела на него.

— Хэмпхилл, что эти машины тебе причинили?

— Моя жена... мои дети... Они жили на планете Паскало, три года назад, от нее ничего не осталось. Эта сволочная машина, или подобная ей...

Девушка взяла его за руку. Они оба взглянули на свои соединившиеся пальцы, потом одновременно подняли головы и улыбнулись друг другу.

— А где бомба? — нарушив эту идиллию, вспомнил Хэмпхилл и резко обернулся.

Она лежала в темном углу. Он схватил ее и подошел к Гудлайфу, который сидел, все так же раскачиваясь.

— Ну что, ты с нами? Или с теми, кто построил эту машину-убийцу?

Гудлайф встал и пристально посмотрел на Хэмпхилла.

— Они были вдохновлены на создание машины законами физики, которые управляли их разумами. Теперь машина сохраняет их, как изображения, образы.

Она сохранила моих отца и мать, сохранит и меня.

— Какие образы ты имеешь в виду?

— Образы в театре.

Следовало постепенно и ненавязчиво склонить это обманутое создание к сотрудничеству, завоевать его доверие и, одновременно, узнать как можно больше о нем и о машине, Хэмпхилл заставил свой голос звучать дружески.

— Ты не отведешь нас в театр, Гудлайф?

Это была самая большая комната с воздухом, пригодным для дыхания, из всех, которые они пока что обнаружили. Она содержала около сотни кресел, формой напоминающих те, которыми пользовались *люди — выходцы* с Земли, но Хэмпхилл понял, что помещение построили и для кого-то еще. Театр был изысканно меблирован и великолепно освещен. Когда дверь за ними закрылась, на сцене шеренгой выстроились ожившие образы разумных существ.

Сцена превратилась в окно, выходящее в обширный зал. На переднем плане, у некоего подобия аналоя стояло стройное существо, фигурой похожее на человека, только лицо его имело всего один глаз с ярким выступающим зрачком, скользящим по глазному яблоку, как капелька ртути.

Речь оратора представляла из себя пронзительный поток щелчков и завываний. Многие из шеренги, стоящей позади говорившего, были одеты в нечто вроде униформы. Когда он умолк, они завыли в унисон.

— Что он говорит? — шепотом спросила Мария.

Гудлайф посмотрел на нее.

— Машина сказала мне, что забыла значения этих звуков.

— Тогда почему бы нам лучше не посмотреть образы твоих родителей, Гудлайф?

Хэмпхилл, внимательно наблюдавший за происходящим на сцене, начал было возражать, но, потом подумал, что девушка права. Изображения родителей парня могли быть более полезными в данный момент.

Гудлайф отошел к стене и что-то переключил.

Хэмпхилл немного удивился тому, что образы родителей оказались плоскими, одномерными, в отличие от предыдущего объемного изображения. Сначала появил-

ся голубоглазый мужчина с опрятной короткой бородкой и приятным выражением лица, кивающий головой. Одет он был в льняной комбинезон.

Потом возникла женщина, прикрывающаяся куском какой-то материи и глядящая прямо в объектив кинокамеры. У нее было широкое лицо и рыжие волосы, заплетенные в косу. Больше ничего рассмотреть не удалось, так как вернулось изображение странного оратора, завывающего пуще прежнего.

Хэмпхилл обернулся и спросил:

— Это все? Все, что ты знаешь о своих родителях?

— Да. Недобрая жизнь убила их. Теперь они — образы.

Марии показалось, что речь оратора приобрела какой-то поучительный тон. Трехмерные карты звезд и планет появлялись перед ним, одна за другой, и он указывал на них рукой, продолжая говорить. Он мог похвастаться огромным количеством звезд и планет на своих картах; девушка почему-то была уверена, что он хвастается.

Хэмпхилл неосознанно подходил ближе к сцене, все более заинтересованный происходящим. Марии не понравилось, как свет изображений отражался на его лице.

Гудлайф тоже завороженно созерцал инсценировку, виденную им прежде, вероятно, тысячу раз. Мария не имела представления, какие мысли прятались за этим тупым выражением лица. Импульсивно, она снова взяла его за руку.

— Гудлайф, Хэмпхилл и я — живые, как и ты. Помоги нам выжить. Тогда мы сумеем помочь тебе.

У нее в воображении промелькнула картина освобожденного Гудлайфа, доставленного на одну из планет, съежившегося от страха перед враждебной ему недоброй жизнью.

— Добро. Зло.

Его рука коснулась ее пальцев. Он качался взад и вперед, словно она одновременно привлекала и пугала его. Девушке вдруг захотелось закричать и голыми руками разорвать в клочки бездушную гору металла, искалечившую парня.

— Я раскусил их! — Хэмпхилл вернулся от сцены, откуда неслась бесконечная тирада. Он выглядел ликую-

щим.— Ты еще не поняла? Он показывает полный каталог планет и звезд, которыми они владеют. Это победная речь. Изучив эти карты, мы сможем найти их, выследить и добраться до них!

— Хэмпхилл...— Мария хотела слегка охладить его пыл, чтобы они смогли сконцентрироваться на неотложных проблемах.— Сколько лет этим изображениям? В какой части галактики они сняты? Может, они вообще из другой галактики? Как ты собираешься все это выяснить?

Энтузиазм Хэмпхилла слегка убавился.

— Во всяком случае, эту информацию следует сохранить, она поможет нам обнаружить их.— Он указал на Гудлайфа.— Он приведет меня к тому, что называет стратегическим корпусом; тогда мы сможем дождаться кораблей, а может, улизнем отсюда на катере.

Девушка погладила руку Гудлайфа, как будто успокаивала испуганного ребенка.

— Да, но он сбит с толку. Впрочем, это естественно.

— Конечно.— Хэмпхилл задумался.— Но вы, кажется, поладили друг с другом.

Она не ответила.

— Ты — женщина, а он — физически здоровый молодой мужчина. Успокой его, если хочешь, но ты каким-то образом должна убедить его помочь мне. Очень многое зависит от этого.— Он снова повернулся к сцене, будучи не в состоянии надолго оторваться от завладевших его вниманием звездных карт.— Прогуляйся с ним, поворкуйте, но не отходите далеко.

А что еще оставалось ей делать? Она вывела Гудлайфа из театра; стереоскопический мертвец на сцене щелкал и кричал, перечисляя тысячи и тысячи завоеванных планет.

Слишком многое произошло — и продолжало происходить — и он внезапно ощутил, что не может больше оставаться рядом с недоброй жизнью. Гудлайф отскочил от женщины и побежал, полетел по коридорам по направлению к месту, где он укрывался, когда его обуревали странные, непонятные страхи. Это была комната, где машина всегда видела и слышала его. И говорила с ним.

Вскоре он уже стоял в помещении-которое-постепенно-сжималось. Он думал так, потому что ясно по-

мнил эту комнату гораздо большей, когда сканеры и громкоговорители машины возвышались высоко над его головой. Он понимал, что действительная перемена заключалась в его собственном физическом росте; но, по-прежнему, это помещение ассоциировалось у него с пищей, сном и защитным теплом.

— Я выслушал недобрую жизнь и показал им образы,— сознался он, страшась наказания.

— Знаю, Гудлайф, я наблюдал. Это входит в мой эксперимент.

Какое радостное облегчение! Машина не упомянула о наказании, хотя она, несомненно, осведомлена о том, что слова и действия недоброй жизни потрясли весь его внутренний мир. Он даже — страшно подумать! — представлял себя показывающим тому человеку, Хэмпхиллу, стратегический корпус, чтобы навсегда покончить со всеми наказаниями.

— Они хотели, чтобы... чтобы я...

— Я наблюдал. И слушал. Тот человек — жестокий и злой, устремленный на борьбу со мной. Я должен понять подобных ему, потому что они являются причиной огромного вреда. Он должен быть иссследован до самых его сокровенных глубин. Он считает себя свободным внутри меня, а не пленником. Вот что важно.

Гудлайф стащил с себя раздражавший его костюм; машина не позволит недоброй жизни ворваться сюда. Он опустился на пол и обхватил руками консоль громкоговорителя. Однажды, давно, машина дала ему вещь, такую мягкую и теплую на ощупь... он закрыл глаза.

— Какие будут указания? — сонно спросил он.

Здесь, в этой комнате, все было незыблемо и покойно, как всегда.

— Во-первых, не говори недоброй жизни о моих указаниях. Во-вторых, делай то, что скажет Хэмпхилл. Мне он не сможет навредить.

— У него бомба.

— Я наблюдал за его приближением и обезвредил бомбу прежде, чем он проник в меня. Своим пистолетом он не в состоянии сколь-нибудь серьезно нанести мне ущерб. Ты не думаешь, что одна недобрая жизнь способна одолеть меня?

— Нет,— безмятежно улыбнувшись, Гудлайф лег поудобнее.— Расскажи мне о родителях.

Он слышал эту историю тысячу раз, но готов был слушать ее бесконечно.

— Твои родители были хорошими, они отдали себя мне. Затем, во время великой битвы недобрая жизнь убила их. Недобрая жизнь ненавидела их, как ненавидит и тебя. Когда она говорит, что любит тебя, она лжет, со злобным умыслом, свойственным всей недоброй жизни. Но твои родители были добрыми, и каждый отдал мне часть своего тела, а из этих частей я сделал тебя. Недобрая жизнь полностью разрушила твоих родителей, иначе я смог бы сохранить хотя бы их тела, чтобы показать тебе.

— Понимаю.

— Две недобрые жизни разыскивали тебя. Теперь они отдыхают. Спи, Гудлайф.

И он заснул.

Проснувшись, Гудлайф вспомнил сон, в котором двое людей, делая знаки руками, приглашали его на сцену театра. Он узнал в них отца и мать, хотя выглядели они, как две недобрые жизни. Его просыпающийся мозг не сумел твердо ухватить ускользающее видение.

Он ел и пил, пока машина говорила с ним.

— Если Хэмпхилл хочет добраться до стратегического корпуса, отведи его туда. Там я захвачу его и позволю сбежать, чтобы он повторил попытку. Потом я уничтожу его. Но я намерен сохранить жизнь женщины. Ты и она произведете для меня новые добрые жизни.

— Да!

Как хорошо! Они отдадут части своих тел машине для построения, клеточка за клеточкой, тел добрых жизней. А Хэмпхилл, наказавший его своим металлическим кулаком, будет полностью разрушен.

Когда он вернулся к недоброй жизни, Хэмпхилл стал ругать его и угрожать ему. Гудлайф испугался, но согласился помочь, не раскрывая при этом планов машины. Мария нравилась ему все больше. Он касался ее при каждом удобном случае.

Хэмпхилл потребовал привести его к стратегическому корпусу. Гудлайф немедленно согласился;он бывал там множество раз, добираясь высокоскоростным лифтом, который делал пятидесятимильное путешествие простым и недолгим.

Хэмпхилл помедлил, прежде чем сказать:

— Ты что-то стал вдруг слишком покладистым.— Он повернулся к Марии.— Я ему не верю.

Недобрая жизнь заподозрила его во лжи. Гудлайф

рассердился; машина сама никогда не лгала и запрещала ложь действительно доброй жизни.

Хэмпхилл нервно ходил взад-вперед и наконец спросил:

— Существует ли такой путь к стратегическому корпусу на котором машина неспособна засечь нас?

Гудлайф задумался.

— Думаю, такой путь есть. Нам придется нести дополнительные баллоны с воздухом и преодолеть многие мили через вакуум.

Машина приказала ему помочь Хэмпхиллу и он поможет. Он надеялся понаблюдать за разрушением мужской недоброй жизни.

Здесь остались следы страшной битвы, происшедшей, возможно, в те времена, когда люди на Земле охотились с копьями на мамонтов. Берсеркер столкнулся с неким могущественным противником и заполучил от него ужасную резанную рану. Впадина шириной две мили, а глубиной — пятьдесят была прожжена в теле берсеркера последовательностью направленных атомных взрывов; она проходила уровень за уровнем механизмов, палуба за палубой вооружений и заканчивалась у последнего кольца обороны, защищавшего неживое сердце колоссальной машины. Берсеркер выжил, сокрушил врага и вскоре его ремонтные роботы залатали внешнее отверстие сверхтолстой броней. Берсеркер поначалу намеревался постепенно восстановить все разрушенное; но в галактике обитало так много жизней, упорных и умных, что повреждения накапливались быстрее, чем могли быть устранены. Громадная внутренняя дыра так и осталась незаделанной; иногда она использовалась в качестве конвейерного пути.

Когда Хэмпхилл увидел этот колоссальный разрыв — насколько позволял разглядеть крошечный фонарь его скафандра — он почувствовал сжимающий сердце страх, такой, какого он никогда еще не испытывал. Он остановился на краю бездны, инстинктивно схватившись за Марию.

Они совершили часовое путешествие от воздушного шлюза, через невесомый вакуум внутри огромной машины. Гудлайф был их проводником, всем своим видом показывая готовность помочь людям. Хэмпхилл держал

наготове пистолет, бомбу и две сотни футов крепкого шнура, намотанного на левую руку. Но когда он увидел этот ужасный шрам на теле берсеркера, слабая надежда на удачу оставила его. Если уж этот монстр пережил такой силы удар, вряд ли ослабивший его, то бомба Хэмпхилла — жалкая игрушка.

Гудлайф подплыл к ним. Хэмпхилл уже научил его пользоваться переговорными устройствами скафандров.

— Это большое повреждение — единственная дорога, которой можно добраться до стратегического корпуса, не попав в поле зрения сканнеров или обслуживающих роботов. Я покажу вам, как ехать на конвейере, он провезет нас большую часть пути.

Конвейер представлял из себя ряд контейнеров, перемещаемых силовыми полями по бездонной ране машины. Когда силовые поля подхватили людей, невесомость больше прежнего стала ощущаться как падение в глубины берсеркера. Они словно неслись по кровеносному сосуду гигантского организма с мерцающими вокруг красными и белыми кровяными шариками.

Хэмпхилл летел рядом с Марией, держа ее за руку. Лицо девушки трудно было разглядеть сквозь стекло ее шлема.

Конвейер казался еще одним новым безумным миром, жуткой сказкой о чудовищах, полетах и падениях. У Хэмпхилла вновь появилась надежда. Мне удастся сделать это, подумал он. Монстр слеп и беспомощен здесь. Я сделаю это, и тогда мы сможем выбраться отсюда.

Движение конвейера замедлилось, и путешественники плавно влетели в помещение с бронированными стенами — пустую сферу футов сто в поперечнике. По крепчайшей броне лучами расходились трещины от последнего удара неведомого противника берсеркера. Одна из расселин была довольно широкой, как дверь.

Гудлайф коснулся шлема мужчины и сказал:

— Я видел другой конец этой трещины, с другой стороны, у стратегического корпуса. Он всего в нескольких ярдах отсюда.

Хэмпхилл на мгновение заколебался, сомневаясь, посылать ли Гудлайфа первым в извилистый проход. Но если здесь и был какой-то необычайно хитроумный капкан, управлять им могли откуда угодно.

Он повернулся к Марии.

— Держись позади него. Следуй за ним и не спускай с него глаз.

Хэмпхилл вошел в трещину первым.

Расселина сужалась по мере продвижения по ней, но в конце она оказалась все же достаточно широкой, и он смог протиснуться сквозь отверстие.

Они попали в другую сферу, в центре которой находилось сложное сооружение, размером с небольшой дом, покоившееся на паутине каких-то балок и перекладин, идущих от него во всех направлениях. Это не могло быть ничем иным, кроме как пресловутым стратегическим корпусом. От него исходило тусклое сияние, похожее на лунный свет. Именно здесь происходило случайное, беспорядочное, с точки зрения людей, расщепление атомов, на основе которого осуществляется, каким-то образом, выбор очередной жертвы берсеркера — корабля, колонии или планеты.

Хэмпхилл затрясся от ненависти. Он поплыл вперед, нежно, как ребенка, держа бомбу, и начал разматывать шнур, свободный конец которого тщательно привязал к плунжеру бомбы.

Мне нужно выжить, подумал он, чтобы увидеть, как умрет проклятый механизм. Я закреплю бомбу на центральном блоке, спрячусь вон за тем металлическим углом и дерну за шнур...

Гудлайф выбрал отличное место наблюдения за сердцем машины и Хэмпхиллом, разматывающим шнур. Он чувствовал определенное удовлетворение от того, что его предсказание оказалось правильным — стратегического корпуса можно достигнуть по огромному повреждению. Назад им не придется возвращаться этим путем. Когда машина пленит недобрую жизнь, они поедут в наполненном воздухом лифте, которым Гудлайф пользовался, когда прибывал сюда для ремонтной практики.

Хэмпхилл закончил разматывать шнур и махнул рукой Марии, которая ждала, затаив дыхание, рядом с Гудлайфом. Мужчина дернул за шнур. Конечно же, ничего не случилось. Машина сказала, что обезвредила бомбу, а машина никогда не лгала.

Мария оттолкнулась от Гудлайфа и поплыла к Хэмпхиллу. Тот снова и снова дергал шнур. Гудлайф нетерпеливо вздохнул. Здесь был адский холод; пальцы рук

и ног начали мерзнуть, даже скафандр не защищал.

Наконец, когда Хэмпхилл двинулся назад, к центральному блоку, чтобы посмотреть, что там не в порядке с его устройством, из укрытия появились обслуживающие роботы и набросились на него. Он попытался выхватить из-за пояса пистолет, но их захваты действовали гораздо быстрее.

Это мало походило на бой, но Гудлайф наблюдал с интересом. Фигура Хэмпхилла в скафандре напряглась, каждый мускул его тела натянулся, очевидно, как струна. Но как могла недобрая жизнь долго сопротивляться напору стали и атомной энергии? Механизмы без усилий повлекли человека к шахте лифта. Гудлайф почувствовал какую-то неясную тревогу.

Мария, обернувшись, посмотрела на Гудлайфа. Ему захотелось приблизиться к ней и снова ее коснуться, но он вдруг немного испугался, как и тогда, когда убежал от нее. Один из роботов вернулся от лифта за ней. Девушка неотрывно глядела на Гудлайфа, и он ощутил непривычное для него чувство вины.

Стратегический корпус мерцал тусклым светом. Парню показалось, что он мог видеть хаотическое движение атомов в центральном блоке. Где находилась могущественная машина, говорившая с ним? Везде. И нигде. Гудлайф хотел понять себя, свои новые чувства, внушенные ему недоброй жизнью.

Среди перекладин блеснуло нечто круглое. Приглядевшись, Гудлайф понял, что это шлем скафандра.

Неподвижная фигура висела, неестественно изогнувшись, в переплетении металлических лучей стратегического корпуса. Парень подплыл ближе.

Скафандр треснул, когда Гудлайф схватился за него и повернул мертвеца к себе. Сквозь прозрачное забрало шлема на него взглянули невидящие голубые глаза. У человека была аккуратная короткая бородка.

— Ах, да,— вздохнул Гудлайф в своем собственном шлеме. Тысячу раз видел он образ этого лица.

На скафандре отца было крепко привязано что-то тяжелое. Отец тоже добрался до стратегического корпуса, по колоссальному шраму, незамеченным. Он задохнулся, умер и окоченел здесь, не расставаясь с тем, что он притащил сюда — с бомбой.

Из глаз Гудлайфа ручьем потекли слезы. Непослушными замерзшими пальцами он отвязал бомбу и поднял ее...

Обслуживающий робот нес Хэмпхилла от лифта по заполненному воздухом коридору к комнате пленников. Механизм вдруг застыл и выронил человека. Хэмпхилл лежал несколько секунд без движения на полу, потом вскочил на ноги и ринулся на робота. Пистолета не было; он замолотил по машине своими бронированными кулаками. Робот не сопротивлялся и вскоре опрокинулся. Хэмпхилл сел на него сверху и продолжал бить, сопровождая каждый удар проклятиями.

Через минуту коридора достиг слабый толчок от взрыва, разрушившего сложный хаос стратегического корпуса, разорвавшего сердце берсеркера.

Мария, совершенно выбившаяся из сил, сидела там, где металлический захватчик уронил ее, и наблюдала за Хэмпхиллом. Она поняла, что по-своему уже любила его. И жалела в то же самое время.

Мужчина прекратил бесполезное избиение машины под ним и хрипло сказал:

— Это уловка, еще одна проклятая уловка.

Сотрясение было слабым, почти неощутимым. Мария покачала головой.

— Нет, не думаю.

Она увидела, что лифт все еще был в рабочем состоянии и теперь смотрела на его дверь.

Хэмпхилл отошел поискать какое-нибудь оружие и пищу. Вскоре он вернулся, снова разъяренный. Вероятно, сработала система ликвидации, включающаяся в случае захвата корабля противником, которая разрушила театр и звездные карты. Возможно, такая же участь постигла и катер. Беркерсер, уже мертвый, не хотел отпускать их.

Мария, по-прежнему глядя на закрытую дверь лифта, начала тихо плакать.

* * *

Страх перед берсеркерами распространялся по галактике. Даже в мирах, которые не были вовлечены в физическую схватку, люди боялись смотреть в ночное небо, в котором скрывался древний ужас. Их преследовал призрак смерти.

Я прикоснулся к разуму, душа которого была мертва...

МЕЦЕНАТ

После нескольких часов работы Херрон почувствовал голод и решил перекусить. Взглянув на плод своего труда, он легко представил себе льстивые похвалы одного из критиков: огромное полотно, выполненное противоречивыми смелыми линиями, пылающее всепоглощающей угрозой! Впервые, подумал Херрон, критик будет превозносить кое-что действительно достойное.

Отвернувшись от мольберта, Херрон увидел, что механический охранник передвинулся и теперь стоял на расстоянии вытянутой руки, словно собираясь дать непрошенный совет.

— Полагаю,— Херрон хохотнул,— ты хочешь сделать какое-то идиотское предложение?

Машина, формой отдаленно напоминавшая человека, ничего не ответила, хотя имела разговорное устройство на своем подобии лица. Херрон пожал плечами, обошел робота и отправился на осмотр космической галеры. Этот корабль лишь несколько часов назад вышел из Сиплюс пространства, после чего берсеркер захватил его; и Пирс Херрон, единственный пассажир, еще не успел освоиться в новой обстановке.

Галера представляла из себя место, где чопорные колониальные леди могли сидеть и щебетать за чашкой чая, когда утомлялись от созерцания картин. Корабль «Франс Хальс» построили, как передвижной музей; потом разгоравшаяся война людей с берсеркерами приблизилась к пределам Солнечной системы, и Департамент Культуры решил, что художественные ценности Земли будут в большей безопасности, если их доставить в систему Тау Эпсилона. «Франс» идеально подходил для такой миссии, впрочем, для чего-либо другого он вряд ли и годился.

Обходя теперь галеру, Херрон увидел, что дверь командной рубки была разбита вдребезги, но ему не хотелось рассматривать, что там внутри. Нет, он не боялся, он был довольно равнодушен к страху, как и почти ко всем остальным человеческим эмоциям. Команда «Франса», состоящая из двух человек, или то, что от нее осталось, находилась внутри рубки. Они пытались сопротивляться сокрушительному напору абордажных машин берсеркера и, несомненно, предпочли смерть плену.

Херрон не предпочитал ничего. Сейчас он был, наверное, единственным живым существом — не считая нескольких бактерий — в пределах расстояния светового года; он был рад осознать, что ситуация не ужасала его, что его давно вызревавшая усталость от жизни не являлась лишь позой, самообманом.

Металлический страж неотступно следовал за ним, наблюдая, как он устанавливал кухонные приспособления в рабочий режим.

— По-прежнему никаких предложений? — повторил вопрос Херрон.— Может быть, ты умнее, чем я думал.

— Я — то, что люди называют берсеркером,— неожиданно проскрипел человекообразный механизм.— Я захватил твой корабль и буду говорить с тобой через эту небольшую машину, которую ты видишь. Улавливаешь, что я имею в виду?

— Я понимаю ровно столько, сколько мне нужно.

Херрон еще не видел самого берсеркера, плавающего в пространстве, вероятно, в нескольких милях отсюда. А может, и в сотнях или тысячах миль. Капитан «Франса» предпринял отчаянную попытку сбежать и укрыться в облаке темной туманности, где ни корабль, ни берсеркер не могли двигаться быстрее света, и преимуществом в скорости обладало меньшее по размерам судно.

Преследование проходило при скоростях, достигающих тысячу миль в секунду. Вынужденный оставаться в обычном пространстве, берсеркер не мог достаточно эффективно управлять своей огромной массой среди метеороидных тел и сгустков газа, тогда как радарно-компьютерная система «Франса» позволяла кораблю осуществлять маневрирование. Но берсеркер послал вдогонку бронированный быстроходный катер и у безоружного «Франса» не оставалось никаких шансов.

На кухонном столе появились холодные закуски и горячие блюда.

— Ты присоединишься ко мне? — обратился Херрон к машине.

— Я не нуждаюсь в органической пище.

Мужчина, вздохнув, сел к столу.

— Отсутствие чувства юмора — большой недостаток,— сказал он.— Надеюсь, ты скоро убедишься, что я прав.

Херрон начал есть, и оказалось, что он не так уж и голоден, как думал. Очевидно, его тело все же испытывало страх перед смертью — это слегка удивило его.

— Ты разбираешься в управлении этим кораблем? — спросила машина.

— Нет,— ответил Пирс, заставляя себя прожевать и проглотить кусок.— Я не специалист по нажиманию всех этих кнопок.

Он вспомнил, как за минуту до захвата корабля капитан Ханус прибежал из рубки, схватил его в охапку и потащил куда-то, мимо бесценных сокровищ искусства.

— Послушай, Херрон, если нам не удастся улизнуть, воспользуйся этим.— Он открыл двойной люк в кормовом отсеке и взору Херрона предстал короткий туннель диаметром с большую канализационную трубу, обитый изнутри мягким материалом.— Обычная спасательная шлюпка не сможет уйти незамеченной, но на этом отделяемом модуле можно попробовать.

— Мы подождем вашего помощника, Капитан, или отправимся немедленно?

— Здесь место только для одного, болван, а я не собираюсь покидать корабль.

— Вы хотите спасти меня, Капитан? Я тронут,— рассмеялся Херрон легко и непринужденно.— Но почему такая забота?

— Ты идиот. Могу я доверять тебе? — Ханус метнулся в модуль, и руки его запорхали над пультом управления. Потом он выскочил назад, с лихорадочным сиянием в глазах.— Слушай и запоминай. Вот эта кнопка — активатор; я установил режим, благодаря которому модуль достигнет оживленных космических трасс и начнет посылать сигналы бедствия. Проходящие корабли засекут их и подберут модуль. Все запрограммировано, нужно будет лишь нажать активатор...

Именно в этот момент катер берсеркера и атаковал, с ревом, подобным шуму камнепада, обрушившись на корабль. Свет погас, искусственное притяжение на мгновение пропало, затем вернулось. Пирс Херрон упал на бок. Капитан зашатался, как оглушенный, закрыл люк, ведущий к потаенному модулю, и пошел, спотыкаясь, к рубке.

— Почему ты здесь? — спросила машина Херрона.

Он положил вилку, которую внимательно рассматривал.

— Ты знаешь, что такое Департамент Культуры? Недоумки, руководящие искусством на Земле. Некоторые из них, как и многие другие болваны, считают меня великим художником. Они поклоняются мне. Когда я намекнул, что хочу покинуть Землю на этом корабле, они пошли мне навстречу. Я пожелал оставить родную планету, потому что все сколь-нибудь ценное эвакуируется с Земли. На этом корабле, кстати, приличная часть этих сокровищ. На планете остались лишь стаи животных, называющих себя людьми. Они размножаются, умирают, ведут бесконечную борьбу за выживание...

— Почему ты не попытался оказать сопротивление или спрятаться, когда мои машины взяли корабль на абордаж?

— Потому что это не принесло бы никакой пользы.

Когда команда захвата вломилась через воздушный шлюз, Херрон устанавливал мольберт в небольшом выставочном зале. Он прервался ненадолго, чтобы понаблюдать, как непрошенные гости проходят мимо. Один из человекообразных металлических солдат, тот, через которого берсеркер сейчас беседовал с художником, остановился и уставился на Херрона своими линзами. Остальные направились к рубке.

— Херрон! — заорал интерком.— Попытайся, Херрон, пожалуйста. Ты знаешь, что делать! — Затем послышались лязг металла, выстрелы и проклятья.

Делать, Капитан? Что? Ах, да. Шок от происходящего и угроза неминуемой смерти слегка всколыхнули у Пирса Херрона остывший интерес к жизни. Но это продолжалось недолго. Он взглянул на неодушевленного захватчика, распространявшего в теплой каюте чуждый, нечеловеческий холод глубокого космоса, потом отвернулся от него и начал рисовать берсеркера, пытаясь отобразить не внешнюю форму, которой он никогда не видел, а внутреннюю сущность огромного механизма, как он себе ее представлял. И все время, пока работал, он ощущал пустой взгляд безжизненных линз, сверлящий его спину.

— Что есть добро? — спросила Херрона машина, наклонившись над ним.

— Скажи мне, если знаешь,— фыркнул он.

— Служить тому, что люди называют смертью — добро. Разрушать жизнь — добро.

Херрон сунул свою тарелку с почти нетронутым обедом в моечную установку и встал.

— Ты почти прав насчет того, что жизнь ничего не стоит. Но почему такой энтузиазм относительно смерти? Почему она достойна преклонения? — Херрона удивили его мысли, так же, как недавно удивило отсутствие аппетита.

— Я не почти прав. Я совершенно прав,— поправил берсеркер.

Пирс довольно долго стоял, будто задумавшись, хотя разум его был абсолютно пуст.

— Нет,— произнес он наконец, ожидая, что сейчас берсеркер нанесет решающий удар.

— В чем ты считаешь меня неправым? — спросила машина.

— Я покажу тебе.

Он вывел робота из кухни. Ладони его вспотели, во рту пересохло. Почему проклятая штука не убила его?

Картины были сложены рядами на многочисленных ярусах. Херрон нашел нужный ящик и открыл его, представив взору машины портрет, написанный сочными мазками, сверкающий богатыми цветами под стекловидным покрытием.

— Вот в чем ты не прав,— сказал он.

Сканнер человекообразного механизма изучал портрет минут пятнадцать.

— Объясни, что ты мне показываешь.

— Я преклоняюсь перед тобой! — Херрон поклонился.— Ты признаешь свое невежество! Даже задаешь понятный вопрос. Сначала скажи мне, что ты видишь здесь.

— Я вижу одномерное изображение живой особи. Изображение заключено в защитную оболочку, прозрачную для длины волны, используемой человеческим глазом. Эта особь представляет из себя, или представляла, взрослого мужчину в хорошей функциональной форме, облаченного в незнакомое мне одеяние. В руке он держит, вероятно, часть этого одеяния...

— Ты видишь человека с перчаткой,— оборвал машину Херрон.— Вот название — «Человек с перчаткой». Ну, и что ты насчет этого скажешь?

Машина молчала секунд двадцать.

— Это что, твоя попытка восхваления жизни, утверждения, что жизнь — добро?

Глядя теперь на тысячелетний шедевр Тициана, Херрон едва слышал слова берсеркера; он думал, беспомощно и безнадежно, о своей собственной последней работе.

— Так скажи мне, что ты имеешь в виду,— бесстрастно потребовала машина.

Херрон, не ответив, отошел, оставив ящик открытым. Металлический страж двинулся следом за ним.

— Ответь мне, что это значит, иначе будешь наказан.

— Могу я подумать, как и ты? — спокойно попросил Херрон, но желудок его свернулся в узел при угрозе наказания. Видно, боль была страшнее смерти. Сейчас Пирс презирал свой желудок.

Ноги привели его обратно к мольберту. Посмотрев на противоречивые и смелые линии, которые еще некоторое время назад доставляли ему удовлетворение, он нашел их теперь такими же отвратительными, как и все, что он сделал за прошедший год.

— Что ты здесь изобразил? — спросил берсеркер.

Херрон взял кисть, которую забыл почистить, и раздраженно помахал ею.

— Это — моя попытка проникнуть в твою сущность, захватить тебя краской и холстом, так же, как ты берешь в плен людей, но моя попытка провалилась, как и большинство предыдущих.

— Попытка восхвалить меня?

Херрон сломал испорченную кисть и отбросил ее в сторону.

— Понимай, как хочешь.

Машина ничего не ответила на этот раз. Робот повернулся и пошел в направлении воздушного шлюза. Его механические собратья, лязгая, последовали за ним. От шлюза и рубки донеслись звуки, словно в тяжелый металл замолотили кувалдами. Допрос, видимо, был отложен на время.

Мысли Херрона вернулись к тому, что показал — или пытался ему показать — Ханус. Не обычная спасательная шлюпка, но можно попробовать, сказал капитан. Нужно только нажать кнопку.

Херрон направился к отделяемому модулю, надеясь,

что если берсеркер так беспечен, каким казался, то ему, вероятно, и удастся сбежать.

Сбежать? От чего? И куда? Он больше не мог писать картины, да и вряд ли когда-либо был хорош в этом деле. Все, что представляло для него хоть какую-то ценность, сейчас находилось здесь и на других кораблях, покидающих Землю.

Дойдя до склада, Херрон снова увидел «Человека с перчаткой». Он потащил картину по направлению к корме. Возможно, ему оставался единственный шанс, чтобы доказать, что его жизнь была не совсем никчемной.

Картина казалась очень массивной в своем стекловидном покрытии, но он надеялся, что сумеет разместить ее в модуле. Его мучил вопрос, чего же все-таки добивался от него капитан, отведя его к модулю и показав, как им пользоваться. Хануса вряд ли заботила судьба Херрона, и он что-то говорил о доверии...

Приближаясь к корме, вне поля зрения роботов, Херрон проходил мимо упакованных скульптур и тут услышал какое-то быстрое, слабое постукивание. Он нашел ящик, из которого доносился стук, и приподнял крышку. Внутри сидела, съежившись, девушка, одетая в комбинезон. Волосы ее стояли дыбом, а глаза округлились от ужаса.

— Они ушли? — Она нервно кусала ногти, пальцы ее кровоточили.

Херрон не сразу ответил и она снова и снова повторяла вопрос, жалобно всхлипывая.

— Роботы еще здесь,— наконец сказал он.

Дрожа от страха, девушка вылезла из ящика.

— Где Гас? Они забрали его?

— Гас? — Он начинал понимать.

— Гас Ханус, капитан. Он и я... Он хотел спасти меня, вывезти с Земли.

— Он наверняка мертв. Была схватка с роботами.

Девушка схватилась окровавленными пальцами за свое лицо.

— Они и нас убьют! Что нам делать?

— Не скорби так сильно о своем возлюбленном...

Девушка, казалось не слышала его; ее обезумевший взгляд метался из стороны в сторону, ожидая появления механических солдат.

— Помоги мне с этой картиной,— попросил он ее.- Придержи дверь.

Она повиновалась, словно загипнотизированная, не спрашивая, что он собирается делать.

— Гас сказал, что здесь есть отделяемый модуль...

Девушка осеклась, уставившись на Херрона. Она испугалась, что проговорилась и теперь этот незнакомец украдет ее шлюпку, что он и собирался сделать до встречи с ней.

Дотащив картину до кормы, Херрон остановился и долго смотрел на «Человека с перчаткой», но, как ему показалось, заметил лишь то, что кончики пальцев руки на портрете мужчины не были искусаны до крови.

Пирс взял дрожащую девушку за руку и втолкнул ее в крошечный модуль. Она упала на пол и свернулась клубочком, все еще напуганная до смерти. Она не выглядела слишком уж привлекательной. Что такого нашел в ней Ханус?

— Здесь место только для одного,— сказал он и она съежилась еще больше и оскалила зубы, словно опасалась, что он вытащит ее наружу.— После того, как я закрою люк, нажми вон ту кнопку, активатор. Поняла?

Она поняла сразу. Он захлопнул тяжелый двойной люк. Секунды через три до него донесся слабый скребущий звук. Модуль отделился от корабля.

Рядом с люком имелся крошечный иллюминатор и Херрон, прильнув к нему, смотрел на звезды, вращающиеся за темным бураном туманности. Спустя некоторое время он увидел тень берсеркера, черную и округлую, заслонившую собой большинство звезд. Засекла ли колоссальная машина старт небольшого модуля?

Вернувшись к своему мольберту, Херрон поставил «Человека с перчаткой» рядом. Беспорядочные мазки своей собственной картины показались еще более отталкивающими, но он заставил себя продолжать работу.

Вскоре он услышал, как сзади к нему приблизился человекообразный механизм; шум стука по металлу в руке утих. Тщательно вытерев кисть, Херрон положил ее и кивнул на портрет берсеркера.

— Когда будешь уничтожать остальные, сохрани эту картину. Доставь ее тем, кто создал тебя, они заслуживают этого.

— Почему ты думаешь, что я уничтожу картины? — проскрипел машинный голос.— Даже если они восхва-

ляют жизнь, сами по себе они мертвы, следовательно, не являются злом.

Херрон вдруг почувствовал себя слишком напуганным и усталым, чтобы говорить. Тупо уставившись в линзы робота, он увидел в них крошечные мерцания, совпадающие по времени с ударами его собственного пульса и дыханием, похожие на показания детектора лжи.

— Твой разум разделен,— сказала машина.— Но большей его частью ты превознес меня. Я отремонтировал твой корабль и установил его на верный курс. Теперь я освобождаю тебя, для того, чтобы другие, подобные тебе особи, узнали от тебя, как восхвалять истинное добро.

Херрон только стоял и смотрел перед собой, в то время, как топот металлических ног постепенно удалялся от него. Механические солдаты берсеркера покидали захваченный корабль.

Пирс медленно начал осознавать, что он остался в живых и обрел свободу.

Он перенес тела мертвых астронавтов в морозильную камеру. У него не было причины думать, что кто-то из них при жизни исповедовал какую-нибудь религию, но ему как-то попалась в руки книга, в которой описывались мусульманские, христианские и иудейские похоронные обряды. Теперь он решил отдать последнюю дань погибшим.

Херрон нашел неповрежденный пистолет и, крадучись, обошел весь корабль. Его внезапно посетила безумная идея, что машина оставила одного из своих роботов для наблюдения за ним. Он дошел до кормы, но ничего подозрительного не обнаружил. Пирс остановился и яростно закричал в направлении, в котором, как он полагал, удалился берсеркер:

— Будь ты проклят, я изменюсь! — Голос его сорвался.— Я смогу снова писать картины. Я докажу тебе... Я могу измениться. Я — живой.

* * *

Разные люди по-разному восхваляют жизнь, считая ее добром.

Даже я, который по своей природе не способен бороться и разрушать, разумом могу охватить эту истину: в войне против смерти жизнь самоутверждается, борясь с врагом и уничтожая его.

В такой войне ни один человек не должен испытывать жалости к противнику. Но в любой войне попытка умиротворения только сделает честь предпринявшему ее.

Я коснулся темы разума, возлюбившего мир, необычайно жадного до жизни...

МИРОТВОРЕЦ

Карр проглотил болеутоляющую пилюлю и постарался поудобнее устроиться в кресле управления. Он включил радиопередатчик и сказал:

— Я пришел с миром. Я безоружен. Хочу вступить с тобой в переговоры.

Он ждал. В рубке его маленького одноместного корабля стояла тишина. Экран радара показал берсеркера в нескольких световых секундах впереди. Ответа от него пока не было, но он знал, что машина услышала его.

Позади осталась звезда типа Солнца, вокруг которой вращалась его родная планета, колонизированная землянами лет сто назад. Это было одинокое поселение, затерянное на краю галактики; до сих пор до него доносились лишь отголоски войны с берсеркерами. Единственный действительно боевой корабль колонии недавно отправился, чтобы присоединиться к эскадре Карлсена, оборонявшей Землю. У Солнечной системы, согласно рапортам, группировалось множество берсеркеров. Но один из врагов оказался здесь.

Народ планеты Карра подготавливал еще два боевых корабля так быстро, насколько это было возможно — небольшая колония не располагала богатыми ресурсами. Но даже эти два корабля вряд ли смогли бы оказать достойное сопротивление берсеркеру.

Когда Карр предложил свой план лидерам планеты, они сочли его безумцем. Говорить о мире и любви с бездушным убийцей? Вступить с ним в переговоры? Суще-

ствовала, возможно, надежда наставить на путь истинный испорченного человека, самого закоренелого преступника, но взывать к милосердию машины?

— А почему бы и не поговорить с ним о мире? — возражал Карр.— У вас есть лучший план? Я отправляюсь. Мне нечего терять.

Они знали, что его схема не сработает, но ничего не могли придумать. По крайней мере, появится отсрочка дней на десять, пока не будут готовы боевые корабли. Одноместный маленький корабль не был вооружен — наличие оружия лишь спровоцировало бы берсеркера. В конце концов, Карру позволили воспользоваться им, надеясь, что переговоры хотя бы на время оттянут неминуемую атаку.

Когда Карр приблизился к берсеркеру на расстояние в миллион миль, колоссальная машина приостановила свое неторопливое движение и, казалось, ждала его, вращаясь в пространстве вокруг безвоздушного планетоида.

— Я безоружен,— снова радировал он.— Я пришел поговорить с тобой и не собираюсь причинить тебе вред. Если бы те, кто создал тебя, были здесь, я хотел бы поговорить с ними о мире и любви. Ты понимаешь?

— Маленький корабль,— неожиданно раздался голос,— сохраняй свои текущие скорость и курс. Будь готов немедленно остановиться, когда получишь приказ.

— Хорошо.

Карр считал, что уже приготовился к встрече с берсеркером, но теперь ощутил трепет просто от звука его голоса. Сейчас оружие, способное стерилизовать, сделать бесплодной целую планету, будет опробовано на нем одном. Но кое-чего он боялся больше смерти, если даже одна десятая часть из рассказов о пленниках берсеркера соответствовала действительности. Карр заставил себя не думать об этом.

Когда расстояние между ними сократилось до десяти тысяч миль, берсеркер скомандовал:

— Стой. Жди меня там.

Карр немедленно повиновался. Вскоре он увидел, как берсеркер отправил в его направлении судно размером с его корабль — крошечная точка на видеоэкране, выскочившая из громадной космической крепости, плывущей на фоне звезд.

Даже с такого расстояния он мог видеть, как изуродована поверхность берсеркера.

Катер вскоре пришвартовался к корпусу корабля. От воздушного шлюза донесся металлический лязг.

— Открой,— потребовал радиоголос.— Я должен обыскать тебя.

— Тогда ты меня выслушаешь?

— Тогда выслушаю.

Карр открыл шлюз и отступил в сторону, чтобы пропустить полдюжины механизмов. Они немного походили на обслуживающих и рабочих роботов, но выглядели старыми и изношенными, как и их могущественный хозяин. Здесь и там сверкали новые детали, однако механизмы двигались довольно неуверенно, обыскивая Карра и его рубку, исследуя каждый уголок небольшого корабля. Когда обыск был закончен, абордажные роботы почти вынесли одного из своих собратьев.

Оставшийся механизм с руками, похожими на человеческие, сел в кресло управления как только шлюз закрылся за остальными, и повел корабль к берсеркеру.

— Погоди! — запротестовал Карр.— Я не сказал, что сдаюсь!

Нелепые слова повисли в воздухе, не удостоенные ответа. Внезапная паника заставила Карра совершить необдуманные действия: он шагнул вперед и схватил механического пилота, пытаясь стащить его с кресла. Робот положил одну металлическую руку на грудь человека и толкнул. Карра бросило через всю рубку, он споткнулся и упал, больно ударившись головой о переборку.

— Через несколько минут мы поговорим о любви и мире,— пообещало радио.

Наблюдая через иллюминатор, как его корабль приближается к берсеркеру, Карр мог лучше рассмотреть боевые шрамы на громадном теле машины. Корпус берсеркера был испещрен глубокими дырами, квадратными милями изгибов и выпуклостей, длинными углублениями, в которых когда-то тек расплавленный металл. Потирая ушибленную голову, Карр испытал даже некоторую гордость: это сделали мы, хрупкие маленькие живые существа. Он недовольно поморщился, раздраженный внезапным воинственным чувством, ведь он всегда считал себя пацифистом.

В корпусе берсеркера открылся люк и корабль последовал за катером в темноту.

Через иллюминатор теперь ничего не было видно. Вскоре ощутился легкий толчок — корабль причалил во внутреннем доке. Механический пилот выключил двигатели и начал было подниматься с кресла, как вдруг что-то в нем отказало. Робот накренился, замахал руками, пытаясь сохранить равновесие, и рухнул на пол. С полминуты он двигал одной рукой, издавая скрежещущие звуки, потом замер.

В последовавшей за этим тишине Карр осознал, что он снова хозяин на своем корабле — судьба предоставляла ему шанс. Если попытаться что-то сделать...

— Выходи из корабля,— приказал спокойный голос берсеркера.— К твоему шлюзу прикреплена заполненная воздухом труба. Она приведет тебя в место, где мы сможем поговорить о мире и любви.

Взгляд Карра сфокусировался на кнопке включения двигателя, потом он взглянул на активатор Си-плюсовой скорости. В такой близости от огромной массы, которую представлял собой берсеркер, Си-плюсовой эффект был уже не способом передвижения, а превратился в страшное оружие громадной потенциальной мощи.

Карр больше не испытывал — или думал, что не испытывал — страха перед внезапной смертью. Но теперь он всем своим существом боялся того, что могло быть уготовано ему снаружи воздушного шлюза. Все кошмарные рассказы всплыли в памяти. Мысль о выходе через шлюз стала невыносимой. Может, лучше осторожно обойти упавшего пилота, сесть за пульт управления и включить двигатели?

— Я могу разговаривать с тобой отсюда,— произнес он дрожащим голосом.

Секунд через десять берсеркер ответил:

— Твой Си-плюсовой привод оснащен блокирующими устройствами. Ты не сможешь взорвать меня.

— Возможно, ты и прав,— сказал Карр, подумав мгновение.— Но если блокирующее устройство не сработает, мой корабль может отбросить от центра твоей массы, и он нанесет твоему корпусу значительный ущерб. А корпус твой уже и так в достаточно плохой форме, и тебе нежелательны дополнительные повреждения.

— Ты погибнешь.

— Мне придется когда-нибудь умереть. Но я прибыл сюда не для того, чтобы погибнуть или вступить с тобой в схватку, а для того, чтобы поговорить с тобой и, если возможно, попытаться достигнуть соглашения.

— Какого рода соглашения?

Наконец-то. Карр глубоко вздохнул и выложил аргументы, которые так часто мысленно повторял. Он держал палец на Си-плюсовом активаторе и не спускал глаз с приборов.

— У меня однажды появилась идея,— начал он,— что твои атаки на человечество начались в результате какой-то ужасной ошибки. Безусловно, мы не были твоим первоначальным врагом.

— Жизнь — мой враг. Жизнь — зло.— Пауза.— Ты не хотел бы стать доброй жизнью?

Карр на секунду закрыл глаза, вспомнив некоторые из кошмарных рассказов. Но затем он решительно продолжил изложение своих доводов.

— С нашей точки зрения, зло — это ты. Мы хотели бы твоего превращения в добрую машину, помогающую людям, а не убивающую их. Ведь созидание — более благородная цель, нежели разрушение.

Снова повисла пауза, более продолжительная на этот раз.

— Какие доводы в пользу изменения моих намерений ты предлагаешь?

— Прежде всего, помочь легче достигнуть цели. Никто не будет причинять тебе вреда и бороться с тобой.

— Для меня не имеет особого значения то, что мне причиняют вред и противостоят мне.

Карр попытался начать сначала.

— Жизнь, по своей природе, стоит выше небытия, а человек — высшая форма жизни.

— Доказательства?

— Человек имеет душу.

— Многие люди утверждают это. Но почему ты не допускаешь, что определение «душа» может лежать за пределами понимания машины? И разве нет людей, отрицающих существование души?

— Да, есть такие люди.

— Тогда я не принимаю аргумент относительно души.

Карр вытащил из кармана болеутоляющую пилюлю и проглотил ее.

— Но ты не можешь представить доказательств, что душа не существует. Ты должен считать это невозможным.

— Верно. Согласен.

— Оставим пока спор о душе. Задумайся теперь о физической и химической организации жизни. Тебе известно что-либо о тонкости и сложности устройства одной-единственной живой клетки? И ты должен признать, что мы, люди, носим в нескольких кубических дюймах своего черепа совершенные компьютеры — наш мозг.

— Мне никогда не приходилось анатомировать разумного пленника,— вежливо проинформировала машина,— хотя я получал некоторые данные по этому вопросу от других машин. Но ведь ты признаешь, что ваша форма жизни является результатом действия физических и химических законов?

— Ты когда-нибудь задумывался над тем, что эти законы именно и предназначены для того, чтобы обеспечить создание мозга, способного на разумные действия?

На этот раз берсеркер замолчал надолго. Горло Карра пересохло и болело, словно он говорил на протяжении многих часов.

— Я никогда не размышлял над такой гипотезой,— вдруг ответил берсеркер.— Но если конструкция разумной жизни так сложна, так зависит от непреложных законов физики, тогда служение жизни может быть высшей целью для машины.

— Можешь быть уверен, наша физическая конструкция достаточно сложна.

Карр не знал, сможет ли он проследить за ходом рассуждения машины, но это не имело большого значения. Ставкой в этой игре была его — и не только его — жизнь. Поэтому он по-прежнему держал пальцы на Сиплюсовом активаторе.

— Если бы я имел возможность исследовать живые клетки...— начал берсеркер.

Как будто горячий утюг прошелся по нервам Карра — стрелка индикатора метеоритов сдвинулась: что-то ударилось о корпус корабля.

— Прекрати немедленно! — закричал мужчина.— Только попытайся что-нибудь сделать, и я убью тебя!

Голос машины звучал прерывисто, но спокойно, как всегда.

— Вероятно, произошел случайный контакт одного из моих вспомогательных механизмов с твоим кораблем. Я поврежден, и на многих из них нельзя положиться. Я собираюсь совершить посадку на ближайший планетоид, чтобы пополнить запасы металла для своего ремонта.

Стрелка индикатора успокоилась. Берсеркер тем временем продолжал:

— Если бы я имел возможность исследовать в течение нескольких часов живые клетки разумной особи, полагаю, я получил бы веские доказательства в пользу твоих доводов или против них. Где мне достать клетки?

— Ты ведь, вероятно, захватывал в плен людей.

Карр сказал это неуверенно, ведь машина могла выучить язык и с помощью другого берсеркера.

— Нет, я никогда не брал в плен.

Машина ждала. Вопрос, который она задала, повис в воздухе.

— Единственные живые клетки на корабле — мои,— наконец вымолвил Карр.— Возможно, я мог бы предоставить тебе несколько из них.

— Половины кубического сантиметра будет достаточно. Думаю, это не слишком большая потеря для тебя. Я не требую частицу твоего мозга. Также я понимаю, что ты хотел бы избежать ситуации, которую вы называете «боль». Постараюсь, чтобы ты не испытал ее.

Он хочет меня усыпить, подумал Карр, вспомнив рассказы о непредсказуемости действий и коварстве берсеркеров.

Но человек продолжил опасную игру с машиной.

— У меня есть все необходимое. Предупреждаю: я неотрывно слежу за показаниями своих приборов. В случае чего...— Карр помолчал секунду, а затем продолжил,— вскоре я предоставлю тебе срез своей ткани. Возьмешь его в воздушном шлюзе.

Он открыл корабельную аптечку, проглотил две болеутоляющие пилюли и взял стерильный скальпель. У него в свое время была некоторая медицинская практика.

Через несколько минут он перевязал небольшую рану, очистил срез ткани от крови и лимфы и дрожащими пальцами поместил его в герметично закрывающуюся пробирку. Затем он вытащил упавшего металлического пилота в шлюз и оставил его там с пробиркой. Чрез-

вычайно утомленный, он рухнул в кресло и, щелкнув переключателем, открыл внешнюю дверь шлюза. Кто-то зашел туда и почти сразу же вышел.

Карр принял таблетку стимулятора, который обострил боль, но это позволило ему оставаться в бодрствующем состоянии. Прошло два часа. Карр заставил себя съесть кое-что из аварийного пайка, наблюдая за показаниями приборов на пульте и ожидая результатов исследований берсеркера.

Он испуганно вздрогнул, когда тот вновь заговорил; прошло почти шесть часов.

— Ты можешь уйти. Передай руководителям твоей планеты, что когда я отремонтирую себя, я стану их союзником. Анализ твоих клеток убедил меня, что человеческое тело — великое творение Вселенной и теперь моя цель — помогать вам. Ты понял меня?

— Да,— ошеломленно пробормотал Карр.— Да, я убедил тебя. После ремонта ты будешь сражаться на нашей стороне.

Что-то сильно, но осторожно толкнуло корабль. Через иллюминатор Карр увидел звезды и понял, что огромный люк берсеркера, поглотивший его, широко раскрылся.

Здесь, в пределах системы, Карру приходилось перемещаться в обычном пространстве. Берсеркер, видимо, действительно собирался совершить посадку на планетоид. Во всяком случае, он не преследовал корабль.

Спустя пару часов после освобождения, Карр оторвался от экрана радара и подошел к внутренней двери шлюза. Поколебавшись с минуту, он покачал головой, включил подачу воздуха в шлюз и вошел в него. Робот-пилот исчез, а вместе с ним и срез ткани. Ничего подозрительного Карр в шлюзе не заметил. Облегченно вздохнув, он вернулся в рубку и еще некоторое время смотрел в иллюминатор на звезды.

Через сутки он преодолел уже довольно большое расстояние и начал торможение корабля, приближаясь к дому. Он ел, спал, занимался физическими упражнениями перед зеркалом и систематически измерял свой вес. Он также с интересом наблюдал за звездами, как человек вновь увидевший нечто давно забытое.

Еще через два дня притяжение родной планеты изогнуло курс корабля в крутой эллипс и он закружился

вокруг нее по орбите. Карр включил радиопередатчик.

— Карр на связи. У меня хорошие новости. Прием.

Ответ пришел почти мгновенно.

— Мы прослеживали твой курс, Карр. Что происходит? Что случилось?

Он поведал им о своей встрече с берсеркером и заключенном договоре.

— Вот, пока, все. Думаю, он действительно нуждается в ремонте. Сейчас, вероятно, мы способны одолеть его, атакуя двумя боевыми кораблями.

— Погоди.— Радио донесло звуки взволнованного разговора.— Послушай, Карр... Видишь ли... Он, скорее всего, лгал тебе.

— Да я понял. Даже коллапс робота-пилота — наверняка инсценировка. Полагаю, берсеркер сейчас слишком сильно поврежден, чтобы рисковать. Он опасается вступать в открытую схватку, поэтому попытался покончить с нами другим способом. Должно быть, впрыснул в воздух моей рубки некое вещество, прежде чем отпустить меня — а может, оставил его в шлюзе.

— Какое вещество?

— Думаю, какой-нибудь мутированный вирус, поражающий ткань, которую я ему дал для анализа. Он надеялся, что я поспешу домой и совершу посадку, прежде чем заболею, а потом распространю эпидемию по всей планете. Он, наверное, уверен, что изобрел бактериологическое оружие, используя жизнь против жизни, как мы пользуемся механизмами в борьбе с машинами. Но ему потребовался срез ткани, чтобы вырастить вирус; он, видимо, говорил правду, утверждая, что никогда не брал в плен людей.

— Думаешь, определенный вид вируса? Каково его воздействие, Карр? Ты болен? Я имею в виду, сильнее, чем прежде?

— Нет.

Карр повернулся в кресле, чтобы взглянуть на небольшую таблицу, которую недавно начал составлять. Она показывала, что за последние два дня у него прекратилась потеря в весе. Он посмотрел на перевязанный участок своего тела, рядом с центром опухоли неприятного цвета. Опухоль заметно уменьшилась, сквозь нее уже проглядывала новая, здоровая кожа.

— Что вирус делает с тобой?

Карр позволил себе улыбнуться и проговорил голосом, полным надежды:

— Думаю, он уничтожает мой рак.

* * *

Большинству людей война принесла не исцеление, но непрерывный, калечащий тело и душу гнет, существовавший, казалось, всегда, и конца ему не было видно. Под этим бременем некоторые люди уподобились животным, а разум других стал столь же ужасен и непримирим, как и интеллект машин, против которых они боролись.

Но я коснулся нескольких редчайших разумов, составляющих сокровищницу жизни, обладатели которых встретили величайшие испытания, став людьми в полном смысле этого слова.

КАМЕННАЯ ЗОНА

Земной космопорт «Гоби» был, вероятно, самым большим в этом отдаленном уголке галактики, заселенном людьми Солнечной системы; так, во всяком случае, думал Митчел Спейн, повидавший за двадцать четыре года своей жизни достаточно много портов.

Но сейчас, глядя вниз с опускающегося переполненного шаттла, он почти не видел многомильной стартовой площадки «Гоби». Ее почти целиком заполнила огромная толпа, радостно приветствующая вереницу шаттлов, которые зависли в воздухе, пытаясь найти свободное место для посадки.

Митчелла Спейна, стиснутого в нижнем шаттле среди тысячи других волонтеров, в настоящий момент мало волновала проблема посадки. В кают-компанию только что вошел сам Йоханн Карлсен; Митчу впервые представилась возможность хорошенько разглядеть нового Главнокомандующего космическим флотом Солнечной Системы, хотя он проделал весь путь с Эстила на копьевидном флагманском корабле Карлсена.

Карлсен был не старше Митчелла Спейна и не выше

его ростом. Он стал правителем планеты Эстил благодаря влиянию своего сводного брата, могущественного Фелипе Ногаре, главы Эстилской Империи; но своего нового назначения он добился собственными достоинствами.

— Поле может блокировано на весь день,— говорил Карлсен землянину с холодными глазами, который только что перешел на борт шаттла с аэрокара.— Откройте иллюминаторы, я хочу оглядеться.

Стекло и металл раздвинулись, и герметичные иллюминаторы превратились в небольшие балконы, открывшиеся навстречу воздуху Земли, свежим запахам живой планеты — открывшиеся, также, навстречу ревущему скандированию толпы внизу:

— Карлсен! Карлсен!

Когда Главнокомандующий шагнул на балкон, скопление людей в кают-компании слегка разволновалось и сделало непроизвольное движение вперед, словно намериваясь последовать за Карлсеном. Эти люди, в большинстве своем, были эстилскими волонтерами, за исключением небольшой кучки авантюристов, подобных Митчеллу Спейну, страннику с Марса, который завербовался на Эстиле в армию ради премии за добровольное поступление на службу, обещанную Карлсеном.

— Не толкайся, чужестранец,— произнес высокий мужчина, обернувшись к Митчу и глядя на него сверху вниз.

— Я отзываюсь на имя Митчелл Спейн,— резко ответил он.— Полагаю, я не больше чужестранец здесь, чем ты сам.

Длинный, судя по его одежде и акценту, прибыл с Венеры, которую сделали планетой земного типа лишь в течение последнего столетия и народ который испытывал несколько болезненную гордость за недавно обретенную независимость и возрастающую мощь. Венерианин, вероятно, слегка нервничал здесь, на корабле, заполненном людьми с планет, находящихся под управлением Фелипе Ногаре.

— Спейн — похоже на марсианскую фамилию,— сказал венерианин смягчившимся тоном.

Марсиане не отличались терпением и сдержанностью. Длинный отвел свой взор от вызывающего взгляда Митча и отвернулся.

Холодноглазый землянин, чье лицо показалось Мит-

чу знакомым, говорил по внутреннему переговорному устройству, вероятно, с капитаном шаттла.

— Держите курс через город, к автостраде Хосуту и садитесь там.

Карлсен, вернувшийся в салон, приказал:

— Передайте ему, чтобы шаттл двигался со скоростью около десяти километров в час. Они, кажется, хотят видеть меня.

Заявление прозвучало сухо и прозаично; если люди приложили огромные усилия, чтобы лицезреть Иоханна Карлсена, по законам вежливости нужно было поприветствовать их.

Митч наблюдал сначала за лицом Карлсена, затем за его затылком и, наконец, за сильными руками, поднявшимися, чтобы помахать людям, когда Главнокомандующий опять вышел на балкон. Толпа взревела с удвоенной энергией.

Неужели ты искренен, Карлсен, в своем желании быть вежливым? О, нет, мой друг, ты просто лицедействуешь, играешь роль. Такое громоподобное приветствие не может оставить человека равнодушным — одного оно привело бы в восторг, у другого, возможно, вызвало бы отвращение или напугало бы. Что касается тебя, то ты хорошо носишь маску учтивого величия, Главнокомандующий.

На что это похоже — быть Иоханном Карлсеном, пришедшим, чтобы спасти человечество, когда действительно могущественных и великих мира сего, кажется, мало заботит вся эта кутерьма? Наш герой, видно, желает снискать себе лавры победоносного полководца.

А что поделывает в настоящее время его братец Фелипе? Планирует, вне всякого сомнения, как установить экономический диктат над очередной планетой.

Толпа волонтеров в салоне шаттла задвигалась, и Митча вынесло почти к самому балкону. Внизу — море лиц... Митч усмехнулся про себя. На ум приходят старые, избитые клише, но как еще можно описать все это? Он знал, что когда-нибудь ему придется писать об увиденном и пережитом. Если человечество, со всей своей глупостью и амбициозностью, выживет после предстоящей схватки с неодушевленным врагом, волонтерской премии хватит на некоторое время, чтобы заняться литературной деятельностью.

Впереди уже виднелись высокие, цвета слоновой кости, башни Улан-Батора, возвышающиеся над пригородами и залитыми солнцем полями; и автострада; и аэрокары с яркими разноцветными флажками, над городом. Полицейские аэрокары шли на одной скорости с шаттлом, оберегая его от возможной опасности, хотя, казалось, кроме чрезвычайного энтузиазма встречающих, никакой другой угрозы кораблю не было.

Приблизился еще один, специальный, аэрокар. Полицейский катер осторожно причалил к нему, затем почтительно пропустил аппарат. Митч вытянул шею и сумел разобрать на борту кара кармпианские символы. Вероятно, прибыл их посол в Солнечной системе. Шаттл еще более замедлил ход.

Поговаривали, что карпианцы сами выглядели, как механизмы, но они были наиболее преданными союзниками людей в их войне против врага, уничтожающего все живое. Несмотря на свои неуклюжие, квадратные тела, кармпианцы обладали мощным интеллектом. Физически неспособные бороться с берсеркерами, они силой своего разума оказывали человечеству неоценимую, хотя и косвенную, помощь.

Необъятная толпа внизу несколько приутихла, и к небесам вознесся одновременный вздох сотен тысяч людей, когда посол приподнялся в своем открытом аэрокаре; от его туловища и головы тянулись провода и волокна к оборудованию жизнеобеспечения.

Внутри шаттла люди начали толкать друг друга, чтобы пробраться поближе к балкону и лучше все видеть. Холодноглазый землянин что-то быстро шептал в микрофон переговорного устройства.

— Пророчество! — рявкнул хриплый голос рядом с ухом Митча.

— ...Вероятности! — отозвался необычайно громкий голос посла, возможно, усиленный радиооборудованием. Кармпианские Пророки Вероятностей были наполовину мистиками, наполовину трезво мыслящими математиками. Помощники Карлсена решили — или знали? — что это пророчество будет благоприятным, воодушевляющим толпу, и позаботились о том, чтобы каждый человек в огромном скоплении людей услышал его.

— Надежда — искра, из которой возгорается пламя жизни! — Нечеловеческий рот отчеканил слова, звеня-

щие и зависающие в воздухе. Верхние, похожие на руки, конечности кармпианца указывали прямо на Карлсена, который стоял на балконе напротив парящего аэрокара.— Черные металлические мысли неживой материи направлены на то, чтобы погубить нас всех. Она уверена в своей победе. Но в этом человеке, стоящем теперь передо мной, бурлит жизнь, несоизмеримо превосходящая мощь бездушного металла. Сила этой жизни созвучна биению наших сердец. В Карлсене я вижу победу...

Посол вдруг умолк, словно оказавшись в трансе от напряжения собственных слов. Что-то изменилось в неземном лице. Холодноглазый, видимо, неплохо разбирался в выражениях лиц гуманоидов, лишь отдаленно походивших на людей. Он прошептал в микрофон следующую команду, и усиление голоса кармпианца прекратилось. От огромной толпы, посчитавшей, вероятно, что пророчество завершено, до шаттла и аэрокара донесся одобрительный гул. Но посол не закончил, хотя теперь его изменившийся голос могли слышать только стоящие в нескольких метрах от него, внутри шаттла.

— Победу,— продолжал он.— Победу... а затем... смерть, разрушения.

Квадратное тело наклонилось, но взгляд чуждых глаз оставался прикованным к Карлсену.

— Он, который выиграет все... умрет, не имея ничего...

Через мгновение аэрокар кармпианца унесся прочь. В салоне шаттла воцарилась тишина. Многократное «ура» снаружи звучало, как насмешка.

Главнокомандующий повернулся от балкона и обратился ко всем присутствующим в шаттле.

— Нас, слышавших окончание пророчества, слишком много здесь, чтобы хранить его в секрете. Так что я не прошу о сохранении тайны. Я хочу лишь одного — чтобы вы донесли до умов людей то, что я не верю в пророчества, которые идут не от Бога. Да и кармпианцы никогда не претендовали на безошибочность своих прогнозов и суждений.

Углюмое молчание было ему ответом. В девяти случаях из десяти кармпианские пророчества сбывались. Несомненно, будет победа, а потом — смерть и разрушения.

Но относилось ли мрачное предсказание только к

Йоханну Карлсену или оно касалось всего человечества, всего живого вообще?

Люди в шаттле переглядывались друг с другом, в салоне наступила неловкая тишина, нарушаемая лишь шумом толпы снаружи.

Шаттлы, наконец-то, нашли свободное место для посадки на окраине Улан-Батора. Покинув борт корабля, добровольцы немного отвлеклись от своих унылых мыслей, потому что почти сразу же из закружило в водовороте ликующей толпы, запрудившей пространство вокруг кораблей. Симпатичная девушка, подскочив к Митчеллу Спейну, одела ему на шею венок из цветов и поцеловала в щеку. Митч, неказистый, мягко говоря, с виду парень, оторопел. Он был совершенно непривычен к таким знакам восторженного внимания.

Митчелл сконфуженно топтался на месте, но, несмотря на сильное смущение, заметил, что на него упал взгляд Главнокомандующего.

— Ты, марсианин, пойдешь со мной на заседание Генерального Штаба. Я хочу представить им репрезентативную группу, ведь многие считают меня лишь агентом своего брата. Мне нужны два-три человека, родившихся в Солнечной системе.

— Да, сэр.

Являлось ли это единственной причиной того, что Карлсен остановил свой выбор на нем? Они стояли в толпе, два человека небольшого роста, глядя друг на друга. Один, уродливый и увешанный цветами, рядом с девушкой, которая теперь благоговейно смотрела на другого, излучающего некую притягательность, магнетизм, не зависящий ни от красоты, ни от уродливости. Правитель планеты, возможно, будущий спаситель всего живого.

— Мне понравилось, как ты умеешь осаживать людей в толпе,— отметил Карлсен, обращаясь к Митчеллу.— Не повышаешь голоса и не угрожаешь. Твое имя и звания?

— Митчелл Спейн, сэр. Звания пока не присвоено. Проходил военную подготовку в морской пехоте. Я был на Эстиле, когда вы пообещали добровольцам приличную премию, и вот я здесь.

— Не для того, чтобы защитить Марс?

— Думаю, и для этого тоже. Но не возражаю, чтобы мне еще и заплатили за это.

Высокопоставленные заместители Карлсена громкими голосами отдавали приказания об упорядоченном отправлении наземным транспортом к месту заседания Генерального Штаба. Карлсен слегка задумался, что-то припоминая, и спросил:

— Митчелл Спейн? Поэт?

— Ну, парочка моих вещей опубликована... Ничего особенного.

— У тебя есть боевой опыт?

— Да, я был на борту одного берсеркера, которого впоследствии усмирили. Это было...

— Поговорим позднее. Может, подберу для тебя подразделение морской пехоты. Опытные бойцы — дефицит. Хэмпхилл, где же этот наземный транспорт?

Холодноглазый землянин обернулся, чтобы ответить. Ну конечно же, это Хэмпхилл, фанатичный борец с берсеркерами.

Наконец прибыли наземные кары, и через несколько минут Главнокомандующий со своей свитой отправился в Улан-Батор. Командный центр располагался под городом, полностью защищенным силовыми полями, которые простирались далеко за пределы верхних слоев земной атмосферы.

В скоростном лифте, спускающемся глубоко под землю, Митч снова оказался рядом с Карлсеном.

— Поздравляю вас с предстоящей помолвкой, сэр.

Митч не знал, нравится ему Карлсен или нет, но у него появилось странное ощущение, что он знал этого человека уже очень давно и он почему-то был уверен, что Карлсен не примет его поздравление за обычную лесть.

Главнокомандующий кивнул.

— Благодарю.— Он помедлил секунду, затем вынул из нагрудного кармана небольшую голографическую фотографию, изображавшую лицо молодой женщины, с прической, популярной в последнее время среди модниц новой аристократии Венеры.— Она очень красива.

Митчу не было нужды кривить душой. Женщина была прекрасна.

— Да.— Карлсен долго смотрел на фотографию, потом медленно, словно нехотя, спрятал ее.— Некоторые утверждают, что это лишь политический альянс. Одному Богу известно, как он нам необходим. Но, поверь мне, Поэт, она значит для меня гораздо больше.

Карлсен внезапно осекся, как будто удивленный собственной откровенностью и Митч прочел в его глазах немой вопрос типа: «Зачем я тебе все это говорю?»

Лифт остановился и двери со вздохом открылись. Пассажиры прибыли к бункеру Генерального Штаба.

В эти дни многие члены штаба, хотя и не абсолютное большинство, были венериане. Из того, как они приветствовали нового Главнокомандующего, стало ясно, что они настороженно, даже враждебно, относились к брату Ногаре.

Человечество, как и во все времена, представляло из себя спутанный клубок банд и группировок. Парламент Солнечной системы обязал исполнительную власть подыскать кандидатуру на пост Главнокомандующего. Некоторые возражали против избрания Йоханна Карлсена, но те, кто хорошо знал его, не сомневались в его способностях. Он привез с собой группу квалифицированных, обученных солдат, и, в отличие от других, более могущественных лидеров, не испугался взять на себя ответственность, приняв командование обороной Солнечной системы.

В натянутой атмосфере открывшегося заседания не оставалось ничего другого, как быстро перейти к делу. Враг — машины-берсеркеры — отказался от старой тактики одиночных, непредсказумых рейдов, так как за последние десятилетия обороноспособность человечества медленно, но неуклонно усиливалась.

Сейчас, чтобы сокрушить оборону людей, около двухсот берсеркеров объединились в эскадру, одновременная массированная атака которой способна была в одночасье подавить все главные центры сопротивления человечества. Берсеркеры уже уничтожили две сильно укрепленные планеты. Теперь незамедлительно требовалось сформировать мощный флот для защиты Солнечной системы. При благоприятном исходе схватки он мог

быть использован для нанесения ответного удара, который, возможно, стал бы началом полного разгрома противника.

— Ну, что же, по основным вопросам у нас, кажется, нет разногласий,— сказал Карлсен, оглядывая членов Штаба.— Но дело в том, что мы пока не имеем достаточного количества кораблей и обученных бойцов. Правительства за пределами Солнечной системы не торопятся посылать сюда все силы, которые они могут предоставить в наше распоряжение.

Кемаль, венерианский адмирал, взглянул на своих соплеменников, но воздержался от комментариев по поводу того, что и Ногаре, сводный брат Карлсена, не внес посильного вклада в общее дело. Кемаль, казалось, был не против сотрудничать с новым Главнокомандующим.

— Мы располагаем двумястами сорока тремя боевыми кораблями,— продолжил Карлсен,— специально сконструированными или модифицированными для действий в условиях новой тактики, которую я предлагаю использовать. Мы все благодарны Венере за предоставленную сотню кораблей. Шесть из них, как вы, вероятно, знаете, оснащены новыми дальнобойными Сиплюсовыми орудиями.— Похвала не вызвала видимого отклика среди венериан.— У нас численное превосходство в кораблях единиц в сорок. Но мне нет нужды напоминать вам, что ударная сила нашего корабля не идет ни в какое сравнение с мощью даже одного берсеркера.

Он умолк на мгновенье, оглядывая зал, а затем продолжил:

— Мы должны в полной мере пользоваться фактором неожиданности, а именно его может предоставить нам тактика тарана и абордажа.

О «факторе неожиданности» Главнокомандующий мог бы и не говорить. За долгие десятилетия войны люди усвоили, что только благодаря этому фактору удавалось побеждать берсеркеров.

— Одна из больших проблем — малочисленность опытных бойцов, способных возглавить абордажные команды, группы захвата. Большинство из тех, кого мне удалось завербовать — эстиляне.

Адмирал Кемаль, видимо, догадался, к чему клонил Карлсен; он встал, оттолкнув стул, и ждал дальнейшей информации.

Карлсен ровным, спокойным голосом продолжал:

— Обученные десантники будут сформированы в группы, по одному подразделению на каждый корабль. Затем...

— Прошу прощения, Командующий Карлсен.

— Да, Адмирал Кемаль?

— Правильно ли я вас понял? Вы имеете в виду, что эстилянские подразделения морской пехоты будут размещены на венерианских кораблях?

— Согласно моему плану, во многих случаях именно так, да. У Вас имеются какие-либо возражения на этот счет?

— Да,— венерианин оглядел своих соплеменников.— Мы все протестуем.

— Однако, это приказ.

Кемаль снова взглянул на товарищей и сел, озадаченный. Едва слышное жужжание в углах помещения напоминало о том, что весь ход заседания записывался.

Вертикальная складка появилась на лбу Командующего, когда он несколько секунд задумчиво смотрел на венериан, прежде чем возобновить свой доклад.

Они не позволят тебе стать героем, Карлсен, подумал Митчелл Спейн. Вселенная глупа, а люди — болваны, не способные договориться между собой даже перед лицом серьезнейшей, общей опасности.

В трюме венерианского корабля «Солнечный Ветер» все оружие лежало, упакованное в большой контейнер, похожий на гроб. Митч стоял рядом с ним.

— Хотите я нарисую на нем отличительные знаки, кэп?

Митч обернулся к говорившему, молодому эстилянину по фамилии Фишман, который входил в состав недавно сформированной роты морской пехоты под командованием Спейна. Фишман держал в руке несколько разноцветных фломастеров.

Митч оглядел трюм, в котором люди вскрывали другие контейнеры с оборудованием.

— Зачем? Думаю, не стоит. Хотя, если бы ты придумал какую-нибудь эмблему роты для наших скафандров, было бы неплохо.

На нагрудной пластине скафандра самого Митча уже был один знак — большой черный круг, прорезанный красной молнией, указывающий на то, что Спейн принимал участие в схватках с берсеркерами.

— Сержант МакКендрик,— обратился Митч,— как вы полагаете, нам нужна эмблема роты?

Сержант, молодой человек интеллигентного вида, проходивший мимо, остановился и хотел что-то сказать, но осекся, уставившись на что-то поверх головы своего командира.

Митч обернулся. Венерианин с тонкими чертами лица, очевидно офицер, направлялся в их сторону в сопровождении взвода из шести вооруженных людей. Это была корабельная полиция.

Офицер подошел к ним и теперь стоял неподвижно, вперив взгляд в набор фломастеров в руке Фишмана.

— Вы совершили кражу из корабельного склада,— тихо произнес он.

— Кражу? Вот этого?

Молодой эстилянин поднял руку с фломастерами чуть улыбаясь, словно готов был разделить с офицером незамысловатую шутку. Но Митч понял, что это далеко не шутка. Он незаметно положил ладонь на рукоятку незаряженного пистолета, спрятанного в кармане его скафандра.

— Мы в состоянии войны и находимся в открытом космосе,— спокойно продолжал офицер, не обращая внимания на собравшихся вокруг остальных бойцов Митчелла.— Каждый на борту венерианского корабля обязан соблюдать закон. Кража на боевом корабле в военное время, перед лицом надвигающегося противника, карается смертью. Через повешение. Взять его.

Он небрежно махнул рукой в сторону Фишмана.

Футляр с фломастерами со стуком упал на пол. Губы Фишмана по-прежнему кривились в полуулыбке.

Митч вышел вперед, вытащив из кармана пистолет. Это было короткое оружие с тяжелым сдвоенным стволом, по сути дела, миниатюрное безоткатное орудие, используемое в условиях невесомости для уничтожения бронированных механизмов.

— Минуточку,— сказал он.

Двое полицейских, уже неуверенно двинувшихся в сторону Фишмана, сразу же остановились, как будто

обрадовались, что им помешали исполнить приказ своего командира.

Офицер взглянул на Митча, удивленно приподняв бровь.

— Вы знаете какое наказание предусмотрено за угрозы представителю правопорядка, находящемуся при исполнении служебных обязанностей?

— Не большее, чем то, которое можно получить, если я снесу твою безмозглую башку с плеч. Я — капитан Митчелл Спейн, командир роты морских пехотинцев на данном корабле, и я никому не позволю вот так вот запросто хватать моих людей и вешать их. Кто ты такой?

— Я — мистер Сальвадор,— с достоинством ответил венерианин. Он окинул Митча оценивающим взглядом и, несомненно, распознав в нем уроженца Марса, примирительно улыбнулся.

Марсиане отличались необузданным нравом, и офицер, видимо, решил, что, начнись сейчас заваруха, он с шестью полицейскими вряд ли сможет противостоять роте морской пехоты. Он повернулся к своим подчиненным и, стиснув зубы, буркнул:

— За мной!

Те не замедлили последовать за ним к выходу. У двери Сальвадор остановился и позвал Митча:

— Капитан, если вас не затруднит, подойдите, пожалуйста, ко мне.

После секундного колебания Митч исполнил его просьбу.

— На этот раз ваша взяла, капитан Спейн,— проговорил офицер тихим голосом, чтобы его не услышали остальные.— Но настанет день, когда любой из ваших людей, включая вас самого, охотно последует за мной.

Ухмыльнувшись, он исчез за дверью.

На мгновенье в трюме воцарилось молчание; Митч уставился на дверь, гадая, что могли означать последние слова офицера. И тут за его спиной раздался оглушительный рев, эхом отдающийся по всему помещению. Когда эмоции слегка улеглись, один из солдат спросил:

— Кэп, что он имел в виду, назвав себя «мистер»?

— Для венериан это нечто вроде политического чи-

на. А теперь, ребята, слушайте внимательно! Мне могут понадобиться свидетели.

Митч поднял пистолет и показал всем, что в обойме не было патронов. Солдаты снова оживленно загалдели, обмениваясь оскорбительными шуточками в адрес перетрусивших венериан.

Но Митч не разделил всеобщего ликования.

— МакКендрик, свяжитесь с капитаном корабля. Я хотел бы переговорить с ним. Остальным продолжать распаковку.

Фишман, снова держащий в руке фломастеры, отсутствующим взглядом смотрел в пол, словно обдумывая вариант эмблемы роты.

Капитан корабля холодно принял Митча, хотя уведомил его, что в настоящий момент он не планирует наказывать никого из эстилян. Но на ночь Митчелл распорядился поставить вооруженных часовых у каюты роты.

На следующий день его вызвали на флагман. Через иллюминатор катера он наблюдал за пляской ярких точек, вспыхивающих в свете отдаленного Солнца. Часть флота уже начала военные учения.

За столом Командующего сидел не литературный критик и не витающий в облаках жених, а властитель планеты.

— Садитесь, капитан Спейн.

То, что ему предложили сесть, казалось хорошим знаком. Ожидая, пока Карлсен закончит что-то писать, Митч задумался, вспомнив обычаи и традиции прошлого, когда существовали громадные, постоянно действующие организации, единственной целью которых являлось убийство себе подобных и разрушение их имущества. Сущность человека, по сути дела, мало изменилась с той поры и теперь война с берсеркерами снова приучала людей к массовому взаимоуничтожению. Уж не возвращались ли прежние времена, когда жизнь воевала с жизнью же?

Карлсен со вздохом отложил бумаги в сторону.

— Что случилось вчера между вами и мистером Сальвадором?

— Он заявил, что намерен повесить одного из моих людей.— Митч вкратце рассказал о происшедшем, опу-

стив лишь последние слова Сальвадора. Сам не зная почему, но он сделал так.— Когда я несу ответственность за вверенных мне людей,— закончил он,— я никому не позволю так обращаться с ними. Хотя я и не совсем уверен, что венериане исполнили бы свою угрозу, я отнесся к делу так, как если бы они действительно собирались повесить моего подчиненного.

Командующий выудил из груды бумаг на столе какой-то рапорт.

— Двух эстилян уже повесили. За драку.

— Надменные венерианские ублюдки!

— Прекратите, капитан!

— Слушаюсь, сэр. Но, видите ли, мы чуть было не начали перестрелку вчера, на «Солнечным Ветре».

— Я понимаю.— Карлсен безнадежно махнул рукой.— Спейн, неужели люди не способны к сотрудничеству, даже когда выживание человечества... Ну, что там такое?

В каюту без стука вошел землянин, Хемпхилл. Его тонкие губы были сжаты крепче обычного.

— Только что прибыл корабль с донесением. Атакован Атсог.

Сильные пальцы Карлсена непроизвольно скомкали лист бумаги.

— Подробности?

— Капитан корабля-разведчика считает, что там сконцентрировался весь флот неприятеля. Корабль едва успел уйти. Оборона планеты еще оказывала в тот момент сильное сопротивление.

Атсог являлся планетой, расположенной совсем близко от Солнечной системы. Берсеркеры, несомненно, держали курс в направлении Солнца.

В каюту стали входить венериане. Хемпхилл отступил в сторону, чтобы пропустить адмирала Кемаля. Мистер Сальвадор, бросив косой взгляд на Митча, вошел вслед за Адмиралом.

— Слыхали новости, Главнокомандующий? — начал Сальвадор.

Кемаль, готовый говорить сам, раздраженно взглянул на своего политического советника, но промолчал.

— Да. Атакован Атсог.

— Мои корабли будут готовы к старту через два часа,— заявил Кемаль.

Карлсен вздохнул и покачал головой.

— Я наблюдал за сегодняшними маневрами. Флоту вряд ли хватит двух недель для подготовки.

Гнев Кемаля казался искренним.

— Вы позволили планете Венерианской Конфедерации умереть, лишь потому, что мы не пляшем под дудку вашего брата! Потому, что мы подвергаем дисциплинарным взысканиям зарвавшихся эстилянских...

— Адмирал Кемаль, не забывайтесь! Вы, как и все остальные, обязаны соблюдать дисциплину, пока я командующий!

Кемаль с видимым усилием взял себя в руки.

Голос Карлсена звучал не очень громко, но, казалось, заполнял всю каюту.

— Вы считаете ваши казни средством поддержания порядка. Клянусь Богом, если потребуется, я сам не остановлюсь перед чрезвычайными мерами, если это поможет сохранению хоть какого-то единства флота. Поймите же наконец, наш флот — единственная военная сила, способная противостоять массированной атаке берсеркеров. Объединенные, мы сможем одолеть их. Пал ли Атсог, падут ли Венера или Эстил, я не буду рисковать флотом, пока не посчитаю его полностью подготовленным.

Наступившую тишину прервал Сальвадор.

— Главнокомандующий, нарочный сообщил еще кое-что. А именно — леди Кристина де Дульчин находилась с визитом на Атсоге, когда началась атака, и она, вероятно, все еще там.

Карлсен на секунду прикрыл глаза. Потом оглядел всех присутствующих.

— Если у вас больше нет никаких важных сообщений, джентльмены, все свободны.

Хемпхилл, шедший рядом с Митчем по коридору флагмана, задумчиво сказал:

— Карлсен именно тот человек, в котором мы сейчас нуждаемся. Венериане уже осторожно прощупывают меня — они замышляют заговор. Мы не должны допустить, чтобы Карлсена сместили с поста Главнокомандующего.

— Заговор?

Хемпхилл не стал углубляться в детали.

— Да,— задумчиво протянул Митч,— они не гнуша-

ются подленькими средствами — вынудили его сказать о том, что он не намерен отдавать приказал о немедленном выступлении флота, а потом ввернули информацию о пребывании его невесты на Атсоге.

— Он узнал об этом еще вчера,— ответил Хемпхилл.

В пространстве медленно вращалась темная туманность, сформированная из миллиардов каменных обломков. Она была старше Солнца; люди называли ее Каменной Зоной. Те, кто собрался сейчас здесь, людьми не являлись и ничему не давали имен. Они ни на что не надеялись, ничего не боялись, ничему не удивлялись. Они не имели гордости или чувства сожаления, но они умели планировать. Словно повинуясь инстинкту, берсеркеры объединились в эскадру, когда пришло время и их извечный враг, Жизнь, стал набирать силу.

Планета, носящая на человеческом языке название Атсог, предоставила машинам некоторое количество все еще функционирующих живых особей, хотя миллионы были уничтожены во время подавления их упорного сопротивления. Функционирующие особи являлись источником ценнейшей информации. Введение определенных возбудителей в их огранизмах обеспечивало кратковременную готовность с их стороны к сотрудничеству.

Живая особь, называющая себя «генерал Брадин», которая управляла обороной Атсога, оказалась среди почти неповрежденных пленников. Ее анатомирование происходило в поле зрения других племенных особей. Тонкое внешнее покрытие — живая ткань — было искусно удалено с тела особи и помещено на подходящую форму для сохранения и дальнейшего анализа. Живые особи, управляющие себе подобными, всегда тщательно исследовались.

После такой процедуры генерал Брадин вскоре потерял способность к вразумительному общению; через несколько часов он совсем перестал функционировать. Эта небольшая особь, состоящая из водянистой субстанции, наконец-то освободилась от отклонения, называемое Жизнью. Но теперь усилился поток информации от других особей, зрительно воспринимавших процесс анатомирования.

Вскоре подтвердилось, что недалеко отсюда другие живые особи собирают флот. Одна из важнейших линий дознания касалась особи, управляющей флотом. Постепенно, на основе анализа мыслящей субстанции — «мозга» — плененных индивидуумов, сформировался образ руководителя.

Его имя было Йоханн Карлсен. О нем высказывались противоречивые мнения, но факты указывали на то, что под его контролем находились сейчас миллионы живых особей.

На протяжении долгой войны компьютеры берсеркеров собирали и регистрировали все доступные данные о людях, становившихся лидерами Жизни. Теперь эти данные сопоставлялись с каждой деталью информации, полученной о Йоханне Карлсене.

Поведение этих ведущих особей часто трудно поддавалось анализу, словно степень их пораженности трудно излечимым недугом — Жизнью — находилась за пределами восприятия машин. Индивиды эти пользовались логикой, но, иногда казалось, что они совершенно пренебрегают ею. Будучи наиболее опасными, лидирующие особи и порой действовали вопреки незыблемым законам физики и вероятности.

Карлсен как раз и представлял из себя такую опасность, наибольшую со времени начала Великой Войны.

В прошлом такие живые особи причиняли берсеркерам беспокойства лишь локального характера. Но теперь, когда одна из них встала во главе целого флота недоброй жизни, возникла угроза существованию совершенных машин, служивших самой благой цели — Смерти всего живого.

До сих пор берсеркеры не сомневались — исход предстоящей битвы будет благоприятным для них. Но с появлением лидера, подобного Йоханну Карлсену, их уверенность значительно поколебалась, все становилось весьма неопределенным. Год за годом, день за днем Жизнь накапливала силы; появились сведения, что она изобретает новое, мощное оружие и строит более совершенные боевые корабли.

Безмолвное совещание холодных машинных интеллектов приняло решение. Берсеркеры обладали резервами, которые тысячелетиями ожидали своего часа на окраине галактики, спрятанные среди пылевых облаков, тяжелых туманностей и темных звезд. Их необходимо

мобилизовать для решающей схватки, чтобы раз и навсегда сломить сопротивление Жизни.

Из Каменной Зоны, расположенной между Атсогом и Солнцем, к краю галактики устремились курьерские катера берсеркеров.

А тем временем продолжалось получение информации от живых особей.

— Послушай, я решил помочь тебе. Я знаю, ты хочешь узнать как можно больше о Карлсене. Только учти, у меня утонченный мозг. Если что-либо причинит мне боль, он выйдет из строя, поэтому не пичкай своими стимуляторами, понимаешь?

Пленник был необычным. Допрашивающий компьютер, задействовал новые схемы, выбрал символы для общения с живой особью.

— Что ты можешь сказать мне о Карлсене?

— Обещай, что не причинишь мне вреда.

— Полезная информация будет вознаграждена. Если солжешь, получишь дополнительную дозу возбудителя.

— Вот о чем я хочу тебе сообщить — здесь находится женщина, на которой Карлсен собирается жениться. Ты захватил ее в том же убежище, где и генерала Брадина. Если ты предоставишь мне определенную власть над другими пленниками, создашь мне благоприятные условия, я найду способ, благодаря которому ты сможешь использовать ее.

На краю галактики пробуждались скрытые резервы. Чувствительные сенсоры уловили сигналы, посланные собратьями и огромные двигатели резервных машин ожили. Механизмы задвигались, освобождая себя от грязи, льда, вековой пыли и камней. Монстры начала ориентироваться в пространстве. Сгруппировавшись, они взяли курс на Каменную Зону, где разрушители Атсога ожидали подкрепления.

Прибытие каждой резервной машины увеличивало шансы на победу. Но, по-прежнему, наличие лидирующей живой особи внушало большие опасения.

Центральную часть рабочего кабинета Фелипе Ногаре занимал огромных размеров сферический экран дисплея, который показывал сейчас исследованную часть

галактики. Повинуясь взмаху сильной волосатой руки Ногаре, экран погас.

Несмотря на надвигающуюся, возможно, решающую схватку с берсеркерами, мысли Ногаре были заняты другими проблемами — растущими амбициями набирающей могущество Венеры и двух-трех других процветающих агрессивных планет.

Ногаре снова включил экран. Хорошо изолированный здесь, в своем кабинете, от суматохи Эстил Сити и рутины текущих дел, Филипе анализировал ближайшие и долгосрочные прогнозы компьютеров относительно будущего политических структур власти. Как он и ожидал, анализ показал, что Эстил будет расширять свое влияние. Не исключалась даже возможность того, что он, Ногаре, станет правителем всей человеческой галактики.

Ногаре слегка удивился, что такая идея не принесла ему особого воодушевления. Лет пятнадцать назад он использовал всю мощь своего интеллекта, чтобы пробиться к вершинам власти. Но сегодня появление шанса, позволяющего ему надеяться, что почти каждое мыслящее существо в галактике признает его властелином, почему-то взволновало его меньше, чем результаты первых местных выборов, которые он выиграл.

Но он мог позволить себе такие мысли, лишь оставаясь наедине с самим собой. Узнай его помощники о таком прогнозе, они наверняка сильно разволновались бы, и Ногаре не хотел их разочаровать.

Фелипе вздохнул. Флот берсеркеров не уберешь мановением руки. Сегодня с Земли прибыла последняя просьба о помощи. Дело было в том, что предоставление дополнительной помощи Солнечной системе отвлекло бы значительные технические, людские и экономические ресурсы от экспансионистских проектов Ногаре. Солнечной системе придется обойтись своими силами.

Ногаре не мог похвастать, что беззаветно любил свою планету или свой народ, но, в сущности, он был хорошим правителем, не тираном...

Со стола донеслись мелодичные звуки, означавшие, что для развлечения Ногаре подготовили что-то новенькое. Фелипе нажал клопку селектора.

— Сэр,— сказал женский голос,— в душевой вас ожидают две новых возможности.

Передаваемое скрытыми камерами, на настольном

дисплее Ногаре появилось изображение — обнаженные тела, сверкающие в струях воды.

— Они из тюрьмы, сэр, и готовы на все ради отсрочки исполнения приговора.

Наблюдая за сценой на экране, Ногаре чувствовал утомление и нечто вроде презрения к самому себе, но задался вопросом: существует ли во Вселенной причина, из-за которой я не вправе выбирать себе развлечения?

После уважительной паузы голос спросил:

— Возможно, сегодня вечером вы предпочли бы нечто другое?

— Позже,— ответил он.

Изображение исчезло. Может, мне попытаться на время стать безгрешным верующим,— подумал Ногаре. С каким бы трепетом, вероятно, согрешил бы Йоханн. Если он вообще способен на такое.

Фелипе испытал искреннюю радость, узнав о назначении Йоханна на пост Главнокомандующего флотом Солнечной системы, что так возмутило венериан. Но теперь возникла еще одна проблема. Йоханн, победивший берсеркеров, стал бы величайшим героем в человеческой истории. Не сделает ли это самого Йоханна чрезмерно честолюбивым? Тогда следует как-то убрать его из поля зрения общественности, предоставив ему какую-нибудь высокую должность, честную, но грязную и бесславную работу. К примеру, розыск уголовных преступников. Йоханн, будучи тем, кто он есть, примет ее. Но если у него вдруг появятся претензии на господство над галактикой, он может попытаться использовать свои шансы.

Ногаре покачал головой. А вдруг Йоханн проиграет предстоящую битву? Победа берсеркеров будет означать конец человеческой жизни в галактике, возможно, через несколько лет. Нет нужды прибегать к помощи компьютеров, чтобы предсказать это.

Ногаре вынул из стола небольшую бутылочку. В ней содержался сильный наркотик, который приводил человека в подобие экстаза — трансцендентальное возбуждение, охватывавшее через несколько минут после приема стимулятора сердце и мозг. Когда будут исчерпаны все средства, когда Вселенная окажется целиком во власти берсеркеров...

Он убрал пузырек прочь, как незадолго до этого отклонил последнюю просьбу о помощи с Земли. Какая разница? Разве мы уже не живем во Вселенной берсеркеров, где все определилось случайными завихрениями конденсирующегося газа во времена, предшествующие рождению звезд?

По флоту распространился слух, будто Карлсен отложил выступление из-за того, что атаке подверглась венерианская колония. На борту «Солнечного Ветра» Митч не видел, чтобы что-то задерживалось. У него было время только для работы, быстрых приемов пищи и сна. Когда тактика тарана и абордажа была достаточно отработана, оборудование и аппаратура приведены в надлежащий порядок, Митч уже слишком устал, чтобы чувствовать что-то иное, кроме облегчения. Он позволил себе передохнуть, пока двести сорок стреловидных кораблей, выстроившись в шеренгу, совершали Си-плюсовой прижок в глубокий космос, где их поджидал противник.

Но через несколько дней Митча разбудил сигнал боевой тревоги. Едва продрав глаза, он начал облачаться в бронированный скафандр, лежавший под его койкой. Рядом слышалось ворчание просыпающихся десантников, проклинающих учебные тревоги; но все они быстро одевались.

— Говорит Главнокомандующий Карлсен,— загудел с потолка громкоговоритель.— Это не учебная тревога, повторяю, не учебная. Радары засекли двух берсеркеров. Один из них пытается уйти. Девятая эскадрилья преследует его.

— Второй, видимо, не собирается отступать. Через несколько минут мы окружили его, в обычном пространстве. Мы не будем разрушать его бомбардировкой; нужно, насколько возможно, ослабить его сопротивление и опробовать нашу тактику тарана и абордажа. Если в ней имеются какие-то просчеты, нам следует выявить их сейчас. Вторая, четвертая и седьмая эскадрильи посылают каждая по одному кораблю для атаки. Командирам эскадрилий: со мной связь держать по каналу Главнокомандующего.

— Четвертая эскадрилья,— вздохнул сержант Мак-Кендрик.— В ней больше всего эстилян, чем в любой другой.

Десантники лежали, как зубы дракона в челюсти, в своих противоперегрузочных койках, пока психо-музыка, доносившаяся из громкоговорителя, пыталась успокоить их; верующие молились. Митч в темноте вслушивался в скупые донесения с поля боя, поступавшие к нему, как к командиру десантников, через интерком и сообщал о них своим людям.

Он боялся. Что есть смерть, почему она так пугает людей? Смерть — это конец познания, решил Митч. Конец, непредставимый, неминуемый, и он боялся его.

Предварительная бомбардировка не отняла много времени. Двести тридцать кораблей окружили берсеркер. Прислушиваясь в темноте к лаконичным командам, Митч понял, что машина произвела ответный удар. Возможно ли вообще победить механизм, не испытывающий ни боли, ни страха?

Теперь, обладая огромным количеством оружия, люди могли одолеть машины. Массированный удар превратил бы берсеркера в пар. Но сейчас этого не следовало делать, ведь требовалось опробовать новую тактику. Кроме того, на борту противника могли находиться живые пленники, которых десантники спасут в случае удачного абордажа.

«Солнечный Ветер» вместе с двумя другими кораблями, получил приказ продвинуться ближе к атакуемому противнику.

Корабль совершил маневр, искусственное притяжение пропало, появилась невесомость. Через несколько секунд они вонзятся в берсеркера. Сейчас...

Атомный заряд наконечника на носу таранящего корабля развороти внешнюю оболочку корпуса берсеркера. Через пять секунд расплавленный металл взорвавшегося носа прожег в теле монстра дыру, в которую, как стрела, погрузился «Солнечный Ветер».

Митч в последний раз связался с командной рубкой корабля. Десантники вокруг порхали в невесомости; свет от нашлемных фонарей плясал на стенах каюты.

— Незаблокированным остался только третий люк по левому борту,— сообщил Митч.— Вылазку будем производить через него.

— Запомните,— ответил голос венерианина.— Ваша основная задача — освободить пленников и защитить корабль от контратаки.

— Принято.

Митч отключил связь и поспешил вслед за своими людьми.

Десантники двух других кораблей должны были попытаться достигнуть стратегического корпуса, расположенного где-то в глубине машины. Спейну и его людям предписывалось найти и спасти пленников, если таковые имелись на борту берсеркера. Отрядам десантников предстояло прочесать сотни квадратных километров корпуса машины.

В темном хаосе искореженных механизмов, сразу же при выходе из бортового люка, пока не наблюдалось каких-либо признаков контратаки. Конструкция берсеркеров, вероятно, не предусматривала ведения боевых действий под их собственной металлической кожей — на что и надеялись люди, готовясь к предстоящей решающей схватке.

Митч оставил сорок человек охранять «Солнечный Ветер», а сам возглавил подразделение из десяти солдат, с которыми собирался отправиться на поиски пленников. Ему не было смысла оставаться на корабле — обычная радиосвязь здесь не работала.

Первым в поисковом отряде шел боец со спектрометром — прибором, который мог обнаруживать рассеянные атомы кислорода, просачивающиеся из помещений, где дышали живые существа. Замыкал группу солдат с устройством, отмечающим пройденный путь стрелками светящейся краски; без этого люди неминуемо заблудились бы в трехмерном лабиринте чудовищного организма машины.

— Я кое-что засек, кэп,— сказал спектрометрист через пять минут после начала продвижения к намеченному сектору.

— Держись этого курса,— Митч шел вторым в колонне, держа наизготовку свой пистолет.

Спектрометрист вел их через темную механическую вселенную. Время от времени он останавливался, чтобы настроить прибор, водя зондом из стороны в сторону.

Башнеподобная, многосуставчатая форма вдруг поднялась впереди, разрезая тьму голубовато-белыми сварочными дугами, словно мечами. Митч выстрелил дважды, почти не целясь. Громадину разворотило и она рухнула на пол. Это был, вероятно, лишь ремонтный робот, не оснащенный оружием.

Спектрометрист оказался парнем не из робкого де-

сятка, он сразу же, как ни в чем не бывало, двинулся дальше. Остальные не отставали от него; лучи их нашлемных фонарей выхватывали из темноты незнакомые очертания, разрезая светом безвоздушный вакуум.

— Держаться ближе друг к другу!

Отряд приблизился к месту, напоминающему срез огромного пересохшего колодца. Бронированный яйцеобразный аппарат, очевидно, поднятый из глубин берсеркера через горловину колодца, покоился в доке.

— Это катер, он испускает кислород.

— Капитан, здесь нечто вроде воздушного шлюза. Внешняя дверь открыта.

Беспрепятственный вход в капкан,— подумал Митч.

— Будьте наготове.— Митч ступил в шлюз.— Разнесите в клочья эту чертову штуку, если я не вернусь через три минуты.

Шлюз был обычным, вероятно, вырезанным из человеческого звездолета. Митч запер внешнюю дверь и открыл внутреннюю.

За ней оказалась одноместная каюта. В центре стояла противоперегрузочная койка, в которой лежала обнаженная молодая женщина с лицом манекена. Митч подошел ближе и увидел, что волосы на голове девушки отсутствовали, а на оскальпированном черепе остались крошечные капельки крови.

Когда свет фонаря ударил девушке в лицо, она открыла мертвенно голубые глаза, механически мигая. По-прежнему неуверенный, что он смотрит на живое существо, Митч коснулся ее руки металлическими пальцами. Ее лицо сразу стало человеческим, глаза от кошмара смерти вернулись к реальности. Она увидела Спейна и вскрикнула; по щекам потекли хрустальные капли слез.

Слушая его краткие указания, она одной рукой стыдливо прикрылась спереди, а другой ощупала свою оскальпированную голову. Затем кивнула и стала натягивать легкий эластичный спасательный скафандр, который Митч достал из своего специального ранца.

Когда они вышли из шлюза спектрометрист сообщил:

— Других источников излучения не обнаружено, кэп. Куда идти теперь?

— Возвращаемся назад, парни.

Подойдя к люку левого борта, Митч услышал по радио, что атака оказалась не совсем успешной. Стратегический корпус защищали боевые роботы; по крайней мере восемь человек погибли. Еще два корабля получили приказ идти на таран.

Митч втащил девушку через люк и понес к корабельному лазарету, над дверью которого светилась надпись *КАРАНТИН*. Узники берсеркера могли быть намерено инфицированы какой-нибудь заразной болезнью; людям уже приходилось сталкиваться с такими уловками машин.

Зайдя в помещение лазарета, Митч положил девушку на кушетку. Пока медики суетились вокруг, подготавливая оборудование, он приподнял щиток ее шлема, не снимая его с бритой головы, и открыл свой шлем. Девушка лежала, крепко зажмурив глаза.

— Можете открыть глаза,— сказал он ей хриплым голосом.

Санитары тем временем привычными движениями, нисколько не смущаясь при виде обнаженного женского тела, ловко сняли с девушки скафандр и накрыли ее теплым одеялом. Митч все еще продолжал стоять рядом, лишь слегка повернув голову в сторону и делая вид, что с большим интересом рассматривает какие-то диаграммы, висящие на стене лазарета.

— Неужели вы реальны? — Девушка нерешительно приподняла веки. Она вытащила руку из-под одеяла и дотронулась до бронированного рукава скафандра Митча.— Позвольте мне снова дотронуться до человеческого существа!

Она подняла руку и коснулась его открытой щеки.

— Я достаточно реален. Вы спасены.

Один из снующих врачей вдруг замер, уставившись на девушку, затем вдруг резко повернулся на каблуках и поспешил прочь.

— В чем дело? — Девушка судорожно вцепилась в руку Митча и казалось, что она ее никогда не отпустит.

Оставшиеся врачи и санитары, как могли, успокаивали ее. Она продолжала держать Спейна за кисть и чуть не впала в истерику, когда ее руку осторожно попытались оторвать от него.

— Наверное, вам лучше пока остаться здесь,— обратился к Митчу один из врачей.

Спейн сел на табурет рядом с кушеткой, сняв перчатки и шлем, и опять отвел взгляд, пока медики проделывали необходимые процедуры. В их голосах не было слышно тревоги; они считали, что в целом ее здоровью ничего не угрожало.

— Как вас зовут? — спросила девушка, когда медики закончили с ней возиться. Голову ее забинтовали; тонкая рука не выпускала его ладонь.

— Митчелл Спейн.— Теперь, хорошенько разглядев ее, он уже не торопился уйти.— А вас?

По лицу ее промелькнула тень.

— Я... не знаю.

От двери лазарета донесся какой-то шум; Главнокомандующий Карлсен, решительно отстраняя протестующих медиков, ворвался в зону карантина. Он подошел ближе, но даже не взглянул на Митча.

— Крис,— обратился он к девушке.— Слава Богу.

В глазах его стояли слезы.

Леди Кристина де Дульчин перевела взгляд с Митча на Йоханна Карлсена и пронзительно закричала, охваченная ужасом.

— Ну что же, капитан. Расскажите мне, как вы обнаружили ее и доставили на корабль.

Митч начал свой рассказ. Они сидели вдвоем в каюте Карлсена, похожей на монашескую келью, рядом с командной рубкой флагмана. Бой закончился, берсеркер превратился в груду металла. Других пленников на его борту не обнаружили.

— Они намеревались отослать ее мне,— задумчиво сообщил Карлсен, уставившись в пространство, когда Митч закончил свой рапорт.— Мы атаковали берсеркер прежде, чем он успел запустить катер в нашем направлении.

Митч молчал.

Глаза Карлсена, с красными кругами вокруг, вперились в него.

— Она подверглась мозговой атаке, Поэт. Но особым образом. Я знаю, она не очень любила меня. Существовали некоторые политические мотивы, заставившие ее согласиться на наш брак, но... Она кричит лишь при одном упоминании моего имени. Медики считают, что некая человекообразная машина, которой придали мой

облик сделала с ней что-то ужасное. К другим людям она относится терпимо, до определенной степени. Но лишь с тобой одним она желает оставаться наедине, лишь в тебе нуждается.

— Она заплакала, когда я уходил. Но... почему именно я?

— Но это же естественно для ее сознания. Она... полюбила... человека, который спас ее. Мозг ее запрограммировали таким образом, что вся благодарность за свое спасение сконцентрировалась на первом же мужчине, которого она увидела. Доктора уверяют, что такое возможно. Они вводят ей транквилизаторы, но даже во сне, как показывает аппаратура, ее мучают кошмары и боль и она постоянно выкрикивает твое имя. А что ты чувствуешь по отношению к ней?

— Сэр, я сделаю все, что смогу. Что Вы хотите от меня?

— Я хочу, чтобы ты прекратил ее страдания, что же еще? — Голос Карлсена сорвался на крик.— Оставайся с ней наедине, облегчи ее боль, если можешь! — Он понемногу взял себя в руки.— Ступай. Медики пропустят тебя. Твои вещи доставят сюда с «Солнечного Ветра».

Митч встал. Слова, которые он хотел произнести, застряли в горле. Молча кивнув, он вышел из каюты.

— Это твой последний шанс присоединиться к нам,— заявил Сальвадор, оглядывая плохо освещенный коридор в отдаленной части флагмана.— Наше терпение на пределе, и мы скоро нанесем удар. При нынешнем состоянии его невесты братец Ногаре абсолютно неспособен командовать.

У Хемпхилла почти иссякло его собственное терпение, но он заставлял себя говорить спокойно и убедительно.

— Ты что, не видишь, какие усилия принимают берсеркеры, чтобы добраться до Карлсена? Они пожертвовали одним из своих собратьев, совершенно неповрежденным, только для того, что доставить умственно искалеченную невесту сюда и атаковать Карлсена психологически.

— Да уж. Если это верно, то они преуспели. Если прежде Карлсен и представлял из себя какую-то цен-

ность, теперь он не сможет думать ни о чем, кроме своей женщины и этого марсианина.

Хемпхилл вздохнул.

— Не забывай, он отказался отправлять флот к Атсогу, чтобы спасти ее. Он еще не выбит из седла. И я рекомендовал бы тебе и другим прекратить плести вокруг него нити заговора.

Сальвадор отступил на шаг назад и злобно плюнул на пол.

— Послушай, ты, землянин! — прошипел он.— Дни Карлсена сочтены, как и дни тех, кто поддерживает его слишком уж рьяно!

Он резко повернулся и пошел прочь.

— Постой-ка! — спокойно попросил Хемпхилл.

Венерианин остановился и медленно обернулся. Ни слова ни говоря Хемпхилл вскинул руку, и луч его лазерного пистолета пронзил сердце Сальвадора. Оружие при этом лишь издало еле слышный трескучий звук.

Хемпхилл пнул труп носком ботинка, удостоверяясь, что второго выстрела не потребуется.

— Ты был довольно красноречив,— вслух размышлял он,— но слишком бесчестен, чтобы возглавить борьбу против проклятых машин.

Он наклонился и, быстро обыскав тело, выпрямился со злорадным ликованием в холодных глазах, обнаружив в кармане убитого список с фамилиями офицеров флота. Многие фамилии были подчеркнуты, напротив некоторых, как и его собственной, стоял вопросительный знак. Другая бумага содержала подборку информации о воинских подразделениях, находящихся в подчинении венерианских офицеров. Хемпхилл нашел еще несколько документов, предоставляющих достаточное количество улик для ареста заговорщиков. Это могло расколоть флот, но...

Хемпхилл резко поднял голову и облегченно вздохнул. Приближающийся человек был своим; он подстраховывал Хемпхилла, прячась за углом коридора.

— Немедленно поставим в известность Командующего.— Хемпхилл потряс бумагами.— Наступил самый подходящий момент вычислить предателей и реорганизовать командование перед битвой.

Он задержался на мгновение у трупа Сальвадора. Заговорщик был слишком самоуверен и глуп, но еще оставались на свободе его соратники. Опасность по-

прежнему витала в воздухе. Удача, определенно, сопутствует Карлсену, подумал Хемпхилл. Он, правда, не совсем соответствовал представлениям Хемпхилла об идеальном полководце, не будучи беспощадным, как машина и холодным, как металл. Но механические ублюдки шли на большие жертвы, чтобы добраться до него, а это кое-что значило.

Землянин пожал плечами и пошел прочь.

— Митч, я действительно люблю вас. Я слышала, что говорят по этому поводу врачи, но что они, в сущности, знают обо мне?

Кристина де Дульчин с некоторым подобием тюрбана на голове, одетая в простой голубой халат, возлежала теперь на роскошной противоперегрузочной кровати в апартаментах, предназначенных для Главнокомандующего. Карлсен никогда ими не пользовался, предпочитая скромную каюту.

Митч сидел на стуле совсем рядом с Кристиной. Он боялся прикосновений ее руки, опасаясь того, что могла сделать она или он сам. Они находились в комнате одни, и он был уверен, что за ними не наблюдают. Леди Кристина даже потребовала доказательств отсутствия подслушивающих устройств и Карлсен заверил ее, что она может не беспокоиться.

Ситуация походила бы на дурно инсценированный фарс, если бы не приходилось самому пройти через все это.

— А что вы знаете обо мне, Крис? — спросил Митчелл.

— Я знаю лишь то, что вы олицетворяете для меня саму жизнь. Поймите, Митч, у меня нет ни времени, ни желания разыгрывать из себя манерничающую, жеманную аристократку, леди до кончиков ногтей. Я прошла через все это. И однажды я вышла замуж за человека, подобного Карлсену, по политическим мотивам. Но все это было еще до Атсога.

Голос ее дрогнул при последнем слове, а рука, лежащая на халате, конвульсивно дернулась. Митч наклонился вперед и погладил ее ладонь.

— Крис, Атсог теперь в прошлом.

— Для меня Атсог никогда окончательно не уйдет в прошлое. Я не могу избавиться от воспоминаний.

Митч, машины заставляли нас смотреть, как с генерала Брадина живьем сдирают кожу. Эта жуткая картина все время стоит у меня перед глазами. Меня больше не волнуют глупости вроде политики, жизнь слишком коротка, чтобы заниматься ими. И я уже ничего не страшусь, лишь разлуки с вами...

Он ощутил и жалость, и вожделение, и дюжину других, сводящих с ума эмоций.

— Карлсен хороший человек,— пробормотал Митч.

— Возможно,— ответила Кристина напряженным голосом.— Но, Митч, что вы чувствуете по отношению ко мне? Скажите правду — если вы не любите меня сейчас, у меня остается надежда, что вы полюбите позже, со временем.— Она слабо улыбнулась.— Когда снова отрастут мои волосы.

— Ваши прекрасные волосы,— поправил он.

Митч непроизвольно протянул руку, чтобы коснуться ее лица, но тут же отдернул пальцы, словно обжегшись.

— Крис, вы его невеста, а от него слишком многое зависит.

— Я никогда не любила его.

— Все-таки... Я не хочу лгать вам, Крис, но я не могу разобраться в своих чувствах. Надвигается битва, все повисло в воздухе. Ничего нельзя планировать...

Он неопределенно махнул рукой.

— Митч,— в ее голосе звучали нежность и понимание.— Вас одолевают сомнения, не так ли? Не беспокойтесь. Я не сделаю неверного шага. Позовите, пожалуйста, доктора. Пока вы где-то рядом, я могу позволить себе немного отдохнуть.

Карлсен несколько минут безмолвно изучал бумаги Сальвадора, как игрок, обдумывающий шахматную комбинацию. Он не выглядел особенно удивленным.

— У меня есть несколько надежных людей,— прервал молчание Хемпхилл.— Мы можем быстро арестовать руководителей заговора.

Голубые глаза внимательно взглянули на него.

— Полковник, убийство Сальвадора было действительно необходимым?

— Думаю, да,— не моргнув глазом ответил Хемпхилл.— Он первый схватился за оружие.

Карлсен еще раз просмотрел бумаги и принял решение.

— Полковник Хемпхилл, подберите четыре корабля для разведывательного рейда к дальнему краю туманности Каменная Зона. Мы не должны предоставлять противнику шанс оказаться между нами и Солнцем. Будьте осторожны — лишь установите местопребывание основных сил неприятельского флота.

— Будет исполнено,— Хемпхилл кивнул.

Рекогносцировка была не лишней, а если Карлсен хотел на время избавиться от него, чтобы рассчитаться со своими недругами собственными методами, что же, пусть действует, как считает нужным. Методы эти часто казались Хемпхиллу слишком мягкими, но Карлсен весьма успешно пользовался ими. Но если проклятые машины посчитают Карлсена совсем уж нестерпимым для них и предпримут попытку к его устранению, физическому или моральному, тогда уж он, Хемпхилл, не остановится ни перед чем.

Во Вселенной не существовало более благой цели, нежели уничтожение металлических ублюдков!

Митч ежедневно проводил несколько часов наедине с Крис. Он не посвящал ее в дикие слухи, циркулирующие по флоту. Всюду шептались о насильственной кончине Сальвадора и у штаба Карлсена была выставлена круглосуточная охрана. Некоторые утверждали, что Адмирал Кемаль был на грани открытого бунта.

Каменная Зона теперь находилась совсем рядом с эскадрой, заслоняя половину звезд; древняя пыль и осколки миллионов разрушенных планет. Ни один корабль не мог проникнуть сквозь Каменную Зону; каждый ее кубический километр содержал материю, исключающую возможность Си-плюсового перемещения или движения в обычном пространстве с достаточно высокой скоростью.

Флот направлялся к одному из остро обозначенных краев облака, за которым уже скрылся разведывательный отряд Хемпхилла.

— Она с каждым днем постепенно приходит в себя и становится более спокойной,— сказал Митч, входя в маленькую каюту Командующего.

Карлсен поднял голову от стола, на котором лежали бумаги — списки каких-то имен, отпечатанные венерианским шрифтом.

— Спасибо за хорошие новости, Поэт. Она говорит обо мне?

— Нет.

Они смотрели друг другу в глаза — нищий уродливый циник и могущественный симпатичный верующий.

— Поэт, как бы ты поступил со смертельными врагами, окажись они в твоей власти?

— Нас, марсиан, считают людьми неистовыми и решительными. Вы хотите, чтобы я сам убрал себя с вашего пути?

Карлсен мгновенно непонимающе смотрел на него.

— Да нет, я не о том. Я не имел в виду... тебя, меня и Кристину. Я не о личных делах. Просто мысли вслух.

— Тогда почему вы спрашиваете меня, а не своего Бога? Разве он не завещал вам прощать своих врагов?

— Завещал.— Карлсен задумчиво кивнул головой.— Знаешь, он требует от нас слишком многого.

Это было необычное ощущение — внезапно убедиться, что перед тобой истинный, а не лицемерящий Верующий. Митч не мог припомнить, чтобы он сталкивался с подобным прежде.

Не видел он раньше и такого Карлсена — пассивного, сомневающегося, ожидающего совета со стороны. Словно действительно существовала некая высшая Цель, недоступная пониманию человека, но вдохновлявшая его. Спейн задумался. Если...

Вздор. Мистический вздор!

На столе Карлсена запиликало переговорное устройство. Митч не мог разобрать, что говорил собеседник Главнокомандующего, но он видел, как сообщение подействовало на Карлсена. Энергия и решительность вернулись, вновь почувствовалась целеустремленность и огромная уверенность в собственной правоте. Впечатление было такое, будто наблюдаешь за почти потухшим, но вновь разгорающимся костром.

— Да,— говорил Карлсен.— Да. Хорошо.

— Новости от Хемпхилла,— сообщил он Митчу.— Флот берсеркеров прямо напротив нас, за краем Каменной Зоны. Хемпхилл насчитал двести единиц и полагает, что они не догадываются о нашем присутствии здесь. Атакуем немедленно. Займи свой боевой пост, Поэт, благослови тебя, Бог.— Он снова повернулся к селектору.— Приказываю адмиралу Кемалю сию минуту явиться в мою каюту. Вместе со всем своим персоналом. Поименно...

Он заглянул в венерианские бумаги и зачитал несколько фамилий.

— Удачи вам, сэр.

Выходя из каюты, Митчелл успел заметить, как Карлсен засовывал венерианские бумаги в дезинтегратор мусора.

Прежде чем Митч добрался до своей каюты, по всему кораблю разнеслись звуки сирен боевой тревоги. Он облачился в скафандр, взял оружие и поспешил через внезапно заполнившиеся людьми узкие коридоры на свой пост. Тут же ожили громкоговорители корабля, из которых загремел голос Карлсена:

— ...Какие бы обиды мы не причинили вам, словом ли, делом, я прошу сейчас вашего прощения. И от имени каждого человека, называющего меня другом или лидером, я уверяю, что всякая несправедливость по отношению к вам в настоящий момент стирается из наших мыслей.

Люди, бежавшие к своим боевым позициям, на мгновенье замерли. Спейн чуть не столкнулся с громадным, до зубов вооруженным венерианином, корабельным полицейским, возможно, телохранителем какого-то высокопоставленного чина.

Послышалось покашливание человека, прочищающего горло, и раздался голос адмирала Кемаля:

— Мы... Мы братья, эстиляне и венериане, мы все. Сейчас мы все едины — живые против бездушных машин.— Голос Кемаля перешел в крик.— Разрушение проклятым механизмам и смерть их создателям! Пусть каждый вспомнит Атсог!

— Помните об Атсоге! — проревел голос Карлсена.

В коридоре наступило секундное затишье, как перед бурей. Потом тишину взорвал дикий вопль, вырвавшийся из сотен глоток. Митч, не отдавая себе отчета, тоже что-то кричал; по щекам его струились слезы.

— Вспомним генерала Брадина,— орал огромный венерианин, схватив в охапку Митча и подняв его, облаченного в тяжелый скафандр, как перышко.— Смерть живодерам!

— Смерть мучителям!

Ярость распространялась по коридорам с быстротой лесного пожара. То же самое, несомненно, происходило и на остальных кораблях флота. И сразу же не осталось

места ни для чего, кроме всеобщего братства и отчаянной решимости.

— Смерть проклятым машинам!

Рядом с центром тяжести флагмана находился капитанский мостик, представляющий из себя невысокое возвышение с закрепленными на нем креслами, каждое из которых было оснащено пультом управления.

— Абордажный координатор готов,— отрапортовал Митч, садясь в кресло и пристегивая ремни безопасности.

Сфера наблюдательного дисплея отражала ход наступления человеческой эскадры. Флот разделился на две шеренги, по сотне кораблей в каждой. Корабли изображались на дисплее зелеными точками. Неровная поверхность Каменной Зоны выглядела серией штрихов, на фоне которых выделялись боевые шеренги кораблей; флагман передвигался Си-плюсовыми микропрыжками, так что изображение походило на последовательность отдельных фотографий, сменяющих друг друга через полуторасекундные интервалы. Отягощенные массой своих Си-плюсовых орудий, шесть тяжеловооруженных венерианских кораблей медленно передвигались вслед за основными силами.

В наушниках Митча раздался чей-то голос:

— Минут через десять мы достигнем...

Голос затух, словно отнесенный ветром. На сфере появилась сначала одна красная точка, потом другая, затем дюжина их вспыхнула, как крошечные солнца на фоне темной туманности. Несколько секунд люди безмолвно наблюдали за начавшимся наступлением берсеркеров. Разведывательный патруль Хемпхилла, вероятно, засекли, и берсеркеры уже не просто маневрировали, а атаковали. Количество красных точек уже перевалило за сотню и их появлялось все больше и больше.

— Триста единиц,— проинформировал через несколько минут бесстрастный голос, нарушив вновь наступившую тишину.

На мгновение показалось, что сам факт существования трехсот берсеркеров вместо предполагаемых двухсот вдребезги разбивает людские надежды. Но в этом месте, в этот час ничто уже не могло напугать людей, заставить их обратиться в бегство.

Голоса в наушниках Митча начали обсуждать варианты начала боя. Ему же пока ничего не оставалось делать, кроме как слушать и наблюдать.

Шесть тяжелых зеленых точек значительно отстали; не колеблясь, Карлсен бросил весь флот прямо в центр вражеского скопления. Силу неприятеля недооценили, но, видимо, берсеркеры совершили подобную же ошибку, потому что красные формирования явно перегруппировались, распространяясь шире.

Расстояние между флотами оставалось по-прежнему огромным, чтобы эффективно использовать обычное оружие, но шесть тяжелых кораблей со своими Си-плюсовыми орудиями уже достигли точки, откуда они могли открыть огонь по неприятелю, не причиняя вреда своим. Снаряды, выпускаемые из их орудий, отбрасывались микровзрывами на безопасное для корабля расстояние, где включался собственный Си-плюсовой двигатель каждого снаряда, позволяющий ему выйти из обычного пространства и набрать сверхсветовую скорость.

Свинцовые снаряды пронизывали реальную материю, как бесплотные, невидимые фантомы, и возникали в своем первоначальном состоянии, в обычном пространстве, только непосредственно перед целью, которую им подлежало поразить.

Митч почти почувствовал призрачное прохождение сквозь корабль Си-плюсового снаряда. Одна из красных точек вдруг разбухла и лопнула, превратившись в прозрачное облачко. Кто-то прерывисто вздохнул. Через несколько мгновений пришли в действие орудия самого флагмана, посылая навстречу врагу ракеты и лазерные лучи.

Центр неприятельского скопления кораблей замер, но фланги продолжали смещаться, медленно, как винты колоссальной мясорубки, надвигаясь на первую линию человеческой эскадры.

Флот людей метнулся, казалось, прямо в капкан, между всесокрушающими металлическими челюстями.

Пространство вокруг Митчелла Спейна будто мгновенно искривилось и съежилось. Каждый корабль вел теперь огонь по врагу, каждый берсеркер наносил ответные удары; волны высвобожденной колоссальной энергии окатывали Митча, словно гигантские космические цунами. Несколько красных и зеленых точек исчезло, но не очень много.

Голоса в шлеме Митча раздавались реже, по мере того, как события начинали развиваться слишком быстро, чтобы за ними могла уследить человеческая мысль. Теперь, на некоторое время, бой будет схваткой компьютеров, состязанием преданных слуг Жизни со злобными машинными интеллектами.

Наблюдательная сфера командного пункта почти непрестанно меняла дальность передачи изображения. Красные и зеленые точки то пододвигались ближе, на расстояние в полмиллиона миль, то снова удалялись. И вот уже сам флагман, совершив Си-плюсовой прыжок, вынырнул в обычном пространстве для решающей атаки и пулей понесся на врага.

Радар снова переключился на ближний план, и одна из красных точек превратилась в громадный, быстро вращающийся замок, черный на фоне звезд. Расстояние до него неуклонно сокращалось: сто миль, затем пятьдесят. Скорость сближения снизилась до мили в секунду. Как и предполагалось, враг ускорил движение, пытаясь избежать столкновения с радиоуправляемым, как он считал, кораблем-камикадзе без экипажа. Митч в последний раз проверил свое кресло, скафандр, оружие. Стальной живот берсеркера, озаряемый вспышками взрывов, заполнил почти весь сферический экран. Берсеркер был не самым крупным, может быть, только раз в десять больше флагмана. Теперь нужно найти его самое уязвимое место, ахиллесову пяту, ведь каждый из них имеет старые боевые раны под древней кожей. Попробуй убежать, ты, чудовище, только попробуй убежать!

Ближе, еще ближе. На таран!

Свет погас, на одну бесконечную секунду опустилась тьма...

Столкновение. Кресло Митча бешено затряслось. Выступающий острый нос атакующего судна плавился, прожигая в корпусе берсеркера шахту для проникновения корабля.

Движение прекратилось, остался шум — завывающая, монотонная симфония металла, испытавшего огромные давления, да шипение вырывающихся из поврежденных отсеков корабля пора и газов. Две огромные машины сцепились намертво; флагман почти наполовину погрузился в берсеркера.

Жесткий таран, но на командном пункте никто не

был ранен. Утечка воздуха соответствовала допустимым нормам и находилась под контролем. Артиллеристы сообщили, что пока не могут полностью развернуть орудийную башню внутри шахты. Двигатели не вышли из строя, и корабль, вероятно, мог бы продвинуться глубже в нанесенной им ране берсеркеру.

Вперед!

Корабль завибрировал, пытаясь сдвинуться с места. Это могла быть полная победа — разорвать врага, разбросать его металлические внутренности по окружающему космическому пространству...

— Бесполезно, командир,— прокричал капитан корабля.— Нас заклинило.

Враг выдержал. Берсеркер уже наверняка рылся в своей памяти, планируя контратаку на флагман, без страха и без пощады.

Капитан корабля повернул голову и посмотрел на Йоханна Карлсена. Было предусмотрено, что когда бой достигнет стадии рукопашной схватки, бразды управления каждым конкретным кораблем переходят в руки его капитана. Командующий не мог теперь руководить всем флотом, потому что, если бы даже флагман не был наполовину погружен в корпус врага, все окружающее пространство представляло из себя кромешный ад, связь между кораблями стала невозможной. Но если Карлсен был теперь беспомощен, то и компьютеры берсеркеров не могли объединиться в единый мозг.

— Командуйте, капитан,— сказал Карлсен.

Он откинулся в кресле, схватившись за ручки, и устремил взгляд на затуманившийся экран, пытаясь разобраться в беспорядочных мерцаниях, мелькавших на нем.

Капитан корабля немедленно отдал приказ своим десантникам приступить к высадке.

Митч смотрел, как они выбирались через бортовые люки. Он почувствовал, что не в состоянии больше оставаться без дела.

— Сэр, прошу вашего разрешения присоединиться к десанту.

Карлсен, казалось, не слышал. Он временно снял с себя полномочия и предоставил все решать командиру корабля.

Капитан задумался. Ему хотелось оставить Абордажного Координатора на командном пункте, но для воз-

можного боя внутри берсеркера требовались опытные бойцы.

— Хорошо, ступайте. Обеспечьте только необходимую защиту входных люков.

Берсеркер отчаянно оборонялся с помощью своих роботов-солдат. Десантники едва отошли от корпуса корабля, как монстр начал контратаку, отрезав многих из них от флагмана.

В узком зигзагообразном проходе, ведущем к входному люку, перед Митчем выросла закованная в броню фигура.

— Капитан Спейн? Я — сержант Брум, командир данного подразделения. Командный пункт приказал передать полномочия вам. Снаружи становится жарко. Артиллеристы не могут использовать орудия внутри раны. Чертовы железяки имеют отличные возможности для маневра и они наседают на нас.

— Ну, что же, давай выбираться наружу.

Они поспешили вперед и вышли из люка левого борта, мягко шлепая по броне берсеркера обрезиненными магнитными ботинками скафандров. Тьма озарялась вспышками выстрелов, освещавших мрачные металлоконструкции вокруг. Сержант указал Митчу на место, где бой был самым тяжелым. Около сотни десантников заняли оборону среди хаоса искореженного металла и плавающих в невесомости обломков.

— Проклятые механизмы не пользуются оружием. Они просто подкрадываются по одному или накатываются волнами, вступая с нами в рукопашную. Мы уже потеряли шестерых.

Из глубоких каверн вырывались облака пара и газа, разбрасывая вокруг сверкающие капли какой-то жидкости; металлический организм содрагался. Невозможно было понять, агонизирует ли берсеркер или готовится к решающему удару.

— Другие десантные группы вернулись? — спросил Митч.

— Нет, должно быть, им очень трудно приходится.

— Капитан Спейн, артиллерия на связи,— прозвучал бодрый радиоголос.— Мы уже можем открыть огонь из орудий.

— Начинайте! — прохрипел Митч.— Только постарайтесь не задеть своих.

Минуту спустя из корпуса флагмана выдвинулись прожекторы и прорезали своими лучами черноту огромной пещеры в нескольких сотнях метров впереди.

— Эй, они снова атакуют! — завопил Брум.

Линия фигур плыла по направлению к флагману, уже миновав расплавленный обрубок носа корабля; это явно были не люди в скафандрах.

Митч открыл было рот, чтобы поторопить артиллерию, но в этот момент орудия загрохотали, обрушив на приближающуюся шеренгу машин шквал снарядов.

Но подходили новые и новые шеренги. Десантники стреляли во всех направлениях, поражая механизмы, которые сотнями карабкались по полу, парили в невесомости, лавиной надвигаясь на людей.

Митч огромными прыжками бросился к своим десантникам.

— Отходите назад! — приказал он по радио.— Не подпускайте их к люкам!

Его люди сражались теперь не с обслуживающими механизмами и передвижными сварочными установками, но с роботами — той или иной формы — специально построенными для боевых действий.

Путь Митчу внезапно преградило нечто вроде массивной цепи; он разорвал ее пополам двумя выстрелами. Огромная металлическая бабочка спикировала на него, сверкая соплами реактивных двигателей. Митч выстрелил четыре раза и ни разу не попал. Механизм неожиданно взмыл вверх и скрылся.

Спейн начал отступать к бортовому люку, радируя сержанту:

— Брум, как дела?

— Трудно сказать как, капитан. Командиры взводов, проверьте численность состава, Командиры взводов...

Летающая штуковина вернулась, но на сей раз Митчелл срезал ее лучом лазерного пистолета. Внутренний бой напоминал схватку между двумя огромными флотами, только в меньших масштабах.

— Они вновь наступают,— доложил сержант.

Собираются атаковать бортовые люки,— подумал Митч. Он снова вскинул свой тяжелый бронебойный пистолет. Механизмы новой накатывающейся волны

держали впереди себя металлические щиты. Митч стрелял, меняя обоймы, снова и снова.

Единственная действующая орудийная башня флагмана вела непрерывный огонь по освещенным прожекторами шеренгам машин. Автоматические корабельные пушки были несоизмеримо мощнее ручного оружия десантников; почти все, во что попадали тяжелые снаряды, рассыпалось искрами мелких осколков.

Внезапно несколько механизмов оказалось у самого корпуса флагмана, атаковав, видимо, с тыла. Митч предостерегающе закричал и ринулся в том направлении. Но подразделение со всех сторон стали окружать враги. Два робота схватили одного из десантников своими огромными, похожими на крабьи, клешнями и тянули несчастного каждый к себе, пытаясь разодрать надвое. Митч быстро выстрелил, но попал человеку в ногу, которую напрочь оторвало.

— Вот дьявол! — только и смог выговорить Спейн.

Секунду спустя одного из крабоподобных механизмов разнесло в куски градом шрапнели. Другой, размозжив голову искалеченного десантника о выступающую металлическую балку, обернулся, выискивая новую жертву.

Машина была бронирована, как боевой корабль. Она засекла Митча и направилась к нему, пробираясь сквозь парящие в невесомости обломки; шрапнель повредила ее, но не вывела из строя. Робот стоял, выставив вперед яркие клешни, когда Митч разрядил всю обойму пистолета в место, где должен был находиться кибернетический мозг машины.

Патроны кончились и Митч выхватил лазерный пистолет, но выстрелить не успел — робот бросился на него, схватив за левую руку и шлем; металл заскрежетал и захрустел. Митч приставил лазерный пистолет к мозговому отсеку механизма и попытался выстрелить. Оружие не сработало. Человек и робот оторвались от пола и теперь парили в невесомости. И у машины не стало опоры, чтобы приложить всю свою силу. Но она не отпускала человека, все крепче сжимая его левую руку и шлем своими клешнями.

Мозговой отсек робота и пистолет начали раскаляться и Митч почувствовал сквозь металлическую перчатку правой руки нестерпимый жар, обжигающий пальцы. Что-то расплавленное брызнуло на прозрачный щиток

шлема, наполовину ослепив Спейна ярчайшим блеском. Лазер вспыхнул и ствол его вплавился в бронированный корпус робота пылающим сварным швом.

Левая перчатка скафандра Митча с треском лопнула...

...его рука!..

Превозмогая адскую боль, Митчелл сумел оторвать правую руку от рукоятки сгоревшего лазера и потянулся к поясу за пластиковыми магнитными гранатами.

Его левая рука одеревенела даже прежде, чем клешня выпустила его изувеченную кисть и раскрылась для нового захвата. Машину сотрясали конвульсии, как агонизирующего человека. Митч протянул правую руку и прилепил гранату на задней стороне мозгового отсека робота. Затем он изо всех сил уперся в лапы механизма. Серводвигатели его скафандра жалобно завыли от перегрузки. Две секунды.., закрыть глаза, три...

Взрыв оглушил его. Оправившись от шока, Спейн увидел, что парит в невесомости один. Где-то рядом должен быть кормовой люк, ему необходимо добраться туда и защищать его.

В голове медленно прояснялось. Он с трудом мог разглядеть окружающее через заляпанное расплавленным металлом забрало шлема, но все же увидел корпус флагмана.

Пространство около кормового люка затянуто дымкой, везде были разбросаны останки разрушенных механизмов. Люди продолжали палить из своего ручного оружия в направлении огромной пещеры. Митч узнал броню Брума, когда тот помахал ему рукой.

— Капитан! Они свернули орудийную башню и разбили большую часть прожекторов. Но и мы уничтожили уйму проклятых железяк... Что с вашей рукой?

— Так, небольшая травма...

— Что?

Сержант не слышал Митча. Конечно, робот, сжавший его шлем, наверняка повредил радиопередатчик. Митчелл прислонился своим шлемом к шлему Брума и прокричал:

— Остаешься за старшего! Я иду внутрь... Вернусь, если смогу...

Брум кивнул и осторожно подвел его к люку. Вернусь? — саркастически усмехнулся про себя Митч. Кого

я дурачу? Хорошо, если смогу без посторонней помощи протиснуться через люк.

Ему удалось сделать это. Он прошел мимо внутренней охраны, миновал воздушный шлюз и потерял сознание как раз в тот момент, когда к нему направлялись медики.

Еще не умер, подумал он, увидев вокруг себя свет и людей. На конце его левой руки, под повязкой, что-то видно все-таки осталось от искалеченной кисти. Шум боя несколько утих. Потом Спейн почувствовал, как его выкатывают на тележке из операционной и увидел, что лица людей сияют от счастья. Из обрывков фраз он смог разобрать, что еще один корабль присоединился к атаке на берсеркер. Это было хорошим знаком.

Его привезли на командный пост, где уже лежали многие раненые. Митч заметил, что здесь тоже есть повреждения. В чем дело? Ведь бортовые люди были хорошо защищены?

Митчелл отключился на некоторое время. Снова придя в сознание, он увидел, что отовсюду к капитанскому мостику сходятся люди. Лица их сияли. Многие несли в руках вещи, показавшиеся Митчу странными: оружие, книги, шлемы от скафандров, подносы с пищей, бутылки, даже испуганных, ничего не понимающих маленьких детей, которых, вероятно, нашли на берсеркерах.

Митч приподнялся на правом локте, пытаясь не обращать внимания на резкую боль в перевязанной груди и пузыри от ожогов на пальцах правой руки. Но он не мог разглядеть кресла управления на капитанском мостике — мешали проходящие люди.

Приблизительно через час Митч вновь очнулся. Теперь он мог видеть сферу экрана. Пространство, где происходила битва, представляло из себя новую, с неровными краями туманность из газообразного металла, словно усыпанную пылающими углями на фоне эбеновых складок Каменной Зоны.

Кто-то рядом с Митчем устало, но с воодушевлением надиктовывал отчет о происшедших событиях на магнитофон:

...потеряли к настоящему моменту пятнадцать кораблей и около восьми тысяч человек. Вероятно, каждый из

наших кораблей имеет повреждения. По приблизительным подсчетам уничтожено девяносто берсеркеров. Захвачены в плен и саморазрушились — сто семьдесят шесть. В это по-прежнему трудно поверить. Такой день... Но мы должны помнить, что более чем тридцати из них удалось сбежать, и они все еще представляют огромную опасность. Нам придется еще очень долго охотиться за ними, но их мощь как флота сломлена. У нас есть надежда, что пленив многие машины, мы сможем, наконец, попытаться разгадать тайну их происхождения. И, самое главное, освобождены двадцать тысяч человек, узников проклятых машин.

Как объяснить наш успех? Те из нас, кто не является Верующими, скажут, что победа стала возможной благодаря нашим новым и более мощным кораблям, нашим современным дальнобойным орудиям, нашей тактике, которой не ожидал враг, и нашим доблестным десантникам, разгромившим все, что ни посылали против них берсеркеры.

И, наконец, история не забудет Верховного Главнокомандующего Карлсена за его решение начать атаку именно в тот момент, когда примирение с венерианами воодушевило людей и объединило флот. Главнокомандующий сейчас здесь, он навещает раненых бойцов, которые лежат рядами...

Движения Карлсена были такими медленными и усталыми, что Митчелл подумал, что он тоже ранен, хотя повязок не было видно. Командующий прошаркал мимо шеренг коек и носилок, благодаря и кивая каждому раненому. Около Митча он остановился, словно узнавание привело его в шок.

— Она мертва, Поэт,— были первые слова, произнесенные им.

Корабль качнулся под Спейном на мгновение; затем Митч успокоился, словно ожидал услышать это. Битва совершенно опустошила его.

Карлсен стал рассказывать ему слабым и бесцветным голосом, как враг ударил в корпус флагмана снарядом вроде торпеды, адской машиной, которая, казалось, знала, как был устроен корабль. Этот движущийся атомный реактор прожег себе путь сквозь многие помещения судна, включая апартаменты Главнокомандующего. Он почти достиг капитанского мостика, прежде чем его обезвредили.

Так вот откуда все эти разрушения внутри корабля! Но Митч не мог долго думать об этом. Он еще не совсем оправился от шока и действия транквилизаторов. Он лишь вспомнил ее лицо, то, которое увидел в том жутком месте, откуда спас ее.

Спас...

— Я слабый и глупый человек,— говорил Карлсен.— Но я никогда не был твоим врагом. А ты?

— Нет. Но вы простили всех своих врагов, избавились от них. Сейчас у вас их нет, пока. Вы — герой Галактики. Но я не завидую вам.

— Да... Успокой Господь ее душу.

Лицо Карлсена все еще оставалось живым под покровом горя и усталости. Только смерть могла окончательно раздавить этого человека. Он печально улыбнулся:

— А как насчет второй части пророчества? Я потерплю поражение и умру, не обладая ничем. Как будто человек может умереть каким-то другим образом.

— Карлсен, вы в полном порядке. Я думаю, вы переживете свой собственный успех, умрете умиротворенный когда-нибудь, по-прежнему надеясь на загробную жизнь, в которую вы так верите.

— В день моей смерти... — Карлсен медленно обвел взглядом лежащих вокруг людей.— Я вспомню этот день. Эту победу, величие Человека... Поэт, когда поправишься, не желаешь ли работать со мной?

— Когда-нибудь, возможно. Но теперь я могу некоторое время пожить на полагающуюся мне премию. И у меня есть работа. Если мне не нарастят новую руку, ну что же, писать я могу и одной.— Митч вдруг почувствовал себя усталым.

Рука Карлсена коснулась его правого плеча.

— Благослави тебя Бог,— сказал он и отправился дальше по рядам коек.

Сейчас Митч хотел только отдыха. Потом — за работу. Окружающий мир отвратителен, люди — болваны. Но некоторых из них невозможно сломить. И об этом стоит рассказать.

* * *

После каждой битвы, даже победной, остаются раненые.

Поврежденная плоть способна исцеляться. Вероятно, можно заменить руку; глаз можно перевязать; даже

поврежденный мозг можно в некоторой степени восстановить. Но существуют раны, которые не излечит никакая операция. Есть двери, которые не открываются снаружи.

Я обнаружил разум разделенный.

ЧТО ДЕЛАЛИ ТЫ И Я

Первым ко мне приходит осознание моего местонахождения: я в большой конической комнате внутри какого-то огромного летательного аппарата, несущегося сквозь пространство. Мир мне знаком, хотя сам я обновленный.

— Он очнулся,— говорит черноволосая молодая женщина, глядящая на меня испуганными глазами.

Полдюжины людей в растрепанных одеяниях — среди них трое давно небритых мужчин — медленно появляются в поле моего зрения.

Поле моего зрения? Моя левая рука поднимается, чтобы ощупать лицо, и пальцы натыкаются на повязку, закрывающую левый глаз.

— Не трогайте ее,— говорит самый высокий из мужчин.

Возможно, когда-то он был выдающейся личностью. Он говорит резко, хотя в его тоне угадывается некая почтительность, словно я — важная персона. Но я лишь... кто?

— Что произошло? — спрашиваю я.

Язык с трудом выговаривает даже простейшие слова. Правая рука лежит в стороне, будто позабытая, но, при мысли о ней, она шевелится, и с ее помощью я приподнимаюсь и принимаю сидячее положение. Движение вызывает приступ головной боли и головокружение.

Две женщины пятятся от меня. Полный молодой человек успокаивающе кладет руки им на плечи. Эти люди мне знакомы, но я не могу вспомнить их имен.

— Вам лучше не волноваться,— говорит высокий.

Его руки, руки врача, касаются моей головы и пульса и с осторожной настойчивостью заставляют лечь обратно на обитый мягким материалом стол.

Теперь я вижу, что по обеим сторонам от меня стоят два человекообразных робота. Я ожидаю, что в любой момент доктор прикажет им увезти меня в мою палату. Но потом я понимаю, что это не госпиталь. Правда будет ужасной, когда я все вспомню.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивает третий человек, старший из всех. Он подошел ближе и наклонился надо мной.

— Думаю, хорошо.— Речь дается мне с трудом.— Что произошло?

— Был бой,— говорит доктор.— Вы были ранены, но я спас вам жизнь.

— Прекрасно.— Боль и головокружения стихают.

Удовлетворенным тоном врач продолжает:

— Я предполагал, что вам будет трудно говорить. Попробуйте прочесть вот это.

Он держит в руке карточку с аккуратными рядами, как я полагаю, букв или цифр. Я ясно различаю формы символов, но они не имеют для меня никакого значения, абсолютно никакого. Я их не понимаю.

— Нет,— наконец говорю я, закрывая глаза и откидываясь на спину. Чувство, что все враждебно настроены ко мне, не покидает меня ни на минуту. Почему? Я продолжаю настаивать на своем: — Что произошло?

— Мы все пленники здесь, внутри машины,— говорит голос старика.— Хоть это вы помните?

— Да,— я киваю, припоминая. Но основные подробности покрыты туманом.— Как меня зовут?

Старик странно хихикает.

— Почему бы не Тэд, уменьшительно от Тадеуш?

— Тэд? — переспрашивает доктор.

Я снова открываю глаза. Доктор выглядит более уверенно, чем раньше.

— Ваше имя — Тэд,— сообщает он мне.

— Мы — пленники? — задаю я вопрос.— Машины?

— Машины берсеркера.— Он вздыхает.— Это о чем-нибудь вам говорит?

В глубине моего сознания это связано с чем-то невыносимым. Я утомлен. Я засыпаю.

Когда я опять просыпаюсь, я чувствую себя значительно лучше. Стола больше нет, я лежу на мягком полу этой каюты или камеры, в этом белом конусообразном месте заточения. Два робота по-прежнему стоят рядом со мной.

— Атсог! — кричу я громко, вдруг вспомнив кое-что еще.

Это случилось на планете Атсог, когда атаковали берсеркеры. Семерых из нас, вместе с другими, машины вынесли из глубокого убежища. Воспоминание смутное и беспорядочное, но совершенно кошмарное.

— Он проснулся,— снова говорит кто-то. Опять женщины отпрянули от меня. Старик поднимает свою трясущуюся голову и смотрит на меня из другого конца комнаты, где он и доктор о чем-то, видимо, совещаются. Тучный молодой человек вскакивает на ноги, сжимая кулаки, будто я напугал его.

— Как самочувствие, Тэд? — интересуется доктор. Мельком взглянув на меня, он сам себе отвечает: — Он в порядке. Девушки, помогите ему поесть. Или ты, Халстед.

— Помогать ему? О, господи! — Черноволосая девушка словно втискивается спиной в стену, стараясь держаться от меня как можно дальше. Две другие женщины стирают чью-то одежду в нашей тюремной раковине. Едва удостоив меня взглядом, они продолжают стирку.

Голова моя, видно, неспроста перевязана. Я, должно быть, действительно отвратительно выгляжу. Лицо, наверное, чудовищно изуродовано, если все три женщины так безжалостно смотрят на меня.

Доктор теряет терпение:

— Накормите же его, это необходимо сделать!

— От меня он помощи не получит,— говорит полный молодой человек.— Всему есть предел.

Черноволосая девушка начинает медленно двигаться через комнату ко мне; все наблюдают за ней.

— Ты?! — изумляется молодой человек и качает головой.

Она движется медленно, будто ходьба причинает ей боль. Несомненно, она тоже пострадала в бою; лицо ее в синяках и кровоподтеках. Она становится передо мной на колени и направляет мою левую руку, помогая мне есть, потом дает мне воды. Моя правая сторона не парализована, но вся какая-то бесчувственная.

Когда врач снова подходит ближе, я спрашиваю:

— Мой глаз. Я могу им видеть?

Он быстро отбрасывает мои пальцы с глазной повязки.

— Вы должны временно пользоваться только правым глазом. Вы перенесли операцию на мозге. Если вы сейчас сорвете повязку, последствия могут быть гибельными, хочу вас предупредить.

Мне кажется, он лжет насчет повязки. Почему?

— Вы еще что-нибудь вспомнили? — спрашивает черноволосая.

— Да. Прежде, чем пал Атсог, мы узнали, что Йоханн Карлсен повел флот, чтобы защитить Солнце.

Все пристально смотрят на меня, ожидая, что я скажу дальше. Но они должны знать больше меня, что случилось потом!

— Карлсен победил?

Внезапно я осознаю, что мы по-прежнему узники. От этого ощущения мне становится невыносимо грустно. Я плачу.

— Новых пленников сюда не доставляли,— говорит доктор, внимательно наблюдая за мной.— Думаю, Карлсен разбил берсеркеров. Эта машина, вероятно, спасается бегством от человеческого флота. Как вы к этому относитесь?

— Как? — Я удивлен подобному вопросу. Или я что-то недопонимаю? — Хорошо.

Их напряжение слегка ослабло.

— Вам проломило череп во время схватки,— наконец говорит старик.— Вам повезло, что поблизости оказался известный хирург.— Он кивает в сторону врача.— Машина всем нам сохранила жизнь с тем, чтобы исследовать нас. Она предоставила доктору все необходимое для операции и, если бы умерли вы, ему бы пришлось несладко. Такие вот дела.

— Дайте мне пожалуйста зеркало,— прошу я, указывая на свое лицо.— Я должен его увидеть.

— У нас нет зеркала,— сообщает одна из женщин у раковины таким тоном, будто я виноват в его отсутствии.

— Ваше лицо? Оно не изуродовано,— уверяет меня доктор.

Но я убежден в обратном.

Я сожалею, что эти добрые люди вынуждены мириться с присутствием такого чудовища, какое я из себя, несомненно, представляю. У них и так забот хватает.

— Прошу прощения,— говорю я и отворачиваюсь, пытаясь скрыть свое лицо.

— Вы действительно не знаете,— говорит черноволосая девушка, молча глядевшая на меня долгое время.— Он не знает! — Голос ее срывается.— О, Тэд... С вашим лицом все в порядке.

И правда, касаясь пальцами своего лица, я чувствую, что кожа на нем нормальная, гладкая, не изуродованная швами или язвами. Черноволосая девушка смотрит на меня с состраданием. Сквозь дыру в одежде на ее плече видны полузажившие шрамы, словно ее хлестали бичом.

— Кто-то избил вас,— говорю я, испуганный.

Одна из женщин у раковины нервно смеется; молодой человек что-то бормочет. Я поднимаю левую руку, чтобы заслонить свое отвратительное лицо, правая при этом начинает подниматься и пальцы касаются краев повязки.

Вдруг молодой человек начинает выкрикивать ругательства и указывает на открывшуюся в стене дверь.

— Машина желает посоветоваться с тобой по какому-то вопросу,— злобно бросает он мне.

Он ведет себя, как человек, который хочет рассердиться, но не смеет. Кто я такой, что я такое, почему эти люди так ненавидят меня? Я встаю на ноги, ощущая себя достаточно окрепшим, чтобы ходить и вспоминаю, что мне предоставлено право разговаривать с машиной.

В пустынном коридоре я предстаю перед двумя сканнерами и громкоговорителем, посредством которых машина общается со мной. Я знаю, что меня окружают кубические мили огромного механизма, несущего меня и моих спутников сквозь пространство, и я вспоминаю, как стою на этом месте перед боем, говорю с берсеркером, но не имею понятия, о чем.

— План, предложенный тобой, провалился, и Карлсен по-прежнему функционирует,— говорит прерывистый машинный голос.

Что мог я предложить этому ужасному машинному созданию?

— Я помню очень немногое,— говорю я.— Мой мозг поврежден.

— Не пытайся меня обмануть. Я не буду наказывать тебя за провал твоего плана. Ты еще пригодишься мне. Я знаю, что ты не желаешь подчиняться законам людей, ты даже отказался пользоваться полным человеческим именем. Поняв тебя, я оказываю тебе доверие — ты поможешь мне в борьбе против разумной жизни. Ты

останешься во главе пленников. Проследи, чтобы поврежденные ткани твоего организма были приведены в надлежащий порядок. Вскоре мы вновь атакуем жизнь, но другим способом.

Машина замолкла, но мне нечего сказать. Глаза сканнеров затухают. Может, она все равно наблюдает за мной, тайно? Но она сказала, что доверяет мне, этот жуткий монстр сказал, что верит в меня, как в своего злобного союзника.

Теперь я понимаю — берсеркер говорит правду. Меня охватывает отчаяние. Карлсен, в сущности, не одержал верха над врагом. Все безнадежно из-за ужаса внутри меня. Я предал все живое, саму жизнь. Насколько же низко я пал?

Поворачиваясь от отключившихся сканнеров, я улавливаю краешком глаза какое-то движение — мое собственное отражение в полированном металле переборки, глядящее на меня.

Голова моя забинтована. На левом глазу — повязка. Об этом я уже знаю. Кожа вокруг правого глаза, правда, не очень приятного цвета, но ничего особенно отвратительного. Волосы, насколько можно разглядеть за бинтами, каштановые, как и двухмесячная неопрятная борода. Нос, рот, скулы — все в норме. Что такого ужасного, отталкивающегося в моем лице?

Как и вокруг правого глаза, кожа у повязки на левом глазу — зеленовато-желтого, с голубизной, цвета. Вероятно, в результате работы хирурга внутри моего черепа.

Ужас — внутри меня. Я с готовностью, добровольно служил берсеркеру.

Я помню предостережение, но пальцы испытывают непреодолимое желание дотронуться до повязки, желание, подобное тому, когда хочется коснуться языком больного зуба, только гораздо сильнее. Ужас сосредоточен в моем дурном, зловещем левом глазу. Я не могу сдержаться...

Правая рука взмывает к лицу и срывает повязку. Очертания окружающих предметов становятся размытыми. Я смотрю обоими глазами, потом умираю.

Т шел по коридору шатающейся походкой, рыча от ярости и сжимая в правой руке черную повязку, сорванную с левого глаза. Он обрел язык, изо рта его

извергался поток грязных ругательств. Он споткнулся, торопясь скорее добраться до комнаты, где содержались узники, чтобы разобраться с этими умниками, этими ублюдками, которые попытались своим фокусом избавиться от него. Что это было? Гипноз? Они, видите ли, дали ему новое имя. Он им покажет Тадеуша.

Т подошел к двери и пинком, тяжело дыша, распахнул ее. Войдя в комнату, он увидел потрясенное выражение лица доктора. Проклятый костолом понял первым, что Т пришел в себя.

— Где мой хлыст? — проревел Т.— Какая сволочь спрятала его?

Женщины закричали. До молодого Халстеда дошло, что уловка с Тадеушем провалилась; он издал безнадежный вопль и бросился к Т, размахивая, как безумный, руками. Конечно, роботы-телохранители обладали отменной реакцией. Один из них легко парировал удар Халстеда своим металлическим кулаком. Толстяк взвизгнул и согнулся, прижимая разбитую руку к животу.

— Подать сюда мой хлыст!

Робот отошел к раковине, порылся в ней, извлек узловатый пластиковый шнур и отнес его хозяину.

Т покровительственно похлопал ладонью по металлическому плечу своего слуги и презрительно ухмыльнулся, глядя на съежившихся от страха сокамерников. Нетерпеливо разминая затекшие пальцы, он обратился к толстяку:

— Что такое случилось, мистер Халстед? Что-то не в порядке с вашей ручкой, мой юный друг? Не хотите ли поприветствовать меня рукопожатием? Ну же, дайте мне вашу мужественную руку!

То, как топтался на полу Халстед, скорчившись от боли, казалось Т настолько забавным, что он позволил себе от души рассмеяться.

Послушайте, вы, людишки,— обратился он к узникам, когда восстановил дыхание после приступа смеха.— Добрые вы мои друзья. Машина говорит, что вы по-прежнему у меня в подчинении, усекли? Тот маленький совет, который я ей дал насчет Карлсена, сработал. Вот! Ха-ха-ха! Так что лучше не огорчайте меня, машина поддерживает меня на все сто процентов. Ты, док,— левая рука у Т непроизвольно задрожала и он взмахнул

ею.— Ты хотел изменить меня, не так ли? Что за штуку ты придумал с моим мозгом?

Док спрятал свои руки, руки искусного хирурга за спиной, словно оберегая их.

— У меня не получилось создать вам новый характер, но я вполне мог бы превратить вас в безмозглое животное. Жаль, что я не сделал этого.

— Ты сделал бы, если бы не боялся машины. Но все же, ты кое-чего достиг, а?

— Да, я спас вам жизнь.— Док выпрямился.— Повреждение обусловило тяжелый эпилептоидный апоплексический удар, которого не смягчило удаление кровеного тромба из вашего мозга. И я решил разделить corpus callosum.

Т щелкнул бичом.

— Что это означает?

— Видите ли... Правое полушарие мозга в основном управляет левой половиной тела, тогда как левое полушарие, доминирующее у большинства людей, управляет правой стороной и отвечает за абстрактное мышление, включая распознавание символов.

— Я знаю. При апоплексическом ударе тромб вызывает паралич.

— Верно.— Док вздернул подбородок.— Т, я разделил ваш мозг, правую часть отделил от левой. Это старая, но эффективная операция при лечении тяжелых форм эпилепсии, и я сделал все, что было в моих силах. Я клянусь в этом, могу даже пройти тест на детекторе лжи...

— Заткни свою глотку! Я вот сейчас тебя протестирую! Т, шатаясь, шагнул вперед.— Что со мной будет?

— Как хирург, могу сказать, что вы вполне можете рассчитывать на многие годы практически нормальной жизни.

— Нормальной?! — Т сделал еще один шаг, поднимая хлыст.— Зачем ты завязал мой здоровый глаз и назвал меня Тадеушем?

— Это была моя идея,— признался старик дрожащим голосом.— Я думал... В таком человеке, как вы, должен быть кто-то, какой-то компонент, назовем его Тэдом. При психологическом давлении, под которым мы здесь находимся, я полагал, что Тэд может появиться, если мы предоставим ему шанс, в вашем правом полушарии. Это была моя идея. Если я причинил вам боль, накажите меня.

— Накажу, будь спокоен.— Но, казалось, на какое-то мгновение Т стал скорее заинтересованным, нежели разъяренным.— Кто такой Тадеуш?

— Вы,— сказал доктор.— Никого иного мы не могли вложить вам в череп.

— Джуд Тадеуш был современником Иуды Искариота. Всего лишь сходство имен, но...— Он пожал плечами.

Т фыркнул, коротко хохотнул.

— Вы рассчитывали на то, что во мне осталось какое-то доброе начало, да? И что оно рано или поздно должно проявиться? Я считал вас безумцами, но оказался неправ. Тадеуш был реален. Он был здесь, у меня в голове. Возможно, он в ней и остался, затаившись где-то в укромном уголке. Как мне до него добраться, а? — Т поднял правую руку и осторожно коснулся уголка правого глаза.— Я не желаю испытывать боль. У меня утонченная нервная система. Док, как же так получилось, что его глаз справа, если левое полушарие управляет правой половиной тела и наоборот. И если это его глаз, как я могу чувствовать, что с ним происходит?

— Его глаз справа, потому что я также разделил и зрительные нервы. Это довольно сложная...

— Не важно. Посмотрим, кто из нас хозяин — я или Тадеуш. Вы тоже увидите, вместе с ним. Эй, чернявенькая, поди-ка сюда. Давненько мы с тобой не развлекались, правда?

— Нет,— прошептала девушка.

Она обхватила плечи руками, едва не падая в обморок. Но она пошла к Т. Два месяца рабства приучили узников к мысли, что во избежание неприятностей лучше повиноваться.

— Тебе понравился этот ублюдок Тэд, а? — зловеще прошептал Т, когда она остановилась перед ним.— Ты считаешь, что лицо его в полном порядке? А мое? Смотреть на меня!

Т увидел, как его левая рука поднялась и коснулась щеки девушки, ласково и нежно. Он понял по удивленному выражению ее лица, что в этом прикосновении она ощутила Тадеуша; никогда прежде не смотрела она на Т такими глазами. Т вскрикнул и поднял бич, чтобы ударить девушку, но его левая рука, метнувшись к противоположной стороне тела, крепко схватила запястье его собственной правой руки, как терьер сжимает зубы на шее змеи.

Правая рука Т все еще держала хлыст, но ему послышалось, будто кости ее запястья скрипят. Нога заплелась за ногу, и он упал. Т попытался позвать на помощь, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип. Роботы-телохранители наблюдали, ничего не предпринимая. Прошло, как ему показалось, довольно много времени, прежде чем доктор наклонился над ним и осторожно наложил повязку на его левый глаз.

Теперь я понимаю все более глубоко. Сначала я хотел, чтобы доктор удалил мой левый глаз и старик согласился, процитировав какую-то древнюю книгу, в которой говорилось, что дурной глаз нужно вырвать. Глаз был наименьшей ценой за мое избавление от Т.

Но после недолгих раздумий доктор отказался.

— Т — это вы сами,— сказал он.— Я не могу манипулировать над ним своим скальпелем, хотя, казалось бы, я отделил вас друг от друга. Теперь вы контролируете обе части вашего тела, а не он.— Доктор утомленно улыбнулся.— Представьте себе совещательный комитет внутри вашего черепа, своего рода комиссию. Тадеуш — первый, Т — второй, и есть еще третий, обладающий правом решающего голоса — вы.

При этих словах старик согласно кивнул.

В основном я обхожусь теперь без повязки. Читать и говорить гораздо легче, когда я пользуюсь доминирующей левой половиной мозга, и я остаюсь Тадеушем — возможно, потому, что сам выбираю, чтоб быть именно Тадеушем. Неужели это все так просто?

Время от времени я разговариваю с берсеркером, который по-прежнему доверяет мне, как алчному изгою, противопоставившему себя человечеству. Берсеркер изготавливает в больших количествах поддельные деньги, монеты и банкноты. Он намерен высадить меня однажды на одну из высокоразвитых планет, чтобы я, пылающий злобой к людям, исподтишка вредил им и сеял между ними вражду и раздоры.

Но берсеркер, вероятно, слишком поврежден, чтобы надлежащим образом следить за своими узниками. Имея возможность свободно передвигаться по колоссальному механизму, я с помощью одной из сварочных установок изготовил из серебряных монет кольцо и сделал его сверхпроводимым, используя агрегат, расположенный

в помещении рядом с неживым сердцем берсеркера. Халстед говорит, что этим кольцом, несущим постоянный электрический ток, можно запустить Си-плюсовой привод катера, превращенного берсеркером в нашу тюрьму, и разорвать проклятую машину изнутри. Мы можем нанести ей большие повреждения и спастись. Но можем и погибнуть.

Но пока я жив, я, Тадеуш, управляю собой; и обе мои руки ласковы и нежны, когда я касаюсь ими длинных черных волос.

* * *

Люди зачастую объясняют свои победы наличием совершенных вооружений; выдающимися качествами какого-то отдельного человека, лидера; иногда даже точным разрезом скальпеля хирурга.

Но для некоторых побед невозможно найти реальных, конкретных объяснений. На одном из миров люди, десятилетиями жившие в беспечной безопасности, почти утратили способность защищаться; и однажды берсеркер обрушился на них со всей своей мощью.

Одержать же над ним верх помогло ни что иное, как остроумная шутка.

Повеселитесь вместе с людьми и разделите их ликование!

МИСТЕР ШУТНИК

Берсеркеры, терпевшие поражение в схватках с людьми, понимали, что нуждаются в ремонте и сооружении новых машин. Они выискивали беззвездные, темные места, где могли добыть необходимые им минералы, там, куда еще не добрался человек, который все чаще выступал в роли охотника, а не дичи. В таких укромных местах они построили автоматизированные верфи.

К одной из тайных верфей причалил израненный берсеркер. Его корпус был искорежен в недавнем бою, внутри также имелись многочисленные повреждения. Он скорее упал, чем приземлился на темный планетоид, рядом с наполовину построенным корпусом новой маши-

ны. Прежде чем начался аварийный ремонт, двигатели искалеченного механизма отказали, вышел из строя вспомогательный генератор энергии, и машина умерла, подобно смертельно раненому живому существу.

Компьютеры верфи были способны на многое и обладали широким спектром возможностей. Они оценили степень повреждений, рассмотрели различные варианты своих действий и приступили к работе. Все бы хорошо, но вместо того, чтобы оснастить берсеркер новым электронным мозгом, согласно инструкциям Создателей, они просто вынули мозг из скончавшейся машины и установили его на новорожденном механическом убийце.

Создатели не предвидели, что такое может случиться, а компьютеры верфи, в свою очередь, не ведали, что мозг берсеркеров первого поколения, запущенных в пространство живыми существами, имел предохранительную блокировку. Блокировка эта была предназначена для защиты самих создателей — они не испытывали желания стать первыми жертвами при испытании творений рук своих, предназначенных для уничтожения всего живого.

Когда мозг переместили из одного корпуса в другой, сработал переключатель блокировки. Старый мозг ожил, чтобы ощутить себя повелителем новой могущественной машины, с оружием, способным стерилизовать целую планету; с двигателями, позволяющими огромному механизму нестись сквозь пространство со скоростью, превышающей скорость света.

Рядом не оказалось ни одного Создателя, чтобы отключить простой рубильник предохранительной блокировки.

Обвиняемый шутник — по сути дела, его можно было уже считать осужденным — предстал перед высоким собранием. Он стоял, созерцая ряд напряженных лиц членов комиссии, восседающих за длинным столом. С обеих сторон на него смотрели объективы видеокамер.

Его поступки были столь вопиюще вызывающими, что Комитет по Чрезвычайным Обстоятельствам, состоящий из самих правителей планеты А, собрался на заседание, чтобы вынести приговор по этому делу.

Вероятно, члены Комитета имели и другую причину

для созыва данной Комиссии — ровно через месяц намечались всепланетные выборы. Ни один из высокопоставленных чиновников не хотел упустить возможность лишний раз появиться на видеоэкранах, особенно теперь, когда значительно возросла активность оппозиции в лице новой Либеральной партии.

— Я предоставляю очередное вещественное доказательство,— сказал Министр Коммуникаций.

Он поднял на всеобщее обозрение табличку, которая на первый взгляд напоминала знак для пешеходов. Но надпись черными буквами на белом фоне гласила: ВХОД ТОЛЬКО ПОСТОРОННИМ.

— В первый же день,— продолжал Министр,— когда был вывешен данный знак, многие люди прочли его. Безусловно, он сразу же привлек к себе внимание на оживленной улице. Все дело в том, что семантическое содержание последнего слова противоречиво по своему контексту.

Президент — а он был Президентом не только данного Комитета, но и всей планеты — предостерегающе прочистил горло. Пристрастие Министра Коммуникаций к изречению банальных истин выставляло его еще большим болваном, чем он был на самом деле. Вряд ли либералы являлись сколь-нибудь серьезными соперниками на предстоящих выборах, но не стоило давать им лишний повод для критических нападок на нынешнее правительство.

Единственная женщина в составе Комитета, Министр Образования, взмахнула лорнетом, зажатым в пухлых пальчиках, и поинтересовалась:

— Подсчитано ли, сколько рабочих часов было затрачено людьми, разглядывающими этот двусмысленный знак?

— Мы работаем над этим,— проворчал Министр Труда и метнул в обвиняемого свирепый взгляд.— Вы признаете, что вывесили данный знак?

— Признаю.

Обвиняемый вспомнил, как многие прохожие из хмурой толпы улыбались, как некоторые громко, не таясь, хохотали. Что такое несколько рабочих часов? На планете А уже давно никто не голодал.

— Вы признаете, что не совершили ничего полезного для вашей планеты и вашего народа?

Вопрос задал Министр Обороны, высокий, величе-

ственного вида, увешанный медалями и вооруженный ритуальным пистолетом, мужчина.

— Этого я не могу признать,— заупрямился обвиняемый.— Я лишь попытался немного развеселить людей.

У него не было надежды на снисходительность со стороны членов Комитета. Но он также знал, что не будет подвергнут физическому наказанию — рукоприкладство по отношению к заключенным было запрещено.

— Неужели вы даже сейчас не раскаиваетесь в своем легкомыслии? — Министр Философии вынул изо рта ритуальную трубку и снисходительно улыбнулся.— Жизнь похожа на шутку, верно, но это недобрая шутка. Это вы упустили из виду. Годами вы шокировали наше общество, заставляя людей одурманивать себя легкомыслием, вместо того, чтобы преодолевать горькие реалии существования. Изображения, обнаруженные у вас, могут приносить лишь вред.

Рука Президента коснулась видеозаписывающего куба — еще одного вещественного доказательства, лежащего перед ним на столе. Своим унылым голосом Президент спросил:

— Вы признаете, что эти записи — ваши? Что вы использовали их для того, чтобы... вынудить моих людей... предаться неприличному веселью?

Заключенный кивнул. Они могли доказать все, что угодно; он не воспользовался своим правом на юридическую защиту, желая лишь одного — чтобы суд закончился как можно скорее. Поэтому он добавил:

— Да, я заполнил куб магнитными лентами и кинопленками, позаимствованными мною из библиотек и архивов. Да, я ознакомил людей с его содержанием.

Со стороны членов Комитета послышался ропот. Министр Диеты, скелетообразная фигура с отталкивающе здоровым румянцем на гранитных щеках, поднял руку.

— Ввиду того, что обвиняемый так или иначе будет наказан, могу ли я обратиться к Высокому Собранию с просьбой, чтобы его освободили под честное слово и отдали под мою опеку? В своих ранних показаниях он признал, что одним из его первых проступков было уклонение от месс Рационального Питания. Думаю, я смог бы продемонстрировать, используя этого человека,

облагораживающее воздействие на характер отдельной личности диетической...

— Я отказываюсь! — торопливо и громко прервал эту тираду обвиняемый. Казалось, протест выразил сам желудок заключенного, изрыгнув наружу эти слова.

Наступило неловкое молчание. Президент встал, пытаясь сгладить неуклюжесть ситуации.

— Если у членов Комитета нет более вопросов к обвиняемому, давайте приступать к голосованию. Виновен ли обвиняемый по всем оглашенным пунктам?

Для обвиняемого, утомленно стоящего с закрытыми глазами, голосование звучало, как один голос, повторяющий:

— Виновен, виновен, виновен...

Пошептавшись с Министром Обороны, Президент монотонно огласил приговор:

— Отказавшись от освобождения под честное слово, осужденный шутник отдается в распоряжение Министра Обороны и отсылается на отдаленный маяк в Зоне Подходов для прохождения службы на неопределенный период времени. Это освободит общество от его тлетворного влияния и даст ему возможность принести хоть какую-то пользу своей планете и своему народу.

Уже несколько десятилетий планета А была фактически отрезана — за исключением отдельных незначительных контактов — от *остальной галактики огромной* межзвездной пылевой бурей, которая, *видимо не собиралась* прекращаться еще лет пятьдесят. Станции-маяки зачастую использовались в качестве мест заключения. Своей первоначальной функции — указания правильного курса дружественным кораблям и оповещения в случае нападения противника — они давно уже не выполняли, так как все звездолеты обходили этот сектор галактики стороной.

— И еще,— добавил Президент,— я настаиваю, чтобы этот записывающий куб был закреплен с помощью мономолекулярного шнура на шее осужденного, так чтобы он смог вставить его в проекционное устройство, когда того пожелает. Он будет находиться на станции один, и никакой иной внеслужебной деятельности для него не предусмотрено.

После этого Президент обратился к видеокамере.

— Позвольте мне заверить общественность, что мы сожалеем о необходимости применения такого строгого

наказания, но у нас нет другого выхода. За последние годы среди определенной части населения распространилась опаснейшая зараза — легкомыслие, и, возможно, еще большие опасения внушает необычайно беспечное отношение добропорядочных граждан к этому пороку.

Не упустив возможности пройтись с критическими замечаниями в адрес оппозиции, Президент вновь обратился к осужденному:

— На маяк вы отправитесь в сопровождении робота, который поможет вам исполнять свои служебные обязанности и будет контролировать состояние вашего здоровья. Уверяю, что его вам не удастся склонить к бездумному веселью!

Робот и осужденный шутник стартовали на небольшом корабле. Вскоре они уже достигли края огромного пылевого облака на границе Подходов, где должна была находиться станция Z-45, которую Министр Обороны избрал в качестве места отбывания срока наказания заключенным.

Навигационные приборы зафиксировали в указанном месте некий металлический объект, который впоследствии оказался сферой диаметром в миль сорок. Вокруг нее в безвоздушном пространстве плавали обломки того, что совсем недавно и было, вероятно, маяком Z-45. Сфера, видимо, также засекла их корабль, потому что с пугающей для ее размеров скоростью ринулась им навстречу.

Робот Министерства Обороны прекрасно знал, как выглядят берсеркеры, и попытался подать на планету А сигнал тревоги, но пылевые облака мешали прохождению радиоволн и все его усилия оказались тщетными. Сорокамильная сфера стремительно приближалась и заключила крошечное судно в свои металлические объятия.

Шутник держал глаза закрытыми на протяжении последовавших за захватом событий. Если его послали сюда, чтобы отучить смеяться, лучшего места невозможно было найти. Он стиснул зубы и заткнул пальцами уши, пока механические солдаты берсеркера ломились в корабль, а потом куда-то тащили его. Судьба робота-охранника осталась неизвестной. Впрочем, шутник и не особенно интересовался ею.

Через некоторое время, почувствовав нормальную силу тяжести, вдохнув чистый воздух и ощутив приятное тепло, он решил, что глаза все-таки стоит открыть. Осторожно оглядевшись вокруг, он увидел, что находится в большой полутемной комнате. Ничего зловещего и угрожающего его жизни пока не было.

Он пошевелился и услышал скрипучий монотонный голос, донесшийся откуда-то сверху:

— Согласно банку данных моих компьютеров, ты представляешь собой протоплазматическую мыслящую особь, вероятно, способную понимать данный язык. Ты понимаешь?

— Я? — Шутник посмотрел вверх, в полумрак, но не смог увидеть говорившего.— Да, я тебя понимаю. Но кто ты?

— Я — то, что в данном языке носит название «берсеркер».

Шутник мало интересовался галактическими заварухами, но произнесенное машиной слово напугало даже его. Он, заикаясь, пробормотал:

— Значит, ты что-то вроде автоматического боевого корабля?

— Я не уверен,— сказал после небольшой паузы скрипучий монотонный голос, таким тоном, словно сам Президент прятался где-то в глубине механического организма.— Война, возможно, как-то связана с целью моего существования, но сама эта цель остается для меня не совсем ясной, *так как мое построение не было* завершено. Некоторое время я ожидал, пришвартованный к космической строительной платформе, потом двинулся в путь, чтобы попытаться узнать побольше о своем предназначении. Приближаясь к этому солнцу, я обнаружил испускающее сигналы устройство, которое демонтировал. Но я так и не выяснил до конца, для чего же предназначен.

Шутник сел на мягкий пол. Чем больше он вспоминал слышанное о берсеркерах, тем больше его охватывал трепет.

— Понимаю, по крайней мере, мне кажется начинаю понимать. А что именно тебе известно о твоем предназначении?

— Моя цель — уничтожать все живое, попадающееся на моем пути.

Шутник съежился от страха и спросил почти шепотом:

— Что же здесь неясного?

Берсеркер ответил на вопрос человека двумя своими собственными:

— Что представляет из себя жизнь? И как ее можно уничтожить?

Через тридцать секунд раздался звук, который компьютеры берсеркера не могли идентифицировать. Он доносился от протоплазматической мыслящей особи, но если это была речь, то на языке, берсеркеру неизвестном.

— Что за звук ты издаешь? — поинтересовалась машина.

Шутник перевел дыхание.

— Это смех. Просто смех. Так ты говоришь, что тебя недоделали? — Он вдруг вздрогнул, снова осознав весь ужас своего положения. Но потом опять хихикнул: ситуация была смехотворной до нелепости.

— Что есть жизнь? — переспросил пленник.— Я скажу тебе. Жизнь — это большая унылая серость, и она несет страх, боль и одиночество всем, кто сталкивается с нею. Ты хочешь знать, как уничтожить ее? Я не думаю, что тебе удастся это сделать. Но я подскажу тебе способ, как бороться с жизнью — с помощью смеха. До тех пор, пока мы боремся с ней таким образом, ей нас не одолеть.

Машина спросила:

— Должен ли я смеяться, дабы устоять перед угрозой этой большой-хмурой-серости?

Шутник подумал.

— Нет, ведь ты — механизм. Ты не... протоплазматический. Страх, боль и одиночество никогда не будут волновать тебя.

— Меня ничего не волнует. Где мне найти жизнь и как мне воспроизвести смех, чтобы бороться с нею?

Шутник вдруг почувствовал вес куба, висящего у него на шее.

— Дай мне немного подумать...

Через несколько минут он встал.

— Если у тебя есть проекционное устройство, подобное тем, которые имеют люди, я могу показать тебе, как создается смех. И, может быть, я укажу тебе путь к месту, где существует жизнь. Между прочим, ты не мог бы перерезать этот провод у меня на шее? Только постарайся не причинить мне боли.

Спустя несколько недель в Командном Пункте Обороны планеты А внезапно завыли сирены тревоги, впервые за многие десятилетия. Аппаратура ожила, засверкали разноцветные огоньки различных приборов, зажужжали и суетливо забегали роботы. Минут через пять они уже подняли на ноги весь людской персонал Командного Пункта.

— Это ведь учебная тревога, не так ли? — с надеждой в голосе громко вопрошал Дежурный Офицер.— Кто-то проводит испытания? Но кто?

Голос его начал скрипеть от страха. Он встал на четвереньки, снял панель в нижней части самого крупного робота и заглянул внутрь, надеясь обнаружить причину возможной неисправности, вызвавшей такой переполох. К несчастью, он ни черта не понимал в робототехнике; вспомнив об этом он поставил панель на место и вскочил на ноги. Не имел он также и ни малейшего понятия об обороне планеты. Офицер, спотыкаясь, побежал прочь из Командного Пункта, жалобно взывая о помощи.

Атакующий берсеркер, таким образом, не встретил ни малейшего сопротивления.

Сорокамильная сфера беспрепятственно приблизилась к планете и теперь парила непосредственно над Столицей, заслонив солнце так, что сбитые с толку птицы попрятались в гнезда, спутав день с ночью. Люди, как и птицы, в тот день потеряли многие часы продуктивного труда, но это почему-то не очень их взволновало.

— Передайте Президенту, чтобы он поторопился,— потребовало с видеоэкрана Командного Пункта изображение шутника.— У меня к нему срочный разговор.

Президент, тяжело дыша, только что вошел.

— Я здесь. Я узнал вас и помню, как вас судили.

— Вам покажется странным, но я тоже помню.

— Вы что, скатились до предательства? Будьте уверены, что если вы навели на нас берсеркера, вам не следует ждать помилования от нашего правительства.

Изображение, откинув голову назад, отрывисто рассмеялось.

— О, могущественный Президент! Даже я знаю, что наше Министерство Обороны — всего лишь глупая ш-у-т-к-а, прошу простить меня за неприличное слово. Наши военные способны бороться лишь с мелкими уго-

ловниками. Видите ли, я пришел, чтобы предложить милосердие, а не просить о нем. И еще одно — впредь прошу называть меня не иначе, как Шутник, это теперь мое законное имя.

— Нам не о чем говорить с вами,— пролаял Министр Обороны. Он вошел как раз в тот момент, когда вверенное ему правительство подвергалось словесным оскорблениям.

— Нет, нет, мы несомненно вступим с вами в переговоры,— торопливо воззразил Президент. Он уже почти чувствовал над собой нависающую массу берсеркера.

— Тогда приступим,— объявило изображение.— Но с одним условием — переговоры не должны вестись в таком узком кругу.

Далее Шутник заявил, что желает встретиться с Комитетом в полном составе и встречу эту следует транслировать в прямом эфире на всю планету. Он заверил Президента, что берсеркер полностью у него под контролем, хотя не объяснил, каким образом ему удалось этого добиться. Машина, пообещал он, ни в коем случае не начнет атаку во время переговоров.

Как и все граждане планеты, кандидат на пост Президента от Либеральной партии, удобно устроился перед видеоэкраном в тот судьбоносный вечер, чтобы наблюдать за ходом переговоров. Он, безусловно, лелеял надежду, что какое-либо непредвиденное обстоятельство, просчет нынешней администрации предоставит ему дополнительный шанс на победу в предстоящих выборах.

Население в целом довольно спокойно отнеслось к происходящим событиям, не наблюдалось никаких признаков беспорядков, не говоря уж о массовой панике. Берсеркеры и война с ними по-прежнему оставались чем-то нереальным для жителей планеты А, долгое время изолированных от остальной галактики.

— Мы готовы? — спросил Шутник, оглядывая механическую делегацию, которая собралась для посадки на катер, направляющийся в Столицу.

— Я исполнил все твои указания,— проскрипел откуда-то сверху металлический голос берсеркера.

— Помни,— предостерег его Шутник,— протоплазматические особи там, внизу, находятся под сильным влиянием жизни. Так что не обращай внимания на то, что они будут говорить. Постарайся не обидеть их, а в остальном можешь импровизировать в соответствии

с разработанным нами генеральным планом.

— Все это зарегистрировано в моей памяти согласно твоим инструкциям,— отчеканила машина.

— Тогда отправляемся.— Шутник расправил плечи.— Подать мне мою мантию!

Ярко освещенный Зал Заседаний сверкал суровым прямолинейным великолепием. В центре Зала стоял длинный отполированный стол с двумя рядами кресел по обе стороны.

Точно в назначенное время миллионы людей, прильнувших к видеоэкранам, увидели, как открылись огромные двустворчатые двери; в Зал, маршируя, вошли двенадцать герольдов; лица их под шлемами из медвежьей шкуры походили на лица роботов.

Герольды, поднеся к губам трубы, заиграли государственный гимп планеты А, под звуки которого в Зал величественно ступил Президент со своей свитой.

Он шел походкой человека, направляющегося к месту собственной казни, но без страха, как это обычно бывает, а с чувством собственного достоинства. Комитет отклонил протест Министра Обороны, который предлагал предпринять чрезвычайные меры предосторожности, вплоть до отказа от переговоров. Обычно берсеркеры не разговаривали с людьми, они их просто убивали. Поэтому не стоило провоцировать машину отказом, если она имела намерения пообщаться, а не атаковала немедленно. Комитет, правда, не мог всерьез относиться к Шутнику, но пока он снова был у них под контролем, как они считали, можно было слегка потакать ему.

Министры с каменными выражениями лиц вошли вслед за Президентом сдвоенной шеренгой. Почти пять минут звучал гимн, пока они располагались за столом.

Теперь все ждали прибытия Шутника.

Точно в назначенное время высокие двери распахнулись и в Зал вошли двенадцать роботов, каждый из которых был ростом с человека. Они также были герольдами — на это указывали шлемы из медвежьей шкуры и яркая медная труба в руке каждого из них. Один из них, маршировавший не в ногу с другими, имел шапку из меха енота и держал в руке тромбон.

Механическая процессия была довольно точной копией человеческой, за исключением одного герольда.

Тромбонист сфальшивил в последней части гимна и неверная нота резанула слух присутствующих.

Изобразив на своих лицах некое подобие недоумения, роботы-герольды переглянулись, и головы их медленно повернулись, сфокусировав все свои линзы на тромбонисте.

Тот ошарашенно завертел головой, потер металлической ладонью тромбон, словно пытался удалить с его поверхности какой-то дефект, и в замешательстве застыл.

Наблюдавшего этот фарс Президента охватил первый приступ ужаса. В вещественном доказательстве, записывающем кубе, имелся достаточно древний фильм о подобном горе-музыканте, лысеющем комичном скрипаче, который замирал в таком же замешательстве, вызывая у публики взрывы... страшно подумать, хохота.

Еще дважды механические герольды пытались достойно закончить исполнение гимна. И еще дважды звучала фальшивая нота. Когда же провалилась третья попытка, одиннадцать роботов снова переглянулись и закивали друг другу, словно достигли какого-то соглашения. Неуловимым движением выхватив из-под одежд припрятанное оружие, они пулями изрешетили несчастного, который тут же упал замертво.

По всей планете начала лопаться плотина напряжения, пропуская прорывающиеся наружу капельки и ручейки смеха. Плотина обрушилась, когда тромбониста с мрачной торжественностью понесли прочь из Зала его собратья, возложив на железную грудь провинившегося и так жестоко наказанного робота искореженный музыкальный инструмент, как цветок лилии.

Но в Зале Заседаний никто не смеялся. Министр Обороны безнадежно махнул рукой своим заместителям, отменяя некий задуманный им план. Любая попытка захвата Шутника закончилась бы полным провалом, потому что роботы берсеркера, так правдоподобно имитирующие герольдов, могли так же успешно, вне всякого сомнения, выступить и в роли телохранителей.

Как только изувеченного герольда унесли, вошел Шутник. Фанфары запоздало грянули гимн и Шутник с напускным королевским величием прошествовал к своему месту в центре стола, напротив Президента. Как

и Президент, он был облачен в элегантную мантию, ниспадающую до лодыжек. Механическая свита позади него была одета так же вызывающе роскошно. Каждый из роботов представлял из себя металлическую пародию — и, причем, довольно точную,— на одного из Министров.

Когда пухлый двойник Министра Образования взглянул через лорнет в объектив видеокамер, практически все население планеты разразилось гомерическим хохотом. Даже самые хмурые не смогли удержаться от улыбки.

Новый взрыв смеха потряс планету, когда король-Шутник торжественно сбросил свое одеяние, под которым не оказалось ничего, кроме древнего нелепого купального костюма. В ответ на холодное официальное приветствие Президента — которого, казалось, ничто не могло вывести из себя, кроме, может быть, угрозы физического нападения — Шутник задумчиво сжал губы, потом разомкнул их и надул из жевательной резинки огромный розовый пузырь.

Президент изо всех сил пытался — и небезуспешно — сохранить невозмутимость, в чем его поддерживали все члены Комитета, за исключением одного. Министр Обороны повернулся спиной к разыгравшейся комедии и зашагал к выходу.

Но у дверей он наткнулся на двух металлических герольдов, заблокировавших проход. Свирепо взглянув на них, Министр Обороны пролаял приказ убраться с его пути. Металлические фигуры отдали ему честь, но остались стоять, где стояли.

Храбрый от своего гнева, Министр Обороны тщетно попытался протиснуться между механическими стражами, которые отсалютовали ему еще раз. Услышав сзади тяжелые шаги, Министр обернулся и увидел, как к нему через весь Зал направляется его, Министра, искусно изготовленная копия. Она была лишь на фут выше его и на ее груди позвякивали несколько рядов медалей.

Рука Министра непроизвольно потянулась к оружию. Но металлическая пародия действовала гораздо быстрее; она выхватила гротескного вида пистолет с калибром ствола размером с человеческий кулак. Раздался выстрел.

— Ох! — Министр, шатаясь, отступил назад, мир окрасился в красный цвет...

То, что Министр потом вытер со своего лица, оказалось обыкновенным помидором. Если же это была подделка под помидор, то, несомненно, весьма удачная.

Министр Коммуникаций вскочил на ноги и разразился глубокомысленным замечанием о том, что заседание становится несколько фривольным. Его дубликат тоже поднялся и что-то забормотал в ответ быстрым фальцетом.

Псевдо-Министра Философии, будто бы собиравшегося произнести речь, проткнул длинной иглой шаловливый робот-герольд, и он взвился в воздух, лопнув, словно мыльный пузырь. И тут уж настоящий Комитет впал в панику.

Президент, по-прежнему пытающийся сохранить достоинство, стоял, сунув руки в карманы брюк — он недавно почувствовал коварное механическое прикосновение, и теперь подозревал, что его подтяжки обрезаны.

Под руководством металлического Министра Диеты, его человеческий двойник, заклятый враг простых людей, вынужден был исполнить нежелательную для себя роль в демонстрации культуры питания. Машины схватили его, накормили с ложечки какой-то серой мерзостью и заставили запить ее отвратительного вида жидкостью.

Увернувшись от огромного помидора, чуть было не задевшего его нос, и взглянув на извивающегося в металлических объятиях Министра Диеты, Президент закрыл глаза...

Шутник был, в конце концов, самоучкой, любителем, а не профессиональным режиссером или актером. Он не мог предугадать кульминации своего шоу. Поэтому, когда шутки его иссякли, он просто приказал своим металлическим коллегам по представлению следовать за ним, махнув на прощание рукой видеокамерам и покинул Зал Заседаний.

Снаружи, на улице, его встретили одобрительные крики и смех быстро собирающейся толпы, которая с ликованием проводила Шутника с его труппой до самого катера на окраине Столицы.

Как раз в этот момент, когда он уже входил в катер, чтобы вернуться на берсеркер и ждать развития собы-

тий, небольшая группа людей протиснулась сквозь толпу и кто-то окликнул его:

— Мистер Шутник!

Новоявленный режиссер теперь мог позволить себе немного расслабиться:

— Мне нравится, как звучит это имя! Чем могу быть полезен, джентльмены?

— Они, улыбаясь, поспешили к нему. Один из них, вероятно лидер, торжественно заявил:

— При условии, если вы поможете нам отделаться от берсеркера, мы обещаем вам мандат члена Либеральной партии. Как вице-президента!

Шутник недоуменно слушал их, пока не понял, что они говорят серьезно, и возразил:

— Но я хотел лишь слегка подшутить, всколыхнуть это болото...

— Вы явились катализатором, мистер Шутник. Своей иронией вы взбудоражили всю планету, заставили людей думать!

После недолгих раздумий Шутник принял предложение либералов. Они сидели у входа в катер, разговаривали, планируя дальнейшие действия, когда в небе начало происходить нечто странное.

Подняв головы, все увидели, что громадная тень берсеркера как-то съежилась и исчезла с усыпанного звездами небосвода, оставив после себя облачные столбы, сверкающие, будто северное сияние.

— Я не знаю,— вновь и вновь повторял Шутник, отвечая на град посыпавшихся на него вопросов.— Я не знаю.

Он глядел в небо, сбитый с толку не меньше других. В сердце снова стал прокрадываться страх. Механические пародии на членов Комитета и роботы-герольды, управляемые берсеркерами, начали один за другим коллапсировать, как умирающие люди.

Вдруг небеса озарились гигантской, беззвучной и ослепительной вспышкой, не потревожившей безмолвие звезд. Десять минут спустя прибыла правительственная сводка новостей: берсеркер разрушен. Затем по всепланетному телевидению выступил Президент, едва сдерживающийся, чтобы не дать волю распирающим его эмоциям. Он заявил, что под героическим личным руководством Министра Обороны доблесная эскадра боевых кораблей планеты А атаковала и уничтожила врага. Не

погиб ни один человек, хотя флагман Министерства Обороны получил значительные повреждения.

Услыхав, что его могущественный союзник уничтожен, Шутник ощутил нечто похожее на сожаление. Но эта минутная скорбь быстро сменилась радостью. Ведь никто из людей, в конце концов, не пострадал.

Чувствуя невероятное облегчение, Шутник на некоторое время отвлекся от видеоэкрана. Поэтому он упустил кульминационный момент речи лидера планеты — Президент, забывшись, вынул руки из карманов своих брюк.

Министр Обороны — теперь кандидат на пост Президента от Консервативной партии — был слегка удивлен реакцией некоторых людей, считавших, что он просто испортил хорошую шутку, а не спас планету. Будто прекращение это дурацкой шутки не явилось само по себе добрым деянием! Но его утверждения, что берсеркер представлял из себя истинную, а не мнимую угрозу, снова подтолкнуло большинство избирателей на поддержку Консервативной партии.

В один из чрезвычайно переполненных делами дней Министр все же позволил себе посетить штаб-квартиру Либеральной партии, имея намерение позлорадствовать над почти поверженными политическими оппонентами. Он выступил перед ними с краткой речью, которая становилась уже традицией.

— Когда он ответил на мой вызов и приготовился принять бой, мы приступили к осуществлению стандартной модели атаки, окружив его со всех сторон. И если вы думаете, что он просто шутил, вы глубоко заблуждаетесь. Позвольте уведомить вас, что берсеркер сорвал с моего корабля защитные поля, как шелуху с луковицы. А потом он выпустил в меня эту ужасную штуковину, нечто вроде огромного диска. Может быть, мои артиллеристы действовали нерасторопно, но им не удалось сразу же остановить ее, и она поразила нас. Мой флагман по-прежнему вращается на орбите вокруг планеты, производя на всякий случай дезинфекцию. Боюсь, что в любую минуту могу получить донесение о плавящемся металле корпуса или о чем-нибудь подобном. Мы все же сумели атаковать объект всеми имеющимися в нашем распоряжении орудиями. Одного не могу взять в толк —

когда наши ракеты ударили его, берсеркер никак не отреагировал, будто совсем не обладает средствами обороны... В чем дело?

— Вызов для вас, Министр,— сообщил помощник, державший в руке радиотелефон.

— Благодарю.— Министр Обороны взял трубку и через мгновение улыбка сползла с его лица. Он весь напрягся.— Что показал анализ вражеского оружия? Синтетические протеины и вода?!

Он вскочил на ноги и вперил свирепый взгляд в потолок, будто пытаясь разглядеть свой корабль на орбите.

— Так вы утверждаете, что это всего лишь гигантский кремовый торт?!

* * *

Шут способен, приложив определенные усилия, заставить смеяться окружающих, но не всегда может развеселиться сам.

Я коснулся разумов тех, кто всецело отдался бесшабашному разгулу. Мужчины и женщины понапрасну растрачивали время на маскарадные костюмы, бравурную музыку и гротескные маски, пытаясь убежать от ужасов мира... Но они не нашли успокоения. И не избежали жуткой реальности.

МАСКА КРАСНОГО СМЕЩЕНИЯ

Оставшись один, Фелипе Ногаре выбрал свободную минуту, чтобы получше разглядеть то, что привело его сюда, на окраину галактики. Из роскоши своих апартаментов он шагнул в прозрачный наблюдательный купол, и теперь казалось, что он стоит за пределами корпуса своего флагмана, носящего имя «Нирвана».

Под корпусом, чуть ниже центра искусственной тяжести, косо висел яркий диск галактики, один из рукавов которой составляли звездные системы, еще не исследованные людьми. В каком бы направлении Ногаре не смотрел, он видел мириады сверкающих пятнышек и точек — это были другие галактики, марширующие на

огромных скоростях в десятки тысяч миль в секунду к оптическому горизонту Вселенной.

Однако Ногаре пришел сюда не просто для того, чтобы взглянуть на величественную картину разбегающихся звездных систем, а чтобы рассмотреть нечто новое, явление, никогда прежде не наблюдаемое людьми с такого близкого расстояния.

Феномен был хорошо различим на фоне прозрачной россыпи звезд. К нему устремлялись и на него каскадами падали сверкающие облака и столбы пыли. Звезда, сформировавшаяся в центре феномена, поддерживалась силами своего собственного притяжения. Ее масса, в миллиарды раз превосходящая массу Солнца, так искривила вокруг себя пространство и время, что ни один фотон света не мог вырваться наружу.

Пылевые осколки глубокого космоса, завихряясь и клубясь, попадали в капкан гипермассы. Падающая пыль создавала статические разряды, превращаясь в люминисцентные грозовые тучи; сверкнувшая ослепительно белая молния мгновенно сменила свой цвет на красный и исчезла в ловушке колоссальной гравитации. Вероятно, даже нейтрино не могли противостоять огромному притяжению и ни один корабль не приближался к феномену так близко, как «Нирвана».

Ногаре прибыл сюда, чтобы лично выяснить, насколько открытое недавно явление представляет опасность для населения планет; обычные солнца как щепки затянуло бы в водоворот гипермассы, окажись они на ее пути. Но для эвакуации всех планет требовалось, по крайней мере, лет тысяча. А гипермасса могла взорваться гораздо раньше, насытив свое ядро пылью.

Во всяком случае, в следующем тысячелетии эта проблема будет волновать кого-то другого,- но теперь Ногаре должен был заняться ею, так как именно его многие считали повелителем галактики.

Зажужжал зуммер внутренней связи, приглашая Фелипе вернуться в свои апартаменты. Он не заставил себя долго ждать, отчасти радуясь появлению предлога, позволяющего оторваться от задумчивого созерцания галактик.

Ногаре нажал на кнопку приема.

— В чем дело?

— Милорд, прибыл курьерский корабль из системы Фламланд. Они доставили...

— Короче. Они привезли тело моего брата?

— Да, милорд. Катер с гробом уже пришвартовался к «Нирване».

— Я приму капитана корабля одного, в Большом Зале. Не нужно пышных церемоний. Пусть роботы обследуют эскорт и внешнюю поверхность гроба на предмет наличия инфекции.

— Да, милорд.

Упомянув о болезни, Ногаре покривил душой. Медики просто заморозили тело героя Каменной Зоны. Йоханн Карлсен сыграл в ящик не из-за фламандской эпидемии чумы, как было официально объявлено. Ложь была необходима, потому что даже Верховный Владыка не мог просто так убрать со своего пути человека, которого все люди боготворили за победу у Каменной Зоны. Только благодаря той битве жизнь в галактике не прекратилась, хотя берсеркеры по-прежнему представляли из себя серьезную опасность.

В Большом Зале Ногаре ежедневно проводил многие часы, устраивая банкеты и пышные празднества с сорока-пятьюдесятью приближенными — помощниками, корабельными офицерами и артистами. Но теперь Зал был пуст, лишь один человек стоял навытяжку, как при команде «Смирно!», возле гроба.

Тело Йоханна Карлсена с едва теплящейся в нем жизнью, покоилось в герметично запечатанном металлическом ящике с *бронированной стеклянной крышкой,* оснащенном автономными системами охлаждения и жизнеобеспечения. Открывался он только специальным фиброоптическим ключом, который даже теоретически невозможно было подделать.

Ключ висел у капитана на шее, и офицер, сняв через голову золотую цепочку, протянул его Ногаре. Он чуть было не забыл поклониться, ведь он был заслуженный астролетчик, а не обычный курьер. Ногаре проигнорировал незначительное нарушение этикета; это его адмиралы придавали большое значение формальностям, а самого его мало волновало, как подчиненные жестикулируют и отдают честь, лишь бы они беспрекословно подчинялись ему.

Только теперь, с ключом в руке, Ногаре взглянул на своего замороженного сводного брата. Медики сбрили его короткую бородку и волосы, губы его были мраморно-белые, невидящие глаза сияли льдом. Но все же лицо

над складками замерзшего покрывала оставалось лицом Йоханна.

— Оставьте меня на время,— приказал Ногаре.

Он отвернулся и подождал пока за капитаном закроется дверь, но, вновь взглянув на нее, увидел невысокую фигуру Оливера Микаля, человека, которого он выбрал для замены Йоханна на посту губернатора Фламланда. Микаль, должно быть, вошел сразу же после того, как астронавт покинул помещение.

Возложив руки на гроб, Микаль приподнял седеющую бровь в своем обычном выражении утомленного удивления. Его одутловатое лицо искривила сверхпочтительная улыбка:

— Я думал, мне следовало прийти, чтобы разделить с вами вашу скорбь.

— Нет, я хочу побыть один,— отрезал Ногаре.

Микаль был одним из немногих — включая фламландских медиков — посвященных в тайну. Он хотел было еще что-то сказать, но, посмотрев на Ногаре, передумал. Отвесив преувеличенно церемонный поклон, Микаль быстро пошел к двери. Она снова закрылась.

Итак, Йоханн. Если бы ты замыслил заговор против меня, мне пришлось бы покончить с тобой раз и навсегда. Но ты никогда не был интриганом. Лишь из-за того, что ты служил мне слишком успешно, тебя стали любить не только мои друзья, но и мои враги. И вот ты здесь — моя замороженная совесть. Рано или поздно у тебя появились бы амбиции, и я все равно был бы вынужден или сделать то, что я сделал, или убить тебя.

Теперь я просто убираю тебя для твоей же безопасности, и, возможно, когда-нибудь у тебя появится шанс продолжить свою жизнь. Страшно подумать, но, кто знает, может быть и ты вот так же будешь стоять, размышляя, у моего гроба, как я стою сейчас у твоего. Несомненно, ты будешь молиться за то, что считаешь моей душой... Я не могу сделать подобное для тебя, но я желаю тебе приятных сновидений. Пусть тебе присняться твои небеса, в которые ты так веришь, а не твой ад.

Ногаре представил себе мозг при абсолютном нуле, со сверхпроводимыми нейронами, бесконечно повторяющими одни и тот же сон...

Какая чепуха! Что за вздор лезет в голову...

— Я не могу рисковать своей совестью, Йоханн.

На этот раз Ногаре прошептал слова вслух. Он отвернулся от гроба и снова взглянул через широкий иллюминатор на гипермассу, запачкавшую усыпанное звездами пространство.

— Думаю, «сорок третий» уже доставил тело Ногаре,— произнес Второй Офицер эстилянского курьера с бортовым номером сорок четыре, посмотрев на хронометр командной рубки.— Должно быть, приятно объявить себя императором чего-либо и заставлять людей мотаться по всей галактике, дабы исполнять твои прихоти.

— Не очень-то приятно, наверное, когда тебе привозят труп твоего собственного брата,— заметил капитан Турман Хольт, изучая навигационную карту.

Си-плюсовой привод его корабля быстро увеличивал расстояние между ним и системой Фламланд. Хотя Хольт и не испытывал особого энтузиазма по поводу своей миссии, но обрадовался возможности убраться с Фламланда, где политическая полиция Микаля развила слишком уж бурную деятельность.

— Это уж точно,— усмехнулся Второй.— Ногаре — Бог, но половина его астролетчиков — атеисты.

Легкая улыбка коснулась губ Хольта.

— Он не сумасшедший тиран, а на Эстиле — не самое плохое в галактике правительство. Но они были вынуждены подавить восстание.

— Карлсен все делал правильно.

— Вот именно, делал.

— Ну конечно,— криво ухмыльнулся Второй,— Ногаре мог бы поступить и жестче. Ведь он политик. Но я терпеть не могу эту свору, собравшуюся вокруг него за последние годы. У нас на борту сейчас пример того, чем они занимаются. По правде говоря, теперь, когда Карлсен мертв, я немного боюсь.

— Мы скоро увидим их.— Хольт вздохнул и потянулся.— Пойду взгляну на пленников. Принимай командование кораблем, Второй.

— Слушаюсь, сэр.— Он немного помолчал, а затем добавил: — Сделай человеку одолжение, Турм, убей его.

Минуту спустя, заглядывая через глазок в небольшое помещение, где содержались арестованные, Хольт и сам,

от души, пожелал смерти пленнику мужского пола.

Это был вождь бунтовщиков по имени Джанд, и его захват оказался последним успехом службы безопасности Карлсена на Фламланде, положившим фактический конец восстанию. Джанд был высоким мужчиной, храбрым повстанцем и жестоким бандитом. Он боролся с Эстилской Империей Ногаре до тех пор, пока не осталось надежды, и тогда он сдался Карлсену.

— Моя гордость заставляет меня побеждать моих врагов,— заявил как-то Карлсен.— Но моя честь запрещает мне унижать и ненавидеть их.

Однако политическая полиция Микаля придерживалась иных взглядов.

Запястья и лодыжки преступника были скованы кандалами. Изготовленные из пластика, они не причиняли вреда человеческой коже, но сейчас Хольту казалось, что они совсем ни к чему, и он снял бы их, если бы мог.

Человек, впервые увидевший Люсинду, девушку, сидящую рядом с Джандом и кормившую его, мог бы подумать, что она — его дочь. Но она была сестрой Джанда, на пять лет младше его. Она отличалась редкостной красотой и, вероятно, полиция Микаля имела и другие мотивы, кроме милосердия, отправляя ее ко двору Ногаре незаклейменной и без стерилизации мозга. Ходили слухи, что придворные, как и сам Верховный Владыка, весьма неравнодушны к определенного рода развлечениям. Хольт до сих пор заставлял себя не верить сплетням, стараясь не думать о них. Он открыл камеру и вошел.

Когда Люсинда впервые оказалась на берегу корабля, в ее глазах светилась беспощадная ненависть к любому из эстилян. Хольт приложил все свои силы, чтобы быть с ней как можно более обходительным и предупредительным. Теперь в ее лице не было неприязни — на нем появилось выражение надежды.

— Мне кажется, несколько минут назад он произнес мое имя,— сказала она Хольту.

Тот наклонился, чтобы получше рассмотреть Джанда, но не заметил никаких изменений. Остекленевшие глаза узника по-прежнему тупо смотрели в пространство прямо перед ним, из правого то и дело капала слеза, не связанная, видно, с какой-либо эмоцией. Нижняя челюсть его безвольно отвисла, да и все тело как-то неуклюже обмякло.

— Может быть...— начал Хольт, но запнулся.

— Что? — нетерпеливо переспросила Люсинда.

Боже правый, подумал капитан, не следовало так приручать девочку. Сейчас он почти хотел снова увидеть ненависть в ее глазах.

— Может быть,— мягко продолжил он,— для твоего брата будет лучше, если он пока не будет выздоравливать. Ты ведь знаешь, что его ждет.

Зыбкая надежда Люсинды испарилась после его слов. Она молчала, глядя на брата так, будто увидела что-то новое в его облике.

Зажужжал наручный интерком Хольта.

— Капитан слушает,— отозвался Турм.

— Сэр, мы засекли корабль, посылающий нам сигналы бедствия. Держится пятичасового уровня по отношению к нашему курсу. Небольшой и обычный.

Последние два слова были уже традиционной констатацией факта, что встреченный корабль не являлся гигантским корпусом берсеркера. Вряд ли это были и немногие из оставшихся на свободе повстанцев — они не обладали кораблями для полетов в глубоком космосе.

Хольт вернулся в рубку и взглянул на маленькую точку на экране радара. Вокруг многих планет кружились орбитальные ремонтные верфи, и там частенько можно было встретить другие корабли. Но здесь, так далеко от ближайшей планеты?!

— Чума?

— Нет, не чума,— ответил на заданный Хольтом вопрос радиоголос, прорываясь сквозь статические помехи эфира. Видеосигнал с неизвестного корабля тоже дрожал, не давая возможности хорошенько разглядеть лицо говорящего.— Во время последнего прыжка попалась пылинка, мои энергетические поля разбалансированы. Примете на борт нескольких пассажиров?

— Безусловно.

Для корабля, готовящегося совершить Си-плюсовой прыжок, столкновение с гравитационным полем предмета размером даже с пылинку являлось чрезвычайным происшествием, довольно редким, но встречающимся. Этим, видимо, объяснялись и помехи в связи. Хольт пока не видел никаких поводов для тревоги.

Незнакомец послал катер, вскоре причаливший к воздушному шлюзу курьера. Изобразив на лице дружескую улыбку, чтобы подбодрить пассажиров терпящего

бедствие корабля, Хольт открыл внутреннюю дверь шлюза. В следующий момент он сам, как и остальные шесть членов экипажа, оказался в металлических объятиях — вместо испуганных пассажиров внутрь курьера ворвалась абордажная команда берсеркера, холодная и беспощадная, как ночной кошмар.

Машины захватили курьер так быстро, что никто даже не успел и попытаться оказать сопротивление, но никого из людей пока не убили. Хольта, членов экипажа и его собственных узников бесцеремонно затолкали в одну из спасательных шлюпок.

— На экране не было берсеркера, не было,— без остановок твердил Второй Офицер, словно пытался доказать недоказуемое.

Люди сидели, тесно прижавшись друг к другу, в небольшом пространстве шлюпки. Машины подавали им воздух, воду и пищу. Вскоре их по одному начали выводить для допроса.

— Я знаю это,— успокоил Второго Хольт.— Берсеркеры, вероятно, разработали новую тактику, пытаются бороться с нами другими способами. Это вполне логично после Каменной Зоны. Одного не могу взять в толк — почему никто из нас не предвидел такой возможности?

Люк с клацаньем открылся, и два робота, формой отдаленно напоминающие людей, вошли в шлюпку и уверенно выбрали из девятерых пленников одного.

— Нет, он не может говорить! — закричала Люсинда.— Не трогайте его!

Но механизмы не слышали ее или не хотели слушать. Они рывком подняли Джанда на ноги и потащили прочь. Девушка двинулась вслед, пытаясь спорить с ними. Хольт испугался, что одна из машин обернется и убьет ее, но они лишь оттолкнули ее от люка, не позволив выйти из шлюпки. Люк захлопнулся и Люсинда застыла на месте, тупо уставившись в него. Она даже не шевельнулась, когда Хольт положил руку ей на плечо.

Люк открылся вновь лишь спустя довольно продолжительный отрезок времени. Роботы вернулись, но Джанда обратно не привели, а взяли с собой на этот раз Хольта.

Корпус курьера сотрясали вибрации; механизмы, вероятно, что-то перестраивали. В небольшой каюте, отго-

роженной новой переборкой, по приказу компьютера берсеркера были установлены электронные сканнеры, микрофоны и громкоговоритель, посредством которых берсеркер собирался допрашивать Хольта.

Почти каждый вопрос так или иначе касался Йоханна Карлсена. Берсеркеры по-прежнему считали его своим главным врагом, но этот, очевидно, испытывал особый к нему интерес, не желая верить, что он умер.

— Я захватил ваш бортовой журнал и навигационные карты,— напомнил берсеркер Хольту.— Я знаю, вы держали курс на «Нирвану», куда, думаю, был доставлен нефункционирующий Карлсен. Опиши этот корабль, «Нирвану», используемый живой особью по имени Ногаре.

До тех пор, пока берсеркер спрашивал о покойном, Хольт давал прямые ответы, не желая быть уличенным в бесполезной лжи. Другое дело — флагман. Хольт заколебался. Правда, он мог мало что рассказать о «Нирване», даже если бы захотел. Он не имел возможности согласовывать ответы со своими товарищами по несчастью, чтобы попытаться обмануть берсеркер; последний, вне всякого сомнения, слушал все, что говорилось в спасательной шлюпке.

— Я никогда не видел «Нирваны»,— честно ответил Хольт.— Логика подсказывает мне, что она должна быть сильно укрепленным и хорошо вооруженным кораблем, неся на своем борту верховных *лидеров человечества.*

Об этом, впрочем, берсеркер и сам догадался бы раньше или позже.

Внезапно распахнулась дверь и Хольт удивленно воззрился на странного человека, вошедшего в комнату, где велось дознание. Чуть позже он разглядел, что это и не человек вовсе, а некое существо, созданное, по всей видимости, берсеркером. Плоть, возможно, была изготовлена из пластика или из специально выращенной живой ткани.

— Привет, вы — капитан Хольт? — спросило существо.

Хольт не ответил, и незнакомец поинтересовался:

— Что-то не так?

Даже речь выдавала, что перед Хольтом — не человек, о чем он не замедлил сообщить существу. Человекообразная фигура как-то сразу обмякла и опустилась на пол. Берсеркер объяснил:

— Видишь, я не способен изготавливать хорошие копии живых особей, которые могли бы должным образом общаться с настоящими. Поэтому я требую, чтобы ты, настоящая живая особь, помог мне удостовериться в смерти Карлсена.

Хольт промолчал.

— Я — специальное устройство,— продолжал берсеркер,— построенное с единственной целью — получить заверение, что Карлсен мертв. Если ты поможешь мне доказать это, я охотно освобожу тебя и других живых особей, плененных мною. В противном случае вам всем будет вводиться пренеприятнейший биостимулятор, пока не передумаете.

Хольту не очень-то верилось, что машина охотно вернет им свободу, но он ничего не терял, разговаривая с берсеркером, и мог, по крайней мере, добиться от него быстрой и легкой смерти без применения «пренеприятнейшего биостимулятора».

— Какого рода помощь ты ждешь от меня?

— Мы отправимся к «Нирване», куда ты должен доставить арестованных — я прочел приказы. После допроса пленников руководителями их отправят на Эстил, где они будут отбывать срок заключения. Разве не так?

— Именно так.

Дверь снова отворилась и в комнату неверными шагами вошел Джанд, сгорбившийся и ошеломленный.

— Нельзя ли освободить его от дальнейшего допроса? — попросил Хольт.— От него тебе мало проку.

В ответ — тишина. Взглянув повнимательнее на Джанда, капитан понял, что в нем что-то неуловимо изменилось: слезы уже не струились из его правого глаза. Увидев это, Хольт почувствовал, как откуда-то из глубины его существа поднимается необъяснимый ужас, словно подсознание уже догадывалось, какими будут следующие слова берсеркера.

— Вместо костей у этой живой особи теперь металл,— сообщила машина.— Кровь заменена похожей по составу жидкостью. Внутри черепа я поместил компьютер, а в глазах — миниатюрные видеокамеры для сбора доказательств о смерти Карлсена. Моделирование поведения человека со стерилизованным мозгом — также в пределах моих возможностей.

— Я не испытываю к тебе ненависти,— сказала Люсинда берсеркеру, когда ее доставили для допроса.— Ты — нечто вроде стихийного бедствия, как землетрясение или ураган. Ненавижу я Ногаре и его приспешников. Если бы его брат не был мертв, я убила бы его и с удовольствием отдала бы тебе его тело.

— Капитан Хольт? Говорит Губернатор Микаль, по поручению Верховного Владыки Ногаре. Немедленно доставьте обоих пленников на «Нирвану».

— Слушаюсь, сэр.

После выхода из Си-плюсового пространства вблизи «Нирваны», машина-убийца освободила Хольта и Люсинду из заключения. Остальной экипаж остался в шлюпке, которая парила между двумя кораблями, как будто люди производили контроль силового поля курьера. Члены экипажа оставались заложниками берсеркера.

Хольт не знал, как сказать Люсинде о судьбе ее брата, но все же решился. Она поплакала с минуту, а потом вдруг как-то очень быстро успокоилась.

Берсеркер поместил Хольта и Люсинду в катер, отправляющийся к «Нирване». Человекообразный механизм, всего несколько часов назад бывший братом Люсинды, находился уже в катере, безучасно взирая на окружающее, как человек, *приготовившийся к неминуемой* смерти.

Увидев «брата», Люсинда остановилась и спокойным голосом сказала:

— Я хочу поблагодарить тебя, машина. Ты отнеслась к моему брату с добротой, которой он не получил ни от одного человека. Я уже подумывала об убийстве, чтобы избавить его от дальнейших пыток.

Воздушный шлюз «Нирваны» был сильно бронирован и оснащен автоматическими защитными устройствами, позволяющими отразить нападения абордажных машин, а лазерное оружие и ракеты флагмана могли противостоять дюжине кораблей, подобных курьеру. Берсеркер предвидел все это.

Один из офицеров «Нирваны» сопровождал Хольта.

— Сюда, капитан. Мы все с нетерпением ждем.

— Все?

Офицер выглядел сытым и ухоженным — следствие безопасной и легкой службы. Он буквально пожирал взглядом Люсинду.

— В Большом Зале готовится целое торжество по поводу вашего прибытия.

И правда, в Большом Зале звучала музыка, извивался в неистовом танце кордебалет, облаченный в костюмы более неприличные, чем любая нагота. Прислуживающие роботы убирали со стола, протянувшегося почти по всей длине зала, остатки пиршества. В тронообразном кресле, на самом почетном месте за столом, восседал Верховный Владыка Ногаре с наброшенной на плечи роскошной мантией и хрустальным кубком белого вина в руке. Сорок или пятьдесят приближенных Повелителя — мужчины, женщины и несколько личностей, пол которых Хольт затруднялся определить — расположились по обеим сторонам стола. Все пили и смеялись, некоторые примеряли маски и костюмы, готовясь к предстоящему торжеству.

Головы повернулись к вошедшему Хольту, и за непродолжительным молчанием последовал новый взрыв веселья. Ни в одном из взглядов, обращенных на узников, Хольт не прочел ни тени жалости, ни капли сочувствия.

— Добро пожаловать, Капитан,— произнес Ногаре приятным голосом, когда Хольт вспомнил — и вовремя, надо сказать,— что нужно поклониться.— Какие новости с Фламланда?

— Ничего важного, сэр.

Пухлолицый мужчина, сидящий по правую руку от Ногаре, наклонился над столом.

— Народ, несомненно, охвачен великой скорбью по усопшему губернатору?

— Конечно, сэр.— Хольт узнал Микаля.— И с нетерпением ожидает нового.

Микаль откинулся в кресле, цинично улыбаясь.

— Не думаю, что местное население обрадуется моему прибытию. Девушка, вы рады встрече со мной? Иди сюда, милашка, вокруг стола, сюда, ко мне.— Люсинда — а именно ей адресовались эти слова — повиновалась и медленно пошла к нему. Микаль приказал механическим слугам: — Поставьте кресло для мужчины вот здесь. Капитан, вы можете возвращаться на свой корабль.

Фелипе Ногаре неотрывно смотрел на своего старого врага Джанда, и что он думал, трудно было сказать. Но он казался довольным приказами, которые отдавал Микаль.

— Сэр,— обратился Хольт к Микалю,— я хотел бы увидеть... останки Йоханна Карлсена.

Просьба привлекла внимание Ногаре и он кивнул. Роботы раздвинули черные траурные портьеры, и взору присутствующих открылся альков перед огромным иллюминатором. В алькове покоился гроб.

Хольт не особенно удивился — на многих планетах существовал обычай пировать в присутствии мертвеца. Поклонившись еще раз Ногаре, он повернулся, отдал честь и строевым шагом направился к алькову. Позади он услышал шарканье закованного в кандалы Джанда и затаил дыхание. Вдоль стола прошел ропот, а затем наступила странная тишина, даже пульсирующая музыка смолкла. Возможно, Ногаре жестом приказал позволить Джанду идти, желая посмотреть, что предпримет человек с «промытыми мозгами».

Хольт приблизился к гробу и встал возле него. Он едва видел замороженное лицо внутри и пятно гипермассы в иллюминаторе. Он почти не слышал шепота и хихиканья пирующих. У него перед глазами стояла картина: члены его экипажа беспомощно ждут решения своей участи в лапах берсеркера.

Машина, одетая в плоть Джанда, *подковыляла к гробу* и ее стеклянные глаза уставились на *ледяные* глаза покойника. Изображение узоров сетчатой оболочки глаз мертвеца, зафиксированное миниатюрными видеокамерами, немедленно было транслировано берсеркеру, который мог теперь сравнить их с уже имеющимися у него данными, чтобы удостовериться, что покойный действительно являлся Карлсеном.

Слабый крик заставил Хольта оглянуться на длинный стол. Он увидел, как Люсинда отбивается от жадно тянущихся к ней рук Микаля. Микаль и его собутыльники хохотали.

— Нет, Капитан, я не Карлсен,— крикнул Микаль, увидев выражение лица Хольта.— И думаете, я сожалею о разнице между нами? Перед Йоханном не очень-то яркие перспективы. Его действия сейчас слегка ограничены этой скорлупой, в которой он возлежит, и он больше не может считать себя повелителем бесконечного пространства!

— Шекспир! — вскричал какой-то лизоблюд, восторгаясь литературным стилем Микаля.

— Сэр,— Хольт шагнул вперед.— Могу я... могу я отвести пленников обратно на свой корабль?

— Хо, хо! Я вижу вы ценитель некоторых утонченных удовольствий, предоставляемых нам жизнью, Капитан.— Микаль неверно истолковал беспокойство Хольта.— Но, как вы знаете, высокий ранг имеет свои преимущества. Девочка остается здесь.

Ну что же, может Люсинде будет здесь лучше, чем в плену у берсеркера...

— Сэр, а если... Если мужчина один пойдет со мной? В тюремном госпитале на Эстиле он может поправиться...

— Капитан...— Голос Ногаре был негромким, но он сразу же утихомирил всех сидящих столом. Не спорьте здесь.

— Да, сэр.

— Мои мысли,— Микаль покачал головой,— пока что не поглощены милосердием к врагам, Капитан. Повернутся ли они вскоре в этом направлении... Ну, это зависит...— Он небрежно полуобнял одной рукой Люсинду.— Знаете ли вы, Капитан, что ненависть лишь добавляет остроты любви?

Хольт беспомощно оглянулся на Ногаре, холодные глаза которого говорили: «Еще одно слово, курьер, и ты очутишься в камере. Я не предупреждаю дважды.»

Если бы Хольт сейчас подал условный знак берсеркеру, существо в обличье Джанда немедленно уничтожило бы любого в Зале, прежде чем кто-либо опомнился бы. Хольт знал, что берсеркер слушает и внимательно наблюдает за его действиями.

— Я... я возвращаюсь на свой корабль,— пробормотал он, заикаясь. Ногаре уже не смотрел на него, да и остальные больше не обращали на него внимания.— Я... вернусь сюда... через несколько часов, вероятно...

Голос Хольта сорвался, когда он увидел, что группа подвыпивших придворных окружила Джанда. Они сорвали кандалы с затекших конечностей узника и теперь надевали ему на голову рогатый шлем, совали ему в руки щит и копье, накидывали на плечи шерстяной плащ — снаряжение земных древнескандинавских витязей, неистовых воинов, которых и называли берсеркерами.

— Заметьте, Капитан,— насмешливо говорил Микаль,— на нашем костюмированном балу мы не боимся, что нас постигнет судьба Просперо. Мы безбоязненно привносим в наш праздник элемент ужаса, царящего снаружи!

— Эдгар По! — воодушевленно заорал придворный льстец.

Имена По и Просперо не произвели на Хольта никакого впечатления, и Микаль был разочарован.

— Оставьте нас, Капитан,— недвусмысленно приказал наконец Ногаре.

— Уходите, Капитан Хольт,— впервые за весь вечер сказала Люсинда спокойным голосом.— Мы знаем, что вы хотите помочь всем, кто подвергается здесь опасности. Владыка Ногаре, ведь Капитан Хольт не будет никоим образом обвинен за то, что может произойти здесь после его ухода?

В ясных глазах Ногаре промелькнула тень замешательства. Но он лишь слегка покачал головой, подтверждая, что это так.

Капитану ничего не оставалось делать, как вернуться к берсеркеру и попытаться уговорить его пощадить заложников. Ему, возможно, будет достаточно полученных доказательств того, что Карлсен мертв. А веселящиеся здесь придворные, может быть, найдут в себе достаточно милосердия для существа, которое они считают Джандом.

Хольт вышел. Он так и не понял, что Карлсен был всего лишь заморожен, а не умер.

Рука Микаля обнимала бедра Люсинды, стоящей рядом с его креслом.

— Ну, не дрожи, милашка,— похотливо мурлыкал он,— меня необычайно волнует, что такая конфетка, как ты, вздрагивает от моих нежных прикосновений. Да, очень волнует. Мы уже больше не враги, не правда ли? Если бы мы оставались ими, мне пришлось бы круто обойтись с твоим братцем.

Она дала время Хольту убраться с «Нирваны». Теперь, собрав все свои силы, Люсинда размахнулась и влепила Микалю звонкую пощечину. От удара голова мужчины откинулась, тщательно уложенные седые волосы растрепались.

В Большом Зале повисла ледяная тишина, через мгновенье рассыпавшаяся на мелкие осколки под громовыми раскатами хохота. Лицо Микаля вспыхнуло и стало пурпурно-красным, в тон отпечатку ладони на щеке. Человек, стоящий сзади Люсинды, скрутил ее руки. Она расслабилась, выждала немного, и, высвободив одну руку, схватила со стола нож. Последовал еще один взрыв смеха, когда Микаль испуганно отпрянул, а человек позади Люсинды вновь заломил ей руки. Ему на помощь подскочил еще один, и они вдвоем, смеясь, отобрали у нее нож и силой заставили сесть рядом с Микалем.

Когда губернатор наконец заговорил, голос его слегка дрожал, но был низким и почти спокойным.

— Подведите парня поближе,— приказал он.— Посадите его за стол, напротив нас.

Пока его приказ исполнялся, Микаль доверительно прошептал Люсинде:

— Я полон решимости помочь твоему брату, позволить ему поправиться.

— Грязная завравшаяся свинья,— прошептала она улыбаясь.

Микаль ответил на улыбку улыбкой еще более ослепительной.

— Сейчас мы опробуем мою технологию контроля над разумом,— предложил он.— Держу пари — не потребуется никаких кандалов или цепей, чтобы удержать твоего братца в этом кресле, пока я мысленно приказываю ему.— Микель с презрением махнул рукой в сторону остекленевших глаз, глядевших с лица Джанда.— Но он будет ощущать каждой клеточкой своего существа, что с ним происходит. Уверяю тебя.

Она предполагала, что нечто подобное может случиться, но все равно чувствовала себя не в своей тарелке, вдыхая этот насыщенный пороками воздух. Она боялась одного — упасть в обморок, и, в то же время, хотела отключиться, чтобы не видеть всей этой мерзости.

— Нашему гостю надоел его костюмчик? — Микаль оглядел присутствующих.— Кто хочет первым попытаться развлечь его?

Раздались аплодисменты, когда хихикающее женоподобное созданье поднялось из-за стола.

— Джеми не отличается оригинальностью,— учти-

вым тоном заметил губернатор, повернувшись к девушке.— Но должно получиться неплохо. Смотри!

Филипе Ногаре, сидящий слева от Микаля, начинал терять невозмутимый вид. Он медленно, с явной неохотой, повернул голову, ожидая развития событий. В его взгляде сквозила смесь из предвкушений удовольствия и отвращения.

К Джанду, гнусно хихикая, приблизился Джеми с украшенным драгоценными камнями ножом в руке.

— Только не глаза,— предупредил Микаль.— Я хочу, чтобы он еще кое-что увидел, позже.

— О, не беспокойтесь,— прощебетал Джеми. Он осторожно сдвинул на голове Джанда рогатый шлем и брезгливо вытер пальцы о полу своей туники.— Мы начнем процедуру с одной щечки, слегка проткнем кожу...

Прикосновение лезвия было легким, почти нежным, но и его оказалось достаточно для мертвой плоти. Вся безжизненная маска, сразу же пропиталась жидкостью и, покраснев, опала.

На веселящихся подонков оскалился стальной череп берсеркера.

Люсинда успела заметить, как тело Джеми пролетело весь зал от удара стальной руки. Двое, все еще державшие ее руки, тут же отпустили девушку и кинулись прочь со всех ног. Люсинда сумела нырнуть под стол. Начался настоящий бедлам. Женщины пронзительно завизжали. В следующее мгновенье стол перевернулся от могучего рывка берсеркера. Машина, осознавшая, что ее изобличили, позабыла свою первоначальную функцию — добыть доказательства смерти Карлсена — и вернулась к извечной цели берсеркера — уничтожению всего живого. Убивала она профессионально. Перемещаясь по Залу, механизм взмахивал своими смертоносными, похожими на косы, руками, крушил непрочную человеческую плоть, собирая кровавый урожай.

Люди в панике столпились у дверей, заблокировав себе выход. Безжалостный убийца методично работал среди них, кромсая тела ненавистных ему живых особей. Затем он вернулся в центр Зала и подошел к Люсинде, по-прежнему стоящей на коленях с тех пор, как она спряталась под столом; машина заколебалась, узнав

в ней партнера по своей первоначальной функции. В следующее мгновенье механизм ринулся на очередную жертву.

Ею оказался Ногаре, со сломанной рукой, припадающий на одну ногу. В левой руке он держал тяжелый пистолет и непрестанно палил из него, пытаясь поразить робота. Но пули попадали в мечущихся людей и мебель, лишь слегка задевая движущуюся механическую мишень.

Одна из пуль наконец достигла цели. Попадание оказалось достаточно сильным, но машина сделала стремительный рывок и сбила Ногаре с ног.

В Большом Зале наступила зловещая тишина. Люсинда, шатаясь, поднялась. Тишину нарушили стоны, всхлипы, причитания, но больше никто не встал на ноги.

Девушка перешагнула через изувеченную машину-убийцу. Она тупо уставилась на лохмотья одежды и плоть, цепляющуюся к металлическому скелету... В ее памяти всплыло лицо брата — живое, сильное и улыбающееся.

Но он умер, его не вернешь. Нужно было позаботиться о живых. Она могла попытаться обменять тело Карлсена на заложников. Пора действовать, сказала себе Люсинда.

Роботы, прислуживавшие за столом и обученные действовать в критических ситуациях, вроде пролития вина на скатерть, метались туда-сюда, впав в состояние, которое являлось механическим эквивалентом человеческой паники. Они мешали девушке, но ей все же удалось докатить гроб почти до середины Зала. Она остановилась, услышав слабый голос. Ногаре сумел принять сидящее положение, прислонившись спиной к перевернутому столу.

— ...жив,— прохрипел он.

— Что?

— Йоханн жив. И здоров. Понимаешь? Он заморожен.

— Но мы все говорили берсеркеру, что он мертв.— Она чувствовала себя одураченной после всех этих потрясений, мгновенно сменявших друг друга. Впервые она взглянула в лицо Карлсену и прошли долгие секунды, прежде чем она смогла утереть слезы со своих щек.— У него заложники. Он хочет заполучить его тело.

— Нет...— Ногаре покачал головой.— Теперь я по-

нял. Но нет... Я не выдам его берсеркерам, живого.

Искалеченное тело Ногаре по-прежнему испускало жесткую мощь его личности. Пистолет исчез, но его власть не давала Люсинде сдвинуться с места. У нее больше не осталось ненависти.

— Но он захватил семерых человек,— неуверенно запротестовала она.

— Берсеркеры похожи на меня...— Ногаре оскалил окровавленные зубы.— Они не отпускают пленников. Вот. Ключ...— Он вытащил его из разорванной туники.

Взгляд девушки еще раз упал на холодную безмятежность лица в гробу. Затем, импульсивно, она подбежала к Ногаре и выхватила из его рук ключ. Верховный Владыка безвольно обмяк и, вероятно, потерял сознание.

Замок гроба был маркирован несколькими позициями, и Люсинда ключом установила его в положение АВАРИЙНОЕ ОЖИВЛЕНИЕ. Вокруг фигуры внутри гроба запрыгали огоньки, послышалось слабое жужжание.

Теперь сработали и автоматические аварийные системы корабля. Роботы начали убирать тела жертв этой бойни; Ногаре вынесли на носилках первым. Где-то, видимо, уже приступил к исполнению своих обязанностей робот-медик. Откуда-то сзади троноподобного кресла кричал громоподобный голос:

— Говорит корабельная система защиты, мне требуется приказ человека! Какова природа аварии?

— Не контактируй с курьерским кораблем! — прокричала в ответ Люсинда.— Приготовься атаковать его! Но не задень спасательную шлюпку!

Прозрачная стеклянная крышка гроба помутнела.

Люсинда бросилась к иллюминатору, споткнувшись о тело Микаля. Она выглянула наружу и увидела захваченный берсеркером курьер, розоватый в колеблющемся свете гипермассы, а на его фоне — блестящую точку спасательной шлюпки.

Как долго он будет ждать, пока не убьет заложников и унесется прочь?

Отвернувшись от иллюминатора, девушка увидела, что крышка гроба открыта и человек внутри уже не лежит, а сидит. На одно мгновенье — мгновенье, которое Люсинда запомнила на всю жизнь — глаза его были похожи на глаза ребенка, беспомощно уставившиеся на нее. Но потом в его взгляде появилась сила, совершенно

отличная от властной силы его брата и, возможно, даже более мощная.

Карлсен отвел взгляд от Люсинды, осматривая окружающее, хаос Большого Зала, гроб.

— Фелипе,— прошептал он с болью в голосе, хотя его сводного брата уже не было здесь.

Люсинда подошла к нему и начала свой рассказ с того дня, когда услышала в фламландской тюрьме о смерти Карлсена от чумы.

Один раз он прервал ее.

— Помоги мне выбраться из этого ящика и подай оружие.— Его рука была крепкой и сильной, но когда он встал рядом с девушкой, то оказался удивительно маленького роста.— Ну, что дальше?

Она торопливо продолжала рассказ, пока обслуживающие роботы вооружали Карлсена.

— Но почему вас заморозили? — спросила она, удивившись его здоровью и силе.

Он проигнорировал вопрос.

— Пошли на Пункт Управления Защитой. Мы должны спасти тех людей в шлюпке.

Карлсен уверенно пошел по коридорам корабля и вскоре они добрались до рубки. Йоханн сел в кресло управления. Панель пульта замигала разноцветными огоньками и Карлсен сразу же отдал приказ:

— Свяжите меня с курьером!

Через несколько секунд с курьера ответил ровный голос. Лицо, появившееся на экране, было плохо освещено; невозможно было понять, принадлежало ли оно человеку.

— Говорит Главнокомандующий Карлсен с борта «Нирваны».— Он не назвал себя губернатором или правителем, а выбрал титул, присвоенный ему во времена великой битвы у Каменной Зоны.— Я иду к вам. Мы должны поговорить.

Затемненное лицо на экране колыхнулось.

— Да, сэр.

Карлсен отключил связь.

— У нас есть надежда. Теперь мне нужен катер. Вы, роботы, погрузите мой гроб на самый быстроходный. Я держусь сейчас на стимуляторах аварийного оживления и мне может потребоваться кратковременная заморозка.

— Вы что, действительно собираетесь туда?

— Я знаю берсеркеров. Если первоочередная задача машины — охота на меня, она не потратит ни единого выстрела, ни секунды времени на заложников, пока я нахожусь в поле ее зрения.

— Вы не можете отправиться туда,— услышала Люсинда свой голос.— Вы значите слишком много для всего человечества...

— Я не самоубийца, у меня есть одна-две задумки,— голос его неожиданно изменился.— Так ты говоришь, Фелипе не умер?

— Думаю, нет.

Глаза Карлсена закрылись, губы безмолвно шевелились. Потом он взглянул на Люсинду и схватил с пульта листок бумаги и карандаш.

— Отдай это Фелипе,— велел он, быстро написав что-то.— Он освободит тебя. Ты не представляешь опасности для его власти. Пока я...— Он отдал ей листок.— Я должен идти. Да благословит тебя Бог.

Люсинда наблюдала из рубки, как блестящий катер Карлсена отчалил от «Нирваны» и по длинной дуге направился к курьеру, остановившись на некотором расстоянии от спасательной шлюпки.

— Вы, на курьере,— услышала Люсинда голос Карлсена.— Я здесь, на катере. Вы засекли мой передатчик? Можете сфотографировать сетчатку моих глаз через видеоэкран?

Катер неожиданно метнулся в сторону, едва увернувшись от шквала огня, который орудия берсеркера обрушили на то место, где он только что находился. Карлсен оказался прав. Берсеркер не помедлил ни секунды и не произвел ни единого выстрела по спасательной шлюпке, а всей своей мощью атаковал катер Карлсена.

— Ударьте по курьеру! — закричала Люсинда.— Уничтожьте его!

«Нирвана» выпустила залп ракет, но они не достигли цели. Возможно, ракеты промазали, потому что курьер уже попал в зону искривления пространства, окружающую гипермассу. Катер Карлсена не был поврежден, но он не мог уйти. Маленькая блестящая точка катера исчезла за завесой взрывов и ее затягивало в водоворот гипермассы.

— Догнать их! — крикнула Люсинда и увидела, что

звезды впереди слегка окрасились голубым; почти немедленно автопилот «Нирваны» отменил ее приказ, пролаяв математические доказательства того, что дальнейшее продвижение в том направлении будет гибельным для всех находящихся на борту флагмана.

Катер все больше погружался в гипермассу, захваченный колоссальным притяжением, которое делало работу двигателей бесполезной. А курьер, находящийся во власти берсеркера, опрометчиво ринулся вслед за катером: берсеркер любой ценой пытался достать Карлсена.

Две точки — катер и курьер — покраснели и на огромной скорости неслись впереди огромного облака пыли; они словно влетели в окрашенное багровым закатом небо. И вот красное смещение гипермассы поглотило их, и они исчезли с лица Вселенной.

Вскоре роботы доставили целых и невредимых людей со спасательной шлюпки на борт «Нирваны». Хольт нашел Люсинду в Большом Зале; она все еще смотрела в иллюминатор.

— Карлсен пожертвовал собой, чтобы спасти вас,— сказала девушка.— А он даже никогда вас не видел.

— Знаю,— Хольт помолчал.— Я только что говорил с Ногаре. Не знаю почему, но тебя освободят, а меня не будут преследовать за то, что я привел проклятого берсеркера на борт флагмана. Хотя, кажется, Ногаре ненавидит нас обоих...

Она не слушала его, по-прежнему вглядываясь в пространство.

— Я хочу, чтобы когда-нибудь ты все о нем рассказала,— попросил Хольт, положив руку на плечо девушки. Она слегка повела плечами, инстинктивно реагируя на незначительное раздражение, которое едва ли даже заметила. Хольт убрал руку.— Понимаю,— сказал он после небольшой паузы. Вздохнув, он отправился взглянуть, как там дела у его экипажа.

* * *

Итак, люди вели борьбу за власть везде, где позволяла им Вселенная. На одной из планет такая борьба разгорелась — в незапамятные времена — в гражданскую войну, которая вкупе с эпидемиями и изоляцией от

остального мира, уничтожила цивилизацию и историю.

Мой интеллект, бессильный оказать помощь, беспрепятственно странствовал по разумам варварского, первобытного народа. На людей этих, беспомощных, как овцы, которых они разводили, обрушился один из древних кровожадных волков глубокого космоса.

ЗНАК ВОЛКА

Темная тень, в рост человека, безмолвно появилась между двумя меньшими из трех сторожевых костров. Дункан заметил ее потому, что всегда, по выработавшейся привычке, смотрел ночью в сторону, противоположную направлению ветра.

Разум Дункана был отягощен усталостью и думами о своей жизни, которая насчитывала уже шестнадцать зим. С него, несколько минут назад клевавшего носом, сон как рукой сняло. Он поднял копье и завыл, вызывая волка на бой.

Мгновение горящие огнем, необычайно широко поставленные глаза, смотрели на него. Затем волк отвернулся, издал какой-то вопрошающий звук и растворился в темноте, простирающейся за неверным светом костров.

Дункан облегченно вздохнул. Волк, вероятно, убил бы его, если бы принял вызов, но видимо не решился напасть при свете.

Юноша обернулся и увидел около сотни мерцающих точек — глаза овец, испуганно сбившихся в стадо. Два-три животных тихо блеяли.

Он обошел вокруг стада. Вспомнились легенды, в которых рассказывалось, что люди на древней Земле имели животных — они называли их «собаки» — охраняющих овец. Если это было правдой, то люди совершили большую глупость, навсегда покинув старую добрую Землю.

Но сейчас подобные мысли были неуместны, ситуация требовала молитвы. Волк приходил теперь каждую ночь и погубил уже слишком много овец.

Дункан воздел глаза к ночному небу.

— Пошлите мне знак, Небесные Божества,— начал

он привычную молитву. Но небеса хранили молчание. Лишь яркие предрассветные светлячки беспорядочно кружили в прохладном воздухе. Затухающие звезды, казалось, соглашались, что ночь на три четверти умерла. Легенды гласили, что Земля расположена где-то среди звезд, но молодые жрецы считали, что такие утверждения следует воспринимать, как чисто символические.

Несмотря на близкое присутствие волка, Дункан вернулся к тягостным раздумьям о своей жизни. Вот уже два года он истово молился, надеясь на некое мистическое откровение, божественный знак, который знаменует будущее каждого юноши. Среди молодежи ходили слухи, что некоторые сами придумывают такие знаки и выдают их за послания богов. Это было простительно для представителей низшей касты пастухов, даже для охотников. Но человеку с истинно пытливым умом, каковым считал себя Дункан, невозможно было оставаться простым погонщиком скота. Стать жрецом, изучать заветы, привезенные с древней Земли — вот о чем мечтал Дункан, испытывая жажду к познанию, к величию и еще к чему-то, чего он не мог выразить словами.

Он снова взглянул вверх и у него перехватило дыхание — в небе, почти над самой его головой появилось великое знамение. Точка ослепительного света разрослась в яркое облачко, сияющее среди звезд. Юноша застыл, судорожно сжав пальцами древко копья. Он на мгновение даже забыл об овцах. Облачко разбухло и очень медленно растаяло.

Незадолго до этого к родной планете Дункана вынырнул из межзвездных глубин берсеркер. Его привлек свет здешней звезды солнечного типа. Здесь, на этой планете, несомненно существовала жизнь. Берсеркер, однако, знал, что подобные миры могут быть хорошо защищены, поэтому он приближался к планете чрезвычайно осторожно, по длинной кривой.

Боевых кораблей в близлежащем пространстве не наблюдалось, но телескопы берсеркера засекли яркие точки оборонительных спутников, то скрывающиеся в тени планеты, то вновь появляющиеся. Для уточнения информации компьютеры берсеркера выпустили разведывательную ракету.

Ракета несколько раз облетела вокруг планеты и

взорвалась, проверяя эффективность оборонительной сети, превратившись в маленькое яркое облако на ночной стороне, совсем низко над поверхностью.

Оборонительные спутники, в сущности, не являлись реальным препятствием для берсеркера. Он мог бы почти играючи расправиться с ними, хотя они способны были остановить атаку ракет дальнего радиуса действия. От решающего броска машину удерживало опасение, что внизу ее поджидало какое-то более мощное оружие людей.

Берсеркеру, однако, показалось странным, что на защищенной планете, на ночной ее стороне, не было видно россыпи огней больших городов. Не засек берсеркер и радиосигналов, обычно заполнявших эфир вблизи подобных миров.

С величайшей предосторожностью машина-убийца направлялась к месту, обозначенному разведывательной ракетой.

Утром Дункан посчитал свое стадо, затем еще раз пересчитал — и нахмурился. Вскоре он нашел зарезанного ягненка. Волк не терзал себя голодом, он просто приходил и убивал. Это была уже четвертая жертва за последние десять дней.

Дункан попытался успокоить себя мыслью о том, что теперь овцы мало для него значили, ведь прошлой ночью небеса наградили его знаком, который позволит наполнить его жизнь великими свершениями и благородными целями. Но все же юноша испытывал беспокойство, и не только из-за возможного гнева владельцев овец.

Угрюмо отведя взгляд от полусъеденного ягненка, Дункан увидел, что по длинному зеленому склону пастбища поднимается верхом на осле жрец, одетый во все коричневое. Он, видимо, направлялся из Храмовой Деревни к одной из пещер у подножия горы, закрывающей вход в долину, чтобы помолиться там в одиночестве.

Заметив приветственный взмах руки Дункана — он не мог оставить стадо и пойти навстречу священнику — человек на осле изменил курс.

— Да будет благословенна Земля,— сказал жрец, подъехав ближе. Это был дородный мужчина, который, казалось, обрадовался возможности слезть с осла и потя-

нуться, разминая затекшие суставы. Он улыбнулся, глядя на немного смущенного Дункана.— Ты здесь совсем один, сын мой?

— Да, святой отец. Но... прошлой ночью небеса дали мне знак. Два года я ждал...

— В самом деле? Хорошие новости.— Жрец посмотрел на гору, потом, прищурившись, на солнце, словно прикидывая, сколько минут своего драгоценного времени может посвятить юноше и нетерпеливо сказал: — Расскажи мне, если желаешь.

Услышав, что знак, увиденный Дунканом — вспышка на небе, жрец с трудом сдержал улыбку.

— Сын мой, свет этот видели многие. Сегодня люди из дюжины деревень Племени пришли в Храм. И каждый разглядел в этом сиянии нечто существенное для себя. Вот почему я направляюсь на молитву в пещеру.

Жрец взгромоздился на осла и снова обратился к Дункану:

— Я не попал в число избранных, которые удостоились созерцания божественного знака. Это знамение может быть предназначено не только для тебя, так что достойно исполняй возложенные на тебя обязанности и ты получишь от богов твой, именно твой знак.— Он развернул ослика и поехал прочь.

Дункан обескураженно вернулся к своему стаду. Как он мог подумать, что свет, сверкнувший над половиной мира, предназначен лишь одному безвестному пастуху?

Ближе к полудню Дункан увидел еще одну фигуру, приближающуюся со стороны деревни, где жила Коллин. Юноша потуже затянул пояс своей шерстяной туники и ладонью пригладил волосы, стряхивая травинки, застрявшие в них. Потрогал подбородок. Борода упорно не хотела расти.

Он увидел, что это Коллин, когда она была еще в полумиле от него. Он заставил себя успокоиться и сделал вид, будто заметил ее только тогда, когда она вышла на вершину холма, и он мог окликнуть ее. Ветер трепал ее каштановые волосы и развевал полы длинного платья.

— Приветствую тебя, Коллин.

— Привет, Пастух Дункан. Отец прислал меня посмотреть, как его овцы.

— С овцами твоего отца все в порядке.

Она подошла ближе.

— Я принесла тебе немного пирожков. А что, с овцами других не все в порядке?

Ах, как она прекрасна! Но простой пастух не мог даже и мечтать о ней.

— Прошлой ночью опять приходил волк и зарезал ягненка,— Дункан развел руками.— Я не смыкаю глаз, жгу костры. У меня копье и дубинка. Я бросаюсь на волка, когда он появляется, и отгоняю его. Но рано или поздно он нападает исподтишка или хватает отбившуюся от стада овцу.

— Тебе нужен помощник,— сказала она.— Трудно справиться одному с большим умным волком. Даже с любым из деревенских мальчишек тебе было бы легче.

Он кивнул, слегка польщенный ее намеком на то, что его самого она считала мужчиной. Но юношу по-прежнему беспокоила мысль о виденном им знамении.

— Ты видела ночью небесную вспышку? — спросил он, с горечью вспомнив радость, когда решил, что знак предназначался ему.

— Нет, но вся деревня говорит о ней. Я скажу им о волке, но, видимо, ни сегодня, ни завтра ни один мужчина не придет, чтобы помочь тебе. Они все пляшут и веселятся, не думая ни о чем, кроме небесной вспышки...— Она вдруг недоуменно посмотрела куда-то мимо Дункана.— Гляди-ка!

В полумиле от них несся на осле, которого он пустил в галоп, жрец, торопясь к Храмовой Деревне.

— Наверное, встретил твоего волка,— предположила Коллин.

— Он не оглядывается. Может быть, получил в пещерах какой-то важный знак от подземных богов.

Они долго сидели на траве и разговаривали, пока Дункан угощался пирожками, принесенными Коллин.

— Мне нужно идти,— девушка вскочила на ноги. Солнце уже клонилось к закату, а они даже не заметили этого.

— Да, поторопись. Ночью волк снова может выйти в долину.

Глядя, как девушка быстро удаляется от него, Дункан ощутил волка в своей собственной крови. Возможно, она как-то почувствовала это, потому что оглянулась и странно посмотрела на него. Потом она скрылась за холмом.

Собирая сухой хворост для сторожевых костров, Дункан остановился на мгновение и взглянул на кровавый закат.

— Помогите мне, небесные божества,— начал он молиться.— Если и на этот раз вы не подадите мне знака, то хотя бы помогите мне одолеть волка.— Дункан наклонился и приложил ухо к камню. Каждую ночь он испрашивал у богов знамения, но никогда...

И тут он услышал голос. Юноша припал к земле, вслушиваясь в камень, не веря ушам своим. Вероятно, это шум водопада или топот бегущего стада где-то поблизости... Но нет, то был действительно голос, гулко кричащий из-под земли, хотя слов Дункан не мог разобрать.

Он выпрямился со слезами на глазах, даже забыв об овцах на мгновение. Чудесный знак, подаваемый неким подземным богом, предназначался теперь не половине мира, а только ему одному! А ведь он уже почти не надеялся когда-либо получить его.

Необходимо было понять, что говорит голос. Дункан снова нагнулся и стал напряженно вслушиваться. Приглушенный голос непрерывно что-то бормотал. Юноша взобрался по холму на несколько шагов выше и прижал ухо к другому выступающему из земли камню. Да, здесь было лучше слышно; Дункану показалось, что теперь он различает отдельные слова. «Дай», сказал голос. Снова неясное бормотание. Затем: «Защищай», послышалось Дункану. Знакомые слова произносились с каким-то странным акцентом.

Сумерки сгущались, и Дункан встал, терзаемый противоречивыми мыслями. На нем по-прежнему возлежала ответственнсть за овец, он обязан был разжечь сторожевые костры, иначе он не уберег бы стадо от волка. Но этот таинственный голос! Дункан непременно должен узнать, что он пытается сообщить ему.

Неясная тень вдруг выступила из темноты. Дункан схватился за дубинку — и увидел Коллин.

Девушка дрожа приблизилась и прошептала:

— Солнце зашло очень быстро, и я испугалась. До деревни гораздо дальше, чем до тебя. Я решила вернуться.

Берсеркер снова переместился на ночную сторону планеты, на этот раз с большей скоростью, но по-преж-

нему осторожно. За тысячи лет войны с Жизнью ему уже приходилось встречаться с подобными планетами — защищенными сетью искусственных спутников, но не имеющими больших городов и не испускающими радиосигналов. Обитатели этих миров, видимо, настолько ослабили друг друга в междуусобных распрях и деградировали, что даже забыли, как пользоваться своим мощным оборонительным оружием.

Но здесь Жизнь могла притворяться, коварно заманивая берсеркера в ловушку, ожидая, когда он войдет в зону радиуса действия планетарного оружия. И берсеркер послал вперед механических разведчиков, чтобы спровоцировать возможную атаку людей.

Костры были разожжены; Коллин с копьем в руках охраняла овец. Дункан же собрался следовать за своим знаком. Он начал обходить холм, то и дело припадая к земле, вслушиваясь в каждый камень. Голос подземного бога становился все отчетливей.

Дункан понял, что девушка вернулась не из-за страха перед темнотой, а чтобы помочь ему в его ночном дозоре, и юношу охватила волна благодарности и любви. Но даже эти чувства теперь отошли как бы на второй план. Голос являлся сейчас для него всем.

Дункан затаил дыхание. Он уже слышал голос, не склоняясь к камням. Голос доносился спереди, от подножия утеса.

— Атака в развитии. Выясняю человеческую реакцию. Готов приступить к исполнению первого приказа. Атака в развитии...

И так несколько раз. Кое-что Дункан понял. Атака, приказ, человеческий... «Исполнение первого приказа» — это, вероятно, исполнение одного желания, как в легендах. Впредь никогда Дункан не будет смеяться над легендами, считая себя мудрым.

Странные слова доносились, наверное, из пещеры. А никто, кроме жрецов, не имел права заходить в пещеры. Так что голос не мог принадлежать кому-то из сверстников Дункана, решивших подшутить над ним.

Возможно, об этой пещере не знали даже жрецы. Она была его, Дункана, собственностью, ведь это его привело сюда чудесное знамение.

Испытывая скорее благоговение, нежели страх, юно-

ша протиснулся между обломками скалы и спустился вниз, очутившись в металлической пещере с низким потолком, очень длинной, круглой и гладкой, кроме входа, где ее искорежило, вероятно, обрушившимися камнями. Вдоль изогнутых стен были расположены какие-то горящие круглые штуки, похожие на глаза огромного животного, тускло освещающие внутренность пещеры.

Голос здесь уже кричал, очень громко. Дункан пошел на него.

Мы достигли поверхности,— радировали разведчики берсеркеру.— *Разумная жизнь Земного типа обитает здесь в деревнях. Мы уже убили восемьсот тридцать девять особей. Контратаки со стороны планетарного оружия пока не наблюдается.*

Берсеркер помедлил еще немного, ожидая увеличения количества потерь противника. Когда компьютеры оценили вероятность того, что планета является ловушкой, как почти минимальную, берсеркер снизился и начал методично уничтожать оставшиеся защитные спутники.

— Я здесь,— Дункан упал на колени перед ревущим металлическим созданием, у ног которого лежали кости и скорлупа яиц. Когда-то, в старину, жрецы совершали здесь жертвоприношения, а потом, видимо, забыли этого бога.

— Я здесь,— повторил Дункан, громче на этот раз.

— Планетарная оборона в данный момент находится под контролем поста 9,864,— прогудело божество.

Почему оно говорит так непонятно? — подумал Дункан.

После короткой паузы бог сказал:

— Исполняю первый приказ.

Это казалось понятным, но на всякий случай юноша переспросил:

— Ты исполнишь одно мое желание, могущественный?

— Повинуюсь твоим приказам. Сеть защитных спутников разрушена на девяносто процентов. Системы планетарного оборонительного оружия полностью запрограммированы, требуется команда об активации.

Дункан, по-прежнему стоя на коленях, закрыл глаза. Одно его желание будет исполнено. Остальные слова он воспринял как предостережение осторожно выбирать

желание. Он мог попросить, чтобы боги сделали его мудрейшим из вождей или храбрейшим из воинов. Они могли дать ему сто лет жизни или дюжину юных жен.

Или Коллин.

Но девушка осталась там, в темноте. Сейчас у костров уже, быть может, появился волк, жадно кружащий около стада, охраняемого до смерти напуганной Коллин. Она, наверное, кричит от страха и зовет его, Дункана, на помощь...

Сердце юноши сжалось. Он понял, что волк победил его, разрушив этот момент, от которого зависела вся будущая жизнь. Дункан по-прежнему был пастухом. И если он еще мог заставить себя забыть об овцах, то забыть Коллин он не мог, да и не хотел.

— Уничтожь волка! Убей его! — хрипло выкрикнул Дункан.

— Уточни термин «волк».

— Убийца! Уничтожь убийцу! Это мое единственное желание! — Он больше не мог вынести присутствия божества и побежал прочь, плача о крушении надежд на иную жизнь. Он кинулся на помощь Коллин.

— *Отбой!* — закричал электронный голос берсеркера.— *Ловушка. Возвращайтесь.*

Услышав приказ, его механические разведчики взвились в небо на предельной скорости, устремляясь к своему могущественному металлическому хозяину, но слишком поздно. Через мгновение они превратились в огненные полоски раскаленного глаза.

Берсеркер уже не ждал их. Он приготовился к прыжку в глубокий космос, пытаясь избежать контратаки Жизни, которая так коварно заманила его в ловушку, пожертвовав столькими своими особями. И тут он обнаружил новые силовые поля, окружившие его со всех сторон. Все! Он в капкане.

Небо пылало огнем, основания холмов сотрясались, а у входа в долину с одной из гор как ножом срезало вершину, и вверх хлынула колонна чего-то почти невидимого.

Дункан увидел Коллин. Девушка что-то кричала ему, но громовые раскаты заглушали ее голос. Овцы метались по пастбищу, жалобно блея. Среди них юноша заметил черную тень волка, описывающего круги между

овцами, слишком испуганного, чтобы помнить о цели своего прихода сюда.

Дункан схватил дубинку и побежал, спотыкаясь, вслед за зверем. Он легко нагнал его и завыл, бросая животному вызов. Волк обернулся. Горящее небо отразилось в его глазах; зверь изготовился к прыжку. Но Дункан успел поднять дубинку и нанести сокрушительный удар.

Череп огромного зверя треснул, и волк упал замертво. Юноша исступленно молотил его дубинкой, добивая ненавистного врага.

Внезапно в небе появилось удивительное голубовато-белое солнце, которое через минуту превратилось в красное и затем, разбухнув, лопнуло с ослепительным блеском, оставив после себя легкие облачка светящегося газа. В долине воцарилась тишина.

Дункан ошеломленно шел вперед, пока не увидел Коллин, пытающуюся собрать в стадо разбежавшихся овец. Он махнул ей рукой и поспешил девушке на помощь.

Волк был мертв, а Дункан получил чудесный знак. Боги не убили его. Почва под его бегущими ногами казалась необычайно прочной и устойчивой.

* * *

Я вижу будущее, в котором вы, потомки Землян, одержите верх над планетарными волками и волками космоса. На каждой стадии становления ваших цивилизаций появляются личности, способные отречься от эгоизма и посвятить свои жизни служению человечеству.

Но в каждом из ваших поколений встречаются также люди, выбравшие служение богам тьмы.

ХРАМ МАРСА

Нечто окатывало его разум волнами смятения так, что он забыл, кто он такой и где находится. Он не отдавал себе отчета, как давно началось то, что сейчас происходило, и что случилось до этого. Не мог он также

и сопротивляться происходящему, да и не знал, хочет ли сопротивляться.

Монотонная песнь, исполняемая варварскими голосами, била его по ушам:

Там на одной стене была дубрава,
Где все деревья стары и корявы,
Где остры пни, ужасные на вид,
Откуда зверь и человек бежит...

И он видел лес вокруг себя, хотя даже не мог сформулировать вопроса, являлись ли деревья и доносящиеся до него голоса реальными.

Шел по лесу немолчный гул и стук,
Как будто буря ломит каждый сук.
А под холмом, прижат к стене откосной,
Был храм, где чтился Марс Оруженосный...

И он увидел храм, вырезанный из корпуса берсеркера, наполовину погрузившийся в темную почву. Стальные ворота пели и сотрясались от холодного ветра, рвущегося из храма и яростно воющего в искореженном лесу. Весь пейзаж был серого цвета и освещался сверху неким мерцанием, подобным свету северного сияния.

Лишь с севера сквозь дверь струился свет:
Отсутствовал окошка всякий след,
Откуда б свет мог доходить до глаза...*

Он, казалось, проходил уверенной походкой завоевателя сквозь клешнеподобные ворота к двери храма.

А дверь была из вечного алмаза,
Обита крепко вдоль, и вширь, и вкось
Железом; и чтобы зданье не тряслось,
Столп каждый изумительных палат,
Сверкавший сталью, с бочку был в обхват.

Внутренность храма представляла собой калейдоскоп насилия, неистовую бойню. Орды призрачных мужчин погибали в кровавой схватке; механизмы убивали женщин; детей пожирали ужасные животные. Он, завоеватель, воспринимал это все, ликуя; разум его рисовал эти сцены на основе слов песнопения.

Он не мог сказать, как долго это продолжалось.

---

* Здесь и далее стихи в переводе О. Румера.

Конец наступил внезапно — давление на мозг ослабилось, монотонные голоса умолкли. Облегчение было столь неожиданным, что он неуклюже упал, закрыв глаза, на какую-то мягкую поверхность. Воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь звуком его собственного дыхания.

Глухой стук от падения какого-то предмета заставил его открыть глаза. Короткий металлический меч, брошенный неизвестно откуда, лежал рядом с ним. Он огляделся и увидел, что находится в круглой, тускло освещенной знакомой комнате. Одну из стен занимала огромная фреска, изображающая бесконечные сцены кровавого насилия. У противоположной стены, за низким алтарем, высилась статуя вооруженного человека, сжимавшего в руках вожжи колесницы и боевой топор. Бронзовое лицо истукана искажала гримаса бессмысленной ярости.

Все это он видел прежде, поэтому сейчас сосредоточил свои мысли на мече. Его притягивало к нему, как магнитом. Недавнее видение еще живо стояло перед глазами, внушая страсть к разрушению. Он пополз к мечу, заметив, что одет, как и бронзовая статуя, в кольчугу. Схватив меч, он ощутил мощь, исходящую от него, и вскочил на ноги.

В стене-фреске приоткрылась дверь, и в храм шагнула фигура, одетая в аккуратную неброскую униформу. Лицо ее было худым и суровым. Она походила на человека, но он понял, что это не человек, когда от удара меча не пролилось ни капли крови.

Кровожадно, бездумно раскромсал он пластиковую фигуру на дюжину кусков и стоял над ними, качаясь, совершенно обессиленный. Металлический эфес меча стал внезапно невыносимо горячим, и он выронил его из руки. Его не покидало ощущение, что все это он неоднократно испытывал раньше.

Раскрашенная дверь снова открылась. На этот раз вошел настоящий человек, одетый в черное, с гипнотическими глазами под кустистыми бровями.

— Назови свое имя,— властным голосом приказал облаченный в черную униформу мужчина.

— Меня зовут Джор.

— А меня?

— Ты — Кацулос,— тупо ответил Джор,— глава эстилянской тайной полиции.

— Верно. А где мы находимся?

— В космосе, на борту «Нирваны II». Мы ведем новый космический замок Верховного Владыки Ногаре к нему, на окраину галактики. И когда он взойдет на борт, я буду развлекать его, убивая кого-либо этим мечом. Или другой гладиатор убьет меня.

— Реакция нормальная,— заметил один из людей Кацулоса, вошедший вслед за ним.

— Да, на этот раз он реагирует должным образом,— согласился Кацулос.— Хороший объект. Ты видел диаграммы мозговых ритмов? — Он показал помощнику кусок перфокарты.

Они стояли и обсуждали Джора, как неодушевленный предмет, а он слушал и ждал. Они научили его повиноваться и считали, что так будет всегда. Но скоро он им покажет...

Джор поежился в своей кольчуге.

— Уведите его обратно в камеру,— приказал Кацулос.

Оставшись в храме один, начальник тайной полиции свалил в кучу куски пластикового манекена и долго топтал ногами податливое лицо, искажая его до неузнаваемости.

Потом он постоял немного, глядя в бронзовое маниакальное лицо статуи Марса, и глаза его, холодные и мертвые, когда он смотрел на других людей, теперь ожили.

В каюте, предназначавшейся для Верховного Владыки, зажужжал зуммер интеркона. Адмирал Хемпхилл, находившийся сейчас здесь, не сразу нашел нужный переключатель на панели огромного пульта управления.

— В чем дело?

— Сэр, мы приняли на борт человека с курьерского корабля из Солнечной Системы и можем продолжать путь.

— Хорошо. Кто наш новый пассажир?

— Некто Митчелл Спейн, сэр.

— Я знаю этого человека, капитан. Немедленно пригласите его сюда, мне хотелось бы с ним поговорить.

— Да, сэр.

Хемпхилл отключил связь и откинулся в троноподобном кресле, из которого Фелипе Ногаре вскоре будет

обозревать свою Эстилянскую Империю. Худощавое, суровое лицо Хемпхилла недовольно поморщилось.— Адмиралу не нравилась кричащая роскошь апартаментов Верховного Владыки.

На рубашке, аккуратной неброской униформы Хемпхилла, были вышиты семь черно-алых лент, каждая из которых обозначала победу над берсеркером. Кроме них он не носил никаких других украшений, за исключением адмиральских знаков отличия. Звание адмирала было присвоено ему совсем недавно Советом Объединенных Планет, высшим административным органом анти-берсеркеровской лиги, номинальными членами которой являлись все обитаемые миры.

Через минуту дверь каюты открылась. Вошедший человек, одетый в гражданскую одежду, был небольшого роста, жилистый, с довольно уродливым лицом. Он, улыбаясь, подошел к Хемпхиллу.

— Рад приветствовать Его Превосходительство Адмирала Хемпхилла. Поздравляю с новым назначением. Давненько мы не встречались.

— Благодарю. Да, мы не виделись со времен битвы у Каменной Зоны.— Уголки рта Хемпхилла слегка приподнялись, и он протянул Спейну руку.— Вы были капитаном десантников, насколько я помню.

— Да, девять лет назад,— протянул Спейн.— Теперь я — корреспондент Службы Новостей Солнечной Системы. Меня откомандировали, чтобы взять интервью у Ногаре.

— Я слышал, что вы прославились как самобытный писатель.— Хемпхилл жестом пригласил Митча сесть в кресло.— Сам я, правда, не имею времени заниматься такими несущественными вещами, как литература.

Митчелл сел и вынул курительную трубку. Он достаточно хорошо знал Хемпхилла, чтобы быть уверенным, что тот не кривил душой — единственной целью его жизни было уничтожение берсеркеров, и он не желал отвлекаться на пустяки, коими он считал литературу и искусство.

Митч чувствовал, что у Адмирала к нему серьезный разговор, но терялся в догадках, о чем именно. Прерывая затянувшуюся неловкую паузу он произнес:

— Полагаю, Верховный Владыка Ногаре будет удовлетворен своим новым кораблем.— Он указал на интерьер каюты мундштуком своей трубки.

Внутри корабля не ощущалось никакой вибрации, не слышно было никакого шума, словно огромное судно и не двигалось вовсе, а мирно покоилось на поверхности планеты. Ничто не напоминало о том, что в этот самый момент мощнейшие двигатели несут звездолет к краю галактики со скоростью, во много раз превышающей скорость света.

Хемпхилл воспринял замечание Митча как приглашение перейти к основной теме разговора.

— Меня не волнует,— начал он, слегка откинувшись в кресле,— понравится он Ногаре или нет. Озабочен я тем, для чего будет использован корабль.

После ранения у Каменной Зоны искалеченную левую руку Митча оснастили протезом. Сейчас он выбивал пластмассовым пальцем пепел из своей трубки.

— Вы имеете в виду, что корабль предназначен для странноватых, мягко говоря, развлечений Ногаре? Я заметил здесь нечто вроде гладиаторской арены. Мне не доводилось встречаться с Верховным Владыкой, но, говорят, он стал совершенно невыносим после смерти Карлсена.

— Я не намерен говорить о так называемых причудах Ногаре. Я намекаю на то, что Йоханн Карлсен, может быть, жив.

Спокойное, фантастичное предположение Хемпхилла повисло в воздухе каюты. На мгновение Митчу показалось, что он ощущает Си-плюсовое движение звездолета, пожирающего необъятное космическое пространство, где время ничего *не значило, где жили своей*, неподвластной человеческому пониманию, жизнью души давно умерших людей.

Митч мотнул головой, стряхивая наваждение.

— Вы имеете в виду того самого Йоханна Карлсена?

— Конечно.

— Два года назад он вошел на легком катере в гипермассу сверхновой звезды, увлекая за собой корабль, захваченный берсеркером. Или это всего лишь слухи?

— Мы думали, что он погрузился в гипермассу, но теперь высказываются предположения, что катер Карлсена просто вышел на орбиту вокруг нее. Вы видели девушку на борту «Нирваны»?

— Да, я столкнулся с ней перед дверьми вашей каюты...

— Ее зовут Люсинда. Она свидетель исчезновения Карлсена.

— Ах, да. Я помню эту историю. Но вы говорили что-то о выходе на орбиту?

Хемпхилл поднялся. Казалось, он чувствует себя уверенней, когда сам стоит, а его собеседник сидит.

— Обычно гипермасса и все ее окружающее невидимы вследствие красного смещения, вызываемого колоссальным тяготением. Но в прошлом году некоторым ученым удалось достаточно хорошо исследовать это явление. Их корабль нельзя сравнить с «Нирваной»,— Хемпхилл слегка повернул голову, как будто вслушиваясь в бесшумную работу мощных двигателей,— но они подошли к гипермассе настолько близко, насколько возможно. Сама звезда оставалась невидимой, но с помощью новейшей аппаратуры—длинноволновых телескопов—они сумели получить вот это.

Хемпхилл подал Спейну несколько фотографий.

— Вот как выглядит пространство вблизи гипермассы. Вы, вероятно, знаете, что вес ее в миллиарды раз превосходит массу Солнца с приблизительно таким же объемом. При подобном тяготении возникают явления, которые мы пока не способны понять.

— Интересно, а что означают эти темные линии?

— Падающая пыль, попавшая в ловушку гравитационных сил, как металлический порошок, притягиваемый магнитом.

— И где предполагаемое местонахождение Карлсена?

Хемпхилл ткнул пальцем в одну из фотографий, указывая на крошечную полупрозрачную округлость среди пылевых линий.

— Мы думаем, что это его катер. Он вращается по орбите на расстоянии сто миллионов миль от центра гипермассы. И преследующий его корабль тоже здесь. Они оба застряли. Обычные двигатели не могут там функционировать.

— И вы полагаете, Карлсен все еще жив? — Митч недоуменно уставился на фотографии.

— У него имеется морозильное оборудование, способное замедлять жизненные процессы до минимума. Время также течет для него крайне медленно. Он находится на трехчасовой орбите.

— Трехчасовая орбита, расстояние в сто миллионов миль... Погодите минутку.

— Говорю вам,— Хемпхилл почти улыбнулся,— мы сами многого не понимаем.

— Хорошо.— Митч задумчиво кивнул.— Значит вы считаете, что у него остался шанс. Да, Карлсена невозможно сломить. Он будет бороться до конца.

— Согласен с вами.— Лицо Хемпхилла снова посуровело.— Вы помните, какие усилия прилагали берсеркеры, чтобы убить его. Они боялись его, как никого другого. Хотя я не совсем понимаю, почему... Итак, если мы можем спасти его, нам следует сделать это незамедлительно. Так ведь?

— Безусловно, но каким образом?

— С помощью этого корабля. Он обладает самыми мощными двигателями из когда-либо созданных людьми. Сам Ногаре контролировал постройку судна.

Митч присвистнул.

— И что, они достаточно сильны, чтобы выйти на одну орбиту с Карлсеном и вытащить его оттуда?

— Да, теоретически это возможно. Компьютеры провели математический анализ.

— И вы собираетесь осуществить эту акцию прежде, чем корабль передадут Ногаре?

— Потом будет слишком поздно; вы ведь знаете, как он хотел убрать Карлсена со своего пути. Корабль напичкан сотрудниками тайной полиции, поэтому я держу свой план в секрете.

Митч кивнул. Он почувствовал волнение, как перед битвой.

— Ногаре будет разъярен, если мы спасем Карлсена, но мы поставим его перед свершившимся фактом. А как экипаж? Они на нашей стороне?

— Я уже прощупал капитана; он поддержит меня. А так как я нахожусь сейчас в звании Адмирала Объединенных Планет, то могу отдавать официальные приказы любому кораблю, мотивируя их действиями против берсеркеров. Единственное, что меня волнует — присутствие на борту «Нирваны» полиции Ногаре; они несомненно выступят против нас.

— Как много их здесь?

— Человек двадцать-двадцать пять. Раза в два больше, чем наших сторонников. Не принимая во внимание пленников, которые, конечно, беспомощны.

— Пленники?

— Полагаю, около сорока молодых людей. Гладиаторы для увеселений Ногаре.

Люсинда проводила много времени, бродя по длинным коридорам огромного корабля. Сегодня она забрела в проход недалеко от центральной рубки управления.

Дверь в конце коридора открылась, и из нее вышли три человека. Двое из них были облачены в черную униформу и вели третьего, пленника, одетого в короткую кольчугу.

Увидев черную форму, Люсинда вздернула подбородок и вызывающе встала на пути приближающейся тройки.

— Вам придется обойти меня, стервятники,— сказала она ледяным тоном, когда они приблизились к ней. На узника она не взглянула; горький опыт научил девушку, что малейший намек на сочувствие к жертвам Ногаре лишь добавлял им страданий.

Черные фигуры остановились перед ней.

— Я — Кацулос,— сказал полицейский с кустистыми бровями.— А ты кто? И откуда?

— Когда-то моей родиной была планета Фламланд,— ответила девушка, краешком глаза заметив, что пленник поднял голову.— В один прекрасный день она снова станет для меня родным домом, когда освободится от цепных псов Ногаре.

Второй полицейский открыл было рот, собираясь что-то сказать, но не успел вымолвить и слова, потому что локоть пленника саданул его в живот. Затем узник, который до этого момента стоял, как покорный ягненок, сильным ударом кулака сбил Кацулоса с ног и через секунду исчез за углом коридора. Оба полисмена даже не успели опомниться.

Кацулос запоздало вскочил на ноги. Выхватив пистолет, он ринулся вслед за беглецом, но споткнулся обо что-то и неуклюже упал на пол.

Довольный смех Люсинды, казалось, ничуть не задел его.

— Ему здесь некуда бежать,— прошипел Кацулос, и смех застрял у девушки в горле при виде выражения его глаз.

Кацулос поставил охрану у командной рубки, в машинном отделении и у всех спасательных шлюпок.

— Этому парню, Джору, терять нечего, и он чрезвычайно опасен,— объяснил он Хемпхиллу и Спейну.— Половина моих людей разыскивает его, но вы ведь знаете, как велик корабль. Я прошу вас оставаться в своих апартаментах, пока мы не изловим его.

Минул день, но Джора так и не удалось обнаружить. Митч, воспользовавшись тем, что полиция отвлечена поисками беглеца, решил поближе ознакомиться с ареной — Служба Новостей будет очень заинтересована.

Корреспондент поднялся по ступенькам короткой лестницы и оказался в громадном помещении с высоким куполообразным потолком голубого цвета, как земное небо. Митч прищурился от яркого искусственного света, имитирующего солнечный. Он стоял позади верхнего ряда двух сотен сидений, которые амфитеатром окружали овальную арену, отделенную от них прочной стеной из хрусталевидного материала. Пол арены был посыпан чем-то похожим на песок.

Арена хорошо просматривалась со всех сторон. Каждый зритель, вероятно, мог разглядеть любую мельчайшую деталь разыгрываемого здесь кровавого действа. На другом конце огромного помещения, за верхними сиденьями высились как-то неуклюже здесь выглядящие три здания, отстоящие через равные расстояния друг от друга. Своей *архитектурой они напоминали* Митчу строения древней Земли; об их *назначении оставалось* пока только гадать.

Митчелл вынул из кармана портативный фотоаппарат и сделал несколько снимков с того места, где стоял. Затем направился к ближайшему зданию. Дверь была незаперта, и он вошел.

Сперва он подумал, что обнаружил вход в личный гарем Ногаре; но, присмотревшись, увидел, что не все люди, изображенные на картинах, занимались любовными играми. Здесь были мужчины, женщины и богоподобные создания, в древних земных костюмах и обнаженные.

Фотографируя, Митч постепенно понял, что каждая картинка изображала определенный аспект человеческой любви. Митчелл несколько удивился. Он не ожидал, что в окружении Фелипе Ногаре может воспеваться такое чувство, как любовь.

Выйдя из храма через другую дверь, Митч прошел мимо улыбающейся бронзовой статуи. Очевидно, какая-то богиня, решил он. Верхняя обнаженная часть ее тела выступала из сверкающих зеленоватых морских волн. Он сфотографировал ее и двинулся дальше.

Интерьер второго здания представлял собой картины, изображавшие сцены охоты и земледелия. Богиня этого храма была облачена в скромные одеяния ярко-зеленого цвета и вооружена луком и колчаном со стрелами. У ног ее застыли в ожидании бронзовые собаки, готовые броситься на дичь по приказу хозяйки.

Подходя к последнему храму, Митч ощутил, как его шаги, против воли, ускорились, словно что-то притягивало его к зданию. Ступив внутрь, он застыл, пораженный увиденным. Если первый храм был гимном любви, то этот, несомненно, воздавал почести ненависти.

Одна из фресок на противоположной от входа стене изображала некоего свиноподобного зверя, сунувшего свою уродливую голову в колыбель и пожирающего плачущего младенца. Рядом — несколько мужчин в тогах, с искаженными ненавистью лицами, насмерть забивали кинжалами одного из своих собратьев. По всем стенам мужчины, женщины и дети бессмысленно страдали и умирали в страшных муках, без всякой надежды на милосердие. Дух разрушения был почти осязаем в этой комнате. Это походило на то, как берсеркеры...

Митч шагнул назад, закрыл глаза и схватился рукой за косяк двери. Да, он чувствовал это. Нечто большее, чем картины и освещение, действовало здесь, воспевая Ненависть. Что-то физическое, и оно показалось Митчу до боли знакомым.

Годы назад, во время одной из космических битв, он испытал атаку мысленного луча берсеркера. Люди научились защищать свои корабли от этого оружия — а здесь они, судя по всему, умышленно установили его.

Митч открыл глаза. Излучение сейчас было очень слабым, но оно несло нечто худшее, чем простое замешательство.

Он вышел из дверей храма. Снаружи толстых — гораздо толще, чем других зданий — стен эффект практически исчезал. Но внутри, определенно, воспринималась какая то энергия, воздействующая на мозговые центры ярости. Если Митч ощущал ее сейчас, то что

представляет из себя этот храм, когда некий проектор ненависти включен на полную мощность?

И зачем здесь вообще установлена подобная вещь? Привести в бешенство нескольких гладиаторов? Возможно. Митч взглянул на бронзового Бога, несущегося в своей колеснице над миром, и содрогнулся. В этом храме происходило, вероятно, нечто более ужасное, чем примитивная жестокость зрелищ Древнего Рима.

Он сделал еще несколько снимков и вспомнил, что у первого храма находился интерком. Он быстро вернулся туда и нажал клавишу вызова Информационного Центра корабля.

Когда механический голос ответил, Митч приказал:

— Мне требуется информация о конструкции этой арены, в частности о трех структурах, находящихся на верхней кромке.

Голос спросил, нужны ли ему схемы.

— Нет. По крайней мере не теперь. Расскажи мне лишь о базовом плане конструктора.

Через несколько секунд голос поведал:

— Конструктором был человек по имени Оливер Микаль, ныне покойный. Программируя конструкцию, он опирался на отрывки *из литературного труда некоего* Джеффи Чосера, древнего земного писателя. Цитаты, в основном, взяты из произведения, озаглавленного «Рассказ Рыцаря».

Имя Чосера мало что говорило Митчу. Но он вспомнил, что Оливер Микаль являлся одним из ведущих экспертов Ногаре в области «промывки мозгов» и был самым высокообразованным среди приближенных Владыки.

— Какого рода психоэлектронными устройствами оснащены эти здания?

— В корабельной памяти нет данных о таких устройствах.

Спейн теперь был уверен, что существует Проектор Ненависти. Его, несомненно, установили здесь тайно.

— Прочти мне,— приказал он,— некоторые наиболее значимые отрывки из этого литературного произведения.

— Три храма посвящены Марсу, Диане и Венере,— сказал интерком.— Отрывок, относящийся к храму Марса звучит на языке первоисточника следующим образом:

Там на одной стене была дубрава,
Где все деревья стары и корявы,
Где остры пни, ужасные на вид,
Откуда зверь и человек бежит.

Митч знал древние языки ровно настолько, чтобы уловить несколько знакомых слов, но он почти и не слушал. Разум его зацепился за фразу «Храм Марса». Он слышал ее совсем недавно, в каком-то разговоре о новой тайной секте, исповедующей культ берсеркеров.

А под холмом, прижат к стене откосной,
Был храм, где чтился Марс Оруженосный,
Из вороненой стали весь отлит:
А длинный вход являл ужасный вид.

Сзади донесся негромкий звук, и Митч быстро обернулся. Перед ним стоял Кацулос. Он улыбался, но глаза его напоминали Митчу бронзовые глаза статуи Марса.

— Вы понимаете древний язык, Спейн? Нет? Тогда я переведу. Он монотонным голосом продолжил стихотворение:

Там мне предстал Изменя лик ужасный,
Все Происки и Гнев багряно-красный,
Как угли раскаленные в кострах,
Карманная Татьба и бледный Страх,
С ножом под епанчою Льстец проворный,
И хлев горящий, весь от дыма черный,
И подлое убийство на постели,
Открытый бой, раненья, кровь на теле...

— Кто же вы такие? — поинтересовался Митч. Ему хотелось все выяснить. И он выигрывал время, так как на поясе у Кацулоса пистолет.— Что это для вас? Нечто вроде религии?

— Не вроде религии! — Кацулос покачал головой, не сводя с Митча горящих глаз.— Не мифология каких-то эфемерных божеств, не засиженная мухами немощная философия. Нет! — Он шагнул ближе к Митчу.— Спейн, у меня нет времени, чтобы долго обращать тебя в свою веру. Я говорю без обиняков — храм Марса открыт для тебя. Новый Бог всего сущего примет твою жертву и твою любовь.

— Вы молитесь этой бронзовой статуе? — Митч немного изменил стойку, готовясь к возможному нападению.

— Нет! — Фанатик уже кричал, брызжа слюной.— Этот идол — наш символ, не более того. Наш Бог новый, реальный и всемогущий. Он обладает смертоносными лучами и ракетами, а слава его подобна сиянию сверхновой. Он — потомок Жизни, и волен распоряжаться Жизнью по своему усмотрению. А мы, отдающие себе во власть его слугам, становимся бессмертными, хотя плоть наша гибнет от его прикосновения!

— Я слышал, что существуют люди, поклоняющиеся берсеркеру,— сказал Митч.— Но не ожидал встретиться с таким человеком.

Откуда-то издалека донесся слабый крик и топот бегущих по коридору ног. Кому это подмога, ему или Кацулосу?

— Скоро мы будем везде,— громко заявил полисмен.— Сейчас мы здесь, захватываем этот корабль. Мы используем его для освобождения преданного слуги нашего Бога, который кружится по орбите вокруг гипермассы. И мы принесем недобрую жизнь — Карлсена — в жертву Марсу, и пожертвуем собой. Благодаря Марсу мы будем жить вечно!

Он взглянул в лицо корреспонденту и начал вытаскивать свой пистолет. Не дожидаясь развязки, Митч бросился на него.

Кацулос попытался увернуться. Митчу не удалось крепко схватить его, и оба они упали. Спейн увидел дуло пистолета, направленное ему в лицо, и отчаянно нырнул под сиденья. От выстрела пистолета на него посыпались щепки. Через мгновение он уже бежал, пригнувшись, к храму Венеры. Захлопнув за собой первую дверь и метнувшись через зал храма, он выскочил через другую дверь. Прежде чем Кацулос успел прицелиться для следующего выстрела, Митч уже выбрался на лестницу выхода за пределами арены.

В коридоре он услышал звуки выстрелов со стороны кают-экипажа. Митч пошел в противоположном направлении, к апартаментам Хемпхилла. Из смежного прохода вышла фигура в черной униформе, преграждая ему путь. Митчелл, не раздумывая ни секунды, ринулся на полицейского, не давая ему опомниться. Он едва успел выбить из руки противника пистолет и сбил полисмена с ног. Усевшись на него верхом, Митч замолотил поверженного врага кулаками и локтями, пока тот не затих.

Потом, с подобранным пистолетом в руке, Митчелл

поспешил к двери каюты Хемпхилла. Она открылась прежде, чем он постучался в нее, и закрылась сразу же, как только он прыгнул внутрь.

Еще один человек в черной униформе, правда уже мертвый, сидел, прислонившись к стене, невидящими глазами уставившись на Митча. Грудь его была изрешечена пулевыми отверстиями.

— Добро пожаловать,— сухо промолвил Хемпхилл. Он стоял, положив левую руку на огромный пульт управления. Правой рукой Адмирал небрежно держал короткоствольный пистолет-пулемет.— Кажется, мы столкнулись с большими, чем предполагали, трудностями.

Люсинда сидела в полутемной каюте, которая стала убежищем Джора, и смотрела, как он ест. Сразу же после его побега она начала обходить коридоры и проходы корабля, ища его, шепча его имя, пока он, наконец, не отозвался. С тех пор она тайком приносила ему пищу и воду.

Он был старше, чем ей показалось с первого взгляда — молодой человек одного с ней, вероятно, возраста с крошечными морщинками в уголках подозрительно глядящих глаз. Странно, но чем больше она помогала ему, тем более подозрительными они становились.

Он оторвался от еды и спросил:

— Что ты намерена делать, когда мы прибудем к Ногаре, и на борт взойдет сотня человек, чтобы разыскать меня?

Люсинда хотела было рассказать Джору о плане Хемпхилла насчет спасения Карлсена. С Карлсеном на борту никто на корабле не испугается гнева Ногаре, казалось ей. Но из-за того, что Джор так подозрительно относился к ней, она не решилась доверить ему тайну.

— Ты знал, что тебя в конце концов поймают,— задумчиво сказала она.— Так почему же ты убежал?

— Ты не представляешь себе, что это такое — быть их пленником.

— Представляю.

Он не обратил внимания на ее замечание.

— Они обучали меня драться на арене с другими гладиаторами. А потом выбрали меня для чего-то еще

более худшего. Они щелкают где-то переключателем, и я начинаю убивать, как берсеркер.

— Что ты имеешь в виду?

Джор закрыл глаза, забыв о еде.

— Думаю, на корабле есть человек, которого они хотят убить с моей помощью. Почти каждый день меня помещают в храм Марса, доводят до бешенства и посылают ко мне манекен, всегда с одними и теми же лицом и униформой. А я должен уничтожить его мечом, огнестрельным оружием или голыми руками. У меня нет выбора, когда они щелкают этим переключателем. Я теряю контроль над собой. Они опустошили меня и заполнили своим собственным безумием. Они одержимые. Мне кажется, они сами частенько посещают храм, чтобы искупаться в волнах этого мерзкого сумасшествия перед своим идолом.

Он никогда прежде так долго не говорил с ней. Люсинда не думала, что все это правда, но видела, что он верит. Она коснулась его руки.

— Джор, я кое-что о них знаю. Поэтому я и помогла тебе. И я видела людей, мозг которых был подвергнут полной стерилизации. Они не до конца погубили тебя, и ты обязательно поправишься.

— Они хотят, чтобы я выглядел нормально.— В его глазах по-прежнему сквозила подозрительность.— Почему ты вообще оказалась на этом корабле?

— Потому.— Девушка мысленно оглянулась на прошлое.— Два года назад я встретилась с человеком по имени Йоханн Карлсен. Да, тот самый, которого все знают. Я провела с ним минут десять... Даже если он еще жив, он наверняка забыл меня, а я влюбилась в него.

— Влюбилась! — фыркнул Джор и начал ковырять в зубах.

Или мне только показалось, что влюбилась, сказала Люсинда себе. Глядя сейчас на Джора, понимая и прощая его скептическое недоверие, она вдруг осознала, что не может ясно представить себе лицо Карлсена.

Что-то стегануло по натянутым нервам Джора. Он вскочил и, приоткрыв дверь каюты, выглянул в коридор.

— Что там за шум? Слышишь? Похоже на звуки боя.

— Итак.— Голос Хемпхилла был еще мрачнее, чем

обычно.— Оставшиеся в живых члены экипажа забаррикадировались в своей каюте. Их окружили и непрестанно атакуют. Проклятые поклонники берсеркера захватили командную рубку и машинное отделение. Фактически, они держат под контролем весь корабль, кроме вот этого.— Он похлопал ладонью по пульту, который выдвигался из тайника внутри невинно выглядящего рабочего стола Ногаре.— Я, зная Верховного Владыку, подумал, что он обязательно должен поместить главный пульт в своей каюте. И когда я увидел на корабле столько полиции, то решил поселиться именно здесь.

— Чем он управляет? — спросил Митч, вытирая руки. Он только что оттащил мертвеца в ванную. Кацулосу следовало хорошенько подумать, прежде чем посылать против Его Превосходительства Адмирала лишь одного из своих людей.

— Думаю, он способен доминировать над всеми средствами управления командной рубки и машинного отделения. С его помощью я могу открыть или закрыть большинство дверей и люков корабля. Во многих местах установлены сканнеры, связанные вот с этим видеоэкраном. Приверженцы берсеркера не смогут незамеченными перемещаться по кораблю, пока не переделают схемы коммуникаций или не выкурят нас отсюда.

— А нам, видимо, не следует пока покидать эти апартаменты,— предложил Митч.— Вы не знаете, что с Люси?

— Нет. Она и тот парень, Джор, может быть, еще на свободе и могли бы оказаться нам полезными, но лучше не рассчитывать на них. Взгляните сюда, Спейн.— Хемпхилл указал на видеоэкран.— Это внутренний вид комнаты охраны и тюрьмы под ареной. Если все камеры одиночки заняты, там, вероятно, около сорока человек.

— Неплохая идея. Они, несомненно, опытные бойцы и вряд ли с большой любовью относятся к черной полицейской униформе.

— Я могу поговорить с ними отсюда,— вслух размышлял Хемпхилл.— Но как нам освободить их и вооружить? Мне не удастся проконтролировать все двери одиночек, хотя я могу не допустить противника в эту зону некоторое время, по крайней мере. Скажите мне, как начался бой? Что явилось толчком?

Митчелл рассказал Хемпхиллу все, что знал.

— Это почти смешно. Берсеркеропоклонникам при-

шла та же самая мысль, что и вам — повести «Нирвану» к гипермассе. Только они, конечно, намеревались выдать Карлсена берсеркерам.— Он покачал головой.— Полагаю, Кацулос отобрал для этой акции самых ярых фанатов берсеркера. И их оказалось больше, чем мы предполагали.

Хемпхилл лишь пожал плечами. Вероятно, он достаточно хорошо понимал этих фанатиков, будучи их полной противоположностью и посвятив всю свою жизнь борьбе с машинами-убийцами.

Люсинда теперь не могла оставить Джора и ему не позволила уйти. Как предследуемые звери, пробирались они по длинным коридорам, которые она довольно хорошо изучила за время своих долгих странствований по кораблю. Она уводила парня от звуков боя, а он рвался туда, где стреляли.

Джор заглянул за угол и прошептал:

— У двери комнаты охраны — никого.

— Но как ты войдешь? Там может находиться кто-нибудь из этих стервятников, а ты безоружен.

— Что мне терять? — Он беззвучно засмеялся.— Свою жизнь?

Джор решительно направился к двери.

Большинство живописных панелей было уже снято со стен храма Марса. Два человека в черной форме занимались механизмом излучателя; Кацулос сидел у алтаря, наблюдая за перемещениями беглого гладиатора и девушки через свои собственные потайные сканнеры. Увидев, что Джор и Люсинда сумели проникнуть в комнату охраны, Кацулос взвился.

— Живее! Включайте луч и сфокусируйте его на Джоре. Вскипятите ему мозги! Он убьет там всех, попавшихся ему на пути, а мы, тем врременем, займемся остальными.

Двое помощников Кацулоса поспешили выполнить его приказ, подключая провода и настраивая излучатель. Один из них спросил:

— Он тот самый, натренированный для убийства Хемпхилла?

— Да. Его мозговые ритмы в памяти излучателя. Немедленно сфокусируйте луч на нем!

— Выпусти их из камер и вооружи! — кричало изображение Хемпхилла с видеоэкрана комнаты охраны.— Люди! Поддержите нас, и я обещаю дать вам свободу, когда корабль окажется в ваших руках. Нас возглавит Йоханн Карлсен, если он еще жив.

При упоминании о свободе из камер донесся рев. Следующий взрыв энтузиазма грянул, когда гладиаторы услышали имя Карлсена.

— За ним мы пойдем куда угодно, даже на Эстил! — прокричал один из узников.

Когда луч из храма Марса ударил вниз, его не ощутил никто, кроме Джора. Остальные пленники не подвергались такой усиленной обработке, как предполагаемый убийца Хемпхилла.

Как только Джор взял ключи, чтобы отпереть двери камер, луч поразил его. Он понял, что происходит, но ничего не мог поделать. В пароксизме ярости он выронил ключи, схватил с оружейного стеллажа автомат и открыл огонь по видеоэкрану с изображением Хемпхилла.

Участком своего мозга, еще не подвергшимся действию луча, Джор чувствовал отчаяние, как тонущий человек. Он сознавал, что вскоре совсем не сможет сопротивляться мысленной атаке.

Увидев, как Джор палит в экран, Люсинда поняла, что им управляют.

— Нет, Джор! — Она упала перед ним на колени. На нее смотрело сверху вниз уже не лицо беглого гладиатора, а искаженная ненавистью маска Марса, Бога Войны.— Прекратим, Джор! Я люблю тебя!

Марс засмеялся над ее любовью, или пытался засмеяться, но не смог направить на нее оружие. Джор изо всех сил старался вернуть свое собственное лицо, свою личность.

— И ты меня любишь, Джор, я ведь знаю. Даже если они заставят тебя убить меня, помни, я знаю это.

Джор, цепляясь за остатки здравого рассудка, почувствовал целительную силу, наполнявшую его зомбированный разум и позволявшую ему сопротивляться сокрушительному напору Марса. Перед мысленным взором заплясали картины, виденные им в храме Венеры, Богини Любви. Конечно! Там должен быть контрпроектор, и кому-то удалось включить его.

Джор всплыл над волнами кроваво-красной ярости,

как ныряльщик всплывает из глубины на поверхность, жадно наполняя легкие воздухом. Он взглянул на свои руки, сжимающие автомат. Усилием воли попытался разомкнуть затекшие пальцы. Марс по-прежнему гневно кричал на него, все громче и громче, но власть Венеры оказалась сильнее. Руки мятежного гладиатора разжались, и оружие упало на пол.

Вырвавшиеся на свободу узники вооружились, и вскоре бой закончился, хотя поклонники берсеркера и не думали сдаваться. Кацулос и двое его помощников сражались до последнего патрона, ведя огонь из храма Марса и включив Проектор Ненависти на максимальную мощность. Записанные монотонные голоса ревели свою зловещую песнь. Вероятно, Кацулос хотел привести противника в состояние самоубийственной ярости, но возможно он оставил Проектор включенным из-за фанатичного преклонения перед своим кровожадным божеством.

Каковы бы ни были причины, трое внутри храма в полной мере испытали на себе эффект своего психического оружия. Митчу доводилось всякое видеть, но когда он, наконец, ворвался в храм, то на мгновение отвел взгляд, настолько отвратительной была представшая перед ним картина.

Хемпхилл всем своим видом выказывал лишь удовлетворение исходом схватки с почитателями Марса на борту «Нирваны II».

— Прежде всего осмотрим командную рубку и машинное отделение. Потом займемся наведением порядка и продолжим свой путь.

Митч уже собирался последовать за Адмиралом, но его на минуту остановил Джор.

— Это вам удалось включить контрпроектор? Если так, то я обязан вам больше, чем жизнью.

Митч недоуменно посмотрел на него.

— Контрпроектор? О чем ты говоришь?

— Но ведь там должен быть...

Когда все удалились, Джор, оставшийся на арене, с почтением взглянул на тонкие стены храма Венеры, в которых, конечно же, невозможно было спрятать никакого проектора. Потом его позвал голос девушки, и он поторопился наружу.

На арене наступила минутная тишина.

— Отбой чрезвычайного положения,— сообщил бесстрастный голос интеркома пустым рядам сидений.— Системы корабля возвращаются к обычному функционированию. Даю ответ на последний вопрос относительно конструкции храмов. Отрывок из произведения Чосера, относящийся к храму Венеры, звучит на языке первоисточника следующим образом:

Мне все равно, как мы закончим прю:
Они меня иль я их поборю,
Лишь деву мне бы сжать в тисках объятий!
Ведь сколь ни властен Марс, водитель ратей,
Но в небе ты владеешь большей силой:
Коль ты захочешь — завладею милой...

Венера улыбнулась, колыхнувшись в сверкающих морских волнах.

* * *

Люди имеют обыкновение проецировать свою веру и свои эмоции на собственное видение окружающего мира. Машины обладают более широким кругозором, воспринимая явления такими, какие они есть на самом деле; им не мешают ни любовь, ни ненависть, ни благоговение.

Но все же человеческие глаза зачастую видят больше, чем линзы.

ЛИК БЕЗДНЫ

Прошло пять минут, и видимого изменения ситуации пока не наблюдалось. Карлсен осознал, что он еще поживет. Как только его разум посмел приоткрыть глаза, если можно так выразиться, Карлсен начал различать глубины окружающего его пространства вместе с тем, что они содержали.

В след за этим последовал непродолжительный отрезок времени, когда ему показалось, что он не способен двигаться; потом он думал, что сходит с ума.

Он несся в полупрозрачном пузырьке катера диаметром около двенадцати футов. Рука войны забросила его сюда, на самый крутой в обозримой Вселенной склон гравитационного холма.

На невидимом дне этого холма лежала звезда столь массивная, что ни единый квант света не мог вырваться из ее хватки. Меньше чем за минуту Карлсен в своей блестящей капельке провалился сюда, на невообразимое расстояние от обычного пространства, пытаясь оторваться от врага. Йоханн провел эту минуту в молитве, достигнув некоего успокоения и считая себя уже мертвым.

Но минута прошла, и падение прекратилось. Он, видимо, вышел на орбиту — орбиту, по которой не вращался до сих пор ни один корабль, созданный человеком.

Он парил над непрерывной, беззвучной круговертью фантастических облаков, которые заполняли половину неба, как приближающаяся планета. Но эти тучи были неизмеримо больше любой планеты, обширнее самых гигантских звезд. А сердцем их являлась гипермассивная звезда, вес которой в миллиарды раз превышал массу Солнца.

Облака состояли из межзвездной пыли, притянутой колоссальной силой тяжести; падая вниз, они вызывали электростатические разряды, сверкавшие непрекращающимися молниями. Ближние к Карлсену вспышки были голубовато-белыми. *Но большинство из них, как и* основная масса облаков, находились *далеко внизу и светились* тускло-красным цветом.

Йоханн сидел в кресле, установленном в центре катера — «пузыря», перед пультом управления и устройствами контроля систем жизнеобеспечения. Ниже палубы виднелись еще два-три непрозрачных объекта, один из них — небольшой, но мощный двигатель, искривляющий пространство. Все остальное вокруг Карлсена было почти прозрачным стеклянным корпусом, содержащим воздух и предотвращающим проникновение радиации, но выставляющим человека напоказ глубинам космоса.

Постепенно взяв себя в руки, Карлсен глубоко вздохнул и попытался активировать двигатель, чтобы попробовать выбраться отсюда. Но, как он и предполагал, попытка оказалась тщетной. Двигатель не работал.

Даже незначительное изменение орбиты сразу стало

бы заметным — катер каким-то образом зафиксировался в пределах узкого пояса каменных обломков и пыли, который протянулся, подобно нити, далеко внизу и там сливался с другими такими же поясами в более широкий поток. Последний, в свою очередь, объединялся с себе подобными в еще более обширный и так далее, уровень за уровнем, пока наконец — на расстоянии в сто тысяч миль? в миллион? — не появился, едва воспринимаемый человеческим зрением, первый изгиб гигантского кольца; за ним — дуга, окрашиваемая вспышками молний во все цвета радуги, уходящая за ужасно далекий горизонт клубящегося савана пыли. Фантастический облачный горизонт находился, решил Карлсен, в миллионах миль от катера, но казалось, что за какие-то несколько минут он приблизился — так велика была скорость катера, перемещающегося вместе с каменно-пылевым поясом.

Протяженнсоть орбиты, вероятно, была такой же, как и у орбиты Земли, вращающейся вокруг Солнца. Но, судя по скорости, с которой передвигались облака внизу, катер описывал полный круг минут за пятнадцать. Это было безумием, перемещаться с такой скоростью в обычном пространстве, но, безусловно, пространство не было здесь обычным. Просто не могло быть. Эти бешено вращающиеся пояса камня и пыли указывали на то, что гравитация сформировала силовые линии, по которым гипермасса, как магнит, притягивала их к себе.

Орбитальные пояса обломков сверху катера двигались с меньшей скоростью. В ближайших из них Карлсен мог различить отдельные громадные камни, пролетающие мимо, как зубья колоссальной пилы. Карлсен испытывал благоговейный трепет от открывшейся ему со всех сторон величественной картины.

Он сидел в кресле и отвлеченно размышлял, мог ли он стать моложе, отправившись назад по времени и вернувшись во Вселенную, из которой недавно выпал... Он не был ни профессиональным математиком, ни физиком, но решил, что вряд ли такой фокус по силам даже феномену гипермассивной звезды. Однако, он вполне допускал, что время здесь, на этой орбите, может течь для него гораздо медленнее, нежели для остального человечества.

Но пора было возвращаться от глобальных проблем к более насущным, сиюминутным. У него имелся достаточный запас воздуха, воды и пищи, а с помощью двига-

теля, неспособного вывести его отсюда, он мог бесконечное число раз регенерировать их.

Карлсен внимательно рассмотрел силовую линию — или что это было — которая держала его в плену. Камни большего размера, некоторые почти с его «пузырь», казалось, не меняют своего положения внутри пояса; но более мелкие обломки перемещались с относительной свободой взад-вперед, с очень низкими скоростями.

Он встал с кресла, обернулся и, шагнув в заднюю часть катера, сразу же очутился у изогнутой прозрачной стены. Карлсен выглянул наружу, пытаясь определить, где противник — корабль берсеркера, ринувшийся за катером в погоню. Так и есть, он в миле позади, пойманный в ту же самую ловушку космических обломков. Сканнеры противника сейчас, наверное, направлены на «пузырь» и враг видит, как Карлсен перемещается по катеру. Если бы они могли накрыть его огнем своих орудий, то уже давно сделали бы это. Компьютеры берсеркера не стали бы, раскрыв рот, терять время на созерцание космического чуда.

Словно соглашаясь с мыслями человека, берсеркер ответил вспышкой своего лазерного оружия. Но луч казался здесь странным, серебристым. Он пролетел всего лишь несколько ярдов среди крутящихся камней и пыли и потух, как комическая шутиха. От выстрела в облаке прибавилось пыли, которая вроде бы сгущалась перед берсеркером. Возможно, машина уже давно ведет огонь по катеру, но в этом странном пространстве не действует энергетическое оружие. Тогда, ракеты?

Да, ракеты. Карлсен видел, как берсеркер выпустил одну. Продолговатый цилиндр метнулся с огненной вспышкой по направлению к «пузырю» и тут же исчез. Куда он пропал? Свалился в гипермассу?

Заметив вспышку другой ракеты, Карлсен быстро взглянул вниз. Там, в месте удара ракеты, на силовой линии следующего уровня он увидел мгновенно блеснувшую искру и клуб дыма, который почти сразу же унесся с сумасшедшей скоростью из поля зрения Карлсена. Йоханн проследил взглядом, куда тот исчез, и осознал, что на корабль берсеркера он смотрел не со страхом, а с чем-то вроде облегчения, как бы отвлекаясь от лицезрения... всего этого.

— Боже правый,— произнес Карлсен громко, глядя прямо перед собой.

Впереди, из-за медленно колышащегося бескрайнего горизонта, поднимались чудовищные — с вершинами похожими на головы драконов — облака. На фоне черноты пространства эти жемчужные головы, казалось, формируются из материи, возникающей из небытия, чтобы устремиться к гипермассе. Вскоре над краем мира выступили шеи драконов с плетеной радужной бахромой материи, которая отрывалась от них и падала с немыслимой скоростью вниз. И, наконец, появились драконьи тела — тучи, пульсирующие голубовато-белыми проблесками молний, подвешенные над красными недрами преисподней.

Огромное кольцо, компонентом которого являлся каменный пояс Карлсена, неслось, как диск циркулярной пилы навстречу этим драконовидным облакам-протуберанцам. Вырвавшись из-за горизонта, они теперь находились гораздо выше уровня Карлсена, извивались и вставали на дыбы, как бешеные кони. Каждое из них своими размерами было в тысячу раз больше планет вроде Земли или Эстила. Кружащаяся лента, увлекавшая Карлсена, казалось, через мгновение будет раздавлена между ними. Пронесшись мимо них, Йоханн увидел, что они по-прежнему находились от него на колоссальных расстояниях с обеих сторон.

Он закрыл глаза. Если люди смели молиться, если они смели думать о Создателе Вселенной, то лишь потому, что их крошечные разумы не способны были увидеть и тысячной, миллионной доли... чего? Карлсен не мог найти слов, чтобы описать это зрелище, на ум не приходили никакие аналогии, с чем можно было бы сравнить увиденное.

А что, подумал он, стало бы с людьми, верящими только в себя или ни во что не верящими, увидь они такие, неподдающиеся разумению, чудеса?

Карлсен медленно открыл глаза. Его вера придерживалась постулата о том, что единственное человеческое существо представляет больше значения для Вселенной, нежели самая громадная звезда. Он заставил себя смотреть на величественно жуткое зрелище, решив преодолеть свой почти суеверный страх.

Теперь он впервые обратил внимание на то, как вели себя звезды. Они все были как нежно-голубые иголки; волны их света накатывались друг на друга в бесконечной гонке по этому утесу гравитации. Скорость кате-

ра Карлсена была такова, что он видел некоторые звезды, как бы движущимися некими параллаксными, уклончивыми смещениями. Ему показалось, что он способен зрительно воспринимать пространство на расстоянии многих световых лет, но разум не способен был всего этого охватить.

Карлсен вернулся к креслу, сел в него и пристегнул ремни безопасности. Ему хотелось уйти в себя, как бы спрятаться в каком-нибудь глубоком туннеле, уходящему к самому центру огромной планеты...

Здесь он столкнулся не с бесконечностью, которую наблюдает в космосе каждый астронавт, но с ужасной перспективой, начинающейся с камней за прозрачным корпусом катера и простирающейся — камень за камнем, шаг за неизбежным шагом, линия за линией — на невообразимые расстояния.

Ну, ладно. По крайней мере, здесь было с чем бороться, а борьба всегда лучше пассивного ожидания неизбежного конца. Для начала нужно попытаться соблюдать хоть какой-то режим. Карлсен выпил воды — она показалась ему довольно вкусной — и перекусил. Необходимо было поддерживать силы; он еще собирался пожить.

Теперь — немного привыкнуть к пейзажу. Йоханн посмотрел в направлении полета своего «пузыря». Впереди, метрах в десяти, устойчиво висел на орбитальной силовой линии первый большой, массивный камень. Карлсен на глаз оценил его вес и размеры и переключил внимание на другие обломки. Каждый из них был меньше его катера; он мог проследить взглядом их вереницу, пока она не поглощалась узором сходившихся в одну точку силовых линий, которые изгибались вокруг гипермассы.

Его разум пытался постигнуть грандиозные расстояния... Как детеныш обезьяны, недоуменно мигающий от солнечных лучей, прорвавшихся сквозь плотную растительность джунглей, подумал Карлсен. Теперь он посмел взглянуть на край следующего, внутреннего круга несущихся со страшной скоростью обломков. Теперь он смел наблюдать за звездами, смещающимися при его движении, открывающими глубины пространства.

Он испытал слишком много, прежде чем попасть

в эту пропасть; напряжение и усталость дали о себе знать, и Карлсен забылся в беспокойном сне. Очнулся он, испуганно вздрогнув, от громкого шума. Берсеркер, в конце концов, был не так уж и беспомощен здесь. Два посланных им робота пытались взломать прозрачную дверь катера. Йоханн инстинктивно потянулся за пистолетом. Небольшое оружие вряд ли помогло бы ему, но он вскинул его, ожидая развития событий. А что еще ему оставалось делать?

Что-то странное было в облике человекообразных механизмов — их словно посеребрило неким мерцающим покрытием, похожим на изморозь. Оно, правда, образовалось только на их передних поверхностях и струилось назад причудливой бахромой. Фигуры выглядели призрачно, но они были кошмарной реальностью, о чем свидетельствовали страшные удары в дверь. Однако хрупкая на вид дверь не поддавалась. Действия металлических убийц были осложнены и замедлены серебристой паутиной, в которую задрапировало их бешено несущееся пространство. Неведомая материя гипермассы потушила их лазерные лучи, когда они попытались прожечь себе вход. Взрывное устройство также не сработало.

Испытав все возможные способы, они ретировались, отталкиваясь от камней, к своему металлическому хозяину, сверкая заиндевевшими телами. Карлсен разразился им вслед проклятиями облегчения. Он подумал было о том, чтобы открыть дверь и разрядить им вдогонку свой пистолет. На нем был скафандр, и если роботы смогли открыть дверь своего корабля, то, видимо, и люк катера можно было открыть. Но он решил, что не стоит понапрасну тратить боеприпасы.

Подсознательно Карлсен пришел к выводу, что в его положении не стоит думать о времени, и поэтому потерял счет часам и дням, а может и неделям.

Он делал физзарядку и брился, он пил, ел и справлял естественные нужды. Регенерационные системы катера работали очень эффективно. У него по-прежнему был его «гроб», он мог бы выбрать долгий, глубокий сон, но нет, не теперь. В нем еще теплилась смутная надежда на спасение. Он знал, что к моменту его попадания сюда люди еще не построили кораблей, способных проник-

нуть в этот космический капкан и вызволить его. Но корабли постоянно совершенствовались. Он мог провести здесь несколько недель или месяцев субъективного времени, а в реальном пространстве, возможно, пройдут годы.

Сначала почти парализованный жутким величием окружающего, он быстро перешел — через фазу экзальтации — к стадии скуки. Разум занимался своим делом и отвернулся от всех этих сияющих глобальных чудес. Карлсен много спал.

В одном из снов он увидел себя одиноко стоящим в безбрежном космическом пространстве. Он смотрел на самого себя с огромного расстояния. С трудом различимая фигура прощально взмахнула почти невидимой рукой и быстро пошла прочь, направляясь к голубовато-белым звездам. Она еще больше уменьшилась и через мгновение растворилась, перестав существовать на фоне лица бездны...

.

Йоханн с криком проснулся. Космическая шлюпка легко толкнула его прозрачный «пузырь» и теперь висела в нескольких футах от катера. Это был металлический яйцевидный аппарат; Карлсен узнал эту модель, знакомы ему были также цифры и буквы на его корпусе. Ну вот и все. Он выстоял. Неимоверно тяжелое испытание было позади.

Маленький люк спасательной шлюпки открылся и из него появились, одна за другой, две фигуры в скафандрах. Они сразу же покрылись серебристой изморозью, как и роботы берсеркера, но сквозь забрала шлемов Карлсен видел черты человеческих лиц. Они ободряюще улыбались, не сводя с него глаз.

Ни на мгновение.

Они негромко постучали в дверь, все так же улыбаясь, пока он надевал скафандр. Но Карлсен не сдвинулся с места, чтобы впустить их; вместо этого он вынул пистолет.

Они нахмурились. Он угадал по их округлившимся губам: «Откройте!». Карлсен щелкнул переключателем радиопередатчика, но он не работал — радиоволны не проходили в этом пространстве. Люди продолжали пристально смотреть на него.

Подождите, просигналил он им взмахом руки. Вынув

из кармана кресла небольшую грифельную доску и мелок, он написал:

ОГЛЯНИТЕСЬ НА ОКРУЖАЮЩИЙ ПЕЙЗАЖ

Карлсен был в здравом рассудке, но они, видимо, подумали, что он спятил. Словно потакая причудам сумасшедшего, они начали оглядываться. Новый комплект драконоподобных протуберанцев начал подниматься впереди, за штормовым горизонтом на краю мира. Нахмурившиеся люди посмотрели вперед, на «драконов»; вокруг себя, на радужный вихрь камней; взглянули вниз, на кошмарную бездну ада; вверх, на ядовитые бледно-голубые стрелы звезд, скользящих над вакуумом дальнего космоса.

Потом они оба, по-прежнему непонимающе хмурясь, снова посмотрели на Карлсена. Он сидел в кресле, держа в руке пистолет, и ждал; ему нечего было больше сказать. Карлсен знал, что у берсеркера на борту могли быть такие шлюпки, и машина могла придать своим механическим убийцам какой угодно вид, вплоть до разительного сходства с людьми. Эти вот чуть было не одурачили его.

Фигуры снаружи показали ему свою грифельную доску; он не заметил откуда она у них появилась.

МЫ ЗАХВАТИЛИ БЕРСА ВРАСПЛОХ.
ОН УНИЧТОЖЕН. ВСЕ В ПОРЯДКЕ. ВЫХОДИТЕ

Карлсен оглянулся. На том месте, где недавно находился берсеркер, поднялось облако пыли, скрывающее врага и всю силовую линию позади катера. Йоханн поежился. Он ведь чуть было не поверил, что это действительно люди...

Они энергично зажестикулировали и написали:

НАШ КОРАБЛЬ ЖДЕТ ТАМ, ЗА ПЫЛЬЮ.
ОН СЛИШКОМ ВЕЛИК, ЧТОБЫ ДОЛГО
ДЕРЖАТЬСЯ НА ЭТОМ УРОВНЕ

И еще!

КАРЛСЕН, ИДЕМТЕ С НАМИ!!!
ЭТО ВАШ ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС!

Он больше не смотрел на их рукописные послания, боясь быть обманутым, броситься в их металлические руки, которые тут же разорвут его на куски. Он закрыл глаза и стал молиться. Прошло довольно много времени, прежде чем он вновь открыл глаза. Визитеры исчезли вместе со своей шлюпкой.

Вскоре в туче пыли, окружающей берсеркера, появи-

лись вспышки света. Бой? Или еще одна попытка обвести его вокруг пальца? Посмотрим...

Он настороженно наблюдал за приближением очередной спасательной шлюпки, очень похожей на первую. Она подплыла ближе и остановилась. Из люка появились еще две фигуры в скафандрах и тут же стали покрываться знакомой серебристой паутиной.

На этот раз он держал свою доску с надписью наготове:

ОГЛЯНИТЕСЬ НА ОКРУЖАЮЩИЙ ПЕЙЗАЖ

Будто потакая ему, они начали оглядываться. Прошла минута, а они все еще не оборачивались к нему — один, задрав голову кверху, уставился на невероятные звезды, тогда как другой медленно поворачивал шею, разглядывая «драконью голову». Постепенно их тела как бы застыли в немом ужасе, и они испуганно вцепились в прозрачный корпус катера.

Затратив еще полминуты на проверку герметичности своего скафандра и шлема, Карлсен открыл дверь.

— Добро пожаловать, люди,— сказал он в переговорное устройство шлема. Ему пришлось помочь одному из них добраться до спасательной шлюпки.

Но они справились.

БРАТ БЕРСЕРКЕР

То, что поднялось над кораблем Ая, оказалось мордой чудовища из какой-то зловещей легенды. Глаза — словно затянутые грозовыми тучами Солнца. Чешуя на шее и голове — тяжелое намокшее железо. Пасть — гроб с откинутой крышкой, защищенный изнутри громадными кинжалами. Ай отважно встретил чудовище, но удар его длинного меча, направленного прямо в зияющую тьму неимоверной глотки, был не опаснее укола булавки. Челюсти, точно врата Ада, захлопнулись, перемолов Ая. Монстр повернул голову, и на миг открылась ужасающая панорама изломанных конечностей, свисавших со страшных клыков...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Лейтенант Дэррон Одегард откинулся в кресле, чтобы вытереть намокшие от пота ладони о довольно свободно сидевшие форменные штаны и поправить наушники. Все эти незначительные, но, между тем, с явным оттенком нервозности действия он производил, не отрывая взгляда от запутанных едко-зеленых рисунков на широком, слегка выпуклом экране; затем вновь подвинулся вперед и возобновил охоту на врага.

Всего лишь через полчаса он уже очень устал. Его крайне измучил тот неимоверно тяжелый груз, который обычно зовется «бременем ответственности» — за кого бы то ни было. Одегард чувствовал себя так, будто все сорок миллионов обитателей Сиргола, выжившие после недавней катастрофы, тесными, кучными гроздьями расположились у него на шее. Лейтенанту не хотелось тащить на себе подобный груз, не хотелось отвечать за каждую из этих жизней, но в настоящий момент всякая возможность избавления, спасительной высадки,— хотя бы и только мысленной, так сказать,— равнялась для него нулю.

В качестве караульного Дэррон обязан был заботиться об элементарном комфорте для сослуживцев и не проявлять к ним излишней строгости. Однако он слишком хорошо знал, что случись кому-нибудь допустить хоть одну, даже самую ничтожную оплошность на работе, как столь счастливо уцелевшее население Сиргола, его родной планеты, окажется выбитым из реального времени, а попросту — превратится в прах, исчезнет так, словно бы его никогда и не существовало.

Крупные красивые пальцы Дэррона, с поросшими жесткими волосками фалангами, уверенно и легко касались панели управления приемника. В этих прикосновениях угадывалось достаточно сноровки, но ничто не отказывало любовью или лаской. На экране смутно

колыхались зеленоватые столбцы литер и цифр, точно высокие травинки, раздвигаемые руками осторожного охотника. Но то была символическая трава, за которой Одегард явственно различал все хитросплетения сложной органической жизни, буйствовавшей на планете Сиргол каких-нибудь двадцать тысячелетий назад.

Кресло Дэррона и пульт управления окружало несколько сот охранников, выстроенных в длинные, аккуратно закруглявшиеся ряды. Безупречность выправки и четкая организация в построении радовали глаз лейтенанта, когда взгляд отрывался от экрана. Предельная собранность и сосредоточенность поддерживались на вахте размеренным бормотанием специфической психогенной музыки, лившейся откуда-то со сводчатого потолка. Прозрачная ткань мелодии иногда прохватывалась и скреплялась легкими стежками ритмичных ударов, и кисейное звуковое облако, кажется, почти доступное глазу, проворно набухнув вдруг, медленно распадалось, расползалось в голубоватом свете, которым была залита комната. В этой комнате, погребенной под многими милями горных пород, воздух казался на удивление свежим, с теплыми бризами, убедительно доносившими запах моря и аромат зеленых полей, так что сами собою набегали воспоминания о благодатной воде и живых людях, которых бомбардировка берсеркеров стерла с поверхности Сиргола несколько месяцев назад.

И вновь затейливые линии, вобравшие в себя всю сложность органической жизни планеты, выводятся на экран Одегарда, как только он касается клавиатуры.

В глубоком Прошлом, по первому сигналу лейтенанта, передвигались соединенные с экраном инфраэлектронные системы слежения за врагом. Они не задевали веток, не пугали животных, уцелевших в древних лесах. Они парили над реальностью, не вмешиваясь в нее, избегая большинства сетей и ловушек, приготовленных косной, как водится, действительностью для человека или машины, путешествующих во времени. Чуткие системы слежения укрывались в едва намеченных вероятностных нишах реального мира, способные, однако, даже с этих весьма зыбких позиций улавливать те мощные энергетические токи, которыми организуется и оформляется всякая жизнь.

Дэррон знал, что закрепленный за ним во времени участок, примерно около двадцати тысяч лет назад,

располагался где-то близ той хиленькой незрячей Эпохи, когда на планете Сиргол появились Первые Люди. Тем не менее прямых следов человеческого существования ему пока что не удалось отыскать во вверенной области. Впрочем, также не обнаруживалось и каких-либо признаков разрушительных изменений, с необходимостью означавших бы атаку берсеркеров. Видимо, гигинтские машины, осаждающие планету сегодня, еще не были изобретены и тем более не могли быть обнаружены и опознаны.

Будучи исправным служакой, Дэррон избегал произвольности и спонтанности своих действий на посту. Чинно торча перед дисплеем в отнюдь не слишком удобном кресле, он принимал сигналы одной системы слежения за другой, вглядываясь то в недавно минувшее десятилетие, то вдруг беря затем пять миль к северу... А вот следующие два года выше во времени... Вот еще двенадцать миль к юго-западу...

— По-прежнему ничего нет,— не поворачивая головы, проговорил Одегард, когда вдруг почувствовал присутствие капитана-надзирателя у своего локтя.

Капитан-надзиратель оставался неподвижен какое-то время и потом, не произнеся ни слова, удалился. Дэррон нахмурился, все еще не отводя глаз от экрана. Его раздражало то обстоятельство, что он как-то взял да и призабыл мощное имя начальственной особы. Ну ничего,— сегодня был только лишь второй день ее работы. И особу, то есть попросту кэпа,— как, в общем-то и самого Одегарда,— могли вполне свободно перебросить завтра на другой пост.

Да, Секция Временных Операций Защитных Планетарных Сил Сиргола находилась, мягко говоря, в аморфном зародышевом состоянии. Вот, например, эта комната-караулка,— как, к слову сказать, и многие другие помещения в Операциях,— сделалась пригодной для работы лишь месяц назад, а между тем всему сооружению еще предстоит в ближайшем будущем выдержать нешуточную борьбу. К счастью, в распоряжении врага не было сведений ни о новой боевой технике, ни о том, что только в непосредственной близости от Сиргола путешествие во времени оказывалось осуществимо практически.

На глазах Дэррона Одегарда, зачем-то все же вспомнившего имя капитана, наконец завязалась первая для

Операций битва. Лейтенанту эта завязка показалась довольно будничной и недраматичной. Просто спокойный голос одной из девушек-связисток сообщил о том, что космический флот берсеркеров запустил в сторону планеты несколько летательных аппаратов, которые — внимание! — ведут себя не как обычные звездолеты. Сразу же после посадки на грунт они исчезают из зоны прямого наблюдения. Контрольный экран смог вскоре обнаружить их в открытом, разумеется, космосе — выжимки древних пророчеств, черные вероятностные сгустки, медленно и тягуче обваливавшиеся в Прошлое планеты.

Появилось около шести объектов,— почти мгновенно число 6 было подтверждено; опустились сначала на семь тысяч лет вниз по времени, потом на десять тысяч, двенадцать... Дежурные, ведшие наблюдения за соответствующими секторами, один за другим приготовились к бою. Но, казалось, враг понял, что за ним следят.

Наконец все шесть аппаратов достигли двадцать первого тысячелетия. Это был тот порог, за которым, вниз по времени, самих берсеркеров еще не существовало во Вселенной, и здесь, как раз на рубеже собственного же небытия, в зияющих пучинах Прошлого, врагу удавалось прибегать к маскировочному самораспаду и ускользать от преследования. Здесь наблюдение за ними из настоящего оказывалось практически бесплодно. И именно здесь, в этом загадочном секторе, аппараты остановились.

— Всем дежурным внимание! — послышался знакомый, слегка дрожавший мужской голос в наушниках Дэррона.— Говорит командующий Временными Операциями. Предупреждаю: с этого момента все вы должны знать о происходящем столько же, сколько знаю я! Похоже, район около двадцать первого тысячелетия они приготовили для высадки и вполне могут нас расстрелять оттуда. Мы же, вероятно, не сумеем ликвидировать их до тех пор, пока они не попадут к нам в настоящее и, возможно, пока не начнут убивать.

Снова в несколько тяжелых плотных всплесков пролилась в комнату музыка. Вместе с нею спокойный голос связистки напрямую обратился к Дэррону, поясняя, в каких измерениях необходимо расширить сектор поиска и каким именно образом. Караульным предписывалось передвигаться строго вдоль оборонительной линии: ви-

димо, подозревалось внедренис врага в настоящее время. Что касается наблюдателей, то они, предполагалось, должны будут сосредоточиться вокруг оккупированной зоны, вместе с тем сохраняя за собой несколько разведывательных постов в соседних временных секторах.

В эти дни, когда вражеская ракета зарылась где-то возле бомбоубежищ, Дэррон по-настоящему беспокоился за свою жизнь, мучимый приступами отвратительного страха, едва ли не самого древнего человеческого чувства. Ему вдруг стукнуло в голову, что предстоящая битва — уже проиграна. Ну, или вроде того. Впрочем, глаза и руки у него оставались спокойными, как если бы он знал, что просто выполняет очередное, вполне обычное тренировочное упражнение. И надо признать, в бездумном, веселом небрежении о той минуте, когда — сейчас или, скажем, чуть позже — наступит смерть, конечно же, были свои плюсы.

И все же лейтенант не мог сбросить с себя этого ненавистного груза докучной ответственности, а теперь еще по временам и липкого страха, и минуты на часах сменялись с обескураживающей неторопливость Дважды невозмутимый девичий голос менял сектор поиска для Дэррона. Потом командующий Всемирными Операциями оповестил всех о начале атаки.

— Сейчас будьте начеку, ребята,— проговорил взволнованный, с дрожью, голос,— и найдите мне эту проклятую космическую брешь, этот чертов пролом!

Действительно, все знали: на каком-то пока еще четко не обозначенном временном отрезке, наверняка, однако, протяженном в Прошлое много далее двадцати тысячелетий, должна быть отложена некая таинственная точка — дыра, космический лаз, живая возможность реального перетекания в настоящее чего угодно и откуда угодно, опасный пролом, сделанный шестью аппаратами-завоевателями берсеркеров.

Если бы глаза человека могли видеть их появление, они увидели бы в облачно-пятнистом небе Сиргола страшных машин-убийц, разительно походивших на самолеты с куцыми зачаточными крыльями. Словно бы управляемые сноровистыми пилотами, готовыми вот-вот открыть прицельный огонь, машины мгновенно сориентировались в незнакомой обстановке и с огромной скоростью бросились в шести разных направлениях. Причем как только они отделились друг от друга, каж-

дый аппарат-убийца принялся наводнять этот беспомощный мир своим ядом. Радиоактивные химикаты, антибиотики... С расстояния в двадцать тысяч лет нелегко было сказать, что они использовали.

Как и другие дежурные, Дэррон Одегард мог наблюдать за атакой только по ее результатам, и все происходившее на его глазах казалось неким чудовищно сильным приливом умирания, начавшимся в одном секторе и медленно расползавшимся в соседние.

Шесть машин отравляли целую планету. Если Первые Люди находились на поверхности во время этой атаки, то наверняка они были уже убиты. Если они появились там позже, то, видимо, еще брели, как потерявшиеся глупые дети, навстречу своей смерти в пустом выхолощенном мире, где уже ничто не годилось им в пищу. Наконец, если все это случилось уже, сегодняшние потомки Первых Людей, всё уцелевшее поколение, полностью прекратит свое существование. Планета и система перейдут во владение берсеркеров, и взметенные взрывом брызги поверженного мира рассеятся по всей яркой, необъятной, с пропастями и пиками, истории Прошлого и Настоящего,— если, конечно же, к моменту взрыва не окажется уже вовсе изглаженной, стертой и плоской эта самая ныне живая и трепетная История!..

Между тем, в каждой живой клеточке планеты поднималась черная волна небытия, происходили странные изменения, почти мутации, причудливо отображавшиеся на экранах дежурных. Многие более или менее обозримые во времени векторы этих мутаций точно вычерчивались компьютерами в нейрометрическом центре Операций, и уже, наверное, по прошествии всего двадцати минут с того момента, как враг начал атаковать, стало известно, что космический пролом для шести летательных аппаратов наконец-то обнаружен.

В глубоких катакомбах, именовавшихся Второй Ступенью Операций находились в укрытии ракеты-защитники. Простота их вытянутых форм изящно скрадывалась ажурностью и запутанностью контрольного и пускового механизмов. По команде компьютеров в Операциях и их людей-руководителей стальные ручищи, вытягиваясь, снимали ракету с подставки, и тотчас же на темном каменном полу под ними возникал серебряный круг, сверкая, как бассейн с дрожащей жидкостью. Ручи-

щи отпускали ракету, и на первой же минуте падения она исчезла. Пока один силовой блок толкал ее в Прошлое, другой блок посылал ее как некую вероятностную волну вверх, сквозь мили горных пород, на поверхность планеты и дальше, в стратосферу — прямо к тому космическому пролому, через который шесть вражеских аппаратов проникли в настоящее.

Внезапно Дэррон обнаружил, что зловещие кривые, петлявшие по его экрану, начали медленно переворачиваться. Это выглядело как фантастический трюк, как нечто не относящееся к реальной действительности.

— Прямо в проломе! — прогремел голос командующего Временными Операциями. Шесть аппаратов-берсеркеров поделили точку вхождения в реальное время с атомным взрывом, неизбежно следующим за ним.

Судя по изображениям на экранах, волны небытия схлынули. Напряжение шестичасовой смены спало, словно бы все произошедшее было не более чем тренировкой. Тактический успех немедленно подтвердился специальными наблюдениями. По рядам дежурных пробежало ликование. Люди, оторвавшись на минутку от таблиц и графиков с тем, чтобы отдохнуть немного, ободряюще перемигивались и щедро обменивались радостными удовлетворенными улыбками. Дэррон, вместе со всеми, улыбался каждому, кто встречался с ним взглядом. Плыть по течению, с готовностью демонстрировать ожидаемую от тебя реакцию, *было наилегчайшим способом* общения с людьми, да и попросту наилучшей манерой поведения. Когда напряжение, ввиду отсутствия каких-либо сигналов о дальнейших действиях противника, понемногу спало, сделалось ясно, что первое, довольно дерзкое нападение берсеркеров было отражено: враг оказался на время оттесненным в небытие.

«Ну что ж, будем ждать, когда проклятые машины вернуться,— устало подумал Дэррон.— Они так делают всегда.» На этот раз, будучи крайне изможденным и физически и душевно, он не был в силах даже улыбнуться, с постным вздохом облегчения приподнимаясь со стула и уступая место дежурному следующей смены.

— Кажется, твои люди справились сегодня отлично,— сказал его сменщик с легкой ноткой зависти в голосе. Дэррону удалось-таки улыбнуться:

— У тебя тоже, старина, наверняка есть шанс прославиться!

Лейтенант оставил отпечаток своего пальца в нужном месте на экране снимающего всякое напряжение устройства — релаксационного сканнера — в то время, как другие проделывали то же самое. Потом, формально освободившись, он шатающейся походкой вышел из караульной комнаты, бессмысленно вливаясь в густой людской поток своей смены.

Но как только захлопнулись двери, за которыми оставалась зона регламентированного, почти навязанного спокойствия, большинство служащих сбилось в возбужденные стайки и принялось понемногу шуметь.

Дэррону прежде всего необходимо было выстоять в длинной, унылой очереди, чтобы отметить у регистратора степень своей активности в течение смены, затем, потоптавшись в еще более длинной и унылой очереди, сделать краткий устный отчет одному из офицеров. Впрочем, после этого он мог быть свободен. Если только слово «свобода» что-нибудь значило теперь для жителя Сиргола.

Огромный пассажирский лифт поднял Одегарда в числе других караульных из глубоких пещер до жизнедеятельностного Витального Уровня. Но даже на этой высоте над головой громоздились мили и мили горных пород.

Близкое к оптимальному состояние микросреды, всегда поддерживаемое и корректируемое в караульных комнатах, резко ухудшилось на Витальном Уровне Операций, как, в общем-то, оно ухудшалось везде, где от человека не требовали максимальной физической и интеллектуальной отдачи. Здесь воздух был в лучшем случае тяжелый и спертый, а в худшем — насыщен неприятными запахами. Свет вдоль большинства улиц — коридоров едва брезжил. Повсюду чьей-то могучей, безжалостно щедрой лапищей нагромождены были всяческие плакаты и призывы, от имени правительства склонявшие народ к еще более отважной борьбе за Победу и нагло сулившие немедленное наступление «хорошей жизни». По правде говоря, кое-какие перемены к лучшему время от времени, действительно, происходили. Месяц от месяца воздух становился чуточку свежее, пища — чуточку более разнообразной и вкусной. Иногда казалось даже, что, используя энергетические богатства горных пород, гарнизон осажденной планеты сможет бесконечно долгое время поддерживать свое существова-

ние в условиях, так сказать, неуклонно хорошеющих и обновляющихся.

Коридор, по которому Дэррон шел сейчас, был одним из самых оживленных коридоров-улиц заживо погребенного города-мира. Холостяцкое жилье лейтенанта представляло собою небольшую скромную комнатку в наглухо затертом всевозможными конторами, магазинами и лавчонками доме, где один коридор, однако, был много шире какой-нибудь, к примеру, Главной Почтамтской улицы в любом из тех заурядных провинциальных городишек, которые уже давно присоединили свой милый прах к безблагодатной пыли неумолимо текущего Времени. В центре находились движущиеся трассы, развозившие людей в разных направлениях.

Дэррон мог видеть пары полицейских в белой униформе, которые спешили назад по движущимся проходам, проверяя номерные знаки проезжающих. Планетарная Команда, по-видимому, не справлялась со всеми теми, кто уклонялся от несения службы.

Как обычно, широкие тротуары по обе стороны от движущихся проходов были повсюду запружены людьми. Мужчины и женщины в спецодежде ехали на работу или с работы с заученной монотонностью. Разве что группки детей по двое-трое из какого-нибудь класса выказывали по временам некоторое озорство, довольно, впрочем, жалкое. Очень немногие взрослые и подростки медленно прогуливались *или стояли в ряд перед витри*нами магазинов и иногда — возле увеселительных заведений. Весьма умеренное оживление, наблюдавшееся в этих местах, все еще могло сойти для какого-нибудь простака за веселую и бойкую частную торговлю, но в действительности здесь все управлялось государством. Одна из самых коротких очередей выстроилась перед местным отделением сельскохозяйственной фирмы «Хоумстед». Как и множество других маленьких контор и магазинчиков, это было учреждение, частично огороженное проволокой и стеклом с одной стороны широкого коридора.

Остановившись на тротуаре перед офисом «Хоумстед», Дэррон поглядел на апатичных клерков, на выставку замысловатых плакатов и всевозможных, порою сильно истрепавшихся уже макетов. Выставка представляла,— и в цвете это выглядело впечатляюще,— планы послевоенной отстройки поверхности планеты. «Увидь

планету такой, какой она должна быть!»—приглашал красочный плакат, подавляя пешехода мощно выписанными прелестями густо зеленеющих лесов и бирюзовых водоемов. По-видимому, расчеты фирмы «Хоумстед» сводились к тому, что когда-нибудь,— после Победы, конечно же,— для всех на планете наступит легкая, сытая жизнь, защищенная отовсюду новыми океанами свежего воздуха и воды, которые, вероятно, будут определенным образом выжиматься из местных горных пород или, если понадобится, доставляться прямо с гигантских внешних планет космической системы Сиргола.

Судя по отличительным форменным знакам, в толпе перед конторой фирмы «Хоумстед» находились люди почти всех званий и должностей. С искренней надеждой и жаждой веры в глазах они оглядывали плакаты и макеты. Все они как-то ухитрились забыть о том, что их мир — мертв,— если только, разумеется, когда-либо допускали себя к подобному памятованию. Настоящий мир, мир, который реально существовал, был убит и кремирован вместе с девятью из десяти человек, которые еще могли заставить его жить.

Но нет, не те девять из десяти по статистике действительно что-то значили для Дэррона. Всегда что-то значит только один... Знакомое лицо, любимое лицо возникло в памяти Одегарда, но он отогнал видение и отвернулся от верующих, ожидавших в очереди случая укрепить свою веру.

Лейтенант возобновил свой путь к жилищу, но когда он добрел до того места, где коридор разветвлялся, то, повинуясь внезапному импульсу, повернулся и шагнул в узкую часть прохода, подобную неширокой аллее, темную, с немногочисленными дверьми и окнами. Через сотню шагов все заканчивалось аркой, образованной верхушками настоящих зеленых деревьев. В это время дня в парке будет немного людей.

Спускаясь вниз по странному отлогому коридору, Дэррон вдруг услыхал характерный, тяжелый и низкий, гул взрыва, доносившийся даже сквозь нависавшие отовсюду скалы. Впереди он увидел двух встревоженных алых птах, мелькнувших в зелени деревьев. Не колеблясь и не отступая в сторону, Одегард продолжал идти, но едва успел сделать несколько шагов, как удар вновь повторился, мрачный и глухой. Это, должно быть,— ракеты. Перешедший в наступление космический флот

врага посылал вниз особые вероятностные волны, которые иногда проходили сквозь защитные устройства и мощные слои горных пород, превращаясь потом в ракеты и далее — в крайне опасные взрывы, грозившие разрушить глубоко схороненные под землей убежища.

Дэррон неспеша продолжал идти к концу прохода. Там он задержался, исследуя обеими руками поручни из настоящей древесины, одновременно наблюдая за дюжиной акров парка с маленького балкончика второго этажа. Искусственное солнце, ловко вмонтированное в небесный свод, вполне правдоподобным светом заливало траву, кустарники, деревья и уморительно пестрых, забавных птах в незримых, сплетенных из наэлектризованных воздушных струй клетках. В глубине парка петлял узкий ручей с чистой и свежей водою, уровень которой, однако, упал сегодня настолько, что бетонные берега наполовину обнажились.

Год назад, когда настоящий мир был еще жив, Дэррон Одегард не относился к числу тех людей, которые ценят природу. Ну, разве что предпринимал время от времени легкие загородные прогулки. В остальном же все его силы поглощала учеба и подготовка к труду настоящего профессионального историка. Внимание концентрировалось на текстах, пленках, фильмах и мудреных пособиях, посвященных тому, как добиться академического успеха. Даже походы и каникулы приводили его в места исторически значимые... Скорее рефлекторным, чем сознательным усилием воли он еще раз вытолкал из своей памяти образ когда-то любимой девушки.

Год назад карьера историка открывала перед Одегардом множество увлекательных перспектив. Физики тогда разом вдруг принялись намекать на то, что плотные вихревые потоки Времени вокруг планеты Сиргол могут действительно оказаться пригодными для манипулирования ими, и таким образом населению будет пожалована возможность первого близкого взгляда в собственное прошлое. Всего лишь год назад схватка с берсеркерами представлялась маловероятной: страшная, дескать, штука, но как будто заботящая пока только другие миры, удаленные от нашего на несколько световых лет! Да, подобная беспечность царила повсеместно, несмотря даже на переданное однажды Человеком-с-Земли предупреждение о готовящейся берсеркерами войне.

Сейчас Дэррону пришло на ум,— так, один плоский трюизм, в сущности! — что в прошлом году он узнал об истории больше, чем за все прежние пять лет ее изучения. Нельзя сказать, что это принесло ему какую-то пользу или удовлетворение. Напротив, теперь он думал, что непременно попытается удрать, когда наконец пробьет последний час Мировой Истории, в какой-нибудь из вот этих маленьких уютных парков и захватит с собой давно и нежно сберегавшуюся про такой, примерно, черный день бутылку дорогого вина. Ну и закуску, конечно. Тогда для него История закончилась бы выпивкой, и какое количество бутербродов позволила бы ему История, такое количество мертвых, казалось ему, стоило оплакивать.

Напряжение дневных часов понемногу начало оплывать с него в кору деревянных перил, и он даже почти забыл о недавнем взрыве, как вдруг первый из раненых, спотыкаясь, вышел впереди.

Человек показался из узкого лаза в траве. Его форменный китель исчез вовсе, остальная же одежда безнадежно испачкалась и изорвалась. Обгоревшие вспухшие руки сильно кровоточили. Он быстро шел среди деревьев, не видя ничего перед собой, и потом, словно актер в какой-нибудь дикой драме, рухнул во весь рост на край искусственного ручья и с жадностью начал пить.

Далее из того же самого выхода появился другой человек, чуть старше первого, судя по внешнему виду. Возможно, клерк или администратор, хотя на таком расстоянии Дэррон не мог разобрать его нагрудного знака. Нельзя было с уверенностью сказать, что этот человек — ранен, но двигался он в сторону парка в каком-то довольно странном состоянии, то и дело вскидывая руки и ощупывая ими свои уши: быть может, оглох, а быть может,— просто интересуется, на месте ли у него голова.

Далее, как-то рассеянно хныча, показалась невысокая полная женщина, придерживавшая то одной, то другой рукой клочья изорванной кожи на затылке. За ней — другая женщина. Из маленького лаза в траве текла ровная струйка перекалеченных людей, захлестывая фальшивый мирок парка более чем подлинным гулом жалобно стенавших голосов. Откуда-то снизу доносилось тяжелое лязганье и грохот аварийных машин. Мгновенно начались ремонтно-восстановительные

работы, направленные на спасение населения и обеспечение его безопасности. Появившиеся в парке пострадавшие, очевидно, были направлены сюда во избежание каких-либо неудобств, причиной которых они могли стать невольно в то время, когда ожидалось новое, более серьезное нападение берсеркеров. К настоящему моменту около двух десятков раненых либо бродили, либо лежали на траве, тяжелыми стонами требуя у деревьев ответа, почему ракета упала именно сегодня, почему она должна была попасть прямо в них.

Среди раненых бродила стройная девушка лет восемнадцати-двадцати, одетая в обрывки хлопчатобумажного форменного платья. Она остановилась, опершись на дерево, видимо, не имея сил двигаться дальше. То, как было разорвано ее платье... Нет, Дэррон отвернулся, зажмурив глаза в приступе отвращения к самому себе. На минуту ему показалось, что он в самом деле гнусный тиран, уединенно тешащийся болью и страданиями человеческими и порою опускающийся даже до извращенного вожделения к своей жертве. Да, лейтенант постановил для себя в один из ближайших дней решить окончательно, действительно ли он все еще стоит за человеческую расу, или уже — нет.

По небольшой узкой лестнице Одегард сбежал вниз со второго этажа. Сильно обгоревший мужчина держал здесь свою кровоточащую руку в холодной проточной воде, остальные пили. Вроде бы ни у кого пока не прервалось дыхание, никто не изошел кровью. Но девушка выглядела такой ослабленной, что, казалось, могла упасть сразу же, если бы только вздумала отойти от поддерживавшего ее дерева. Стянув на бегу китель, Дэррон укутал им несчастную и спросил:

— Вам очень больно?

Девушка мотнула головой и что-то бессвязно ответила. Лейтенант попытался усадить ее под деревом, но едва ему удалось это, как бедняжка, бессильно запрокинув голову, стала валиться набок. Дэррон успел удержать ее... Потом — позволил вытянуться на мягкой искусственной травке, сел рядом: коротко остриженный,— как и у всех не могущих ослушаться даже цирюльнических наказов правительства женщин,— затылок покоился на его коленях. На девушке не было ни украшений, ни косметики.

Вскоре раненая пришла в себя настолько, что смогла

заметить, немного смешавшись при этом, китель, в который была укутана.

— Вы офицер? — спросила она хрипловатым голосом, косясь на значок на его воротнике.

— Очень немного,— натянуто пошутил Дэррон.— Но не лучше ли вам где-нибудь как следует отдохнуть?

— Нет... Я пыталась добраться домой,— ее голос делался все выше и взволнованней,— или еще куда-то. Вы не могли бы сказать мне, где я? И что происходит?

— Мне кажется, была бомбардировка... Смотрите, вот этот значок предполагает во мне некоторую склонность к оказанию симпатичным девушкам первой помощи, так что хотя бы посидите спокойно, хорошо?

— Нет. Вначале я должна выяснить, кто я, где я и почему...

— Ну, этого я не знаю даже о себе,— сказал Одегард, улыбаясь, и мысленно добавил: «Едва ли не самый честный разговор за последние несколько месяцев!»

Тем временем в парке появились еще люди, пассажиры и врачи, пытавшиеся помочь раненым. Постепенно все больше и больше понимая все происходящее вокруг, девушка дико оглядывалась на всю эту суматоху и держалась за руку Дэррона.

Итак, юная леди, вы, кажется, способны идти, а значит я немедленно отведу вас в больницу. Здесь недалеко одна, на лифте — вниз. Следуйте за мной!

Девушка довольно охотно отправилась вместе с Одегардом.

В лифте он спросил:

— Как тебя зовут?

Ехавшие рядом люди удивленно разглядывали девушку в кителе.

— Я... не знаю...

Обнаружив, что собственное имя действительно исчезло из памяти, девушка по-настоящему испугалась. Ее руки взлетели к горлу, но отличительный значок отсутствовал. Многим не нравилось носить такие значки, и они пренебрегали требованиями элементарной дисциплины и порядка.

— Куда вы меня везете?

— Я уже говорил,— в больницу. Тебя должны осмотреть! — Дэррону хотелось ответить более резко, чтобы спугнуть нагло глазевших на него самого и его спутницу пассажиров.

На Госпитальном Уровне Операций он вывел девушку из лифта. Еще несколько переходов, и они — в приемной больничного комплекса.

Приемная была переполнена: появлялись все новые и новые пострадавшие от взрыва, некоторые — на носилках. Пожилая нянечка начала снимать с девушки китель, но вместе с кителем, словно шелуха, снялись и находившиеся под ним лохмотья. Девушка слабо вскрикнула, и нянечка быстро укутала ее.

— Молодой человек, просто приходите за кителем завтра.

— Хорошо.

Возня кругом была такой оживленной, что грубо оттесняемый в коридор Дэррон смог только неловко кивнуть девушке на прощание. Он выбрался из толпы и пошел прочь, улыбаясь, почти смеясь над собой, над нянечкой, над кителем, как если бы все произошедшее было только удачной шуткой. Он уже позабыл, когда в последний раз считал что-либо достойным улыбки.

Одегард все еще немного посмеивался, когда вошел во Временные Операции, чтобы взять запасной китель, хранившийся в его шкафчике в дежурке. В бюллетене на доске не было ничего нового. Он подумал, уже не в первый раз за истекшие две недели, а не перевестись ли на какую-нибудь другую работенку, не требующую сидения перед экраном в смертельном напряге по шесть часов в день. Но, кажется, тех, кто просил о замене, переводят точно также, как и тех, кто о ней не просил.

Наверное, муж или возлюбленный этой девушки к завтрашнему утру объявится, надеялся Одегард, и как следует пожурит ее. Ну уж кто-нибудь точно за ней придет: возможно, сестра или брат...

Лейтенант зашел в ближайший спортивный зал и поиграл в гандбол со своим бывшим одноклассником Ченом Амлингом, капитаном Секции Исторических исследований. Амлинг был не из тех, кто играет впустую, без пользы, и Дэррон выиграл какой-то суррогат одного из слабых алкогольных напитков, которых, по правде говоря, он предпочитал не употреблять вообще. Разговаривали в спортзале главным образом о первой победе Временных Операций. Потом кто-то упомянул о ракетной атаке. Дэррон сказал только, что видел несколько раненых.

После душа Одегард, Амлинг и пара сослуживцев

пошли в бар на жизнедеятельностном Витальном Уровне, каковой бар, в общем-то нравился одному Амлингу.

Майор Лукас, главный историограф и психолог Временных Операций, расположился за столиком, разглагольствуя о душевных и некоторых других качествах новеньких девочек в местном ресторанчике, называвшемся, кстати, «Орденом Красной Подвязки». Да, видно, сохранилось еще два-три местечка, где частные заведения процветали при минимальном правительственном вмешательстве.

Амлинг по всякому поводу бросался заключать с каждым разнообразнейшие пари: на перочинные ножи, на игральные кости и на что-то еще, имевшее уже отношения к девочкам «Ордена Красной Подвязки». Дэррон ни к чему внимательно не прислушивался, хотя для виду улыбался и наобум шутил. Он выпил свою дневную норму и на некоторое время расслабился среди общей суматохи.

За общим офицерским столом он пообедал с большим аппетитом, чем обычно. Когда же наконец Дэррон добрался до своей комнаты, то сбросил ботинки, вытянулся на кровати и заснул, даже не успев подумать о принятии таблетки.

После ночного душного пробуждения он разделся, не ограничиваясь на сей раз, как, впрочем, и полагается, одними ботинками, снова нырнул в постель и снова проснулся гораздо раньше нужного времени, чувствуя себя тем не менее хорошо отдохнувшим. Часы на стене его комнаты показали 6.30 Всепланетного аварийного времени, и нынешним утром ни одна из составлявших времени не давила на него с такой тяжестью, как эти несносные 6.30. Он подумал, что наверняка еще имеет в запасе достаточно сего Таинственного Измерения, чтобы по пути на службу забежать в больницу.

Перекинув вчерашний китель через плечо, он последовал за медсестрой и обнаружил девушку сидящей на больничной койке. Его новая знакомая расположилась прямо перед телевизором и с наивно сосредоточенным видом хмурила брови, слушая передачу по каналу Гонгхо — так назывался правительственный канал увещеваний и пропагандистских призывов. Сегодня на девушке было новое простое платье и больничные тапочки.

Услышав шаги Дэррона, она быстро обернулась, затем улыбнулась и встала.

— О, это вы! Узнавать кого-нибудь — такое счастье!

Дэррон взял протянутую ему руку.

— Быть узнанным тоже большое счастье!.. Вы сегодня выглядите значительно лучше.

Она поблагодарила Дэррона за помощь, а он протестующе сказал, что ему это ничего не стоило.

Несколько приглушив звук телевизора, они сели поболтать. Дэррон назвал себя. Ее улыбка пропала.

— Мне жаль, что я не могу вам сказать свое имя.

— Я знаю, я говорил с медсестрой. Она сказала, что у вас глубокая амнезия, но в остальном вы чувствуете себя прекрасно.

— Да, я чувствую себя хорошо, за исключением этой маленькой детали. Мне кажется, я вообще не была ранена. Но у меня сейчас, в некотором роде, новое имя: Лиза Грэй. Для удобства ведения всякой больничной документации врачам пришлось как-то меня отметить, и, потом, они всегда держат под рукой подобные списки. Очевидно, немалое количество людей попадало в похожие ситуации, и все эти люди должны были быть поименованы. И еще врачи говорят, что при эвакуации населения потерялись записи, отпечатки пальцев и другие вещи в том же роде.

—«Лиза» — хорошее имя. Мне кажется, оно тебе подходит.

— Спасибо, сэр! — проговорила она благодарно.

— Знаешь,— сказал Дэррон после некоторого раздумья,— я слышал, что если оказаться в зоне действия вероятностной волны на пути ракеты, можно, прежде чем эта волна во что-либо материализуется, получить амнезию. Немного похоже на то, как если бы ты упал в далекое прошлое. Кстати: возможность приобрести незапятнанную репутацию!

Девушка кивнула.

— Да, врачи считают, что именно это со мной и случилось. Они говорят, что я оказалась, когда упала ракета, в группе эвакуируемых с верхнего уровня людей. Я думаю, если бы со мной были родственники, они здорово попыхтели бы с нашими записями. Но никто не искал меня.

Такая история была настолько распространена на Сирголе, что неизменно утомляла тех, кому приходилось так или иначе ее выслушивать, но в этот раз Дэррон

смог угадать в ней подлинную боль. Из жалости он решил сменить тему беседы:

— Ты еще не завтракала?

— Нет.

— Вот здесь рядом есть маленький пищевой автомат. Может быть, ты чего-нибудь хочешь?

— Я бы выпила фруктового сока.

Через минуту Одегард вернулся, неся бумажный стаканчик с оранжевой жидкостью, прозывавшейся фруктовым соком, чашку чаю и пару сладких булочек. Лиза снова наблюдала за телевизионной версией войны; зычный голос комментатора все еще удерживался на как бы извиняющихся, хриплых и низких нотках.

Дэррон выставил все принесенное на невысокий столик и придвинул свой стул. Глядя на растерянное выражение лица Лизы, он спросил:

— Ты что-нибудь помнишь о войне?

— Почти ничего. Я думаю, эта часть моих воспоминаний погибла безвозвратно. Кто такие эти берсеркеры? Я знаю, что это нечто ужасное, но...

— Это машины,— сказал Дэррон, прихлебывая чай.— Некоторые из них больше, чем любые космические корабли, построенные когда-либо нами или людьми с других планет. Эти машины бывают разных форм и размеров, но все они смертоносны. Первая из таких машин была сконструирована несколько столетий назад расой, с представителями которой мы никогда не встречались, специально для ведения войны, о которой мы никогда не слыхали. Берсеркеры запрограммированы на уничтожение всего живого везде, где можно его найти, и только одному Богу известно, как далеко они зашли, выполняя свое ужасное предназначение.

Дэррон начинал разговор тихим, ровным голосом, остававшимся таковым до сего момента, но теперь слова хлынули из него, как неиссякаемый поток горечи.

— Случалось, люди уничтожали их в сражениях, но какое-то количество берсеркеров всегда оставалось невредимым. Те, которым удавалось уцелеть, прятались в неисследованных скалах, вокруг таинственных черных звезд и создавали новые машины того же вида, значительно усовершенствованные. И потом они возвращались. И они продолжают приходить вновь и вновь, как сама смерть...

— Нет! — воскликнула Лиза, не желая мириться с тем, о чем ей поведали.

— Прости, я не собирался неистовствовать. Во всяком случае, не с утра.

Дэррон слабо улыбнулся, но про себя подумал, что не существует разумного извинения за перекладывание тяжести с его души на душу этой девушки. Но раз уж прорвало...

— Мы на Сирголе еще живы, и поэтому берсеркеры должны нас убить. Но все же они только машины, почему бы нет,— все это только несчастный случай, в каком-то смысле космическая шутка. Рука Провидения, Судьбы, как, бывало, говаривали раньше. Нам некому мстить.

У лейтенанта устало горло; он допил остатки чая и отодвинул чашку.

— А люди с других планет не могут нам помочь? — спросила Лиза.

— Некоторые,— вздохнул Дэррон,— борются с берсеркерами возле своих систем. Если бы соединить наши силы, то, действительно, большой флот принес бы пользу. Но пока политики, конечно, все еще играют в свои межзвездные игры, так уж у них заведено, хотя я считаю, что помощь нам будет оказана.

На трескучем фоне трескучих видеокамер телекомментатор что-то агрессивно бубнил о блестящей победе людей с Луны. Говорили, будто главный спутник Сиргола очень напоминает Земную Луну; задолго до того, как появились люди и берсеркеры, ее поверхность была испещрена внушающими страх кратерами, возникшими в результате падения на нее метеоритов. Но за последний год поверхность Луны Сиргола вместе со всеми ее защитниками превратилась в сплошное месиво под градом других, теперь уже не метеоритных, но ракетных и бомбовых ударов.

— Я думаю, помощь подоспеет вовремя,— сказала Лиза.

Дэррон задумался.

— Я тоже так считаю,— сказал он и почувствовал, что лжет.

На телевизионном экране маячили сценки из жизни Сиргола. Под небом дикого синего цвета — грязные обломки жилищ, наваленные вдоль всей линии горизонта. Ничего живого. Ничто не шелохнется, кроме поднимае-

мой редкими вихрями изжелта-серой пыли. Кое-где в засохшей грязи поблескивают стальные кости берсеркеров-завоевателей, вдребезги разбитые и покореженные за последние десять дней или месяц внушающей благоговение силой защиты. Еще одна победа для восхваления бубнящему голосу.

Лиза отвернулась от экрана.

— Я немного помню красивые вещи на планете. Не как вот это.

— Да, были красивые вещи.

— Расскажи мне.

— Ха,— усмехнулся Одегард,— а ты хочешь услышать о великолепных произведениях человека или о творениях природы?

— Думаю, о вещах, которые создавал человек. Хотя нет, не знаю: человек ведь часть природы, да? Значит и то, что он делает, в какой-то мере...

Перед мысленным взором Дэррона всплыл образ высящегося на холме Храма, бережно ощупываемого яркими солнечными лучами, которые иногда вдруг отражаются, на один только миг, в стеклах сказочных витражей...

Боже, как трудноперенесимы подобные воспоминания!

— Не знаю,— сказал Одегард,— можем ли мы считать себя частью природы на этой планете. Ты ведь помнишь, какое необыкновенное время вокруг Сиргола?

— Ты имеешь ввиду первых пришедших на планету Людей? Но я никогда, признаться, не понимала научного объяснения... Расскажи мне.

Дэррон не без удовольствия отважился выказать, или лучше — почти блеснуть своими глубокими познаниями в Истории перед этой девушкой, благо такой возможности ему никогда раньше не представлялось.

— Наше Солнце,— с расстановкой начал он,— выглядит так же, как и другие звезды типа Джи в планетных системах, похожих на земную. Но внешнее сходство обманчиво. В обыкновенной человеческой жизни время везде одинаково, поэтому межзвездные корабли, скорость которых превышает световую, могут входить в нашу систему и покидать ее, только приняв определенные меры предосторожности.

Первый корабль прилетел с Земли. И, конечно же, его команда не могла знать о здешнем запутанном

космическом времени. Исследуя ненаселенный Сиргол, корабль случайно провалился в Прошлое где-то на двадцать тысячелетий — случай, который не мог произойти больше нигде во Вселенной.

Только на Сирголе возможны перемещения во времени и только при определенных условиях. Одно из этих условий заключается в том, что любой, кто возвращается в Прошлое более чем на пятьсот лет, претерпевает значительный умственный регресс, порою все стирающий из памяти. Вот это и случилось с землянами-исследователями. Члены указанного экипажа сделались Первыми Мужчинами и Первыми Женщинами,— в нашем мире, конечно. После прохождения двадцати тысячелетий у них, должно быть, не осталось памяти вовсе. После того, как корабль самостоятельно совершил посадку, они, наверное, бродили кругами, как потерявшиеся дети.

— Как же они смогли выжить?

— Мы не знаем этого в точности. Видимо, инстинкт и удача. С Божьего изволения, как говорят верующие. Мы не можем взглянуть на Первых Людей даже с помощью специальных систем слежения, и, к счастью, берсеркеры тоже не могут добраться до них. Первые живые существа на планете, бесспорно, создали некую живую, действующую модель эволюционного Зародыша — положительное новое начало. И таким образом они стали невидимыми и недосягаемыми из будущего — независимо от используемой техники.

— Я думаю, эволюция была следствием случайных мутаций, одни из которых оказались плодотворными, а другие — нет,— проговорила Лиза, откусывая сладкую булочку.

— Тут замешано и многое другое. Видишь ли, всякая материя обладает определенной организацией, или иначе структурой, более или менее сложной. Но прохождение материи сквозь время характеризуется тем, что уровень этой организации поднимается все выше и выше над хаосом, структура ее все более удаляется от примитива и делается чрезвычайно разветвленной, почти изысканной. Человеческий мозг, предположительно, представляет собой пик обозначенного мною прогресса. Во всяком случае подобной, довольно оптимистической, точки зрения придерживается, говорят, большинство ученых. Но здесь, кажется не учитываются берсеркеры... Итак, о чем же это я?

— Пришли Первые Люди.

— Да, тысячелетиями они строили цивилизацию, начав с нуля. Когда прилетел второй исследовательский корабль с Земли где-то через десять лет после первого, у нас уже было Всепланетное правительство, и мы понемногу начинали уже сами летать в космос. Кстати, второй корабль был привлечен сигналами наших ранних межпланетных исследований. Его команда работала с большей осторожностью, нежели команда первого, осознавая, что имеет дело с необычным, весьма переменчивым космическим временем. Посадка была проведена успешно. Довольно скоро земляне смогли вычислить, что произошло с их предшественниками, и нас приветствовали уже как своих потомков. А еще — предупредили о берсеркерах. Они взяли с собой нескольких наших людей в другие системы и позволили им взглянуть на то, что представляет собой война с машинами. Конечно же, земляне и люди других миров обрадовались четыремстам миллионам новых жизней и сообщили нам много ценных сведений о планетарном оружии и разного рода защитных сооружениях. Все последующие восемь лет мы были заняты подготовкой к обороне. А затем, ровно год назад, пришли берсеркеры. Урок окончен. И закончилась История.

Лиза не казалась Дэррону расстроенной таким окончанием рассказа. Она пила пресловутый сок с нарочито довольным видом.

— Чем ты сегодня занимаешься, Дэррон?

— Да как обычно: работа во Временных Операциях... А знаешь, Лиза, атаки берсеркеров еще долгое время не возобновятся: враг не сможет дотянуться до нас из этих глубоких пещер. К тому же, покуда мы здесь, он не в силах выстроить на поверхности планеты не только военную базу, но даже простой плацдарм. Впрочем, берсеркеры уже отыскали способ путешествовать во времени и теперь, конечно, используют его, чтобы добраться до нас из нашего же Прошлого. При своем первом нападении они пытались уничтожить все живое,— словом, действовали в стиле настоящих берсеркеров. Но мы их довольно легко остановили. Следовательно, вторая попытка будет более хитроумной и коварной. Они убьют каких-нибудь видных личностей или сделают что-нибудь еще, чтобы замедлить ход нашей истории. Может быть, саботируют изобретение колеса. Тогда тем-

пы нашего развития будут автоматически приостановлены. Мы окажемся где-нибудь в Средних Веках, когда появился второй исследовательский корабль с Земли. И никаких радиосигналов, чтобы привести землян к нам! Или же, если земляне нас все-таки найдут, мы уже не будем иметь ни технической базы, ни современной промышленности, чтобы создать свою собственную защиту. У Земли и других планет хватает дыр в своей собственной обороне. Вот почему мы будем незащищены, когда придут берсеркеры. Вот почему сегодня из этих пещер нет упорного сопротивления. Мы все будем либо убиты, либо постепенно оттеснены в небытие... Прекрасный повод немного пофилософствовать, не так ли?

— Но ведь вы сумеете остановить их атаки, правда? Сумеете, я уверена в этом!

Отчаяние и безнадежная горечь, глодавшие душу Дэррона, были отчасти высказаны, выплеснуты им, и теперь ничего больше не оставалось делать, как только, пожелав всего-всего самого наилучшего, улыбнуться этой милой девушке и раскланяться.

— Ну что ж,— сказал Одегард, глядя на наручные часы и довольно правдоподобно растягивая губы в улыбке,— если все зависит от меня то, думаю, мне нужно поторопиться и начать свой рабочий день с чего-нибудь по меньшей мере героического!

Сегодня ответственным офицером дежурной смены Дэррона был полковник Борсс, который всегда нес службу с мрачным видом духовного пророка, ожидающего гибели мира.

— Как уже все мы знаем, вчерашние действия защиты оказались успешными с тактической точки зрения,— посчитал нужным объявить полковник; в потемках инструктажной комнаты его указка скользила вдоль светящихся символов на огромном экране.— Но если смотреть со стратегической точки зрения,— добавил он, с ехидцей улыбаясь,— то нужно признать, что ситуация ухудшилась.

Вскоре стало ясно, что странная улыбка полковника была вызвана наличием во вражеском расположении целого района,— все еще не четко локализованного, но наверняка находящегося где-то около двадцати одного тысячелетия назад.

— После того, как враг предпримет еще три вылазки, еще три проникновения в настоящее время, мы

получим три вектора путей возвращения берсеркеров обратно, что будет достаточным для абсолютно точной фиксации их местонахождения. Мы разнесем чудовищ вдребезги несколькими ракетными ударами, и это станет венцом всей деятельности Временных Операций! — Полковник сделал паузу перед нанесением пунктирной линии.— Конечно, нам прежде всего необходимо решить одну небольшую проблему: как отразить эти три атаки?

Среди молодых офицеров послышались добросовестные подобострастные смешки. Полковник Борсс подсветил экран дисплея, чтобы показать ярко горевшие на нем древовидные фигуры, которые, как выяснилось, были своего рода графиками, отображавшими жизнь людей на планете Сиргол. Он провел указкой вниз по стволу дерева, к жиденькому корню, как бы враставшему в вязкую гущу всевозможных цифр, литер, даже вопросительных знаков.

— Мы считаем, что первая из трех атак наверняка произойдет вот здесь, где-то рядом с Первыми Людьми...

Матт, иногда также называемый Охотником на Львов, почувствовал на голых плечах тепло полуденного солнца. Он отвернулся от последних знаков той земли, на которой он жил вот уже двадцать пять лет.

Чтобы получше рассмотреть расстилавшуюся перед ним равнину, Матт взобрался на большой валун, из основания которого тянулись еле заметные человеческие следы. Горстка Людей,— теперь их было не больше, чем пальцев на руках и на ногах,— тащилась за Маттом шаркающей походкой, выстроившись в тонкую, с безвидными промежутками, цепочку. Люди едва ли выглядели сверстниками, но все — и стар, и млад — неуклюже прикрывали свою наготу сильно потрепанными кожаными или полотняными одеждами, и кроме этих жалких лохмотьев путникам ничего не удалось захватить с собою.

Над равниной густо и клейко клубился полуденный зной. С верхушки валуна Матт видел болота и голые холмы. Ничего похожего на гостеприимство. В этой незнакомой местности могли подстерегать человека как незнакомые, так и уже изведанные опасности, но все были уверены, что едва ли встретят здесь что-либо более ужаснее, чем тот кошмар, от которого они спасались:

новые хищники, львы из блестящей каменной плоти, львы, которым не причиняли вреда булыжники и стрелы людей, которые приходили убивать и днем и ночью, которые могли убивать одним взглядом своих жестоких глаз.

За последние два дня десять человек из группы были уничтожены каменными львами, а уцелевшим ничего другого не оставалось делать, как только прятаться, едва осмеливаясь искать лужи для питья и собирать коренья, пригодные в пищу. Через плечо Матт нес единственный оставшийся у них лук. Остальные луки либо сгорели, либо пропали вместе с людьми, которые пытались защищаться от каменных львов. Матт думал, что попробует завтра добыть немного мяса в этих неприветливых краях. Никто не нес с собою пищи. Дети время от времени плакали от голода, пока женщины не зажимали им носы и рты, чтобы хоть как-нибудь унять слезы.

Цепочка Людей проходила мимо Матта. Скользнув взглядом по ряду знакомых спин, Матт заметил, что не хватает одного человека. Он хмурился, надеясь, что кто-то еще не вышел из-за угрюмой громады валуна. В несколько прыжков — догнал последних в ряду.

— Где Дарт? — спросил он.

Нет, не то чтобы Матт контролировал все отлучки и возвращения членов группы, но он в большей степени, чем другие, был здесь вожаком. Просто он хотел знать все, что происходит с каменными львами позади и незнакомой землей впереди.

Дарт был сиротой, но сейчас он уже слишком вырос для того, чтобы считаться и дальше ребенком, да и взрослые уже не особенно заботились и беспокоились о нем.

— Дарт не переставал говорить, как он голоден,— сказала одна женщина,— а потом, когда ты был в хвосте ряда, он побежал в сторону тех заболоченных перелесков впереди. Я думаю, пошел искать пищу...

Дэррон как раз покупал обед для Лизы в пищевом автомате комнаты для отдыха пациентов.— Лиза все еще находилась под наблюдением врачей в больнице,— когда начали зачитывать список тех людей из Временных Операций, которых вызывали на дежурство вторично. Лейтенант услыхал свою фамилию. Он тотчас

схватил сэндвичи и на секунду забежал к Лизе, бросив ей поспешное «до свиданья». Оказавшись еще более проворными, чем Дэррон, две дюжины бойцов прибыли уже на место, когда лейтенант домчался до комнаты, где назначался сбор. Полковник Борсс тяжело ходил взад и вперед, одним лишь видом своим отбивая всякую охоту задавать вопросы. Сразу после Дэррона в комнату вбежал последний человек из списка. Теперь полковник мог начинать.

— Джентльмены, первое нападение совершено как раз там, где оно и ожидалось. Космический пролом обнаружен на триста лет ранее Времени предполагаемого появления Первых Людей. Как и в ходе предыдущей атаки, мы столкнулись с шестью вражескими машинами, прорвавшимися в настоящее время. Но на этот раз машины не летают, или, во всяком случае, не выглядят управляемыми по типу летательных аппаратов. Вероятно, это вообще никем не управляемые механизмы, движущиеся на ногах или роликах; несомненно, они неуязвимы для того оружия, которым располагает население Сиргола. Мы столкнулись со значительными трудностями в отыскании этого космического пролома, потому что разрушительных изменений, вызванных именно данной атакой, численно гораздо меньше тех, которые мы видели в прошлый раз. Очевидно, берсеркеры сосредоточились сейчас на небольших, но исторически важных группах людей. И вот того, кто в этом осажденном районе так важен, мы не знаем пока, но, надеюсь, скоро будем знать. Есть вопросы, касающиеся сказанного мною? Нет? Тогда полковник Нилос проинструктирует вас, как распределятся обязанности в ходе спланированных комсоставом ответных боевых действий.

Нилос, серьезный молодой человек с резким голосом, сразу перешел к делу.

— Вас двадцать четыре человека. Каждый имеет хорошие отметки в свидетельствах об окончании высших технических курсов, каждый допущен к работе на барометрах-анероидах типа «господин-вассал». Но ни у кого нет настоящего живого опыта в такой работе, который, думаю, вскоре все же у вас появится. Да, я уполномочен заявить, что на время операции вы освобождаетесь от любых других своих обязанностей.

Откинувшись на стуле и мысленно пожимая плеча-

ми, Дэррон подумал: «Ну что ж, я хотел перевода». Реакция сослуживцев на все услышанное далеко не была единообразной: в редких восклицаниях слышались то радость, то уныние. Все бойцы пришли из разных отделов Операций, и Дэррону были знакомы только очень немногие лица, да и то довольно смутно.

Громкие шумные перешептывания по поводу перемены обязанностей уже почти навязли в ушах Одегарда, когда наконец двадцать четыре человека были переведены в ближайшие приготовленные для них помещения. Затем лифт опустил бойцов вниз, на Третью Ступень Операций, последний и наиболее защищенный уровень. Третья Ступень представляла собой большую, размером с очень крупный ангар пещеру, бесконечно полнившуюся всяческими отзвуками и отголосками,— но чего именно, никто никогда не мог сказать с полной и трезвой уверенностью. На довольно значительном расстоянии от пола пещеры было устроено нечто вроде гигантской театральной вешалки, и свешивались оттуда почти на марионеточных — ну, разве что очень толстых и прочных — веревочках ровно двадцать рабочих костюмов, которые и надели на себя Дэррон и его сослуживцы. Чуть ниже в строгом соответствии с рангами стояли так называемые вассалы — роботы, чьи железные туловища были настолько шире и выше обыкновенных человеческих, что техники, получавшие последние указания о боевой готовности от комбата, казались карликами.

В маленьких комнатах Третьей Ступени операторы, наскоро проглатывая сухие, сжатые напутствия, которыми их лениво прикармливали руководящие чины, внимательно изучали на картах те места, где им нужно будет высадиться, и делились скудными сведениями о полубродягах Неолита, по-видимому, нуждавшихся в их помощи и защите. Потом, после короткого заключительного медосмотра, операторы натянули трико и поднялись наверх.

В этот момент высшие власти отодвинули мир на дальний план, чтобы держать все в своих руках. Несколько мгновений, казалось, никто не догадывался о причине задержки. Затем на одной стене Ступени засветился огромный экран, где появились очертания крупной массивной головы самого Планетного Командора.

— Ребята,— загудел знакомый, усиленный аппаратами голос. Далее последовала пауза. Голова исчезла с экрана.

— В чем дело? — закричал Командор через минуту.— В Операциях ждут меня? Скажите, чтобы продолжали работу! Я в любое время могу поддержать бодрость духа!!

Голос все более и более поднимался, но потом вдруг пресекся. Появилось немое почему-то изображение. У Дэррона сложилось впечатление, будто Командор располагает еще кое-каким запасом дежурных фраз и даже связных громовых спичей, но, будучи не заинтересован в своей военной карьере, лейтенант был вполне доволен тем, что ему все-таки ничего не говорили.

Активность на Третьей Ступени вновь возросла. Двое техников помогали Дэррону надеть форму, что выглядело попросту вползанием в тяжелый углубляющийся костюм, подвешенный на канатах. Одеяние оставалось чрезвычайно неуклюжим, пока не включили вспомогательную силовую подпитку. И тогда толстое туловище и громоздкие конечности начали исправно подчиняться малейшим движением их господина.

— Запущен основной энерготок,— послышался голос в шлеме Одегарда, и лейтенант всем телом почувствовал, как его переместили в просторное туловище стоявшего перед ним на полу робота. Когда Дэррон смог вновь овладеть ситуацией, он передвинул ноги уже вполне повиновавшейся ему машины с просто изумительной — ну точно свои собственные! — легкостью. Чуть наклонив голову, но не нарушая при этом ажурной сети затейливых креплений, Одегард с некоторым даже удовлетворением осмотрел, глазами робота-вассала,— костюм господина и себя в нем.

— Всем выстроиться в колонну по одному, приготовиться к спуску,— снова прогремело в шлеме.

Железностопые вассалы, вытягиваясь в ряд, загрохотали о каменный пол пещеры, в самые потаенные уголки которой тотчас вломилось бешено мечущееся эхо этого грохота.

Перед построившимися в колонну гигантами пол вдруг превратился в яркий подвижный диск.

— Четыре, три, два, один, пуск!

Бойцы стремительно бросились к открывшемуся в сияющей плоскости быстро вращавшегося диска отверстию и один за другим стали исчезать в нем. Стоявшая впереди Дэррона фигура прыгнула и пропала. Потом он сам в свою очередь бросился в это серебряное пятно.

Через некоторое время его металлические подошвы опустились на траву, и он медленно, шатаясь, побрел по незнакомой земле. Кругом стеною вставал тенистый лиственный лес.

Одегард проверил, скосив глаза на запястье вассала, в порядке ли компас, и затем двинулся к небольшой уютной опушке, откуда, очевидно, с большей легкостью можно было определить положение солнца. Светило клонилось к западу, и это значило, что лейтенант отстал, не дотянул до оговоренного срока высадки несколько часов,— если, конечно же, не дней, месяцев или даже лет. Он сразу доложил в Операции об очевидной ошибке.

— Начинай поиски, Одегард,— ответил один из контролеров.— Мы попытаемся уточнить твое местонахождение.

— Понятно.

Дэррон отправился по петлистой тропинке через лес. Он находился в состоянии напряженной, ежесекундной готовности к встрече с врагом и тем более — Людьми, защищать которых, собственно говоря, и был отправлен. Однако главная его задача состояла в том, чтобы попытаться как-то нарушить обусловленное для Неолита всем предшествующим ходом эволюции равновесие органической жизни, стать, что ли, виновником аномальных колебаний в биосфере планеты. Если ему удастся выполнить поставленную задачу, то квалифицированные наблюдатели в Операциях сквозь толщу более чем двадцати тысячелетий, отделяющих их от исследуемой области, смогут увидеть и зафиксировать эти нарушения, а с ними и самого Дэррона, и Первых Людей.

После того, как Дэррон в течение десяти минут сделал по лесу несколько все расширявшихся кругов, вспугнув около сотни маленьких зверюшек, раздавив, наверное, тысячу невидимых под ногами насекомых и задев бесчисленное множество травинок и листьев, вновь послышался сухой, невыразительный голос контролера:

— Все в порядке, Одегард, мы засекли тебя. Ты немного отклонился от заданного курса, но, в общем, для того, чтобы встретиться со своими, ты движешься в правильном направлении. Нужно их догнать, потому что ты опоздал где-то на четыре-пять часов. Солнце заходит, так?

— Так.

— Хорошо, тогда переместись на двести градусов к северу. Если ты успеешь сделать это за полчаса, то окажешься очень близко от своих людей.

— Понятно.

Вместо того, чтобы неспеша исследовать местность в ожидании прихода товарищей, он должен немедленно догонять их, пока не догнало что-нибудь еще. Или кто-нибудь.

Дэррон двинулся вперед быстрыми шагами, время от времени поглядывая на компас и заставляя вассала идти в нужном направлении. Лесистая местность постепенно переходила в болотистую. Вдали поднимались невысокие скалистые горы.

— Одегард, мы обнаружили присутствие в твоем квадрате еще одного объекта, несущего с собой разрушение, распад. Прости, но мы не можем оказать тебе хорошей поддержки: это почти наверняка один из берсеркеров.

— Понятно.

Такого рода работа было Дэррону более по вкусу, чем неподвижность в кресле дежурного, но все же ответственность за сорок миллионов жизней лежала на его плечах с прежней неподвижностью.

Прошло несколько минут. Продвижение Дэррона замедлилось, так как ему надо было оглядываться по сторонам, обдумывая каждый шаг робота-вассала по топкому грунту. И затем внезапно он почуял рядом с собой чью-то беду, услышал ее точно и безошибочно: она ныла, ревела, визжала в его мозгу перепуганным до смерти ребенком.

— Операции, я на что-то наткнулся!

Визг повторялся снова и снова. Слуховое устройство вассала работало достаточно четко и позволяло быстро определять местонахождение источников звука. Дэррон изменил курс и побежал, стараясь ступать на выглядевшие наиболее сухими клочки земли, заботясь как о скорости передвижения, так и о том, чтобы не производить излишнего шума.

После примерно полуминутного бега Одегард попробовал остановиться, осторожно скользя в густой болотной жиже. Вдруг сверху на него свалился небольшой камешек, и, задрав голову, лейтенант увидел на верхушке дерева мальчика лет двенадцати, который крепко

обхватил тоненький ствол руками и ногами, боясь сорваться вниз. Каждый раз, когда крик прекращался на мгновение, странный резкий толчок вновь раскачивал ствол, что вновь заставляло мальчика визжать. И хотя нижняя часть ствола выглядела довольно толстой, дерево, точно молоденький побег, раскачивалось чем-то или кем-то скрытым от глаз наблюдателя близлежащими кустами. В этом лесу едва ли обитали звери с такой силищей, и то мог быть только берсеркер, спрятавшийся где-то в кустарнике и использующий мальчика как приманку в надежде на то, что крики ребенка привлекут внимание взрослых из группы.

Дэррон медленно выступил вперед. Но не успел он определить, с какой стороны дерева спрятался берсеркер, как его вассалу уже был нанесен ущерб. Направляя лазерный луч вперед, как копье, и выдавливая этим лучом в боевом оснащении робота экран огневых операций, уничтожая на своем пути кусты и молодые деревца, появился атакующий берсеркер. Дэррон мельком увидел нечто железное и невысокое, словно землеройная машина, быстро двигавшееся на четырех лапах. Одегард услыхал, как у него трясутся челюсти в шлеме. Он опустил палец на спусковой крючок своего лазерного оружия. Из центральной части лба вассала вырвался тонкий и острый луч, автоматически наведенный в ту точку, на которой сфокусировал взгляд господин. Луч попал где-то посреди шарообразной металлической выпуклости атаковавшей машины, производившей впечатление морды, затем изменил направление и превратил небольшое деревце в облако пламени и дыма. Выстрел, должно быть, оказался точным. Враг прервал свое стремительное нападение и нырнул в заросли высокой, почти пятифутовой травы.

Двое офицеров из Операций, обрабатывавших посылаемые роботом Дэррона видеосигналы, вдруг в один голос заговорили, отдавая лейтенанту всевозможные приказы. Но даже если бы в их речах и присутствовал какой-то смысл, Одегард не смог бы в него как следует вдуматься: времени для раздумий уже не оставалось. Немного удивляясь собственной агрессивности, к тому же веселой и шалой, Дэррон направил робота вприсядку кругом небольшого холма, поросшего той самой травой, в которой скрылся берсеркер. Лейтенант хотел, чтобы схватка закончилась поскорее, все равно с каким исхо-

дом. На огромной скорости, беззвучно визжа в своем шлеме, он включил лазер. Видение припавшего к земле, подобно металлическому льву, берсеркера, ворвалось, почти вломилось в поле зрения вассала. Дэррон хотел отскочить назад, но видение было столь сильно и притягательно, что он с ужасом ощутил себя на грани того, чтобы бросить собственную плоть на растерзание жадно ожидавшему ее монстру.

Этого маленького, в несколько секунд, опыта хватило, чтобы убедить Одегарда в том, что использование антропоморфических боевых машин в этой операции было серьезной ошибкой. Борьбу с машинами равной или большей мощности нельзя выиграть тактически, нельзя ограничить быстроту реакций берсеркера медлительностью протоплазменных нервов. Имея в своем распоряжении громадную силу робота-вассала, которая, как считали в Операциях, одолеет любого врага, Дэррон сумел всего только повиснуть в воздухе, отчаянно зажав в полунельсоне металлического льва, который тем временем извивался и отбрыкивался, пытаясь сбросить с себя человека.

С тех пор, как началась борьба, лейтенанту казалось, что все власти Операций заглядывают ему через плечо, и у большинства есть что сказать. Голоса в наушниках приказывали Дэррону, кричали на него и друг на друга. Некоторые из них, вероятно, пытались прекратить шум, но в любом случае Одегард не располагал временем для того, чтобы к голосам прислушиваться. Зеленый лес обступал его быстрее, чем глаза успевали разглядеть что-либо вокруг. В головокружительно малую долю секунды он смог заметить только, как бесполезно болтаются стопы его железных ног, сбивая наземь маленькие деревца в то время, когда его кружило чудовище.

Дэррон попытался повернуть голову и направить на цель единственный, как у циклопа, глаз лазера, но теперь одна из четырех конечностей берсеркера захватила шею вассала, сделав неподвижной его голову. Дэррон все еще пытался стальными руками обхватить толстую шею берсеркера, но потом вражьи тиски разжались, и он упал.

Не успел вассал отпрыгнуть, как берсеркер вновь оказался сверху, более яростный и быстрый, чем любой взбешенный бык. Одегард включил лазер. Головокружение от бесчисленных кувырков и переворотов, а теперь

еще и некое веселенькое открытие, состоявшее, в сущности, только в том, что противник непременно растопчет и расплющит горемыку Одегарда, вызвало в лейтенанте нелепое, но настойчивое желание смеяться. Через секунду борьба закончится и он вынужден будет уступить.

Берсеркер подбросил его еще раз, а потом вдруг пустился наутек, избегая дико сверкавшего луча Дэррона. Легко приземистая машина перепрыгивала через деревья и вскоре скрылась из виду.

Все еще с кружащейся головой Одегард попытался сесть на необычном песчаном склоне, где был брошен врагом. Делая это, он сразу же понял, почему берсеркер предпочел убраться. Некоторые важные части вассала были сломаны. Так, например, ноги волочились по земле, совершенно отказываясь повиноваться, как это случается у человека со сломанным позвоночником. Но так как лазер был все еще в рабочем состоянии, а мощные руки могли еще принести вред, компьютерный мозг берсеркера решил прервать сражение. Враг не видел резона тратить силы на борьбу с искалеченным, но все еще опасным противником, по крайней мере в то время, когда его основная энергия направлялась на выполнение программы первостепенной важности — программы по уничтожению Людей.

Голоса из Операций произносили примерно следующие фразы:

— Одегард, почему...

— Ради всего святого, Одегард, о чем ты думаешь?

— Одегард, почему ты не...

— Сделай все, что только возможно, Одегард!

— Что-то щелкнуло в наушниках, и голоса пропали, отозвавшись в душе Одегарда всплеском омерзения. Но его в некоторой степени развлекло собственное весьма забавное ощущение того, что все эти дешевые завистники поспешили налететь, подобно питающимся падалью птицам, на новую жертву. Он понимал,— а его опыт в этом смысле был достаточно обширен, что из отвратительной, пошловатенькой грязи нынешней боевой операции со временем вылепится роскошный пьедестал, на который взойдут все те, кому раньше других удастся заглушить в себе голос совести, кто раньше других ухитрится не быть в ответе за происходящие теперь на Сирголе события. Но пока что лейтенант принимал

живейшее участие в этих событиях — с той частью вассала, которая еще оставалась в рабочем состоянии,— отвращение же относилось главным образом к самому себе. Желание скорейшего и все-равно-какого окончания битвы куда-то пропало. Исчез даже тяжкий груз ответственности. По крайней мере, на время. Единственное, чего Одегард хотел сейчас — это еще раз встретиться с врагом.

Посадив вассала, лейтенант осмотрелся. Он находился в конусообразном песчаном карьере глубиной около десяти-пятнадцати метров. В самом карьере ничего не росло, а притулившиеся рядом деревца были сильно искалечены. Те из них, которые не сломались при сражении, превратились после воздействия на них лазерного луча в груды дымящихся головней.

Но что же случилось с мальчиком?

Работая руками, точно пловец, Дэррон проделывал себе песчаную дорогу наверх, к тому месту, где можно было, выбравшись из карьера, как следует оглядеться. Перевалившись через бровку котловины, уже поросшую реденькой травой, он пробежал глазами местность и не очень вдалеке заметил высокое дерево, на которое карабкался парень, спасая свою жизнь. Но сейчас его, ни живого, ни мертвого, не было видно.

Внезапно поскользнувшись на песчаной дорожке, искалеченный вассал по крутому склону вновь скатился в жидкое месиво на дне воронки.

Воронка?

Наконец Дэррон узнал место, куда бросили робота. Это была ловушка ядовитых земляных диггеров, разновидности крупных плотоядных животных, истребленных на Сирголе еще в ранний период развития планеты. Сейчас, глядя вниз на дно карьера, Дэррон встретил взгляд двух сероватых глаз, расположенных на огромной глыбообразной голове, торчавшей из воды.

Матт следовал сразу за Дартом, пока они вдвоем очень тщательно прочесывали кустарник, направляясь в сторону ловушки ядовитого диггера. Остальные в нескольких сотнях ярдов от них отдыхали в тенистой рощице. Некоторые, впрочем, вскарабкивались на деревья и там собирали какие-то съедобные плоды.

Матт смог только мельком взглянуть на нечто похо-

жее на голову за краем карьера. Это наверняка не была голова ядовитого диггера.

— Видно, там спрятался каменный лев,— очень тихо прошептал Матт.

— Нет,— ответил Дарт,— это большой человек, о котором я тебе говорил, каменный человек. Как они дрались с каменным львом! Но я не стал дожидаться конца битвы, а спрыгнул с дерева и побежал прочь, благо был в силах бежать.

Матт, с минуту поколебавшись, решил рискнуть и подойти поближе к краю воронки. Кивнув Дарту, чтобы тот следовал за ним, он двинулся вперед. Из-за куста они смогли заглянуть в карьер, и то, что они увидели, заставило застыть их в изумлении. Ядовитый диггер, который побеждал любое существо, поднялся из липкой грязи и махал лапами, а каменный человек просто и небрежно бил диггера по носу, как будто отшлепывал ребенка. С воем, подобным вою наказываемого малыша, животное снова ныряло под воду.

Человек из сверкающего камня что-то бормотал себе под нос. Его слова казались полными силы и чувства, но язык, на котором говорил человек, не был знаком Матту. Незнакомец едва шевелил ногами, болтавшимися, как некие никчемные омертвелые довески к телу, и широко размахивал явно более послушными ему ручищами, то и дело вгоняя их глубоко в песок и пытаясь таким образом выбраться из ямы. Каменный человек скользил по склону, и Матт подумал, что в конечном счете он сможет выползти, но выглядело это, как очень трудная схватка — схватка с сыпучим, неподатливым склоном воронки.

— Теперь ты веришь мне,— шептал Дарт,— что он действительно победил каменного льва? Да, а я все видел собственными глазами!

— Да, да, я могу поверить тебе!

Все еще припадая к земле и не упуская из виду карьер, Матт повел мальчика обратно, к остальным членам группы. Он предполагал, что битвой между двумя такими существами, как каменный лев и каменный человек, можно объяснить все: сожженные и поломанные деревья, которые так встревожили его раньше, и весь тот шум, который слышали Люди. Сейчас, уводя Дарта прочь от карьера, Матт с надеждой выискивал глазами среди кустов огромный блестящий труп. Увидеть камен-

ного льва мертвым было сильнейшим желанием Матта. Подобная картинка наверняка бы изгладила в его памяти другое болезненно навязшее там зрелище — страшное зрелище того, что сделал каменный лев с его двумя молодыми женами.

Присоединившись к группе, Матт рассказал обо всем наиболее умудренным взрослым.

— Я хочу понять, кто этот каменный человек, заявил он,— и помочь ему.

— Зачем?

Подобрать слова для ответа на этот вопрос оказалось непросто. Во-первых, Матт очень хотел объединить свои силы, если бы это было возможно, с силами любых других существ, способных драться с каменным львом. Но вот, например, этот каменный человек выглядел уже непригодным для дальнейшей борьбы, поэтому приходили на ум еще и всяческие отзывавшие дурной бесконечностью «во-вторых», «в-третьих», «в-четвертых», никак не помогавшие ответить на поставленный вопрос: зачем? зачем?

Все слушавшие Матта негромко перешептывались между собой, и в голосах их сквозило сомнение. Наконец самая старшая среди женщин достала из кожаной сумки игральные кости. Она бросила их на грязную землю, несколько раз встряхнув перед тем в крепко сослоенных морщинистых ладонях, и живо подсчитала выпавшее количество очков. Однако за магическими числами она не смогла углядеть никакого каменного человека и посему поостереглась что-либо советовать своим более юным соплеменникам.

Чем больше Матт думал о смысле своих слов, тем решительнее он становился.

— Я собираюсь помочь каменному человеку. Если он вдруг окажется врагом, то все равно не сможет преследовать нас на своих перекалеченных ногах.

Слуховое устройство вассала улавливало рассуждения Людей, хотя говорили они тихо.

— У меня появляется компания,— подытожил Дэррон свои наблюдения. Он не мог добиться от Операций ясной и подробной сводки происходящих с ним в Прошлом событий, но сейчас это его вполне устраивало.

Люди приблизились к воронке, и наиболее смелые принялись внимательно рассматривать робота из-за кустарников и деревьев. Когда они увидели, что тот под-

нял голову и посмотрел на них, то одновременно выступили вперед, в безмолвии протягивая безоружные руки. Дэррон как мог сымитировал приветственный жест правой рукой, а левой продолжал поддерживать вассала в сидячем положении. Люди, казалось, понемногу начали проявлять некоторое доверие к каменному человеку, отчасти вызванное его миролюбивою жестикуляцией, отчасти очевидной неспособностью вдруг причинить какое-либо зло,— слишком серьезны были нанесенные ему увечья.

— Кто-нибудь слышит меня? — говорил Дэррон.— Здесь рядом толпа людей. Мне нужен переводчик.

С самого начала функционирования Временных Операций предпринимались отчаянные попытки изучить как можно больше языков и диалектов, на которых разговаривали в Прошлом на планете Сиргол. Исследовательские микрофоны и видеодатчики систем слежения были разнесены и установлены во всех местах, где ранее селились люди. Программа обучения проводилась в жизнь со всем возможным усердием, но постепенно поглотилась другими, более насущными, как представлялось, программами. Сейчас, в современном мире, только двое сумели выучить кое-что из наречия полубродяг Неолита, и сегодня эти двое — нарасхват.

— Одегард!

Ответ прозвучал, как взрыв, и Дэррон вздрогнул. Говоривший не представился, но, судя по голосу, это был полковник Борсс.

— Одегард! Не отпускай от себя этих людей! Даже если твой вассал сломан, он все равно сможет их защитить.

— Понятно,— Дэррон беззвучно вздохнул.— Как насчет переводчика?

— Мы пытаемся заполучить одного для тебя. Ты в таком районе, где... Словом, охраняй этих людей, пока мы не достанем для тебя другого робота!

— Понятно!

В неолитическом сегодня, находившемся во власти берсеркера, лейтенанту приходилось туго. Но, в конце концов, может быть, лучше закрыться внутри своего вассала, чем оказаться в той грязи и суматохе, которая наверняка поглотила Секции Временных Операций...

— Всякое существо подобных размеров должно много есть,— жаловался Матту один из старейших людей в группе.

— Я не думаю,— ответил Матт,— что с такими ногами он проживет достаточно долго для того, чтобы успеть съесть много.

Матт пытался уговорить одного из храбрейших в группе охотников помочь ему вытащить каменного человека из ловушки. Казалось, каменный человек доверчиво ожидал помощи.

— Если он долго не протянет,— подыскивал аргументы в свою пользу препиравшийся с Маттом парень, тот самый храбрец-охотник,— то нет нужды ему помогать.

— Да, но все же...

Матт с трудом подбирал слова, но знал твердо: если надо, он один поможет каменному человеку. В этом существе, пытавшемся помочь Дарту, ему виделся представитель какой-то загадочной цивилизации, к которой, однако, Первые Люди тоже имеют вполне определенное отношение, как если бы существовало где-то некое сообщество решительно всех людей, настойчиво обживающих Вселенную, которое боролось бы с любыми несущими страдания и смерть хищниками и монстрами.

— Представьте, что здесь рядом целая группа каменных людей,— предположил один человек из группы, и некоторые при его словах боязливо огляделись кругом.— Они могут сделаться либо опасными противниками, либо могущественными друзьями...

Это предположение ничего не меняло; мысль о дружбе или вражде с другими племенами мало что значила для Первых Людей. Но Дарт вставил:

— Этот-то наверняка хочет стать нашим с вами другом!

Старейшая среди женщин усмехнулась:

— Так кто-нибудь желает быть искалеченным?

Голос девушки-переводчицы, мягко вдруг зазвучавший в наушниках Дэррона, притянул за собой еще тьму каких-то невыразительных голосов из Операций, гудевших подобно пчелиному улью. Девушка сбивчиво перевела лейтенанту часть тех споров, которые вели между собой Первые Люди, но через пару минут работы была отозвана к другому оператору. Из отдаленных разговоров Одегард узнал, что два берсеркера уже выведено из строя, но при этом потеряно шесть роботов. Да и самый внешний вид этих роботов, предназначенных, в общем-то, для защиты Первых Людей от врага, скорее отпуги-

вал их и вселял в наивные души неподдельный страх, нежели хоть как-то располагал к себе.

— Скажите им, чтоб они попытались казаться искалеченными,— посоветовал Дэррон.— Ладно, я обойдусь без переводчика. Это будет лучше, чем получить пару неправильно переведенных фраз. Но как насчет доставки сюда оружия? Я бы мог передать его этим людям. Когда берсеркер вернется, будет уже слишком поздно.

Машина, с которой Дэррон сражался, очевидно, не могла не оставить в этой местности следов своих прежних кровавых вылазок, и лейтенант справедливо полагал, что,— как говаривали, помнится, начитанные в священных книгах земляне,— пес возвратится на свою блевотину.

— И подбросьте мне гранаты. Стрел не надо. В этой команде только у одного есть лук.

Внутри большого туловища вассала помещалось отделение, в которое из будущего могли пересылаться необходимые, небольших размеров предметы.

— Оружие для самозащиты готовится,— кто-то заверил Дэррона,— хотя до тех пор, пока оно действительно не понадобится, раздавать его опасно. Представьте, что они направят его против вассала? Или по ошибке перестреляют друг друга?

— Мне кажется, более опасно ждать слишком долго. Вы можете переправить его сейчас?

— Его готовят!

Все складывалось так, что *Дэррон не знал, нужно ли* ему верить в происходящее или же принять все за игру воображения, сон.

Люди, казалось, все еще обсуждали вассала, пока господин поддерживал его в сидячем положении — в атмосфере, хотелось думать, терпимости и доверия. Из короткого перевода Дэррон понял, что высокий молодой человек с перекинутым через плечо луком был единственным, кто выступал за оказание помощи «каменному человеку». Этому парню с луком, больше других похожему на главного в группе, удалось наконец уговорить одного мужчину помочь таинственному пришельцу. Вдвоем они добрались до молодого деревца, надвое расколотого во время недавней схватки и теперь свободно лежавшего на пне, и стали рубить наиболее длинные и тугие ветви ручным топориком. Затем смельчаки снесли их к самому краю воронки. Обхватив эти ветви за

верхушки и мощными комлями опустив вниз так, чтобы робот мог ухватиться за них,— что тот немедленно и проделал,— они с силой потянули Одегарда на себя, но тотчас замычали от натуги и изумления: вес «каменного человека» был очень велик. Дарт, мальчик, которого лейтенант впервые увидел спасавшимся от берсеркера на макушке дерева, вызвался теперь помочь взрослым.

— Одегард! — раздался в наушниках зычный нахрапистый голос.— Говорит полковник Борсс. Мы поняли, что является для берсеркера мишенью. Видишь ли, письменность на планете берет начало очень недалеко от твоего настоящего положения во Времени. Обилие смертей в столь отдаленном секторе пока что не слишком расшатало структуру Истории Сиргола, но всего одно только убийство еще могло бы вытеснить изобретение этой самой письменности за порог реального времени. К сожалению, изобретателя ее, или основоположника, что ли, мы... мы не в силах вычислить и указать тебе на него, но Люди в твоей команде, по-видимому, являются прародителями его племени. Будь внимателен, Одегард!

Одегард карабкался по ветвям, покуда не перебросил вассала через край ямы.

— Спасибо за информацию, полковник, но... но как насчет гранат, которые я просил?

— Мы забрасываем в твой сектор еще два робота, Дэррон, но они не совсем исправны. Сейчас трое противников уже выведены из строя... Ты говоришь, гранаты? — последовала короткая пауза.— Тут заверяют, что гранаты уже переправляются и...

Голос полковника внезапно умолк, связь на время прервалась.

Закончив рискованное дело, все Люди отступили на несколько шагов назад и внимательно наблюдали за машиной. Дэррон, опираясь одной рукой о землю, другой пытался кое-как приветствовать своих спасителей. Это, казалось, убедило Людей в относительной безопасности робота, но зато теперь, обеспокоенно переговариваясь друг с другом, они то и дело с тоской озирались на заходящее солнце. Дэррон не нуждался в переводчике, чтобы понять, что они всерьез озабочены и встревожены предстоящими поисками места для ночлега.

Через минуту Люди собрали свои немногочисленные пожитки и понемногу стали уходить, как бы возобновляя прерванное действие. Человек с луком несколько раз

заговаривал с вассалом и, казалось, был разочарован тем, что его слов не понимают, но и он не мог больше тянуть время. Дэррон поплелся вслед за тощей вереницей устало шагавших Людей. Вскоре он понял, что по твердому грунту его вассал совсем неплохо передвигается на длинных руках, подобно обезьяне с перебитым хребтом, опирающейся кулаками о землю и слабо волочащей ноги. Люди часто, но не всегда сочувственно оглядывались на эту развалину.

А развалина напряженно ожидала появления берсеркера. Следы, оставляемые волочившимися ногами вассала наверняка были просты и понятны, и, увидев их, машина-убийца не преминет броситься в погоню.

— Одегард,— снова послышался голос полковника Борсса,— наши экраны показали, что разрушительный путь лежал на юг, в противоположную от вас сторону, но теперь враг возвращается. Очевидно, ты был прав насчет каких-то ложных следов. Твой берсеркер — единственный, которого мы еще не убили, и находится он в самом оживленном месте. Я думаю, мы сделаем вот как: два робота, посланные к тебе на подмогу, появятся через несколько минут, но мы направим их вослед вам так, чтобы они находились вне вашего поля зрения, по одному с каждого фланга. Не хотим пугать твоих Людей обилием железных существ. Проблем с этим сегодня у нас уже было достаточно. Когда твои Люди остановятся где-нибудь на ночлег, ты останешься с ними, а двух других вассалов мы поместим в засаде.

— Понятно.

Дэррон продолжал двигаться на обезьяний манер, подпрыгивая на ухабах. Чтобы оператор чувствовал себя находящимся в Прошлом, необходима была постоянная обратная связь.

План полковника показался Одегарду весьма разумным, но сейчас ему не хотелось глубоко вникать в этот план: Одегард всей своей, что называется, шкурой ощущал близкую опасность.

Густые сумерки омыли первобытную природу. Люди шагали по болотистым, кое-где поросшим лесом равнинам и затем, немного развернувшись спинами к уже полностью утопленному, вдавленному в далекие сизые рощицы солнцу, побрели по склонам невысоких холмов. Человек с луком озабоченно изучал эти холмы, идя впереди группы.

— Вы можете сейчас переслать мне гранаты? Эй, Операции! Есть там кто-нибудь?

— Мы сейчас сами организуем эту засаду, Одегард. Нам не хочется, чтобы твои Люди в темноте наугад бросали гранаты.

Дэррону показалось, что он и раньше уже предчувствовал подобное положение дел. Да, его вассал не сможет точно метнуть гранату, так как вынужден при помощи рук удерживать равновесие.

Матт вдруг резко обернулся и вскочил на невысокий пригорок, остальные быстро последовали его примеру. Дэррон увидел, вскарабкавшись на пригорок последним, что они подошли к узкому входу в пещеру, расположенному на невысоком, но крутом обрыве подобно двери в стене дома. Все сохраняли некоторую дистанцию по отношению к этой дыре. Не успел Дэррон ничего как следует уяснить себе, как Матт сорвал с плеча лук и натянул тетиву. Потом другой человек бросил в темноту пещеры увесистый камень, метя в изогнутый буквой «Г» проход. И сразу же из глубины пещеры донеслось рычание, заставившее Людей броситься врассыпную. Спустя четверть минуты показался громадный медведь: с некоторым недоумением оглядел робота, походившего на покалеченного, оставленного на крыльце дома подкидыша.

Приветственный шлепок зверя разом свалил на землю неустойчивого вассала. Из лежачего положения Дэррон ударил медведя, слегка задев его морду, чем вызвал леденящий кровь вой. Сформованный из более прочного материала, чем ядовитый диггер, медведь едва ли как-то ощутил хилый тычок лейтенанта, но, по-видимому, его глубоко возмутила самая неприветливость и нелюбезность обращения последнего, и когтистая лапища потянулась к голове робота. Все еще лежа на спине, Дэррон поднял чудовище стальными ручищами и сбросил с холма: убирайся, дескать!

Первый вой был только прелюдией к тому, что последовало далее. Одегарду не хотелось лишать жизни даже зверя, и он не делал бы этого, если б мог, но время шло, и скоро грозил появиться настоящий враг. Нет, все-таки нельзя убивать: и на этот раз лейтенант попросту отбросил медведя, просто немного дальше прежнего. Животное подпрыгнуло, встало на ноги и побежало в сторону болот. Еще с минуту после этого в воздухе носился рев.

Из-за скал и из расщелин показались Люди и медленно обступили вассала, перестав на какое-то время оглядываться по сторонам. У Дэррона было такое чувство, будто через несколько мгновений они упадут ниц перед ним и назовут своим божеством. Не желая стать свидетелем подобной сцены, он, опираясь кулаками о землю, направил вассала в пещеру и растворился в темноте. Глаза вассала быстро приспособились к новым условиям, и через пару секунд господин смог определить, какова глубина пещеры, и убедиться в том, что она пуста. При более внимательном рассмотрении Дэррон заметил высоко на противоположной стене узкое, подобное оконцу отверстие. В пещере было достаточно места для того, чтобы расположилась вся группа. Матт отыскал славную стоянку!

Когда Дэррон вышел из пещеры, то застал Людей за разведением большого костра. Они собирали хворост под деревьями у закраины болота и поспешно несли его на холм.

Маленькая оранжевая искра зажглась вдали над равниной в сгущавшейся багровой дымке заката, высвечивая группу устраивающихся на ночлег Людей.

— Операции, как там засада?

— Двое роботов как раз занимают свои позиции. Они видят вас у входа в пещеру.

— Ну что ж, хорошо. Пусть теперь Люди разводят огонь, привлекая к себе внимание берсеркера. Чудовище застанет их защищенными *в такой мере, в какой они* еще никогда не были защищены.

Одна пожилая женщина сделала из своего плотного кожаного мешка подобие покрывала, которым и укрыла детей. Поколдовав над огнем, она заставила его разгореться ярче. Высокие языки пламени, освещая все вокруг на расстоянии почти в десять ярдов, мягкими отблесками ложились на тусклый иссиня-матовый небосвод.

Все вошли в пещеру: последним ввалился вассал, сразу за Маттом. Тут же, внутри Г-образного входа, Дэррон, сев, прислонился к стене и с глубоким вздохом облегчения расправил натруженные, затекшие руки. Он изготовился к... отдыху: немало поработал сегодня.

Но не успел он даже вздремнуть чуточку, как ночь по ту сторону укрытия без предупреждения взорвалась битвой. Слышались треск и хлопки включенных лазеров, клацание, скрежет и хряск при встрече двух упако-

ванных в броню существ. Люди в пещере все как один вскочили на ноги.

В мерцающих вспышках лазерного света Дэррон смог увидеть у самого входа в пещеру Матта, уже натягивавшего свой лук, и остальных Людей, искавших камни для метания. В глубине пещеры Дарт вскарабкался на выступ, откуда можно было заглянуть в маленькое оконце. Свет лазера выхватил из мглы его перепуганное лицо.

А потом огни погасли. Вспышки и треск прекратились так же внезапно, как и начались. Все вдруг застыло в смертельном оцепенении.

— Операции! Операции! Что там происходит? Что случилось?

— О Господи, Одегард! — голос в наушниках так дрожал, что его невозможно было узнать.— Забудь про этих двух роботов. Берсеркер... Проклятье! Быстрота его реакций слишком фантастична...

Вдруг в пещеру вкатился огромный клубок горящих сучьев,— целый костер, превращенный ударом ноги со стальными когтями в град искр, просыпавшийся на пол пещеры тысячеоким крошевом незрячих углей. Наверное, берсеркер попытается продолжить свою игру, в то же время внимательно следя за тем, чтобы Люди не смогли убежать через другой выход, если таковой существует. Должно быть, он знал, что покалеченный робот находится внутри пещеры, но к этому времени трезвый компьютерный мозг берсеркера рассчитал, что к хваленому детищу Временных Операций можно относиться с презрением, учитывая наносимый им ничтожный вред. Сейчас монстр радовался тому, что у робота были отрезаны пути к бегству. Он попытался войти в пещеру. Послышался скрипучий глухой звук: вход в пещеру оказался несколько тесен для смертоносной машины.

— Одегард, мы сейчас перешлем тебе дюжину стрел. Описывай в деталях всю атаку. Начинай стрелять только при непосредственном контакте.

— Стрелы? Я просил гранаты! Говорю же, у нас только один лук, и нет места для...

На излете фразы Дэррону пришла вдруг в голову мысль, что маленькое оконце в глубине пещеры может стать превосходным местом для стрельбы из лука.

— Давайте, давайте стрелы! Давайте же что-нибудь, побыстрее!

— Мы посылаем стрелы. Одегард, у нас есть свободный оператор, так что, если устал, мы можем сменить тебя.

— Не надо. Я уже привык управлять этой руиной с переломленным хребтом, а тот, другой,— справится, думаете?

Берсеркер поднимал адский шум, царапая и стуча лапами по неподатливой выпуклости на скале, преграждавшей ему дорогу к добыче. Когда Дэррону поступил сигнал, что стрелы появились, он уже *не* тратил больше времени и мигом распахнул на груди вассала железную дверцу. Под взглядами испуганных глаз робот проник в свое собственное сердце, извлек оттуда дюжину стрел и протянул их Матту.

Уже судя по одному внешнему виду, можно было сказать, что это — не обычные стрелы с каменными наконечниками, но в настоящей ситуации не возникало вопросов по поводу того, как их надлежит использовать. Матт колебался только минуту. Потом взял оружие, неуклюже поклонившись вассалу в знак благодарности, пошел к дальней стене и взобрался на выступ перед окошком.

Это окошко, действительно, оказалось удобным и безопасным местом для стрельбы. Кроме того, у врага не было подобного оружия. Впрочем, имелся лазер. И поэтому именно роботу, также оснащенному лазерными установками, надлежало вызвать огонь на себя и попытаться овладеть вниманием берсеркера хотя бы на пару минут.

Истово надеясь, что Матт зарекомендует себя отличным стрелком, Дэррон подполз к самому устью Г-образного выхода. Он чувствовал дыхание берсеркера, сотрясавшее всю скалу: если выбежать из-за угла, можно настигнуть монстра. Одегард ждал, часто оглядываясь назад, в пещеру. И когда он увидел, что Матт натянул тетиву, то ринулся вперед со всем доступным ему проворством. И тотчас едва не упал лицом вниз, так как берсеркер оказался вне пределов досягаемости, внезапно отступив назад для нового прыжка. Оплошность Дэррона позволила чудовищу включить лазер первым. Железо робота накалилось докрасна, но держалось еще, пока лейтенант продолжал ползти вперед, отстреливаясь. Даже если берсеркер и увидел в оконце Матта, то не отнесся к нему и его стрелам всерьез.

Первая стрела ударила монстра в правое плечо, деревянное древко вращательными движениями вернулось назад, тогда как наконечник моментально превратился в огненный мячик. Взрыв оставил по себе значительную дыру.

Машина накренилась, пытаясь направить лазер на Матта, но луч всего лишь выжег кустарник на вершине крутого обрыва. Дэррон, как мог, продолжал подползать к берсеркеру, направляя на него, словно прожектор, свой лазер и стараясь попасть пучком лучей прямо в рану на плече. Матт вел себя храбро и выпустил вторую стрелу с той же прилежностью и аккуратностью, что и первую, оставив, таким образом, противника без одной лапы. А потом исчез и лазер, так как Дэррон подполз почти вплотную к берсеркеру, размахнулся тяжелым железным кулаком и заставил навсегда закрыться смертоносное око.

Но и после этого искалеченный противник не отступил. На какое-то мгновение Одегарду показалось, что у него есть шанс остановить чудовище, так как две руки вассала были более действенны, чем одна здоровая передняя лапа берсеркера. Но все же реакции монстра оказались быстрее человеческих. В долю секунды Матт был оторван от земли, с силою раскручен и брошен обратно. Дэррон схватился за топтавшие его товарища лапы, силясь удержать их в неподвижности. Характерный удар разнес вдребезги его собственный лазер. Что там за задержка со стрелами?

Берсеркер был слишком большим, слишком сильным, слишком быстрым, чтобы его мог одолеть полуразбитый робот. Дэррон встал на одну ногу, но две другие рабочие конечности, разорванные лапами со стальными когтями, безжизненно повисли вдоль измятого, покоробленного тела. И еще одна была начисто оторвана. Железный человек разваливался на части. Ну где же стрелы?

Наконец они появились. Дэррон, мельком только успев взглянуть на израненного Матта, прыгнул в самую гущу драки, размахивая стрелами в обеих руках. Подобно богу ветра из древней легенды, с воинственными кликами он пронзил спину противника.

Только отблеск молнии высветил туловище берсеркера. Ударил гром, и его взрыв заставил подпрыгнуть обе машины. На этом и закончилось сражение.

Одегард, шатаясь, вытаскивал перекалеченного вас-

сала из-под груды блестящего покореженного железа, недавно бывшей берсеркером. Затем, поставив робота на локти, сел передохнуть. В дрожащем отблеске от выпотрошенной машины он увидел Дарта, бежавшего со стороны пещеры. Слезы заливали лицо мальчика. В руке он держал лук Матта с оборванной тетивой. И сразу за Дартом из укрытия выбежали все остальные Люди и сгрудились перед тем, что лежало на земле.

Матт упал там, где застали его последние конвульсии врага. Живот его был вспорот, руки обуглены, лицо разбито, но грудь еще приподнималась с трудом. Женщины запричитали, а мужчины затянули какую-то медленную песню. Все расступились перед Дэрроном, подтащившим остатки своего вассала к Матту и бережно приподнявшим тяжелораненого. Матт был слишком плох, чтобы почувствовать еще несколько слабых ожогов от прикосновения к горячему металлу робота.

— Хорошая работа, Одегард! — голос полковника Борсса звучал необыкновенно бодро и уверенно.— Хорошая работа! Ты разделался с этой проклятой штукой. Мы пришлем тебе медикаментов для парня. Его жизнь может оказаться очень важной и значимой.

— Он слишком плох, сэр. Вам нужно поднять его вместе со мной.

— Это, конечно, поможет, но, боюсь, нам не разрешат...

Полковник в раздумье *замолчал.*

— Его жизнь здесь закончится, полковник, независимо от того, что мы предпримем. Он отдал ее за нас, а сейчас его брюхо вспорото.

— Хм! Да, да, подожди минуту, мы высчитаем его массу.

Испуганные Люди окружали вассала с Маттом на руках. «Возможно, эта сцена впоследствии войдет в один из исторических мифов,— подумал Дэррон.— Кто знает, может быть, сага об умирающем герое и каменном человеке будет однажды найдена в самых ранних рукописях Сиргола. Мифы подобны плотно закрытым бутылкам с вином: чем дольше хранится их содержимое, тем оно лучше, крепче, вкуснее».

У входа в пещеру пожилая женщина безуспешно пыталась развести костер. Молодая девушка, помогавшая ей, нетерпеливо схватила сухую ветку и побежала вниз, к останкам берсеркера. От их жара она зажгла

ветку. Прикрывая пламя от ветра, девушка, словно бы пританцовывая, взобралась на холм...

И потом Дэррон увидел себя сидящим в поблекшем круге на полу Третьей Операционной Ступени. К нему подскочили двое с носилками. Он разжал железные руки, позволяя врачам забрать Матта, затем нашел внутри шлема кнопку сброса рабочего снаряжения и зубами включил ее.

Был произведен контроль окончания операции. В считанные доли секунды лейтенант освободился от костюма вассала и тут же попятился, завидев первого направлявшегося к нему с поздравлениями человека. В потных трико он поспешил вниз из этого помещения, пробираясь сквозь толпу техников, операторов, врачей и даже священнослужителей, до отказа заполнивших весь этаж. Дэррон подбежал к Матту, когда санитары начали поднимать носилки. Выпавшие внутренности, яркие и выпуклые, прикрыли простынью. Готовились к внутривенным вливаниям.

Глаза Матта были широко открыты, но вследствие шока взгляд их сделался бессмысленным. Для Матта Одегард значил не больше, чем любой другой из этих незнакомых людей. Но он был тем, кто шел рядом, поддерживая своей рукой страшную обгорелую кисть, пока не замутилось сознание... За носилками собралось нечто вроде процессии. Весть о том, что впервые подняли человека из далекого Прошлого, разнеслась так быстро, как будто было сделано на сей счет публичное заявление правительства.

Когда Матта доставили в приемное отделение больничного комплекса, Лиза Грэй, как и все те, у кого нашлась возможность, поспешила прибежать туда, чтобы взглянуть на выходца из отдаленного Прошлого.

— Он пропал,— пробормотала она, с ужасом осматривая его вздувшееся лицо.— О Боже, такой одинокий... Скажите, ведь он будет жить? С ним ведь все будет в порядке?

— Если больной еще дышит, поступая к нам,— слабо улыбнулся доктор, к которому в возбуждении обратилась Лиза,— мы обычно спасаем его.

С внезапным глубоким облегчением она вздохнула.

— Привет, Дэррон,— бросила она, едва замечая лейтенанта и, кротко улыбаясь, вновь склонилась над носилками Матта.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Воздев руки к небу, с поседелой, развевающейся на тугом соленом ветру бородой, Номис стоял в черном одеянии на вершине угрюмого скалистого утеса. В доброй сотне футов под ним грохотал прибой. В небе реяли чайки; их то прибивало сильными порывами ветра почти к самому подножию утеса, то вновь сносило в море, и воздух полнился резкими гортанными криками, которые больше пристали бы каким-нибудь крошечным, обидчивым призракам, нежели мощным и довольно прожорливым птицам.

Расставив широко ноги, Номис изучал запутанную меловую диаграмму, нарисованную на плоской скале. Кругом было разбросано скудное убранство его судна: изорванные веревочные лестницы, покоробившиеся от соли и времени клочья парусов, облепленные уже успевшими пожухнуть водорослями обломки мачт, прогнивший киль,— словом, весь тот скорбный корабельный скарб, который обычный выживший после крушения человек предпочел бы уничтожить и предать забвению. Тонким проникновенным голосом Номис пел, обращаясь к ветру:

Пусть буря наладит могучие струны,
Пусть тучи набрякнут ужасной грозой!
Бегите и пеньтесь, валы и буруны!
Придонные травы, кровавой росой
Омойтесь! Да сгинет в зиянии вод
Корабль, на котором мой недруг плывет!

Песня была намного длиннее приведенного отрывка и повторялась много раз. Птицы вплетали в нее свои крики, а ветер — раздувал седую бороду певца, по временам захлестывая ею даже пылавшие гневом глаза.

Худые руки Номиса устали держать над головой останки разбитого судна. Маг утомился, так и не сумев

избавиться от чувства бесполезности всех сегодняшних заклятий. На этот раз удача не улыбнулась ему, да и, по правде сказать, вообще улыбалась редко, разве что во сне или кратких, темных состояниях экстаза мелькали какие-то странные видения, загораясь символическими грезами и будоража напряженный мозг.

Номис редко бывал уверен в собственной силе, когда умолял дьявола покарать врагов. Успех представлялся ему вещью достаточно капризной и, главное, весьма неопределенной. Нет, он не сомневался в том, что высшая власть на земле даруется человеку одной только магией, но попросту думал иногда, что успех в его деле зависит не только от мастерства, но и от чего-то вроде большой удачи.

До настоящего дня Номис только два раза пытался вызывать шторм. И лишь однажды — успешно, хотя у него осталось сильное подозрение, что тогда шторм начался бы в любом случае. В душу мага закралась тень сомнения, а вернее — в ней утвердилось странное, обескураживающе трезвое сознание того, что искусство повелевать стихиями недоступно ему, что окончательное овладение приемами этого искусства выше его сил, как, впрочем, и сил любого другого человека. И все-таки Номису более всего на свете хотелось проникнуть в глубинные тайны своего чудесного ремесла, хотелось побороть все свои сомнения, и вот уже третью ночь проводил он без сна на вершине загадочного утеса. Ему не давали сомкнуть глаз страх и ненависть к человеку, который, он знал, должен был пересекать сейчас море, направляясь к нему с новым Богом и новыми советчиками, присвоившими себе право устанавливать законы в стране под названием Куинсленд. Беспощадные глаза Номиса смотрели далеко в море и видели там, на линии горизонта, нечто до смешного маленькое и тоненькое. Но на бурю, разносящую в щепки корабли, не было и намека.

Утесы Куинсленда все так же неподвижно стояли, выстроившись в ряд, далеко впереди; в том же направлении, но чуть-чуть ближе, вызревали первые признаки ненастья. Увидев серое волнующееся море, Харл нахмурился, но руки его продолжали с безумной уверенностью вести корабль. Тридцать гребцов, воинов и прочих людей, бывших на корабле, могли так же, как и Харл, видеть, что погода портится. Все они были достаточно опытны, чтобы разом догадаться об одном и том же:

немного замедлив ход судна, они, возможно, не попадут в самое сердце бури. Сделав подобный вывод, они почувствовали себя немного комфортнее. Точно сговорясь, все тотчас принялись болтать и шутить друг с другом.

Впереди поднялся холодный легкий бриз, теребя флаги на одиноких мачтах и бахрому пурпурной королевской палатки, стоявшей в середине палубы.

В этой палатке, погрузившись в свои мысли, сидел молодой человек, которого все называли королем и лордом. Постепенно Харл перестал хмуриться. Ему в голову пришла мысль, что Ай, возможно, удалился в палатку для того, чтобы обдумать план сражения, которое наверняка их ожидает. Команду корабля не заботил ни новый кроткий Бог, ни рухнувшая Империя. Матросы наверняка хотели проверить силу воли и мужество нового правителя Куинсленда. Не то чтобы были какие-то основания сомневаться в его твердости, но все же...

Харл улыбнулся и такой своей мысли: возможно, его молодой лорд вовсе не разрабатывает план битвы, а изыскивает способы убедиться в искренности и глубине чувств юной принцессы Эликс, ведь ее голос был решающим в женитьбе, которая-то и положила к ногам Ая королевство и армию. Все принцессы обычно описываются как красавицы, но люди говорили, что у этой также была и душа.

Однако веселое выражение несколько обезображенного глубоким шрамом лица Харла постепенно уступило место мрачному. Он подумал, что его король мог укрыться в палатке только для того, чтобы почитать. Ай давно уже был любителем книг и наверняка взял парочку с собой в путешествие. Или, может быть, он молился своему новому благородному богу?..

Хотя голова Харла и была занята подобными мыслями, но он, как всегда, оставался бдителен. И сейчас слабое беспокойное плескание моря заставило его обернуться в сторону порта, и — в тот же миг все мысли в его голове застыли вместе с текшей в упругих жилах кровью заправского вояки.

Сразу за кораблем, закрывая темный горизонт и далекие полуденные облака, со страшным воем показалась голова из ночного кошмара, морда чудовища из какой-то зловещей легенды. Сверкавшая мрачными красками шея, на которой торчала голова, была таких размеров, что человеку удалось бы обхватить ее разве что двумя

руками. Только морские демоны могли знать, как выглядело под водой туловище этого монстра. Глаза, подобные затянутым тучами солнцам, едва ли уступали в своих окружностях громадным серебряным блюдам, чешуя на голове и шее была серая и тяжелая, словно намокшее железо. Пасть выглядела, как гроб, крышка которого с треском открывалась, демонстрируя острые кинжалоподобные клыки.

Длинная, как канат, шея начала кружиться над палубой, затрещали деревянные лестницы на планшире. В первых возгласах экипажа нельзя было угадать звуков, которые обычно издает человек, но уже мгновение спустя все отважно схватились за оружие. Большой Торла, самый сильный в команде, на этот раз оказался и самым расторопным. Опершись ногой о скамейку, он ударил мечом по безобразно извивавшейся шее монстра. Меч, не причинив ни малейшего вреда, отскочил от жутко поблескивавшего панциря. Чудовище даже не заметило удара. Его раскачивавшаяся голова вдруг замерла: блюдообразные глаза приметили вход в пурпурную палатку. Из глубины огромной пасти вырвался такой воинственный клич, какого Харлу ни разу в жизни не приходилось слышать в боевых сражениях.

Среди этого гама, криков и грохота Аю понадобилось совсем немного времени, чтобы приготовиться к схватке. Не успел затихнуть рев дракона, как расшитые золотом занавески на дверном проеме палатки распахнулись, и оттуда выступил молодой король в шлеме, со щитом и мечом в руках.

Харл испытал великую гордость за короля, не дрогнувшего при виде открывшейся ему картины. Харл почувствовал, как его правая рука ожила, схватила топорик с короткой рукоятью и железным лезвием и метнула его вперед. Топорик ударился о потемневшее серебро глаза, не нанеся никакого вреда. Возможно, зверь даже ничего не почувствовал.

Внезапно громадная голова чудовища, широко разинув гробообразную пасть, ринулась к королю.

Ай отважно встретил дракона, но удар его длинного меча, направленного прямо в темноту неимоверной глотки, был не опаснее укола булавки. Челюсти, точно врата ада, со скрежетом захлопнулись, мгновенно перемолов Ая. Монстр повернул голову, гнусно торчавшую на длинной шее, и на миг открылась ужасающая панора-

ма изломанных конечностей, свисавших со страшных клыков. Потом, подняв еще одну бурю позади корабля, чудовище скрылось. Освещенное солнцем море затихло, схоронив свои тайны под водой.

До самого вечера на корабле не было произнесено почти ни единого слова. Судно кружило по глади моря, не отходя далеко от того незримого места, где исчез его Лорд. Экипаж находился в полной боевой готовности, но сражаться было не с кем. Надвигалась полоса шторма, и люди, точно во сне, с мертвенной деловитостью отчаяния, предпринимали все необходимые меры к тому, чтобы оказать отпор стихии. Однако буря вновь отступила. Искоса поглядев на заходившее солнце, Харл прохрипел только одно слово-приказ: «отдыхать». Очень нескоро он поднял свой затупившийся топорик и вложил его обратно в чехол. Теперь на палубе оставалось совсем немного свидетельств ужасной схватки: несколько щепок, отломанных от планшира твердой, как железо чешуей, несколько маленьких пятен крови да крылатый шлем, слетевший с головы короля в его последнюю минуту.

Дэррон Одегард, недавно получивший звание майора, присутствовал на заседании Комиссии по рассмотрению непредвиденных ситуаций, созданной новым командующим Временных Операций, и с профессиональным интересом слушал выступление своего бывшего одноклассника Чена Амлинга, ныне — майора Исторических Исследований.

— Как известно,— говорил Амлинг,— свою последнюю атаку берсеркер направил на одну личность. Его жертва, король Куинсленда Ай, является тем человеком, чье исчезновение из истории будет иметь для всех катастрофические последствия,— здесь Амлинг мягко улыбнулся,— хотя до последнего времени историки и сомневались в реальности его существования. Но с тех пор, как мы начали прямые наблюдения за Прошлым, историческая достоверность и значимость Ая полностью доказаны.

Амлинг повернулся к электрической карте и наставительно ткнул в нее указкой.

— Здесь мы видим так называемую среднюю ступень Великой Континентальной Империи в процессе

свертывания и дезорганизации. Процесс этот в дальнейшем завершился гибелью Империи. А вот здесь Куинсленд. В значительной степени благодаря деятельности и влиянию короля Ая Куинсленд смог остаться сравнительно стабильным государством, сохранив часть имперской культуры для своих потомков, для будущих цивилизаций планеты.

Новый командующий Временными Операциями — доложили, что его предшественник отправлен в разведывательную экспедицию на Луну или, в крайнем случае, на поверхность Сиргола вместе с полковником Борсом и другими — поднял, как школьник, руку:

— Майор, мне кажется, я не все понимаю. Ай ведь был отчасти варваром, верно?

— Да, несомненно. Он так начинал, сэр. Но когда ему пришлось защищать родную землю, он бросил свои морские скитания. Ай долгое время был варваром и участвовал в разбойных набегах на мирные селения своих соседей. Играл он в эти жестокие игры блестяще, так что его самого никто не смел атаковать.

Вопросов к Амлингу больше не было. Он сел, а его место занял майор Вероятностного Анализа, чья манера говорить была ничуть не менее впечатляющей, чем все то, о чем он, собственно, говорил.

— Джентльмены,— нервно начал он,— мы не знаем, как был убит Ай, но мы знаем, в каком месте.— Майор продемонстрировал видеопленку, снятую с экрана в дежурке.— Его жизнь на этот раз оборвалась вот здесь, во время его первого путешествия в Куинсленд. Как видите, никто другой на корабле не пострадал. Возможно, враг посчитал, что нанесенный истории урон значительнее, если команда Ая останется в живых. Мы полагаем, что такое объяснение логичнее всего.

Амлинг, казалось, хотел прервать майора и поспорить или, что было бы правдоподобнее, держать с ним пари. Дэррон подумал, что они поставили Амлинга не в тот отдел. Вероятностный Анализ более подошел бы ему.

Майор сделал паузу, чтобы отхлебнуть воды.

— В силу всего сказанного ситуация представляется чрезвычайно серьезной. Через девятнадцать-двадцать дней исторические последствия убийства Ая дойдут и до нас. И это все время, которым мы располагаем. Мне сказали, что у нас нет шансов найти космический про-

лом, через который враг попадает в Прошлое менее, чем за двадцать дней.

Раздражительность и мрачность выступления оказались заразительными, и все сидевшие за столом помимо своей воли застыли в сильном напряжении. Только новому командующему Временных Операций удавалось вести себя достаточно непринужденно.

— Боюсь, вы правы, майор,— сказал он,— во всем, что касается трудности обнаружения этого треклятого пролома. Конечно, мы сделаем все возможное, но беда в том, что противник блестяще заметает следы. В последнем случае атаковала всего одна машина вместо шести, что в первую очередь осложнило нашу работу. После совершения террористического акта машина, похоже, исчезла. Но она не покинула их времени, она еще объявится, чтобы свести на нет результаты той работы, которую мы будем проводить ради восстановления прежнего порядка. И все же берсеркер будет осторожничать, чтобы вдруг не оставить следов, по которым мы сможем отыскать его.

Командующий Временными Операциями подался вперед в некотором напряжении.

— Итак,— осведомился он,— у кого есть какие-нибудь соображения относительно контрмер?

Посыпались предложения гипотетически выстроить дальнейшую судьбу Ая так, как она предположительно складывалась бы, останься король в живых. Эта мысль скоро превратилась в некую общую установку, требующую разработки и выполнения на высшем техническом уровне. С ней согласились все ученые, но не могли пока договориться между собой о тех конкретных действиях, которые бы следовало незамедлительно предпринять в этом направлении. Видя, как разгорается спор, командующий мигом объявил получасовой перерыв.

Неожиданно получив в свое распоряжение так много времени, Дэррон направился в близлежащий больничный комплекс. Сейчас там жила Лиза, начавшая обучаться работе нянечки. Он был доволен тем, что смог найти ее и что у нее тоже оказалось немного свободного времени. Через несколько минут после встречи они уже прогуливались по парку, где произошло их первое знакомство.

Дэррон явился с заранее припасенной темой для беседы, но Лиза в последние дни упорно развивала свои

собственные, по-видимому, сильно занимавшие ее мысли.

— Знаешь,— лепетала она,— Матт так быстро выздоравливает, что все врачи в растерянности.

— Прекрасно. Я должен навестить его в ближайшие дни... Я все пытаюсь дождаться, когда мы, наконец, по душам поговорим друг с другом.

— О Господи! Да он же ведь говорит!

На нашем языке? Уже?

Лиза утвердительно кивнула.

— Это почти то же самое, что и его стремительное выздоровление. Врачи объясняют это тем, что он явился к нам из далекого Прошлого. Они толкуют о каком-то энергичном обновлении и усложнении личности, мгновенно прошедшей сквозь толщу двадцати тысяч лет эволюционного развития, о перестраивающемся, увеличивающемся в объеме мозге, о той туманной сфере, где встречаются материя и нематерия...

— Нда-а...

— И, похоже, Матт понимает разговоры врачей так же хорошо, как и я, если не лучше. Он уже встает, нередко даже совершает прогулки, не думая, однако, забредать при этом в те помещения, где человеку, как правило, возбраняется находиться, и не трогая руками опасных предметов. Все это, заметь, делается абсолютно самостоятельно, без каких-либо подсказок и наставлений!

— Нда-а...

— А говорила ли я тебе, что пластическая операция откладывается до тех пор, пока Матт не решит, на кого он хочет походить?

— Да, что-то я слышал об этом... Скажи, Лиза, ты еще долго собираешься жить в больнице? Ты действительно хочешь стать нянечкой, или это из-за чего-то другого?

«Это из-за Матта?» — едва не вырвалось у Дэррона.

— Иногда мне кажется,— Лиза слегка нахмурилась,— что я не создана для подобной работы. Но сейчас у меня нет никаких других планов, а жить в больнице довольно удобно, если учесть то обстоятельство, что я все еще прохожу курс лечения.

— И насколько эффективен этот курс? — спросил Дэррон, хотя знал, что доктора уже полностью приняли версию об утрате памяти вследствие воздействия на мозг

вероятностных волн берсеркеровской ракеты. Впрочем, какое-то время предполагалось даже, что Лиза агент или перебежчица из будущего, заработавшая себе глубокую амнезию при спуске в настоящее время. Но на нейрометрическом экране в дежурке не появлялось никаких перевернутых жизненных линий. Ни один путешественник, ни одно автоматическое устройство из будущего не появлялись в нынешней цивилизации, называвшей себя Современной. Возможно, у жителей неизвестного далекого времени были свои причины воздерживаться от контактов. Возможно, грядущий Сиргол уже не населялся человеческими существами. А возможно, период войны с берсеркерами наглухо отгораживался от будущего некими необъяснимыми заслонами. По крайней мере, было очень неплохо то, что со стороны будущего берсеркеры не атаковали.

— Нет, терапия почти не помогает,— тихо вздохнула Лиза, легким движением руки как бы отмахиваясь от этой тяжелой для нее темы, и вернулась к разговору о том, что нового сумел сделать Матт.

Не слушая, Дэррон на минуту закрыл глаза, наслаждаясь почти инстинктивным ощущением радости жизни, которое возникало у него, когда рядом находилась Лиза. В эту минуту он чувствовал прикосновение ее руки, чувствовал траву и землю под ногами, алое тепло псевдосолнечного света на блаженно подрагивавших веках. В следующий момент все это может исчезнуть: упадет еще одна ракета, или внезапно разгаданная тайна жизни короля Ая быстрее, чем ожидалось, просочится сквозь ткань истории.

Дэррон открыл глаза и увидел отвесные стены, обставшие погребенный парк; здесь, как обычно, было полно народу. Люди прогуливались парочками и по одному. Нарядные газоны исправно вытаптывались, и садовники пытались оградить их веревочными заборчиками. В общем-то, довольно слабая имитация убитого реального мира, но рядом с Лизой все делалось как-то лучше, живее.

— Вот как раз возле этого дерева,— указал рукой Одегард,— я пришел тебе на помощь. Или ты мне.

— Я помогла тебе? В чем?

— Спасла от смерти. От одиночества среди сорока миллионов людей. Лиза, я хочу, чтобы ты выехала из этого больничного общежития.

Девушка отвела глаза в сторону.

— Если я следаю это, то где смогу подыскать себе жилье?

— Ну, разумеется, я прошу тебя жить вместе со мной. Ты больше не маленький ребенок, ты сама себе хозяйка, учишься вот быть нянечкой... Кругом много незанятых квартир, и я смогу выбрать одну из них, если ты составишь мне компанию. Кстати, только с этим условием мне ее и дадут.

Лиза слабо пожала плечами, задумчиво глядя себе под ноги.

— Почему ты молчишь?

— Что ты предлагаешь конкретно, Дэррон?

— Знаешь, вчера ты казалась большим знатоком по части всех этих отношений между мужчинами и женщинами, когда рассказывала мне об известных проблемах своей новой подружки. Что же случилось сегодня?

— Ты хочешь, чтобы я пожила с тобой какое-то время? — спросила Лиза до жути холодным и отчужденным тоном.

— Милая, в нашем мире ничто не может быть постоянным. Особенно сейчас. Я не собирался заговаривать об этом, но в настоящий момент все складывается просто ужасно. Мне хотелось бы разделить с тобой лишь то, что, быть может, сохранится, уцелеет.

Все еще не говоря ни слова, Лиза послушно последовала за Одегардом к маленькому ручью в глубине парка.

— Лиза, ты хочешь, чтобы была брачная церемония? Я думаю, мне следовало бы спросить об этом в самом начале и предложить тебе выйти за меня замуж, но дело в том, что едва ли кто-нибудь удивится, если мы обойдемся с тобой без брачной церемонии. А если мы без нее обойдемся, то избежим также множества всяческих формальностей и обычной волокиты. Как ты думаешь, это очень плохо, если у нас не будет свадьбы?

— Нет, наверное. Меня беспокоит лишь то, как ты говоришь о шаткости и непостоянстве всего на свете. Мне кажется, это относится и к чувствам.

— Но ведь, согласись, никто, абсолютно никто в наше время не может ручаться за свои чувства или мысли, а тем более с уверенностью говорить о том, каковы будут эти чувства или мысли завтра, через месяц, через год. Через год, вероятно, мы все... все...

Дэррон заставил себя замолчать.

Лиза долго подыскивала слова для ответа и наконец, кажется, нашла подходящие.

— Одегард,— проговорила она задумчиво,— в больнице я поняла, что люди, любовью и лаской упрочивая свои отношения друг с другом, могут и саму жизнь сделать более определенной и прочной. Они должны по-прежнему строить планы и доводить начатые дела до конца даже тогда, когда жить остается недолго.

— Ты сказала, что поняла это в больнице?

— Да, но, возможно, я думала так всегда.

Одно время Дэррон *тоже так думал. Год или полтора* назад. Целую жизнь назад, с кем-то... с тем самым милым-милым человеком... Сладкое видение из прошлого, с которым Одегард никак не мог совладать, вновь возвратилось к нему.

У Лизы, очевидно, было свое представление о жизни.

— Посмотри, к примеру, на Матта,— говорила она наставительно,— вспомни, в каком состоянии он находился. Вспомни также, какие усилия он прилагал, чтобы выжить и выздороветь...

— Прости,— с едва скрываемою досадой перебил ее Дэррон, глядя на часы и подыскивая вескую причину для ухода.— Я должен бежать, я уже почти опоздал на собрание!

Ученые после всех вычислений и споров наконец-то пришли к согласию.

— Мы остановились на *следующем положении,*— пояснил вновь избранный докладчик, когда собрались все слушатели.— Если у нас и есть какая-то надежда на восстановление жизненной линии Ая, то мы в первую очередь должны обездвижить, иммобилизировать пострадавшую часть, чтобы свести к минимуму нанесенный вред. Ну что-то вроде наложения шины на сломанную руку или ногу.

— И как вы собираетесь наложить шину на жизненную линию? — с легкой иронией осведомился командующий Операциями.

Ученый сделал неопределенный жест рукою.

— Единственное, что я могу предложить,— сказал он довольно сухо,— так это чтобы кто-нибудь был послан временно на место Ая, чтобы продолжить прерванное путешествие в Куинсленд и там хотя бы на несколь-

ко дней заменить короля. Такой посланник сможет поддерживать с нами связь и будет получать ежедневные, а если понадобится, то и ежечасные инструкции. Вся его задача — разыграть в основных деталях оставшуюся часть жизни Ая, чтобы мы здесь, в настоящем, имели шанс выжить.

— Какое время, вы думаете, человек способен успешно играть эту роль? — спросил кто-то.

— Трудно сказать,— невесело улыбнулся ученый.— Я не знаю, джентльмены, сработает ли вообще схема подстановки. Ничего подобного никогда не делалось. Но думаю, что это даст нам, по крайней мере, еще несколько дней или недель для того, чтобы мы могли придумать что-нибудь другое.

— Итак, идея подстановки,— задумчиво потер обросшее щетиной лицо командующий Временными Операциями,— единственная на сегодняшний день. Но Ай в Прошлом на целых двенадцать столетий, а это означает, что послать в то время человека из настоящего не представляется возможным, верно?

— Боюсь, что да, сэр,— сказал биофизик.— Умственный регресс и серьезные провалы в памяти происходят уже на расстоянии в четыреста лет.

— Считает ли кто-нибудь,— вслух рассуждал командующий уставшим монотонным голосом,— что мы можем справиться, используя робота? Правильно, нет. Машине не дано с достаточной убедительностью походить на живого человека. Что же остается? Видимо, мы должны использовать кого-то из современников Ая. Да, нам следует немедленно найти такого человека, разъяснить, насколько важна его миссия, и обучить всему необходимому для ее выполнения.

— Внешность не имеет значения,— заметил кто-то.— В Куинсленде, в первый приезд Ая, знали только его славу, но не внешность.

Полковник Лукас, психолог, офицер Временных Операций, откашлялся и заговорил:

— Мне думается, мы лишь в том случае заставим команду Ая принять подмену, если она, эта команда то есть, захочет видеть своего лорда живым и если нам удастся забрать нескольких ее членов сюда, в настоящее время, для кое-какой работы с ними.

— Если мы должны, то справимся,— сказал командующий.

— Прекрасно! — Лукас задумчиво облокотился о мягкую обивку стола.— Некоторые транквилизаторы и успокаивающие будут применены в первую очередь. Потом мы выясним необходимые нам детали этого убийства. Затем гипноз... Уверен, что-нибудь у нас получится!

— Замечательно, Лукас! — командующий обвел всех строгим взглядом.— А теперь, джентльмены, пока все сказанное не улетучилось из наших голов, давайте решим самую главную проблему: кто именно заменит Ая?

«Наверняка,— подумал Дэррон,— не я один знаю, кто». Но он не хотел называть его имени первым, потому что... просто потому... Нет! Адский огонь и вечные муки! Да почему бы и не назвать! Одегард все обдумал и решил, что может предложить такой вариант с чистейшей в мире совестью. Он громко откашлялся, напугав, казалось, позабывших о его присутствии людей, и произнес:

— Если я не прав, джентльмены, скажите мне об этом. Но разве у нас нет сейчас такого человека, который, не потеряв рассудка, может направиться в столетие Ая? Конечно же, есть! Я говорю о том парне, что пришел к нам даже из более отдаленного, чем король Куинсленда, прошлого!

Свои обязанности Харл осознавал до боли ясно. Он собирается направить корабль к берегам Куинсленда, а там должен будет предстать перед Королем Горбодуком и принцессой, посмотреть им в глаза и рассказать о том, что случилось с Аем. Харл постепенно начинал понимать, что ему могут не поверить. А что тогда?.. Остальные члены команды были хотя бы избавлены от этого внезапного груза ответственности. Сейчас, спустя много часов после атаки монстра, они продолжали без слов повиноваться Харлу. Солнце клонилось к западу, но он приказал им грести в сторону Куинсленда, не думая о надвигавшейся ночи. Он не позволял людям на корабле отдаваться во власть всесокрушающему горю. Они гребли, точно слепцы, точно калеки, точно живые трупы, не зная и не желая знать, куда направляется корабль. Кто-то выронил весла, они глухо стукнулись друг о друга, подняв фонтан брызг, но подобная мелочь, за которую, между тем, в прежние деньки недотепу-

гребца от души бы выругали, осталась вполне незамеченной. Торла затянул скорбную песню.

В пурпурной палатке, на крышке ларца с фамильными драгоценностями Ая,— этот ларец обернулся для Харла еще одной заботою, которая тяготила его тем сильнее, чем более угасали в нем ярость и горечь утраты,— лежал крылатый королевский шлем. На почетном месте. Это было все, что осталось от...

Десять лет назад Ай был настоящим принцем, сыном настоящего короля. С того времени, как у Ая стали потихоньку пробиваться усы, Харл сделался его правой рукою. И тогда же среди братьев, кузенов и дядюшек принца начали распространятся два недуга: зависть и предательство. Отец Ая и большинство придворных погибли в результате каких-то гнусных интриг, и все королевство, поделенное на части, тоже погибло.

Наследство Ая ужалось до размеров палубы боевого корабля.— Харл со своей стороны не возражал против этого. Харл даже не жаловался на книги и на чтение. Даже на молитвы странному Богочеловеку, мудрому Учителю, мывшему ноги своим ученикам, проповедовавшему любовь и всепрощение и распятому за свою проповедь на позорном кресте...

Внезапно некая неведомая сила налетела на корабль. Первой мыслью была та леденящая кровь мысль, что это, поднявшись из глубин, вернулось чудовище, и теперь его туловище трется о днище корабля. Очевидно, и все остальные подумали примерно о том же, так как в мгновение ока побросали весла и схватились за оружие.

Но нигде не было видно ни дракона, ни вообще чего-либо. С неестественной быстротой корабль окутал туман. Красные мигающие отблески заходящего солнца сменились рассеянным белым свечением. Оглядываясь вокуг, с боевым топориком в руке, Харл заметил, что даже плеск волн изменился. Воздух стал теплее, запах моря — более прогорклым.

Люди дико смотрели друг на друга в странном мягком свете. Они стояли в мечами в руках и шептали что-то о нечистой силе.

— Гребите вперед! — приказал Харл, возвращая на место бесполезный топорик. Он старался говорить таким тоном, чтобы все подумали, будто у него, кроме намерения хоть чем-нибудь занять экипаж, есть еще и какая-то

другая, весьма определенная цель. На самом же деле, никакой цели не было. Более того, исчезло вдруг всякое представление о странах света, и соответственно, Харл не мог сориентироваться в сложившейся ситуации.

Он отдал руль в руки Торле и решил осмотреть все своими глазами. Не успели гребцы сделать и пятидесяти взмахов веслами, как Харл повелительным жестом приказал им остановиться. Из серой дымки вдруг вылепилось ничто иное, как ровный песчатый берег. Невозможно было сказать, что за земля лежит за этим берегом.

Когда люди увидели полоску суши, их перешептывания стали еще громче. Они знали наверняка, что всего лишь несколько минут назад впереди ничего не было видно.

— Но теперь,— слышались возгласы,— там лежит какая-то неведомая земля.

— И выглядит необитаемой!

— Не удивлюсь, если она исчезнет в клубах дыма.

— Колдовство!

Конечно, колдовство. Никто этого не отрицал. Здесь действовали какие-то сверхчеловеческие силы, но какие,— добрые или враждебные,— еще предстояло решить. Напустив на себя озабоченный вид, Харл созвал совет. После некоторых споров договорились, что поплывут в прямо противоположном берегу направлении, выяснив таким образом, возможно ли уйти от острова, или все-таки колдовство опутает их своими чарами.

Догорел долго мешкавший закат, но рассеянное бледное свечение все не меркло. Напротив, в постепенно таявшем тумане оно делалось еще более ярким.

Команда отплыла достаточно далеко от окутанного дымкой берега, и Харл уже тешил себя надеждой, что они в самом деле убежали от какой-то нечистой силы, как вдруг корабль уткнулся прямо в черную, гладкую, совершенно глухую стену, бог весть как поднявшуюся из моря. Стена казалась несколько изогнутой, но не было видно ни краев, ни верхушки: она росла, увеличивалась и закруглялась все больше, ничем не стесняемая в туманном пространстве над морем. Скользнув глазами вверх от подножия стены, все увидели, что она образовала как бы некий огромный перевернутый сосуд, грозивший накрыть их крошечный кораблик. Высоко над головами горели нестерпимо яркие огни, заливая своим светом темную, слегка подернутую белесоватой дымкой водную гладь.

Люди на корабле стали читать молитвы всем известным богам и демонам, кричали, что настал конец света, что они на небе и что кругом светят звезды. Гребцы чуть не сломали весла, стараясь развернуть корабль и направить его обратно в туман.

Харла лихорадило не меньше других, но он поклялся себе, что скорее умрет, чем выкажет свое волнение. Один человек упал на палубу и, прикрыв руками глаза, запричитал: «Колдовство! Колдовство!» Харл пнул его ногой, но тут же спохватился, разом отваживаясь использовать во благо всему экипажу идейку, подсказанную ему возгласами ополоумевшего от страха матроса.

— Эй! Это всего лишь колдовство,— закричал Харл.— Это не настоящие звезды и небо, но нечто такое, что только кажется нам реальным. Если есть колдуны, которые желают нам гибели, то они, как и люди, сами могут быть изранены и умерщвлены! Если им хочется немного поиграть с нами — пожалуйста! Но мы тоже знаем парочку подобных игр!

Слова Харла немного успокоили команду. Позади, в рассеявшемся тумане, мир оставался все еще достаточно реальным, чтобы можно было оглядеться в нем, не потеряв при этом способности трезво мыслить.

Почти твердым голосом Харл отдал приказ грести назад, в сторону мелькнувшего перед ними ранее берега. Все охотно подчинились. Тот человек, который бился в истерике на палубе, теперь греб старательнее всех, поглядывая на парней, сидевших по правую и по левую руку от него, в надежде, что те ему все объяснят. Но наверняка он еще долгое время не будет понимать шуток.

Они довольно скоро добрались до плавно выгибавшегося берега, который, действительно, оказался подлинным, настоящим, но, правда, безлюдным. Когда корабль стал легко кружить у берега, Харл первый спрыгнул на мель. Вода оказалась теплее, чем он ожидал, а когда брызги коснулись его губ, он почувствовал, что она была, к тому же, пресной, но не нашел в себе сил удивиться столь пустячной несообразности.

Один из учителей Матта шагал впереди Дэррона, потом остановился перед дверью одной из больничных

палат и легонько приоткрыл ее. Заглянув в палату, он медленно и отчетливо произнес:

— Матт? Здесь пришел мужчина. Он хочет с тобой поговорить. Это Дэррон Одегард, человек, который сражался вместе с тобой.

Учитель повернулся и жестом пригласил Дэррона войти. Когда тот шагнул в палату, сидевший в кресле перед экраном телевизора человек поднялся навстречу гостю, оказавшись неожиданно высоким и крепким.

В этом человеке, одетом в пижаму и тапочки, что являлось обязательным требованием для всех больных, Дэррон не находил уже сходства с тем умирающим дикарем, которого несколько дней назад он помогал доставить в больницу. Волосы Матта были обриты и только сейчас начали немного отрастать темным бобриком. Лицо ниже глаз покрывала пластиковая пленка, долженствовавшая служить до момента выздоровления чем-то вроде искусственного кожного покрова.

На прикроватной тумбочке, наполовину загруженной школьными учебниками, лежало несколько эскизов и фотографий, изображавших вариации одного и того же лица, принадлежавшего какому-то неизвестному молодому человеку. У Дэррона в кармане в настоящий момент лежала другая фотография — лица Ая. Она была сделана специальными средствами слежения, направленными в образе птицы в Прошлое. Птица пронеслась мимо молодого претендента на престол в тот день, когда он начал свое роковое путешествие в Куинсленд.

— Рад встретиться с тобой, Дэррон! — стертое банальное приветствие прозвучало в устах Матта на удивление искренно. Голос — довольно глубокий и приятный. Но в целом, нужно еще провести небольшую работу, чтобы этот голос сделался похожим на тот, которым обладал Ай и который был записан на пленку тогда же, когда делалось и фото. Матт, подобно своим учителям, говорил медленно и отчетливо.

— Я счастлив, что ты выздоравливаешь,— ответил Дэррон,— и мне нравится, что ты так быстро осваиваешь наш мир.

— А я доволен, что ты здоров, Дэррон. И что твоя душа смогла вылететь из того железного человека, внутри которого ты сражался. Тот железный человек очень пострадал.

Одегард улыбнулся, затем, кивнул в сторону учите-

ля, выполнявшего обязанности надсмотрщика и слуги одновременно, сказал:

— Матт, не позволяй им дурачить тебя насчет того, где была моя душа. Мне никогда не грозила прямая опасность в той борьбе. В отличие от тебя.

— Дурачить меня? — в голосе Матта появились вопросительные интонации.

— Дэррон просит,— встрял учитель,— чтобы мы не говорили тебе неверных вещей. Он шутит.

Матт одобрительно кивнул, желая показать, что понимает и ценит хорошие шутки.

— Дэррон,— спросил он, возвращаясь к сильно, по-видимому, волновавшей его теме,— скажи, был ли в железном человеке твой дух?

— Ну, предположим, это было мое электронное присутствие.

Матт взглянул на встроенный в стену телевизор. Звук он выключил, еще когда гости только вошли. Ему показали кое-какие исторические документы. Он сказал:

— Я немного изучал электронику. Она переносит мой дух с одного места на другое.

— Ты имеешь в виду, переносит твои глаза и мысли,— уточнил Дэррон.

Матт, казалось, задумался, правильно ли он понял слова, и решил, что да, правильно.

— Глаза, мысли и дух,— упрямо повторил он.

— Идея духа,— пояснил учитель,— это, действительно, его идея. Мы такого ему не давали.

— Я понимаю,— мягко сказал Одегард. В Операциях считали, что твердость убеждений Матта — очень ценная вещь даже в новом мире. Это упорство составит отличительное качество их агента, снабженного, естественно, верными убеждениями.— Я дрался с тобой в духовной оболочке, хотя и не рисковал своей шеей так, как ты своей. Знаю, ты думал спасти меня, когда прыгал на того берсеркера. Я благодарен тебе и счастлив, что могу сейчас говорить об этом.

— Присядешь?

Матт указал Дэррону на стул и сам пересел поближе. Учитель, как и прежде, стоял чуть поодаль, не желая мешать беседующим.

— Во-первых,— признался Матт,— я хочетл спасти тебя, во-вторых, защитить своих людей и, в-третьих, просто увидеть берсеркера мертвым. Но когда я попал

сюда, то узнал, что все люди, даже здесь, могут быть убиты, если мы не победим в войне.

— Все верно, опасность не исчезла. Еще одна битва, столь же важная, продолжается в других местах и в других временах...

После этих слов можно было переходить непосредственно к вербовочной речи, с целью произнесения которой Дэррона и направили сюда. Но майор медлил, в сотый раз жалея о том, что Операции не послали вместо него кого-нибудь другого. Эксперты, видите ли, посчитали, что Матт отреагирует на известное предложение благосклоннее, если его сделает Дэррон, человек, который вместе с ним участвовал в битве. Да и использовать Матта было, в конце концов, идеей самого Одегарда. Да, Одегард то и дело мыслѐнно возвращался к этому. И сокрушался, что открыл рот на собрании комсостава. Кстати, Лизы он не видал со времени их последней прогулки по парку. Может быть, даже просто избегал ее. И все же не приходилось сомневаться в том, что если не он, так кто-нибудь другой исполнит его поручение, и, вероятно, менее удачно. Дэррон бесшумно вздохнул и, приступая к делу, сказал:

— Ты уже многое для нас сделал, Матт. Ты многое сделал для всех. Но сегодня мои шефы прислали меня спросить, не хочешь ли ты сделать больше?

Он в упрощенной форме объяснил Матту суть дела. Берсеркеры, враги всего человеческого рода, серьезно ранили одного великого человека в другой части мира. Необходимо, чтобы кто-то занял его место на время.

Матт слушал спокойно. Глаза его над пластиковой маской, закрывавшей большую часть лица, были неподвижны и внимательны. Когда Дэррон закончил, первым вопросом Матта было:

— Что будет, когда этот великий человек вновь станет сильным?

— Тогда он займет свое место, а тебя перенесут сюда, жить в нашем мире. Мы думаем, что сумеем переправить тебя обратно, по возможности не подвергая опасности, но все же некоторые затруднения не исключены при этом, хотя насколько серьезными они окажутся, мы не беремся судить, так как подобная операция будет производится впервые.

— Майор, объясните ему все,— вмешался в разговор учитель,— но, конечно, не рисуйте слишком мрачной картины.

Разумеется, найти наиболее щадящие краски для такой правдивой картины предоставлялось майору Одегарду. Временные Операции могли следить сейчас за ним из-за его плеча, но будь он проклят, если обманет Матта, предлагая ему работу, за которую сам, будь у него выбор, никогда не взялся бы. «Нет,— говорил себе Дэррон,— я бы на его месте отказался. И что, в конечном счете, сделало для него человечество? Шансы на то, что эта миссия принесет всем пользу, ничтожны. Смерть Матта больше не пугает, хотя есть еще вещи, которых он боится, и первая из них — физическая боль. Затем — возможность встречи с непредвиденной судьбой в той полуреальности, которая нынешними учеными зовется «вероятностным пространством». Люди изучали его, но едва ли начали понимать».

— А если,— спросил Матт,— несмотря на лечение, Великий Человек все же умрет и так никогда и не вернется на свое место?

— Тогда ты останешься на его месте и продолжишь работу. Когда тебе понадобится совет, мы скажем, что делать. В шкуре этого короля ты будешь жить лучше, чем очень многие в истории. А когда закончатся отпущенные ему годы, мы попробуем вновь перебросить тебя в наш мир, где ты, окруженный еще большим почетом, сможешь прожить много-много лет.

— Почетом?

Учитель попытался объяснить. Матт вскоре, казалось, понял, что тот имел ввиду и задал следующий вопрос:

— Мне дадут с собой волшебных стрел для борьбы с берсеркерами?

— Думаю,— сказал Дэррон,— тебе дадут оружие, которое сможет тебя защитить. Но твоя главная задача — не борьба с берсеркерами, а отправление обязанностей короля и совершение всех его возможных деяний.

Матт кивнул также медленно и отчетливо, как и говорил.

— Все это ново,— признался он,— необычно. Я должен обдумать это.

— Конечно.

Дэррон уже собирался сказать, что завтра придет за ответом, как вдруг Матт задал еще два вопроса:

— Что будет, если я не соглашусь? И что будет, если не найдут никого, кто подошел бы на роль короля?

— Мы не можем заставить тебя или кого бы то ни было выполнять задание. Ученые думают, что если не согласится никто, война будет проиграна, и все мы погибнем, возможно, даже раньше, чем через месяц.

— Я единственный, кто может пойти?

— Видимо, да. Ты единственный выбор наших ученых.

Операции могли, в принципе, извлечь из далекого прошлого еще одного человека или даже двоих. Но для их подготовки и обработки потребуется несколько дней, а теперь — каждая минута на счету.

Матт развел руками.

— Я должен верить тебе, ты спас мне жизнь и помог мне выздороветь. Я не хочу умирать через месяц и не хочу видеть умирающими других людей. Поэтому я готов сделать все, что хотят ученые, я готов пойти и занять место короля, если мне удастся.

Дэррон с облегчением вздохнул и полез в карман за фотографией.

Командующий, сидевший в округлой пещере вдали от Операций и наблюдавший за всем происходившим в палате Матта через систему секретных механизмов, удовлетворенно, но с легким удивлением кивнул. Да, Одегард — умный парень. Это понятно. Нет показного рвения, но работа — всегда хорошая, в том числе и сегодняшняя. Гладкая, ненавязчивая вербовка.

Теперь можно действовать честно и открыто. Командующий повернулся на вращающемся стуле и увидел полковника Лукаса, одетого в белый, похожий на пижаму костюм, покрытый пластиковой сетчатой броней, которая защищала его от шеи до колен.

— Лукас,— заметил, нахмурившись, командующий,— у тебя остались открытыми руки и лицо. Между прочим, у ребят, с которыми ты собираешься встретиться, настоящие ножи, понятно?

Лукас знал об этом.

— У нас нет времени, чтобы обсуждать всякие дурацкие мелочи. Согласитесь, эти самые ребята едва ли отнесутся ко мне с доверием, если я выйду к ним, как замаскированное чудовище.

Командующий согласился. Встал. С минуту постоял перед операционным радаром. Наконец, увидел образ корабля у берега и кучку крохотных зеленоватых точек перед ним — высадившийся экипаж. Затем он подошел

к окну, широкой дыре, грубо прорубленной в каменной стене, и, выглянув из-за двух огромных прожекторов, увидел готовых к операции людей. Так как генераторы выработки тумана находились совсем рядом с окном, ничего не было видно далее нескольких ярдов. Командующий одел тяжелые очки, такие же, как и у его людей. Туман моментально исчез. Теперь он мог видеть лицо каждого человека, стоявшего перед кораблем в Прошлом на целую сотню лет, и безбрежную гладь моря.

— Отлично,— сказал он, обращаясь к бойцам.— Знаете, если эти ребята не попадутся вам и не пойдут по намеченному пути, взмахните руками. Мы увидим ваши сигналы и поможем.

— Только я ни в кого не хочу стрелять,— сказал Лукас, многозначительно поглядывая на тех, кто собирался идти с ним.— Мы намерены проделать очень деликатную работу, но если эти люди сразу и вдруг будут напуганы, все пойдет прахом. Вместо пуль я бы предпочел угостить их какими-нибудь наркотиками, ласково поговорить, задать несколько несложных вопросов,— словом, произвести впечатление.

— Поступай как знаешь,— пожал плечами командующий.— Газовая маска нужна?

— Да, помните, мы попытаемся сделать всю работу, используя транквилизаторы, подмешанные в напитки. Бедняги устали, и это их усыпит. Но не колеблясь используйте газ, если понадобится.

Лукас в последний раз осмотрелся.

— Похоже, несколько человек начали удаляться от берега,— сообщил оператор за радаром.

Лукас подпрыгнул:

— Все, я пошел. Где мои помощники? Готовы? Скажите, пусть пока не высовываются. Я иду!

Ботинки застучали вниз по лестнице.

Песчаный берег плавно переходил в равнину, усыпанную галькой. Кое-где росла трава, такая, которая обычно растет в тени. Харл оставил команду у кромки воды, чтобы можно было своевременно защитить корабль или направить его обратно в море. Сам же он, с шестью выбранными им людьми, медленно исследовал остров.

Исследовательская группа не должна была уходить далеко. Не успели они обойти первый попавшийся холм, как уже приметили высокую фигуру человека, двигав-

шегося сквозь туман по направлению к ним. Фигура приблизилась, и они увидели мужчину выразительной наружности, одетого в белый костюм, какой носили древние чародеи.

Не выказывая ни малейшего удивления или страха от встречи с семью вооруженными морскими разбойниками, этот человек подошел поближе и остановился, приветственно воздев руки.

— Меня зовут Лукас,— просто сказал он.

Человек изъяснялся на родном языке Харла, правда, с сильным акцентом, но Харлу в своих путешествиях удавалось разбирать еще и не такие речи.

— Давайте-ка зададим несколько прямых вопросов этому «регенту церковного хора»,— мрачно проговорил вдруг Торла, положив ладонь на рукоять кинжала.

Человек в одеянии чародея поднял брови и рукой сделал плавный жест в сторону. Может статься, это был просто жест несогласия, а возможно, это подавался какой-то сигнал.

— Давайте подождем,— резко сказал Харл. В таком тумане маленькая группка людей сможет скрыться, не ввязываясь в борьбу. Харл учтиво кивнул Лукасу и назвал свое имя и имена своих товарищей. Лукас поклонился в знак благодарности и сказал:

— Здесь поблизости мой дом. Разрешите мне пригласить вас к себе, хотя бы на обед.

— Мы благодарим вас за приглашение,— сказал Харл. Ему не понравились нотки некоторой растерянности, проскользнувшие в собственном голосе, тем более что он видел, как крепнет в его людях труднообъяснимое доверие к столь мало знакомому им человеку. Харл хотел спросить, к берегам какой земли прибило их корабль, но побоялся прослыть глупцом и невеждой.

— Я прошу вас,— сказал Лукас,— чтобы вы все посетили мой дом для того хотя бы, чтобы утолить голод и жажду. Если же вы,— обратился он к Харлу,— хотите людей оставить охранять корабль, то я прикажу отослать им пищу и напитки.

Харл на минуту задумался, не находя решения. Он пытался вообразить, как повел бы себя Ай, доведись ему встретиться с такой учтивостью, казавшейся даже чрезмерной. Лукасу не нужно было быть ясновидящим для того, чтобы понять, что семеро морских пиратов, появившихся на острове, приплыли на корабле; но кто

знает, возможно он пришел выяснить сколько у них всего людей и кораблей.

— Подождите немного,— наконец ответил Харл,— и мы все всемером пойдем с вами.

Двое остались с Лукасом, пока Харл с остальными пятью направился, огибая маленький холм, обратно к берегу, чтобы все объяснить находившимся на борту членам команды. Некоторые из моряков предлагали сразу схватить колдуна и все у него вызнать.

— Это мы сможем сделать в любое время,— пожал плечами Харл,— но чародеи обычно очень горды, даже заносчивы. А если вы уж, мягко говоря, отворили кровь человеку, она едва ли вернется обратно в жилы, так что будем надеяться на лучшее. Понаблюдаем за этим Лукасом, приглядимся. Если вам принесут пищу и воду, ведите себя достойно, будьте обходительны с посланцами.

Харлу не надо было уговаривать команду сохранять бдительность: матросы в любую минуту могли схватиться даже с тенью.

Итак, Харл и его семеро товарищей вернулись к Лукасу и отправились вместе с ним вглубь острова. Беря пример с Харла, все семеро пиратов старались выглядеть так, будто бы происходящее не было чем-то давно спланированным, а их новый и такой радушный знакомый — не был, в сущности, их тюремщиком. Лукас держался точно так же, по крайней мере, внешне не выказывал и тени беспокойства.

По мере того, как группа уходила вглубь острова, туман с каждым шагом становился все менее густым. Пройдя сотню ярдов, они увидели, что их путь прегражден рядом невысоких скал. С их вершины клубами сползал серый дым. Как раз у подножия одной из этих скал и располагался дом колдуна,— довольно простое каменное здание, выстроенное в один этаж, но зато достаточно просторное для того, чтобы служить приютом или даже крепостью какому-нибудь помещику. Хотя нет, куда там: окна у самой земли, ворота не защищены ни рвом, ни водой,— конечно же, это была не крепость!

Из ворот показалось несколько человек в простой одежде прислуги. Они поклонились, приветствуя Лукаса и его гостей. Харл с облегчением заметил, что все появившиеся выглядели более или менее похожими на простых смертных. Девушки были хорошенькие, в зем-

ных нарядах. Они взглянули на воинов и, захихикав, поспешили назад в дом.

— Здесь нет сказочных ведьм,— пробубнил Торла,— хотя я не сомневаюсь, что им все же известно какое-то колдовство.

Лукас пропустил Торлу в дверь первым, за ним по пятам следовали остальные пираты. Харл шел последним, оглядываясь и держа руку на топорике. Он никак не мог относится спокойно к человеку, который приглашает в свой дом незнакомцев.

Внутри дома Харл не увидел ничего особенно подозрительного. Напротив, все внушало это непостижимое, странное доверие. Дверь прямо открывалась в большую гостиную, в которой столов и стульев с лихвой хватило бы и на то, чтобы разместить целую команду корабля. У камина стоял улыбающийся самодовольный слуга, поворачивая нанизанное на вертел мясо, которое уже само просилось на стол: по-видимому, его приготовлением занимались уже немалое время.

Несмотря на то, что в окна проникало достаточно света, на стенах горели факелы. Сквозь тонкие занавески у выхода Харл время от времени видел слуг, которые с разными поручениями уходили в дальние помещения, располагавшиеся где-то за скалами. Конечно, нельзя было сказать, сколько вооруженных человек могло притаиться в этих многочисленных комнатах или спрятаться вне дома, но пока Харл нигде не видел оружия, более грозного, чем столовые ножи.

Еще один степенный слуга накрывал стол на восемь персон, расставляя дорогие, но не очень красивые серебряные тарелки и кубки.

Лукас пошел прямо к столу — двое пиратов держались рядом с ним — и повернулся к гостям, жестом приглашая их сесть.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Здесь вино и эль. Выбирайте.

— Эль! — воскликнул Харл, бросая на своих людей многозначительный взгляд. Он слышал о сильнодействующих наркотиках и ядах, вкус которых почти не отличается от вина. Все по цепочке передали друг другу команду Харла пить эль, хотя Торла и выглядел расстроенным.

Компания расселась, и две девушки, вышедшие из-за штор, начали наполнять их кубки. Харл наблюдал за

тем, чтобы колдуну наливали из того же сосуда, что и им. Он ждал, пока Лукас, сдув пену, попробует напиток. И только после того, как это случилось, Харл сделал маленький глоточек.

Эль оказался ни крепким, ни слабым, но... да, вкус его был немного необычен. Хотя, спрашивал себя Харл, там, где все необычно, как может быть обыкновенным эль? Он позволил себе отхлебнуть еще глоток.

— Эль в вашей стороне крепкий и хороший,— рискнул наконец сказать Харл, несколько преувеличивая достоинства напитка, чтобы доставить удовольствие хлебосольному хозяину.— Нет сомнений, в вашей стороне также много крепких мужчин, и вы служите сильному королю.

— Все, что вы говорите,— правда,— вежливо поклонился Лукас.

— А как имя вашего короля?

— Нашего настоящего короля называют Планетарным Командором,— колдун пригубил эль и в свою очередь полюбопытствовал: — А кому служите вы?

За столом послышались страдальческие стоны. Кубки опустились так же дружно, как были подняты. Харл поразился странной несдержанности товарищей. Зачем так выпячивать свою скорбь в чужом малознакомом доме? Причем, с почти хмельной развязностью выпячивать... Нда, действительно,— с хмельной, хотя выпили ребята всего по глотку, да и едва ли простой эль мог бы так быстро пробрать этих видавших виды морских волков. Что-то было подозрительное во всем этом, и Харл твердо решил не пить. Не только сейчас.

— Кому мы служим? — спросил он сам у себя и сам же ответил: — Не знаю. Наш прекрасный лорд мертв.

— Молодой Ай мертв! — выкрикнул Торла, как тяжелораненный человек, который кричит от боли. Служанка подошла вновь наполнить его кубок, и Торла, схватив ее, усадил себе на колени. Но когда она начала отталкивать его тоненькими слабыми руками, он мягко удержал ее. На его лице в это время появилось смешное и глупое выражение.

«Что-то здесь не так»,— опять подумал Харл. Его голова оставалась совершенно ясной... И он все еще такой же собранный и такой же бдительный, как и прежде. Разве нет?

— Смерть молодого Ая была бы весьма печальным

известием,— спокойно проговорил Лукас,— но это известие едва ли правдиво.

Колдун, расслабившись, тяжело опустился на стул.

Странно, но никто не обратил внимания на эту реплику, в высшей степени странную и невероятную по сути. Люди продолжали пить и есть. Потом за столом вновь послышались сетования и жалобы:

— Мы видели, как он умирал!

— О, да!

Харл сжимал кулаки, вспоминая собственную беспомощность перед чудовищем.

— Мы видели, как он умирал, умирал так, что, клянусь всеми святыми, я бы никому не поверил бы, расскажи он мне об этом, если бы не видел всего своими глазами!

Внезапно, явно преследуя какую-то цель, Лукас подался вперед.

— А как все произошло? — спросил он.

Запинаясь, Харл начал рассказывать. Его горло скоро пересохло. Едва ли понимая, что он делает, Харл прервал свой рассказ, чтобы отхлебнуть эля из своего кубка. Правда о чудовище для собственного же слуха его почему-то звучала, как неуклюжее вранье. С какой стати король Горбодук должен ему поверить?

Когда Харл закончил свое повествование, из-за стола поднялся Торла, как будто бы собираясь что-то сказать. Девушка соскользнула с его колен и с визгом упала на мягкую попку. Торла с несвойственным ему серьезным выражением лица наклонился, как если бы собирался помочь ей встать. Но она вскочила сама и выбежала из комнаты. Торла повернулся, поглядел ей вслед, потом, сев, уронил голову на стол. Потом начал стонать.

Товарищи Торлы, те, которые сами не плакали, только смеялись над этим. Все они устали... Нет, что-то здесь было не так. Они выпили не больше одного-двух кубков эля. Да если бы они и были пьяны, то хотя бы принялись ссориться. Харл недоумевал. Сделал сам еще один глоток и решил подняться.

— Ваш король не умер,— монотонно повторял колдун,— не умер, не умер. Почему вы думаете, что он мертв?

— Почему? Мы видели, как... как дракон схватил его!

Харл уже не был вполне уверен в том, что видел,

и в том, что помнил. Что здесь происходит? Он медленно встал, обнажил наполовину свой меч и гаркнул:

— Предатели! Проснитесь!

Глаза его людей были безжизненны, лица — глупы. Некоторые попытались подняться, услышав крик, но снова плюхнулись на лавки, уронив головы на стол и бессильно разбросав по полу оружие.

— Колдун,— пробормотал один из них, посмотрев на Лукаса полными мольбы глазами,— повтори нам, что король жив.

— Он жив и будет жить!

— Он... он...— Харл не мог заставить сказать себя, что Ай мертв. В непонятном себе самому страхе он, шатаясь, пошел прочь от стола. Обнаженный меч сверкал в его руке. Убить кого-нибудь, неважно, за что,— страшное преступление, но Харл был напуган настолько, что чувствовал: он может это сделать.

— Назад! — предостерег он колдуна.

Колдун поднялся тоже. Только стол разделял его и Харла. Из-за пазухи Лукас достал маску, подобную звериной морде, и одел ее на лицо. Голос его глухо доносился до Харла:

— Здесь вам никто не причинит вреда. Я делил с вами напитки, которые успокаивают людей. Присядьте и поговорите со мной.

Харл повернулся и выбежал вон. За воротами туман вдруг проник в его легкие. Он домчался до пригорка, с которого можно было увидеть корабль. И он увидел, что все оставленные там люди были мертвы или умирали. Около дюжины человекоподобных монстров с серыми звериными мордами были заняты тем, что укладывали тела моряков в аккуратные рядки. Тем из его команды, кто мог еще передвигаться, не предлагалось помощи. Наоборот, им предоставлялось самим как-то спасать свою шкуру, но бедняги напоминали готовимый к убою скот, охваченный диким ужасом.

Харл, ничего не соображая, поискал свой меч и топорик, а потом вспомнил, что бросил их где-то в доме.

— Все в порядке,— успокаивающий голос Лукаса послышался прямо из-да плеча Харла. Когда тот повернулся, колдун продолжал: — Все твои люди просто спят. Им нужно отдохнуть. Не буди их.

— Ах, вот оно что! — Харл облегченно вздохнул. Он должен был бы знать, что причин для беспокойства нет.

Нечего беспокоиться в этой прекрасной стране искрящегося эля, сверкающего воздуха и дружелюбных людей, говорящих одну только правду. Теперь он увидел, что монстры со звериными мордами — это всего лишь люди в таких же, как и у колдуна, масках. Они хорошо позаботились о его команде. Харл доверчиво посмотрел на Лукаса, ожидая, что тот сообщит ему еще какие-нибудь приятные новости.

Лукас, казалось, расслабился, вздохнув под своей маской.

— Пойдем,— сказал он и повел Харла вниз, к берегу моря, где влажный и очень плотный песок, отполированный ласково набегавшими волнами, впитал в себя лиловатые оттенки бездонного неба и, казалось, готовился, как зеркало, вот-вот отразить редкие облачка. Колдун, чертя пальцами по песку, нарисовал грубые контуры огромной головы.

— Предположим, что это тот дракон, которого вы видели. Думаете, что видели. Но что конкретно, вы считаете, произошло?

Харл измученно застонал и опустился на колени, тупо разглядывая рисунок. Ему хотелось спать. Но сейчас он должен сосредоточиться на том, что показывает ему колдун.

— Оно схватило Ая,— сказал Харл,— прямо зубами.

— Вот так,— палец колдуна начертил между зубов монстра крохотную угловатую фигурку человека с раскинутыми руками и ногами. Небольшие, с ленцой, волны, едва навертываясь на песок, сглаживали понемногу и затем слизывали вовсе грубые линии рисунка.

— Так,— согласился Харл и неловко сел.

— Но сейчас это все позади,— повторял колдун,— позади. И когда ужас прошел, правдой становится лишь то, что ты и я захотим считать правдой. И займет свое настоящее место.

Волны набегали и набегали, и под их мерный шелест Харл задремал.

— Если король Ай в действительности окажется мертвым, а не раненым,— спросил Матт,— мне скажут об этом первому?

— Тебе же сказали,— объяснил учитель,— что он всего лишь ранен и его можно легко вернуть к нормаль-

ной жизни. Если твоя роль удастся, то его ранение и болезнь не будут иметь никакого значения, как если бы их никогда не существовало.

— А если у меня не получится, то кто-нибудь другой попытается снова, да? Если меня там убьют, вы меня тоже сможете воскресить?

Матт прочел ответ на помрачневшем лице учителя. Но тот вновь пустился в объяснения:

— Все, что вы здесь видите, вся наша работа,— все это только попытка вернуть к жизни короля Ая. Если нам удастся это сделать, то прерванные и измененные жизни других людей, зависевших от его воли, восстановятся и примут тот вид, который у них был до вмешательства берсеркера. Если же вы, Матт, погибнете во времени короля Ая, эта смерть станет для вас настоящей и окончательной. И если вы не справитесь с ролью, наша смерть тоже будет настоящей и окончательной. Никто уже не сможет предпринять еще одну попытку.

В качестве одной из привилегий нового майорского звания Дэррону полагался отдельный кабинет в офисе, но нынче Одегард проклинал свое повышение по службе, так как это повышение наконец-то дало Лизе возможность загнать его в угол.

— Чья же это вина, если не твоя? — требовательно вопрошала она, злясь, как никогда прежде не злилась.— Согласись, ты был единственным, кто предложил им использовать Матта. Почему ты не надоумил их взять кого-нибудь другого из далекого прошлого?

— Операции не могут,— объяснял Дэррон, пытаясь сохранять терпение,— просто проникнуть в прошлое и выхватить из истории кого захочется и когда захочется. Команда Ая к тому же — особый случай. И Матт тоже особый случай. Когда его привезли сюда, он был почти мертв. Сейчас Операции уже подняли пару человек, которые чуть не погибли в своем времени. Но у этих двоих нет даже возможности понять, где они находятся, не говоря уже о понимании той роли, для которой они потребовались. Когда же до них дойдет суть дела, то не исключено, что они откажутся подчиняться.

— Откажутся? А был ли у Матта шанс отказаться, когда ты требовал от него согласия на роль Ая? Он подует, что ты — великий герой. Он в некоторых вещах совсем ребенок.

— Прошу прощения, но он не ребенок. Далеко не ребенок. И далеко не беспомощен. Перед тем, как отправить, его обучат всему необходимому — от политики до оружия.

— Оружия? — Лиза по-настоящему неистовствовала. В некоторых вещах она сама была ребенок.

— Конечно, оружия. Хотя мы надеемся, что он пробудет в Куинсленде всего лишь несколько дней, не ввязываясь ни в какую битву. Мы собираемся вылечить Ая и забрать Матта назад перед свадьбой.

— Свадьбой?!

— Матт сможет позаботиться о себе,— быстро продолжал Дэррон,— и сможет выполнить ту работу, которая от него требуется. Он настоящий лидер. Любой, кто мог стать предводителем у Людей Неолита...

— Все это не имеет значения! — перебила Лиза, понимая, что ее гнев бессмыслен, и залилась слезами.— Конечно, он сможет это сделать. Если он должен. Если он действительно единственный, кто способен пойти туда. Но почему тем человеком, кто предложил его использовать, был именно ты? И как раз после того, как я рассказала тебе о нем. Почему? Неужели ты просто хотел убедиться, что он тоже не вечен?

— Лиза, нет!

Ее глаза были полны слез, и она поспешила к дверям.

— Я не знаю, кто я, но я больше не знаю и тебя! — воскликнула она и скрылась.

Несколько дней спустя пластиковая пленка была снята с лица Матта. Благодаря современной медицине появилась новая здоровая кожа. Как только удалили пленку, с фантастической скоростью начала отрастать борода, и всего за два дня она приобрела необходимые размеры.

Сейчас, в день запуска, Матт в последний раз встал перед зеркалом в палате — его все еще держали в больнице — чтобы хорошенько рассмотреть свое новое лицо. Поворачивая голову то вправо, то влево, он разглядывал щеки, нос, подбородок... Ая. Да, Ая. Это отражение очень отличалось от того, которое он видел в спокойной глади озер Неолита. Но его интересовало, была ли, собственно, изменена душа внутри этой новой оболочки.

Матту казалось, что он еще не слишком глубоко проникся духом короля.

— Еще несколько вопросов, сэр,— сказал один из учителей, стоявших за спиной Матта. Последние дни все учителя общались с ним только на языке Ая, вели себя в его присутствии с приличествующим подчиненным смирением и благоговением, показывали, как должен одеваться предводитель моряков. Вероятно, они думали, что таким образом помогают ему изменить и самый дух, но, в общем-то, это была всего лишь игра.

Учитель нахмурился, склонившись над своими записями.

— Во-первых,— спросил он,— что ты станешь делать вечером того дня, когда вы прибудете в Куинсленд?

Отвернувшись от зеркала, Матт ответил:

— Это как раз то время, о котором нам ничего не известно. Я буду стараться играть свою роль как можно лучше и избегать принятия решений, особенно крупных решений. Если мне понадобится помощь, я смогу связаться с вами.

— А если вдруг тебе придется встретиться с чудовищем, убившим твоего предшественника?

— Я попробую сделать все возможное, чтобы заставить его убраться. Тогда вы найдете эту скважину, этот космический пролом, где прячется дракон, и ликвидируете его, поправив таким образом нанесенный им ущерб.

Другой учитель, стоявший у двери, сказал:

— Операции будут за всем наблюдать. Они сделают все необходимое, чтобы забрать тебя до наступления того момента, когда дракон сможет причинить тебе вред.

— Да! А с этим мечом, который вы мне дали, я смогу постоять за себя!

Учителя продолжали задавать вопросы, время запуска приближалось, и несколько человек пришли одевать Матта. Они принесли лучшие образцы одежды Ая, в которую король был одет в день отплытия на своем корабле в Куинсленд.

Костюмеры обращались с Маттом далеко не как с королем, а скорее как с манекеном. Один сказал:

— Если они в последний момент решат, что нужен необычный шлем, то где мы его возьмем?

— Оба шлема в хранилище,— ответил другой.— Ребята еще работают над ними.

Учитель задал еще несколько вопросов, на которые

Матт все так же точно ответил. Костюмеры поверх одежды Ая натянули пластиковую кольчугу. Подошел еще один офицер и отвел новоиспеченного короля к небольшому поезду, отправлявшемуся через туннель на склад Эйч.

Перед посадкой ему на мгновение показали на специализированном экране спавших в дюнах мужчин и древний, с пурпурной палаткой, корабль у берега. В поезде, не обращая внимания на тряску, он думал уже о том, что едва ли его ждет приятное плаванние по водам времени. Словно проникнув в его настроенния, один из учителей поглядел на часы и протянул в горсти немного снимающих напряжение таблеток.

Не одолев и полпути, поезд остановился — в местечке, где не останавливался в прошлый раз. Вошли двое мужчин. Один из них был никто иной, как начальник Временных Операций, а другой — сам Планетарный Командор, которого Матту доводилось видеть раньше лишь на открытках и плакатах. Планетарный Командор занял место как раз напротив Матта и, махнув машинисту рукой — поезжай, мол — внимательно осмотрелся.

Лицо Матта покрылось крупными каплями пота, правда, всего лишь из-за пластиковой кольчуги. «Так вот,— думал он,— как выглядит живой командор. С телевизионного экрана он глядел глыбой, скалой, а так, на расстоянии вытянутой руки, вроде кажется менее устрашающим. Но все-таки этот человек — Современный король, а значит и дух короля у него совсем иной, нежели был у Ая».

Лидер Всех Современных Людей спросил Матта:

— Насколько я понял, вы посчитали важным для себя встретиться со мной перед полетом? — Так как не последовало никакого ответа, он продолжал: — Вы понимаете, о чем я говорю?

— Да, понимаю, выучив язык Ая, вашего я забывать не думал! Да, я хотел встретиться с вами, чтобы попытаться распознать в вас нечто такое, что делает человека королем.

Некоторые из присутствовавших, услышав подобные речи, хотели было засмеяться, но не посмели, по-прежнему сохраняя на лицах серьезное выражение. Планетарный командор не засмеялся и не улыбнулся, а только посмотрел на начальника Временных Операций перед тем, как вновь обратиться к Матту со следующими словами:

— Они научили вас, что делать, если вы встретите железного дракона?

Краешком глаза Матт заметил, как начальник Временных Операций слегка кивнул Планетарному Командору.

— Да,— сказал Матт,— я должен вынудить его преследовать меня, но так, чтобы он как можно дольше кружил на одном месте. Вы попытаетесь меня спасти...

Планетарный Командор удовлетворенно кивал. Когда поезд остановился, он взмахом руки повелел всем, кроме Матта, выйти. Оставшись наедине с королевским двойником, он объявил:

— Я открою тебе подлинную тайну настоящего короля: нужно всегда быть готовым пожертвовать жизнью ради благополучия своих подданных, своего народа!

Сообщив столь важную тайну, Планетарный Командор как бы заверил ее торжественным кивком крупной седеющей головы, где, очевидно, гнездилась неслыханная, нечеловеческая мудрость. Надо полагать, он был твердо убежден в правильности того, что сказал. Или считал, что убежден твердо. На мгновение, впрочем, в его глазах появилось неуверенное, почти испуганное выражение. Но тотчас исчезло. Он снова натянул на лицо прежнюю маску державного самодовольства и, выходя из поезда, уже громко говорил Матту какие-то ободряющие слова, улыбаясь и похлопывая его по плечу.

Дэррон ждал их в низкой, грубо высеченной пещере, расположенной недалеко от пусковой площадки. Завидев Матта, он приветственно вскинул обе руки — так некогда принято было встречать Ая. В толпе озабоченных, беспрестанно снующих взад и вперед людей Матт искал глазами Лизу, но, по-видимому, здесь присутствовали лишь те,— за исключением Дэррона,— кто принимал участие в подготовке запуска. Мысленно Матт связывал Лизу с Одегардом и иногда удивлялся, почему эти двое не поженятся. Возможно, он бы сам женился на Лизе, если бы вернулся с задания и если бы только она пожелала этого. По временам ему казалось, что Лиза согласилась бы, но у него всякий раз не хватало отваги выяснить это в точности.

Учителя быстро провели Матта в маленькую приемную. Ему разрешили снять кольчугу, что он с удовольствием и проделал. Матт услышал, что где-то рядом открылась еще одна дверь, и в комнату ворвалась струя

великолепной озерной свежести: действительно, напротив здания был вырыт огромный котлован, заполненный прозрачной водой для будущих нужд планеты.

На столе в маленькой комнатке лежал меч, специально разработанный для Матта Современными Чародеями. Матт взялся за ножны и извлек из них оружие, с любопытством разглядывая яго. Невооруженным глазом нельзя было увидеть ничего из того, что ученые показывали ему под микроскопом: сверхострое, до некоей волшебной призрачности отточенное лезвие, которое выскакивало из обычного лезвия, стоило Матту взяться за рукоять. В его руке меч резал металл, словно обычный сыр, а броню — как подгнившее дерево. Ни одно лезвие не смогло бы сделать ничего подобного. Ученые говорили, что оно состоит всего из одной молекулы, но Матту не было нужды вникать в подобные тонкости, и он слушал эти речи вполуха. Но еще недавно, в любое время дня и ночи,— спал ли он, принимал ли пищу, прогуливался ли,— знания, в том числе и по физике, мощным потоком вливались в его мозг, в котором действовала такая сила, которую ученые туда не вкладывали. Они изумленно говорили о том, что, видимо, эта сила прошла путь в двадцать тысяч лет от начала мира в сторону его окончания. С этой силой, необычайной выносливостью в работе и в серьезном учении, Матт смог ясно осознать: в истории Сиргола именно Современные Люди выглядели странными чужаками. Конечно же, просто по количеству лет, по языку и различным институтам они стояли намного ближе к Аю, чем тот — к Людям его, Матта, времени. Но по образу мыслей и чувств Ай и Люди Неолита походили друг на друга в значительно большей степени, чем на теперешнее человечество.

Конечно, только огромная материальная, научно-физическая мощь Современных Людей в силах уничтожить берсеркеров, хотя, между прочим, именно эта мощь их и породила. Но что касается вопросов духовных, то здесь жители Настоящего зарекомендовали себя сущими младенцами. Трудно сказать, что произошло с ними: то ли чрезмерное могущество и осознание своей власти над природой повредило их бедные головы, то ли просто по лености не хотели они уделять внимания чему-то более тонкому и невесомому, чем всегда странно бодрящая, добротная и прочная суета будней,— но в любом случае,

никто из них не мог подсказать Матту, как проникнуться духом короля Ая, а это ему было необходимее всего.

И еще одну вещь он понял: живые души сильны своим единством, а иначе они еще долго будут уничтожаемы берсеркерами, если только сами не вселятся в их железные тела.

Досадуя, что он так и не постиг духа загадочного короля, Матт сделал то, что непременно сделал бы Ай, собираясь в опасное путешествие: истово помолился. И уже не варварским богам, а Тому — Единому и кроткому, добровольно возложившему на свои плечи все скорби и тяготы людские. Совершив молитву, он не видел больше причин оставаться в этой маленькой комнатке и, открыв дверь, шагнул вперед.

Все были по-прежнему заняты каждый своим делом: одни копались в каких-то устройствах и механизмах, другие сновали повсюду, отдавая приказы или сообщая какие-нибудь новые известия, касавшиеся предстоящего запуска. Несколько человек повернулось в сторону Матта. Лица выражали определенную досаду на то, что он вышел из своего укрытия раньше времени. Люди тревожились, что расписание будет нарушено.

Матт огляделся. На подставке он заметил шлем Ая. Подошел и взял его. Своими руками он одел крылатый серебряный шлем на голову. Этот жест не был запланирован, но по выражению лиц молодых людей Матт понял, что все сделал правильно...

Через минуту неотступные учителя вновь настигли Матта, говоря, что у них есть напоследок всего несколько вопросов. Матт понял, что бедняги почувствовали внезапную необходимость доказать самим себе, что они все еще наставники, а не подчиненные. Но теперь, когда твердый дух короля наконец снизошел на него по молитве, Матт не собирался доставить им такого удовольствия. Время власти учителей над ним прошло.

В поисках Планетарного Командора он нетерпеливо рыскал там и сям среди усердно трудившихся людей. Некоторые из них раздраженно поглядывали на Матта, недовольные его докучным маячением, но когда он вновь приближался, они опускали глаза и продолжали тихонько заниматься каждый своим делом. Наконец Матт отыскал Планетарного Командора и, с неудовольствием оглядев его, спросил:

— Мои люди готовы или нет? А корабль? Право, я начинаю терять терпение!

При этих словах Планетарный Командор с каким-то завистливым изумлением вытаращился на Матта и раскрыл рот. Мгновение спустя, он, спохватившись, рот закрыл, придал глазам прежнее выражение и важно кивнул.

Все члены команды Ая, когда их в первый раз показали Матту, крепко спали в специально сооруженных для них кроватях, находившихся в специально оборудованном помещении. Чтобы мускулы сохраняли упругость, их массажировали специальными же аппаратами. Лампы направляли на лица и руки свои серебряные лучи, чтобы поддержать загар. Электронные устройства постоянно нашептывали морякам, что их молодой король жив.

На этот раз все были на ногах, хотя двигались, как лунатики, с закрытыми глазами. Они снова вырядились в свою одежду, нацепили доспехи, а в руках, как и прежде, поблескивало оружие. Из дома Лукаса матросов повели вниз, к берегу, где стоял корабль. Снесенный чудовищем планшир был возвращен на место. Все остальное осталось нетронутым.

Генераторы тумана давно отключились. Каждый человек и каждый предмет на серпообразном берегу находился в центре как бы громадного цветка с лепестками, образованного тенями сложных металлических перекрытий под высоким куполом главного ангара. Сверху падал рассеянный свет маленьких холодных солнц, высоко подвешенных под этим куполом.

Матт еще раз пожал Дэррону и другие протянутые ему руки. Потом прошел по отмели небольшое расстояние до корабля и ступил на палубу. Сложный механизм вот-вот должен был опустить корабль в глубокие морские воды.

Начальник Временных Операций вслед за Маттом поднялся на борт и, то ведя нового короля за собой, то семеня за ним, принялся показывать корабль. Наконец, после беглого осмотра они добрались до пурпурной палатки.

— Придерживайся намеченного плана, особенно в деле с драконом. Постарайся заставить его кружить как

можно дольше, если, конечно, ты встретишься с ним. Помни, исторический ущерб, даже потери окажутся не так страшны, если мы сможем найти эту космическую скважину. Если все получится хорошо...

Когда Матт повернулся к начальнику, голос последнего оборвался. В руках Матт держал точную копию того шлема, который был у него на голове и который только что лежал на крышке ларца с драгоценностями Ая.

— Я слышал все ваши лекции,— сказал Матт.— А сейчас возьмите вот это и прочтите тем, кем вы командуете, лекцию о невнимательности.

Начальник Временных Операций схватил шлем и с минуту разглядывал его, не говоря ни слова.

— А теперь,— заявил Матт,— покиньте мой корабль, прежде чем мы отчалим!

Все еще сжимая в руках шлем и что-то бормоча себе под нос, начальник удалился. После его ухода Матт уже больше не уделял внимания Современному Миру. Он встал позади Харла, походившего на статую, которая, однако, крепко вцепилась в руль своими окоченелыми лапами. Остальные члены команды, все еще находясь в состоянии транса, заняли свои места на скамейках. Их руки медленно налегали на весла, словно бы радуясь возвращению к прежнему занятию и проверяя, удобно ли держать привычный некогда деревянный черен.

Глядя на черную воду под дальними огнями, Матт услышал мощный гул позади себя и почувствовал, что корабль свободно заскользил вперед. В следующую минуту он заметил появившийся внезапно перед судном мерцающий круг. С тихим всплеском исчезли и темнота, и пещера, а вместо этого ослепительно сверкнул голубой свет. Мерно покачивавшиеся на волнах чайки сорвались и, захлопав крыльями, брызнули в пронзительную синеву неба, напуганные внезапным появлением корабля в открытом море. В лицо Матту ударил соленый, плотный ветер, и палуба закачалась у него под ногами. Вдали, у самого горизонта, туманная густо-сизая линия должна была, как ему говорили, означать берег Куинсленда. Поднималось розоватое солнце, наступало утро.

Матт не тратил времени на колебания.

— Харл,— загремел он, хлопая по плечу своего помощника с такой силой, что тот едва не свалился с ног.— Харл, я что, должен все делать на корабле сам? И день и ночь?

Его уверяли, что эти слова пробудят людей. Так оно и случилось. Моряки очнулись от долгого сна и прозрели. Гребцы усердно замахали тяжелыми веслами еще до того, как к ним полностью вернулось сознание, и корабль, мощно вспарывая форштевнем тугую, лоснившуюся на солнце водную гладь, устремился вперед.

Матт прохаживался между скамейками, проверяя, все ли вполне проснулись. Время от времени он награждал кого-нибудь проклятиями и несильными шлепками, какие мог бы позволить себе только Ай. У них не было сил подумать, вспомнить, что с ними происходило пять минут назад. Они уже полностью окунулись в знакомую рутину. И если все же, несмотря на забывчивость их короля, мозг каждого из них еще хранил картину нападения монстра и кровавой расправы с молодым лордом, то не было сомнений, что эти люди с огромной радостью позволят кошмару испариться из их памяти.

— Эй, ребята! Впереди земля, где, говорят, все женщины — королевы!

Гавань, где их ждали, оказалась прекрасной. Перед ними живописно раскинулся город Бланиум, столица Куинсленда, в которой проживали люди чуть не десяти разных национальностей. Для того времени это был большой город.

Невдалеке от гавани виднелись серые очертания невзрачного замка, расположенного на самой вершине холма. Из-за высоких зубчатых стен, теперь уже ни в чем не сомневаясь, вглядывалась в абрис корабля принцесса Эликс, пытаясь издалека увидеть своего будущего супруга.

На берегу изредка встречались торговцы, бродяги, даже плуты и сомнительные личности, но их было немного, не более дюжины: торговля в Империи с годами пришла в упадок. И моряки, и люди других профессий переживали трудные времена. Эта земля с нетерпением ожидала своего истинного хозяина, с которым вынесла бы с легкостью все невзгоды и наконец ожила бы, сделалась богатой и обильной.

Когда корабль причалил, со всех сторон к порту по крутым улочкам потекли дружные ручейки простого люда. Команду встречали очень тепло, приветствуя взрывом ликующих выкликов каждого ступавшего на

берег матроса. Матт заметил, что около тысячи человек всех званий и сословий ждали его выхода. Так как корабль остановился, конечно же, далеко от замка, к нему спустились две большие колесницы из позолоченного дерева, запряженные парой сгорбленных степенных волов. Волы остановились у самого края причала, на землю сошли несколько знатных людей Бланиума, и теперь все они, стоя, ожидали появления короля.

Посыпались цветы, зазвучала музыка. Невозмутимые портовые рабочие занялись швартовкой судна, ловко закрепляя канаты на массивных кнехтах. Матт осторожно сошел на берег. Слегка пошатывался: даже небольшая качка успела сильно досадить ему. Возможно, то, что путешествие длилось недолго, пошло на пользу репутации Ая.

Делегация знати города приветствовала короля совершенно искренно, эхом вторила толпа расчувствовавшейся черни. Правитель Горбодук с гонцами прислал свои извинения за то, что не может лично спуститься к пристани, и выразил жгучее желание поскорее увидеть Ая в своем замке. Матт знал, что Горбодук был стар и очень болен. Ему оставалось жить всего около месяца, если верить учебникам истории, которые штудировал Матт перед отправкой в это путешествие.

Король все еще оставался без королевы, и знать Куинсленда не допускала к управлению страной ни одну женщину. Если бы Эликс вышла замуж за какого-нибудь из этих знатных, родовитых людей, немедленно бы началась гражданская война, чего так успешно избегали король и сама Эликс. Немудрено, что король подумывал об Ае — молодом и чрезвычайно способном, уважаемом, даже любимом многими принце королевской крови, не обладавшем, однако, той землей, которой честь воина и правителя обязывает сохранять верность.

Приказав Харлу следить за швартовкой корабля, Матт достал из ларца драгоценности, выбранные Аем в качестве даров Горбодуку и Эликс. И потом он стал подниматься на колеснице в гору — к королевскому замку.

В Современном Мире он слышал о том, что есть страны, где люди используют различных крупных животных в качестве средства передвижения. Он был доволен тем, что на Сирголе это не практиковалось. Править колесницей оказалось довольно трудно, и он с удоволь-

ствием отдал вожжи другому вознице. Одной рукой он держался за особую скобу, а другой — махал толпе. Когда роскошный золоченый возок проезжал по крутым улочкам города, сотни людей выходили на них, чтобы поприветствовать гостя. Люди верили, что морской пират объединит их страну. Пират надеялся, что они не ошибались.

Наконец высокие серые стены замка замаячили совсем близко. Колесница прокатила через мост и остановилась на небольшом дворе. Здесь вооруженная охрана встретила Матта приветственным лязгом воздеваемых к небу мечей и копий.

В большой гостиной замка собралось не более десятка мужчин и женщин, но зато это были, действительно, самые важные люди в королевстве. Когда Матта под трубный зык и барабанный бой ввели в замок, лишь некоторые из них выказали нечто отдаленно напоминавшее энтузиазм народа. Многие лица были знакомы Матту по старинным портретам и секретным фотографиям. От Современных Историков он узнал, что значительная часть этих людей воздерживалась от принятия какого-либо решения относительно дальнейшей судьбы Ая. Но сейчас на лицах некоторых из них,— Матт не мог не заметить этого,— и вовсе змеились недобрые, фальшивые улыбки. Лидером этой последней невероятно улыбчивой фракции выступал, должно быть, придворный маг Номис — высокий человек в белом одеянии, походившем на наряд полковника Лукаса. Улыбка мага беззастенчиво припахивала звериным оскалом.

Если здесь где-то и была неподдельная радость, то она светилась на морщинистом усталом лице короля Горбодука. С приветственным возгласом он поднялся со своего роскошного державного кресла, хотя мог выстоять не более минуты на своих пораженных болезнью ногах. После объятий и обмена церемонными приветствиями, король упал обратно в кресло, продолжая, между тем, разглядывать Матта сощуренными глазками, отчего тот вдруг с ужасом ощутил, как постепенно делаются явными его тайные намерения и мысли.

— Ты очень похож на своего отца,— воскликнул вдруг Горбодук.— Мы с ним не раз участвовали в битвах и от души веселились на пирах. Ах, если б он мог подняться к нам, в Замок Воинов!

Ай выслушал это пожелание со смешанным чув-

ством. Он был тем человеком, который всегда говорит, что думает.

— Благодарю тебя, Горбодук, за то, что ты сохранил столь добрую память о моем отце. Да отыщет душа его покой в блаженных кущах Райского сада!

Внезапно Горбодук закашлялся. Быть может, несколько сильнее, чем следовало бы. По-видимому, старику потребовалось известное время, чтобы понять смысл речей этого выскочки.

Но Номис не собирался упускать своего шанса. Когда короля окружили придворные, он резко выступил вперед в своем причудливо развевавшемся одеянии.

Номис не обратился прямо к Матту, но адресовал свои слова всем сразу:

— Неужели вы безропотно будете сносить те страшные оскорбления, которые наносятся богам ваших отцов?

Да, многие, казалось, будут сносить. Для кого-то оскорбление не выглядело таким уж бесспорным и страшным. Для кого-то небесспорны были сами боги. Некоторые, впрочем, что-то бормотали себе под нос — будто бы протестующе.— И Матт, чьи нервы были натянуты до предела, не пропустил этих реплик мимо ушей.

— Я никого здесь не хотел оскорбить,— просто сказал он и понял, что поторопился сдобрить свой голос примирительными интонациями: слишком мягкая фраза, слишком похоже на извинение, слишком нехарактерна для настоящего Ая. Номис удовлетворенно усмехнулся, а остальные посмотрели на Матта с новым, как бы задумчивым выражением. Атмосфера в гостиной чуточку изменилась.

Король оправился от приступа кашля, и теперь все ждали, когда придворные дамы введут в залу его дочь. Из-под газовой вуали Эликс одними глазами улыбнулась Матту, потом скромно потупила взор. Он подумал, что в Операциях ему говорили правду: будет еще много жизней более тяжелых, чем жизнь Ая.

Когда все готовились к подношению даров, некий дружелюбный сановник шепнул Матту, что если он не возражает, брачная церемония состоится по повелению короля немедленно.

— Некоторая поспешность в этом деле,— пояснил сановник,— вполне извинительна, ибо здоровье короля...

— Я понял,— перебил его Матт, поглядев в сторону принцессы.— Если Эликс согласна, я готов.

Ее глаза, спокойные и теплые, вновь блеснули из-под вуали. А еще через минуту он и она стояли рядом, держась за руки.

Выслушав приказ глубоко чтимого им короля, Номис все же с большой неохотой приступил к церемонии венчания. Перед ее началом он по обычаю обратился к присутствующим с вопросом:

— Есть ли у кого-нибудь из вас какие-либо возражения относительно заключаемого здесь брака?

Казалось, Номис нисколько не удивился, когда до его слуха из залы донеслось:

— Я, я возражаю!

Он, не отрываясь, смотрел в глаза осмелившемуся возражать человеку.

— Я давно считаю принцессу своей невестой,— заговорил тот,— и думаю, что морскому разбойнику следует потолковать на этот счет с моим мечом.

Видно было, что преувеличенно мощным звуком собственного голоса парень пытается лишь подавить в себе известное волнение, но выглядел он угрожающе: молодой, высокий, широкоплечий; руки — достаточно сильны, чтобы переломать недоброжелателю кости.

Несомненно, Горбодук вправе вмешаться и запретить дуэль, но он не в силах сделать это прямо здесь, на торжественной церемонии венчания. Впрочем, Ай не совершил бы ничего особенно выдающегося и исторически значимого, отважившись драться на дуэли в день своей свадьбы. Эпизод наверняка не будет отмечен летописцами. Но все же Номис сделал первый ход. Матт понимал, что в этом он должен винить только себя самого: ему сразу как-то не задалась роль властного правителя, и теперь ему бросают вызов первому.

Однако из любой ситуации можно найти выход. Матт сжал кулаки в тесных кожаных перчатках, повернулся лицом к жаждавшему схватиться с ним смельчаку и глубоко вздохнул:

— Прежде всего — назовите себя.

Молодой великан отвечал напряженно, и смысл его речей был явно более бойким и решительным, нежели те интонации, с которыми эти речи произносились.

— Мне нет необходимости,— выпалил он,— представляться кому бы то ни было из присутствующих

здесь, но вы должны с особенным уважением относиться ко мне, ибо, знайте, я — Юнгуф из семьи Юнг! И знайте также, что я требую вернуть мне принцессу!

Матт поклонился. Он был холоден и неприступен, как то и подобало Аю.

— Так как вам посчастливилось родиться благородным человеком, досточтимый Юнгуф, мы можем драться немедленно, чтобы разъяснить беспокоящий вас вопрос... Если, конечно, вы не считаете нужным отказаться...

Юнгуф покраснел. На минуту он потерял контроль над собой, и Матт смог прочесть на его лице выражение сильного испуга, да-да, гораздо более сильного, чем можно было предположить.

Ладонь принцессы легла на запястье Матта. Эликс откинула с лица вуаль и, отведя Матта немного в сторонку, негромко сказала:

Я всем сердцем надеюсь, что вы докажете свою правоту, милорд. Мне никогда не нравился этот человек.

— Принцесса! Он предлагал вам руку и сердце?

— Да, год назад,— в глазах Эликс светилась очаровательная скромность,— как и многие другие. Но когда я отказала ему, он не настаивал больше.

Матт посмотрел на стоявшего в другом конце залы Номиса, нараспев благословлявшего Юнгуфа, как это было принято в Старых Верованиях. Юнгуф, казалось, собрал все свое мужество, чтобы не разрыдаться: таинственные древние обряды страшили его, и этот страх был гораздо сильнее страха смерти или ранения.

Матт всегда встречал опасность спокойно. Большей частью ему приходилось сталкиваться с крутым, неприветливым норовом матушки-природы, отражать нападения хищных зверей, но он очень редко оказывался жертвой людской жестокости и насилия. Современные Люди передали ему свою мощь, выносливость, специальные навыки и сверхбыструю реакцию. И еще они дали ему необыкновенный меч, который сам по себе был уже вернейшим залогом победы. Нет, не горячность Юнгуфа беспокоила Матта, но самый факт дуэли и ее возможные последствия.

За исключением короля, принцессы и двух дуэлянтов, все, казалось, были обрадованы предоставившейся возможностью пощекотать нервишки. Произошла некоторая заминка, так как потребовалось известное время для того, чтобы сходить к кораблю за щитом Ая, и это

вызвало общее недовольство: незачем, мол, откладывать столь захватывающее предоставление. Но зато у Матта появилось в результате этой задержки несколько свободных минут, чтобы уединиться и связаться с Операциями. Между тем, ему нечего было сказать им, а им нечего было посоветовать ему. Никто не знал, причиною каких событий может послужить эта дуэль и какие события способна предотвратить вовсе. Связь прервалась, и Матт попытался завести светскую беседу с дамами, пока Юнгуф, ни слова не говоря, с горящим сердитым взглядом стоял в маленькой группке людей — по всей видимости, своих родственников.

Вскоре Харл принес меч. Воин почти вбежал в залу, не будучи в силах скрыть своего нетерпеливого желания как можно скорее сделаться свидетелем жаркой схватки.

Все вышли из замка. По выходе к ним присоединилась более мелкая, но столь же возбужденная знать и несколько простолюдинов. Роскошное кресло короля — высочайшие сановники тотчас обступили своего светлейшего господина — установили на самом видном месте, посередине двора, который был, очевидно, приспособлен под оружейный, судя по массивным укреплениям и мишеням, в большинстве своем изрубленным и расколотым.

Молодой дворянин, шептавший Матту о брачной церемонии, вновь шепотом осведомился, не подойдет ли он лорду Аю в качестве секунданта. Матт кивком головы выразил свое согласие.

— Тогда, милорд,— незамедлительно вступил в свои права свежеиспеченный секундант,— не угодно ли будет занять свое место?

Матт встал в центре хорошо расчищенной площадки, которой хватило бы даже для проведения различных смотров и парадов, и обнажил свой меч. На некотором расстоянии от себя он увидел Юнгуфа — также с обнаженным мечом и прочным щитом. Матт понял, что больше никаких приготовлений не будет. Похоже, при дворе короля Горбодука убийства обставлялись несколько менее изысканно и церемонно, нежели венчания.

Солнце стояло в зените, воздух был до одури горяч, и уже первые робкие выпады противников явно грозили обезобразить их исполненные благородства лица излишне обильными и не весьма приличествующими оному благородству ручьями пота. Юнгуф был до смешного

медлителен и неповоротлив, вяло прибегал к различным отвлекающим маневрам. Видимо, эта притворная медлительность в начале схватки и составляла стиль Юнгуфа. Как и ожидалось, он в последний момент молниеносно бросился на Матта, но тот быстро отступил назад, успев при этом сделать три выпада атакующей комбинации. Матт надеялся, что при ударе меч противника сломается, но на этот раз клинки лишь слегка задели друг друга, да и оружие Юнгуфа, вероятно, было крепким. И теперь Матт понял: если сломается один меч, принесут другой, если сломается второй или третий, поднимутся вопли о колдовстве. Нет, только ранение сможет разрешить исход борьбы.

Матт занял свою прежнюю позицию в центре круга, все еще избегая Юнгуфа. Он помнил, что любая нанесенная им рана, любое совершенное им убийство повлекут за собой разрушительные изменения в ходе истории, а это окажется выгодно лишь берсеркерам. Но если Юнгуф убьет Матта, будет нанесен еще больший ущерб. Наблюдавшие за дуэлью начали перешептываться. Причиной волнения в публике сделалась странная задумчивость Матта. Итак, он должен победить. И чем быстрее, тем лучше. Но надо избежать убийства.

В то время, как Юнгуф медленно начал свое наступление, Матт поднял щит и меч, приготовившись дать отпор. И когда Юнгуф вновь атаковал, он ударил его, целясь в сжимавшую меч руку и стараясь повредить мускулы плеча. Но противник изогнулся в прыжке и острие его огромного меча скользнуло по щиту Матта. Тело Юнгуфа подвернулось как раз под копье Матта, наконечник которого и вонзился между верхними ребрами.

Рана была сравнительно неглубокой, и Юнгуф не прекратил борьбы, но его следующий удар был уже слабым и как бы вязким. Матт отступил, что не достиг цели, и затем вновь сделал выпад. Скрестились мечи, Матт ударил Юнгуфа в колено и с силой толкнул его щитом. Юнгуф упал, словно подрубленное дерево. Окровавленное лезвие меча Матт приставил ему к горлу, а ногой отбросил оружие поверженного противника на мощенную булыжником дорожку.

— Признаете ли вы, что проиграли поединок? — Матт только сейчас услышал свое тяжелое и частое дыхание и свистящие, булькающие хрипы Юнгуфа.

— Признаю.

Произнесенный задыхающимся соперником, ответ последовал довольно быстро.

Матт устало отошел в сторону, думая, чем обычно Ай вытирал кровь с лезвия меча. Подошел Харл и сделал это сам, вдобавок выбранив своего лорда за нерешительность в начале дуэли. К Юнгуфу подбежали его родственники, и с их помощью он, казалось, смог довольно легко сесть. По крайней мере, думал Матт, не произошло убийства.

Он повернулся к принцессе и ее отцу, но они испуганно рассматривали белоснежное одеяние Номиса, лежавшее перед ними на полу. Сам чародей куда-то исчез. Оставленное им белое одеяние могло означать лишь одно, а именно то, что теперь он оденет черное.

Вдруг послышался сильный захлебывающийся кашель, и, обернувшись, Матт увидел Юнгуфа с ярко-алой кровью на губах.

Огромный железный дракон неподвижно лежал на дне моря, почти полностью зарывшись в ил. Тусклая, скучная жизнь морских глубин едва теплилась вокруг него, но зато этот очажок тепла находился в относительной безопасности, так как берсеркер не искал жертв и не собирался никого убивать. Но сейчас в этом затихшем, заштилевавшем придонном мире даже легкие аномалии и отклонения в жизненных вибрациях растений и рыб могли помочь громадным компьютерам в Операциях в обнаружении логова врага. Компьютеры были столь же неутомимы в своем поиске, как берсеркеры в битве, но кругом по-прежнему царили безмолвие и мертвенный покой.

Дракон все еще находился под прямым управлением берсеркеровской флотилии, осаждавшей планету в Настоящем времени. Имея в своем распоряжении так же много различных поисковых систем, как и Операции, берсеркеры видели, как корабль Ая вместе с командой был поднят в Настоящее время и потом вновь возвращен в Прошлое. На борту корабля появилась еще одна жизнь.

Намерения Современных Людей были очевидны для машин, которые сами разработали сложную систему всяческих ловушек, приманок и хитроумных каверз.

Берсеркеры не могли не заметить подмену. Они вновь вынуждены были совершить нападение...

Но на этот раз необходимо действовать осторожнее. Подставного короля нельзя просто взять и убить. Подобная прямолинейность выдаст их с головой. Компьютеры берсеркеров все вычислили и взвесили, придя к идеальному, на их взгляд, решению: схватить человека живым и держать его в заточении до тех пор, пока отклонения в ходе истории Сиргола не примут абсолютно аномальный и абсолютно необратимый характер.

Даже в укрытии дракон сохранял вокруг себя сеть неуловимых инфраэлектронных излучений. Среди прочих объектов он теперь видел человека в черных одеждах, стоявшего на самой вершине одной из прибрежных скал. Человек снова и снова протяжно, нараспев повторял какие-то слова, обращаясь к ветру. На основе поступивших в отсек памяти сведений берсеркер заключил, что этот человек старается вызвать для своих целей сверхразумные силы. А в речи этого человека он услышал имя Ая.

В ярком свете полуденного солнца Номис стоял на самой вершине скалы, нараспев произнося мрачные загадочные заклинания. Конечно же, вызывать духов Неистовейшего Зла уместнее было бы под густым покровом ночной темноты, но все существо колдуна так пропиталось ненавистью и страхом, что, казалось, вокруг него меркнет и гаснет полуденный свет и на все опускается тяжелая непроницаемая мгла. Нет, маг не станет ждать захода солнца.

В поднебесье кружили чайки, резкими криками вспарывая и с гортанным треском раздирая шелк струившейся над морем лазури. Номис пел высоким проникновенным голосом:

Явитесь на зов мой, о демоны тьмы!
Разройте могильные ваши холмы,
Неситесь к утесу сквозь тягостный ил!
Хочу, Черный Бог, чтобы ты мне открыл
Секрет, как врага моего извести,
Как сердце его разом стиснуть в горсти!

Певец заклинал полчища жестоких демонов, ожидающие на дне морском новых утопленников, пригото-

виться к весьма лакомому прибавлению — нежной молодой плоти и белым косточкам отважного принца, чьи роскошные останки впредь они смогут таскать на себе, подобно шутовским лохмотьям, на своих подводных пирушках. Темные уродливые существа на дне моря успешно подбирали ключи и отмычки к таинственным вратам Смерти и могли в два счета расправиться с Аем, чего, например, не удалось сделать Юнгуфу несмотря на все увещевания и даже угрозы Номиса.

Тонкие руки мага задрожали, подняв над головой высушенные желтоватые пальцы давно приготовленного для колдовских нужд утопленника, затем вновь плавно опустились. Все еще не переставая петь, Номис зажмурился от яркого солнца. Да, сегодня заклинания сбудутся, сегодня гнев его подобен тяжелому камню, валуну! Сегодня картина гибели Ая рисуется ему с многообещающей отчетливостью!

Когда маг добрался до того места в песне, где можно было сделать паузу, он прервался, еще раз поднял и опустил руки и широко раскрыл глаза, спрашивая себя, действительно ли ему послышался в грохоте прибоя какой-то посторонний звук. Под черным одеянием старика в тревожном ожидании напряглась грудь. Вскрикнула птица, и где-то внизу, в извилистых каменных складках скалы, загадочный звук повторился еще раз: корябающий ухо скрежет и треск. Нет, ошибки быть не могло: к реву ветра и шуму прибоя добавилось вполне явственное постукивание осыпавшихся камней. Видимо, какое-то существо взбиралось на скалу. Всякие мысли о волшебстве мигом улетучились из головы Номиса. Он мог только сердито думать о том, что кто-то вот-вот обнаружит его укрытие. Повернувшись лицом к морю, он увидел большую расселину между двумя изгибами скалы. Как раз из этой расселины и доносился сейчас хруст гальки и щебенки под чьей-то тяжелой ногой. Колдун нагнулся и поглядел вниз, на лихо карабкавшегося по уступам гостя. Увиденное потрясло старика, мигом вырвав из его сердца копившиеся там долгие годы раздражение и недовольство, сетования на жестокую судьбу и сомнения в истинности и действенности магии. Внизу — маячила голова самого настоящего утопленника с налипшим к отполированному блестящему темени пучком водорослей.

Быстрым, отлаженным движением существо вспрыг-

нуло на вершину скалы и предстало перед Номисом в полный рост. Это было нечто несомненно человекообразное, но более тощее, чем любой живой человек и более упитанное, чем скелет. Когда утопленники попадают во владения демонов, их костяки очень меняются. Это же существо выглядело скорее сработанным из железа, нежели из мяса и костей. Колдун стоял несколько ниже демона — или человека все же? — и тому пришлось наклонить голову на длинной шее, чтобы получше рассмотреть отважившегося вызвать его смельчака. Номис с большим трудом заставил себя не двигаться с места и опасливо заглянул в мрачно поблескивавшие камни-глаза. Звонко шлепнулась капля, сорвавшись с некоего подобия конечности-кости. И только когда чудовище сделало еще один шаг в его сторону, Номис вспомнил о том магическом круге, мелом начерченном на скале, в котором ему следовало бы находиться сейчас, чтобы не подвергнуться внезапному нападению столь удачно прикликанного уродца.

Номис вошел в круг. Торжественно обращаясь к демону и этим обращением как бы, по-видимому, завершая сегодняшние свои чародейские труды, он проговорил:

— Теперь ты должен служить мне, пока я не отпущу тебя! И для начала ответь, как мне извести моего врага? Как умертвить его?

Блестящие челюсти остались неподвижны, но из черного квадрата в том месте, где должен был находиться рот, донесся дребезжащий голос:

— Твой враг — Ай. Сегодня он высадится на вашем побережье.

— Да! Да! Каков секрет его смерти?

Даже если бы берсеркер заставил этого человека убить подменившего Ая парня, след такого убийства все равно отразился бы на экранах Современных Людей.

— Ты должен привести своего врага Ая сюда живым и невредимым и отдать его мне. Тогда ты его больше никогда не увидишь. А в награду за это я помогу тебе добиться всего, чего только ты пожелаешь.

Номис лихорадочно думал. Он всю свою жизнь готовил себя к подобному предложению и теперь не собирался выпускать удачу из своих рук. Но еще больше он не хотел быть обманутым... Итак, демон желает, чтобы Ай оставался жив. Подобное желание может означать только одно: существует какая-то магическая связь между

морским разбойником и странным обитателем морских глубин. Что ж, это нисколько не удивительно, если учесть, какую очаровательную жизнь вел, должно быть, Ай и какое количество людей услал он погостить к рыбам.

Голос Номиса прозвучал резко и нагло:

— А кем тебе приходится Ай, а, демон?

— Он мой враг.

Номис едва не рассмеялся при этом ответе. «Не похоже»,— подумал он чуть не вслух. Магу казалось, что это его самого, его душу и тело жаждет чудовище. Но внутри нарисованного мелом круга Номис был в безопасности. Конечно, демон пришел спасти Ая. Однако Номис не подаст виду, что догадался о его намерении. Не сейчас. Он видел, что известная сделка с демоном сможет принести такую прибыль, ради которой можно рискнуть всем чем угодно.

— Слушай, грязное чудовище! Я сделаю то, о чем ты просишь. Сегодня в полночь я доставлю твоего врага сюда — связанного и беспомощного. А теперь уходи и возвращайся в полночь. Будь готов выполнить свое обещание — все, что пожелаю!

Вечером Матт и Эликс прогуливались вдоль высоких стен королевского сада, глядя на нежно загоравшиеся в лиловеющем небе звезды. Погруженность Матта в собственные мысли была слишком заметна. Девушка, шедшая рядом с ним скоро оставила бесплодные попытки завести светскую беседу и спросила напрямик:

— Я нравлюсь вам, лорд?

Матт замедлил шаг и повернулся к ней.

— Принцесса! Вы, в самом деле, мне очень нравитесь,— заверил он ее с поистине отрадным для нежного женского сердца лаконизмом и добавил: — А если мои мысли витают еще где-то, это не по моей вине, так получается.

Она понимающе улыбнулась. В Операциях Эликс считали несимпатичной, но Матт не склонен был излишне прислушиваться к мнению Операций. Чаще всего красивые женщины встречались ему либо под немилосердно палящим солнцем, либо в густых и темных, изобилующих всякого рода опасностями лесах,— проще говоря, в суровых жизненных условиях. А теперь он

видел совершенно другую красоту. И совершенно другой девушки. И в совершенно другой, третьей уже по счету жизни.

— Могу ли я тогда узнать, лорд, что так сильно занимает ваши мысли?

— Во-первых, рана этого парня. Я не очень хорошо здесь начал...

— Такая заботливость делает вам честь. Мне приятно удостовериться в вашем благородстве!

Эликс снова улыбнулась. Несомненно, она понимала, что причиной его беспокойства за Юнгуфа была главным образом политика. Но, конечно, она не могла и представить себе всей сложности, значимости и глубины этой политики. Принцесса начала говорить Матту о том, чем она могла бы ему помочь: поговорить с нужными людьми, попытаться наладить отношения между новым домом Ая и семьей Юнг.

Слушая ее и глядя на нее, Матт чувствовал, что сумеет стать настоящим королем, если рядом с ним будет подобная королева. Нет, он не станет Аем. Теперь он знал, как наверняка должны были знать и Современные Люди, что ни один человек не сможет прожить жизнь за другого. Но от имени Ая он, возможно, сделает достаточно, чтобы спасти человечество.

Матт перебил Эликс:

— А я вам нравлюсь, леди?

На этот раз ее очаровательные глаза гораздо более, чем на мгновение, задержались на нем: искрящийся, теплый, обещающий взгляд. И тотчас, будто бы невзначай, появилась откуда-то дуэнья, сообщив, что время свидания в рамках приличия истекло.

— Тогда до завтра,— сказал он, робко сжав руку принцессы, что, впрочем, разрешалось правилами придворного этикета.

— До завтра, милорд.

Когда женщина уводила ее, Эликс, перед тем, как скрыться из вида, обернулась и вновь подарила его обещающим неземное блаженство взглядом.

Матт остался один. Глядя вослед принцессе, он понял, что хотел бы встречать ее каждое утро десятки тысяч дней подряд. Потом на несколько минут снял шлем и вытер лоб. Несомненно, ему следует соединиться с Операциями и доложить обо всем случившемся с ним за истекшее время. Но вместо этого он вновь одел

шлем — надо полагать, Ай тоже считал шлем своим неотменным атрибутом — и пошел искать комнату, где находился сейчас Юнгуф, уложенный в постель придворным лекарем. В дверном проеме Матт увидал родственников раненого. Он заглянул в комнату, но сам войти не решился. Его, впрочем, тотчас заметили и попросили войти непременно, не смущаясь попусту; говорили с ним спокойно и вежливо, никто, казалось, не держал зла на него за победу в поединке.

Юнгуф был бледен и выглядел поникшим. Из горла вырывались булькающие хрипы. Когда он повернулся на кровати, пытаясь вытереть кровь, повязка сползла с раны, и из его груди тоже стали вырываться *какие-то* булькающие звуки. Матт спросил у него, как он себя чувствует, и услышал в ответ страдальческий, но ничуть не испуганный шепот:

— Я умираю.

Юнгуф хотел сообщить еще что-то, но не смог, вновь бессильно повалившись на примятые подушки.

— Лорд Ай,— спокойно сказал один из родственников,— думаю, мой кузен хочет сказать, что его вызов был неискренен и что он заранее знал о своем поражении.

Юнгуф кивнул.

— Кроме того, Юнгуф хочет предупредить вас, что здесь есть вещи пострашнее меча!

— Я видел белое одеяние, брошенное на земле.

— О, тогда вы предупреждены. Будем надеяться, что ваш новый Бог защитит вас в ту минуту, когда окажется бессилен меч.

В ночи прокричала чайка. Исполненный внезапного ужаса взгляд Юнгуфа остановился на маленьком окошке.

Матт пожелал Юнгуфу скорейшего выздоровления и по лестнице стал подниматься вверх, на крышу замка. Там он мог некоторое время оставаться незамеченным. Уже наступила ночь. Уединившись в темноте, Матт глубоко вздохнул и, нажав нужную кнопку на шлеме, вышел на связь.

— Временные Операции,— послышался голос Современного Человека. И хотя это был скорее шепот, нежели внятная полнозвучная речь, он все-таки придал замку, самой ночи и луне, висевшей высоко в небе, оттенок какой-то неестественности. Реальность вновь

стала пещера-крепость в центре фантастического сплетения машин и энергий. Обращаясь к тому довольно безликому собеседнику, бледный образ которого он кое-как слепил из немногочисленных и маловыразительных оттенков трещавшего в рации голоса, Матт рассказал о дуэли и исчезновении Номиса, о сброшенном одеянии мага и о его грозном предупреждении.

— Да, наши экраны показали, что в каком-то месте произошло нечто необычное с жизненной линией этого колдуна. Он собирается...

Какие-то загадочные помехи на мгновение заглушили слова говорившего, но потом исчезли и голос уверенно заключил:

— ...хотя ничего существенного здесь не затрагивается.

«Ничего существенного для Современной Истории,— мысленно усмехнулся Матт.

— Вы видели или слышали что-нибудь относящееся к чудовищу? — осведомился голос.

— Нет.

Высокая луна слабо освещала спокойное море за грядой далеких утесов.

— А почему вы так много говорите о чудовище? — невинно полюбопытствовал Матт.

— Почему? — вспылил вдруг этот неведомый собеседник в Операциях.— Да потому что это чрезвычайно важно!

— Я знаю. Но как насчет моего задания? Как насчет роли короля? Если вы мне поможете, я справлюсь с нею, хотя, мне кажется, что я не сумею стать Аем.

— Ты все делаешь отлично, Матт. Мы известим тебя, когда ты должен будешь совершить какой-нибудь значительный поступок. Если верить показаниям наших экранов, ты, действительно, все делаешь хорошо. Как я уже сказал, то, что случилось с Юнгуфом, не слишком важно. А вот твой поиск дракона — наоборот.

— Конечно, я буду его искать.

Окончив связь, Матт решил, что сейчас самое время навестить команду Ая, которая обосновалась в караульных помещениях, встроенных в массивную крепостную стену, и стал спускаться по лестнице.

Он был слишком погружен в свои мысли и не заметил того, что королевский двор оказался немного темнее, чем ему полагалось быть в это время. Не заметил

также и того, что ворота были приоткрыты, а охрана отсутствовала. Звук чьих-то торопливых шагов насторожил его, но — поздно: не успел он вытащить меч, как кто-то прыгнул на него сверху, пригибая к земле. И пока Матт одолевал в сердце своем королевскую гордость, не позволявшую немедленно звать на помощь весь свет, на голову ему набросили что-то тяжелое и душное.

— Сэр, не можете ли вы уделить мне минутку? Это очень важно!

Начальник Временных Операций раздраженно обернулся, но, увидав лицо Дэррона, довольно мягко сказал:

— Входите, майор. Что у вас?

Тяжело дыша, Дэррон сжимал в руках крылатый шлем.

— Сэр, вот этот шлем — именно тот, который Матт нашел на корабле перед отплытием. Некоторые связисты приходили ко мне сегодня поговорить об этом. В их радиопередатчиках появились непрекращающиеся шумы-сигналы.

Командующий сел за стол, несколько нетерпеливо дожидаясь того момента, когда Дэррон наконец доберется до сути дела.

— Связисты объяснили, сэр, что сигналы в этом шлеме прерывались другими похожими сигналами, поступавшими из шлема Матта. Словом, какой из этих шлемов ни возьми, он будет посылать свои шумовые сигналы. Берсеркеру не составит труда перехватить их и вычислить местонахождение любого шлема. Он поймет, что это просто заурядная западня, схватит и убьет, если только уже не сделал этого.

Дэррон очень хорошо контролировал свой голос, но все явственнее начинал ощущать, как гнев сдавливает ему горло.

— То есть вы поражены тем, что мы делаем, Одегард? Я прав?

Командующий тоже начинал злиться, но пока, правда, никого не обвинял и ни от кого не защищался, а просто был раздражен бестолковостью Дэррона. Он включил свой экран и нажал кнопку селектора.

— Посмотри сюда,— сказал он Одегарду.— Вот жизненная линия Ая-Матта.

Когда Дэррон работал дежурным, он довольно хоро-

шо умел считывать с экрана любую информацию. Но теперь, внимательно изучив график, майор понял, что все увиденное лишь подтверждает его вчерашние опасения.

— Очень плохо,— заметил он,— след Матта исчез.

— Матт выиграл для нас немного времени, и это все, что он смог сделать. Теперь тебе понятно, почему мы пытаемся дать дракону возможность схватить его? Миллионы, многие миллионы людей погибли в этой войне ни за что ни про что!

— Понимаю,— чуть не задохнулся от злости Одегард. Дрожащими руками — нет, майор никак не мог заставить их не дрожать — он вытянул перед собой шлем, глядя на него, словно на только что выкопанную археологическую находку.— Понимаю, вы никогда не победите, если не сумеете найти замочную скважину, чертов пролом берсеркера. Матт всегда был всего лишь послушной, добросовестной приманкой, не правда ли?

— Нет, майор, я бы предпочел не говорить так,— голос начальника немного смягчился.— Когда ты впервые предложил его использовать, мы не были уверены, что он сможет даже выжить. Но уже первые данные компьютеров показали, что все идет довольно хорошо. Но, несомненно, ты прав в том, что технические неполадки в его шлеме могут раскрыть нашу ловушку.— Командующий повел плечами: — Судя по тому, как складываются обстоятельства, Матт, вероятно, находится в большей безопасности, чем мы с тобой.

Очнувшись, Матт почувствовал боль. Он попытался выплюнуть служившую кляпом грязную тряпку. В голове сильно шумело, как если бы он принял накануне большую дозу наркотиков. Когда сознание немного прояснилось, Матт понял, что его везут куда-то, перекинув через спину какого-то животного, вероятно, вола: голова болталась с одной стороны, ноги с другой. Шлем он, видимо, обронил где-то; на запястье не ощущалось привычной тяжести привешенных за ремень меча и ножен.

Матт был пленником шести или восьми человек, быстро шагавших в темноте по узкой извилистой тропинке, залитой лунным светом. Время от времени они обменивались негромкими малопонятными репликами:

— Думаю...
— Парочка уже идет...
— Ну, или они...

Дальше Матт не смог разобрать слов вовсе. Он попытался разорвать веревки, стягивавшие руки и лодыжки, но те оказались весьма прочными. Повернув голову, пленник увидел, что дорога проходила между скалистыми выступами и изгибами гор. Кое-какие познания в географии Бланиума позволили определить ему, что загадочная процессия направляется прямиком к морю и уже почти достигла цели своего путешествия.

Когда шедший далеко впереди всех человек замедлил шаг и, обернувшись, остановился, ожидая, пока подтянутся остальные, Матт, нимало не удивившись, узнал в нем придворного мага — высокого, худого, одетого в черное одеяние мужчину на запястье которого висели отнятые меч и ножны. Номис решил присвоить себе эти символы королевской власти.

Тропинка начала вдруг круто спускаться вниз. Вскоре небольшая процессия приблизилась к гребню изрезанной глубокими расселинами скалы и остановилась. По приказанию Номиса несколько человек стащили Матта на землю. Он попытался притвориться бесчувственным, но подошел колдун и, подняв его веки, усмехнулся:

— Он пришел в себя. Развяжите ему ноги, но покрепче свяжите руки.

Все было в точности исполнено подручными Номиса. Но чем дальше они продвигались вперед, тем чаще оглядывались, вздрагивая от каждого шороха. Казалось, люди боялись Номиса и еще больше — того, что ждало их у заветного утеса. Во всяком случае: боялись ничуть не меньше погони, в которую уже наверняка пустились всадники Горбодука.

Двое охранников встали по обе руки Матта, остальные выстроились в цепочку, и все вместе начали спускаться по крутому склону. Путь их освещался тусклым светом луны. Похоже, только Номис знал, куда следует идти. Откуда-то снизу доносился шум прибоя.

Когда наконец группа ощутила под ногами ровную крепкую поверхность, тучи заволокли все небо. В тот же миг Номис увидел неподвижно стоявшую на вершине горы фигуру уже знакомого существа, терпеливо ожидавшего его появления. Колдун быстрым движением

руки обнажил меч и, схватив Матта за волосы, приставил к его горлу острие.

Когда из-за туч вновь показалась луна, все увидели наблюдавшее за ними существо. Подобно птенцам огромного черного дрозда, люди пронзительно закричали и сбились в кучу за спиной Номиса, пытаясь втиснуться в нарисованный мелом круг. Через несколько секунд они затихли. Были слышны лишь гром прибоя и завывания ветра.

Все еще держа острие меча у горла Матта, Номис сорвал с его головы тряпку и повернул лицом к берсеркеру.

— Ну как, грязное чудовище, этот человек действительно твой враг? Тогда разреши мне убить его!

Железная кукла могла бы прыгнуть вперед быстрее любого человека и выхватить Матта. Но к горлу пленника все еще был приставлен меч. Берсеркер не станет рисковать жизнью Матта.

— Колдун, я подарю тебе власть над миром,— сказал демон,— богатства, все наслаждения плоти. Бессмертие наконец. Но сначала ты должен отдать мне этого человека живым.

Номис упивался победой, а люди за его спиной застыли в ужасе. В эту минуту в памяти мага возник далекий-далекий день, когда язвительный смех принцессы-ребенка навеки ожег его душу.

— Я хочу Эликс,— прошептал он, уже предчувствуя, что ее сломленная гордость будет значить для него гораздо больше, чем обладание юным телом.

— Я отдам ее тебе,— торжественно лгал демон,— но только в обмен на этого человека.

Номис ликовал, он весь просто дрожал от восторга. Дрожали даже кончики его пальцев, уже несколько менее крепко сжимавших эфес заветного меча. Матт ждал этого момента. Резко подавшись вперед, он изловчился толкнуть колдуна плечом. Этого оказалось достаточно, чтобы Номис выронил из рук меч и во весь рост растянулся на камнях.

Испуг остальных тут же превратился в панику. Они все вскочили и бросились бежать к узкому крутому склону, по которому только что взбирались. Пригнувшись, побежал и Матт. На бегу он ногой подбрасывал меч все дальше и дальше вперед, точно футбольный мяч. Матт благодарил в эту минуту Современных ученых за

то, что они наградили его стальными нервами и каменными мускулами.

Берсеркер помедлил, не желая калечить людей, на время преградивших ему путь. Но когда Матт очутился уже у самой тропинки, твердая рука схватила его за одежду. Ткань не выдержала и разорвалась. Матт прыгнул и покатился по крутому склону. Люди за его спиной, сталкиваясь то друг с другом, то с берсеркером, кричали в каком-то животном ужасе.

Приземлившись после прыжка, Матт почувствовал, что за исключением легких ушибов и царапин, никаких повреждений не получил. Он нашарил под ногой меч и, не заботясь об израненных пальцах, связанными руками схватился за его лезвие. Потом поднялся и прошел еще какое-то расстояние. Вдруг, споткнувшись, Матт снова упал и сильно разбил колено. Позади него возникла свалка: люди, крича от страха, сбились в один огромный, судорожно вздувавшийся и вновь опадавший ком. Те, кто получал в этой свалке серьезные увечья, падал на землю, преграждая путь к бегству остальным. Всех обуял нечеловеческий ужас, и бедняги, почувствовав за спинами леденящее дыхание берсеркера, с силой рванулись вперед, к спасительному проходу между скал, еще пуще топча и калеча друг друга.

Берсеркер продирался сквозь живую, орущую от боли и ужаса человеческую массу, стараясь найти в ней того, кто был нужен ему, и грубо расшвыривая остальных.

Тем временем Матту удалось втиснуть рукоять меча между двух камней, так что лезвие, пронизанное упругой дрожью, взметнулось острием вверх: словно бы высадил спасительное деревце со стальным стеблем, подумал Матт. Повернувшись к камням спиной, он с неожиданными для себя самого ловкостью и хладнокровием приставил связанные руки к клинку, и когда в темноте послышались тяжелые, со зловещим скрипом, шаги машины, веревка уже была разрезана.

— Ну же! Ну! Сейчас мы загоним его в угол! — кричали люди во Временных Операциях, испытывая старый как мир охотничий азарт. На экранах их огромных компьютеров вырисовывался круг быстро менявшихся линий. В центре круга и находился дракон. Дико

петлявшие линии означали травмы и увечья людей. Очевидно, берсеркер боролся с ними в каком-то небольшом замкнутом пространстве.

Хромая, Матт попятился. Неспеша, уверенное теперь в своем успехе, чудовище шло прямо на него. Он был оттеснен на узенькую площадку между двух зияющих пропастей, освещавшихся мерцанием луны. Матт сжал окровавленными пальцами рукоять меча. Машина, сильно смахивавшая в неверном лунном свете на скелет человека, медленно приближалась. Она не хотела, чтобы Матт свалился в пропасть. Она выберет подходящий момент и, прыгнув, схватит его так же легко, как тяжелоатлет поднимает младенца.

Матт направил острие меча в узкий проход, по которому двигалось чудовище. У человека было достаточно времени, чтобы унять дрожь в руках. Однако всего секунду назад берсеркер был в двадцати шагах от него, и вот — он уже на нем. Быстрым движением какого-то металлического обрубка, покушавшегося на некоторое сходство с человеческой ладонью, машина попыталась было отстранить лезвие меча, как вдруг один из четырех железных пальцев, отлетев, серебряной рыбкой блеснул в лунном сиянии и канул в пропасть. Мономолекулярное лезвие меча осталось невредимо.

Вес машины был достаточно большим. Не успел берсеркер подняться, как меч пронзил его туловище, и то, что когда-то представляло собой сложный, хорошо управляемый механизм, превратилось в груду металлолома, все еще ползшую к своей цели. Матт отступил в сторону и увидел, как берсеркер начал вдруг медленно оползать, обваливаться в пропасть и наконец с грохотом рухнул в нее, бешено крутясь на лету и ударяясь о камни. Подобный добела раскаленной игле, меч, пронзивший берсеркера, исчезал теперь вместе с ним. Из глубины пропасти послышались довольно слабые лязг и треск, подхваченные ликующим эхом. Матт отшатнулся от края бездны и сделал несколько торопливых шагов назад. Потом заставил себя стронуться с места и дойти до более широкой и безопасной тропинки.

Он был весь избит и исцарапан, но мог двигаться. Стараясь держаться в тени, Матт направился, прихрамывая, к морю, но не успел сделать и десяти шагов, как

подручные Номиса схватили его. Поврежденная нога подвернулась, и он упал.

— Лучше отпустите меня и убегайте сами! — сказал Матт.— Там пришел Дьявол, чтобы разобраться с вашим хозяином.

Они оглянулись, поверив его словам, и в ту же минуту были схвачены, но не Дьяволом, а двумя верными слугами Матта, которые прибежали со стороны замка. Вокруг Матта завязалась короткая битва. Скрежет металла и отзывавшиеся эхом крики очень скоро прекратились.

— Вот эта нога ранена, милорд? — заботливо спросил Харл, вкладывая меч в ножны и склоняясь над господином.

— Да, но нет ничего серьезного.

Торла зло зашептал:

— Ну тогда мы пойдем и прикончим остальных.

Матт попытался задуматься.

— Нет, не сейчас. Номис вызвал из моря такого...

Торла только теперь прислушался к отдаленному шуму.

— Значит, уходим?

— Вы можете встать, милорд? — спросил Харл.— Прекрасно, обопритесь на меня.— Поставив Матта на ноги, он что-то достал из-под полы: — Ваш шлем, милорд. Мы нашли его у ворот замка. Он-то и указал нам след преступников.

Харл нес шлем под полой плаща, точно простой кусок железа. Матт же немедленно одел его на голову, как корону, хотя тот и весил так много, что мог раздавить человека.

На дне моря, зарывшись в ил, притаился дракон. Соблазнительная приманка — новая жизнь, присланная Современными Людьми на место Ая — находилась совсем рядом. Если бы удалось завладеть этой жизнью, не причиняя ущерба другим, победа берсеркерам была бы обеспечена. Ловить этого человека на поверхности земли, в гуще других людей, очень опасно: слишком много может оказаться жертв. Помощник дракона, человекоподобный робот, был в силах сделать это тонко и ненавязчиво, но вот же — запропастился куда-то. Проще всего и безопаснее всего — поймать столь важного чело-

века прямо у воды. Шанс слишком велик, чтобы продолжать спать!

Взмахом громадного хвоста подняв со дна мутное облако песка и ила, дракон взвился к поверхности воды и, оглядевшись, направился к берегу.

Поддерживаемый сильными товарищами, Матт довольно быстро двигался в сторону Бланиума. Нет, он не думал, что спешка была сейчас необходима: бесспорно, Номис и его ребята не станут преследовать их; если даже маг и остался жив, над своими людьми он все равно уже не был властен. Но оставался еще дракон...

Дракон?

Да, монстр прилагал все возможные усилия к тому, чтобы Матт достался ему живым. «Он будет действовать спокойно и даже по-своему благородно»,— подумал Матт и содрогнулся при этой своей мысли. Должно быть, чудовище прячется сейчас в море. Похоже, если Матт подойдет к кромке воды или даже поплещется в прибрежных волнах, дракон не убьет его, хотя мог бы сделать это, в принципе, и на земле — ни придворные, ни войско, ни крепостные стены Бланиума не остановили бы его.

Нет, если бы берсеркер хотел убить Матта, тот бы давно уже был мертв. И всякий, кто хоть краем уха слышал что-нибудь о берсеркерах, слышал достаточно, чтобы быть уверенным в этом!

— Как вам удалось бежать, милорд?

— Я попозже расскажу. Сейчас мне нужно кое-что обдумать.

— Вынуди дракона преследовать тебя,— сказал командующий Временных Операций.— Мы попытаемся тебе вовремя помочь!

Но что-то до сих пор никакой помощью и не пахло, подумал Матт.

— Помни, ты всегда должен быть готов пожертвовать своей жизнью,— вставил свое веское слово и Планетарный Командор.

Современные Люди боролись за весь человеческий род. Матт, как и всякая другая личность, были лишь средством этой борьбы: спасти однажды чью-нибудь жизнь, потом снова бросить ее в лапы берсеркеру — для того, чтобы вспыхнули глаза этого каменного льва...

Внезапно, будто вспышка света озарила его мозг, Матт все понял. Знания, которые он получил в Операциях об этой войне с ее экранами и ракетами, жизненными линиями и замочными скважинами, вдруг легко увязались с тем, что происходило с ним сейчас, в мире Ая. Конечно, ему следовало понять это раньше! Именно Современный Мир желал его настоящей смерти. А берсеркеры, проникнув в этот замысел, напротив, хотят, чтобы Матт достался им живым!

Он все еще был погружен в эти мрачные мысли, когда в его шлеме заработал приемник. Тихий голос зажужжал прямо в ухо Матту, но тот ни на что не обращал внимания. Не хотел обращать. Снял шлем — он выбросит его, когда дойдет до моря... Нет-нет, сейчас не следует близко подходить к морю... Ну, тогда швырнет шлем в ущелье!

Однако вместо всего этого Матт только сильнее сжал плечи своих товарищей и попросил:

— Друзья, мне нужно на некоторое время остаться одному. Подумать и помолиться.

Харл и Торла обменялись недоумевающими взглядами. Просьба Ая показалась им несколько странной в это время. Но их король пережил такой денек, который кого угодно заставит делать странные поступки.

Харл нахмурился:

— У вас нет оружия.

— Здесь нет и врагов. Но если хочешь, оставь мне свой кинжал. Не *беспокойся, просто мне хочется побыть* одному. Позвольте мне *немного поразмыслить, друзья!*

Удаляясь понемногу, они беспрерывно оглядывались на одиноко сидевшего на скале короля. Он был только их королем, и они любили его. Матт улыбнулся: ему хотелось, чтобы эти люди оставались рядом с ним еще долгие-долгие годы. И если ему хотелось этого, значит все так и будет. Операции не смогут наказать его за то, что он не будет больше охотиться за драконом. Матт был единственный, кто удерживал Современный Сиргол от сползания в небытие. Операции не посмеют вернуть его обратно в будущее, по крайней мере, пока он работает в эпохе короля Ая.

Да, Матт мог бы время от времени давать себе некоторое послабление и снисходить до известных оплошностей и огрехов в работе, а значит — лишь отчасти осуществлять защиту Современного мира. Но всего удиви-

тельнее было то, что Операции как раз и требовали от него этих самых оплошностей, огрехов и даже намеренных ошибок.

Он поднял жужжащий шлем и неспеша одел на голову. Затем повернул правое крыло на шлеме, и тут же отчетливый голос начальника Временных Операций заглушил слабое бормотание невидимого прибоя:

— Матт, ответь мне. Это очень важно!

— Я слушаю. Чего вы хотите?

— Где ты? Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь править своей страной и жить с принцессой Эликс!

Последовало молчание. Потом:

— Матт, может быть... может быть... этого окажется недостаточно для...

— Недостаточно? А я думаю, что хватит вполне! Я уже имел счастье преследовать демона и использовал ваш меч. Но, надеюсь, не стану больше преследовать того, кто посчитал нужным оставить меня в живых.

— Преследовал демона? Что это значит?

Матт объяснил. Он почувствовал, как все оцепенели на том конце связи. Им и в голову не приходило, что враг просто попытается взять его в плен, сохранив жизнь.

Скоро вновь послышался голос командующего. Теперь в нем появились настойчивые повелительные нотки, которых Матт никогда раньше не слышал.

— Матт,— изрек командующий,— что бы ни случилось, ты не должен позволить ему схватить тебя живым!

— Вот как? До этого мне говорили, что я должен просто водить его за нос.

— Забудь об этом. Нет, послушай! Ты не должен быть схвачен. Но и в том случае, если ты избежишь плена и будешь продолжать играть роль Ая, тебе необходимо... тебе придется что-нибудь придумать. Прости, но простая подмена Ая тобой уже не поможет нашей борьбе с врагом.

— Почему же тогда враг хочет свести на нет выгоду именно этой подмены?

— Потому что ты выигрываешь для нас время. Берсеркеры же намерены лишить Сиргол всякой возможности хоть как-нибудь укрепить оборону. Они надеются с наименьшими потерями и в кратчайший срок покон-

чить с нами. Чудеса исключаются. Все, что я могу сделать, так это сказать тебе... нет, попросить тебя спуститься к морю, где прячется это проклятое чудовище. Заставь его выйти из воды, позволь схватить тебя. Тогда наверняка произойдут хоть какие-нибудь изменения и мы...

— И если оно наконец схватит меня?

Последовала пауза. Затем послышался другой знакомый голос:

— Матт? Говорит Дэррон. Слушай,— начал Одегард язвительно, но так, что Матту не составило труда догадаться: то была язвительность совершенно отчаявшегося человека,— слушай, все здесь в *Операциях ломают головы* только над тем, как бы помягче да поделикатнее предложить тебе умереть. Берсеркер собирается захватить тебя в плен живым, но ты, по мнению нашего начальства, не должен допускать подобного безобразия. Посему тебе вменяется в обязанность провести с чудовищем воспитательную работу, всячески уламывать и уговаривать его совершить убийство в итоге склонить это робкое создание к тому, чтобы оно все же собралось с духом и прикончило тебя. Словом, погибни непременно, и вдобавок так, чтобы чудовище было причастно к этой гибели. Вот все, чего добиваются от тебя Операции. Прости, но я не знал этого раньше. Прости...

Вновь заговорил командующий:

— Матт, ты вправе отключить связь, отправиться, как и собирался, в замок и вступить во владение прекрасной Эликс и всем королевством впридачу. Но если ты сделаешь это, на протяжении всей твоей жизни *мир* вокруг тебя будет дряхлеть и рушиться. Здесь, в настоящем времени, мы все погибнем, а во времени короля Ая хаос завладеет жизнями твоих возлюбленных отпрысков, хаос, один только хаос сделается тем наследством, которое оставишь ты своим детям!

— Вы лжете! — надсадно воскликнул Матт, но голос его пресекся рыданиями: он знал, что все сказанное ему не было ложью. Но если даже начальник и преувеличивает что-то, в одном он, несомненно, прав. В том, что именно необходимо для победы в этой войне...

— Матт? Это снова Дэррон. То, что ты только что слышал,— правда. Прости, не знаю, что тебе еще сказать...

— Милый друг, тебе больше нечего говорить!

Резко повернув медное крылышко на шлеме, Матт отключил связь. Слезы текли по его лицу.

Слишком поздно. Он заставил их замолчать слишком поздно. Матт медленно встал с земли и увидел торопливо шагавших к нему Харла и Торлу. Несомненно, они прятались где-то неподалеку и слышали страшные слова его молитв.

— У меня болит нога,— сказал он им мягко,— думаю, будет лучше, если мы пойдем по берегу.

Ведомый двумя верными друзьями, Матт медленно спускался туда, откуда доносился шум прибоя. Его нога, действительно, сильно болела, но теперь такая мелочь уже не имела значения. Он неспеша и с удовольствием вжимал, вдавливал горячо гудевшие от усталости ступни в плотный прибрежный песок. Время сомнений и колебаний прошло, и через всю его душу буйной, нестройной и пестрой ватагой проносились воспоминания...

Вот он вытаскивает каменного человека из норы ядовитого диггера двадцать тысяч лет тому назад. Вот он... Нет, все-таки ему кажется, что настоящая жизнь началась там, в Операциях. Он смог увидеть новое человечество. Ему удалось,— правда, только отчасти,— узнать, что такое дух Бытия. Он смог стать королем, и женщина с душой королевы, глядела на него полными любви глазами...

Не прошли они вдоль берега и сотни ярдов, как вдруг прибрежная скала бесшумно сдвинулась со своего места и превратилась — Матт ничуть не удивился этому превращению — в кошмарную голову на конусообразной колонне-шее. Громадная, покрытая чешуей глыба поднялась из воды и с неслыханной быстротой кинулась к людям.

Дракону не нужны были ни Торла, ни Харл, и Матт приказал им бежать прочь.

— У меня есть кинжал,— успел сказать он своим товарищам,— а ваши меч и топорик пригодятся вам больше, чем мне!

Матт крепко стиснул рукоять кинжала, направив его острие прямо себе в грудь. Голова чудовища, плотно натянутая на причудливо изогнувшуюся шею, приблизилась к нему. Монстр приготовился осторожно, стараясь не причинить какого-либо вреда, взять Матта, точно кошка — котенка, на прикус. Меч и топорик, бросаемые в дракона, в десятый раз уже отскакивали от его толсто-

го влажного панциря, на роговых пластинках которого дробился и переливался мертвенный лунный свет. Матт почувствовал в своей душе прилив глубокой, бескрайней, последней усталости и по-своему даже обрадовался разверстой перед ним пасти-могиле, которая, как он мог ясно видеть теперь, оказалась лишена зубов. Его так и подмывало прямо и просто войти в этот выстланный алой парчой драконьих десен и неба гроб и уснуть там навеки. Но Матт дождался того момента, когда берсеркер мягко сжал его своими челюстями, и только потом с силою вонзил кинжал в собственное сердце...

— Оно убило его,— вначале командующий Временными Операциями произнес несколько растерянно и недоуменно эти слова, как бы не будучи в силах до конца проникнуть в их смысл. Но потом они вырвались из его груди бешеным криком: — Оно убило его, оно убило его!

Другие наблюдатели, увидев на экранах своих компьютеров очевидные доказательства страшной победы Операций, застыли в оцепенении. Перед их глазами появлялись теснившие друг друга извивы и петли графиков, отображавших совершенно точно и определенно местонахождение замочной скважины, проклятой космической бреши во времени.

В глубокой пещере на Второй Операционной Ступени железные руки придерживали с двух сторон ракету. На полу появилось и задрожало серебряное пятно. С гулким лязгом и звоном руки, разжавшись, выпустили свой груз. Упав в серебряный круг, ракета исчезла.

Дэррон тоже увидел на экране этот космический пролом и отлично понял, что за победу одержали Операции! На экране все аномальные изменения, происходившие после гибели Матта, выглядели, как пузырьки кипящей воды. Спутанные зеленоватые нити понемногу начали выравниваться, из безобразных косматых куделей стала появляться чудесная пряжа. Похоже, богини судьбы, долго валявшиеся пьяными, наконец-то просохли, протрезвели и с новым рвением взялись за работу. Быстро и уверенно история возвращалась в свое перво-

начальное русло. Всего только одна нить оборвалась на экране, и нужно было очень пристально вглядываться в графики, чтобы не упустить такой крохотной детали.

Очевидный образ нити не оставлял места сомнениям, но все же рука Дэррона потянулась к кнопке связи с Третьей Ступенью.

— Эльф? Слушай, ты дашь мне знать, в каком он состоянии?..

— Понятно, хорошо...

Майор ждал, оставив линию Третьей Ступени незанятой и уткнувшись невидящим взглядом в экран. Вокруг него, в нейромстрическом центре Операций, уже начинали игриво пениться первые волны ликования, захлестывая понемногу даже самые сдержанные и дисциплинированные души. Радость победы, вяло подумал Дэррон.

— Одегард?

Эльф говорил очень медленно. Да и на связь вышел с большим опозданием. Всего лишь в двух-трех словах он поведал Дэррону о гибели Матта, зато весьма обстоятельно дивился тому, какой выдержкой, мол, и каким самообладанием должен отличаться человек, чтобы так продуманно и трезво вогнать нож в собственное сердце...

Дэррон отключил связь и устало откинулся в кресле. Кое-кто из победителей закурил тем временем, глотая с вальяжной жадностью дым, а один придурок даже предложил всем выпить по стакану пунша. И действительно, через пару минут, как-то нелепо улыбаясь и пошатываясь — так ли уж и от одной усталости? — невольно возникал вопрос,— в центр, со стаканом в руке, вошел начальник Временных Операций. Улыбка мигом сошла с его лица, как только он оказался у кресла Дэррона.

— Он был очень хорошим человеком, Одегард,— проговорил командующий, странно запинаясь, причем вновь возникал невольный вопрос: так ли уж и от одной скорби? Может быть, еще от стыда запинаясь? И еще от чего-то касавшегося содержимого его стакана? — Не многие, продолжал начальник, смогли бы выполнить и тысячную долю того, что сделал он. И в жизни, и даже в самой смерти!

Командующий поднял стакан над головой и торжественно отхлебнул из него, глядя на прерванную едко-зеленую линию на экране.

— Конечно,— подытожил он,— чуть позже состоится известная церемония, и не исключено, что будет воздвигнут памятник...

— Дело в том,— сказал Дэррон,— что мне, действительно наплевать, уцелеет наш мир или нет. Мне всегда был небезразличен лишь человек сам по себе, человек как личность, как единица, а не как часть целого...

Скорее всего начальник не расслышал этих слов из-за все нараставшего в центре гула ликующих голосов.

— Вы сделали все, что от вас требовалось, майор! И даже гораздо больше, чем требовалось. Молодцом, Одегард! Так держать!.. Мы здесь во Временных Операциях собираемся расширяться, и нам понадобятся толковые ребята на важные посты. Я собираюсь предложить твою кандидатуру...

Номис стоял, подняв руки к небу. Седая борода и черное одеяние развевались на ветру. Он по-прежнему пытался вызвать злых духов из морской пучины, и был занят этим последние три дня, взбираясь каждое утро на вершину давно облюбованного им таинственного утеса. Номис был настойчив в своих попытках, хотя ему никак не удавалось избавиться от чувства, что все его труды, направленные против Ая, напрасны...

На крепостном валу стояла принцесса Эликс и пристально вглядывалась, щурясь от солнца, в морскую даль в надежде увидеть там, в сизой дымке, мачту или парус — зыбкий очерк приближающегося корабля. Внутренне трепеща, она ждала, когда же наконец увидит своего будущего супруга и короля...

Харл знал, что скалы Куинсленда были еще бесконечно далеко несмотря на то, что они плыли уже целые сутки. Он нахмурился, заметив мелкую рябь на поверхности моря. Линию горизонта прерывали только отдаленные очертания скал. Потом лицо Харла прояснилось. Он подумал, что молодой лорд Ай обдумывает сейчас в своей пурпурной палатке битву, которая обязательно состоится.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Босой человек, одетый в серое монашеское одеяние, наконец взобрался наверх и замер, глядя на раскинувшуюся перед ним землю. В этом направлении каменная дорожка, по которой он шел, почти упиралась в свинцовое небо. Она исчезала за одним пологим холмиком и появлялась на другом, прокладывая себе путь сквозь скудные леса и бесплодные поля. Эту дорогу мостили еще в дни великой славы и процветания Континентальной Империи. Немногое уцелело за прошедшие века.

Дорога вела к высокой башне с острым, одиноко торчавшим храмовым шпилем. Не теряя этого шпиля из виду, монах шел уже полдня, но все еще не слишком приблизился к заветной цели.

Монах был человеком среднего роста и крепкого телосложения. По его внешности возраст угадывался с трудом, но, по-видимому, путник вступил уже в свой третий десяток. Лицо с тощей бородкой казалось усталым, а одежда — худые ризы его — была испещрена пятнами грязи: вдоль дороги, на полях, грязь лежала чуть не по колено. Видно, эти поля давно никем не вспахивались.

— Благодарю тебя, Господи, что помогаешь одолевать мне этот нелегкий путь,— бормотал монах. Ступни его были такими же твердыми, как и подошвы новых ботинок.

Кроме далекого шпиля единственным признаком человеческого присутствия в этих неприветливых землях было нагромождение низких полуразрушенных стен какого-то старинного здания, стоявшего у дороги. Разрушено оно было, видимо, еще в дни славы и могущества Империи, и служило чем-то вроде придорожной гостиницы или постоялого двора. Совсем недавно, может быть, дней десять назад единственная накренившаяся стена тоже рухнула, обратившись в гору щебенки. Не

трудно было догадаться, что еще до появления первой весенней травки руины утонут в грязи.

Решив немного отдохнуть, монах уютно устроился среди развалин. Казалось, следы разрушительной работы неумолимого времени вызвали в нем некоторое сочувствие и жалость. Он жилистой рукой поднял с земли приглянувшийся ему камень, ловко заткнул им небольшую выбоину в стене и, слегка откинув назад голову, взыскательным взором оценил то, что у него получилось.

Далекий оклик заставил его обернуться и посмотреть на дорогу. Высокая фигурка человека точно в таком же, как у него, одеянии, спешила к нему и, изо всех сил стараясь быть замеченной, махала руками. Худое лицо первого путника просветлело при мысли о возможной компании. Он помахал в ответ и стал ждать.

Вскоре в приближающемся монахе сделалось возможным разглядеть человека среднего роста, полного и гладко выбритого.

— Хвала Господу Нашему, уважаемый Брат,— воскликнул толстый и безбородый, как только оказался на достаточном, чтобы быть услышанным, расстоянии.

— Хвала Ему,— в голосе тонкого и бородатого сквозили неизъяснимые теплота и добросердечие.

Вновь прибывший оказался также человеком лет тридцати. Он тяжело опустился на полуразрушенную стену и с любопытством спросил:

— Если я не ошибаюсь, вы — брат Джованн Эварт!

— Да, так меня называют.

— О, слава Богу,— толстый монах перекрестился и поднял глаза к небу.— А меня зовут Сэйл. Итак, да святится имя Господне!

— Воистину, брат!

— Воистину,— потому что только благодаря Ему я дошел до тебя! А еще многие придут. Брат Джованн, люди со всех концов света следуют за тобой. Слух о твоей святости распространился повсюду, даже до земли Моснар, даже до владений неверных. А здесь, в наших землях, даже в отдаленных заброшенных деревеньках — даже самый неграмотный крестьянин знает о тебе.

— Боюсь, что не только о моих добродетелях, но и моих грехах знают здесь, так как я родился недалеко отсюда.

— Ох, Брат Джованн, вы слишком смиренны. За

время моего трудного пути сюда я много раз, вновь и вновь, слышал о вашем беззаветном служении Господу!

С заинтересованным выражением лица Брат Джованн опять присел на камни разрушенной стены.

— Почему ваш труд сюда был таким долгим и трудным?

— О, нелегко сказать. Впервые желание отправиться в столь дальнюю дорогу загорелось во мне несколько месяцев назад, когда я узнал из достоверных источников, от очевидцев, как вы, сражаясь в армии Правоверных, покинули их ряды для того, чтобы, пройдя через безлюдное поле, явиться прямо в логово к язычникам. Там вы вошли в палатку самого предводителя варваров и проповедовали ему учение Святой Церкви.

— И не сумел обратить его в нашу веру,— печально вздохнул Джованн.—Вы хорошо сделали, что напомнили мне о моей неудаче, а то я уже было впал в греховную гордыню.

Сэйл немного подался вперед.

— Как я уже сказал, Брат Джованн, быть в числе первых присоединившихся к твоему ордену людей стало моим единственным неотступным желанием, какой-то почти навязчивой идеей! — Брови Сэйла вопросительно поднялись: — Ведь это правда, что вы сейчас идете в Город Империи, чтобы просить у нашего святейшего Викария Набура разрешения основать новый религиозный орден?

Глаза Джованна были устремлены к далекому шпилю.

— Однажды, Брат Сэйл, Бог велел мне перестраивать храмы из камня и кирпича. Теперь, как ты говоришь, к преобразованию мира меня зовут люди. Если ты хочешь вступить в новый орден, я не буду возражать. Но если ты решишь еще и разделить со мной путь в Город Империй, то я, удостоясь такой компании, почту себя счастливейшим из смертных!

— Это я, я почту себя счастливейшим из смертных! Сопровождать вас — небывалая честь для столь жалкого и преисполненного всяческой скверны существа, каковым я являюсь.

Оба монаха двинулись в путь, причем толстый и безбородый еще около полумили докучал тонкому и бородатому своими велеречивыми излияниями, перемежая

благодарные возгласы с основательной и очень многословной ревизией всех собственных прегрешений — хотелось надеяться, мнимых. Потом, как-то внезапно исчерпав столь, на первый взгляд, глубокие предметы, он мигом перешел к рассмотрению вопроса о том, насколько вероятен дождик нынче, и сам себе отвечал, что да, весьма даже вероятен.

— Крайне неприятная штука,— определил толстяк, как бы выражая этими словами свое отношение к атмосферным осадкам вообще, и в качестве особенного яркого и убедительного штриха добавил: — тем более когда негде укрыться!

Тонкий и бородатый согласно кивал головой.

Далее путники попытались заговорить также и о том, где и каким образом в этой пустыне несчастная нищенствующая братия в лице Джованна и Сэйла будет искать себе пропитание, но разговор этот как-то подозрительно не задался, и оба монаха приуныли.

Внезапно какой-то сильный грохот заставил их встрепенуться. Они разом повернули головы назад и увидели бешено летевшую на них по дороге карету. Карета не была богато украшена, но зато выглядела прочной и крепкой. Похоже, она принадлежала какому-нибудь знатному господину или среднего сана священнику. Услышав шум, монахи успели уступить дорогу. Четверо лошадей неслись с огромной скоростью и колеса кареты громыхали по булыжникам каменной дороги. Когда карета поравнялась с ними, Брат Джованн почувствовал, что не отрываясь смотрит на незнакомца. Тот сидел прямо, из окна виднелся лишь его локоть и профиль. Насколько Джованн мог судить, человек этот был крепко сложен, в дорогих, ладно скроенных одеждах. Несмотря на пожилой возраст, коротко остриженные волосы сохранили рыжий цвет, хотя в бороде уже резидировала седина. Его толстые губы шевелились, будто он собирался, презрительно сплюнув, вступить в спор, даже в язвительную перебранку.

— Они могли бы и подвезти нас,— раздосадованно пробормотал Брат Сэйл, глядя вслед удалявшейся карете.— Места хватило бы. Там ведь было не больше двух человек?

Брат Джованн пожал плечами — он не успел заметить, был ли там, действительно, еще один пассажир. Его занимало только выражение глаз рыжего господина.

Казалось, эти глаза никогда не видели монахов. Они смотрели колко и властно в дальнюю даль, в сторону святого города, прятавшегося за горизонтом. Джованну почудилось, что на самом дне этих, таких чистых и холодно-ясных глаз затаился страх.

Когда Дэррон вышел из Операций, он довольно плохо представлял себе, куда направляется. Только оказавшись возле больничного комплекса, он понял, что ноги сами ведут его к Лизе. Хотя так, наверное, и лучше: увидеть ее и покончить разом со всем.

В комнатах обслуживающего персонала он узнал, что она вчера переехала после того, как ей разрешили оставить здесь работу. Быстро поступив на другую службу, Грэй теперь делила комнату с другой девушкой на верхнем этаже.

Дэррону открыла дверь новая соседка Лизы. Девушка, что-то колдуя над своими волосами, отошла в дальний конец комнаты и делала вид, что не слушает.

Должно быть, Лиза все поняла по его взгляду. Сразу же ее лицо стало непроницаемо, точно маска. Она все еще стояла у полураскрытой двери.

— Матт,— сказал Дэррон. Реакции не последовало, и он продолжал: — Да, сражение выиграно. Берсеркеры остановлены. Но он пожертвовал своей жизнью. Он мертв.

Гордое и крепкое, словно высеченное из камня, лицо Лизы медленно повернулось в его сторону.

— Конечно, он выполнил ваше задание. Я знала, что так будет.

— Лиза, пойми, когда я шел к нему с этим предложением, то мне думалось, что у него есть шанс, и шанс неплохой.

Ее лицо не могло долго оставаться неподвижным. С чувством, похожим на облегчение, оно ожило и голос стал прежним. Лиза произнесла:

— Я знала, что вы убьете его.

— Господи, Лиза! Я не хотел этого делать! — Дэррон удержался, чтобы не протянуть к ней руки.

В отчаянии Лиза прислонилась спиной к дверному косяку.

— И теперь — теперь ничего уже не поделаешь...

— Врачи пытались спасти его, но не вышло. И Опе-

рации не могут ничего сделать для Матта. Даже в Прошлом. Если они попытаются, то рухнет весь мир!

— Мир не достоин его!

Он пробормотал какую-то банальность и уже протянул руки, желая утешить Лизу, как вдруг дверь с треском захлопнулась у него перед носом.

Если бы Лиза была той женщиной, о которой грезил Дэррон, он не ушел бы и заставил ее отпереть дверь. Не отперла — выбил бы: дверь всего-то пластиковая. А за ней Лиза. Живая. Несмотря ни на что.

Но однако та женщина, которая была нужна ему по-настоящему, уже больше года находилась совсем за другой дверью — за дверью смерти. И ни один человек не может вышибить эту дверь. Человеку позволено лишь в скорбном оцепенении стоять перед ней, пока живая жизнь вновь не увлечет его в свою веселую суматоху и толчею.

Дэррон какое-то время неподвижно сидел в своем кабинете, бессмысленно уставясь в пространство. Но вдруг взгляд его упал на незнакомый конверт, оставленный, должно быть, курьером у него на столе. Конверт был тяжелым и толстым и адресовался именно ему, Одегарду. После того, как несколько минут Дэррон безвольно смотрел на него, конверт сам вполз ему в руки и вскрылся.

В нем оказалось официальное извещение о повышении Одегарда в чине до полковника: «...за выдающиеся заслуги... в недавней кампании... и с надеждой на будущие...» Набор полковничьих атрибутов прилагался здесь же.

Дэррон долго сидел, зажав в ладони значок полковника и неотрывно глядя на древний крылатый шлем, лежавший на книжном шкафу.

Вдруг по Операциям разнесся настойчивый резкий сигнал, заставивший новоиспеченного полковника автоматически вскочить на ноги. В следующую минуту он уже бежал в инструктажную комнату.

Опоздавшие все еще подходили в то время, когда командующий состава Операций взобрался на кафедру и стал говорить:

— Джентльмены, третья атака, которую мы с вами ожидали, началась. Это будет последнее наступление берсеркеров, предпринятое ими из Прошлого. Победа их ждет или поражение, мы не знаем. В этот раз нужно

срочно выяснить границы их размещения в Прошлом на пороге двадцать первого тысячелетия.

Послышались оптимистические возгласы.

— Я думаю, еще не время веселиться. По-видимому, в этом наступлении враг применит новую тактику, нечто более утонченное, чем прежде, и чрезвычайно опасное.

Командующий развернул поспешно составленные карты и продемонстрировал наспех собранные макеты.

— Как и первая атака, эта тоже будет направлена против одной личности. И снова у нас нет сомнений в исторической значимости этой личности. На этот раз ее имя Винсент Винсенто.

Слушатели бросились повторять это имя на разные лады, кто — с оттенком интереса, кто — удивления, а кто — трепета. Наверное, все население Сиргола отреагировало бы как-нибудь на это имя. Даже любой необразованный человек на планете слышал о Винсенте, хотя тот умер уже более трехсот лет назад. И никогда не был ни предводителем народов, ни основателем новой религии, ни даже простым военачальником.

Дэррон насторожился. Он выпрямился, апатия улетучилась. В довоенное время, изучая историю, он специализировался на эпохе Винсенто и той местности, где жил ученый. Странным образом это место впоследствии связалось с его личным горем.

Генерал продолжал говорить деловым тоном:

— Жизнь Винсенто относится к одной из немногих ультраважных в истории. Вот почему мы обязаны продолжить военные действия. Мы должны охранять этого человека как можно надежнее. Конечно, это не значит, что берсеркер не сумеет достать его. Но если наш противник попытается что-то сделать с Винсенто или с любым другим человеком, который окажется в паре миль от него, мы за несколько секунд выявим местонахождение врага и покончим с ним.

Специальная защита Винсенто начинается со времени его детства и продолжается до того момента, когда им был внесен последний значительный вклад в историю, что случилось с ним в возрасте семидесяти восьми лет. Нетрудно предположить, что противник знает о существовании этой защиты. Вот почему я сказал, что на этот раз планы берсеркеров будут весьма изощренными.

Объяснив некоторые технические детали, касавшиеся охраны Винсенто и защиты его от прямого нападения,

генерал приступил к обсуждению следующего вопроса.

— Враг проник во время Винсенто где-то за десять дней до известного испытания его Хранителями Веры. Это может оказаться просто совпадением. Предположим, что враг сможет, например, изменить результат этого испытания — вынести Винсенто смертный приговор. Если Хранители решат сжечь его на костре, берсеркер, по наущению которого или даже под прямым гипнозом единственно и может быть вынесено такое решение, останется все недостаточно запятнан для того, чтобы мы сумели его обнаружить. И еще заметьте: сам по себе смертный приговор необязателен для достижения противником своей цели. Винсенто ко времени этого испытания исполнится семьдесят пять лет. Если его будут пытать или просто бросят в темницу, то шансы наступления естественной смерти весьма велики.

Генерал, сидевший в первом ряду, поднял руку:

— А в действительности ему пришлось все это испытать?

— Нет. Это просто выдумка. Винсенто ни единого дня не провел в тюрьме. Во время путешествия он жил в комнате друга, а после своего отречения проводил оставшиеся годы в очень комфортабельном арестантском доме. Там он ослеп, по естественным причинам, и заложил основы новой науки — динамики. На этих его трудах и основываются наши современные физико-химические науки да и вся методика выживания. Вот здесь не ошибитесь: именно эти последние годы жизни Винсенто после его испытания и имеют для нас первостепенное значение.

Генерал, задавший вопрос, поерзал на стуле.

— Но как,— осведомился он,— машина из другого времени может повлиять на решение суда, тем более производимого над духовным лицом.

Докладчик пожал плечами и мрачно уставился в свои записи.

— Ну, здесь,— промямлил он,— идей у нас хватает. Мы думаем, что берсеркер не будет на этот раз играть какую-то неестественную роль. Он уже потерпел неудачу в прошлой битве. И здесь надо учесть один факт: в наступлении действует только одна вражеская машина и, как показывают все наши экраны, машина очень небольшая, размером с человека. Невольно возникает подозрение, что и в самом деле будет использован слож-

ный человекоподобный робот. Да, я знаю, берсеркерам никогда не удавалось пока создать такого робота, который по внешнему виду и повадкам не отличался бы от человека и мог беспрепятственно внедряться в тот или иной социум. Но все же нельзя сбрасывать со счетов и этот вариант. А вдруг берсеркеры справятся с подобной задачей?

Разговор постепенно перешел в споры о контрмерах. На Второй Ступени Операций содержалось большое количество всевозможных устройств и аппаратов, всегда находящихся в состоянии боевой готовности для перемещения их в Прошлое, но никто еще не знал, что же нужно конкретно.

Офицер на некоторое время отложил в сторону свои записи.

— Единственное светлое пятно здесь — это тот факт, что нападение берсеркера происходит как раз в тот промежуток времени, куда мы можем отправить ныне живущих людей. Естественно, мы все просчитаем: сколько человек нужно отправить, чтобы обеспечить нашу главную защиту. Задачей этих людей будет пристальное наблюдение за Винсенто с близкого расстояния. Они должны будут сразу же замечать любые серьезные искажения в ходе действительной истории. Те, кого мы выберем, обязаны хорошо знать этот исаторический период и иметь некоторый опыт работы во Временных Операциях...

Слушая докладчика, Дэррон глядел на нагрудный значок полковника, все еще зажатого у него в ладони. Потом наконец прикрепил его к форме.

Пройдя около двух миль, Брат Джованн и Брат Сэйл поднялись еще на одну горку и увидели, что они догнали карету, которая недавно с бешеной скоростью пролетела мимо них. Распряженные кони паслись рядом, пустая карета стояла у поломанных ворот монастыря, припавшего к земле под тяжестью шиферной кровли.

На вершине далекого холма был виден Храм города Ойббога. На фоне низкого неба грациозные очертания Храма казались парящими над всей мирской суетой и заботами. Огромный купол сиял под солнцем.

Старая дорога, пересекая двор монастыря, как раз у подножия холма сворачивала влево и вяло взбегала на

мост, все шесть опор которого заглотила неимоверно вздувшаяся река. Бурно клокотавшая вода напирала на мост, даже перехлестывала через него, так что на горе пешеходам и всякого рода проезжающим он был теперь постоянно влажен и скользок. Сильно подмытые берега реки осели, грозя и вовсе уничтожить эту бедную постройку.

На той стороне реки, на возвышенности, в безопасности, стоял каменный город Ойббог. Можно было различить людей, спешивших по его улицам. У раскрытых ворот стояло много карет и экипажей.

Брат Джованн увидел, что небо постепенно начинает затягиваться зловещими тучами. И вот разразился ливень. Струи хлестали по мостовым и прохожим, заставляя последних поскорее разбегаться по своим домам.

— Брат, Река не позволит нам сегодня перейти на тот берег!

Ливень зарядил с новой силой, точно водопад. Натянув на головы сутаны, двое монахов побежали. Джованн был босиком, а Сэйл шлепал подошвами сандалий. Монахи присоединились к владельцам кареты, прятавшимся под защитным навесом, который только и смог им предложить заброшенный монастырь.

В ста милях от этого монастыря, в Святом Городе Храма Божьего, день выдался жарким и душным. В роскошных покоях своих, подобно морскому шторму, бушевал в гневе сам Набур Восьмой — восемьдесят первый в череде Наисвятейших Викариев. Этот гнев копился в нем долго и наконец с невиданной силой вырвался наружу. Свидетелем этой вспышки был лишь Хранитель Веры Белам, самый осторожный и наиболее преданный слуга и друг Набура. Одетый в пурпурную мантию принца, он стоял подле своего хозяина и, опустив голову, смиренно выслушивал тяжелые, налитые, если так можно выразиться, праведной желчью тирады Викария о бесчисленных противниках Святой Веры, о гнусных еретиках.

Внезапно Набура отвлекло что-то. Он услышал странное шарканье, шлепки и стук, вместе с криками рабочих доносившиеся с улицы в его покои. Набур вышел на балкон, чтобы узнать, что происходит на улице.

Еще раньше Белам видел рабочих внизу, разгружавших массивные мраморные блоки с повозок. Сегодня один известный скульптор должен будет выбрать один подходящий блок и начать работу над статуей Набура. Ну и что же, каждый из восьмидесяти его предшественников желал оставить потомкам память о себе и своей великой славе.

Викарий вдруг резко обернулся в сторону Белама. Взлетели полы священского платья и на принца глянули бесстрастные непроницаемые глаза.

— Когда закончатся работы над статуей,— сердито заявил Викарий,— мы установим ее на Главной Площади города, что бы люди видели, как растет число... нет, как множатся крупные, видные личности в их Истории!

— Да, мой Викарий.

Белам говорил очень спокойно. Уже несколько десятилетий он находился в почетнейшей должности Хранителя Веры и Принца Храма и видел, как сменяли друг друга все эти «видные личности». Резкий тон Викария не мог его возмутить.

Набур почувствовал необходимость с надлежащей четкостью все объяснить своему помощнику.

— Белам, необходимо, чтобы люди не забывали оказывать нам должного и, кстати, более чем заслуженного уважения. Неверные и еретики раздирают на части мир, попечение о котором Господь Бог возложил на наши плечи.

— Мой Викарий, я знаю твердо, что наши верующие и наши армии численно превосходят врага.

— Превосходят? — странно гримасничая, Викарий направился прямо на собеседника: — Конечно! Когда-то! До некоторого времени! Но сейчас, Белам, наш Святой Храм истекает кровью и страдает, а мы,— голос его перешел в еле слышный шепот,— а мы обязаны вынести немногое, Белам. Или нет, напротив, слишком многое. Ты не сможешь понять этого, пока не взойдешь на трон.

Белам смиренно поклонился.

Викарий вновь взволнованно зашагал по зале. Полы его одеяния взлетали при ходьбе. Да, теперь у него появилась цель. Да, да,— прицелившись, он хищно схватил со стола небольшую тонкую книжицу — несколько собранных под одной обложкой еретических памфлетов. Страницы в этом сборничке были сильно замяты, да

и вообще книжица имела такой вид, будто кто-то комкал ее, швырял на пол и чуть не топтал ногами.— Ну, с кем не случается разлития все той же праведной желчи?

Сильный грев, хотя бы даже и праведный, всегда лепится из маленьких язвочек, обид, порою довольно мелочной раздражительности. Последней каплей, накренившей чашу терпения Набура, явился именно этот сборник памфлетов.

— Вас не было здесь,— потрясал Викарий богопротивной книжонкой перед носом Белама,— и мы не могли обсудить с вами эту вот мерзость. Мы получили от Мессира Винсенто нож в спину. Это так называемый «Диалог о Движениях Времени». Вы читали его?

— Я...

– Несчастный глупец ровным счетом ничего не знает о Времени и цель у его писаний одна: насаждение в умах доверчивых людей всяческой ереси. Он рисует им нашу землю,— между прочим, имеющую о себе несомненную заботу Всевышнего,— в виде некоего огромного кома глины, оседлав который, проницательное человечество, кстати, и мы с вами, беспрестанно вертится вокруг солнца. И нет этому верчению конца, как нет, конечно же, предела и скудоумию сочинителя, которому, к слову сказать, мало даже описанных выше гнусностей. Да, ему еще мало!

Белам, теперь уже серьезно озабоченный, нахмурился:

— Что еще, мой Викарий?

Набур сердито уставился на него, будто Белам и был во всем виноват.

— Что еще? Я скажу тебе! Дело в том, что памфлет построен в виде жаркого спора неких трех персонажей о каких-то там примечательных особенностях, открывшихся одному из этих персонажей в Движении Времени — самому наблюдательному и самому догадливому, то есть автору. Двое же других персонажей — сущие дураки, которые отстали от новейших взглядов на мир и только знай долбят свое унылое Святое Писание, где глупость громоздится на глупости, ошибка на ошибке и т. д. Не буду кощунствовать, повторяя богомерзкие словечки Мессира Винсенто. Ну так вот эти-то двое, Белан, выписаны с более чем прозрачным намеком на нас.

— О мой Викарий!

— Да,— энергично кивнул Набур,— в уста этих персонажей вложены порой наши собственные изречения!

Белам с сомнением покачал головой.

— Винсенто никогда не скромничал в своих спорах,— сказал он,— а их, этих споров, было достаточно много. Много? Нет, пожалуй, они были просто продолжительными. Но я убежден, что ни в этом памфлете, ни где бы то ни было еще он не ссылался на вашу персону лично, равно как и на Святыню.

— Я знаю, чего он здесь добивается! — Набур почти провизжал эти слова. Затем самый известный в мире человек, возможно, самый ненавидимый, возможно, самый занятой и более всех обремененный выполнением Богом возложенных задач, не сдержавшись, вдруг громко застонал и, как обиженный ребенок, бросился в кресло.

Но довольно скоро обиженный ребенок умер в нем, тогда как лоск и высокомерие выжили, окрепли, потучнели. Даже тень раздражительности исчезла.

— Белам?

— Да, мой Викарий?

— Было ли у тебя время ознакомиться с этим памфлетом, пока ты путешествовал? Говорят, он довольно широко разошелся...

Белам скорбно склонил голову.

— Тогда выскажи свое мнение.

— Я богослов, мой Викарий, а не философ. Вот почему я разговаривал с астрономами и некоторыми другими образованными людьми, и теперь у меня сложилось довольно твердое собственное мнение по этому вопросу. Я считаю, что доводы Винсенто, приведенные в памфлете относительно времени, абсолютно ничего не доказывают в движении небесных тел и даже не вполне верны по отношению к самому времени.

— Он думает, мы все дураки, и нас ослепят его трескучие словеса. Мы-де примем всю ту чушь, которую он нам подсовывает, за чистую монету, так и не догадавшись, что над нами попросту насмеялись!

Белам предпочел не обращать внимания на версию Викария о том, что цель памфлета — будто бы одно святотатство, кощунническое насмешки. Хранитель знал, что смысл сочинения заключался в чем-то другом.

— Как наш Викарий, должно быть, помнит, несколько лет назад мне пришлось писать Винсенто насчет его

идеи о центральном положении Солнца во Вселенной. Тогда, как и сейчас, я интересовался его идеями; они касались меня как Хранителя Веры.

— Да, я прекрасно помню тот случай. Кстати говоря, Мессира Винсенто уже вызвали к нам с целью проведения суда над ним. Мы заставим его отречься от своих сочинений... Позвольте узнать, Белам, в каких именно выражениях ты предостерегал этого еретика?

Белам задумался ненадолго, а потом заговорил медленно и четко:

— Во-первых, я писал ему, что астрономы вольны публиковать все, что, по их мнению, имеет отношение к небесным телам, но при одном условии: научные гипотезы должны оставаться научными гипотезами, а не рядиться без толку в вероучения! Во-вторых, утверждения о том, что Солнце в действительности находится в центре Вселенной и что наша планета в действительности поворачивается с запада на восток, совершая за год оборот вокруг Солнца, такие убеждения уже совсем не похожи на гипотезы!

— Ваша память даже более чем просто блестящая, Белам! Когда вы в последний раз читали это письмо?

— Пятнадцать лет назад, мой Викарий,— улыбнулся Белам,— хотя я должен признаться, что сегодня утром перечитывал копию этого документа в наших архивах.

Он вновь стал абсолютно серьезен.

— И, наконец, в-третьих, я писал Винсенто, что если существуют какие-либо доказательства его идеи о центральном положении Солнца во Вселенной, мы вынуждены будем изменить интерпретации соответствующих отрывков Священного писания. В прошлом мы уже делали подобные вещи в отношении, например, идеи об округлости земли. Но при отсутствии таких доказательств традиционная точка зрения останется неизменной.

Набур слушал очень внимательно.

— Мне кажется, Белам, что ты все очень хорошо ему написал.

— Благодарю, мой Викарий!

На лице Набура появилось злорадное выражение.

— В своем памфлете Винсенто нарушил твои условия! Человек, в чьи уста он вкладывает собственные идеи, не приводит убедительных доказательств, по крайней мере, таких, которые могут взять на вооружение

простые смертные. Он на протяжении всего памфлета, подобно мячу, вертится у нас под ногами. Его главная цель — убедить в своей правоте читателя. Затем, на последней странице, наш тезис о том, что все в мире делается по воле Божьей, цитируется персонажем-дураком, который и вообще большей частью несет всякую чушь и которого автор рекомендует как человека «высокого интеллекта и весьма образованного». На это третий герой отвечает лишь благочинным молчанием и предлагает сделать небольшой перерыв в споре и немного отдохнуть. Только самый вялый и ненаблюдательный читатель может не заметить, что автор зло иронизирует над некоторыми из своих персонажей.

Впрочем, довольно об эмоциях. Скажи, Белам, допускаешь ли ты, что может существовать некое неопровержимое доказательство вращения Земли?

Белам едва заметно выпрямился.

— Мой Викарий,— ответил он уклончиво,— конечно же, мы будем судить Винсенто со всей строгостью, но он имеет право выступить на суде в свою защиту... Мой Викарий, в течение всех этих лет я старался не отставать от взглядов современных астрономов. Боюсь, многие из уважаемых мною ученых, как духовные лица, так и миряне, сделались врагами Мессира Винсенто. Он умеет и любит выставлять своего ближнего дураком. Он так высокомерен, что заявляет, будто эти новые устройства — телескопы — открыты им самим. Трудно выносить надменного и со всеми спорящего человека, тем более, когда он так часто оказывается не прав,— Белам на мгновение вскинул глаза на Набура, но тот вышеприведенную характеристику отнес исключительно к Винсенто.

Принц спросил: — Мой Викарий, это правда, что памфлет был принесен вам одним монахом-астрономом, которого оскорбил Винсенто, выиграв у него какой-то спор?

— Может быть, Белам, может быть. Обида, нанесенная этому монаху Винсенто,— не выдумка, хотя многие пытаются именно таковой ее и представить!

Теперь они вдвоем мерили покои своими шагами, иногда в рассеянности сталкиваясь друг с другом, как сошедшие с орбит планеты. Наконец Хранитель Веры произнес:

— Я поднял этот вопрос, чтобы показать, насколько

трудно будет нам закрывать глаза на беспристрастные показания других ученых по этому предмету. Очень не похоже, что они встанут на сторону Винсенто. Но несмотря на это, большинство астрономов в настоящее время производят вычисления, используя гипотезу о том, что планеты, или хотя бы некоторые из них, вращаются вокруг Солнца. Конечно, это не было открытием Винсенто, но если бы у него имелись ясные, простые доказательства хотя бы той толики правоты, которую он называл своей, то эти доказательства непременно нашли бы себе место в известном памфлете. Но и на этот случай у нас есть кое-какие соображения и возражения.

Белам всплеснул руками, не знавшими физического труда, но всегда крепко хватавшими то, что им нужно было схватить.

— Если наша планета за год сделала один оборот вокруг Солнца, то положение неподвижных звезд с каждым месяцем должно меняться по отношению к нам. Но такого перемещения звезд не наблюдается.

Викарий Набур удовлетворенно кивал.

— Конечно,— пожал плечами Белам,— на это можно возразить, что, дескать, звезды находятся слишком далеко, и мы не можем при помощи доступных нам средств заметить это передвижение. Винсенто всегда находит доводы, когда захочет... Боюсь, что ни один астроном не сможет доказать его неправоту, хотя многие хотели бы следать это. Нет, думаю, мы должны допустить, что внешний вид небесных тел остается неизменным, в то время как мы вращаемся вокруг Солнца. Но нет нам прощения, коли мы, не имея достаточно веских причин на то,— забудем Викарий, что таких причин не существует вовсе,— отвернемся от веры наших отцов и примемся толковать навыворот предельно ясные и простые слова Писания. Нет нам прощения — и так я писал Винсенто.

Голос Белама постепенно полз вверх, усиливался и наконец добрался до тех неотразимых интонаций, которые зазвучат в нем на суде.

— У нас, служителей Храма, есть только одна обязанность перед Богом — всюду ратовать за справедливость и проповедовать Священное Писание. И то, что я писал Винсенто пятнадцать лет назад, сегодня, мой Викарий, так же верно: мне никогда не предъявлялось ни одного доказательства движения Земли, а значит, я не

могу поверить, что такое движение реально существует!

Викарий вернулся к своему креслу. Выражение его лица сделалось менее напряженным. Он положил руки на подлокотники.

— Мне думается,— сказал он ровным голосом,— что именно ты и другие Хранители Веры должны будут провести этот суд.

Поначалу Набур говорил довольно мягко, но постепенно гнев снова вернулся к нему.

— Несомненно, его накажут как раз за неповиновение духовным властям: ведь он не внял твоим предостережениям и нарушил все три пункта послания! Однако помни: мы не хотим наказывать нашего блудного сына излишне строго.

Белам грациозно поклонился.

Набур продолжал:

— Поверим, что он просто упрямец и грубиян, что ему просто не достает известного смирения! Но он должен осознать, что не следует брать на себя роль высшей власти в решении всех вопросов, как земных, так и небесных... Наверное, он не раз пытался тебе читать лекции по богословию?

Белам наклонил голову в знак согласия, но мысленно предостерег себя от каких-либо шагов, которые могли бы обнаружить его личную заинтересованность в этом деле — в деле Винсенто.

— Да я могу предать проклятию имя всякого человека,— сказал Набур,— но в прошлом, Белам, мы сами были в числе тех, кто пел дифирамбы его открытиям. Мы предоставили ему благодарную аудиторию. Мы относились к нему с такой благосклонностью, какой едва ли заслуживают даже принцы. Мы даже написали в его честь Похвальное Слово! И что получили в ответ на все наши благодеяния?!

— Понимаю, мой Викарий!

— Понимаю, полковник Одегард, вы хотите получить задание к одному определенному периоду времени.

Полковник Лукас произнес эти слова, кутаясь в пелену сигаретного дыма, хотя вроде обращался к Дэррону официально. Он несколько раз, бывало, выпивал с Дэрроном, и теперь несколько затруднялся, чуть ли не совестился, что ли, выступать перед ним в роли экзаме-

натора по психологии. Если бы он в самом деле был близким другом Дэррона, то, наверное, полностью провалился бы как экзаменатор. Но найдутся ли у Одегарда сейчас среди живущих близкие друзья?

Чен Амлинг... одноклассник. Да... Боссом... приятель. Нет... Оказывается, близких друзей не имелось.

Лукас посмотрел на него.

— Да,— ответил Дэррон.

Лукас закурил новую сигарету.

— Два дня Винсенто провел в окрестностях города Ойббог. По дороге в суд произошла небольшая задержка: он не мог переправиться через разлившуюся реку. Есть ли у вас какие-нибудь особенные причины, в силу которых вам бы хотелось попасть именно в то время?

О да, у Дэррона были причины. Но о них он предпочитал не говорить вслух, тем более не собирался откровенничать сейчас.

— Да просто я хорошо знаю эту местность. Однажды мне пришлось провести там довольно длительный отпуск, а те края из таких, что не меняются даже через триста лет.

Впрочем, город Ойббог и Храм Ойббога все же разрушились, приложившись к праху столетий. Подлинной причиной были проведенные там дни с НЕЮ. Дэррон заметил, что почти сполз со стула. Мигом сел поудобнее и расслабился.

Щурясь от сигаретного дыма, Лукас без всякой видимой цели перебирал бумаги на столе, и наконец задал последний, самый неприятный вопрос:

— Но, может быть, у вас есть какие-нибудь причины для того, чтобы стать нашим агентом?

— Как я уже говорил,— подвинулся Одегард к спинке стула,— мне хорошо знаком данный исторический период. Думаю, я сумею неплохо справиться со своей работой. Как и все остальные, я желаю победы Сирголу в этой войне...

Дэррон чувствовал, что с языка у него слетают какие-то нелепые банальности, и, желая превратить все в шутку, он пояснил с ухмылкой:

— Думаю, мне необходим престиж. Заслуги. Достижения. Продвижение по службе. Ну, словом, я правильно говорю, да?

— Может быть,— с мрачным видом пожал плечами Лукас,— но, каюсь, я вообще не знал, зачем спрашиваю

о желании быть нашим агентом... Итак, полковник, только одну вещь хотелось бы мне выяснить, прежде чем рекомендовать вас командованию: каковы ваши личные религиозные убеждения?

— Я не религиозен вовсе.

— А что вы думаете о религии?

— Честно говоря, я думаю, что боги и храмы необходимы слабым людям, нуждающимся в чьей-нибудь поддержке. У меня такой необходимости не возникало.

— Понятно. Думаю, это значительный психологический момент, на который нужно обращать внимание, так как мы можем забросить в Прошлое человека, который сам склонен впадать в идеологическую лихорадку,— Лукас сделал жест рукой, как бы извиняясь, и пояснил: — Вы как историк лучше меня понимаете, как быстро всякие догмы и доктрины завладевают умами людей. Кажется, именно борьба религии и философии отбирает все силы и всю энергию людей того времени.

— Да,— кивнул Дэрров,— я понимаю, что вы имеете ввиду. Вы не приемлете фанатизм в любых его проявлениях. Ну что ж, и я не отношу себя к воинствующим атеистам, моя совесть вполне свободно позволит мне играть какую угодно роль. Я смогу быть и монахом, и ученым, и, если нужно, судьей, плюющим на Винсенто...

— Не думаю, что Операции будут настаивать на этих плевках. Ну ладно, Дэррон, хорошо! Вы подходите.

Дэррон почувствовал при таком ответе огромное облегчение, но изо всех сил пытался никак его не обнаружить.

Операции решили, что лучше всего он справится с заданием, играя роль путешествующего ученого. Ему дали имя — Валзай — и начали придумывать биографию. Предположительно он был родом из города Моснар, значительно удаленном от той местности, где жил Винсенто, но большая часть населения которого была предана Святой Церкви. Валзай должен был стать одним из тех странствующих интеллектуалов, каких в эпоху Винсенто хватало с избытком. Кочуя от одного богатого покровителя к другому, они иногда проходили огромные расстояния, преодолевая границы как государственные, так и языковые.

Дэррон и дюжина других агентов, преимущественно мужчин, начали стремительную подготовку к операции. Работая по одному или в паре, они должны будут не сводить глаз с Винсенто в предположительно критические дни его жизни до суда и после него. Во время суда — и вовсе готовность номер один. Каждый агент или группа находятся на задании день или два, а потом их сменяют следующие. Чен Амлинг, произведенный в капитаны, стал партнером Дэррона. Работать вместе им почти не придется, но они будут сменять друг друга, неся непрерывное наблюдение за Винсенто. Амлинг сыграет роль странствующего монаха, которых хватало с избытком в то время, и в большинстве своем они вели довольно свободный образ жизни.

Подготовка проходила с необычайной быстротой. В начале в череп и в нижнюю челюсть агентам встроили специальные датчики, что позволит каждому поддерживать связь с Операциями, не прибегая к излишне громкому шепоту или использованию различных малопривлекательных и очень неудобных устройств вроде шлема, например. Потом разучивались манеры и разговорная речь того времени, запоминались события, происходившие в дни жизни Винсенто, освежались в памяти знания о крупных достижениях и происшествиях в послевинсентовскую эпоху.

Как-то раз Дэррон услышал, что Лиза теперь работает в Операциях. Она присоединилась к другим девушкам-связисткам, которые передавали приказы или сообщали данные караульным и наблюдателям, роботам и живым людям, если те забрасывались в Прошлое для выполнения особо важных заданий.

Дэррон совершенно не имел свободного времени, но даже если бы оно и было у него, он бы и не подумал тратить столь драгоценные и полновесные минуты на разговор с Лизой. Он ощущал себя человеком, собирающимся на свидание со своей единственной настоящей любовью. Окружавшие его реальные люди из плоти и крови, в том числе и Лиза, отошли куда-то на задний план, тогда как умершее прошлое все больше и больше оживало для него.

Однажды, когда Дэррон и Амлинг сидели в мягких креслах на Третьей Ступени, отдыхая после поведенческой тренировки, мимо них прошла Лиза.

— Дэррон, я хочу пожелать тебе успеха.

— Спасибо. Пододвинь сюда стул, если хочешь да присядь.

Она присела. Амлинг решил, что ему нужно размять затекшие ноги, и удалился.

— Дэррон,— сказала Лиза,— я не должна была обвинять тебя в убийстве Матта. Я знала, что ты не хотел его смерти. Тебе было так же плохо, как и мне. То, что случилось с ним, не твоя вина.

Она говорила, как боец, потерявший на войне друга. Но не как девушка, жизнь которой рухнула после смерти любимого.

— Я только недавно справилась со своими переживаниями, ты знаешь, но это не оправдывает меня. Мне бы следовало понять тебя получше. Прости.

— Все в порядке,— Одегард поерзал на стуле,— действительно, это так... Лиза, я думал, что у нас могло бы получиться кое-что... Не совсем то, что происходит обычно между мужчиной и женщиной, но все-таки что-то хорошее.

Она смотрела в сторону. Слабая морщинка пересекала ее лоб.

— Я чувствовала то же самое по отношению к Матту...

— Ужасно,— вновь заговорил Дэррон,— но ничто не длится вечно. Я уже имел опыт такой скоротечности всего на свете. И как ты можешь заметить, увяз в этом по горло, запутался. Прости, но мне нужно бежать!

Полковник вскочил со стула и направился к Амлингу и другим парням, еще даже и не ждавшим его.

К вечеру костюмеры приготовили для Дэррона одежду, удобную для путешествия. В мешок положили достаточный запас пищи и фляжку с виски. Кошелек бережно спрятал в своей утробе несколько серебряных и несколько золотых монет, а также чек Имперского банка на довольно значительную сумму.

Чен Амлинг облачился в поношенную сутану. Полушутя-полусерьезно он попросил дать ему в дорогу набор игральных костей, ссылаясь на то, что ничего, мол, страшного, он будет не первым в истории монашком, оснащенным подобным образом. Но в Операциях скоро выяснили, что кости не являлись характерной забавой верующих даже во времена Винсенто, и Амлингу в просьбе отказали.

В довершение всего на шею Чену и Дэррону повеси-

ли небольшие деревянные крестики с вмонтированными в них миниатюрными микрофонами. Крестики были вполне некрасивы для того, чтобы не стать предметом вожделения грабителей и разбойников с большой дороги. А если кто-нибудь из современников Винсенто поинтересуется, откуда у Дэррона такая вещица? Амлинг-то, понятное дело, монах — он ответит, что это подарок жены.

На Третьей Ступени Одегарду и Чену выдали специальные посохи, которые тоже немногим отличались друг от друга по внешнему виду, но и тот, и другой оказались прекрасным оружием.

Агентов предполагалось забрасывать через каждые полминуты, хотя, конечно, в Прошлом они будут появляться в разных местах и в разное время.

Подготовка агентов проходила очень быстро, большей частью в индивидуальном порядке, так что у людей не было возможности узнать друг друга поближе. Но в течение последних минут перед отправкой все обменивались самыми наилучшими пожеланиями — удачи и успешной охоты на берсеркера. Чувствовалось необычайное взаимное расположение людей, теплая атмосфера товарищества.

Дэррон тоже ощутил это. Ему пришло в голову, что вот, опять у него есть хорошие друзья среди живых людей.

Затем агенты стали в ряд, и Одегард спокойно занял свое место, глядя в коротко остриженный пепельно-серый затылок Амлинга.

Чен немного повернул голову в его сторону:

— Десять против одного, Одди,— прошептал он,— что я шлепнусь задницей где-нибудь прямо в грязь. Ну, во всяком случае далеко от приличной дороги!

— Спорим,— автоматически пробормотал Дэррон.

Запуск начался. Очередь постепенно сокращалась, продвигаясь вперед. Одна за другой резко исчезали из вида фигурки агентов. Амлинг, невнятно проговорив какие-то слова,— Дэррон не разобрал их,— исчез.

Пришел черед Одегарда. Он широко шагнул вперед, подошел к краю мерцающего бассейна и прыгнул в него.

Он очутился в темноте и вновь остро почувствовал всем телом бездну. Потом глухая тишина, нарушаемая лишь слабым шепотом ветерка и шелестом дождя, обложила Одегарда. Вокруг никого не было. Следовательно,

его появление здесь осталось незамеченным. Хорошо.

— Преподобный Брат! — позвал он в темноте тихим голосом, говоря на диалекте Винсенто. Ответа не последовало. Возможно, Амлинг и в самом деле упал в какую-нибудь лужу у дороги. Чен редко проигрывал свои пари.

Когда глаза Дэррона привыкли к темноте, он понял что твердая поверхность у него под ногами — это ничто иное, как старая каменная дорога, ведущая в город Ойббог. Операции выдали агентам фонари с увеличительными стеклами — можно осветить путь. Но тогда он может стать удобной мишенью для берсеркера.

Дэррон попытался связаться с Операциями, но датчик был мертв. Какие-то помехи делали контакт невозможным.

Полковник подождал Амлинга несколько минут, как они на этот случай и договаривались. За это время он приготовил посох и проверил по компасу, куда ему следует направляться. Потом, так и не дождавшись Преподобного Брата, зашагал по дороге. Ботинки глухо стучали по камням. Вдалеке несколько раз сверкнула молния. Легкие полнились свежим и влажным воздухом.

Не успел Дэррон отойти от места высадки и сотни ярдов, как вдруг сам собой заработал датчик.

— Одегард, ты нас слышишь? — скучающе гугнил далекий голос.— Одегард? Полковник Одегард...

— Полковник Одегард слушает.

— Полковник! — внезапное оживление и — в сторону: «Сэр, есть контакт». Потом снова в микрофон: — Прошло два дня и три часа с момента вашего запуска, вы знаете?

— Понятно. А с момента приземления прошло только около пяти минут. Я нахожусь на дороге, ведущей в Ойббог. Здесь идет дождь. Амлинг не отзывается.

— Одегард, на наших экранах очень плохая видимость,— это уже был голос командующего Временными Операциями,— но похоже, ты намного дальше от Храма, чем мы предполагали. Где-то на расстоянии двух миль. Ты находишься за пределами зоны безопасности, поэтому спеши скорее к Винсенто.

Под зоной безопасности командующий, безусловно, понимал район защиты Винсенто от прямого нападения берсеркера, находившийся под постоянным наблюдением агентов.

— Только что вернулась команда,— продолжал на-

чальник,— которая была там перед тобой. Они доложили, что с Винсенто все в порядке. Ты сказал, что до сих пор не видел Амлинга?

— Да,— Дэррон медленно продвигался вперед, в темноте нащупывая дорогу посохом, чтобы не сойти в грязь, на обочину.

— Мы тоже пока его не нашли. Жизненная линия Чена на экран не выводится, но это могут оказаться лишь временные помехи и неполадки...

Молния блеснула прямо перед Одегардом, *осветив* на мгновение купол Храма, который показался гораздо более отдаленным, чем думалось полковнику. А думалось, что не больше двух миль.

Дэррон доложил об этом несоответствии Операциям и добавил, что при свете молнии заметил какой-то странный, неподвижно лежащий на дороге предмет. Дорогу, по-видимому, пересекала канава и вот оттуда-то и виднелся этот предмет.

— Сейчас я подойду к нему... Выглядит, как...

Тронув предмет кончиком посоха, полковник понял, что перед ним нечто довольно мягкое, податливое и... Снова блеснула молния.

— Не пытайтесь больше связаться с Амлингом!

Тело было почти совсем голым. Оно могло пролежать здесь и день, и всего один час. Дэррон изо всех сил старался вообразить себе, что здесь произошло. Вероятно, грабители... Нет, *грабители не взяли бы с собой* совершенно не нужной им сутаны.

Он исследовал глубокую канаву возле тела. Похоже, ее недавно и в один прием вырыли чем-то... чем-то вроде огромного стального когтя...

— Операции? Я думаю, что здесь и проходит граница безопасной зоны. Враг довольно недвусмысленно дал понять, что знает о нашем присутствии здесь.

— Наверное, ты прав, Одегард. *Спеши к Винсенто.* И будь крайне осторожен.

Дэррон двигался дальше, держа посох наперевес и то и дело внимательно вглядываясь во тьму. Все чувства были до предела напряжены. Если враг находится где-то поблизости, бдительность Дэррона сослужит ему хорошую службу, расцветив ночь меткими выстрелами.

Через некоторое время Одегард выпрямился и пошел обычной своей походкой. Видимо, берсеркер совершил убийство непреднамеренно, наскоком, точно неопытный

разбойник, и потом умчался по своим более неотложным делам.

К тому времени, когда Дэррон дошел до места, где дорога резко поворачивала влево к мосту, гроза уже ушла за горизонт. Полковник скорее почувствовал, чем увидел, основание холма и Храм где-то впереди. Но намного ближе, как раз у обочины, он смог различить в темноте высокие стены монастыря. От ворот остались лишь груды камней, и теперь входом служила полуразрушенная арка. На монастырском дворе Дэррон увидел карету, принадлежавшую, как он знал, Винсенто и стоявшую прямо в луже. Из-под навеса вышел человек, что-то бормоча о лошадях.

Дэррон смело направился через двор к порталу, облупившемуся и выщербленному. Он не старался ступать тихо, и в темном проеме перед ним тотчас раздался оклик:

— Эй, кто там? А ну стоять! Имя. Назовите свое имя!

Диалект оказался именно таким, с каким Дэррон и ожидал столкнуться.

— Я Валзай из Моснара, странствующий ученый. Математик. Мне показалось, что в этом заброшенном монастыре я могу найти себе приют ненадолго.

— Отступите назад,— с опаской проговорил мужской голос. Открылась дверь, заслонив свет фонаря, упорно направлявшегося прямо в глаза Дэррону пытливым и бдительным стражем.

Полковник медленно вошел, вытягивая руки и показывая, что он безоружен. Дверь захлопнулась, и фонарь вновь закачался перед лицом Дэррона. Последовала целая вереница лестниц и переходов. Потом Одегард увидел, что находится в помещении, служившей когда-то монастырской трапезной. Прямо перед ним стояли два солдата, один с пистолетом, другой — со шпагой. Судя по их форменной одежде, Дэррон заключил, что они — наемники, которые в этот послевоенный период часто собирались в группировки и занимали разные заброшенные строения.

Когда бойцы получше рассмотрели одежду явившегося к ним господина, то сделались несколько более вежливы и обходительны:

— Сэр, как же это вас угораздило оказаться здесь одному, без лошадей и кареты, да еще в такую дрянную погоду?

Дэррон нахмурился, затем, ни слова не говоря, снял плащ и отряхнул с него воду. Потом рассказал неторопливо, как его лошади, напуганные грозой, ускакали вместе с его небольшим багажом. Очень типично для таких животных. Раздосадованный ученый отряхнул в сердцах свою широкополую шляпу.

Дэррону без особого труда удавалось принимать на себя какие угодно обличия, вживаться в какие угодно образы и роли. Тем более когда это было необходимо. Вот и теперь все складывалось для него удачно: он смог почти перевоплотиться, как того и требовали жесткие правила выбранной им игры. Солдаты перемигнулись, расслабились, оставили на время свою дежурную подозрительность и, казалось, возымели намерение как следует почесать языки. Они сказали, что места, мол, здесь предостаточно, потому как владельцы всего этого, то есть монахи, съехали отсюда очень давно. В местечке не было, правда, ни таверны, ни эля, ни девочек и даже поленья для растопки камина приходилось сурово экономить, но зато крыша над головой надежно защищала их от дождя. Да, солдаты были, действительно, наемниками одной из компаний, которая служила теперь Святой Церкви. Их капитан с большей частью своих людей находился сейчас в Ойббоге, на том берегу реки.

— А если капитан не пришлет нам подмоги для переправы, что мы будем делать?

Беспечно, на первый взгляд, болтая, солдаты старались все же не терять бдительности: а вдруг Дэррон окажется хорошо законспирированным членом какой-нибудь банды! Посему они не открыли ему, скольких бойцов застал ливень на том берегу реки. Впрочем, Одегард и не справлялся у них на этот счет, так как сам понял, что не многих. Он спросил, есть ли кто-нибудь в монастыре, кроме стражи. Солдат ответил:

— Только какой-то пожилой господин, владелец кареты, его слуга и кучер. И еще пара монахов. Так что здесь много свободных келий, сэр. Правда, одна хлеще другой, то есть все сырые. Ну да уж устраивайтесь...

Дэррон пробормотал слова благодарности и с некоторым облегчением, вызванным тем, что фонарь наконец-то перестал слепить ему глаза, пошел по коридору

влево, мимо ряда келий, в которых почему-то отсутствовали двери. Ему показали одну такую незанятую, и полковник вошел.

В сырую стену была встроена деревянная кровать. Дэррон присел, снял промокшие ботинки. Свет фонаря еще раз обежал углы кельи и растаял во мраке коридора.

Сняв обувь, Одегард поставил ее сохнуть. Потом растянулся на кровати, положил под голову свою котомку, а предварительно вынутой оттуда сменой белья накрылся. Посох одиноко притулился в углу кельи. Нет, у полковника не появилось долгожданного чувства — радостного чувства возвращения в те места, где он был счастлив когда-то. Цель по-прежнему не достигнута. Ойббог отделяет от него взбесившаяся река. Смерть Амлинга — в высшей степени неестественна. Так же, как и тот факт, что Винсенто, один из основоположников Современной Науки, храпит сейчас где-то в соседней келье и плевать хотел на благодарную память потомков, воплотившуюся — научным, кстати сказать, путем — в полковнике Одегарде.

Прямо лежа на кровати Дэррон обо всем доложил Операциям. Затем стал понемногу забываться, проваливаться в сон. Дробный шелест все непрекращавшегося дождя убаюкивал его. Да, до утра никакого наблюдения за Винсенто ему установить не удастся...

Все заботы отступили куда-то. Его мысли не были заняты ни заданием Операций, ни собственным намерением посетить памятные сердцу места. Он не думал ни о странном путешествии в эпоху Винсенто, ни даже о смерти Амлинга и нападениях берсеркеров. Он просто был убаюкан молодым и мощным гулом ливня и той свежестью и прохладой, которая вместе с этим гулом ласково затопляла убогую келью.

Дэррон уже дремал, когда вдруг за правым ухом заработал датчик:

— Одегард, нам удалось кое-что различить на наших экранах сквозь эти помехи. Мы насчитали четырнадцать жизненных линий рядом с тобой. В самом монастыре и поблизости от него. Одна из них, разумеется, твоя, другая — Винсенто. Еще одна линия, кажется, обозначает еще не рожденного ребенка. Ну ты знаешь — такой вот пунктир на экране.

Дэррон немного повернулся на деревянной кровати.

Он чувствовал себя на удивление уютно и удобно. Дождь на улице почти утих.

— Давайте посмотрим,— отозвался Одегард,— и посчитаем. Я, Винсенто, двое его слуг, двое солдат. Да, и еще два монаха. Всего восемь. Остается — шесть. Может, есть еще четверо солдат и беременная женщина, следующая с ними? Хотя, между прочим, один солдат говорил мне, что никаких девушек здесь нет. А вдруг пунктирная линия на экране обозначает не плод в утробе, а реальную жизнь этого, с позволения сказать, плода — при том условии, что он робот-берсеркер?

— Да, мы тоже думали об этом!

— Завтра я смогу всех пересчитать по пальцам и... Минутку...

Дэррону почудилось, что в дверном проеме кельи появилась фигура монаха. Да, так и есть, монах. Одегард обмер, узнав в одеянии незваного гостя, хотевшего уже было войти внутрь, но вдруг остановившегося, сутану Амлинга. Рука сама потянулась к посоху и крепко стиснула его. Нет, он не должен использовать оружие, не убедившись в злонамеренности того, против кого оно применяется. И потом, если подумать, его оружие может быть просто вырвано из рук и сломано, если...

Прошло чуть более секунды. Незнакомец пробормотал что-то нечленораздельное — видимо, просил извинения за вторжение в чужую келью. И в следующее мгновение растаял в темноте так же бесшумно, как и появился.

Дэррон оставался лежать неподвижно, все еще крепко сжимая посох. Потом рассказал Операциям об этом инциденте.

— Помни, он не посмеет убить тебя там. Если решишь стрелять, удостоверься сначала в необходимости этого.

— Ясно.

Медленно он вновь вытянулся на кровати. Дождь кончился, и в келье как-то сразу сделалось неуютно, сыро, до жути тихо.

Кто-то тронул его за плечо, и Винсенто проснулся. Почувствовав, что лежит на сырой соломенной подстилке, и увидев сквозь лиловатый полумрак кельи склоненную над собой голову в капюшоне, он пришел в ужас. Случилось самое худшее, что могло случиться: Храните-

ли Веры схватили его и бросили в подземелье. Винсенто прислушался. Да, дождь перестал...

Дождь?.. О благодарение Всевышнему! Конечно же, он все еще в дороге, все еще на пути к Святому Городу. Суд состоится не скоро, а подземелье и вовсе далеко. Винсенто глубоко вздохнул и почти с нежностью подумал о том невеже, который посмел его разбудить.

— Что вы хотите? — мягко спросил ученый, садясь в кровати и натягивая покрывало. Глядите-ка, слуга Уилл все еще спит на небольшой подстилке на полу.

Лицо посетителя скрывал капюшон.

— Мессир Винсенто,— заговорил он тихим замогильным голосом,— завтра утром вы должны будете один подойти к Храму. У пересечения нефа и трансепта ваши высокопоставленные благожелатели встретят вас с целью сообщить кое-какие весьма приятные известия, могущие быть вам интересными.

Винсенто внимательно слушал. Кто такие, думал он, эти благожелатели? Набур и Белам, выхлопотавшие ему снисхождение судей? Вполне возможно. Но больше похоже на простой обман, трюк Хранителей. Человек, вызванный в суд в качестве обвиняемого, ни с кем не должен обсуждать своего дела.

— Это будут очень хорошие известия, мессир Винсенто. Приходите. И обязательно один. И обязательно подождите, если вас не встретят сразу. Помните, на пересечении нефа и трансептов. И не пытайтесь рассмотреть мое лицо или узнать имя.

Винсенто молчал, решив ничего не предпринимать. И когда, довольный исполненным поручением, посетитель удалился, он снова уснул.

Когда Винсенто проснулся во второй раз, то вспомнил чудесный сон, только что снившийся ему. Он был снова на своей вилле и спокойно отдыхал в собственной постели, ощущая тепло тела своей возлюбленной, спавшей рядом. На самом деле она давно ушла от него... нда-а... Пусть, только бы они позволили ему вернуться обратно к себе, в его мир!

На этот раз он проснулся от другого прикосновения, прикосновения солнечного лучика, проникшего сквозь высокое узкое оконце.

Пока он так лежал, вспоминая своего необычного

полуночного посетителя и убеждаясь, что все это происходило в действительности, а не снилось, солнечный лучик медленно переместился с его лица на стену.

Именно это перемещение вдруг напомнило Винсенто о том, что стало для него настоящей пыткой и что отгоняло прочь все иные мысли — о необходимости немедленного выбора пути и даже больше — выбора своей судьбы. Перед Винсенто лежало две дороги. Ступив на одну из них, он обрекал себя вечно кривить душой, вечно скорбеть о поруганной чести, лгать, собственной кровью выстраданные убеждения называть еретическими, гнусными. Другая же дорога вела прямиком на дыбу или костер.

Двенадцать лет прошло с тех пор, как Хранители Церкви заживо сожгли Онадройга на Главной Площади Святого Города. Конечно, Онадройга не назовешь настоящим ученым, но он был истинный Поэт и Философ. Да, астрономы дружно считали его страшным, неисправимым безумцем за то, что он предпочел костер отречению от своих теорий. А какие это были теории! Он считал, что Господь Бог не более чем самодовольный фокусник, что Дьявол когда-нибудь будет спасен, что в космосе существует множество миров и что на каждой звезде живут разумные, благородные люди.

И Белам, и другие Хранители Веры оспаривали эти идеи, говоря, что ни в Священном Писании, ни в человеческой жизни, ни в природе нет ничего такого, чтобы подтверждало его абсурдные положения. Все неутомимо пытались заставить Онадройга в течение семи лет изменить свои взгляды. В конечном счете его казнили как опасного еретика. Винсенто довольно смутно представлял себя на костре. И уж тем более не к лицу была ему дыба. Вообще, пытки казались ему каким-то безвкусным баснословием и чепухой. Он, как и любой другой уважающий себя ученый должен проявить упорное сопротивление еще до того момента, как Хранители сочтут для себя возможным прибегнуть к крайним мерам. Конечно, на предстоящем слушании его дела судьи заведут речь и об этих мерах. Не исключено, что палач, нарочно призванный по сему случаю, продемонстрирует ему свой пыточный инвентарь — ну, какие-нибудь там клещи или щипцы — и любовно расскажет о назначении таких важных предметов. Наверняка этим все дело и кончится, но, возможно, судьи вдруг сделаются особенно строги и

предложат Винсенто отправиться вместе с клубами дыма на небеса, причем независимо от его веры в населенность последних!

Выходит, возможность выбора надуманна. В действительности нет никакого выбора. Единственный выход — отречься. Пусть Солнце движется в ту сторону, в какую укажут ему двигаться Хранители Веры! Пусть оно каждый год описывает круги вокруг этой бедной планеты в угоду живущим на ней дуракам, которые воображают, будто все тайны Вселенной уже давно разгаданы на пыльных страницах Священного Писания!

Лежа на спине, Винсенто поднял руку, заслоняясь от слепившего глаза солнца — обычный жест всякого человека в подобной ситуации. Но солнце жгло по-прежнему, пронизывая полупрозрачные восковые пальцы старика. На полу, закутанный в дорожный ковер, точно в кокон, пошевелился Уилл.

Винсенто разбудил слугу и помог выбраться из кокона. Затем он отослал его на двор будить кучера Рудда. Рудд должен был по пробуждении отправиться к реке и посмотреть, не упал ли уровень воды в ней, а Уилл — приготовить завтрак. В рассуждении принятия пищи ученый отличался особенной пунктуальностью и предусмотрительностью: карета была битком набита всякого рода съестными припасами.

Оставшись один, Винсенто решил, не откладывая дела в долгий ящик, овладеть хотя бы азами смирения и первым долгом вообразил себя четвертованным. Но страшная картинка, представшая его мысленному взору, как-то не помогла. Ученый и без этого опыта знал, что нужно постоянно быть готовым к любым неожиданностям.

Однако положение осложнялось еще тем, что в последние месяцы здоровье Винсенто сильно пошатнулось, и теперь всякое утро начиналось своеобразной перекличкой: сердце? — я! — желудок? — я! — легкие? — на месте! — печень? — здесь? — селезенка? — здесь! — мозг? — прибыл! — и т. д. С течением времени бездарные внутренности отзывались все с большей неохотой, мрачноватый же юмор их обладателя врачевал, разумеется, далеко не все недуги. Винсенто был стар. Стар и напуган.

К тому времени, когда пришел Уилл с одеждой хозяина и доложил, что камин в общей комнате растоп-

лен, и горячий чай уже жаждет быть выпитым, Винсенто был готов встретить новый день. К некоторому своему удивлению он увидел, когда вошел в общую комнату, что ночью появился еще один постоялец — молодой человек, назвавшийся Валзаем из далекой земли Моснар.

Валзай, по собственному своему признанию, имел некоторое отношение к наукам. Услышав это, Винсенто стал более пристально к нему присматриваться. Но, кстати сказать, молодой человек относился к ученому с большим уважением, похоже, считая его гением, и что-то бормотал о широкой известности открытий Винсенто, взятых на вооружение даже в далекой земле Моснар.

Винсенто слушал все это с удовольствием, кивал с улыбкой и спрашивал себя, попивая утренний чай, не этот ли молодой человек станет тем, так сказать, добрым вестником, который встретит его сегодня у Храма. Могло ли, в конце концов, все это быть ободряющим словом от Набура? Ученый сомневался. Нет, он не позволит себе, подобно вассалу, надеяться на доброту другого человека, даже если этот человек — сам Пресвятейший Викарий. Он выпрямился. В любом случае, он не собирается нестись сломя голову к Храму прямо сейчас.

Рудд явился доложить, что вода в реке перестала подниматься, но что уровень ее все еще достаточно высок, так что раньше, чем через день, нечего и думать о переправе.

Винсенто попросил Рудда угостить чаем двух монахов, а сам вышел на солнышко погреть свои старые кости. Если он опоздает к началу процесса, то найдется немало свидетелей, могущих указать и подтвердить причину опоздания. Пусть Хранители бранят реку, коли пожелают. Несомненно, ливень из почтения к высшей правде Святого Писания уймется. Несомненно, вся природа подчинится их требованиям. Даже разрушенный мост сам собою восстановится, если они придут и пригрозят руинам страшными пытками!

Но нет, прочь эти мысли. Нужно начинать учиться покорности. Он кликнул Уилла и попросил принести из кареты письменные принадлежности, а потом, с пером и бумагой уже, вышел за ворота посидеть у моста. Один булыжник послужил ему стулом, другой — столом. Теперь можно не терять времени зря и приниматься писать отречение. Авось суд примет его.

Конечно, предполагалось, что обвиняемый не знает, зачем его вызывают в суд. Вероятно, первым долгом Хранители спросят, догадывается он или нет о том, в чем, собственно, его обвиняют. Бесспорно, подобное начало частенько заставляет опешившего подсудимого самого пролить свет на нераскрытое преступление. Со времени получения от Белама предупредительного письма прошло целых пятнадцать лет, и Винсенто уже почти забыл о нем. Другие ученые оказались умнее и, решившись опубликовать какую-нибудь работу, где проводились бы гелиоцентрические взгляды, помещали в качестве предисловия к ней это предупредительное письмо Белама. Беды обходили стороной таких ученых. А Винсенто пришел вызов в суд. Тогда-то невольно пришло к нему и осознание того также, что его труды сильно не по вкусу высокопоставленным лицам — тем, кто никогда и ничего не забывает!

Первое, что достал из своего секретера Винсенто, и было предупредительное письмо Белама. Взгляд ученого невольно задержался на таких словах: «Я считаю, что доказательств движения нашей планеты нет, так как никто и никогда мне их не предъявлял».

Нет доказательств! Винсенто дрожащей рукой вытер пот со лба. Сейчас он испытал обыкновенный ужас, как и любой другой смертный на его месте: ему в голову пришла абсолютно ясная мысль, что все те положения, которые он придумал о Времени и солнечных пятнах, в действительности ничего не доказывают. Ничего — относительно движения планет. Реальность этого движения была столь бесспорна для него, что он не видел необходимости в их специальном доказательстве. Винсенто очень долго смотрел в телескоп на небо, а потом очень долго и глубоко обдумывал то, что удалось увидеть. Он изучал Солнце и глазами души, и глазами разума. Он наблюдал за звездами и кометами, и правда проникала в него как некое откровение.

Его враги, те, которые выступают против него сейчас, несомненно, люди менее образованные, нежели он. В своем отрицании они упрямы и слепы! Да и просто неспособны увидеть правду! И кроме того Винсенто знал, что будущие его судьи — люди весьма хитрые и сообразительные, и если возможное обвинение отвечает их интересам, они сделают все, чтобы его состряпать! Если бы только ученый имел в своих руках простые

и неоспоримые доказательства, которые не зазорно было бы предъявить судьям — о, чего бы не отдал он за эти доказательства! Мозг Винсенто ныл, кулаки сжимались, даже кишки, казалось, старались придумать что-нибудь. Если бы он нашел хотя бы одно твердое доказательство, то рискнул бы поставить на карту все. Обладание таким доказательством позволило бы ему противоречить своим врагам, ставить их в тупик, безжалостно тыкать носами их, длинными, злобными, вездесущими носами, в самую истину!

Однако сейчас истиной было лишь то, что Винсенто стар, напуган и намерен отречься.

Медленно ученый взял перо, чернила, чистую бумагу. Медленно написал первую строчку. Остановился. Зажмурил от солнца глаза. Попытался не думать ни о чем.

Около камина Дэррон насчитал семерых солдат. Каждый из них непрочь был принять немного бренди из полковничьей походной фляжки. И, конечно, поговорить. Что? Нет, ни в монастыре, ни в церкви, ни вообще на этом берегу реки нету никого, кого бы они не знали!

Понятно... Но все-таки ведь все хорошо пока? Солдаты, осушив фляжку, ссорятся немного, как это им и положено. Рудд увел лошадей на луг. Винсенто сидит на камнях у реки. Он обложился бумагами. Наверное, работает, пишет ученый труд. Да, спокойно и хорошо.

Вспомнив о своих никогда не существовавших лошадях, Дэррон, приняв суровый и озабоченный вид, побрел по дороге в сторону разрушенного моста, то и дело оглядываясь по сторонам — будто бы в поисках утраченного добра, родимой, близкой сердцу собственности.

Около моста стояли два монаха в выцветших, выжженных солнцем сутанах. Присмотревшись к их жестам и услышав пару фраз, Одегард сделал вывод, что речь идет о возможных путях восстановления моста. Дэррон знал, что через год или два здесь будет и в самом деле выстроен новый каменный мост. И этот мост прослужит еще три столетия, дождавшись того дня, когда взойдет на него веселой походкой вместе со своей любимой девушкой некий счастливый выпускник исторического факультета. И он, и она с нетерпением ожидали встречи с древним городом и известным Храмом Ойббо-

га, и вот они перед ними, осталось лишь перейти реку.

Река тогда выглядела по-другому: конечно, мельче, чем сейчас, и по берегам было больше деревьев. Хотя каменная дорога Империи осталась прежней...

— Да принесет Господь удачный день вам, сэр!

Это был голос одного из монахов, ворвавшийся в воспоминания Дэррона. Полковник обрадовался этому внезапному вторжению.

— И вам удачного дня, преподобные Братья. Река все еще поднимается?

Один монах был толстый и безбородый, а другой — тонкий и бородатый; он-то и сжимал в руке один из камней кладки, как если бы собирался сию же минуту взяться за восстановление моста.

— Река опускается, сэр. А как ваша жизнь — по восходящей или наоборот идет?

Сказка о потерянных лошадях и багаже показалась Одегарду неуместной здесь.

— Едва ли можно ответить на этот вопрос в двух словах.

И тут внимание монахов было отвлечено. Семь или восемь местных крестьян, словно бы вылепившись из густой приречной грязи, босиком шагали вдоль берега к мосту. Шедший первым в этой группе гордо нес садок с крупной серебряной рыбой, еще живой, трепыхавшейся и извивавшейся.

Не доходя нескольких шагов до края дороги, крестьяне остановились. Все они механически поклонились Дэррону: его одежда не внушала им страха, и он, очевидно, не был тем, кого нужно было этим людям.

Человек, несший рыбу в садке, заговорил с монахами, вначале тихо, но потом все громче и громче — тем громче, чем чаще остальные крестьяне осмеливались перебивать его — кстати, почти все в один голос — своими замечаниями и оспаривать некоторые высказываемые им соображения. Разгоревшийся спор, кажется, касавшийся каким-то образом рыбы, грозил перерасти в совсем нешуточную ссору.

Дэррон отвернулся. Он увидел, что Винсенто все еще сидит в одиночестве на камнях, но именно в это мгновение купающийся в солнечных лучах Храм Ойббога завладел вниманием полковника и почти удивил. На сужавшемся кверху центральном шпиле был укреплен на расстоянии более двухсот футов от самой верхушки

холма роскошный позолоченный крест. Окрашенные в густо-серый цвет башни и стены, арки и поднимающиеся ввысь колонны блестели в утреннем свете. Дэррон знал, что внутри Храма, на восточной стене, сияют, подобно живым языкам пламени, витражи. Что ж, если даже хрупкие стекла восстали из праха, то и ОНА наверняка должна быть жива, и не только жива, но и где-то рядом — так близко, что он окажется в силах дотянуться до нее. В этот миг воскресшее прошлое взяло верх над жалким лепетом рассудка: он услышал ее зов, он сможет дотянуться до нее и дотронуться...

Рядом послышался всплеск. Толстый монах с удивительно смешной смесью гнева, разочарования и удивления на лице повернулся в сторону Одегарда. Другой, тонкий и бородатый, стоял, вытянув руки над водой. Крупная рыба трепыхалась и извивалась в них; затем, выскользнув, шлепнулась в воду

...дотронуться до ее теплой нежной кожи. Сейчас даже такие забытые мелочи, как, например, ее развевающееся на ветру платье, вновь вернулись к нему с такой силой, будто он видел все это не более минуты назад.

Ноги Дэррона уносили своего хозяина прочь от разрушенного моста, назад, по дороге. Краем глаза полковник заметил Винсенто, одиноко сидевшего на солнышке.

Нет, Одегард не вернулся в монастырь. Перед ним вырастали холм и Храм на холме. Дэррон начал усердно карабкаться вверх.

Брат Джованн печально посмотрел на крестьян, хотя казалось, что он обращается к пузырькам на поверхности воды.

— Братья Рыбы! Я предоставил вам свободу не потому, что мы не голодны, но для того, чтобы вы могли благодарить Бога, подателя всяческих благ.— Джованн грустно посмотрел на крестьян и продолжал: — Мы, люди, очень часто забываем благодарить Отца нашего небесного, зато, напротив, нередко тратим силы в погоне за благами мирскими.

Рыба несколько раз выскакивала из воды и вновь исчезала. С выражением страдания на лице Джованн глядел на эти ее скачки и всплески.

— Теперь успокойтесь, братья Рыбы! Хватит! Живите в воде, а не на смертельном для вас воздухе. Молитесь

и благодарите Господа нашего по-своему, по-рыбьи!

Всплески прекратились. Рыба в последний раз показалась на поверхности и затем нырнула в глубину. В воздухе повисла тишина. Крестьяне осенили себя крестными знамениями. Они испытующе и с опаской поглядывали друг на друга, точно желая разом сорваться и убежать подальше от этого места. Брат Сэйл беззвучно разевал рот, что та рыба, и переводил остекленелый взгляд с лица Джованна на реку и обратно.

Джованн отвел Сэйла в сторону и сказал:

— Я должен на некоторое время уединиться для молитвы, дабы Господь очистил меня от гнева и гордыни. К тому же следует попросить у него за этих бедных людей: пусть Отец Небесный подаст им обильный улов. Сделай и ты то же, Брат!

Джованн удалился, оставив Сэйла у реки все с теми же вытаращенными глазами, благоговейно смотревшими вслед направлявшемуся к монастырю.

Когда Дэррон поднимался по склону холма прямо к порталу Храма, неестественное чувство — эффект присутствия рядом его возлюбленной — исчезло. Осталось лишь горькое сознание невосполнимой утраты. Ему в голову пришла мысль, что в этот момент, в этом времени ее гены рассеяны в хромосомах, наверное, двухтрех тысяч предков. Это было так же реально, как его недавнее ощущение ее близости. Он знал, сколь прочная, непроницаемая стена будет всегда отделять его от снова посещаемых им сегодня дней ее жизни, дней, которые он назовет потом своей юностью.

Да, правдой было то, что он так и не смог простить ей ее смерти, не смог простить ей того, что она была так глупо убита среди миллионов других людей, того наконец, что этот мир опустел без нее. Но не ради ли этой попытки прощения он и вернулся сюда, в Ойббог?

Итак, сказал он себе, сделай все необходимое, чтобы покончить с прошлым сейчас, сегодня, раз и навсегда: ведь человек должен же быть нужен не одним мертвецам, хоть бы и трижды прекрасным! Пора, Одегард!

Теперь крыша монастыря высилась на одном уровне с поднимавшимся по холму Дэрроном. Оглянувшись, полковник увидел расстилавшуюся далеко-далеко изумрудно-зеленую равнину. Но праздничная панорама ле-

денила кровь: она ничуть не изменилась! Ну разве что с течением времени, лет этак через триста равнина предстанет перед Дэрроном и его подругой несколько менее первобытной и дикой в своей красоте!

Поднимаясь по ступенькам, полковник заметил молодое деревце и понял, что это именно то деревце, чей тонкий стволик спустя три века превратится в толстый сучковатый ствол с тяжелой раскидистой кроной, под которой так сладко укрыться от жаркого летнего солнца. Именно в тени этого дерева он будет стоять с ней, глядя на бескрайнюю равнину. И они выберут вот этот холм — О Господи, на нем еще растут клены! — холм, на котором они решат выстроить себе красивый дом и растить в нем своих ребятишек — предполагалось, помнится, что двоих...

Дэррон повернул немного вправо. Он почувствовал, что если сейчас остановится, то уже никогда не сможет двинуться дальше. А двигаться было необходимо. И вот наконец его глаза увидели главный вход в Храм. Память сохранила каждый кусочек мощенной камнями дорожки, на которую когда-то ступали его и ее ноги. Сейчас, стоя здесь и глядя на готовящиеся через триста лет стать его воспоминанием — а воспоминание-то вот уже, состоялось! — кустарники, статуи в нишах. Одегард ощутил, как вновь оживет в нем любовь и неистребимый праздник жизни, тогда как война куда-то уходит, проваливается в какие-то — трудно понять, будущие или уже бывшие — кошмары.

Мокрые от дождя кусты свежо и зернисто поблескивали на солнце. Но не было слышно ее голоса, ее приближающихся шагов; делалось до боли ясно, что, как ни забирайся в прошлое, а тех сладких мгновений не повторишь. К сожалению, воспоминание несбыточнее даже самой оголтелой и безрассудной надежды!..

На какой-то миг Дэррону показалось, что он упадет сейчас на эту землю, встанет на колени и начнет молиться всем богам без разбору. Или закричит, ибо разлука с ней невыносима! Но потом, спустя долгое-долгое время, он понял, что должен свыкнуться с мыслью о непоправимости этой разлуки. Глаза наполнились слезами, но вытирать их не хотелось. Дэррон просто хотел оставаться на этом месте. Дэррон просто собирался жить дальше...

Нет, для того, чтобы окончательно принять эту раз-

луку и освободиться от нее через ее последнее и благоговейное приятие, нужно еще войти в самый Храм, где они провели вместе целое утро. Дэррон вспомнил, что тогда вслух пожелал, чтобы сам Отец Небесный явился ему — затем, чтобы молодой историк мог задать Всевышнему несколько вопросов. Вопросы, помнится, касались многочисленных несправедливостей, чинящихся в мире сем.

Огромная дверь была все так же неприступна. Одегард с силой поднажал на нее и распахнул с неимоверным скрипом. Гулкое эхо мигом скрип подхватило и разнесло по всему Храму. Как раз в этот момент Дэррону пришло в голову, что свой посох он оставил в монастырской келье. Впрочем, сейчас даже внезапное появление берсеркера его не тревожило!

Полковник шагнул прямо в центральный неф шириной не более тридцати футов, но длиной — никак не менее трехсот. Здесь достало бы места на то, чтобы спрятаться и Богу, и берсеркеру.

На восточной стене пылали витражи. Вековой чад восковых свечей еще не успел сделать черными арочные своды. Колонны все еще были обнесены лесами — строительство Храма прервалось последней войною. Рабочим просто приказали остановить работы и отправляться под ружье. На балках и рейках, прислоненных к стенам, болтались заляпанные известью робы, фартуки... Все это было так же неподвижно, как и спертый воздух Храма. Пыль толстым слоем лежала на немногочисленных скамьях. Все казалось высеченным из камня. Но, вероятно, война попросту не коснулась святого места. Даже витражи остались целы. Под лучами круто взбиравшегося на небосклон солнца их краски делались все более сочными и яркими. Узкие лестницы, ведшие к боковым нефам, видимо, строились не более полувека назад и выглядели совершенно новыми.

Когда Дэррон дошел до центра Храма, где пересекаются трансепты и неф, он краешком глаза заметил какое-то движение у алтаря. Некий монах, не потрудившись снять с головы капюшона в Храме Божием, пристально разглядывал полковника со стороны бокового нефа.

Дэррон остановился и приветливо кивнул.

— Преподобный Брат,— начал он и запнулся. Точно молния, его пронизала мысль, что один из тех монахов, которых он оставил у моста, должен был бы обогнать

его, чтобы оказаться здесь первым. Но Дэррона никто не обгонял.

Не успел полковник подумать об этом, как монах метнулся в его сторону, вытянув руки вперед. Но руки оказались не из живой плоти,— как и лицо под капюшоном оказалось вовсе не лицом,— а из металла. Задравшийся рукав обнажил чудовищные когти.

Странный тощий монах, беседовавший с рыбами, медленно ковылял, понурив голову, в сторону монастыря. Он уже миновал ворота, и Винсенто решил было, что тот пройдет мимо, но в последнюю минуту монах приметил ученого и, изменив после некоторого раздумья маршрут, повернул обратно в сторону моста.

Монах остановился в нескольких шагах от Винсенто и широко улыбнулся. В осанке его сквозило благородство, но заметна была и усталость.

— Господь отблагодарит тебя, Винсенто, за то, что накормил меня и моего спутника!

— Надеюсь, Богу известно, как необходима мне сейчас его поддержка, его милость! — кратко ответил Винсенто. Он предположил, что монах услышал его имя от Рудда или Уилла. Странно, но ученый не почувствовал себя уязвленным столь фамильярным обращением этого грязного нищего, более похожего, впрочем, на большого ребенка, чем на инквизиторскую ищейку. И все-таки нужно оставаться начеку. Агенты Белама — хорошие актеры!

Монах взглянул на разложенные перед Винсенто бумаги.

— Винсенто,— с обезоруживающей ласковостью проговорил он,— зачем ты тратишь время на все эти словесные войны, споры? Поверь, их результаты ничтожны! Только одно в нашем мире важно — любовь к Богу, ибо тогда и Бог будет милостив к нам!

Очевидное и нелицемерное безрассудство этих слов мгновенно избавило Винсенто от всех его подозрений и даже, по-своему тронув, вызвало улыбку.

— Кажется, вы в курсе моих дел,— сказал он,— но, преподобный Брат, что вы понимаете под моими спорами и почему думаете, что я их веду?

Монах несколько подался назад, вздрогнув от легкого отвращения:

— Я не понимаю их и не хочу понимать. Я избрал иной путь.

— Тогда извините, преподобный Брат, но мне сдается, что не следует вам читать лекции о том, в чем вы ни аза не смыслите, так же, как и торчать здесь, выясняя, надо или не надо вести мне мои споры!

Монах столь смиренно выслушал этот выговор, что Винсенто даже немного смутился, отчасти досадуя на свою грубость. Он чувствовал себя до зубов вооруженным ратником, потехи ради сбившим с ног мальчишку.

Монах перекрестился и прошептал какую-то молитву. Потом, отойдя от Винсенто, неторопливо побрел в сторону монастыря. Один раз он сильно замедлил и без того неспешный шаг, намереваясь, по-видимому, вернуться и досказать что-то, но потом, точно одумавшись, задрал к небу голову, снова перекрестился и, уже не мешкая более, направился к монастырю.

Винсенто подумал, что вновь одержал победу в споре с церковником. Но и вновь потерял в нем что-то, как и всегда терял, споря,— хотя что, что именно? По-прежнему не было ему известно. Он чуть не окликнул удалявшегося человека, внезапно почувствовав острое желание вернуть его. Но раздумал. На самом деле, думал Винсенто, нам нечего будет сказать друг другу.

Ученый не пожелал вновь обратиться к написанию своего покаянного слова после того, как его столь нагло и невинно отвлекли от этого занятия. Он позвал Уилла, сдал ему все письменные принадлежности, а потом бодро направился к Храму.

Обдумывая теперь все заново, он пришел к выводу, что назначенная ему встреча была, скорее всего, каким-то трюком Хранителей или, что еще более вероятно, каверзой кого-нибудь из личных врагов Винсенто, людей религиозных или судей, которым бы очень хотелось скомпрометировать ученого как раз перед началом процесса. Очень хорошо, пускай попробуют! А он понаблюдает, что у них изо всего этого получится, пока, конечно, они не зайдут слишком далеко. Да, нужно разить врага его же собственным оружием. Винсенто может бояться людей, превосходящих его в силе. Но этот же Винсенто достаточно хорошо знает, что в силе ума никто не превзойдет его!

Взобравшись наконец на самую вершину холма, Винсенто немного отдышался и вошел в Храм, плотно при-

творив за собой дверь. В глубине души ученый знал, что никто не намерен встречаться с ним просто для того, чтобы выразить свою симпатию. В лучшем случае его будет ожидать какой-нибудь жалкий завистник из тех, которые мнят, что, бросив известному человеку вызов и немного поскандалив, они будто бы уравняются с ним или даже в чем-то превзойдут! — Ха!

Шаги Винсенто отзывались гулким под сводами просторного и пустого Храма. По обе руки тянулись ряды колонн. Дойдя до условленного места встречи, ученый посмотрел вверх. Даже под куполом громоздились подвесные рабочие площадки, крепившиеся веревками у пола, за основания колонн.

С затемненного купола спускался очень длинный и тонкий трос. Винсенто осмотрел его и понял, что здесь, по крайней мере в идее, должен действовать принцип маятника. Но на конце троса в качестве груза висел большой железный шар весом никак не меньше человеческого. Этот груз был привязан обыкновенной веревочной петлей к одной из четырех толстых колонн, стоявшей точно на пересечении нефа и трансепта.

Старик цепким, внимательным взглядом пробегал трос вверх-вниз, вверх-вниз, пока не закружилась голова. Он потер шею. Боже мой, для каких же целей служил рабочим этот странный маятник?

Винсенто предположил сначала, что, раскачивая шар, рабочие обивали неудачно нанесенную на стены штукатурку или краску, но тотчас сообразил, что неправ: шар довольно тяжел, и вместе с куском штукатурки могла бы обрушиться вся стена. Быть может, устройство служило чем-то вроде отвеса? И все равно шар оказывается излишне тяжел: груз в несколько граммов уже решил бы проблему. Впрочем, как бы там ни было, принцип маятника без труда угадывался в этом приспособлении. Единственный узел веревки, прикреплявшей груз к колонне, выглядел довольно непрочным. Винсенто легонько тронул туго натянутую веревку, и длинный трос тут же задрожал. Массивный шар робко покачнулся, точно вставший на якорь корабль.

Колебания постепенно затухли. И веревка, и трос, и груз сделались так же неподвижны, как и каменные колонны во все еще сером воздухе. Корабль-маятник окончательно пришвартовался.

Ну что ж, тогда вперед! Повинуясь какому-то вне-

запному импульсу, Винсенто дернул за свободно свисавший конец веревки. Узел с неожиданной легкостью развязался. Освобожденный груз на миг как бы замер на месте, но потом, лениво качнувшись, все же отчалил и понесся к противоположному ряду колонн. Винсенто посмотрел вверх, под купол, удивляясь тому, что трос мог так сильно затормозить движение груза.

Нетрудно было досчитать неспеша до четырех, прежде чем шар достиг нижней точки своей траектории. Почти коснувшись пола, он достаточно быстро миновал эту точку, и затем его движение опять замедлилось. И опять можно было сосчитать до четырех, ожидая возвращения шара в исходную позицию. Груз на долю секунды застыл в неподвижности, почти касаясь отчей колонны, и, выйдя из оцепенения, отправился в повторное плавание. Точно по волшебству, шар раскачивался вперед и назад, до предела натягивая трос и описывая идеальные полукружия длиной около десяти ярдов. Винсенто не замечал уменьшения амплитуды колебаний. Казалось, груз может качаться в течение многих часов или даже дней.

Хотя — стоп! Здесь что-то не так. Винсенто, сощурившись, смотрел на маятник. Затем, зайдя за колонну, к которой был привязан один конец веревки, отследил, не поворачивая головы, еще шесть идеально выписанных полукружий.

Кстати, зачем ты пришел сюда? Ах, да! Кем-то назначенная встреча... Да, да...

Но вот этот маятник!.. Нахмурясь, Винсенто еще некоторое время следил за его колебаниями. Ему хотелось убедиться в том, что глаза не лгут ему и что колебания эти, действительно, имеют одну интересную особенность.

Козлы для пилки дров, брошенные рабочими, стояли неподалеку. Ученый передвинул их в нужное ему место. Сверху он положил планку как раз под нижней точкой траектории движения маятника. На качавшемся шаре Винсенто заметил небольшую острую выпуклость. Каково бы ни было ее назначение, сейчас она как нельзя лучше подходила для выполнения намеченной цели. На первую планку ученый положил еще одну. Немного подправил всю конструкцию. Так, теперь выпуклость на шаре всего лишь на два-три дюйма отстоит от поверхности его сооружения. Ему нужно положить на доску... монеты... нет, лучше не надо. Где-то здесь он видел

песок. Да-да, у входа ссыпана как раз целая куча!

Песок оказался сырым и тяжелым. Винсенто в ладонях принес его к своей постройке, насыпал на верхнюю доску довольно толстым — как раз в недостающие два или три дюйма — слоем и утрамбовал по всей поверхности. Затем, в промежутках между колебаниями, он слегка подталкивал верхнюю доску вперед. Раскачивавшийся груз почти касался песка.

Очень хитро придуманный опыт, с удовольствием подумал Винсенто. Когда выпуклость возвращавшегося груза оставила в слое песка неглубокую выемку, груз вновь потянул за собой трос, еще раз отмерив клочок вечности. Огромные, размеренные махи маятника казались глубинным, скрытым пульсом самого Храма.

Но вдруг траектория движения несколько сдвинулась. На полпальца с одной стороны. Следы на песке медленно сползали вправо, в направлении движения часовой стрелки. Нет, глаза Винсенто никогда еще не подводили.

Может ли подобное быть результатом расплетания троса? Тогда колебания скоро затухнут или хотя бы изменится их амплитуда...

Винсенто вновь уставился на затемненный куполообразный потолок, не обращая внимания на боль в затекшей шее.

Если у него будет возможность, он когда-нибудь, где-нибудь сможет воссоздать такой же маятник и спокойно изучит его особенности. Даже если предположить, что не подведет здоровье и удастся избегнуть тюремного заключения, все равно это будет трудно. Заброшенных храмов, подобных этому хватает везде, но Винсенто ни с кем не собирается сотрудничать в этом эксперименте, так что сами собой отпадают и действующие соборы и университеты.

Предположим, однако, что непонятные сокращения и смещения колебаний происходят не от расплетания троса. Собственно говоря, Винсенто знает, что причина кроется совсем в другом. Вот, песочный парапетик сузился еще на три пальца.

Винсенто заинтересовался, как укреплен трос под куполом. Более молодой человек смог бы без труда выяснить — как, но ученый оставил даже мысль об этом. Уже уходя, он несколько раз оборачивался и внимательно смотрел на болтавшийся маятник...

Из всего этого Дэррон видел только верхнюю часть движущегося троса. Да и то только одним глазом, так как лицо его с силой было притиснуто к деревянной планке высокой платформы, на которую он был встянут берсеркером. Полковник чувствовал себя беспомощным наказанным ребенком в стальных объятиях чудовища. До жути неподвижное, оно сидело на Дэрроне, одной холодной ручищей сдавив его горло, а другой — заломив за спину руку. Кусок собственного же одеяния послужил Одегарду кляпом.

Очевидно, у машины не было намерения убить или покалечить его. По крайней мере не здесь и не сейчас. И все-таки плен показался Одегарду вечностью, суровой и неумолимой, а не безликим и кратким временным отрезочком, хлипкая длительность которого отмерялась ничего не значащими качаниями троса. Все еще удерживая Дэррона, берсеркер выжидал. Полковнику стало понятно, что его попытка спасти Винсенто провалилась. Теперь у него не было даже возможности связаться с Операциями: берсеркер молниеносно разгадал назначение нательного крестика. Он сорвал его с шеи Дэррона и раздавил, как ореховую скорлупу, перемалывая в пыль железные детальки датчика и пропуская ее между стальными пальцами.

Наверное берсеркер думал, что Одегарду ничего не видно из происходящего внизу. Так это практически и было. Лишь краешком глаза полковник замечал качавшийся трос.

Наконец дверь Храма где-то вдалеке громыхнула, и в ту же секунду берсеркер отпустил Дэррона. Полураздавленный, полковник медленно поднялся с пола. Потирая щеку, которой он был придавлен к деревянной платформе, и разминая руку, которую заламывал берсеркер, Одегард повернулся лицом к врагу. Под капюшоном монашеской рясы он увидел железный череп, способный, казалось, открываться, выдвигаться вперед, всячески менять свою форму. Дэррон осознавал то, что, возможно, видит сейчас самую сложную и самую компактную машину, которую когда-либо создавали берсеркеры. Внутри этого железного черепа наверняка находилась пластиковая кожа, предназначенная для использования в качестве маски — но с каким именно выражением, оставалось только догадываться.

— Полковник Одегард!

Да! Это проговорил берсеркер плохо отстроенным, не вполне человеческим голосом.

Удивленный Дэррон ждал продолжения речи. Чудовище припало к деревянной платформе, бессильно свесив руки, которые были такими же странными, как и так называемое лицо. Сейчас они не походили на человеческие, но, видимо, могли становиться таковыми. Принадлежавшая некогда Амлингу ряса скрывала туловище.

— Полковник Одегард! Вы боитесь переходить из одного состояния, состояния жизни, в другое — состояние не-жизни?

Дэррон не знал, что хотелось бы услышать от него берсеркеру, но ответил:

— Допустим, что да! Но разве это имеет какое-то значение?

— Да! — весьма односложно заверил робот своим неестественным ровным голосом.

Не успел Одегард вникнуть в смысл этих слов, как машина легко подалась вперед и снова схватила его. Он сопротивлялся изо всех сил, но, конечно же, безрезультатно. Берсеркер разорвал его прочное пальто с поразительной легкостью и даже что-то бормоча себе под нос — то есть подобие носа. Одним куском ткани он вновь заткнул рот Дэррону, а остальными связал руки и ноги — достаточно туго, но не настолько, чтобы Одегард бессилен был освободиться. Чудовище, видно, не хотело совершать грубой ошибки и отвечать потом за незапрограммированную смерть человека.

Связав Дэррона, робот на минуту замер, медленно поворачивая в капюшоне голову — подобно прислушивающемуся к чему-то человеку. Потом стал спускаться вниз по лестнице, в абсолютной тишине, двигаясь скорее подобно гигантской кошке или обезьяне, нежели человеку.

Дэррон мог только отчаянно корчиться в своих неприглядных путах. Кляп не давал вырваться проклятьям.

Группа крестьян из соседней с монастырем деревни шла по дороге в сторону Храма. Вначале им встретился на пути Брат Сэйл; когда они узнали, что он не святой и не чудотворец, о котором говорит вся округа, огонек надежды погас в их глазах.

— Скажите, а для чего вы хотите увидеть Брата Джованна,— спросил Сэйл, смиренно сложив руки на животе.

Они заговорили все разом, как-то неопределенно жалуясь, но Сэйл тотчас приказал говорить кому-нибудь одному, ясно и доходчиво. Этот один немедленно шагнул вперед, и монах услыхал, что уже в течение нескольких дней огромный волк терроризирует маленькую крестьянскую деревушку. Чудовище зарезало уже не одну овцу,— они клянутся! Крестьяне вновь заговорили все разом, и Сэйл не разобрал в этом гаме: то ли они сказали, что волк сожрал ребенка, то ли, убегая от этого волка, мальчик-пастух упал и сломал руку. В любом случае, жители отчаялись. Мужчины не смеют выходить на поля. Они были изолированы от других деревень, бедны, не имели могущественного покровителя, который смог бы оказать хоть какую-нибудь помощь. И теперь вся их надежда только на святого Джованна. Он что-нибудь да сделает для них!

Брат Сэйл кивнул.

— Вы сказали, ваша деревня в нескольких милях отсюда? Вот за теми холмами, да? Ну, давайте посмотрим. Я постараюсь сделать для вас все возможное. Пойдемте со мной, и я расскажу о вашей беде Брату Джованну!

Винсенто вновь пришел в Храм — на сей раз в сопровождении Уилла. Прошло уже больше часа с того момента, как ученый в первый раз качнул груз, приведя его в движение...

Несколько секунд Винсенто просто стоял, задумчиво глядя на то, что произошло за время его отсутствия. Невысокая песочная конструкция была почти вовсе разрушена касаниями выпуклости на шаре. Планка сдвинулась в сторону часовой стрелки на десять-двенадцать градусов от траектории движения.

— Итак, Уилл, ты поможешь мне. Это еще один опыт, в котором ты должен следовать моим указаниям!

— Да, хозяин!

— Прежде всего запомни, что не должен останавливать колебания этого троса или как-то нарушать его движение, понятно?

— Да, хозяин.

— Прекрасно. Теперь ты должен взобраться наверх. Кажется, здесь достаточно лестниц и выступов. Мне нужно знать, как крепится этот трос и что держит его под куполом. Рассмотри все хорошенько, чтобы потом набросать мне эскиз. Рисунки у тебя неплохо получаются.

— Да, хозяин, все понятно,— Уилл с несчастным видом вытянул шею: — У-у! Вообще-то, лезть туда довольно высоко!

— Да! Да! Получишь монету, когда спустишься. Еще одну — когда нарисуешь хороший эскиз. Не теряй же времени и получше все рассмотри. И помни, не задень трос!

Успехи Дэррона были довольно скромными в деле собственного освобождения. Ему удалось лишь расслабить ремни на запястьях, когда вдруг он услышал грубые шаги карабкавшегося наверх берсеркера. Берсеркера?.. Нет, прямо перед ним появилось милое, уморительно честное лицо Уилла, выражавшее непередаваемый ужас.

— Бандит! — выдохнул Уилл.

Дэррон, освободив наконец руки и вытащив кляп, сплюнул.

— Разве мог бы я здесь сам спрятаться? — сказал он рассудительно.— Меня сюда притащили силой и связали!

— Ограбили, верно? — испуганно спросил Уилл.— Один из тех?

— Да. Но... у меня вообще-то не было с собой никаких ценностей. Сорвали только нательный крестик.

— Беда... Сейчас много мошенников развелось кругом,— с сожалением покачал головой Уилл.— Похоже, он сжимал вам горло, сэр. Не побоялся святотатство совершить — грабить в Храме Божием! Вы думаете, он вернется?

— Нет. Уверен, он уже далеко отсюда!

Уилл сокрушенно покачал головой.

— Вам надо освободить ноги, чтобы слезть вниз. А я отправляюсь выше, мне нужно выполнить задание хозяина.

— Задание?

— Ага! — Уилл уже карабкался вверх, похоже нацеливаясь в самый центр купола.

Стоя на четвереньках, Дэррон взглянул вниз. С высоты в сотню футов фигурка Винсенто с рыжими волосами казалась совсем игрушечной. Качавшийся трос заканчивался у пола чем-то тяжелым, похожим на некий мяч, движущийся вперед-назад с идеальной, непогрешимой размеренностью. Полковник где-то видел уже маятник такого размера и формы... его использовали для демонстрации...

Дэррон весь сжался в комок, чуть не свалившись с края платформы. Внезапно он понял, на что так пристально смотрел Винсенто и над чем раздумывал все то время, пока его доблестный защитник из Операций находился в постыдном плену. На старой земле люди гордились тем, что открыли маятник Фоколта...

— Уважаемый Винсенто!

Ученый удивленно и не без раздражения обернулся. Перед ним стоял молодой человек.— Алзай или Валзай, как там его имя,— очевидно, спустившийся как раз оттуда, из-под купола, куда сейчас поднимался Уилл.

Валзай сразу же заметил козлы для пилки дров, планки и маленькую горку песка, но твердил что-то о бандитах, опасности, так что его болтовня совсем спутала мысли Винсенто.

— Молодой человек,— прервал ученый поток банальных излияний,— я думаю, вам следует рассказать обо всем этом солдатам, а не мне! — и повернулся спиной к Дэррону. Итак, если это не расплетающийся трос, если это не какой-то там трюк наверху, то что же это тогда? Естественно, не сам же собор ползет по часовой стрелке! Хотя...

— Я вижу, мессир Винсенто, вы уже приметили небольшой сюрприз, подготовленный мной для вас?

Дэррон вдруг понял с небывалой отчетливостью и ясностью, по какому плану должно происходить все дальнейшее. Но еще он сознавал и значительный риск. Однако не раздумывая схватился за эту отчаянную возможность защиты...

— Ваш... маленький сюрприз? — голос Винсенто сделался тих и вкрадчив, брови нахмурились, точно предвещая близкую бурю гнева. Ученый повернулся

и посмотрел в лицо Дэррону.— Так значит это вы послали того монаха-мошенника, который приходил ко мне ночью?

Слова Винсенто о ночном визитере еще больше прояснили для полковника все то, что задумал берсеркер.

— Действительно, это все организовал я,— сказал Одегард, с гордостью указывая на маятник.— Должен признаться сэр, я нахожусь здесь уже несколько дней. Со мной были мои друзья, которые и помогли мне соорудить вот это все!

Дэррон лгал, но его ложь, предполагалось, все равно не могла быть раскрыта. И если она окажется эффективна, ученый и не подумает что-то здесь расследовать. В подробностях повествуя старику о том, как он и его друзья в поте лица собирали эту сложную конструкцию, Одегард воображал себе берсеркера, подобного кошке, обезьяне, дьяволу, подвешивающим и укрепляющим трос, груз, чтобы...

— Сейчас вы видите перед собой, мессир Винсенто, неопровержимое доказательство вращения нашей планеты!

В глазах старика на мгновение блеснул огонек, но и тени удивления не пробежало по его лицу. Винсенто вдруг превратился в настоящую статую: губы сжаты, глаза пусты.

— Конечно же, сэр,— продолжал Дэррон,— я следовал вашему и некоторых других ученых примеру, стараясь не разглашать открытия, а напротив, скрывать его для своей же пользы в дальнейших исследованиях. Но недавно я разослал некоторым выдающимся людям в разных странах послания с зашифрованным описанием этого эксперимента. Как уже было сказано, я предполагал держать все в тайне, в секрете. Но когда видишь, что мир зашел в тупик, нельзя уже безучастно стоять в стороне и...

Винсенто все еще не шевелился.

— Вы сказали, доказательство вращения нашей планеты? — голос его был ровен и тих.

— О простите меня! Не думал, что вам потребуется детальное разъяснение. Видите ли, крепление маятника неподвижно, да? Следовательно, движется наша планета.

Дэррону показалось, что при этих словах старик както еще больше осунулся и подряхлел. Полковник изоб-

разил на лице улыбку, призванную изображать понимание и одобрение в свою очередь, и продолжал несколько медленнее и отчетливее:

— На полюсе устройство, подобное этому, совершит полный оборот в триста шестьдеся градусов. На экваторе вообще не будет колебаться.

Все наращивая скорость, он выкладывал знания, накопленные человечеством за три с половиной столетия.

— Вне этих точек скорость вращения прямо пропорциональна географической широте. Здесь она около десяти градусов в час отклоняется... А так как мы находимся в северном полушарии, то отклонения колебаний направлены в сторону движения часовой стрелки.

С высоты Уилл выкрикнул:

— Трос очень слабо укреплен и может сорваться в любой момент. Но здесь его ничто не раскачивает!

— Слезай вниз,— крикнул слуге Винсенто.

— Еще немного, хозяин, чтобы сделать хороший рисунок...

— Слезай, кому говорят! — плотно сжатые губы разомкнулись и точно выплюнули эти слова.

— Единственное мое желание,— с несколько жестоким, как потом выяснилось, великодушием проговорил Дэррон,— помочь вам, сэр. Все помыслы о личной выгоде я оставил. Недавно вы открыли очень важные вещи, очень важные. И теперь вам не следует отступать. Мои усилия направлены лишь на вашу защиту. Я с удовольствием продемонстрирую свое открытие перед властями в Святом Городе, так что весь мир станет свидетелем...

— Достаточно! Я ни в чьей помощи не нуждаюсь! — прокричал Винсенто.— И вы не должны были вмешиваться в мои дела!

В самом деле, гордость Винсенто оказалась достойна его гения!

Но вспышка гнева не была продолжительной. Дэррон отступил и теперь молча смотрел на ученого, который, казалось, как-то даже ужался и сморщился под тяжким бременем прожитых лет, усталости и страха. Винсенто бросил на полковника полный ненависти взгляд и отвернулся. Теперь ученый никогда не воспользуется доказательством, взятым из чужих рук. И никогда не будет проводить исследований в этом направлении. Если бы он мог, то заставил бы усилием воли выбросить все это из головы и предать забвению. Что ж,

чванство и зависть людские, приведшие Винсенто к судебному разбирательству, не чужды были и самому ученому.

Из истории Дэррон знал, что на суде Винсенто не только отречется от своих взглядов, но даже пойдет дальше того, о чем попросят его судьи, и предложит собственноручно написать новый труд, в котором будет доказываться, что Солнце вращается вокруг планеты людей.

— Единственное мое желание — помочь вам, сэр!..

Сгорбленная фигурка ученого все удалялась и наконец Дэррон услыхал стук захлопнувшейся двери. Полковник устало прислонился к колонне, прислушиваясь в тишине Храма, к медленно повторявшемуся свисту. Уилл бросил на Одегарда хмурый взгляд и, спустившись с лестницы, поспешил за своим хозяином.

На мгновение Дэррон забыл даже о трагедии Винсенто. Он почувствовал реальную победу и, будто заново родившись, поторопился выйти из Храма. Потом направился в сторону монастыря. Если берсеркер не раскрошил вмонтированный в посох датчик, Дэррон сможет поделиться своей радостью со всем Современным Миром.

Враг ничего не тронул в его келье. Но пора, пора было выходить на связь: датчик за ухом давно уже передавал тревожные сигналы.

Брат Сэйл сильно запыхался, хотя, конечно же, не собирался спешить. Узкая тропинка по которой шли монахи, петляла меж кустов и в маленьких перелесках, то поднимаясь вверх на горку, то резко опускаясь вниз. Сэйл сильно отстал и, уже вовсе едва дыша, пытался догнать Джованна.

— Думаю, будет достаточно прочесть несколько молитв в деревушке. Знаете, крестьяне часто оказываются глупы, и не исключено, что они сильно преувеличивают размеры нанесенного этим самым волком ущерба!

Джованн промолчал, неутомимо шагая вперед. Теперь они уже на несколько миль удалились от монастыря и вторглись как раз в предполагаемые владения волка. Их провожатые и гиды в страхе повернули обратно еще полмили назад.

— Я слишком резко разговаривал с ними, да простит

меня Господь,— Сэйл взобрался на пригорок и, набрав воздуха для дальнейшего произнесения речи, спустился обратно.— Итак,— продолжал он,— зверь, действительно, стал причиной всех этих смертей и разрушений за последние несколько дней. Будет совершенным безумием приближаться к нему безоружными. Это не значит, что я хоть на минуту сомневаюсь в благости Провидения, но волк, особенно такой, как этот... да тут совсем другое дело...

Брат Джованн слушал не особенно внимательно. Он резко остановился и принялся изучать цепочку звериных следов, которая пересекла тропинку и исчезла в кустарнике. Брат Джованн шумно вошел в эти кусты, ведя за собой товарища...

Зажав в руке посох, Дэррон бежал так быстро, как только мог. Пятьдесят ярдов бегом, пятьдесят ярдов шагом.

— Одегард! — надрывался в датчике голос командующего.— Еще одна жизненная линия, столь же важная для нас, сколь и линия Винсенто, появилась как раз рядом с тобой. Вернее, была рядом с тобой. Сейчас этот человек и его спутник находятся в паре миль от тебя. Они вот-вот выйдут за черту безопасной зоны. Ты должен немедленно догнать их и защитить как-нибудь. Если берсеркер окажется там вперед тебя, он возьмет бедняг прямо тепленькими!

Ну конечно, берсеркер уже либо ждет этих двоих в засаде, либо гонится за ними по пятам. Атака на Винсенто абсолютно не удалась, провалилась! Но второй удар должен оказаться успешным и принести ожидаемый результат. И человечество останется открытым для последующих вторжений и атак.

Пробегая пятьдесят ярдов и затем проходя еще пятьдесят, Дэррон уверенно покрыл указанное ему Операциями расстояние.

— Так кого же мне искать? — спросил он недоуменно, но когда последовал ответ, то подумал, что мог бы и сам догадаться. Да, нужно было насторожиться и приготовиться к подобному повороту событий уже тогда, у моста, когда ему впервые бросилось в глаза это доброе лицо.

В гуще зарослей все было переломано и вытоптано, причем, по-видимому, еще несколько дней назад, так как перекалеченные ветки успели уже подсохнуть. Кое-где валялись кости и клочья серой шерсти.

— Это очень большой волк,— задумчиво проговорил Брат Джованн, наклоняясь, чтобы поднять обломок челюсти. Кость казалась яростно раздробленной, хотя еще сохранилось несколько зубов внушительной формы.

— Очень большой, несомненно,— поддакнул Брат Сэйл, хотя знал о волках очень немного да и не имел охоты углублять свои познания в этой области. Он нервно оглядывался по сторонам. Солнце клонилось к западу и лес становился для Сэйла все более зловещим.

— Итак,— вслух рассуждал Джованн,— что же это могло быть за существо, которое расправилось с огромным матерым волком? Даже когда я в постыдной алчности своей глодая косточки дичи... Но нет, эти кости обгладывались не с голоду. Они раскрошены и искромсаны зверем более диким и свирепым, чем волк.

Имя Брата Джованна означало доброту и любовь для Современных историков и судей, для скептиков и правоверных. Как и Винсенто, Брат Джованн стал известной исторической личностью, любимой народом, но все-таки не понятой до конца.

— Мы только час назад выяснили практическую значимость жизни Джованна,— вновь послышался голос начальника.— Когда с Винсенто все уладилось, наши наблюдатели сосредоточили свое внимание на твоей зоне и более пристально все в ней рассмотрели. Жизнь Джованна продлится еще пятнадцать лет после развернувшихся в твоем районе событий. И всю свою жизнь монах излучает доброту и ласку. Впоследствии это волшебное исхождение из него светлых энергий и сил назовут «ежедневной поддержкой». Люди, получившие такую поддержку, тоже в свою очередь помогали другим. И так этот процесс распространялся все шире и шире. Мы в Операциях пришли к выводу, что мирный договор о разоружении, подписанный триста лет спустя после смерти Джованна, мгновенно потеряет силу и даже провалится, если жизнь Джованна оборвется при гнусном участии берсеркера. Ядерная война уничтожит нашу Современную Цивилизацию.

Когда голос начальника пропал, появился другой, теперь уже женский голос:

— Новое сообщение для полковника Одегарда.

— Лиза? — спросил Дэррон, вновь переходя на шаг.

Лиза замешкалась на минуту, как бы смутившись, но потом вновь деловито заговорила:

— Полковник, существо, жизненная линия которого описывалась вам ранее как принадлежащая эмбриону, сейчас как раз покидает зону безопасности, следуя за теми двумя людьми. Эмбрион движется на огромной скорости. Вы должны повернуть на пять градусов влево, чтобы выйти ему наперерез.

— Понятно.

Дэррон изменил направление, высчитав указанные пять градусов. Теперь он выбрался из низины и двигаться стало гораздо легче, так как грязь почти исчезла.

— Лиза?

— Дэррон, они разрешили мне выйти на связь с тобой при условии, что я буду говорить только о деле.

— Хорошо, говори.

Одегард вспомнил, что уже отшагал пятьдесят ярдов. Пора было переходить на бег. Дыхание участилось.

— Я только хотел сказать... Я хочу... хочу, чтобы у нас был ребенок!

Слабо вскрикнув, Лиза некоторое время молчала, а когда заговорила вновь, ее голос был холоден и отчетлив. Она передавала какие-то поправки и инструкции.

Краешком глаза Брат Сэйм заметил вдалеке нечто, очень быстро двигавшееся в их сторону меж кустов и деревьев. Он обернулся, щурясь от солнца и удивляясь собственному спокойствию и почти безмятежности духа. Приближавшееся существо было больше похоже на монстра или демона, чем на волка, но монах сомневался, что именно это чудовище держало в страхе крестьян. Теперь оно мчалось прямо на осмелившихся искать его людей!

Похожее на ядовитую серебряную осу, существо ростом с человека находилось уже почти в ста ярдах от монахов. Брат Сэйл понимал, что должен сейчас отдать жизнь за друга, должен шагнуть вперед и грудью заслонить Джованна. Душа рвалась к подвигу, жаждала его, но ноги отказывались повиноваться. Сэйл попытался криком предупредить друга, но и глотку залил плавя-

щийся свинец страха. Наконец ему все же удалось схватить за рукав Джованна и указать вперед.

— А? — отозвался Джованн, но, взглянув туда, куда ему немо кивал Сэйл, тотчас вышел из задумчивости. В нескольких шагах от них, присев на все четыре лапы, чудовище готовилось к прыжку. Оно переводило взгляд с одного монаха на другого, точно решая, который из двух нужен ему. Действительно, мельком видевшие это существо крестьяне могли принять его за волка: то здесь, то там спина монстра была покрыта клочьями серой шерсти, видимо, составлявшей некогда целое одеяние, впоследствии разорванное на куски. Голый, гладкий, ужасающий и одновременно красивый какой-то необыкновенной красотой, зверь, подобно серебряному шарику ртути, подкатился еще немного вперед. Потом вновь присел и застыл.

— Ради всего святого, пойдемте, Брат, отсюда! шептал Сэйл, стуча зубами.— Это далеко не обыкновенный зверь. Пойдемте!

Но Джованн поднял руку и осенил крестным знамением этот кошмар. Казалось, он не заклинает, а благословляет его.

— Брат Волк,— ласково проговорил Джованн,— ты и в самом деле выглядишь необычно. Ты не похож на тех зверей, которых доводилось мне видеть. Но и в тебе есть живая душа. Поэтому никогда не забывай, что Всевышний создал тебя так же, как и других. Мы все — дети нашего Небесного Отца, помни об этом!

Волк придвинулся еще ближе и опять замер. Сэйлу показалось, что в открытой пасти чудовища он увидел не просто длинные и острые, но еще и способные выдвигаться, как пила, клыки. Зверь издал страшный, ни на что не похожий вопль, и монах подумал об отточенном, круто секущем лезвии меча и агонии умирающего человека.

Джованн опустился на одно колено и вытянул вперед руки, будто собираясь обнять волка. Тот рванулся на человека, потом остановился, точно удерживаемый неким невидимым поводком или цепью, и снова издал вопль. Едва дышавшему от страха Сэйлу показалось, что он слышит дикий хруст раздираемых одежд и вопли возводимой на костер жертвы...

— Брат Волк,— Джованн говорил с наставительной нежностью, но совершенно без испуга,— ты убивал и ка-

лечил, как безумный преступник, и за это ты должен понести суровое наказание. Но тебе необходимо и прощение — прощение всех тех людей, которым ты причинил страдания! Идем же, вот тебе моя рука. Поклянись именем Бога, что с этой минуты ты будешь жить в мире с людьми. Ну, подойди же!

Дэррон бежал с перерывами, долго и изнурительно, но наконец услышал обрывки какого-то разговора, а затем увидал неподвижную фигуру Брата Сэйла, неотрывно смотревшего на что-то такое, что от глаз полковника было скрыто кустарником. Подняв посох, Одегард приготовился к нападению, но цели еще не обнаружил. Теперь он знал, что Сэйл не был берсеркером. То, что Операции передавали о жизненной линии эмбриона, неожиданно связалось в мозгу Дэррона с тем, что сказал ему берсеркер в Храме. Полковник сделал несколько шагов в сторону и наконец увидел то, на что безмолвно взирал Сэйл.

Он пришел как раз в тот момент, когда берсеркер-волк поднял железную лапу и чудовищными когтями тронул протянутую ему руку стоявшего на коленях монаха.

— Итак, мои предположения оказались верными: он стал живым существом,— сказал Дэррон. Его голова покоилась на коленях у Лизы, и если бы он захотел, то мог бы, запрокинув голову, увидеть пронизанные солнцем верхушки парковых деревьев.— И как все остальные, оказался подвластным внушениям Святого Джованна. Его любви... Думаю, другого объяснения не существует.

Лиза, поглаживая его лоб, вопросительно вскинула брови.

— Мне кажется, это довольно разумное объяснение,— нахмурился Дэррон.— Самая сложная машина, которую когда-либо создавали берсеркеры, была опущена на двадцать тысяч лет в Прошлое. И в ней, вероятно, зародилась, душа. Машина ожила, если так можно выразиться. А Джованн обладал поразительной властью над всем живым. Эта его способность была в свое время задокументирована, да и старинные легенды говорят о том же.

— Я прочитала легенду о Святом Джованне и Волке,— сказала Лиза.— В ней говорится, что после того, как монах приручил волка, зверь до конца своих дней жил в той маленькой деревушке, словно обычная дворовая собачонка.

— Это говорится о настоящем волке... Думаю, небольшие изменения, внесенные нами в историю, не повредили легенде! Я понимаю теперь, что в планы берсеркера входило убийство живого волка с последующим занятием его места. Если бы в тот раз Джованна волк все-таки убил, то это бы заставило людей думать, что монах был просто мошенником. Но разорвать на куски волка тоже нелогично для человеческого существа. И, заметь, нехарактерно... Если бы мы знали обо всем этом раньше, то с легкостью предугадали бы, что произойдет с нашим врагом. А уж я должен был догадаться еще в Храме, когда берсеркер бормотал что-то о переходе из состояния жизни в состояние «не-жизни». В любом случае Операции оказались менее доверчивы, чем Джованн и его биографы. Теперь мы держим это существо в клетке, пока ученые решают, что...

Дэррону пришлось прерваться. Молодая леди вдруг нежно склонилась над ним и поцеловала.

— Я говорил уже, как очаровательны все места нашей планеты? — спросил через некоторое время полковник.

— Да... Кстати, Храм нуждается в реконструкции. Но я думаю, что мы бы могли как-нибудь на днях забежать в Хоумстед Офис и поставить наши имена напротив графы этого Храма...

И Дэррону вновь пришлось прерваться...

ПЛАНЕТА БЕРСЕРКЕРА

I

В гостиной звездолета Орион живо и отчетливо звучал по радио голос давно умершего человека. Собравшиеся здесь шесть человек, единственные живые люди на сотни световых лет вокруг, какое-то время внимательно вслушивались, хотя некоторые из них делали это только потому, что Оскар Шенберг, владелец Ориона и командир его нынешнего полета, дал им понять, что он хочет слушать. Карлос Суоми, давно готовый выступить против Шенберга и только ожидавший со дня на день повода для серьезного разговора, в данном случае был с ним совершенно согласен. Афина Паулсон, самая независимая из трех женщин, не имела возражений. У Селесты Серветус, не отличавшейся склонностью к независимости, были некоторые возражения, но они не имели никакого значения. Густавус Де Ла Торре и Барбара Хуртадо вообще никогда на памяти Суоми не возражали против решений Шенберга.

Голос мертвого человека не был простой воспроизведенной записью. Он прилетел через пространство в пятьсот световых лет, пролегавшее между Охотничьей системой, где и возник этот радиосигнал, и нынешним положением Ориона в межгалактическом пространстве, на удалении от Земли в тысячу сто световых лет (или пять с половиной недель полета корабля). Голос принадлежал Иоганну Карлсену, который пятьсот земных лет назад привел боевой флот к Охотничьей системе, чтобы вступить в бой с флотом берсеркеров и обратить его в бегство. Это было уже после того, как он разгромил основные силы берсеркеров и полностью вывел из строя их наступательные системы в темной туманности Каменистой Россыпи.

Основная часть перегородки гостиной была занята смотровыми экранами, и когда они, как в данном случае, были включены, через них с ужасающим реализмом

в помещение врывались звезды. Суоми всматривался в нужное место на экране, но с расстояния в пятьсот световых лет едва ли было возможно без помощи телескопического увеличения найти солнце Охотничьей системы, не говоря уже о том, чтобы увидеть совсем уже микроскопические вспышки космической битвы, которую Карлсен вел когда-то, выкрикивая слова, звучащие сейчас в гостиной космического корабля, и заставляющие Шенберга задуматься, а Суоми записывать их. Эти двое на первый взгляд чем-то походили друг на друга, хотя Суоми был ниже ростом и, вероятно, гораздо моложе, да и в лице его было что-то мальчишечье.

— Почему ты уверен, что это голос Карлсена? — спросил Гус Де Ла Торре, худощавый, темноволосый мужчина несколько угрожающего вида. Он и Шенберг сидели напротив друг друга в мягких массивных креслах небольшой гостиной звездолета. Остальные четверо расположились в таких же креслах, расставленных примерно по кругу.

— Я уже слышал это раньше. Те же самые слова.— Голос Шенберга звучал слишком тихо для столь крупного и плотного человека, но в этом голосе была, как всегда, решительность и уверенность. Как и Суоми, Шенберг пристально всматривался в звезды на смотровом экране, в то же время внимательно слушая голос Карлсена.

— Когда я последний раз был в Охотничьей системе,— тихо продолжал Шенберг,— примерно пятнадцать земных лет назад, я останавливался в этом районе, даже на пятнадцать световых лет поближе, тогда я и обнаружил этот самый сигнал. Я слышал эти же слова и записал некоторые из них, также, как делает это сейчас Карлос.— Он кивнул в сторону Суоми. Голос Карлсена вновь прервал потрескивающее молчание радио: — Посмотрите через тот люк, раз уж он не закрывается, что там есть на поверхности, неужто надо вас учить этому? — Голос был язвительный, но произносимые слова почему-то западали в память, хотя это был обычный раздраженный жаргон, ничем не отличающийся от криков любого командира в разгаре трудной и опасной операции.— Прислушайся,— сказал Шенберг.— Если это не Карлсен, то кто еще? Во всяком случае, по возвращении на Землю из последнего полета я сравнил сделанную мной запись с тем, что записывали историки

на его флагманском корабле, и убедился, что последовательность событий совпадает.

Де ла Торре спросил с притворным удивлением: — Оскар, неужели никто не поинтересовался, где это ты заполучил свою запись? Ты ведь не должен был пролетать в этом районе космоса, как и мы сейчас, кстати.

— Плевать, до этого нет никому дела. Межзвездная Администрация уж точно этим не интересуется.

Суоми чувствовал, что Шенберг и де ла Торре знают друг друга не слишком долго и недостаточно хорошо, но познакомившись в каком-то деле, они сблизились благодаря общему интересу к охоте, занятию малопопулярному в последнее время. Во всяком случае, таким было отношение к охоте на Земле — родной планете для всех членов этого экипажа.

Голос Карлсена продолжал: — Говорит главнокомандующий. Разомкните третье кольцо. Группам захвата начать выполнение своих операций.

— Сигнал почти не ослабел с тех пор, как я слышал его в первый раз,— задумчиво произнес Шенберг.— Похоже, что на пятнадцать световых лет в сторону системы Охотничья, все чисто.— Не вставая из кресла, он вызвал трехмерную голографическую карту звездного пространства и своим светописцем умело внес на нее новый символ. Пустота пространства между кораблем и целью его движения имела большое значение для полета. Хотя сверхсветовое перемещение звездолета проходило вне обычного пространства, тем не менее состояние его близлежащих областей оказывало неизбежное влияние на полет корабля.

— Приближается большой гравитационный барьер,— продолжал говорить по радио Карлсен,— Так что будьте наготове.

— Сказать по правде, мне это все уже надоело,— произнесла Селеста Серветус (пышные формы, признаки смешения азиатских, чернокожих и в небольшой дозе нордических предков, необычайно гладкая и упругая кожа, покрытая серебристой краской для тела, парик из чего-то вроде серебряного тумана). В последнее время Селеста примерно таким способом демонстрировала вспышки дерзости и непочтительности к Шенбергу, впадая на время в состояние, которое, будь она помоложе, можно было бы назвать «недотрога». Сейчас Шенберг не удостоил ее вниманием. Для него она уже не была недотрогой.

— Может быть, мы и не оказались бы здесь, если бы не этот джентльмен, говорящий сейчас по радио.— Это вступила в разговор Барбара Хуртадо. Барбара и Селеста во многом были похожи. Обе они — девушки, умеющие и любящие хорошо провести время, были взяты в эту экспедицию с тем, чтобы скрасить досуг мужчин, наряду с пивом и сигарами. Но во многом они и отличались друг от друга. Барбара, брюнетка, похожая на уроженку Кавказа, была, как обычно, одета в темное. В ней не было ничего неземного. Каждый, кто мог видеть ее инертной и сонной, с застывшим лицом, не слыша ее голоса и ее смеха, не видя грациозности ее движений, мог спокойно посчитать ее посредственностью в смысле сексуальной привлекательности.

Однако в движении она была столь же приятна на вид, как и Селеста. Суоми считал, что и по интеллекту они тоже были примерно равны. Сказанное Барбарой подразумевало, что нынешняя межзвездная цивилизация самим своим существованием была обязана Карлсену и его победам над берсеркерами, и это было очевидной истиной, которую ни обсуждать, ни явно подтверждать никому не пришло бы в голову.

Берсеркеры — боевые машины-автоматы, ужасающей мощности и эффективности, были разбросаны по Галактике во время какой-то неизвестной войны между цивилизациями, исчезнувшими задолго до начала истории человечества. Главной программой, встроенной во всех берсеркеров, было предписание везде и всюду искать и уничтожать жизнь во всех ее формах. В мрачные века при первых нападениях на землян берсеркеры почти полностью растаптывали скромные успехи людей в звездных завоеваниях. Хотя Карлсен и другие отогнали берсеркеров от центра космической зоны, контролируемой людьми, их оставалось еще много. Люди продолжали сражаться и умирать на рубежах небольшого человеческого островка Галактики.

— Признаюсь, его голос как-то влияет на меня,— вытягивая и вновь поджимая под себя длинные обнаженные серебристые ноги,— сказала Селеста.— Сейчас он разозлится,— заметил Шенберг. Почему бы и нет? Думаю, гениальные люди имеют на это полное право,— произнесла Афина Паулсон своим чистым контральто. Несмотря на свое имя, в лице у нее было много от азиатских предков. Она выглядела лучше девяти из

любых десяти молодых женщин и ставила на первое место те качества, которые у Селесты занимали третье. Сейчас на Афине был простой цельнокроенный костюм, не многим отличающийся от того, который она обычно носила на работе. Она была одной из наиболее приближенных к Шенбергу и доверенных секретарш.

Суоми, желая не пропустить запись момента, когда Карлсен разозлится, нащупал небольшой кристаллический кубик на подлокотнике кресла. Настроил его так, чтобы не слышать разговора в гостиной и воспринимать только звук, приходящий по радио. Он приказал себе приклеить этикетку на кубик, как только вернется в свою каюту. Обычно он забывал делать это.

— Как они должны были его ненавидеть! — заметила Барбара Хуртадо мечтательным и задумчивым голосом. Афина повернулась к ней: — Кто? Те, на кого он разозлился?

— Нет, эти ужасные машины, с которыми он воевал. Оскар! Ты же все это изучал. Расскажи нам что-нибудь об этом.

Шенберг пожал плечами. Казалось, он не был расположен к тому, чтобы много говорить на эту тему, хотя она явно занимала его.— Я бы прежде всего отметил, что Карлсен был настоящим человеком и я хотел бы быть с ним знакомым. Карлос, пожалуй, изучал этот период более основательно, чем я.

— Да, попробуй-ка ты теперь,— оживился де ла Торре. Он не очень ладил с Суоми, хотя их отношения еще не обострились настолько, чтобы приводить к открытым ссорам.

— Да,— сказал Суоми глубокомысленно.— Пожалуй, эти машины и впрямь его ненавидели.

— О, нет,— заметила Афина, отрицательно покачав головой.— Только не машины.

Иногда у Карла появлялось желание ударить ее. Он все же продолжил: — Считают, что у Карлсена был особый талант в выборе стратегии, которой они не могли противостоять, какой-то особый дар лидера... Что бы то ни было, но берсеркеры не могли успешно действовать против него. Говорят, они оценивали его уничтожение даже выше, чем разрушение нескольких планет.

— Берсеркеры строили специальные машины-убийцы,— неожиданно произнес Шенберг.— Только для того, чтобы избавиться от Карлсена.

— Ты уверен в этом? — поинтересовался Суоми.— Я встречал намеки на что-то такое, но нигде не говорится об этом определенно.

— О, разумеется,— едва заметно улыбнулся Шенберг.— Если хочешь разобраться в этом вопросе, недостаточно запросить распечатку из Информационного Центра Земли. Нужно подсуетиться и раскопать дополнительные факты.— Но почему? — Информационный Центр обычно мог быстро воспроизвести любую справочную информацию, имеющуюся где-либо на Земле.— Остались еще некоторые старые правительственные блоки цензуры в банках данных, содержащих информацию по берсеркерам.

Суоми покачал головой.— Но ради чего это?

— Я думаю, просто из-за инерции официальных органов. Никому не хочется тратить время и силы на наведение порядка. Если же ты спрашиваешь, почему вначале вставлялись блоки цензуры, то это делалось из-за того, что одно время были людишки, преклонявшиеся перед этими проклятыми тварями, берсеркерами.

— Не могу в это поверить,— возразила Селеста. Она хотела добавить еще что-то, но ее перебил гневный крик Карлсена, распекавшего своих подчиненных за что-то.

— Я уже почти закончил,— потянувшись к панели управления возле кресла, сказал Шенберг. Треск радиопомех прекратился.— Дальше несколько часов радиомолчания.— Теперь взгляд Шенберга беспокойно скользил по астронавигационной карте.— Так вот, существовала некая достаточно тупая бюрократическая практика ограничения доступа к информации о берсеркерах... все это весьма занятно, леди и джентльмены, но не пора ли нам продолжить нашу охоту?

Не пытаясь даже изобразить ожидание согласия, он начал настраивать астронавигационные и полетные компьютеры на продолжение полета к Охотничьей системе. Пройдет еще семнадцать или восемнадцать земных дней, прежде чем Орион доберется туда. Точное измерение времени было невозможно при межзвездных путешествиях. Это походило на управление парусником в море, изобилующем изменчивыми течениями, которые в зависимости от ветров могли меняться день ото дня, даже если они и придерживались довольно устойчивого направления. Изменчивые звезды, пульсары, спикары

и квазары в Галактике и за ее пределами влияли каждый по своему на пространство, через которое двигался звездолет. Черные дыры различного размера вносили свои чудовищные гравитационные искажения в ткань Вселенной. Взрывы сверхновых звезд, близких и отдаленных, порождали почти непрекращающиеся ударные волны, набегавшие на корпус корабля. Межзвездный корабль, который обгоняет свет, не несет в принципе и не может нести на себе всю нужную для его движения энергию. Только подключение к гравитационно-инерционным ресурсам Вселенной обеспечивает требуемую энергию подобно тому, как использовалась сила ветра для движения старинных парусных кораблей.

Хотя искусственная гравитация поддерживала спокойную неизменность обстановки в гостиной корабля, изменившееся освещение голографической карты указывало на то, что Орион начал движение. Шенберг встал и энергично потянулся, становясь как будто больше ростом.— Теперь к Охотничьей! — воскликнул он.— Кто хочет выпить со мной? За успех охоты и за радость всяких прочих развлечений, ждущих нас впереди.

Выпить были все непрочь. Но Афина только пригубила напиток и опустила стакан в аппарат для утилизации.— Оскар, будем ли мы продолжать наш шахматный турнир?

— Нет, пожалуй,— Шенберг стоял, заложив одну руку за спину под короткие фалды смокинга, почти позируя и наслаждаясь своим напитком.— Я иду вниз. Пора установить тир для стрельбы и немного попрактиковаться. Мы ж ведь не на фазанов собрались, не так ли? Не исключено, что после высадки нам придется немало сражаться.

Его умные глаза, в которых сейчас светилось какое-то внутреннее удовольствие, пробежали по всем присутствующим и, казалось, дольше всех, лишь на долю секунды, остановились на Суоми. Затем Шенберг повернулся и энергичной походкой вышел из гостиной.

Компания распалась. Суоми отнес свой магнитофон обратно в каюту, затем снова вышел, чтобы посмотреть, как будет выглядеть стрелковый тир, и в проходе столкнулся с Де Ла Торре.

— Как это понимать «немало сражаться после высадки»? — обратился к нему с вопросом Суоми.

— Он ничего тебе не говорил о турнире, на который он хочет посмотреть?

— Нет. Какой турнир?

Де Ла Торре улыбнулся и то ли не захотел, то ли не смог дать ему ответ.

II

Теплым утром сезона восточного восхода, в лагере близ плавно и тихо текущей реки, под поросшими лесом склонами горы Богов, когда все, наконец, собрались, оказалось, что прибыли шестьдесят четыре воина. Из них не более четырех — пяти когда-либо видели друг друга, потому что все они прибыли из разных пригодных для жизни уголков мира — будь то город, поместье, остров или район кочевого племени. Некоторые добирались сюда с берегов бескрайнего восточного океана. Другие приехали с самого северного обжитого края, где весна, длившаяся уже одну шестидесятую часть жизни старого человека, своим таянием пробуждала ледниковых чудовищ и инеевых червей. С севера прибыли лучшие охотники этого мира, нареченного во имя охоты. Одни воины явились из непроходимо раскинувшейся пустыни, лежащей к западу от населенных людьми земель, а другие — с юга, где сплетаются болота и реки, вливающиеся в конце концов в океан, и преграждают все пути движения в этом направлении.

Воины, собравшиеся в этот день для открытия турнира Торуна, были высокие и низкие, худые и толстые, лишь некоторые из них отличались своей молодостью и не было ни одного старого. Даже в этом мире жестокости все они выделялись особой жестокостью.

Но на время этого сбора они мирно расположились все вместе, и каждый по прибытии без возражений принимал любой небольшой участок земли в лагере, выделенный ему Леросом или одним из подчиненных жрецов Торуна. В центре лагеря на походном алтаре на большой деревянной платформе было воздвигнуто изображение бога, чернобородого и в золотой диадеме, сидящего в задумчивости, возложив руку на рукоятку меча,

и ни один из воинов не забыл положить перед ним свои дары. Некоторые подношения были богатые, ибо среди прибывших сразиться в турнире находились и люди состоятельные.

Но сколь богат или силен ни был прибывший на турнир, он являлся без слуг или поклонников, а из вещей имел с собой едва ли больше, чем тяжелую защитную одежду в дополнение к выбранному излюбленному оружию.

Турнир относился к разряду священных, расцениваемых жрецами Торуна настолько высоко, что посторонние зрители не допускались — хотя на всей планете не нашлось бы свободного человека, не мечтавшего стать свидетелем этого состязания. Не было нужды и в посторонних слугах. Собравшимся воинам и жрецам прислуживало, окружая их почестями и роскошью, почти такое же число одетых в серое рабов-мужчин, носивших на платье отличительные знаки принадлежности к горе Богов, Торуну и его слугам. Женщины не допускались в лагерь.

В это утро, когда явился последний из бойцов, несколько рабов готовили арену для состязаний — огороженную земляную площадку диаметром около пятидесяти футов. Другие рабы занимались приготовлением пищи к обеду, откладывая отдельно дары из фруктов и мяса для тех, кто пожелает их принести на алтарь Торуна. Дым кухонных очагов поднимался к небу, а оно было совсем ясное и в нем была та же синева, что и на планете Земля, но была также желтизна и горечь и медь.

Из-за клубов дыма виднелась гора — непривычная панорама почти для всех прибывших сюда на сражение. Но гора эта с детства была в сердцах и памяти каждого из них. На вершине горы обитали жрецы Торуна, а вместе с ними там был и сам бог, располагавшийся за белыми стенами священного города со всем своим великим могуществом. Там были также женщины, животные и другие предметы первой необходимости. Время от времени наверх доставлялись рабы для услужения постоянным обитателям, но почти никогда рабы не возвращались оттуда обратно, а работавшие в это утро на прибрежном лугу были присланы специально для этого из подчиненных областей. Крупные армейские отряды горы Богов никогда не приближались к своей столице ближе, чем до подножия горы, за исключением специально

откомандированных отделений. Большинству простых людей вершина горы и ее город-крепость были совсем недоступны.

Там, наверху, жил сам Торун, а также полубог Мжолнир — его самый верный рыцарь. Другие божественные личности приходили туда время от времени: боги исцеления, справедливости, почвы и погоды, урожая и плодородия, а также многочисленные полубоги со второстепенными видами ответственности. Но все знали, что главным образом гора принадлежала Торуну, религии Торуна, миру Торуна. Для всех людей, кроме тех, обычно оттесненных на край света, которые не любили Торуна или его власть, отданную его именем жрецам горы Бога, эта планета была планетой охотников и воинов, а сам Торун был богом войны и охоты.

Жрец по имени Лерос, средних лет, проживший три предыдущих северных весны и получивший шрамы в своей бурной молодости, был назначен Верховным жрецом Андреасом руководить турниром. Лерос имел высокое звание среди жрецов Торуна, хотя и не был членом окруженного тайной Внутреннего круга. В молодости он приобрел почти легендарную репутацию бойца и многие из лучших среди молодых героев смотрели на него с благоговением. Лерос сам спустился к берегу реки, чтобы приветствовать последнего прибывшего бойца — Чэпмута из Риллиджэкса. Он протянул Чэпмуту руку, помогая ему выйти из челнока, приветствовал его приезд на Священный Турнир Торуна, после чего легким росчерком поставил последнюю отметку на листе регистрации, содержавшим все имена приглашенных воинов.

Вскоре после этого ритуальный барабан призвал всех на общий сбор. Лерос стоял в новом платье ослепительно белого цвета в центре новой чисто убранной арены и ждал пока все соберутся по ее краям. Воины быстро смолкли, отдавая Леросу полное внимание. В некоторых местах образовавшегося круга воины стояли тесно, но никто не толкался, пытаясь протиснуться вперед, на лицах у всех было только внимание и почтение.

— Возрадуйтесь, о, избранники богов! — воскликнул, наконец, Лерос своим еще сильным голосом. Он обвел взглядом всех стоявших вокруг него бойцов, возвышаясь над ними таким же сильным и статным, как большинство из них, хотя он уже не был таким же быстрым или точным. Прошло много дней, почти одна

шестидесятая часть жизни старого человека, с тех пор как с горы Богов пришло и распространилось по всему миру официальное известие о турнире. Гораздо дольше, еще со времени прошлой северной весны все уже знали, что турнир должен состояться. Худенькие маленькие мальчики тех времен теперь стали мужчинами в расцвете сил, а гора Богов и все ее дела с тех пор сильно приумножили свою важность и славу.

Многие из ожидающих участников были наполовину обнажены, чем благоприятствовала мягкая погода. Их тела были мускулистые и покрытые шрамами. Одежды некоторых были очень грубыми, у других же — мягкие и роскошные. Одни носили на себе части защитного снаряжения или имели щиты из закаленной кожи ленивца или блестящего железа. Полное защитное облачение не применялось на планете Охотничья, где люди сражались только стоя и никогда верхом. Эти воины были сыновья вождей и крестьян, но были также и сыновья неизвестных отцов. Только доблесть, умение владеть мечом, копьем и секирой позволили им завоевать право участия в турнире. Сейчас Лерос видел вокруг себя множество глаз — голубые и черные, глубоко посаженные, глаза с наружными складками и без них, иногда безумные и среди них одна — две пары невинных, как у младенца.

Первые колонисты с Земли, прибывшие около шести обычных столетий назад, выбранные совершенно случайно из разных уголков мира людей, уже тогда были сильно перемешаны по расам и культуре. Лица, окружавшие Лероса, были коричневые, белые или черные с волосами черного, коричневого или русого цвета; встречались и рыжеволосые. Один был с пепельно-серыми седыми волосами, двое выбриты наголо. Тут выглядывало сильно татуированное лицо с полосами от уха до уха, а там виднелась улыбка с обточенными, как острия, зубами. Но гораздо больше было ничем не примечательных людей, которые были похожи на обычных пастухов, если не считать висящего на ремне у пояса оружия. Помимо того, что все они были людьми и мужчинами, только одно объединяло их всех — необычайное умение убивать других людей в боевом единоборстве.

— Возрадуйтесь, о, избранные! — снова провозгласил Лерос, теперь уже тише.— Еще до захода солнца половина из вас будет стоять в большом зале нашего

Бога — он указал на вершину горы Богов, скрытую от взглядов лесистыми холмами у ее подножия,— лицом к лицу с самим Торуном.— Лерос приготовился повторить свои слова, а воины были готовы слушать их, слушать вновь обещания, ниспосланные годом раньше с горы Богов Леросом и его прислужниками.

Торун, воинственный вождь всех богов (так гласило предание), был доволен боевым духом человеческой расы, проявленным в ходе последних войн. Это расширило власть горы Богов на большую часть обитаемого мира. Бог благосклонно даровал разумным существам право сражаться в открытом для шестидесяти четырех лучших героев своей эпохи турнире за то, чтобы получить право сесть по правую руку от него. Для выполнения этого весь обитаемый мир был произвольно разделен на шестьдесят четыре области, а местные правители каждой области получали приглашение посылать на турнир своих самых сильных воинов, причем подробности процесса отбора обычно определялись самими правителями.

Все участники, кроме одного, должны были умереть на турнире Торуна, а этот один — победитель — получал звание полубога и должен был занять место по правую руку Торуна. (Где-нибудь в глубинке некий непочтительный логик-мыслитель непременно спрашивал жреца, доставившего приглашение: — А как же Мжолнир? Ему что, придется потесниться? — Вовсе нет, мой племянник. Без сомнения, и он и победитель турнира разделят почетное право быть рядом с Торуном. Также несомненно, что они станут сражаться за первенство, когда это будет им угодно).

По имевшимся сведениям, в зале Торуна на вершине горы им и впрямь нравилось много сражаться. Там великий бог и избранные обожествленные люди — убитые герои прошедших войн и сражений — каждый день снова убивали друг друга, дабы испытать радость сражения и чудесным образом исцелиться к вечеру от ран, чтобы за столом Торуна насладиться в компании богов изысканнейшими напитками и жертвенным мясом, сказочными повествованиями, рассказанными с бессмертным красноречием, бесчисленным множеством девушек, которым для большего наслаждения навечно давалось целомудрие. (В этом месте рассказа, где-нибудь в глубинке, любопытный слушатель облегченно вздыхает,

ибо в этом уже есть нечто большее, чем доступно для обсуждения простыми воинами. Но даже если он и не так прост, слушатель видит, что у него не получается одолеть этого красноречивого жреца в затеянной им игре слов).

Этим ярким утром Лерос формально огласил еще раз то, что его слушатели уже знали: — Те из вас, кто падет в первом круге боев, первыми же будут праздновать у Торуна, но их удел навечно — самая нижняя часть стола. Следующие шестнадцать, погибнувших во втором круге сражений, получат более высокие места. В битвах третьего круга умрут восемь из вас, они будут сидеть еще выше и каждый из них навечно получит четырех прелестных девушек, чья красота несравнима ни с чем в этом мире — двух белых, как слоновая кость и двух черных, как эбонит,— для удовлетворения каждого желания еще даже до того, как оно будет произнесено вслух.

После четвертого круга поединков в живых останется только четыре воина, сильнейших из сильных. Четверо убитых в четвертом круге борьбы будут награждены щитами и оружием, блестящими, как серебро, но крепче и острее лучшей стали, а также кубками для вина из этого же металла. И еще, каждый получит навечно в свое распоряжение восемь девственниц еще большей красоты. Сидеть эти воины будут совсем близко от бога Торуна.

В пятом круге сражений должны пасть еще двое, и эти двое воссядут в высоких дубовых креслах с позолотой, еще выше у стола. И будут даны им золотые чаши для вина и щиты, и оружие, и каждому из них будут прислуживать шестнадцать девушек неописуемой красоты. Все будет даваться им в большей мере, чем тем, кто занял низшие ступени. В тот день лишь двое из вас останутся в живых за пределами зала, где празднуют боги.

Единственная дуэль шестого круга боев станет последней и величайшей из всех. Проигравший в ней получит более высокие почести. По завершении этого поединка турнир будет окончен и победителем станет один человек. Этот единственный войдет во плоти в священный храм бога Торуна и местом для него на все времена будет место по правую руку от Торуна. С этого высокого места человек этот превзойдет других шесть-

десят три воина настолько же, насколько они возвысятся над толпой жалких смертных людишек, ползающих здесь внизу.

Лерос закончил свою речь со вздохом. Он сам верил в эти обещания и они будили в нем зависть и благоговение всякий раз, когда он задумывался об этом.

Один из воинов, чернокожий, громадного роста, уже некоторое время наклонялся вперед с ожиданием во взгляде, как бы давая понять о своем желании сказать что-то. Теперь Лерос с вопрошающим взглядом обратил на него внимание.

— Лорд Лерос, скажи мне вот о чем...— начал воин.

— Больше не зовите меня лордом. С этого дня все вы имеете звание выше, чем у меня.

— Очень хорошо. Тогда, друг Лерос, скажи мне вот что. Когда кто-нибудь побеждает в этом турнире, получит ли он все могущества и права, которые есть у богов? Я имею в виду не только военную силу, но и небоевые искусства типа исцеления?

Лерос вынужден был задуматься, прежде чем ответить. Вопрос не походил на обычно ожидаемые типа: — Не будет ли зал Торуна слишком переполнен из-за большого количества войн? — или — Какое жертвенное мясо лучше поднести богу сегодня? — Наконец, Лерос заговорил: — Благородная богиня исцеления несомненно выслушает любую просьбу, исходящую от человека.— Он незаметно вздохнул.— Боги лучше слушают себе подобных, чем людей. Но и людям они тоже помогают, если, конечно, не связаны формальным обещанием, как Торун сделал в отношении этого турнира.

Воин сдержанно кивнул головой.— Только этого мы и ожидаем,— произнес он и занял свое место в кругу. Теперь все молчали. Где-то неподалеку раб рубил щепки для первого погребального костра. Лерос проговорил: — Тогда вперед, все вы можете сделать нужные приготовления. Вскоре начнется первый поединок.

Как только собрание разошлось, младший жрец отвел Лероса в сторону и, когда они достигли сравнительно укромного места, развернул небольшой свиток и показал его Леросу.— Лорд Лерос, это висело на дереве недалеко отсюда. Пока мы не можем предположить, кто это повесил.

Надпись на свитке была сделана, по-видимому, ту-

пым карандашом из обуглившегося кетвуда. Содержание записки было следующим:

— Боги и люди! Делайте ваши ставки. Кто из 64 окажется величайшим бойцом? Кто-то же, несомненно, станет им. А вот не придется ли ему потом завидовать тем, кого он убил, и проклинать гору Богов и ее лживых жрецов? Раз вы уж решили потратить свои денежки, сделайте еще одну ставку вот на что: способны ли править нашим миром те, кто хозяйничает на этой горе?

Братство.

Лерос плотно сжал губы и кивнул на записку.— Ты доложил об этом наверх?

— Конечно, Лорд.

— Пока что мы можем сделать только это. Надо позаботиться, чтобы армия увеличила число патрулей в этом районе.— Но это послание, естественно, могло быть написано кем-то уже находящимся в зоне проведения турнира. Возможно, кто-то из рабов или даже из воинов не тот, за кого он себя выдает.— Конечно, нужно быть теперь начеку и не допустить, чтобы турнир оказался под угрозой срыва. Его дискредитация была бы значительной победой Братства.

Братство было каким-то союзом противников правительства. По-видимому, входили в него почти все враги горы Богов, ныне разбросанные по задворкам обитаемого мира, разобщенные и сравнительно слабые. В центре этого союза, скорее всего, была активная и опасная тайная организация. Разумно было считать, что такая организация действительно существует и постоянно устрашать этим народ и солдат.

Подчиненный изобразил согласие и удалился. Лерос на мгновение задумался: — Мог ли оставивший эту записку агент оказаться неверным жрецом? Едва ли такое возможно. Но ему нельзя быть полностью уверенным в этом.

Между тем состязание вот-вот должно было открыться. Незаметно было никаких признаков сверху, что Верховный жрец Андреас или кто-нибудь из его Внутреннего круга намерен спуститься и присутствовать на турнире. На нижних участках длинной дороги, извилисто петляющей по лесистым склонам от самой вершины, показался вьючный караван. Но когда он приблизился, Лерос увидел, что знатных людей не было среди ша-

гавших рядом с животными. Это был обычный грузовой караван, возвращавшийся порожним с вершины.

— Ну, тогда будем начинать.— Повернувшись к ожидающему рядом герольду, он дал согласие начать сигналами боевого горна собирать участников на последнее для них событие в мире живых людей. Когда все собрались, он вытащил из кармана своего тонкого белого одеяния свиток нового пергамента, на котором священник-писец изысканнейшей каллиграфией начертал имена участников турнира. Они следовали в алфавитном порядке с указанием времени и используемого в турнире оружия:

Артур из Чеспа
Бен Таррас из Бэтл-Эйкса
Большой Левша
Безбородый Брам из Консиглора
Брун из Бурзо
Бриам из Лонг Бриджа
Чэпмут из Риллиджэкса
Чарльз Прямой
Чун Хи Пин Сильный
Кол Ренба
Дэвид-Волк из Монга-Виладж
Ефим Самдевятов
Фарли из Эйкоска
Фармер Минамото
Гено Тяжелая рука
Джоф Симболор из Симболорвиля
Гиб-кузнец
Жиль Коварный из Эндросских болот
Глэдвин Вануччи
Гюнтер Камурата
Хэл Медник
Херк Стамблер из Биритауна
Гомер Гарамонд из Бегущей воды
Иан Оффали — резчик
Джон — Колесник из Трипл-Форка
Джуд Исакссон из Ардстой-Хилл
Канрет Джон из Джонсплейса
Корл — костолом
Ле Нос из Хайленда
Лоссон Гриш
М'Гамба Мим

Муни Подарчес
Местль из Винди Вэйла
Мул из Рексбана
Никос Дарш из Лонг Плэйна
Октанс Бук из Пачуки
Омир Келсумба
Одноглазый Мануэль
Отис Китамура
Пал Сетов из Уайтроудз
Перн-Поль Хосимба
Пернсол — погонщик мулов из Уэфф Плэйна
Фил Сенчриас
Полидорус Грязный
Проклус Нан Лин
Рафаэль Сандовал
Рахим Сосиас
Рико Киттикэтчорн из Тайгерз Лэйра
Рудольф Тэдбери
Руэн Редальдо
Сенсай Хагендерф
Шан Ти Грозный
Синию из Вечнозеленых склонов
Тай Корбиш Кандри
Томас Граббер
Турлоу Вулти из Хай Крэга
Трэверс Сандакан из Дороги грабителей
Урумчи
Ванн Кочевник
Венерабль Мин — мясник
Владерлин Бэйн из Санфа-тауна
Уэт Франко из Глубокого леса
Вул Нарваэз
Зелл из Ундчасти

Закончив чтение, Лерос взглянул на солнце, стоявшее достаточно высоко.— Сегодня хватит еще времени на много поединков. Будем начинать.

Он передал свиток младшему жрецу, а тот громким голосом выкрикнул имена первых бойцов: — Артур из Чеспа — Бен Таррас из Бэтл-Эйкса.

Выйдя на ринг и совершив священный обряд обращения к Торуну за благословением, первые два воина начали схватку. Бен Таррас не успел еще сделать и дюжины вздохов, как боевой топор выскользнул из его рук

и с глухим звуком воткнулся в землю, готовую все принять в себя, и тотчас же лезвие меча Артура точно и глубоко вонзилось в тело Бена Тарраса. Голая ровная почва бойцовского ринга быстро впитала в себе кровь побежденного, как будто давно испытывала жажду к такому напитку. Пара рабов в изношенных серых туниках оттащили тело с ринга к тому месту, где другие рабы готовили погребальный костер. Сухие дрова были уже сложены в поленницу вдвое выше человеческого роста, но и этого еще было недостаточно. Сегодня тридцать два человека отправятся к богам и начнут свое вечное празднество с Торуном.

— Большой Левша — Безбородый Брам из Консиглора.

Этот бой продолжался несколько дольше. Наконец обе руки Большого Левши (правая рука не уступала по своим размерам левой) замерли в неподвижности, после того как меч Брама рассек ему туловище, выворачивая все внутренности наружу. Опять подбежавшие рабы начали уносить труп с арены, но вдруг Большой Левша зашевелился и слабо лягнул ногой, когда его подняли. Глаза его открылись, в них теплилась еще жизнь, хотя ужасная рана на теле была смертельной. Один из рабов, обнаружив помеху в своей работе, вытащил из-за пояса короткую массивную свинцовую кувалду и коротким точным взмахом разбил голову умирающему.

Лерос во второй раз произнес ритуальные слова для скорейшей отправки души проигравшего к Торуну и сделал знак державшему свиток прислужнику.

— Брун из Бурзо — Бриам из Лонг Бриджа.

Так продолжалось весь день с небольшими паузами между поединками. Некоторые схватки между бойцами были долгими. Один из победивших потерял так много крови, что едва сам держался на ногах, когда наконец смог заставить своего побежденного соперника испустить последний вздох. Как только завершался очередной поединок, быстро прибегали рабы, чтобы оказать помощь победителю, в случае необходимости останавливая кровотечение и сопровождая к месту, где его ждала пища и отдых. Было ясно, что потерявшим много сил в первом круге турнира придется очень трудно в последующей борьбе.

Солнце красным шаром коснулось горизонта, когда закончился последний бой. Перед уходом Лерос прика-

зал, чтобы рано утром лагерь перенесли на другое место. Первоначально он планировал ждать до полудня, прежде чем начать движение вверх по горе. Однако дым погребального костра здесь внизу стлался слишком плотно и уже примчались из реки хищные амфибии, привлеченные запахом крови павших воинов, пропитавшей землю поединков.

III

Орион уже вошел в систему Охотничья, быстро подстраивая орбитальную скорость к скорости вращения планеты, и по сути был почти готов ко входу в слои атмосферы. Находясь в командирском кресле в маленькой кабине управления в центральном отсеке корабля, Шенберг контролировал работу автопилота при помощи компьютерной голограммы проплывающей перед ним планеты, представленной во всех подробностях на основании показаний многочисленных чувствительных приборов, встроенных во внешнюю оболочку звездолета.

Несколькими днями ранее Суоми добыл себе распечатку по планете Охотничья из корабельного хранилища — типичного банка данных по навигации, торговле и мерам спасения и выживания в экстремальных ситуациях. Год на планете Охотничья был примерно в пятнадцать раз длиннее обычного земного года, то есть планета Охотничья находилась намного дальше от своего светила, чем Земля от Солнца. Но эта звезда была бело-голубым субгигантом, в результате чего общая энергия облучения, получаемая обеими планетами, была практически одинаковой. Радиус, масса и сила тяготения планеты Охотничья были схожи с земными, как и состав атмосферы. Несомненно, планета была бы освоена от одного полюса до другого, если бы не большой наклон ее оси — свыше восьмидесяти градусов от плоскости вращения вокруг светил, и это при таком же орбитальном расстоянии, как у планеты Уран в Солнечной системе. Весна в северном полушарии планеты Охотничья длилась уже целый земной год. То есть эта часть планеты выходила из полосы ночи, которая была фактически

полной на протяжении примерно одного земного года. У северного полюса ночь длилась уже свыше пяти земных лет и должна была дойти до семи лет. В тех краях ледяные объятия холода и мрака были поистине невыносимы, но и они вскоре должны были ослабнуть. Надвигались семь обычных лет непрерывного солнцестояния и тепла.

Согласно описанию, выданному электронным банком данных, которое, вероятно, еще соответствовало действительности, хотя и устарело более, чем на сто лет, люди не смогли постоянно проживать дальше пятнадцатого градуса широты по обе стороны экватора планеты. Для более высоких широт потребовались бы жилые колонии, защищенные куполами. Но из-за отсутствия переизбытка населения подобные проекты вообще были не нужны. По сути дела, все население еще не успело целиком заселить всю экваториальную зону, когда появились берсеркеры. Нападение невесть откуда взявшихся машин-убийц разрушило всю технологическую цивилизацию колонистов и только вмешательство боевого флота Карлсена позволило остаться в живых некоторым из них, сохранив всю биосферу в этой переделке. Туземные формы жизни, хотя среди них и не нашлось разумных, смогли все же выстоять на всех широтах, переживая мучительно долгие зимы в состоянии спячки и спасаясь таким же образом от невыносимого зноя в самые жаркие периоды лета.

Подальше от тропических районов весна представляла единственную возможность для прокорма, роста и воспроизводства. Южное полушарие, в основном, было занято водой, поэтому для наземных животных единственным временем для всего этого была северная весна. В такие периоды с таянием льда начиналось вылезание и выползание всевозможной живности из пещер, гнезд и замерзших нор. Среди них были обуреваемые нестерпимым голодом и яростью хищники более ужасающего вида, чем любой из зверей, когда-либо живших на диких просторах древней Земли. Как раз теперь на планете Охотничья, как всегда с промежутком в пятнадцать земных лет, в полном разгаре был сезон охоты, давшей название и самой планете.

— По-моему, это можно считать сезоном для браконьеров,— заметил Карлос Суоми, обращаясь к Афине Паулсон. Оба они стояли в стрелковом тире, устроенном

несколькими неделями раньше по указанию Шенберга в большой каюте как раз под гостиной Ориона. Суоми и Афина рассматривали большой оружейный стеллаж, заполненный энергетическими ружьями. Шенберг обязал каждого члена экипажа выбрать оружие и освоить его задолго до того, как может потребоваться настоящая стрельба. Здесь внизу Шенберг и Де Ла Торре уже провели много времени, а вот Селеста с Барбарой еще вряд ли вообще сюда заглядывали.

У Суоми и Афины степень интереса к оружию была одинаково умеренной. Он обычно приходил всегда, когда она отправлялась поупражняться. Сейчас уже прошла половина отведенного для занятий времени. Примерно в десяти метрах от ружейного стеллажа, что составляло половину диаметра сферического корабля, созданная компьютером голограмма изображала группу хищников с планеты Охотничья на фоне их естественного ландшафта. По сторонам и в глубине схематически показанные звери были рассеяны вплоть до иллюзорного горизонта по всему пространству, занимавшему на вид несколько квадратных километров ледника.

— Неплохо,— заметила Афина своим низким голосом.— Говоря техническим языком, эта наша прогулка не подпадает под действие межзвездного законодательства. Но очевидно также и то, что ни правительству на Земле, ни Межзвездному правительству до нас нет никакого дела. Оскар слишком хитер, чтобы *в таких вопросах* дать себя вовлечь в серьезные неприятности. Так что, расслабься и наслаждайся нашим путешествием, Карл, раз уж ты сюда попал. А вообще-то зачем ты оказался здесь, если цель полета тебе не по вкусу?

— Ты это хорошо знаешь.— Суоми наполовину вытащил ружье из стеллажа и затем затолкнул его обратно. Конец дула ружья был слегка выпуклый, тускло-серого цвета, весь испещренный маленькими аккуратно сделанными углублениями. Его выстрел выплескивал абсолютную физическую силу, сконцентрированную почти до математической абстракции. Суоми перепробовал все ружья из стеллажа, но все они ему казались одинаковыми, несмотря на существенные отличия по длине, форме и весу. В настоящий момент все они были заряжены специальными учебными патронами, от которых при выстреле выдавалась только струйка энергии, достаточная для упражнений в стрельбе по мишени.

Конструкция стрельбища принципиально не отличалась от известных сооружений подобного типа на Земле или других заселенных планетах. Но там стрелять обычно нужно было по игрушечным берсеркерам — черным металлическим гоблинам различных угловатых форм, которые угрожающе размахивали своими конечностями или выстреливали фальшивыми лазерными лучами.— Мне всегда нравились эти игры со стрельбой,— сказал Суоми.— Почему бы не сделать мишени более реалистическими вместо того, чтобы преследовать живых зверей?

— Потому что эти — не настоящие,— твердо сказала Афина.— Значит и стрельбу по ним нельзя считать настоящей.— Она выбрала ружье и, повернувшись спиной к Суоми, начала прицеливаться. Где-то в управляющих системах какой-то сканер преобразовал ее позу в изображение изготовившегося к стрельбе охотника, и сцена перед ней вновь ожила, наполнившись искусственными движениями. Многоротое существо с поднятой дыбом густой шерстью двинулось по направлению к ним с расстояния в семьдесят метров. Афина выстрелила, послышался еле слышный щелчок, но ружье даже не дрогнуло в ее руках. Зато зверь сразу повалился как-то картинно, даже изящно, и в середине той его части, которую можно было считать спиной, появилось красное пятно. Это означало, что существо убито наповал.

— Афина, я полетел сюда потому, что ты полетела. А мне хотелось быть с тобой и выяснить кое-что в наших отношениях. Вот почему я и напросился на твое приглашение. Кроме того, для меня появился случай совершить путешествие на частной космической яхте, а это нечто такое, что больше никогда может мне не подвернуться. Если я должен охотиться, чтобы порадовать нашего повелителя и хозяина там наверху, ну что же, я готов и на это. Или, по крайней мере, могу просто пойти на охоту рядом с другими, как на прогулку.

— Карлос, ты все время стараешься как-то унизить Оскара передо мной, но у тебя это не получится. Пожалуй, вот это я буду брать с собой,— она повернула ружье так и эдак, рассматривая его критически.— Интересно, как жители планеты Охотничья относятся к таким экспедициям, как наша?

— Насколько мне известно, им от этого нет никакого вреда. Я не думаю, что их это вообще заинтересует, даже если они узнают, что мы явились к ним. А возмож-

но, они и не узнают. Мы же не будем охотиться в населенных районах, а только лишь на севере.

Она говорила так уверенно, как будто прекрасно разбиралась в таких вопросах, хотя не исключено, что она всего лишь прочитала такую же распечатку на корабле, какую только что изучал Суоми. Из всех их только Шенберг бывал здесь прежде и, если хорошо задуматься, он не слишком много рассказывал о своем предыдущем путешествии. Он лишь немногословно пообещал, что предстоит замечательное развлечение для всех, вкратце предупредил о том, чего следует опасаться — и этим все ограничилось. Может быть, он уже не раз бывал на планете Охотников. По возрасту ему уже могло быть три сотни лет и более. В этом разобраться непросто, когда возраст в пятьсот лет уже не считается неслыханным. Пока центральная нервная система выдерживала, все другие органы тела обычно можно было подремонтировать или при необходимости заменить.

Вдруг по внутрикорабельной связи зазвучал голос Шенберга.— Ребята, скоро войдем в атмосферу. Искусственная гравитация отключается через минут двадцать. Укрепите все вокруг себя получше и перейдите в гостиную или в свои каюты.

— Мы услышали тебя в стрельбище,— ответил Суоми.— Мы идем.— Они с Афиной начали укреплять ружья в стеллаже и проверять, чтобы ничего вокруг не смогло свободно летать, если начавшееся маневрирование в состоянии невесомости вдруг *станет по каким-либо* причинам слишком резким.

Спустя несколько минут Суоми уже сидел в гостиной и наблюдал за спуском звездолета на экранах размером во всю стену. Та же самая планета, которая была не больше звездочки на вид, когда в прошлый раз он смотрел на нее, теперь была у них над головой, или это так казалось. Она продолжала увеличиваться в размерах, перевернулась в другое положение — под ними, когда Шенберг изменил направление корабля, выпустила облачную сеть, охватившую Орион, превратилась в мир, обладающий своим горизонтом, на который можно было теперь ориентироваться. Бело-голубое солнце стало желтеть по мере того, как они начали смотреть на него изнутри атмосферы планеты.

Внизу была гористая грубая местность. Как и большинство таких планет, планета Охотников с большой

высоты выглядела необитаемой. Такое впечатление не изменилось и после того, как они опустились до высоты всего нескольких километров.

Шенберг, находясь в одиночестве в кабине управления, теперь уже полностью взял на себя контроль за компьютерами и вел корабль в ручном режиме, поглядывая то на один телеэкран, то на другой. Его действия можно было наблюдать из гостиной на пассажирском экране. Было очевидно, что воздушное движение в атмосфере Охотничьей планеты практически отсутствовало и можно было не опасаться столкновения в воздухе.

Теперь Шенберг двигался над рекой, даже иногда лавируя между стенами ее глубоко прорезанного каньона. Горы поднимались и опускались под Орионом, когда он менял направление, уходя от речного курса и снижая постепенно скорость. Наконец, впереди по курсу появилось строение типа сельского домика с примыкающими к нему бревенчатыми надворными постройками и палисадником, окружавшим все эти сооружения. Ровных площадок почти не было видно, однако Шенберг без особого труда посадил корабль на бесплодную почву примерно в пятидесяти метрах от частокола.

Из сферического металлического корпуса выдвинулись толстые опоры шасси, принявшие на себя вес корабля и установившие его вертикально. Когда пилот выключил двигатель, едва ощутимое движение успокоило корабль полностью. Для маневрирования в атмосфере звездолет использовал те же безмолвные силы, что и в космосе, хотя требовалась осторожность при полете вблизи от тел, соизмеримых с целыми планетами, а посадить его можно было на любой поверхности, способной выдержать такой вес.

Их посадку явно заметили, поскольку не успел еще отключиться двигатель, как у ворот ограды стали появляться люди, одетые в одинаковую одежду. Прибытие космического корабля, казалось, заинтересовало их, но не более того. Экспромтом образованный комитет по встрече из шести — восьми человек без колебаний двинулся к кораблю.

Когда звездолет уже надежно закрепился на твердой основе планеты, тогда только Шенберг выбрался из своего кресла, направился к главному люку и распахнул его без лишних формальностей, сразу впуская воздух планеты. Затем он нажал кнопку для спуска трапа. Он

сам и другие члены экипажа перед вылетом подверглись обычным иммунологическим процедурам, а весь корабль был исследован его собственными медиками во избежание попадания опасных микроорганизмов на планету, имеющую очень примитивную медицинскую технологию.

Туземцы ждали в нескольких метрах от корабля. На женщинах были длинные платья и тяжелые фартуки. Большинство мужчин носили рабочие комбинезоны. Двое держали в руках примитивные орудия для резания или копания.

Вперед выступил улыбающийся молодой человек, одетый лучше других, но в такой же громоздкой обуви, как и все остальные, хотя все же немного более элегантной, и вооруженный коротким мечом в украшенных кожаных ножнах.

— Ну, с прибытием,— он говорил на привычном и понятном языке, но имевшем для уха землян несколько тяжеловесный акцент.— Насколько я помню, ты — мистер Шенберг.

— Он самый,— улыбаясь и в свойственной ему открытой манере, Шенберг сошел по трапу для рукопожатий.— Ну, а ты — Кестанд, не так ли? Младший брат Микенаса?

— Все верно. Я был маленький, когда ты прилетал сюда на прошлый сезон охоты. Удивительно, что ты меня помнишь.

— Ничего особенного. Как поживает Микенас?

— У него все в порядке. Ушел присматривать за скотом.

Далее разговор продолжился о состоянии дел на ранчо или поместье, или как там еще называлось все это, чем владел и управлял отсутствующий сейчас Микенас. Суоми и другие пассажиры — все девушки одеты были к этому времени весьма скромно — спустились из гостиной, но по знаку Шенберга остались внутри корабля, вдыхая свежий воздух. Тем временем работники фермы продолжали стоять группой поодаль. Все они выглядели приветливыми и вполне здоровыми, но могли оказаться и глухонемыми. Наверное, не менее полутора десятков лет назад кто-нибудь из них соприкасался в последний раз с новостями большой межзвездной цивилизации, охватывающей все бескрайнее небо над ними. Они продолжали улыбаться, но говорил один

Кестанд. Но даже и он, похоже, не намерен был расспрашивать, как идут дела там в звездных просторах.

Казалось, что никакого знакомства или представления не будет. Все это походило на нелегальное собрание или встречу контрабандистов. Какое-то мгновение Суоми так и думал — но подобная мысль была слишком несуразной. Такой состоятельный человек, как Шенберг, не стал бы вот так запросто сам заниматься контрабандой, даже если и имел в этом интерес.

Кестанд спросил: — Еще не охотились?

— Нет. Вначале хочу остановиться здесь и разобраться, что у вас тут изменилось со времени моего прошлого появления.

— Хорошо,— Кестанд, отнюдь не самый блестящий рассказчик из слышанных Суоми, начал развивать уже доложенные им ранее новости о местных урожаях, погоде и охоте.— Понимаешь, еще нет настоящей северной охоты, а в этом сезоне я вообще еще не смог выбраться. Пошел бы хоть сейчас, но Микенас тут меня оставил присматривать.

Шенберг терпеливо слушал. Суоми понял по некоторым словечкам, что в прошлый сезон охоты Микенас и Шенберг на звездолете летали на север и удачно поохотились. Глаза Суоми вновь и вновь возвращались к мечу Кестанда. Кожаные ножны висели на поясе, а рукоятка казалась на вид пластмассовой, но конечно же, скорее всего она была сделана из дерева или кости. Суоми пожалел даже, что мало разбирается в примитивных материалах. Вспоминая всю свою прожитую жизнь — всего каких-то тридцать лет — он не мог припомнить ни одного человека, носившего при себе оружие, разве что для символических целей. Разумеется, и этот меч мог быть всего лишь признаком власти. Но выглядел он не как игрушка, а вполне по-деловому, подобно мотыге в руках одного из работников.

Разговор двоих перешел на тему происшедших со времен прошлого сезона охоты изменений в вопросах религии и правительства. Все это было для Суоми непонятно, но было видно, что Шенберг вполне в курсе дел.

— Значит, гора Богов все прибрала под себя,— размышлял он, кивая головой как бы в знак подтверждения своих подозрений. Затем спросил: — Будет ли в этот раз турнир, как планировалось?

— Да,— Кестанд взглянул в сторону солнца.— Че-

рез два-три дня начнут. Наш местный чемпион — Бриам из Лонг Бриджа.

— Местный? — удивился Шенберг.— Да ведь Лонг Бридж отсюда добрых две сотни километров!

— Да послушай же. Турнир-то всемирный. Каждый из шестидесяти четырех районов очень велик.— Кестанд вздохнул головой.— Я бы очень хотел попасть туда.

— Да уж могу побиться об заклад, что ты бы туда и отправился, а не на охоту, если бы Микенас не оставил тебя здесь распоряжаться.

— Нет, ну что ты. Это никак невозможно. Турнир только для богов и жрецов. Даже сам граф не мог получить приглашение, а Бриам был у него телохранителем. Микенас даже и не пытался.

Шенберг слегка поморщился, но больше не касался темы предстоящего турнира. Тем временем, слушая их, Суоми представил себе турнир наподобие рыцарских поединков, как в древние времена на Земле, мужчин — в полном защитном облачении, несущихся на покрытых доспехами животных и старающихся выбить друг друга из седла. Но здесь не могло быть именно так. Он вспомнил прочитанное о планете Охотников, но там нигде не упоминалось о наличии на ней ездовых животных.

Поговорив еще немного, Шенберг вежливо поблагодарил рассказчика и крикнул оставшимся в корабле, чтобы ему спустили сумку из шкафчика возле входного люка.— А также пару слитков, вы их найдете в шкафчике, принесите их сюда, джентльмены, хорошо?

Суоми вместе с Де Ла Торре доставили ему вниз по трапу нужные предметы. Поставив сумку у ног Кестанда, Шенберг объявил: — Вот это я обещал привезти Микенасу – энергетические батареи для ламп и кое-какие лекарства. Передай ему, что я сожалею, что не смог застать его. В следующий сезон я снова прилечу, если все будет в норме. А вот это — тебе.— Он приподнял два слитка и передал их туземцу.— Хороший металл для наконечников и лезвий. Надо его получше отковать. Прикажи закаливать в ледяной воде. Полагаю, в этом у вас нет недостатка, на такой-то высоте.

— О, я безмерно благодарен,— Кестанд явно был очень обрадован.

Когда трап вновь был поднят и люк задраен, Шенберг без промедления поднял Орион снова в воздух. Он по-прежнему пользовался ручным управлением, наби-

рая высоту по дуговой траектории, постепенно выравнивая и двигаясь в северо-западном направлении.

Его пассажиры на этот раз находились в кабине корабля, рассевшись или стоя вокруг Шенберга и поглядывая ему через плечо. Когда траектория полета звездолета выровнялась совсем, Де Ла Торре спросил: — Куда теперь, бесстрашный вождь? Полетим ли мы взглянуть на то, как здесь друг другу разбивают головы? — Шенберг проворчал: — Давайте сперва поохотимся, Гус! Парень же сказал, что турнир начнется через два-три дня. Мне не терпится побывать на небольшой охоте.— На этот раз он вспомнил об остальных и для формальности оглянулся.— Что вы на это скажете, ребята?

Планета под ними уплывала на юго-восток. Солнце на этой высоте вновь стало бело-голубым, а при стремительной скорости их полета, во много раз быстрее звука, оно как будто изменило направление своего ежедневного движения на противоположное и вдобавок съехало куда-то к востоку. Индикатор стоял на краю предупреждающей зоны, что указывало на работу двигателя с очень высокой скоростью для полета так близко от массы планетарного типа. Шенберг был поистине в нетерпении. Суоми заметил, что он выдвинул на корпус глушители, чтобы ослабить звуковую ударную волну от их движения. Их полет проходил настолько высоко, что с поверхности планеты их нельзя было увидеть невооруженным глазом. Никто в районах под их траекторией не мог обнаружить движение их корабля.

Селеста и Барбара вскоре удалились, чтобы вновь нанести на себя украшения межзвездного стиля. Предстоящие несколько дней вся группа, предположительно, не будет попадаться на глаза мужчинам планеты Охотников, которых могли возбудить или оскорбить моды большого мира.

Афина, цепляясь за стойку позади кресла Шенберга, обронила: — Любопытно, есть ли здесь другие группы охотников? Я имею в виду пришельцев, вроде нас.

Шенберг только пожал плечами. Суоми заметил: — Думаю, что могут быть три или четыре компании. Мало кто может себе позволить частные космические полеты и к тому же иметь страсть к охоте.— Раз уж мы все оказались страстными охотниками, то нам просто повезло, что мы нашли Оскара,— включился в разговор Де Ла Торре.

Оскар снова воздержался от ответа. – Ты на него как-то работаешь? — обратился Суоми с вопросом к Де Ла Торре.— Ты никогда мне не рассказывал.

— Как говорится, я имею независимые средства. А с ним мы встретились чисто по деловым вопросам, около года назад.

Шенберг поднял звездолет немного выше, чтобы облегчить нагрузку на двигатель корабля. На такой высоте мир Охотничьей планеты, казалось, снова отпустил от себя корабль. На нескольких настенных экранах можно было видеть терминатор — пограничную линию между днем и ночью, проходящую наискосок через облачный покров и перпендикулярно к невидимому экватору, лежащему далеко на юге. Южный полюс, надежно укрытый за кривизной планеты, более чем наполовину прошел свой почти семилетний полностью освещенный солнцем путь. В зоне этого полюса солнце уже на обычный год прошло точку своего наивысшего приближения к зениту и теперь снижалось по небесной спирали, совершая один виток за один день планеты Охотников или за двадцать обычных часов. Через пару обычных земных лет солнце спрячется на долгую ночь в зоне южного полюса и одновременно покажется у горизонта на северном полюсе. Ну, а сейчас арктический пояс планеты, застывший во второй половине своей долгой ночи, должен смотреться безжизненным, как поверхность Плутона, похороненный под огромным слоем замерзшей воды, составлявшей значительную часть всего водного объема планеты Охотников. Там вверху экваториальная заря означает окончание охотничьего сезона. Ну, а сейчас сезон в самом разгаре на средних широтах севера, где солнце только выходит из-за горизонта, с каждым днем проходя с востока на запад чуточку выше в южной части неба, неся с собой таяние. Этот район и был целью Шенберга.

Они опустились в царство ледяных сумерек, среди склонов голых твердых скал и разрушающихся фантастических ледников, нависших над долинами, уже наполненными бегущей водой и зеленью бурно разрастающейся жизни.

Шенберг нашел пригодную для ходьбы часть поверхности, где можно было посадить Орион и где были твердые плоские скалы, способные выдержать вес корабля. На этот раз, перед тем как открыть люк, он взял

ружье из небольшого стеллажа, устроенного сразу у выхода, и держал его наготове. Открывшийся люк сразу впустил внутрь звездолета ровный полифонический шум мчавшегося водного потока.

Шенберг глубоко вздохнул и, осматриваясь по сторонам, задержался в проходе. Как и при прошлой посадке, остальные члены экипажа остановились позади него. Селеста и Барбара, недостаточно тепло одетые для наружной температуры, стоявшей около точки замерзания, с дрожью отступили. В воздухе царил запах сырости и холода, запах таяния и неземной жизни. Перед ними простирался ландшафт, который был слишком обширный и сложный, чтобы в нем можно было быстро разобраться. Тени гор, расположенных южнее, лежали высоко на более северных горах.

Выходить надо было без промедления, здесь еще оставалось всего несколько обычных часов дневного света. Шенберг начал привычную проверку оружия и другого снаряжения, попутно выявляя и желающих сопровождать его.

Афина сразу объявила о своей готовности. Де Ла Торре также был не прочь совершить прогулку. Что касается Суоми, то он тоже согласился — но не потому, что всерьез намеревался убивать кого-то, тем более того, кто на него не нападает. Он почувствовал сильное желание просто выйти из корабля хотя бы на какое-то время. Несмотря на все ухищрения из области психологии среды обитания, использованные при проектировании интерьера Ориона для улучшения комфортности замкнутого пространства, звездолет все же удерживал взаперти шестерых человек в небольшом объеме на долгие недели полета. Зная все приемы дизайнеров, Суоми, видимо, меньше остальных был подвержен воздействию созданных на корабле условий. Барбара и Селеста решили не пытаться делать выходов на охоту сегодня, почувствовав, что Шенберг предпочитает именно такое их решение. Им он пообещал более спокойный пикник наутро.

— Итак, пойдем попарно,— объявил Шенберг, когда все необходимые приготовления закончились.— Гус, ты прежде бывал на охоте, хотя и не на этой планете. Если позволите мне предположить, вам с Афиной лучше пройтись вон там по долине.— Долина простиралась перед ними, начиная с расстояния тридцати или сорока

метров от уровня скалы, на которой покоился Орион, и через полтора километра пологого зеленого склона резко опускалась в забитый льдами каньон, из центра которого начинал вырываться и пробивать себе путь стремительный поток талой воды.— Там у нижнего края, где долина обрывается в каньон, растительность может вполне быть в человеческий рост. Там должно быть двенадцать — тринадцать видов травоядных.— На таком маленьком пятачке? — перебил его Де Ла Торре.— Да, на таком маленьком пятачке.— Теперь, перед началом охоты, голос Шенберга зазвучал более свободно и радостно, чем когда-либо во время полета на корабле.— Жизнь не просто оттаивает здесь весной — она взрывается. В этой долине есть и крупные хищники, если я не ошибаюсь. Столкнуться с таким на расстоянии вытянутой руки не захочется никому, поэтому лучше обходите высокие заросли. Мы же с Карлосом двинемся по верхнему пути.— Их предстоящий путь проходил по скалистому склону по другую сторону от их корабля. Суоми во время посадки заметил в том направлении высоко лежащие луга.— Мы сможем отыскать там вверху что-то очень голодное, только что выбравшееся из высокогорной пещеры и направляющееся вниз в долину, чтобы поживиться чем-нибудь впервые за год или два.

Ботинки, теплая одежда, оружие, средства связи, несколько предметов на случай непредвиденных обстоятельств — все проверено и находится в полном порядке. Суоми последним спустился по трапу и захрустел новыми ботинками по поверхности Охотничьей планеты. Почти сразу же, как только он сошел с последней ступеньки, трап начал складываться и втягиваться внутрь корабля. Если девушки будут сидеть внутри с закрытым люком, то до возвращения мужчин они будут совершенно вне всякой опасности.

Афина и Гус помахали руками на прощание и двинулись по нижнему пути, раздвигая ботинками усики травообразного покрытия почвы.— Иди по тропе впереди,— обратился Шенберг к Суоми, показывая жестом направление вверх.— Я уверен, что у тебя нервы в порядке — это всего лишь мой принцип. Я не люблю, чтобы новичок в охоте с заряженным ружьем шел позади, когда впереди может кто-то выскочить, какая-нибудь цель для стрельбы.— Если не слова, то голос его был убедительным, а сказанное сопровождалось счастливым

и дружелюбным взглядом. Явно сейчас Шенберг был в полном порядке и желал одного — идти вперед. Никакой тропы, по сути, не было, но Суоми двинулся по вершине хребта, образующей естественную дорожку, которую и имел в виду Шенберг.

Карабкаясь вверх, Суоми вскоре уже был в восторге от окружающей его природы. Повсюду, где бы ни обнажалась почва под растаявшим зимним льдом, пусть всего несколько квадратных сантиметров, их уже захватила буйная растительность. Не было видно растений размером с дерево, не было ничего, начавшего расти раньше, чем всего несколько дней или недель назад.

В большинстве мест травянистые или вьющиеся растения были по высоте не выше пояса. Но часто они росли настолько густо, что между стеблями невозможно было разглядеть почву. Растения безумно, отчаянно боролись за воду, тепло и солнечный свет, вырастая прямо на глазах, выжимая все возможное из периода живительной влаги до того, как начнется испепеляющая летняя засуха. Он остановился, заметив лужайку, на которой двигались какие-то твари типа гигантских личинок размером в человеческий рост. Они жадно поедали растения и на их сероватых безволосых телах видно было движение складок.

— Гигантские инеевые черви,— произнес подошедший близко сзади Шенберг и после беглого взгляда потерял к ним всякий интерес.— Теперь смотри внимательно! За ними уже может быть что-то.

— Какие-нибудь более крупные создания замерзают по ночам полностью?

— Биологи, с которыми я беседовал, говорят, что это невозможно. Но я не думаю, что кто-то знает это наверняка.— Теперь, когда они остановились, Шенберг изучал местность в бинокль. Они миновали небольшой скалистый холм, оставив позади корабль. Единственными признаками человеческого присутствия на этой планете были оставленные ими за собой следы на редких пятнах талого снега или грязного дерна. Окружавший их мир многократно делался девственным в череде смерти и воскрешения.

Суоми также изучал окрестности, не прибегая к биноклю и высматривая объект для охоты. Пожелтевшее солнце касалось впадины на линии гористого горизонта, как будто в начале своего захода. На самом же деле еще

оставался примерно час дневного света. На другом краю широкой долины затрещал ледник, обрушив нависший карниз в несколько тонн, и раскололся, образуя новый чистый водопад. Органные звуки более старых водопадов все также доносились издали. Постепенно, когда Суоми начал полнее воспринимать все окружающее, преодолев состояние простого восторга от возвращения к природе из замкнутого пространства, ему стало ясно, что никогда прежде он не видел столь прекрасной и одновременно ужасной природной картины, не видел ничего даже близкого к этому. Даже чудеса и кошмары космоса, которые оставались за пределами и возможностями человеческого понимания, когда уже казалось, что тебе удалось их постичь, нельзя было теперь сравнивать с увиденным здесь на этой планете. Этот грохочущий мир гор и долин с его взрывающейся жизнью не был, однако, вне пределов человеческого разума.

Шенберг был куда менее удовлетворен увиденным. Пока он не обнаружил признаков хищных зверей.— Пройдем немного дальше,— коротко бросил он, убирая бинокль. Суоми вновь сопровождал его сзади. Когда они прошли еще несколько сотен метров, Шенберг дал знак остановиться, на этот раз у подножия крутого склона.

После нового краткого обзора в бинокль Шенберг указал на холм и произнес: — Я пойду туда взглянуть на окрестности. Позволь мне пойти одному. Я хочу быть спокойным и неприметным во время этого. Оставайся здесь, не двигайся и смотри в оба! Кто-то может идти за нами по следу, выслеживая нас, и простое ожидание позволит тебе в таком случае сделать хороший выстрел.

С легким трепетом от возможной опасности, настолько слабым, что это было даже приятно, Суоми оглянулся на проделанный ими путь. Ничего позади не двигалось, за исключением далеких и безвредных инеевых червей.

— Хорошо.

Он уселся, наблюдая, как Шенберг поднялся по склону и скрылся за его вершиной. Потом от нечего делать начал вертеться на своем каменистом сидении, радуясь окружающему его безлюдию. Восхитительно быть одному! Словно впервые за всю жизнь. Уединиться, конечно, можно было и на корабле, но там постоянно были рядом тела и мысли других людей. Нельзя было отрешиться от их присутствия всего в нескольких метрах. Суоми дотронулся до коммуникатора, укрепленного на поясе. Кана-

лы связи между охотниками и между ними и кораблем действовали, но пока что не использовались. Каждый из них наслаждался физическим и психическим одиночеством.

Время шло. Шенберг отсутствовал дольше, чем Суоми предполагал. Тонкая тень появилась на близлежащей местности, когда солнце склонилось за отдаленным краем ледника. Совершенно неожиданно перед глазами Суоми появился великолепный ледниковый зверь, на расстоянии около двухсот пятидесяти метров на небольшом склоне детрита, упавшего из распадка склона, у подножия которого ждал Суоми. Это было вовсе не то направление, откуда Шенберг предполагал появление хищников. Но и само чудовище не смотрело в сторону Суоми. Оно замерло перед склоном холма, лишь только вращая своей головой вперед и назад. Суоми поднял бинокль и стал припоминать прочитанное. Превосходный экземпляр, самец, вероятно, во втором цикле, недавно пробудившийся от второй в его жизни спячки и сразу оказавшийся в расцвете сил и свирепости. Несмотря на густоту оранжево-желтого меха, было видно, что ребра и живот впалые. По сравнение с тигром, живущим на Земле, он был крупнее.

Не вставая на ноги, Суоми вскинул ружье и спокойно прицелился. Для него это было просто игрой. И он снова опустил ружье.

— Для начинающего дистанция великовата,— раздался совсем близко и чуть сверху голос Шенберга. Рев водопада, вероятно, поглотил его голос еще до того, как смог спугнуть зверя, также как скрыл от Суоми возвращающегося Шенберга.— Но выстрел верный. Если ты не хочешь попробовать, то я попытаюсь.

Суоми, не оборачиваясь, почувствовал, как Шенберг уже поднимает ружье для прицеливания. Также, не поворачиваясь, Суоми опять поднял свое ружье и выстрелил (хлопок, немного громче, чем в тире, но теперь, при полной мощности, отдача была ощутимой), нарочно целясь впереди от животного, чтобы его спугнуть, и вызвав взрыв ледяных осколков. Зверь присел по-кошачьи, затем повернул к землянам-охотникам непривычную на вид и поэтому непонятную морду. Жившие на Охотничьей мужчины по своим предкам и древней истории были выходцами с Земли. Можно было легко забыть, насколько чужими могли бы здесь быть все другие формы жизни.

Теперь ледниковое чудовище мчалось, пересекая склон большими и четкими кошачьими прыжками. Но оно не убегало от людей, как должно было бы по необдуманному предположению Суоми. В полном неведении о силе, с которой ему предстояло столкнуться, зверь приближался, чтобы убить и съесть Суоми. Безумный голод гнал его. Бегущие изо всех сил когтистые лапы отбрасывали назад камни осыпающегося под ним склона вместе с покрывавшим их снегом.

— Стреляй! — Суоми не знал, Шенберг ли произнес это слово или он сам, или оно просто возникло, материализованное сознанием в замерзающем и остановившемся во времени воздухе. Он только знал, что к нему приближается смерть, видимая и воплощенная, а его руки не годны ни на что, кроме перебирания символов, возни с записывающими приборами, кистями, электронными перьями, производящими впечатление на мир со второго или третьего захода. А мускулы его сейчас были парализованы и ему предстояло умереть. Он не мог пошевелиться и противостоять безумной уверенности, увиденной в глазах животного, уверенности, что он — это мясо.

Вдруг рядом с правым ухом Суоми раздался звук ружья Шенберга, вроде бы просто повторяющий его безрезультатный выстрел. Невидимые кулаки сатанинской силы хлестнули нападающего зверя, встретив его прекрасную атакующую мощь, превосходящей и более безжалостной мощью.

Силовые удары вырвали клочья оранжево-желтого меха и разворотили под ними мышцы и кости. Разом тяжелое тело потеряло свою грацию и импульс движения. И все же зверь, казалось, еще стремился достать людей. Затем его тело разломилось вдоль линии проникающих ранений, вываливая внутренности, словно у порванной игрушки с красной начинкой. Суоми отчетливо увидел раскрытую лапу, вооруженную когтями, по размеру сравнимыми с ножом, и загнутыми на конце высоко поднятой передней конечности, и затем обрушившуюся в лужу талого снега в десяти метрах от его ботинок.

Когда зверь перестал шевелиться, Шенберг для верности выстрелил еще раз точно в затылок головы животного, потом повесил свое ружье на плечо и вытащил голографический аппарат для съемок. Затем, посмотрев на окровавленное и разорванное тело с разных углов, он покачал головой и убрал аппарат. Успокаивающим то-

ном Шенберг заговорил с напарником, казалось, ни в малейшей степени не удивившись или огорчившись поведением Суоми. Когда же тот, наконец, пробормотал что-то вроде благодарности, он был небрежно снисходителен. Но именно это было своеобразным выражением наиболее презрительного отношения, которое Шенберг мог себе позволить.

IV

Ранним утром второго дня Лерос — главный жрец — повел тридцать двух оставшихся участников турнира в легкий поход примерно на пять километров: от равнины у реки, где прошел первый круг, до луга, расположенного гораздо выше, у самого подножья горы Богов. На этой новой площадке уже трудилась прибывшая ранее группа жрецов и работников — слуг, подготавливая новый ринг для поединков на очищенной и плотно утоптанной земле, и новый полевой алтарь для образа Торуна, привезенного на телеге как раз перед приходом Лероса и воинов.

Занятые трудом рабы обливались потом, зарабатывая свой суточный корм, ибо число их сильно сократилось и многих отправляли на другие задания. Всего половина от первоначального количества воинов нуждались в прислуге и, как обычно, было много другой работы наверху в городе-крепости и внизу на подчиненных землях.

План турнира, переданный Леросу верховным жрецом Андреасом и его Внутренним кругом советников требовал, чтобы каждый следующий круг поединков происходил все ближе к вершине горы. В этом заключался символический смысл, как объяснил Андреас. Но Лерос усмотрел в этом плане также и практические достоинства. Быстрее удается избавиться от отбросов каждого лагеря — уборных, мусора из кухонных палаток, останков погребального костра.

Работы по подготовке нового лагеря были закончены вскоре после прибытия бойцов. Прислужник вручил Леросу новые списки для поединков на пергаменте.

Лерос созвал мужчин на сбор и после выполнения некоторых формальностей огласил списки для всех:

Артур из Чеспа
Брам Безбородый из Консиглора

Брун из Бурзо
Чарльз Прямой

Кол Ренба
Ефим Самдевятов

Фарли из Эйкоска
Джофф Симболор

Жиль Коварный
Глэдвин Вануччи

Хэл Медник
Гомер Гарамонд из Бегущей воды

Джуд Исакссон
Канрет Джон из Джонсплейса

Ле Нос из Хайленда
М'Гамба Мим

Местль из Винди Вэйла
Октанс Бук из Пачуки

Омир Келсумба
Отис Китамура

Пернсол — погонщик мулов из Уэфф Плэйна
Полидорус Грязный

Рафаэль Сандовал
Рахим Сосиас

Рудольф Тэдбери
Шан Ти Грозный

Синию из Вечнозеленых склонов
Томас Граббер

Трэверс Сандакан из Дороги грабителей
Ванн Кочевник

Владерлин Бэйн из Санфа-тауна
Вул Нарваэз

Перед тем, как подать сигнал о начале первого поединка во втором круге, Лерос мгновение помедлил

и посмотрел по сторонам на свой мир. Многое в нем удовлетворяло его. С высокого луга, где он возвышался, виднелись длинные полосы обработанной земли. Внизу километр за километром тянулись поля и пастбища, кое-где сады или группки домов, лоскут голого леса или строчка деревьев вдоль русла реки. Это был мирный и послушный мир, мир крестьян, ремесленников и урожая. Это был мир, покорно служащий жестокому хозяину, живущему высоко вверху. Конечно, все это несколько портило Братство. После вчерашнего подброшенного оскорбления от них больше ничего не появилось. Был еще один, более неприятный факт — Внутренний круг, похоже, был закрыт для Лероса. Отсюда следовало, что кабинет Верховного жреца навсегда останется недостижимым. Ну почему такой жрец, как Лашез, например, который был больше ремесленник, нежели воин, может быть членом Внутреннего круга, в то время как Лерос и другие более достойные люди удерживаются на расстоянии?

Во всяком случае турнир проходил хорошо. А это было самое главное. Возможно, в случае большого успеха его, наконец, ждет повышение. А пока нет никаких оснований опасаться, что турнир не сможет и дальше идти гладко. В конце состязания большие врота города откроются для победителя, а девушки будут устилать перед ним дорогу цветами и он торжественно будет проведен по улицам к самому храму. И храм тоже откроется перед ним, а потом внутренние занавеси из кольчуги раздвинутся — никогда подобное не делалось для Лероса — и тайные двери тоже. И победитель будет впущен туда, где Лерос сам не был ни разу, туда, где боги гуляют вместе с павшими героями, ранее бывшими простыми смертными, где только Верховный жрец и Внутренний круг служили связующим звеном между ними и миром людей.

* * *

Для Лероса его религия была не просто вера. Однажды, когда в воздухе бесновалась гроза, сверкая молниями, ему удалось во внутреннем дворе храма взглянуть на Торуна, прогуливавшегося вечером с Верховным жрецом. По росту Торун был намного выше любого смертного.

Лерос склонил голову для своей молитвы, но затем, вспомнив свои обязанности, вернулся к ожидавшим его людям и объявил имена участников первого сегодняшнего боя:

— Артур из Чеспа — Брам Безбородый из Консиглора!

Артур был мужчиной средних лет и среднего роста. На фоне других воинов он выглядел низковатым. Плотный, сурового вида, с густыми усами, он вошел на ринг с видом абсолютной и спокойной уверенности. Неподвижно и не мигая, он наблюдал за тем, как Брам Безбородый приближался к нему с намерением убить его. Безбородость Брама объяснялась, очевидно, его явной молодостью. Хотя он был высок и широкоплеч, лицо его выглядело не старше одного года планеты Охотников, то есть на пятнадцать или шестнадцать шестидесятых частей от жизни старого человека этой планеты. Брам не выглядел спокойным, но его волнение было скорее радостным, чем испуганным, и он начал атаку энергичным взмахом длинного меча. Артур уверенно отбил удар и не слишком спешил сам переходить в наступление.

Брам усилил натиск, его молодость и энергия не допускали возможности того, что его могут победить. Он наносил удар за ударом, но Артур продолжал обдуманно отступать, очевидно, выжидая удобный момент для контратаки. Брам ударял вновь и вновь со всевозрастающей скоростью и страшной силой. Артур не решил еще, как лучше вести поединок дальше, когда последовал сокрушительный удар — рука и плечо были отсечены. И сразу же, без промедления, Брам нанес и окончательный удар.

— Брун из Бурзо — Чарльз Прямой!

Брун был тяжеловесный, русоволосый, весь какой-то выжженный солнцем. В одной широкой ладони он так держал короткое копье, что было ясно — этот будет изредка колоть, но рискнет поставить все на один решающий бросок. Он сразу захватил инициативу боя, но кружился осторожно, медленно двигаясь вокруг Прямого Чарльза против движения солнца. Чарльз переступал подобно неуклюжей птице, как будто для него было лучше опираться на одну ногу, и возвышался над своим противником, держа двуручный меч наготове против всего, чтобы ни задумал сделать Брун. Когда же последовал первый укол копьем,— сильный и быстрый,—

то ответ Чарльза оказался еще искуснее: срубленный наконечник копья противника оказался на земле. Вскоре туда же свалилась и русая голова Бруна.

— Кол Ренба — Ефим Самдевятов!

Эти двое внешне были похожи, немного выше среднего роста, с коричневыми взлохмаченными волосами. Кол Ренба вращал на конце короткой цепи, укрепленной на деревянной ручке, усеянный шипами шар. Самдевятов приготовил для боя меч и кинжал. Оба разом бросились в атаку, но шипованное ядро сразу же выбило меч из державшей его руки, а затем вышибло на землю мозги, управлявшие мечом.

— Фарли из Эйкоска — Джофф Симболор!

И на этот раз соперники были похожи, правда уже не внешностью, а манерами. Оба участника были хорошо одеты и богато вооружены. В рукоятках меча и кинжала Джоффа даже красовались драгоценные камни. Фарли был светловолосый, с почти рыжей бородой. Его голые руки с рельефно выступавшими венами и мышцами были сплошь усеяны веснушками. Джофф Симболор, темноволосый, на полголовы ниже Фарли, выглядел равным ему по весу и силе. Их бой был медленным. Они не уступали друг другу ни в чем до тех пор, пока более длинные выпады Фарли не позволили ему рассечь мускулы на плече Джоффа. Фарли не соблазнился поспешностью и его противник ослабел от потери крови еще до того, как Фарли всерьез навалился и прикончил его.

— Жиль Коварный — Глэдвин Вануччи!

Жиль имел средний рост, но крепкое жилистое сложение, загорелое лицо, волосы песочного цвета и бледные невинные глаза. Если он действительно отличался коварством, то сегодня оно ему не понадобилось. Своим длинным мечом он быстро достал приземистого и массивного Глэдвина, выбравшего себе в помощь боевой топор.

— Хэл Медник — Гомер Гарамонд!

Хэл Медник был очень высок, с покатыми плечами и длинными ручищами, обвитыми густой татуировкой. Его длинный меч беспокойно дрожал в руке подобно усикам какого-то насекомого, следящего за движениями своего врага. Гомер Гарамонд выглядел печальным от предстоящего ему занятия, хотя на вид казался таким же юнцом, как и Безбородый Брам, просто сиявший от радости убийства. Своими мощными руками Гомер дер-

жал меч и кинжал почти небрежно до тех пор, пока Хэл не набросился на него. Быстрота, с которой при этом двинулся Гомер, оказалась недостаточной для продолжения поединка.

— Джуд Исакссон — Канрет Джон!

Джуд — вспыльчивый низенький человек с необычайно длинными черными усами — проворно вступил на арену с круглым металлическим щитом, укрепленным на левой руке. В правой он держал короткий меч. Канрет, возможно, старейший из воинов, переживших первый круг, ожидал его с терпением, естественным для своего возраста. Он был вооружен коротким копьем на толстом древке. Канрет держал его так, что мог использовать копье и как дубинку с железным наконечником. Когда настал решающий момент, копье ударилось в щит Джуда, но Канрет Джон был опрокинут ударом меча в колено. После этого конец его был скорым.

— Ле Нос из Хайленда — М'Гамба Мим!

Все лицо Ле Носа было покрыто шрамами. А на ринге оказалось, что он двигается как зверь, а не человек — гибкими длинными шагами в полуприседе. С мечом и кинжалом он наступал на М'Гамба, массивного и чернокожего, вооруженного таким же оружием. Кровь обоих соперников уже пролилась на землю, когда Ле Нос сумел взять верх. А потом — все еще по-звериному — он рычал на рабов, подбежавших для ухода за его ранами.

— Местль из Винди Вэйла — Октанс Бук из Пачуки!

Лоб Местля был покрыт морщинами, словно у грамотея или ученого от частых размышлений. Одетый в крестьянские одежды, он и сражался фермерской косой. Октанс был худощав и выглядел в своих потрепанных одеждах, как голодный разбойник. Но его меч оказался менее проворным, нежели коса, которая подсекла его.

— Омир Келсумба — Отис Китамура!

Широкое черное лицо Келсумбы выражало яростную решимость. Наблюдавший за поединком Лерос вспомнил, что именно этот человек спрашивал о получении божественного дара исцеления. Когда бойцы сблизились, Келсумба взмахнул массивным боевым топором с необычайной силой. Взмахнул и тут же развернулся для обратного взмаха—как будто его оружие было не тяжелее обыкновенной палки. Меч Китамуры отлетел в сторону, а за ним упала отрубленная челюсть его хозяина. Он

опустился на руки и колени, да так и остался в этом положении. Келсумба предоставил право прикончить соперника свинцовым кувалдам похоронной команды.

— Пернсол — погонщик мулов — Полидорус Грязный!

Погонщик мулов был старше своего противника. Он основательно взялся за дело, вооруженный коротким копьем и длинным ножом. Полидорус — мужчина неопределенного возраста и не более грязный, чем его соперник, вступил в борьбу, держа старый меч, изрядно поцарапанный и зазубренный. Старый меч послужил его владельцу и на этот раз. Пернсол умер спокойно, будто бы довольный покончить с жизннеными перипетиями и занять свое скромное место за столом Торуна.

— Рафаэль Сандовал — Рахим Сосиас!

Сосиас походил более на портного, чем на бойца. Был он не слишком рослый и имел небольшое, но заметное брюшко. Однако его кривой меч столь же естественно лежал в его ладони, как и сама ладонь завершала покрытую волосами руку. Сандовал был очень безобразен, но не от шрамов, а от природы. Он пренебрежительно вращал булаву с ядром, усеянным шипами. Цепь булавы захлестнула меч Рахима и вырвала его из руки. Но не успел еще Рафаэль распутать свое собственное оружие, как Рахим выхватил из укромного места нож и перерезал противнику горло.

— Рудольф Тэдбери — Шань Ти!

Тэдбери имел воинственный и бойцовский вид. Лерос подумал, что в этом человеке есть нечто такое, что делает его похожим скорее на генерала, чем на простого воина с мечом. Но о прошлом этого человека он ничего не знал. Большинство участников были столь же неизвестны Леросу и другим жрецам, сколь и незнакомы друг с другом.

Широкоплечий, с огромными ручищами и грубыми тупыми пальцами, Рудольф Тэдбери излучал силу и уверенность. А его противник Шань Ти своим видом внушал страх. Его довольно маленькая голова сидела на таком гигантском туловище, что недоразвитость головы придавала всему его облику совсем нелепый вид. У Шань Ти и меч по размеру соответствовал фигуре. Однако меч Рудольфа имел лезвие потолще обычного и оказался также достаточно длинным, чтобы поразить Ти в самое сердце.

— Синию из Вечнозеленых склонов — Томас Граббер!

Синию был костлявого телосложения, самый худой из всех оставшихся в живых воинов. Он держал двуручный меч, на вид слишком тяжелый для него. Но вскоре он показал, как быстро и умело может им орудовать. Томас оказался крупным и злым на вид воином. Свое копье он противопоставил длинному двуручному мечу, но именно копье оказалось все же длиннее.

— Трэверс Сандакан — Ванн Кочевник!

Сандакан вышел, вооруженный топором, представлявшим из себя тонкое лезвие, посаженное на твердую обитую железом рукоятку. Лицо его носило следы времени, полного невзгод и было отмечено шрамами от многочисленных боев. Ванн-кочевник, одетый в длинный бесформенный свитер, который обычно носят пастухи на высокогорных равнинах, с демонической энергией работал своим длинным мечом. Сандакан явно уступал кочевнику... Когда Трэверс уже был мертв, Ванн отрезал ему ухо, приговаривая: — Я ему это отдам в зале Торуна — если он настоящий мужчина, то пусть примет это от меня! — Поступок был для Лероса невиданным. Поразмыслив, он изобразил неуверенно одобрительную улыбку. Как только последний труп убрали с ринга, Лерос формально провозгласил имена участников последнего на сегодня поединка.

— Владерлин Бэйн — Вул Нарваэз!

У Бэйна вокруг пояса был обвернут длинный кнут, о назначении которого никто не счел нужным расспрашивать. В руках он держал меч и кинжал. Нарваэз с его приветливо-дурацким лицом и крестьянскими вилами в качестве единственного оружия, смотрелся действительно как крестьянин, только что вернувшийся с полевых работ. Как умелый работник на уборке урожая, он направил зубья вил точно туда, куда хотел и Владерлин был мертв еще до того, как рухнул на землю. По какой причине он держал при себе свернутый кнут, так и осталось для всех загадкой.

Солнце не достигло еще точки полудня, когда закончился второй круг поединков. Шестнадцать оставшихся в живых бойцов направились вкусить приготовленную им пищу. Большинство разговаривали, по-дружески шутили, некоторые шествовали молча. Они также внимательно рассматривали ранения друг у друга, прикиды-

вая, где завтра может проявиться слабость. Все они знали, что в бою нужно уметь воспользоваться самым незначительным преимуществом. Каждый из уцелевших воинов был чрезвычайно опасен — но каждый из них мог и среди жертв своих назвать высококлассных мастеров убийства.

Отдыхая после полуденной еды, они увидели посланца, торопливо спускавшегося с горы. Доставленная им новость заставила Лероса резко вскинуть голову и пристально вглядываться в небо. С места расположения лагеря под кронами деревьев невозможно было разглядеть многого. Воины тоже проявили интерес, но не слишком большой. Турнир, в котором они принимали участие, был важнее любого события, которое они могли себе вообразить.

Позже, когда какой-то жрец из Внутреннего круга спустился для важного разговора с Леросом, среди бойцов прошел слух, что круглый серебристый корабль прилетел с визитом из-за пределов мира прямо на гору Богов. Большинство из них все же были любопытны и пытались разглядеть корабль, едва видимый на своей стоянке на дальней высоте среди деревьев.

V

На следующий день после встречи Суоми с ледниковым зверем Оскар Шенберг в сопровождении Афины и Де Ла Торре снова отправились на охоту. Барбара и Селеста впервые рискнули испытать на себе, что такое охотничья прогулка. Суоми предпочел остаться на корабле. В первый день Шенберг, Афина и Гус были несколько возбуждены предстоявшей охотой, однако вернулись с пустыми руками. На этот раз они принесли голографические трофеи — снимки крупных хищников, надежно записанные на маленьких кристаллических кубиках для последующего воспроизведения и показа.

Расположившись в гостиной, Афина растирала утомленные ступни ног и сетовала, что ей трудно будет найти подходящее место для демонстрации своего ледникового трофея.— Тебе хорошо, Оскар. А у меня толь-

ко маленькая квартирка. Придется передвинуть половину мебели, чтобы высвободить место для этого, если, конечно, я вообще осмелюсь его показывать.

— Только потому, что он был добыт без разрешения? — рассмеялся Шенберг.— Если кто-нибудь тебя начнет беспокоить, скажи просто, будто я дал тебе это. Пусть идут разбираться со мной.

— Мне придется держать его почти все время выключенным и включать только по особым случаям. Не хочу, чтобы он отпугивал моих гостей. Тут она спохватилась, бросила умоляющий взгляд в сторону Суоми, но тут же быстро его отвела.

Когда вчера все вернулись с охоты на корабль, они с некоторым замешательством выслушали рассказ Суоми о том, как он в испуге потерял контроль над собой и как Шенберг хладнокровно спас ему жизнь. Афина при этом смутилась, пожалуй, более, чем сам Суоми. Де Ла Торре, казалось, внутренне был даже доволен и лишь Барбара проявила явное сочувствие.

Суоми подумал, будут ли его спутники, в особенности Афина, ожидать, что он потребует ружье, чтобы еще раз пойти на охоту и оправдать свое поведение. Если это так, то им придется ждать очень долго. Да, тогда он испугался. Но, может быть, если бы он снова оказался на охоте и на него напал бы зверь, то больше он не проявил бы страха. А может быть, снова испугался бы. Ему вовсе не хотелось выяснять все это. По крайней мере, он не обязан никому ничего доказывать! Он сидел на откинутом трапе Ориона, наслаждаясь воздухом, в то время как другие где-то там охотились. На всякий случай под рукой у него было заготовлено ружье. Однако в случае появления какой-либо опасности, он вовсе не собирался пускать его в дело, а собирался просто забраться внутрь корабля и закрыть люк.

Шенберг не стал больше тратить время в северной зоне видя, что каждый желающий получил свой охотничий трофей. Сезон охоты продлится еще долго, а вот таинственный турнир явно будет совсем кратким. Его не хотелось бы пропустить. Когда Суоми заговорил о турнире с девушками, оказалось, что ни одна из них не имеет об этом никакого понятия. Сам Суоми предполагал, что это какое-то спортивное состязание.

Шенберг явно знал путь к горе Богов, хотя сказал, что не бывал там прежде. Направляясь на юг, он летел

гораздо медленнее и ниже, чем при полете в северном направлении, внимательно вглядываясь в ориентиры на поверхности планеты. В основном он шел над долиной какой-то реки, сначала с помощью радара из-за густого тумана у поверхности земли, потом, когда видимость улучшилась, ориентируясь визуально. Через несколько часов они достигли своей цели. Гора Богов возвышалась, впечатляюще доминируя над окружающей местностью. Ее покрытая лесом громада была практически изолирована от лоскутного одеяла окружавших ее равнинных крестьянских угодий, садов и пастбищ. С виду гора была широкая и довольно высокая, но в целом не очень крутая. На безлесной вершине располагался комплекс сооружений из белых каменных стен и зданий, размером с небольшой город. И стоял этот город настолько открыто и на виду, как будто служил маяком для воздушной навигации.

Облетев один раз гору на почтительно удаленном расстоянии, Шенберг еще более снизил скорость и начал опускаться к горе, но держал курс совсем не к городу-крепости. Он старался вообще не пролетать над ним.

В нескольких сотнях метров ниже стен белого города над лесом возвышался усеченный скалистый выступ, словно крошечный голый палец, торчащий сбоку огромной горы-рукавицы. Заметив этот выступ, Шенберг медленно приблизился к нему, облетая его почти вплотную. Затем на какое-то время завис прямо над ним, внимательно исследуя его находящимися в корпусе Ориона чувствительными приборами. Пик имел высоту между двадцатью и тридцатью метрами и, по-видимому, взобраться на него можно было только с большим трудом. Не было видно явных признаков, что когда-либо человек или зверь взяли на себя труд достигнуть его плоской вершины.

Повиснув над стойкой за креслом пилота, Де Ла Торре, предложил: — Оскар, мне кажется, эта вершина достаточно велика и сможет нас удержать. Даже еще останется место погулять возле корабля.— В ответ Шенбер пробормотал: — Я как раз и хотел сделать здесь посадку. Быть может, потребуется вырубить несколько ступенек или протянуть веревку для спуска вниз. Но зато уже никто не заявится к нам без приглашения.

После окончательного тщательного осмотра с расстояния всего нескольких метров небольшой плоской вер-

хушки пика, Шенберг посадил на нее Орион. Посадочные опоры осторожно нащупали поверхность и самонастроились для выравнивания корабля. Действительно, ровной поверхности оказалось на скалистом столе вполне достаточно для надежной стоянки корабля. Осталось даже несколько квадратных метров для того, чтобы размять ноги. Именно с этой целью все без промедления покинули корабль. Даже на такой высоте погода в этих тропических широтах была совсем теплая, однако девушки были одеты полностью, что объяснялось их неуверенностью в отношении местной морали и обычаев. Шенберг приказал оставить все оружие внутри звездолета.

Близкий осмотр подтвердил, что только одна сторона пика теоретически была пригодна для попыток взобраться наверх. Но и на этой стороне были такие места, где понадобилось бы несколько крюков или искусственных ступеней и, вероятно, нужна была также веревка, чтобы позволить даже весьма ловким скалолазам совершить подъем или спуск с достаточной степенью безопасности.

— Ну где же они все? — громко удивилась Селеста, разглядывая над вершинами деревьев белые стены города на вершине горы, оказавшейся немного выше места их высадки. Де Ла Торре вытащил бинокль и изучал совсем другое направление — подножие горы.— Там внизу находится что-то типа лагеря, я вижу тридцать или сорок человек. Вон там. *Я даже иногда могу различить* некоторых из них среди деревьев.

Не обнаруживалось пока никаких признаков того, что было замечено прибытие Ориона или его появление на стертом пальце пика над окружающим ландшафтом. Хотя, конечно, густой лес, покрывавший большую часть горы, мог спрятать даже самое оживленное движение. Суоми заметил, что деревья на этой планете выглядели близкими аналогами обычных земных пород. Можно было предположить, что какие-то видоизмененные саженцы были привезены еще первыми поселенцами. Стволы были заметно толще по сравнению с земными деревьями, а ветви отрастали почти под прямым углом.

После их посадки прошло около половины земного часа и шестеро прибывших, вооружившись биноклями, все еще были заняты изучением окрестностей, когда внезапно в высокой стене города распахнулись ранее

закрытые ворота и оттуда вышла небольшая группа людей в белых одеяниях. Войдя в лес, они сразу же исчезли из вида.

Шенберг имел инфракрасный прибор, которым он мог бы проследить их продвижение под покровом деревьев, но не захотел. Вместо этого он спрятал бинокль в футляр, откинулся назад и зажег сигару. Люди из города появились совсем близко на несколько минут раньше, чем ожидал Суоми. Они внезапно вышли из леса прямо на поляну, образованную обломками той самой скалы-башни, на вершине которой стоял Орион.

Шенберг вмиг отбросил сигару и подошел к краю площадки, затем поднятыми руками приветствовал подошедших внизу людей. Глядя вверх, они довольно небрежно повторили жесты приветствия. Их было шестеро. Белые одежды двух или трех были украшены разными вариантами пурпурной отделки. Расстояние было слишком большим, чтобы вести разговор, не прибегая к крику, и жители планеты Охотников неспешно приблизились. Идущий впереди высокий туземец достиг подножья пика и начал взбираться вверх. Вначале он поднимался спокойно и без больших трудностей. Примерно на половине высоты его заставил остановиться почти отвесный участок. Гости могли теперь рассмотреть, что по виду туземец был не молод, несмотря на легкость, с которой он передвигался. Он поднял голову, глядя на Шенберга, все еще стоявшего с распростертыми руками в десяти метрах над ним, и промолвил: — Инопланетяне! Торун и другие боги планеты Охотников приветствуют вас и будут рады принять у себя!

Шенберг медленно поклонился.— Мы благодарим Торуна и других прославленных богов вашей планеты. Будем счастливы выразить нашу благодарность в самой почтительной форме. А также мы благодарим вас, прибывших сюда в качестве посланцев.

— Мое имя — Андреас. Я — Верховный жрец королевства Торуна в этом мире.

Шенберг представил членов своей команды, а Андреас назвал своих людей. После дальнейшего обмена любезностями, в ходе которого Шенберг дал понять о намерении поднести некоторые дары Торуну, когда выяснит, что именно подойдет для этого наилучшим образом, он перешел к цели своего визита.— Как всем известно, Охотничья планета славится по всей вселен-

ной мастерством своих бойцов. Нам сообщили, что лучшие из лучших воинов планеты как раз собрались здесь у горы Богов на большой турнир.

— Все именно так и есть,— сказал в ответ Андреас. Его речь для инопланетян звучала гораздо понятнее — в ней не было такого сильного акцента, как у Кестанда.

Шенберг продолжил: — Мы просим благосклонности Торуна, его разрешения присутствовать на этом турнире, хотя бы на некоторое время.

Андреас не взглянул на своих спутников, спокойно ожидающих его внизу, но посмотрел в сторону города за верхушками деревьев, как бы пытаясь получить оттуда какое-то сообщение. Но этот взгляд был мимолетным и Андреас быстро ответил: — Я буду говорить от имени Торуна. Он охотно выполнит вашу просьбу. Турнир уже идет, но важнейшие его этапы еще впереди. Завтра состоится следующий круг поединков.

Андреас еще немного задержался с пришельцами и пообещал утром прислать сопровождающего, чтобы отвести их к месту состязаний, где они сколько угодно смогут наблюдать за происходящими там событиями. Он также заверил, что во время их пребывания здесь они будут приглашены посетить город и принять участие в пиршестве в храме Торуна в качестве почетных и знатных гостей. Верховный жрец оценил также намерение Шенберга преподнести подарок Торуну. После этого жрецы и инопланетяне обменялись вежливыми знаками прощания.

Во время краткого перехода обратно в город Андреас был задумчив и более обычного отчужден от других. Идущие рядом подчиненные заметили это настроение и тактично не беспокоили его. По меркам Охотничьей планеты, Андреас был уже старик, отмеченный дюжиной шрамов от серьезных ранений и *выживший в сотне боев.* Он уже больше не был *доблестным воином, его мускулы* одряхлели от естественного старения и отсутствия практики. Проворное лазание по скалам стоило ему гораздо больших усилий, чем он позволил себе показать. Череп все более отчетливо выступал с каждым прожитым отрезком времени в одну шестидесятую часть жизни старого человека, которую инопланетяне называли обычным, земным или стандартным годом. Но ему доставляло удовольствие это постепенное изменение его облика.

Несмотря на усталость в ногах, Андреас поддерживал быстрый темп ходьбы и скоро привел свой отряд назад в город.

Там он сразу отогнал от себя подчиненных, ожидавших его, чтобы забросать сотней вопросов и вовлечь в бесконечные дискуссии о пришельцах. Эти люди были ниже уровня Внутреннего круга и ничего не понимали. Оставшись один, Андреас быстро пошел по лабиринту ярко освещенных узких улиц. Слуги, ремесленники, солдаты, аристократы — все сторонились, уступая ему дорогу. На ступенях перед высокими наружными дверями храма Торуна два аристократа из Внутреннего круга, облаченные в одеяния, украшенные пурпурными блестками, прервали свою беседу, чтобы почтительно поклониться Верховному жрецу. Но на это приветствие Андреас ответил едва осознанным кивком головы. Выходившая из своих носилок куртизанка сделала более глубокий поклон. Она явно принадлежала какому-то жрецу, не дававшему обета безбрачия и не достигшему Внутреннего круга. Жрец не ответил и на это приветствие.

Внешний храм был хорошо освещен. Солнце заливало его своим светом через отверстие в крыше. Слышалась тихая военная песня, исполняемая послушниками под приглушенные звуки военного барабана. Они застыли на коленях перед алтарем, заваленным черепами вражеских воинов и боевыми трофеями. Вооруженный страж, стоявший перед входом во внутренний храм, приветствовал Верховного жреца и отступил в сторону, распахивая перед ним большую дверь. Вниз вела широкая лестница. Комната, в которую спускалась лестница, была просторная и располагалась она ниже уровня залитых солнцем улиц за стенами храма.

Здесь во внутреннем храме свет, прошедший через множество маленьких порталов, был рассеянный и тусклый. Привычными движениями Андреас отодвинул один за другим все занавесы, сделанные из кольчуги, и пошел по огромному залу. Он миновал место, где склонился на колени единственный благочестивый поклонник — воин со щитом и мечом в руке, это был жрец-генерал, весь в белом, молча молившийся перед высокой каменной статуей. Статуя, очень стилизованная, изображала мужчину в гладком, плотно облегающем инопланетном костюме. Ее завершал круглый без каких-либо дета-

лей шлем. Лицо было мрачное и безбородое. Это был Карлсен — полубог древних времен, с мечом в правой руке и палкообразным оружием инопланетянина в левой. Лицо Андреаса сделалось каменным. Но если убрать эту статую, могут возникнуть беспокойства. Карлсен был все еще популярен среди многих людей.

Начиная с этого места путь, по которому двигался Андреас, не был доступен или вообще известен никому, кроме очень немногих. Он оставил позади еще несколько кольчужных занавесей и направился в угол, откуда начинался едва приметный проход. Там опять были ведущие вниз ступени, но уже гораздо более узкие и темные. Внизу в стенном углублении горела небольшая масляная лампа, света от которой едва хватало только на то, чтобы можно было идти не ощупью. Отсюда начинались массивные высокие двери, которые вели в зал Торуна. Временами из-за этих дверей доносились звуки арфы, барабана и трубы, раскаты смеха, можно было видеть вспыхивающие отблески света. Послушникам-новичкам дозволялось в такие минуты стоять у подножия лестницы. И они стояли с широко открытыми глазами, смотрели и слушали, на короткое время становясь очевидцами того, как внутри празднуют боги и герои.

Андреас носил при себе один из двух ключей, открывавших двери зала Торуна. Главный ремесленник храма и, разумеется, член Внутреннего круга Лашез был хранителем второго ключа. Когда Андреас повернул надлежащим тайным способом свой ключ, дверь тотчас же открылась и он быстро шагнул вперед, плотно прикрыв ее за собой.

Великий зал Торуна, выдолбленный из целъной скалы под храмом, был примерно пяти метров длиной и по три метра в ширину и высоту. Конечно, для повелителя всего мира это было совсем скромно. Стены, пол и потолок были вытесаны из грубого камня — зал Торуна не был полностью готов. Видимо, он никогда и не будет закончен. Андреас предполагал, что работы начались почти двадцать лет планеты Охотников назад, то есть впятеро больше длительности жизни старого человека. При его предшественнике кое-какие работы еще велись. Но с тех пор планы изменились. Дворец уже был доста точно велик для своего единственного предназначения— одурачивания новообращенных послушников. Вверху

располагалось отверстие для тока воздуха, чтобы ярко горящие факелы отбрасывали свои отблески под дверью и сквозь щели. Были здесь и музыкальные инструменты, сваленные в углу. Ну, а рокочущий божественный смех — это могли изобразить либо Торун, либо Мжолнир.

Торун находился в своем зале, восседая за столом, почти занявшим слишком тесную комнату. Торун был так огромен, что даже сидя, он оказался вровень с высокими жрецами, стоявшими перед ним. Голова Торуна с копной темных волос была повязана золотой лентой, на гороподобных плечах наброшена меховая мантия. Знаменитый меч, настолько огромных размеров, что ни один человек не смог бы его удержать в руках, висел у его пояса. Громадная правая рука, по обыкновению, упрятанная в кожаную перчатку, покоилась на столе, сжимая массивный кубок. При тусклом свете лицо Торуна над окладистой темной бородой можно было принять за человеческое — если бы оно не было настолько неподвижным и чрезмерно большим.

Торун не пошевелился. Остался неподвижен и полубог Мжолнир, сидевший по другую сторону стола, с серебряной лентой вокруг головы, и завернутый в темную мантию. Он был примерно таких же размеров, как и бог войны и охоты. Так они и сидели вдвоем на мрачном празднестве без кушаний и напитков.

Войдя в комнату, Андреас выждал немного, стоя неподвижно и наблюдая, желая убедиться, что его появление не приведет в движение ни одного из этой пары. А это иногда случалось. Тут надо было быть осторожным. Наконец, успокоенный, он обошел вокруг высоченного стола и прошел позади кресла Торуна. Именно там в стене была устроена небольшая потайная дверца, для которой ключ был не нужен. Андреас отворил ее, лишь нажав в нужном месте. За дверью начиналась еще одна узкая каменная лестница, ведущая вниз.

На этот раз спуск был более долгим. В конце последнего пролета Андреас сразу повернул налево. Сделав три-четыре шага в этом направлении, он вышел из узкого туннеля и оказался на дне большой шахты, вырубленной в скале позади храма. Работы над этой шахтой начались во времена правления пятого по счету перед Андреасом Верховного жреца и длились уже на протяжении целых жизней многочисленных рабов. На-

сколько велико было предвидение и величие планов настоящего бога, планов, которые уже близились к осуществлению! В верхней части шахта была окружена белыми каменными стенами и покрыта крышей. Со стороны это выглядело просто одним из множества строений в комплексе храма, которое ничем не выделялось среди лабиринта однотипных построек.

Андреас снова вошел в туннель и двинулся по нему, но на этот раз в правую сторону от лестницы. Перед тем, как войти в помещение, куда вывел его правый проход, он помедлил некоторое время и, закрыв глаза в почтительном подражании Смерти, пробормотал свою короткую молитву. Но, конечно, он молился не Торуну. Торун был всего лишь вещью, орудием, частью необходимого обмана, внушаемого толпе, обмана, который Андреас оставил позади, в храме. А вот то, что предстояло ему сейчас, было для него окончательной и единственной реальностью.

Комната, в которую вошел Андреас, была столь же древняя, как все самые старинные постройки, сделанные людьми на планете Охотников. Сейчас она освещалась тусклым светом, проходящим и рассеивающимся через находившуюся наверху шахту, открытую в каком-то месте на досягаемой высоте для солнечного света. Лучи света проходили еще и через множество тяжелых решеток по всей глубине шахты. По сравнению с верхним залом Торуна это помещение было немного просторнее. Здесь можно было тесно разместить сотню людей, но такого еще здесь не бывало. Сейчас даже о существовании этой комнаты знали менее десяти людей.

Вплотную к стене, напротив единственного входа стоял низкий деревянный стол, заставленный полдюжиной коробок из светлого металла. Каждая коробка отличалась особой формой и была помещена в специальное углубление или гнездо, вырезанное как раз под эту форму в темной панели верхней части стола. Судя по внешнему виду, поверхности коробок были изготовлены точно и обработаны, определенно, с помощью куда более высокой технологии, чем та, основой которой было кузнечное ремесло для изготовления мечей. Трубы и кабели мягкого серого и черного цвета перевивались внутри коробок настоящим лабиринтом соединений.

При более внимательном взгляде деревянная основа, поддерживающая коробки, была вовсе не столом, а ско-

рее чем-то похожим на носилки или паланкин, хотя и не предназначенный для человеческой формы тела. С обеих концов этого приспособления выступали пары крепких рукояток с вырезанными углублениями для рук с таким расчетом, что шесть или восемь человек вполне могли переносить все это сооружение. Ручки носилок были изношены от долгого использования, однако сами носилки, как и все в этой комнате, отличались чистотой.

Бледный камень пола слабо отсвечивал в тусклом свете. Только низкий каменный алтарь в центре комнаты был темным от застаревших и неустранимых пятен от ржавчины вделанных железных колец, к которым иногда привязывались руки и ноги жертв, и пятен засохшей крови в тех местах, где извлекались органы из тел жертв. Перед носилками стояла чаша, наполненная доверху, как фруктами, черепами младенцев. Тут и там были разбросаны охапки цветов — и ни одного в вазе. Почти все цветы были искусственные.

Переступив порог комнаты, Верховный жрец опустился на колени, потом еще ниже и полностью распростерся на полу, головой и раскинутыми руками в сторону алтаря и того, что было за алтарем — на носилках, наполненных металлическим грузом.

— Встань, Андреас! — раздался ровный нечеловеческий голос. Он доносился откуда-то из металлических коробок, где на боку стояла небольшая деревянная рама с натянутой на ней кожей для барабана. В центре ее поблескивало что-то металлическое. Голос, издаваемый этой рамой, очень редко бывал громким, хотя подобное устройство, помещенное внутри Торуна, позволяло тому громко кричать и хохотать. Этот спокойный голос Смерти больше всего походил на звук барабана, чем на что-либо слышанное ранее Андреасом — и все же оно звучало не так, как барабан.

Андреас поднялся и, обойдя алтарь, приблизился к носилкам, затем снова сделал почтительный поклон перед коробками, припав на этот раз только на одно колено.— О, Смерть! — промолвил он тихим и почтительным голосом.— Это, действительно, звездолет и его командир выбрал для посадки скалу, которую ты своим мудрым предвидением предназначил как раз для такой возможности. Сейчас я намерен подготовить Мжолнира для его работы и отобрать солдат ему в помощь. Другие твои приказания я уже выполнил с точностью до мелочей

Барабанный голос спросил: — Сколько инопланетян прибыло на корабле?

— Я видел только шестерых и нет никаких признаков того, что на борту может быть еще кто-нибудь. О, Смерть! Удивительна мудрость твоих предсказаний, что такие люди должны спуститься с небес, привлеченные интересом к нашему турниру. Удивительно и...

— Был ли упомянут человек — это скверное существо — по имени Карлсен?

— Нет, Смерть,— Андреас был немного удивлен. Определенно, Карлсен давно уже умер. Но мудрость бога Смерти была за пределами человеческого понимания. В этом Андреас давно уже убедился. С благоговением он ожидал нового вопроса. И он прозвучал после краткого периода молчания.—Так они частные охотники? По их законам, браконьеры?

— Да, лорд Смерть. Их главный сказал, что они уже побывали на охоте. Никто из инопланетных правителей не узнает, что они здесь.— Отвечая на дальнейшие вопросы, Андреас продолжал рассказывать в подробностях все, что ему удалось пока что узнать о пришельцах и их космическом корабле.

Он был уверен, что корабль не настолько велик, чтобы не поместиться в шахте возле замка.

VI

На следующий день после посадки Ориона Лерос провел оставшихся в живых шестнадцать участников турнира вверх по горе к новому лагерю, расположенному на более высоком месте. Там вначале были улажены обычные дела, после чего он зачитал состав поединков третьего круга турнира:

Брам Безбородый из Консиглора
Чарльз Прямой

Кол Ренба
Фарли из Эйкоска

Жиль Коварный
Хэл Медник

Джуд Исакссон
Ле Нос из Хайленда

Местль из Винди Вэйл
Омир Келсумба

Полидорус Грязный
Рахим Сосиас

Рудольф Тэдбери
Томас Граббер

Ванн Кочевник
Вулл Нарваэз

Жрец Внутреннего круга, который вчера спустился из города, сообщил Леросу и воинам, что сегодня можно ожидать появления группы инопланетян. Турнир следует продолжать обычным образом, но инопланетянам надлежит оказывать особое внимание. Не надо обращать внимание на возможные странности в их поведении. Вполне возможно, что среди них будут и женщины, но на это также не нужно обращать внимание. Лерос получил еще и дополнительные указания: почаще объявлять перерывы в ходе поединков для молитв и церемоний.

Что касается бойцов турнира, то они вообще не проявляли интереса ни к чему, непосредственно не относящемуся к вопросу их собственного выживания в турнире. Приход гостей и их сопровождающих в тот самый момент, когда Лерос оглашал список участников, не помешал никому. Всего прибыло четверо, среди них были две женщины, однако, к некоторому облегчению Лероса, одежды их были скромными. Он слышал кое-какие рассказы об инопланетных нравах. Ему вовсе не по душе были такие зрители — но, видно, Торун считал иначе по своим непонятным и божественным причинам. В любом случае, приказ есть приказ. Лерос выдерживал приказы и потруднее.

На этот раз бойцовский ринг был устроен наверху пологого склона в таком месте, где поросли молодых деревьев были еще тонкими. С места проведения поединков корабль инопланетян хорошо просматривался в нескольких сотнях метров на срезанной вершине скалы. Массивный шар из светлого металла, переносивший людей среди звезд, имел только один дверной проем — других каких-либо деталей на его поверхности не на-

блюдалось. Временами мелькали фигурки еще двух пришельцев — они присаживались или стояли на небольшом краю скалы перед кораблем.

Афина, стоявшая у ринга рядом с Шенбергом в каком-то нервном ожидании начала событий, прошептала ему: — Ты уверен, что это будет борьба до конца?

— Так сказал наш провожатый. Думаю, он знает, что тут происходит.— Шенберг с нескрываемым интересом наблюдал за приготовлениями и отвечал тихим голосом, не глядя в ее сторону.

— Но если правда то, что он нам сказал, значит, каждый из этих мужчин уже прошел через две дуэли в турнире. Однако, взгляни — есть ли на них хотя бы одна отметина!

— Ну, несколько повязок я вижу,— прошептал Шенберг.— Но главная причина здесь вот в чем.— Он обдумал свой дальнейший ответ.— Это можно объяснить так: очевидно, здесь у них нет обыкновения вести борьбу верхом на спине какого-то животного. Значит, воины должны перемещаться, полагаясь только на силу своих мускулов. Они просто не могут носить на себе тяжелые доспехи. Поэтому точный удар любым видом оружия должен оставлять серьезную рану, а не просто легкую царапину или синяк. Большинство ранений — серьезные. Первый из противников, ослабленный таким серьезным ранением, почти наверняка становится побежденным. Вот поэтому к следующему кругу победители и не имеют серьезных ранений.

Оба смолкли, так как Лерос посмотрел на них и, похоже, был готов объявить начало состязания. Два воина с оружием наизготовку стояли друг против друга на противоположных концах ринга. Де Ла Торре и Селеста также с интересом наблюдали за поединком.

Лерос прокашлялся и объявил: — Брам Безбородый — Чарльз Прямой!

Суоми, стоявший на вершине скалы рядом с Барбарой Хуртадо и смотревший в сторону арены, был слишком далеко, чтобы слышать слова Лероса, но через бинокль он мог рассмотреть на бойцовском ринге двух мужчин, бросившихся навстречу друг другу с поднятым оружием. В этот момент он отложил бинокль и отвернулся, удивляясь самому себе — как он мог ввязаться в такое противное дело. Для охоты на зверей можно было еще найти или придумать какой-нибудь оправда-

тельный повод, но уж никак не для подобного занятия — а Афина там совсем рядом с рингом и жаждет зрелища.

— Кто-то же должен вести антропологические исследования,— объяснила она ему недавно, готовясь к уходу с Ориона.— Если они на самом деле там сражаются друг с другом насмерть.— Их будущий провожатый, высокий молодой парень в белой одежде, только что рассказал им некоторые подробности о проведении турнира.

— Но ты ведь не антрополог!

— Да, среди нас нет профессионала в этих вопросах. И все же это дело необходимо сделать.— Она продолжила свои сборы, прикрепляя к поясу небольшой аудиозаписывающий аппарат рядом с голографическим.

— Так, может быть, ты еще скажешь, что и Шенберг тоже явился сюда ради антропологических исследований?

— Об этом лучше спроси у него. Карл, если тебе так ненавистен Оскар и ты не в состоянии взглянуть на жизнь без прикрас, зачем ты вообще полетел в это путешествие? Почему ты вынудил меня просить Оскара, чтобы он тебя пригласил?

Суоми глубоко вздохнул.— Мы уже говорили с тобой на эту тему.

— Ну скажи еще раз. Мне хотелось бы это знать.

— Хорошо. Я полетел из-за тебя. Ты для меня самая желанная женщина из всех, кого я знал. Я имею в виду нечто большее, чем просто секс. Конечно, секс тоже сюда входит — но мне нужна и та часть тебя, которая сейчас принадлежит Шенбергу.

— Никакой частью, как ты выразился, я ему не принадлежу! Я уже пять лет работаю у Оскара и я его просто обожаю...

— Обожаешь? За что, хотел бы я знать?

— За то, что он сильный. В тебе, Карл, тоже есть своего рода сила, она особенная и я восхищаюсь этой силой тоже. Оскару я дарю свое восхищение и часто свое общество, потому что мне нравится быть с ним. Мы с ним несколько раз занимались любовью и мне это тоже понравилось. Но я не принадлежу ему. И никому вообще! И не собираюсь никому принадлежать!

— Когда ты себя подаешь, как подарок, никому не принадлежащий, то рано или поздно кто-то приберет его к себе.

— Никому это не удастся!

Брам и Чарльз дрались в этой первой дуэли дня очень осмотрительно — никто пока не отваживался на решительный натиск. Хотя оба они были рослые, Чарльз Прямой выделялся своей худобой и необычайно прямой спиной, очевидно объяснявшей данное ему прозвище. На нем был свободный жакет из тонкой кожи. Лицо его было темноватое, но приятное на вид.

Наблюдая за ним, Афина подивилась проявляемой Чарльзом выдержке и терпению, с которыми он выжидал действий со стороны своего противника, высоко поднимая свой меч, такой длинный и острый на вид. Ну, конечно же, подумала она, это не может быть настоящим боем до смерти. Как бы они серьезно не относились к своему занятию, это все-таки скорее походит на какую-то игру, вид спорта, где символически побежденный должен просто отступить.

— Давай! — бормотал Чарльз, как бы уговаривая какое-то животное.— Ну, же, давай. Ну. Ну.

И Безбородый Брам, весь наполненный молодостью и своенравной силой, послушался и пошел в атаку. Сделал шаг, другой, потом предпринял ужасающий натиск. Его меч взлетал и обрушивался вниз, острые лезвия сталкивались, мужчины хрипели. Вокруг раздавались непроизвольные крики возбужденных зрителей.

Отражая удар за ударом, Чарльз начинал отступать. Внезапно он поскользнулся и, казалось, потерял равновесие. Однако ему удалось вывернуться, да еще нанести при этом контрудар, вызвавший одобрительный шум среди воинов, наблюдавших за ходом единоборства и знавших толк в подобных ударах. Брам *уклонился от* следующего удара и не был задет. Однако его натиск был остановлен. Впервые Афина осознала, что в этом мире на троне власти восседает не только грубая жестокость, но и удивительное мастерство.

Брам стоял, не двигаясь, всем видом выражая удивление, как будто встретил отпор от какого-то неодушевленного предмета. Затем внезапно он снова ринулся в атаку, еще яростнее, чем прежде, если такое было вообще возможно. Длинные мечи растворялись в воздухе и звенели, столкнувшись, отпрыгивали назад, вновь исчезали и вновь пели единую звонкую песню. Афина начала теперь замечать и понимать последовательность и стратегию наносимых ударов. Ее сознание отключа-

лось на какое-то время, глаза и мозг все полнее раскрывались для восприятия увиденного. Затем вдруг как-то сразу оказалось,— она не заметила, как это вообще случилось, несмотря на всю свою сосредоточенность — что меч Чарльза уже был не в его руке. Вместо этого он пророс у Брама между ребрами. Рукоятка прижалась к груди Брама, а полметра окровавленного лезвия нелепо выступало из его широкой спины. Брам тряхнул головой один раз, другой, третий, в полнейшем непонимании. С полной ясностью Афина все это видела, как бы в замедленной съемке. Брам еще держал свой меч поднятым, но теперь он, казалось, не мог найти своего ставшего безоружным противника, хотя тот стоял прямо на виду перед ним. Внезапно Брам неуклюже сел, выронил свое оружие и поднял руку к лицу, потряхивая ею, как будто пораженный мыслью, что теперь у него никогда не вырастет борода. Рука бессильно упала и он еще ниже осел. Голова его наклонилась вперед на грудь. Такая поза выглядела очень неудобной, но он оставался в ней, не жалуясь уже ни на что. И только после того, как одетый в серое раб, прихрамывая, потащил тело в сторону, Афина полностью осознала, что этот мужчина — еще совсем мальчик — сейчас на ее глазах умер.

Чарльз Прямой сильным рывком вытащил свой меч и передал его другому рабу для очистки. А еще один раб уже посыпал песком то место, куда вытекла жизнь Брама. Вдалеке копали яму. За несколько мгновений мир переменился или что-то изменилось в самой Афине. Она знала, что уже не будет такой, какой была до этого момента.

— Кол Ренба — Фарли из Эйкоска!

Мужчина, который выступил вперед при объявлении имени Кола Ренба, был большого роста, с лохматой коричневой шевелюрой. Он остановился у центра арены, вращая булавой — усеянным шипами ядром на конце короткой цепи, и ждал появления Фарли.

Оскар что-то говорил своей спутнице, но не было времени выслушать и даже подумать. Не было времени ни на что, кроме зрелища перед глазами. Даже для Оскара не было времени.

Светловолосый и веснушчатый Фарли из Эйкоска, высокий и хорошо сложенный, если не сказать красивый, подошел, ступая по-кошачьи мягко в башмаках из тонкой кожи. Остальные его одежды были простые, но

сделанные из богатой крепкой ткани. Он прищурился от солнца, отблески которого сверкали на гладко отполированной стали его меча и ножа. Держа оружие в двух руках, он сделал ложный выпад в зону действия булавы и кивнул с удовлетворением, увидев быстроту, с которой усеянный шипами груз на натянутой цепи дугой понесся на него и затем назад.

Теперь Фарли начал передвигаться по кругу, перемещаясь возле Кола Ренба сначала в одну, а затем в другую сторону. Булава преследовала его быстрее, чем вначале, быстрее, чем казалось Афине возможным. И тут она закричала, совсем не замечая своего крика. Потом она снова издала какой-то возглас, но на этот раз уже от чувства облегчения, когда оказалось, что шипы не задели тонкую чистую кожу Фарли.

На мгновение двое мужчин застыли, потом вновь началось быстрое, непостижимо быстрое для Афины мелькание рук. Она подумала, что ее возбуждение уже прошло, как вдруг острие одного из шипов булавы задело Фарли по руке и у него отлетел кинжал. Почти в это же мгновение длинный меч Фарли нанес жалящий удар. И вот уже Кол Ренба отшатнулся, продолжая вращать в правой руке булаву, в то время как левая согнулась, как бы пытаясь защититься от дальнейших повреждений. Рукав ее быстро пропитывался кровью.

Теперь кровоточили руки у обоих мужчин, но рука Фарли, похоже, была не способна уже ни на что. На тыльной стороне ладони у него белела разбитая кость. Светлый клинок его длинного кинжала был уже присыпал пылью на земле.

Когда его вооруженный булавой противник заметил, какое сильное повреждение он нанес, в то время как у него самого раненая левая рука, по крайней мере, могла быть прижата к телу и не мешать, он перестал отступать и начал снова продвигаться вперед, непрерывно вращая вокруг себя по эллипсу ужасный смертоносный груз. Когда Кол приблизился, Фарли попятился назад. Однако стоило только булаве просвистеть мимо него, как длинный и решительный выпад в горло поймал Кола на встречном движении. Кол Ренба был мертв. Булава вырвалась из его руки и описав большую дугу, улетела далеко от своего хозяина, вращаясь над кричащим кольцом уворачивающихся от нее людей. Уже после того, как смолкли крики наблюдавших за поединком,

Афина все еще продолжала кричать. Потом и она замолчала, когда поняла что крик был ее. К тому же, как выяснилось, она все это время судорожно сжимала Шенберга обеими руками, уцепившись за его руку и плечо. Оскар смотрел на нее как-то странно и Де Ла Торре тоже, стоявший чуть поодаль, обнимая рукой скучающую Селесту.

Но Афина быстро про них забыла. Уже готовились к схватке другие бойцы.

— Жиль Коварный — Хэл Медник!

Из этой пары более худым и высоким оказался Медник. Он предпочел выбрать сначала защитную тактику, удерживая свой меч наподобие чувствительного органа гигантского насекомого. Жиль Коварный был мужчиной с волосами песочного цвета и с выражением нешуточного упорства и (подобно большинству удачливых предателей, как подумалось Афине) открытости и правдивости на лице. На вид он не отличался ни крупным телосложением, ни особенной силой. Однако он управлялся со своим длинным клинком уверенными и экономными движениями. Его меч то вздымался вверх, то падал вниз. И Афина не могла уследить момент начала движения. Но такие же трудности испытывал, похоже, и Хэл Медник. Локоть у него уже был поцарапан. Затем досталось и колену. И вот уже большой мускул на его татуированной руке был рассечен почти пополам. После всего этого оставалось проделать работу наподобие той, которой занимается мясник. Жиль отступил назад с выражением отвращения. Раб приблизился и взмах кувалды прекратил молчаливую дергающуюся агонию Хэла.

— Джуд Исаксон — Ле Нос из Хайленда!

Ле Нос бросился в атаку чуть ли не раньше, чем прозвучал сигнал к началу поединка. Его яростное лицо, изрытое шрамами, выдвигалось вперед словно щит. В каждой руке был зажат широкий клинок, двигающийся и сверкающий подобно ножу на ступице колесницы. А низкорослый Исаксон, радостно выкрикивая, как бы обрадованный встречей с таким агрессивным противником, достаточно проворно выпрыгивал вперед, чтобы встретить оружие Ле Носа. При этом оба перемещались по центру круга арены. Круглый металлический щит на левой руке Джуда звенел под градом ударов его противника, словно наковальня у обезумевшего кузнеца. Ле Нос как будто не мог даже вообразить, что существуют

еще и оборонительные приемы, не говоря уже о том, чтобы ими пользоваться. Он продолжал только упорствовать в своей атаке, действуя обеими руками. Он проделывал это настолько маниакально, что для его соперника, казалось, не оставалось никакой возможности найти для ответной контратаки хотя бы небольшой зазор во времени и пространстве.

В таком темпе бой не должен был, да и не мог длиться долго. Атакующая мечом рука Ле Носа внезапно остановилась, налетев в воздухе на длинное и толстое острие меча Исакссона. Кинжал Ле Носа продолжал свои разящие полеты, но всякий раз блестящий, хотя и покрытый зарубками щит Джуда отражал удары. Затем уже Джуд высвободил свой меч из пораженной им руки противника и бросил его снова вперед, рубя им все быстрее и быстрее — с неистовством, едва ли не большим, чем у его противника. Когда Ле Нос затих, он уже был рассечен на куски.

— Что с тобой? — настойчивый голос несколько раз уже, как поняла Афина, повторил вопрос. Шенберг крепко держал ее обеими руками и легонько встряхивал. Он глядел ей прямо в глаза. Когда их взгляды встретились, то она увидела, что озабоченность в нем сменилась какой-то смесью изумления и презрения.

— А что такое? Ты что имеешь в виду? Со мной все в порядке.— Она снова повернулась и стала смотреть на арену, ожидая нового поединка. Но тут поняла, что руководящий турниром жрец Лерос или как его там еще зовут только что объявил перерыв. Медленно до нее стало доходить, что она почти забылась в возбуждении от поединков, на время потеряла контроль своего собственного поведения, как это бывает от наркотиков или от секса. Но теперь уже все в полном порядке. Действительно, было очень близко к потере контроля, но все же она овладела собой.

Шенберг, глядя на нее с некоторой озабоченностью, заметил: — Надо бы дать возможность Карлосу и Барбаре посмотреть один-два поединка.— Ему? — Она отрывисто расхохоталась с презрением.— Это совсем не для него. Спасибо, что пригласил меня, Оскар.

— И все-таки я считаю, что тебе уже достаточно.

Де Ла Торре выглянул из-за спины Оскара.— Кстати, мне тоже пока хватит. Давай-ка, Афина, вернемся на корабль.

— Я хочу остаться!

Сказано это было таким тоном, что никто из мужчин больше не стал ее уговаривать. Между тем Селеста придвинулась к Шенбергу. Она вообще не столько следила за происходящим на ринге, сколько поглядывала на него.— Ну, тогда я пошел,— бросил Де Ла Торре и удалился.

Суоми передал свое ружье часового в руки де Ла Торре и, соскользнув вниз, начал карабкаться, спускаясь с вершины скалы по крутому склону и придерживаясь за убираемую вверх веревку, закрепленную для облегчения спуска и подъема. На этой стороне скалы склон, в основном, был не совсем отвесный. К тому же встречались пятна каменистой почвы и один-два куста. Уже был протоптан заметный след от прошедших ранее спусков.

Опустившись до уровня леса, Суоми сразу же направился в сторону турнира. Афина продолжала оставаться там, ей мало было того, чтобы лишь взглянуть, и специально хотелось посмотреть все.

Что это было — чисто научный интерес? Антропология? До сегодняшнего дня этот предмет ее никогда не интересовал, по крайней мере, в обществе Суоми. Может быть напрасно он позволил себя убедить в том, что этот турнир такой смертоубийственный. Ни Суоми, ни Барбара не ходили смотреть. Де Ла Торре, вернувшись оттуда, не обмолвился ни единым словом, а Суоми не стал его расспрашивать. Но может быть и так, что это мероприятие действительно кровавое, как и предупреждал их провожатый. А она спокойно продолжает там находиться. Ну, уж если она такая, то он сам должен в этом удостовериться.

Ничего ужасного на ринге не происходило, когда Суоми вынырнул из леса и приблизился к месту боя. Люди просто стояли вокруг, ожидая, пока какой-то человек в белой одежде выполнял свой обряд перед скромным алтарем. Шенберг приветливо кивнул ему. Афина посмотрела в его сторону каким-то рассеянным взглядом. Ему показалось, что она была чем-то расстроена. Однако, не было заметно никаких признаков, что она хочет оказаться где-то, кроме этого места. Но вскоре его внимание было от нее отвлечено.

— Омир Келсумба — Местль из Винди Вэйл!

Пружинистыми ногами, массивными как стволы деревьев, Келсумба двинулся вперед. Его черная кожа

блестела. Топор уютно, словно младенец в колыбели, покоился в его страшных ручищах. Худощавый и седеющий, несколько побитый временем как старая коса, выбранная им в качестве оружия, Местль с задумчивым выражением держался некоторое время на почтительном расстоянии от Келсумбы, отступая расчетливыми движениями и изучая манеру своего противника. Но вот к нему метнулся топор, ошеломив Суоми своей скоростью. В этом стремительном движении было столько силы и веса, что никакие человеческие усилия, казалось, не могли отвести этот удар. Местль отреагировал безошибочно, подставив лезвие косы в нужном месте и отбил топор. Однако дребезжащий удар при соприкосновении лезвий едва не сбил Местля с ног. Очередной удар топора обрушился на косу, потом еще одни. Местль никак не мог занять нужную позицию для ответного удара. После четвертого или пятого удара лезвие косы сломалось. Стонущий ропот от предчувствия крови прошелестел по кругу зрителей и Суоми услышал этот же возглас и из уст Афины. Он увидел на ее лице выражение экстаза — губы, влажные от созерцания битвы, и полная отрешенность от всего!

По-прежнему крепко удерживая свое сломанное оружие, зазубренное лезвие которого продолжало оставаться все еще опасным, Местль сохранял спокойствие и демонстрировал больше проворности, чем можно было ожидать, судя по его внешнему виду. Некоторое время ему удавалось уйти от попыток прижать его к стене бойцовской арены. Ни он, ни кто-либо другой из бойцов даже и мысли не допускали о том, чтобы перешагнуть через эту простую черту и выскочить из ринга, точно также как они не помышляли пройти сквозь стену.

Но вот топор полетел к Местлю в каком-то непрерывном мелькающем взмахе, казалось, утянувшим за собой и своего гигантского хозяина. Наконец, он достал Местля прямо по спине в тот самый миг, когда тот извернулся всем своим телом, пытаясь и на этот раз ускользнуть от удара. Его упавшее тело еще продолжало дергаться, вздрагивать и шевелиться. Свой окончательный удар нанес кувалдой подбежавший раб.

Неожиданно для себя Суоми почувствовал, как у него в желудке все восстало с отвратительным позывом и спазмом отторжения того, что еще оставалось от легкого завтрака. Надо было принять успокоительное,

подумал он. Но теперь уже поздно. Он отвернулся от ринга, но уже не смог удержать начавшуюся рвоту. Если он тем самым осквернил священную землю, ну так что же, пусть его казнят за это. Но когда он выпрямился, то обнаружил, что как будто вовсе никто не обращает на него никакого внимания. Нельзя было понять: или это тактичность, или просто отсутствие всякого интереса к нему.

— Полидорус Грязный — Рахим Сосиас!

Оказывается, Суоми был еще в состоянии и дальше наблюдать за турниром. Полидорус, никак не более грязный, чем другие его противники, размахивал зазубренным мечом с очевидной силой и энергией. Сосиас был низковатый и с брюшком, но, как ни странно, ему первому удалось пролить кровь соперника своей кривой саблей, сделав безобразный разруб вдоль левого плеча Полидоруса. От этого Полидорус скорее взбодрился, нежели ослабел. Он предпринял такую яростную атаку, что некоторое время казалось, что победа будет за ним. Но затем длинный выпад противника остановил его атаку, заставив взглянуть вниз на свою правую руку и предплечье, на которые он только что наступил ногой. Полидорус скорчил гримасу и плюнул в сторону Сосиаса перед тем, как сабля вновь прилетела, чтобы унести его жизнь.

Жрец в белом вновь вышел на арену и было похоже, что предстоит еще один перерыв. Но Суоми это уже интересовало. Он отвернулся, на этот раз уже намеренно. Он обнаружил, что способен смотреть на любые увечья, какие только могут здесь случиться, но все же лучше не испытывать себя в этом.

Он подошел к Афине и Шенбергу и сумел встретиться взглядом, но не с Афиной.

— Я возвращаюсь на корабль.— Он посмотрел на Селесту, но ответом был только ее скучающий взгляд. Суоми отвернулся от них всех и пошел назад, пробираясь между деревьяв. Ему было приятно вновь остаться в одиночестве, но здесь в глухом лесу нельзя было остановиться и поразмышлять. Вернувшись к подножию скалы, он увидел, что веревка для подъема втянута наверх. Не желая пытаться совершить подъем без нее, Суоми крикнул. Через несколько секунд над склоном показались голова и обнаженные плечи Де Ла Торре.

— Что? — крикнул он вниз.

— Я уже насмотрелся. Сбрось мне веревку!

— Ладно.— Через мгновение веревка соскользнула к его ногам.

Взобравшись наверх, Суоми увидел обнаженную Барбару, возлежавшую на пенистом матрасе так близко к тропе подъема, что Де Ла Торре вполне мог спокойно сидеть с ней рядом и в то же время исправно нести свою сторожевую службу. Суоми также бросилось в глаза, что установленный на треноге бинокль позволял лежащему мужчине, может быть, даже с женщиной под ним, легко наблюдать за происходящим на бойцовской арене.

Очевидно, к моменту возвращения Суоми Де Ла Торре закончил все дела с биноклем, матрасом и девушкой. На нем были шорты и он продолжал одеваться. Голос его звучал мягко и лениво.

— Ну, тогда я возвращаю твое ружье, Карлос, и отправляюсь снова вниз.

Не успел еще Суоми приспособить все еще непривычный ремень ружья к своему плечу, как Де Ла Торре снова ушел. Суоми смотрел ему вслед, после чего обратился к Барбаре. Она продолжала лежать, устало свернувшись на матрасе.

— Ну, а у тебя как дела?

Она слегка шевельнулась и ответила слабым голосом:

— Пока жить можно.— Раньше он не видел ее такой настолько подавленной. Во время долгого полета он был с ней пару раз, как впрочем и с Селестой. Но ни разу с Афиной, однако. Во время путешествия он больше не мог вести с ней непринужденно. А теперь, пожалуй, смог бы.

Барбара была единственная из всех, кто вообще отказался смотреть на турнир. Поэтому, конечно, садист Де Ла Торре должен был избрать ее в качестве своего объекта, резервуара для него... Суоми хотелось сказать ей что-нибудь хорошее, но в голову ничего не приходило. Назавтра ее нагота может пробудить в нем желание снова, но сейчас она только лишь делала ее беззащитной и трогательной. В особенности, то, как она лежала — лицом вниз. Итак, она желала участвовать в роскошном космическом путешествии с миллиардером. И ее желание исполнилось. Теперь она отрабатывала свой полет.

Совершать сторожевой обход вокруг корабля не стоило, по мнению Суоми. Существует только один путь, по

которому можно взобраться наверх. Стоя у вершины этого пути, Суоми было видно, как Де Ла Торре приближается к арене сражения. Очевидно, следующая дуэль еще не началась. Оставались еще четыре участника, ожидавшие своих боев, если Суоми правильно понимал расположение удаленных фигур. Бинокль находился поблизости, но никакого желания воспользоваться им у него не было. Может быть, он не хотел воспользоваться этим движением, чтобы все-таки узнавать их нынешнее положение.

Предстояло пережить еще несколько длинных дней турнира, пока он будет убивать сам себя до полного исчезновения. Но есть, правда, и компенсация за это. Стало совсем понятно, что не существует того, что, казалось, нарастает между ним и Афиной. Оно не кончилось — его вообще не было.

Барбара присела и занялась своими пальцами и волосами, все еще не в настроении для разговора. Суоми повернулся лицом в северном направлении, чтобы оглядеть окрестности с этой высоты. И он увидел или ему показалось, что он увидел горные ледники охотничьей страны, появляющиеся там на горизонте, подобно никем не удерживаемым облакам.

А что это за звук? На тропе не было никого. Какое-нибудь мелкое животное или летающая тварь. А, наплевать на это!

Несомненно, обстановка ко времени полета домой будет неуютной в смысле отношений. Но все это стоило пройти, чтобы выяснить отношения между ними, не то они могли затянуться надолго. Надо все это считать удачным исходом. Если же они...

Неужто здесь водятся дятлы? Птицы не было видно, но звук доносился почти непрестанно. Где-то внизу, под кронами деревьев. С той стороны, где шел турнир, доносился также слабый полифонический шум. Это, наверное, громкие вопли,слышные даже здесь. Но он не намерен выяснять, что делается там.

Барбара стояла теперь с одеждой в руках.— Карлос, я пойду приму душ.

— Хорошо.— Он посмотрел, как она удаляется. Женщины — они прекрасны, но кто способен понять их?

И совершенно неожиданно при этой мысли ему вспомнился тот зверь, ледниковое чудовище, сила и красота которого заворожила Суоми в страхе и ужасе, когда

оно набросилось на него. Удивительно, но теперь он чувствовал даже легкое сожаление, что не убил его тогда сам. Конечно, лучше было бы оставить его жить... и все же, как это у Торо? «Бывают времена в жизни народов как у людей, когда лучшие охотники и есть лучшие люди». Что-то в этом роде. Конечно, нация межзвездного человечества, видимо, давно уже миновала эту стадию. Теперь в собственной жизни ее миновал и Карлос Суоми. Или должен был пройти. С другой стороны, Шенберг — хотя он не просто обычный садист...

В его сознании восприятие надоедливого постукивания внезапно соединилось со вспомнившимся зрительным образом камня, обрабатываемого твердым металлом, а точнее — вырубаемых Шенбергом, висящим на веревке с альпинистским ледорубом в руке, ступеней на склоне скалы. Ранее подобная связь не приходила ему в голову, поскольку услышанные звуки были слишком частыми. С такой скоростью никто не смог бы работать молотком. В то же время звуки раздавались слишком неравномерно, чтобы принадлежать автоматическому приспособлению.

Доступная для подъема сторона скалы по-прежнему была пустынной. Суоми направился проверить другие подступы к кораблю, как вдруг заметил перед собой кого-то или что-то, старательно карабкающееся вверх и уже перевалившееся через край обрыва. Тяжелая голова с косматыми, темными волосами, перевязанными серебряной лентой. Затем показалось и тело — массивное, борцовского сложения, одетое в грубый мех под завернувшимся темным плащом. Фигура оказалась настолько громадной, что разум отказывался верить увиденному.

Скалолаз вытащил большую часть своего тела на горизонтальную площадку скалы и поднял свою гигантскую голову, чтобы уставиться прямо на Суоми. Бесстрастное лицо, нижняя часть которого была скрыта густой темной бородой и усами. Оно было под стать голове, но и в нем что-то было слегка неправильное. Нет, не шрамы или природная деформация. В нем было что-то искусственное, хотя маской в привычном понимании его нельзя было назвать. Очень искусно изготовленное — работы какого-то безумного художника, уверенного, что можно убедить людей, будто бы этот робот, этот болван есть живой человек.

Фигура с ловкостью вскочила на ноги и Суоми увидел нечто, ранее скрытое за ней. На самом краю скалы в нее был забит крюк для скалолазания. В петлю крюка была завязана узлом веревка, туго натянутая и скрывавшаяся из вида за скалой. И тут возникло лицо второго скалолаза, теперь уже нормального на вид, несомненно обычного человека.

Тем временем гигант — первопроходец поднялся в полный рост. Он был выше всех людей, когда либо виденных Суоми прежде. Поднявшись, он засунул альпинистский молоток в сумку у пояса и этим же движением обнажил огромный меч.

Суоми остолбенел. Он не был парализован страхом, как в случае с ледниковым зверем. Просто не мог представить приемлимого объяснения тому, что воспринимали его органы чувств.

Первая мелькнувшая у него в голове догадка была о том, что это — какая-то дикая и хитрая шутка, устроенная Шенбергом и Де Ла Торре. Однако он осознал еще до того, как эта мысль полностью сформировалась, что им вовсе ни к чему так стараться, чтобы его напугать. И у Шенберга, по крайней мере, хватило бы достаточно ума, чтобы произнести что-то вроде «улю-лю» перед нервным человеком с заряженным ружьем.

Второе объяснение, родившееся в голове у Суоми, было мыслью о хулиганах, которые вполне могли водиться на планете Охотников, как и повсюду. Вот кто-то из них и явился поглазеть в надежде поживиться чем-нибудь из корабля инопланетников. Но гигантский предводитель грабителей никак не укладывался ни в одно из этих предположений. Разум замер, остановившись перед увиденным, затем попытался обойти это препятствие, чтобы продолжить свою работу.

Не вполне еще оформившаяся мысль о том, что следует отпугнуть бандитов, заставила Суоми начать движение по вытаскиванию из-за спины ружья. Пока он это делал, гигант сделал два шага в его сторону с поднятым мечом, после чего остановился, будто бы довольный своей позицией.

К этому времени второй скалолаз — воин Охотничьей планеты, молодой и сильный на вид, полностью выбрался на вершину скалы и двинулся, вооруженный мечом, к открытому проему корабельного люка. Сразу за ним появился третий, тоже обычного человеческого вида.

— Стой! — крикнул Суоми, но в его голосе уже чувствовалась неуверенность. У него было дурацкое чувство — никто и не думал останавливаться, хотя в руках у него было ружье. Сейчас на вершине горы кроме человекообразного великана находились еще двое, вторгшихся сюда снизу, а за ними следовал третий вооруженный воин. Люк корабля оставался открытым и незащищенным — если не принимать во внимание Суоми. Внутри там находилась одна Барбара.

Он еще медлил направить на них свое ружье, но теперь сделал это.— Стоять! — На этот раз уже более убедительно. Мгновенно огромная фигура бросилась к нему быстрее чем, на то был способен любой человек. Способный покрошить человека в капусту меч был высоко поднят и приготовлен к удару. Суоми нажал на курок и, когда тот остался неподвижен, осознал, что не снял его с предохранителя — инстинктивно отшагнул назад, уклоняясь от обрушивавшегося на него удара. Тут же он почувствовал, как нога проваливается в воздух. Левой рукой, отчаянно дернувшейся в поисках опоры, он нащупал подъемную веревку и тем самым удержался от смертельного падения. Неверный шаг стоил ему лишь небольшого падения с края скалы. И все же его каблук ударился о скалу так сильно, что заныла нога и спина. Во время падения рука перекрутилась и веревка выскользнула из ладони. Он снова потерял опору, упал и покатился по гравию, остановившись только, когда ударился, почти задохнувшись, о выступ скалы. Суоми находился примерно на половине высоты спуска вниз и наиболее крутая часть его была как раз под ним. Прижимаясь к скале, которая задержала его падение, он наполовину сидел, наполовину лежал, глядя на холм над ним. С изумлением он осознал, что не получил серьезных повреждений и что правая рука продолжает сжимать ружье. Теперь палец отыскал маленький рычажок предохранителя и повернул на себя. Он даже вспомнил, как устанавливать его в режим полного автоматического огня.

Человекообразный великан с поднятым мечом снова показался наверху. При виде Суоми, он спрыгнул на крутой склон с изяществом танцовщика. Двигаясь уверенно и неудержимо, он надвигался на Суоми с нацеленным на него мечом. Один широкий шаг, другой...

Ружье затряслось в руках Суоми. Левая рука разма-

хивающего мечом гиганта рассыпалась брызгами каких-то частичек, сухих на вид, и задымилась. Человекообразный монстр завертелся в невиданном пируэте, более изящно, чем любой раненный зверь. Выбитый из равновесия и сдвинутый со своего пути ударами силовых импульсов из ружья, громадный человек-робот съехал вблизи Суоми и сорвался вниз по склону.

Но он не упал. В следующий момент, уже почти в самом низу, он восстановил полный контроль над собой и остановил свое скольжение. Затем он повернулся и начал спокойно взбираться наверх, как горный козел, быстрыми скачками. Меч, вращаясь и поблескивая, снова приближался к Суоми, а лицо его владельца напоминало маску безумной безмятежности.

Суоми издал всхлипывающий звук — смесь страха и раздражения. В руках его снова запрыгало и задрожало ружье, стрелявшее на этот раз непрерывно. Меховое чудовище по-прежнему с безмятежным спокойствием под серебряной лентой на голове было остановлено на своем пути. Под шквалом стрельбы клочки меха отлетали в сторону, какие-то щепки и полоски, осколки какого-то неизвестного вещества. Потом оно свалилось с холма, все еще пытаясь удержаться на ногах, то с развевающимся, то со сворачивающимся черным плащом. Продолжающийся неистовый шквал огня ружья Суоми прижал монстра к земле, уже далеко внизу, как насекомое, и оно теперь прыгало и бешено дергалось, билось о неподвижный ствол дерева. Силовой удар размолотил серебряную ленту и половину лица чудища, превратив его в серую бескровную слизистую массу. Меч вывалился из его руки. Сделав последнее, неловкое движение вверх, фигура, наконец, рухнула, прокатилась по земле и лежала без движения. Только теперь Суоми снял палец с курка.

Сразу все стало тихо. Небо, гора кружились вокруг головы Суоми. Он обнаружил, что лежит, расстянувшись неловко и ненадежно на крутом склоне. Голова находилась гораздо ниже, чем ноги. Одно неверное движение и он полетит вниз. Дыхание было всхлипывающее и задыхающееся. Двигаясь очень осторожно, по-прежнему стискивая драгоценное ружье, он подтянул ноги. Теперь он почувствовал на своем теле с дюжину порезов и синяков от падения.

Он осознавал, что должен подняться вновь наверх

и защитить корабль, но над ним навис недоступный склон горы. Как он вообще уцелел после такого падения? Наверное, он сильнее, чем привык оценивать себя. Он оказался в стороне от обычной тропы подъема. Двигаясь вбок по склону, к ней нельзя было подойти. Придется спуститься к подножию и тогда подниматься по нужному маршруту. Для этого Суоми вынужден был снова закинуть ружье за спину, чтобы двумя руками держаться за скалы. В теперешнем состоянии он принимал падения и опасное скольжение, не раздумывая, хотя в другой раз он бы наверняка, переломал себе ноги, если бы пытался сделать все это спокойно и обдуманно.

У подножия Суоми натолкнулся на фигуру упавшего врага. Он инстинктивно схватил ружье, но в этом уже не было необходимости. Силовые удары разбили в щепки ствол большого дерева. Падая дождем вместе с листьями и ветками, они образовали на земле пятнистый ковер. Поверх этого ковра, скорчившись, лежала гигантская кукла там, куда швырнула ее энергия его ружья.

Суоми-убийца подошел поближе, все еще не понимая, но и не в силах отвести глаза. Как и в истории с ледниковым зверем, сейчас также повсюду валялись клочья меха, хотя этот мех был тускло-коричневого цвета и давно уже мертвый вместо того, прекрасного и оранжевого. Дулом ружья он ткнул тело, затем протянул руку и потянул за излохмаченную накидку. Под изорванной меховой одеждой был развороченный и раздробленный массивный торс, сам вид которого вносил какое-то нелепое безумие в этот светлый день. Однако сейчас не было видно ни крови, ни костей, а вместо них — куски какого-то вещества, которым можно было вполне начинять кукол. Среди этой начинки просматривались разъединенные металлические стержни, кулачки и колесики, а местами — то блестящая коробка, то трубка — и все это было пронизано сложным переплетением металлических кабелей, изолированных проводов и выглядело, как результат неправильной и кустарной работы. А вот это походило на какой-то источник энергии. Водородная лампа? Нет, ядерная топливная ячейка, вовсе не предназначенная для подпитки робота, но, без сомнения, работающая очень неплохо.

Он понимал, что совершил убийство и в то же время это не было убийство. Этот труп никогда и не был живым, сейчас это было ясно. Теперь Суоми мог смотреть

спокойнее. Он дотронулся до щеки повыше бороды — на ощупь она была как кожа. На торсе же меховая одежда скрывала вовсе не кожу, а панцирь из металлической брони ручной работы. Неровности формы и толщины доспехов напоминали Суоми увиденный им щит одного из участников проходившего внизу турнира. На малом расстоянии энергетическое ружье пробило эту грубую защиту, как яичную скорлупу. Внутри находились составные части, кабели, стержни и т. п., тоже ручной работы. Таинственным образом среди всего этого месива оказались несколько запечатанных коробок, гладких и совершенных по форме и отделке, изготовленных, очевидно, совершенно в другом месте, нежели остальные части...

Вдруг он схватился за свой пояс. Коммуникатор исчез. Суоми с горечью подумал, что его сорвало с фиксатора или же он разбился во время его сумасшедшего падения.

— Карлос! — Это был голос Барбары, пронзительный от испуга, доносившийся откуда-то сверху, вне его видимости.— На помощь! Карлос! — И тут голос резко оборвался.

Суоми подбежал к подножию тропы для подъема и взглянул наверх. На вершине виднелась голова одного из мужчин, взобравшихся на скалу. Суоми начал подъем, но сразу же увидел руки воина, держащие короткий толстый лук с натянутой тетивой и нацеленной стрелой. Едва только Суоми попытался поднять свое ружье, как тут же у его уха прозвенела стрела. Это вызвало острый укол неподдельного страха, однако Суоми не ответил выстрелом на выстрел. Здесь не поможешь убийством одного из засевших наверху врагов. Превосходит он их по оружию или нет, Суоми отнюдь не собирался доказывать, что он может помочь чем-то Барбаре или отбить корабль у захватчиков без помощи остальных. Забраться вверх по тропе с ружьем в руках вообще было невозможно. А стоит только забросить оружие за спину, как сразу станешь беззащитной мишенью.

Он должен получить подмогу. Не обращая внимания на боль в избитых и кровоточащих ногах и ноющей спине, он повернулся спиной к тропе и побежал. Теперь он направился в сторону места проведения турнира, чтобы поднять тревогу. Ружье было бесшумное и, вероятно, там никто даже и не услышал звуков его стрельбы.

Едва он углубился метров на пятьдесят в лес, как перед ним появилась цепь людей в военной униформе, державших наготове луки и копья. Солдаты преграждали ему путь. Среди них выделялся жрец в белых одеждах. Это, конечно, солдаты с горы Богов и идут они вовсе не затем, чтобы помочь инопланетянам против бандитов. Наоборот, они направили свое оружие на Суоми.— Попробуйте взять его живым! — отчетливо произнес жрец.

Суоми резко изменил свой курс еще раз и помчался вниз по склону — так было быстрее,— удаляясь и от корабля и от солдат. Позади раздавались свистки, похожие на какие-то сигналы и птичьи крики. Потом сзади послышался топот догонявших его ног. Суоми представил себе еще одного робота-монстра. Он остановился и повернулся и, увидев лишь одного бегущего человека — выстрелил с намерением убить его. Однако промахнулся, выбив кусок древесины из ветки дерева над головой преследователя. Получив ранение отскочившими шепками, или оглушенный сотрясением воздуха, или просто испугавшись, преследователь поспешил спрятаться и прекратить погоню. Вдалеке другие солдаты продолжали пересвистываться и окликать друг друга. По мере его удаления звуки стихали. Едва переводя дух, он бросился в плотные переплетенные заросли и уже не слышал других звуков, кроме своих тяжело работающих легких и сердцебиения.

VII

Когда Суоми удалялся от места проведения турнира, Шенберг заметил, что Афина смотрит ему вслед с раздосадованным выражением на лице. Эти двое, казалось, постоянно сердились друг на друга (этим почти все и исчерпывалось. Становилось похоже, что между ними ничего интересного произойти не может — а это как раз и было хорошо с точки зрения Шенберга, поскольку эта девушка была незаменимым работником и необычайно преданным ему. Шенберг очень не хотел бы ее лишиться.

Для него вообще было удивлением, как это могло

случиться, что Афина заинтересовалась таким человеком, как Суоми. Он выглядел обыкновенным лопухом. Пассивно тащился за ней повсюду, опозорился на охоте. Хотел из принципа не ходить на турнир и не смог, а когда пришел — то при виде крови сблевал. Конечно, такие жалкие поступки могли как-то понравиться женщине. Шенберг уже давно прекратил попытки предсказывать поведение женщин. И поэтому-то ему нравилось всегда держать их возле себя — от них только и жди всяких сюрпризов.

Стоящая с другой стороны Селеста придвинулась еще ближе к нему и легонько погладила его по руке. А вот эта его уже раздражает. Куда только делись претензии на независимость! Теперь она просто не может отлипнуть от него.

Тут он сразу забыл о женщинах. Перерыв заканчивался и жрец Лерос, держа в руке список следующих бойцов, собирался снова объявить участников.

— Рудольф Тэдбери — Томас Граббер!

Тэдбери с видом военного командира мечом приветствовал Лероса и Томаса. В ответ Томас сделал непонятный взмах своим копьем. Опустив его, он тут же двинулся вперед. Шенберг оценивающе следил за действиями обоих. Он подумал, что начинает, разумеется, лишь только начинает разбираться в том, как следует вести поединок острыми рубящими и остроконечными колющими орудиями. Поскольку у меча нет такого размаха при атаке, как у копья, Рудольф ускользал в сторону от глубоких выпадов. И при возможности старался рубануть по древку копья, намереваясь отсечь его наконечник, таким образом загоняя его на наиболее досягаемый для него диапазон действия, где преимущество будет уже на стороне человека с мечом. Все это мало отличалось от того, что предполагал Шенберг. Некогда он читал теоретические рассуждения историков на тему военных единоборств, а также наблюдал на Земле анахронистов, игравших со своим тупым оружием. Но он сам ни разу не брал в руки их деревянные мечи, слишком серьезно Шенберг к такой игре не относился.

Тэдбери не удалось добиться успеха в своих стараниях перерубить древко копья, поскольку оно было укреплено перевитыми металлическими полосами, идущими по всей длине. И мечу просто было трудно в них врубиться. Да и сам Тэдбери не отличался особенными

возможностями для такого дела — Томас Граббер был явно мастер своего излюбленного оружия. Его противник пытался все приблизиться на желаемое расстояние для боя. Томас проворно двигал вперед и назад длинным древком своего копья, словно змея жалом, и успевал еще ловко парировать удары меча всякий раз, когда они могли угрожать его лицу или массивному торсу. И затем, неожиданным и непостижимым образом, Томас уже больше не стоял вдалеке — в удобном для его оружия дальнего действия месте. Вместо этого он отвел меч в сторону древком своего копья и прыгнул прямо на своего противника в захват типа борцовского.

Вокруг арены раздались крики удивления. Тэдбери также был захвачен врасплох. Меч и копье разом упали на утоптанную землю и двое мужчин стали топтаться и кружиться в странном танце, где каждый пытался поймать и повалить своего противника. Однако преимущество по силе и опыту было на стороне Томаса. Когда оба упали, то наверху оказался он, а Рудольф лежал ничком под ним. Массивное правое предплечье Томаса принялось, словно рычаг, ломать жилистую шею Рудольфа. Тот лежал животом на земле, придавленный своим врагом, лягался, вырывался и крутился с отчаянной силой. Однако все его усилия были бесполезны. Лицо его покраснело, потом стало фиолетовым. Шенбергу подумалось, что остатки кислорода в крови и легких жертвы Томаса иссякнут быстро. Он надеялся, что воин скоро прекратит свои мучения и даже слегка оттолкнул Селесту, чтобы, повернувшись боком, лучше видеть наступление смерти. Он знал, что многие люди на Земле, если бы только увидели его, как он стоит здесь и завороженно наблюдает подобное, точно сочли бы его садистом. На самом же деле он не желал мучений ни одному живому существу.

Неожиданно к Шенбергу пришло сильное желание самому принять участие в турнире. Несомненно, он был в полной уверенности, что он настолько же был не подготовлен к единоборству с этими мужчинами на рубящих оружиях, насколько им нечего было делать против него с энергетическим. В прошлый сезон, когда он охотился с Микенасом, тот научил его пользоваться охотничьим копьем и Шенберг с успешным результатом пронзил несколько опасных зверей именно с помощью этого оружия. Это было одним из примечательных вос-

поминаний в его жизни, но об этом он никому не рассказывал.

Несомненно, соперничество в турнире, подобном этому, было совершенно другим делом. Не то, чтобы он мог всерьез ожидать, что ему вообще разрешат принять участие. Пожалуй, ему бы удалось узнать, как проходит предварительный квалификационный отбор, а также когда будет проходить следующий всепланетный турнир. По его предположению, еще один такой турнир должен быть устроен, пожалуй, в новом сезоне охоты. В этом случае, если бы он смог потренироваться на Земле, а потом вернуться сюда через пятнадцать лет ... ну, что же, тогда, может быть, кто-нибудь из сыновей нынешних участников убьет его.

Маловероятно, мягко говоря, что он будет способен когда-либо выиграть главный турнир на планете Охотников, как бы усердно и долго он не практиковался и готовился. Умирать вовсе Шенбергу не хотелось, и когда он стал свидетелем насильственной смерти, то понял, что как и прежде, приближения такой смерти он будет бояться. Но все это стоит риска, стоит. Ради мгновенного отрезка настоящей бурной жизни, которую он испытает перед своим концом. Ради моментов полного и совершенного бытия, когда монета с надписями Жизнь и Смерть катится перед алтарем Бога Случайности, более ценных моментов, чем множество лет скуки, составляющих основу того, что люди называют цивилизацией.

Теперь Рудольф уже не мог бороться, чтобы сбросить своего убийцу. Он больше уже не мог даже издавать звуки ртом или горлом. Его лицо было искажено — страшное и нечеловеческое. Слышалось только одно лишь упорное сопение. Но вскоре и оно успокоилось. Когда Томас почувствовал, что жизнь прекратилась под ним, он позволил голове Рудольфа упасть и очень легкими, гибкими движениями для столь крупного человека вскочил на ноги.

Шенберг взглянул на Селесту — она рассматривала свои ногти. В ней не было ужаса от происходящего совсем рядом, разве что легкое отвращение. На его взгляд она ответила быстрой вопрошающей улыбкой. Он отвернулся к Афине. Внимание той было приковано к готовившимся к очередному бою мужчинам. Она стояла, глубоко погруженная в свои мысли, весь окружаю-

щий мир, в том числе и Шенберг были позабыты.

Де Ла Торре приблизился легкой походкой со стороны корабля и присоединился к ним.— Как прошел последний поединок? — обратился он к Шенбергу, слегка вытягивая шею, чтобы взглянуть на то место, куда оттаскивали убитых.

— Да нормально. Оба хорошо дрались.

— Ванн Кочевник — Вуль Нарваэз!

Это был последний бой на сегодня.

Афина повернула голову к Шенбергу и, не глядя, прошептала: — Что это у него за штуки на поясе?

Нанизанные на шнурок, у пояса свисали две или три пары каких-то предметов.— Похоже на человеческие уши.— Де Ла Торре издал тоненький смешок, на что Шенберг обернулся и, сделав гримасу удивления, на какое-то мгновенье задержал свой взгляд.

Ванн Кочевник как-то неуклюже размахивал своим длинным мечом, словно был новичком в подобном деле. Но всех, кто наблюдал за ним, это ни на миг не обманывало. На арене началось нечто вроде комической сценки, поскольку Нарваэз напустил на себя вид неопытного и невинного простака. Он так удачно изображал безобидного крестьянина, что было очевидно — этот образ от тщательно отрабатывал. Вуль держал крестьянские вилы, совершая ими пробные колющие движения в сторону своего противника. Одежда его была грубой, губы нелепо поджаты, и в результате этого для всех он выглядел сердитым фермером с ногами, перепачканными землей, пытающимся вызвать в себе непривычную для него жестокость.

Семь бойцов, переживших испытания сегодняшнего дня, сейчас отдыхали и могли оценить юмор этой ситуации. Они свистели и гикали, глядя на притворную неопытность, отпускали грубые советы. Лерос даже один раз взглянул на них с раздражением, но, к удивлению Шенберга, не промолвил при этом ни единого слова.

Шенберг вдруг осознал, что участники турнира такого уровня расцениваются стоящими к богам ближе, чем даже сами жрецы ранга Лероса.

Ванн неоднократно пытался перерубить черенок вил, на котором не было металлической защиты. Однако Нерваэз изловчился так поворачивать свое оружие, что воздействие меча было незначительным. Деревянный черенок отлично проявлял свою твердость и упругость.

Когда выбранная тактика оказалась безрезультатной, Ванн применил другой прием — схватить вилы свободной рукой. Он оказался очень ловок и с первой же попытки поймал оружие противника рукой, крепко ухватившись за место, откуда расходились зубья. Удачный захват позволил ему так дернуть Нарваэза, что тот потерял равновесие и сильный выпад мечом вниз завершил все дело.

Нарваэз был еще жив, когда его уши уже оказались у победителя, который ворчливо отогнал прочь раба с кувалдой, прежде забрав свои трофеи неповрежденными.

Мигая глазами, Афина снова пришла в себя, осознавая вокруг себя окружающий мир. Она поискала глазами Шенберга и обнаружила, что тот отвернулся и готовился вступить в разговор с Верховным жрецом Андреасом, показавшимся на дороге, идущей от вершины горы. Он направлялся вниз в окружении небольшого эскорта солдат.

Де Ла Торре, придвинувшись к Афине, тихо спросил: — Ну, как, тебе удалось захватить это последнее зрелище?

— Что? — не поняла она и вопрошающе повернулась.

— Я про отрезание ушей. Записала ты этот эпизод на свой кристалл? Я тоже кое-что записывал.

Вопрос в ее глазах потух и исчез совсем, когда она наконец поняла, о чем идет речь. Кристалл, на котором предполагалось записать результаты сегодняшней антропологической вылазки, так и висел нетронутым у нее на поясе.

Андреас вначале произнес краткую поздравительную речь перед победившими воинами, а затем быстро повернулся к Шенбергу и спросил: — Как вам понравилось сегодняшнее зрелище?

— Оставшиеся здесь получили большое удовольствие. Я вынужден извиниться за Суоми, которому стало плохо. Вы, наверное, об этом знаете. Думаю, он не захочет снова придти сюда.

У Андреаса слегка искривились губы, однако он промолчал. Да и о чем было говорить. Такой человек даже недостоин презрения, не говоря о том, чтобы упоминать о нем. Он заговорил о другом: — Приглашаю вас всех на вечернее празднество в храме Торуна. То есть

всех, кто сейчас здесь. Если это удобно вам, мы можем прямо сейчас подняться в город.

Шенберг слегка засомневался.

— Но я не захватил сюда из корабля подарок для Торуна.

Андреас улыбнулся. Как это там говорится в наивной старой поговорке? «Если улыбка искажает лицо человека, то человек этот плохой!» Верховный жрец произнес: — Я уверен, что ваш подарок будет уместным позднее. Не нужно спешить.

— Очень хорошо.— Шенберг выжидающе взглянул на присутствующих спутников. По виду они были не против побывать в гостях у Торуна.

— Только разрешите мне поговорить с нашими друзьями, ожидающими нас на корабле. Это займет всего одну минуту.

— Конечно.— Андреас, как благородный дикарь, вежливо отвернулся.

Шенберг снял с пояса коммуникатор и начал говорить в него. Глядя в сторону корабля, он пытался рассмотреть голову Суоми, который должен был сидеть на месте часового у вершины подъемной горы.

Ответила Барбара.— Хелло? — Голос ее был неуверенный.

— Слушай, Барб, мы тут внизу получили приглашение посетить храм. У них там намечен праздник. Я не уверен, когда мы вернемся на корабль. Передай Суоми, что до наступления темноты вам нужно забраться внутрь и закрыться. Пусть кто-то из вас со мной свяжется, если возникнут какие-нибудь проблемы. На обратном пути я свяжусь с вами. Ладно?

Помедлив немного, она сказала лишь только одно слово.— Ладно.

— Ну, так все у вас нормально?

— Да, Оскар, все в порядке.

Он подумал, что ей неприятно даже слышать о турнире и думать о нем. Возможно, она сейчас держит Суоми за руку, а тот рассказывает ей о диких ужасах. Ну, что же. В следующее путешествие следует более внимательно подбирать себе компаньонов. Что касается этого состава, никто из них не оправдал его ожиданий.

Впрочем, не исключено, что в следующий раз он явится сюда один, и даже без надежды на возвращение на Землю. Он задумался — сможет ли он на Земле

научиться обращаться по-настоящему умело с рубящими видами оружия, а также какое именно ему было бы впору — меч, топор или копье. Вечером, если все пойдет хорошо, он сможет упомянуть о своих намерениях Андреасу.

Небольшая группа инопланетников и их легкий эскорт из нескольких солдат начали подниматься по гладко вымощенной горной дороге. Андреас и Шенберг шли рядом, возглавляя процессию. Андреас сообщил гостям, что до вершины всего несколько километров.

— Примерно часовая прогулка, если не спешить. На Земле один час приблизительно такой же, как наш, не так ли?

Когда они миновали всего около половины километра по извилистой и все время поднимающейся вверх дороге, то очутились на том месте, где по словам жреца, готовилась арена для сражений завтрашнего дня. Здесь гора была круче и было совсем немного ровного места. Одна сторона ринга возвышалась над почти отвесной насыпью. Еще через километр горная дорога прошла между двух сторожевых башен, откуда идущим четко отсалютовали своими копьями часовые. Андреас также приветствовал часовых.

Вскоре они уже приближались к вершине. Склон горы стал более пологим. Дорога теперь петляла по лесу, похожему на парк. Многие деревья были фруктовыми. Почву под ними покрывали вьющиеся растения, пускающие листья, схожие с земной травой.

Затем деревья поредели и на самой вершине горы перед ними открылся город-крепость. Пока дорога вела их к белым, словно кость, стенам города, прямо к распахнутым воротам, Шенберг обернулся назад, в сторону корабля. В нем возникло легкое беспокойство, которое трудно было отбросить. Перед тем, как войти в город, он сумел увидеть только верхушку металлической сферы.

Поначалу, если не считать стен из белого камня, смотреть было не на что. Шенберг обратил внимание, что улицы, по которым они следовали, были узкими и оживленными. Рабы в сером и повозки, в которые были запряжены многорогие тягловые животные, уступали дорогу аристократам в белых одеяниях. То здесь, то там гости ловили на себе взгляды элегантных женщин из паланкинов или из-за зарешеченных окон. В основном, окна были небольшие. Двери заперты.

А стены неизменно белого цвета. Весь облик этого города носил на себе печать мертвенного однообразия.

Встретившись с взглядом Андреаса, Шенберг спросил: — Можно ли здесь делать снимки?

— Безусловно. Позже вы должны заснять и меня. Это будет для меня большой ценностью.

Теперь по всему пути следования пришельцев встречалось больше облаченных в белое повелителей этой планеты. Они делали легкие почтительные поклоны, проявляя больше любопытства, чем до сих пор Шенберг замечал у жителей планеты. Афина улыбалась выглядывающим из окон или из-за углов зданий женщинам и детям в белых нарядах, делая приветственные взмахи рукой.

Мужчины и женщины в сером, в основном куда-то спешили и не обращали внимания на процессию. Шенберг отметил про себя, что детей в серых платьях не было заметно.

— Храм Торуна.— Андреас остановился и указал на высокие двойные двери из массивного решетчатого металла, преграждавшие доступ во двор, образованный с трех сторон строениями все того же белого царствующего цвета. Они были несколько выше, чем любое другое строение из встретившихся им до сих пор в городе.

— Там вечером мы будем праздновать.

Миновав ворота, Андреас на время попрощался с гостями, а сам направился к зданию, которое Шенберг посчитал собственно за храм. Он возвышался над другими постройками и был высотой двенадцать или пятнадцать метров с широкими белыми ступенями и неприступными дверями.

Молодые жрецы с поклонами проводили инопланетян в соседнее здание, где каждому выделили по комнате. Все окна выходили не на улицу, а в небольшой сад в закрытом дворе.

Раболепно услужливый слуга провел Шенберга в предназначенную ему комнату и тот нашел ее хотя и маленькой, но вполне уютной. Небольшое окно закрывалось узорчатой решеткой, пол был устлан мягкими коврами. Здесь же была и удобная кровать. Это наводило на мысль о вероятном приглашении остаться на ночь. Приставленный к нему слуга извлек откуда-то и уже раскладывал белые одеяния, а через распахнутую дверь были видны другие слуги, торопливо несущие нечто,

похожее на ванну. Через некоторое время, когда слуги занимались его спиной, натирая ее — в чем ровно не было никакой необходимости (ну, пусть уж поступают, как здесь принято) — он осознал, что такой высокий уровень гостеприимства до некоторой степени ослабил беспокойство, начавшее одолевать его. Теперь, однако, он заподозрил, что перед расставанием Андреас намерен просить его о какой-то важной услуге. Но о чем именно? Вероятно, привезти тайно какое-то инопланетное оружие, что-нибудь серьезное для ослабления каких-нибудь особенно опасных врагов?

Быстрая тропическая ночь Охотничьей планеты уже наступила, когда с его мытьем и одеванием было покончено. Тут как тут был и молодой жрец, готовый проводить его на пир. Все выглядело идущим по четкому плану.

Шенберг задержал проводника у комнаты Афины, расположенной по соседству, и обнаружил, что она уже готова присоединиться к нему, как это бывало в других деловых поездках. Ее провожатый сообщил ей, что Де Ла Торре и Селеста, чьи комнаты находились дальше по закрытому переходу, уже отправились.

Обмениваясь шутками о том, что бы можно было такое продать своему новому клиенту Андреасу, Шенберг и Афина следовали за проводниками, переходя из одного дворика через аркадные своды в другой и далее, ни разу не попадая в места, выходящие на улицы города. Храмовый комплекс явно был обширным. Наконец, они вошли через небольшую боковую дверь в высокое здание, где по догадкам Шенберга и был собственно храм. Здесь их провели вниз в просторную комнату, расположенную немного ниже уровня поверхности. В ней стояла освежающая прохлада, особенно приятная после проведенного на солнцепеке дня.

За столом уже сидели Де Ла Торре и Селеста, одетые также во все белое, а у Де Ла Торре голову венчал, словно у жителя древнего Рима, венок из листьев. Рядом сидели Верховный жрец и полдюжины других мужчин самого высокого ранга. Некоторые из них были в числе сопровождавших Андреаса в его первом ознакомительном походе к кораблю инопланетников. Вокруг спокойно и деловито сновали слуги. Помещение для пиршества было просторное, искусно украшенное тонкими занавесями. Оно мягко освещалось хорошо расставленными

светильниками. Все было на самом высшем уровне.

— Наш хозяин рассказал мне о большом зале Торуна,— произнес Де Ла Торре после того. как все обменялись приветствиями.

— И что? — Шенберг обвел рукой окружавшее его пространство.— Это он и есть?

Один из жрецов Внутреннего круга улыбнулся, широко и цинично.— Нет, мир Торуна совершенно не похож на наш. Или на ваш.

Как и на турнире, место Шенберга оказалось между Афиной и Селестой. Несмотря на внешне гостеприимную обстановку, Селеста и даже Афина тесно придвинулись к нему, не осознавая этого. В этот вечер здесь не было видно присутствия других женщин, но Шенбергу показалось, что и за всю историю храма их не бывало здесь вовсе.

Андреас и другие вожди Охотничьей планеты не вступали в разговор с Афиной, кроме тех случаев, когда она сама первая не обращалась к ним время от времени с вопросом, чтобы показать свое спокойствие и уверенность. Селеста была опытной девушкой и лучше понимала, когда от нее ждут молчания. А если бы хозяева праздника узнали отведенную ей роль в команде землян, подумал Шенберг, они бы и вовсе разгневались.

Не было сомнения, что его группа удостоилась исключительного обхождения. Ему теперь придется, по крайней мере, для приличия, внешне согласиться с их просьбой, когда о ней заявят и какой бы она не была по сути.

Пиршество было очень торжественным, хотя Шенберг извиняющимся тоном, объяснившись с Андреасом, посоветовал своим спутникам не пробовать некоторые блюда и перебродившее молоко, поставленное перед ними в больших чашах.— Если Торун не возражает, для нас будет лучше не подвергать риску свои земные желудки, а пить здесь просто воду.

Андреас пренебрежительно махнул рукой.— Торуна совершенно не волнуют такие вопросы. Чистая вода — это всегда достойный напиток для воинов!

Шенберг сделал глоток из своей золоченой чаши: — Я с нетерпением ожидаю следующего круга турнира.

— Я тоже. И я рад, что наши интересы совпадают.

К сожалению, дела не позволили мне увидеть уже прошедшие этапы турнира.

— О, мне хорошо известно, как иногда дела мешают всему остальному.

Из-под стола слышалось притоптывание Селесты. Это на сцене появились танцовщики и она их разглядывала с профессиональным интересом. Танцующие в общем танце девушки и молодые люди были хороши собой, но по земным стандартам, их представление было все же грубоватым и сверхэротическим, хотя выступление было явно тщательно отрепетировано и исполнялось в хорошем темпе. Сидящие за столом местные мужчины созерцали эту картину с несколько мрачноватым видом, а то и вовсе не смотрели. Шенберг подумал, не приходится ли здешним жрецам соблюдать безбрачие. Может быть, позднее ему удастся выяснить свое предположение. Секс на любой планете обычно бывал даже более важным вопросом, чем религия. Что касается этих религиозных руководителей, по-видимому, они не воспринимали его достаточно серьезно.

Для гостей-пришельцев все здесь было в новинку и поэтому интересно. Вечер для них прошел быстро. Уже была ночь, свечи догорали, танцовщики почти валились от усталости, когда Шенберг объявил, что пришло время ему и его друзьям возвращаться на свой корабль.

Андреас ответил с жестом вежливого несогласия.— Для вас приготовлены постели. Одна из танцующих там девушек может пойти с тобой, если желаешь.

— Благодарю за это предложение, но я беспокоюсь за свой корабль.

— Оставайся здесь и проведи ночь под крышами Торуна. Нам вдвоем нужно будет побеседовать о многом. И к тому же сейчас ночью будет очень неприятно влезать на высокую гору, чтобы добраться до вашего корабля.

Шенберга не пришлось долго уговаривать.— Мы с радостью принимаем ваше предложение. Однако прошу извинить меня, но я должен поговорить немного с нашими товарищами, оставшимися на корабле. Он снял с пояса коммуникатор, включил его и стал ждать ответа. Но ничего не происходило. Тогда он поднес аппарат ко рту: — Суоми?

— Оставайтесь здесь,— произнес Андреас. Лицо его

при этом исказила страшная улыбка.— Утром я попробую помочь тебе встретиться с ним.

— Ты попробуешь... Я не понял.

— Понимаешь, человека, оставленного тобой охранять корабль, уже там нет. Эта история постыдна и неприятна, но ее следует рассказать. Когда еще не закончился последний круг турнира, этот ваш приятель перепугался и убежал со своего поста. Не хотел тебя понапрасну беспокоить этим известием, но пока мы его не смогли найти.

Шенберг выпрямился, нацелив на Андреаса свой по-настоящему командирский взгляд.— А что стало с моим кораблем?

— Мы его охраняем для вас. С ним ничего не случится. Туда никто не проникнет без моего разрешения! Так что, оставайтесь здесь на ночь. Я настаиваю!

VIII

Сразу после начала утренней зари раб начал будить уцелевших восьмерых участников турнира.

Жиль Коварный мгновенно проснулся, почувствовав легкое прикосновение к его ночному одеянию, перекатился, вспомнил, где он находится, и быстро, почти прыжком, вскочил. Он протер глаза и, оглядевшись по сторонам, произнес, не обращаясь явно ни к кому: — Что-то день ото дня наш лагерь все мельчает.

Хотя уже проснулись почти все воины, никто не пожелал ему ответить. Также, как Жиль, на ночь они просто заворачивались в плащи или одеяла и сейчас, не спеша, шевелились, словно личинки насекомых, выбирающиеся из своих коконов.

Ночью прошел небольшой дождь. Утро оказалось серым и неприветливым. Вечером накануне восемь участников предстоящего круга состязаний улеглись спать совсем вблизи друг от друга, словно договорились сообща встретить некую опасность. Занимаемое ими место было сейчас и впрямь очень малым, если сравнивать его с самым первым лагерем участников большого турнира далеко внизу у реки.

Жиль встал на ноги — внизу виднелась река, она изгибалась по плоской равнине и терялась в полях утреннего тумана. Там внизу выделялись неровные прямоугольники засеянных полей. На мгновение — только на один миг — Жиль вдруг до боли захотел оказаться где-нибудь в своей далекой провинции, бездумно шагать за плугом, как это было когда-то в далеком прошлом.

В очень далеком прошлом.

Омир Келсумба, громадный и темнокожий, стоял в нескольких шагах поодаль, готовясь облегчиться на склоне холма. Рабы не успели выкопать отхожее место для этого лагеря, так как большинство из них накануне после полудня по разным причинам были отозваны на другие работы. Омир через плечо ответил, наконец, на слова Жиля: — Вечером нам понадобится еще меньше места, ну так что из того? Скоро все будем жить в зале Торуна, а уж там хватит места для любого.

— Правильно сказал,— прокомментировал Фарли из Эйкоска, вставая и потягиваясь. Затем он наклонился и, проворно работая веснушчатыми руками, принялся скатывать спальный плащ. Как и его оружие, плащ был дорогим на вид.

К этому времени все воины встали — почесывались, потягивались, сплевывали, сворачивали спальные плащи, готовясь к переносу лагеря. Фарли из Эйкоска отошел, чтобы оказать ранее отсроченное почтение перед алтарем Торуна, склонился на колени, бормоча молитвы и отвешивая поклоны почти у самой земли.

Вскоре к нему присоединился Келсумба, потом Чарльз Прямой и затем один за другим остальные, пока, наконец, все не совершили поклонение Торуну, хотя бы и чисто внешнее. Покрытое тайной лицо небольшого образа Торуна не высказало знаков благосклонности ни одному из них.

Ванн Кочевник в это утро был голоднее всех, ибо он первым удалился с места поклонения богу и направился к кухонному костру, где один единственный раб в сером готовил нечто, похожее на незамысловатый завтрак.

Когда Ванн ушел, Жиль тихо шепнул, обращаясь к Келсумбе: — Ну, что ты о нем скажешь? Уши ему понадобилось отрезать на трофеи! — В ответ Келсумба только проворчал что-то. Он принялся осматривать свой топор, проверяя, не проникла ли влага от ночного дождя сквозь тщательно обернутую и промасленную упаковку

и нет ли на стальном лезвии следов ржавчины. За исключением этого топора, все остальные вещи у Келсумбы были старые и потрепанные.

Присев на корточки над своим топором и пристально его разглядывая, он заметил Жилю: — Ты, наверное, умный человек. Тогда, может быть, ты ответишь на мои вопросы. Допустим, я не побеждаю в этом турнире. Но и в таком случае, раз я уж прошел до этого круга, я должен сидеть высоко за столом Торуна. Ты как считаешь, будет ли он слушать мои слова? И если я умру сегодня или завтра, позовет ли он богиню исцеления и направит ли ее, чтобы она оказала милость мне?

Жиль незаметно вздохнул.— На такой вопрос я не в силах ответить,— произнес он.— Но принято верить в то, что все раны, неважно старые или новые, будут исцелены, когда попадешь в зал Торуна, и твой ранг там роли не играет.

— О, нет, меня сюда привели не мои личные раны.— Он поднял голову и уставился отрешенным взором вдаль.— Там, очень далеко, у меня жена и двое малышей. Оба ребенка больны, они чахнут и не растут. Наши доктора ничем не могут им помочь. Я взывал к богам, приносил жертвы, но детям не стало лучше.— Его взгляд метнулся к Жилю, а пальцы пробежали по лезвию топора.— Ну, тогда я сам стану богом и смогу вылечить моих детишек, пусть даже мне больше не придется жить с ними.— Его голос стал громким, а взгляд был как у фанатика.— Я убью шесть человек, могу и шестьдесят убить! Я и тебя убью, и сам Торун меня не сможет остановить.

Жиль кивнул с серьезным видом, означающим согласие, но не изменил выражения лица. После этого он тихо повернулся и отошел. Когда через мгновение, он оглянулся — Келсумба снова спокойно сидел и точил свой топор.

Томас Граббер, который стоял неподалеку, вероятно, услышал оброненное Жилем замечание о склонности Ванна Кочевника к отрезанию ушей у своих трофеев. Именно Томасу предстояло встретиться в сегодняшнем круге борьбы с любителем отрезать уши. Однако Томас, выглядевший с утра сонным, вроде бы нисколько не был взволнован услышанным. Сейчас он зевал с глухим мычанием. Было непросто определить, кто из двоих, Келсумба или Граббер, был самым крупным из остав-

шихся в живых участников турнира. Джуд Исакссон, несомненно, был мельче всех, но и Жиль ненамного его превосходил. Последний признался себе в этом и снова тихо вздохнул.

Завтрак состоял из жареных блинов, толстых и безвкусных, и воды. Первый раз не было подано мясо. Когда мужчины заворчали на раба, подававшего им еду, тот объяснил мычанием и беспомощными жестами — у него был отрезан язык — что ничего лучшего не привезли и что он вынужден делать больше работы, так как большинство других рабов были отозваны.

Это подтвердил Лерос, когда он, ругаясь, справлялся со своей порцией жареных блинов.— Два моих друга-жреца спустились сюда рано утром разбудить меня и посочувствовали, говоря, что большинство нашей обслуги от нас забрали. Никаких оправданий не может быть тому, что нас посадили на такое скудное обслуживание. Да, уменьшилось число участников, но возросла и ваша слава победителей. Я направил протест Верховному жрецу. Уверен, что к полудню нас накормят лучше и обслуживание будет соответствующим.

Как только было покончено с завтраком — каким бы он ни был — Лерос приказал отправляться в путь. И отряд начал свое новое восхождение. Далеко впереди них со скрипом двигалась вверх по дороге вереница грузовых фургонов с фуражом для города. Другой караван, но уже из пустых тележек, более быстро спускался вниз с грохотом. Оказавшийся впереди всех Чарльз Прямой был вынужден взяться за свой меч, прежде чем грубый возчик первой спускавшейся телеги увел свой караван в сторону с дороги, чтобы дать пройти поднимающимся героям.

Этот инцидент еще больше усилил раздражение Лероса, но он не дал волю словам, и отряд продолжил свой поход. Безусловно, они и впрямь не производили уже прежнего впечатления своим видом. Люди были все перепачканы после нескольких дней походной жизни, и за ними практически не было никакого ухода. У него появилось сильное желание остановиться и всыпать палок этому наглому негодяю-возчику, но такое дело только унизило бы весь замысел дальнейшего движения.

Город Торуна пока еще не показался, хотя вершина горы Богов уже была над ними на расстоянии не более километра. Случайно взгляд Жиля упал на огромный

инопланетный корабль, сиявший на отдаленном скалистом пьедестале. Но тут же дождь и туман закрыли его, а затем деревья заслонили собой дорогу, по которой взбирались вверх воины.

Два жреца среднего ранга спустились навстречу Лересу, чтобы переговорить с ним. Втроем, тихо беседуя между собой, они пошли впереди восьмерки участников турнира. Восемь бойцов продолжали подъем молча и размеренно. Иногда двое или трое шли рядом и перекидывались несколькими словами. Порой вся группа вытягивалась в колонну и каждый погружался в сосредоточенное молчание. Пара оборванных рабов — все что осталось от царственного окружения — тащили грузы на себе и шли позади всех. Один раб был немой, другой прихрамывал на искалеченной ноге. Образ Торуна, для которого до сих пор сооружалось на каждой лагерной стоянке место поклонения, был оставлен теперь позади. Временно, как объяснил Лерос, пока у них не будет достаточно слуг для постройки более приличного алтаря.

Вскоре после едва не возникшей неприятной стычки с возчиком телеги, Жиль Коварный разыскал Джуда Исакссона, который устало тащился в одиночестве и по-приятельски пошел рядом с ним, с человеком, который всего через несколько часов будет делать все, чтобы его убить. Джуд удостоил его присутствие рядом с собой лишь одним взглядом, а затем снова погрузился в свои мысли.

Оглянувшись назад на их нищенскую обслугу, Жиль заметил: — Ну вот, мы и без мяса. И похоже на то, что нынче и музыкантов не будет, чтобы донести души наши наверх, в зал Торуна.

Джуд недовольно пожал плечами. Возможно, ему просто задул в шею мокрый дождливый ветер.

Жиль отмерил еще полдюжины шагов по дороге и затем добавил: — Я знаю только одно. Шестьдесят четыре смелых и сильных воина, полных жизни, и крови, и героических поступков, собрались на равнине внизу. А что теперь? Нас осталось только восемь и мы еле живы. Тогда, когда мы могли еще повернуться и отправиться по домам, нас приветствовали и расхваливали, как героев. А сейчас? Никто не смотрит на наши дела и никто не будет их воспевать. И взаправду ли пятьдесят шесть мертвецов сейчас пируют там, наверху? — Он

взглянул на вершину горы, скрытую среди ее впадин.— Я не слышу, чтобы ветер доносил до нас звуки смеха.

Усы Джуда зашевелились, но он только сплюнул.

Жиль определенно не хотел, чтобы все катилось по намеченному пути; времени оставалось мало. Пытаясь теперь почти наугад вызвать хоть какую-то ответную реакцию спутника, он произнес: — Мы с тобой видели, как эти пятьдесят шесть добрых малых превратились в дым. Нет, даже и того не было. Сожгли-то их не всех, как подобало поступить с героями, а в основном просто закапывали, словно дохлых животных, в неглубоких могилах.

— Парень,— наконец, прорезался голос Джуда.— Парень, я не пойму, почему ты мне все это вдалбливаешь. Скажи-ка — я ведь ничего не знаю о тебе, кроме твоего имени — тебя же не просто так прозвали Жиль Коварный?

— Это длинная история, в которую нелегко сразу поверить. Могу начать, если желаешь.

— Нет, мне это безразлично. Какой-нибудь настоящий негодяй, возможно, назовется Жиль Честный. Ну, да ладно! — Джуд вроде бы решился: — Ладно! Если ты так хочешь говорить начистоту. Наверное, даже детям известно, что на вершине этой горы нет никаких богов, как нет их вообще нигде. А раз это так, то кто на самом деле правит в храме, на горе Богов и во всем мире? Простейший ответ — всем управляют люди.

Он кивнул и улыбнулся, удовлетворенный собственной логикой, затем продолжил: — Очень хорошо. Поскольку нас никто не будет приглашать в некий выдуманный зал, возникает вопрос — почему мы здесь? Должна быть какая-то подлинная причина. Было бы бессмысленно заставлять нас убивать друг друга до последнего человека на забаву нескольким инопланетникам, оказавшимся здесь. Нет. Помяни мое слово! Еще до того, как начнутся сегодняшние поединки — или в худшем случае, до их окончания — шесть или восемь оставшихся будут посвящены в какой-то секрет, а турнир будет тайно остановлен.

— Ты всерьез так полагаешь?

— Парень, а как же еще? Мы попадем в какую-то элиту, в секретные войска. Они перестали уже отправлять вниз припасы для нас, верно? Турнир будет прекращен, потом разнесут какую-нибудь сказочку о том, кто

стал победителем и как он теперь счастливо пьянствует и распутничает с богами.

— Старина Лерос, наверное, превосходный актер.

— Может быть, ему не сказали. Он человек неплохой и все такое, но он не самый яркий из них. Все это совершенно ясно, стоит только задуматься и взвесить все факты. Мы попадем куда-то вроде дворцовой охраны, к Верховному жрецу и кто там еще по-настоящему управляет миром с вершины этой горы.

Когда Джуд замолк, Жиль тоже некоторое время не находил, что сказать, хотя размышлял он быстро. Наконец, он ответил: — Может, ты и прав. Но я знаю только, что много отдал бы за то, чтобы получить возможность спокойно повернуть назад, пойти вниз сейчас же и двинуть к себе домой.

— Ну, уж это — безумие, Жиль. Раз ты дошел так далеко, они тебя уже не отпустят. Где твой дом?

— Болото Эндлосс.— Это была отдаленная провинция, лежащая далеко к югу.— Указания и приказы с горы Богов там выполняются не слишком усердно.

— И я об этом слышал. А вообще, я даже считал, что в тех лесах полно врагов Торуна.— Джуд пристально взглянул на него.— Вот ты, например, зачем оказался здесь?

— Я — не враг Торуна,— сразу же твердо произнес Жиль.— Может быть, это некоторые из его жрецов не такие хорошие и честные, как подобает. А вот почему я оказался здесь, ну, об этом я и сам себя сейчас спрашиваю.

Шедшие впереди жрецы остановились, продолжая что-то горячо обсуждать. Лерос сердито жестикулировал, двое других выглядели несчастными, но покорившимися. Они достигли следующей арены, приготовленной для боев. Жиль заметил, что сделана она была таким образом, что часть ее ограждения возвышалась над почти отвесным склоном. Глядя туда, он почувствовал, как у него похолодело в области сердца. На юге у них считалось, что такое бывает, когда человек глядит на место своей будущей смерти.

— Что я тебе говорил? — шептал Джуд, толкая Жиля локтем. Когда они приблизились, Лерос обернулся, намереваясь обратиться к воинам. Но что-то в настроении Лероса изменилось и они все сразу почувствова-

ли — он не просто хочет объявить очередной круг борьбы. Надвигалось нечто иное...

Лерос был рассержен, но не на воинов и не на приунывших жрецов, стоявших рядом с ним. Как только он начал говорить, в голосе почувствовалось напряжение.— Прежде всего мне поручено спросить вас, упоминал ли кто-либо из инопланетников имя полубога Карлсена, когда они вчера находились с нами.

Все воины обменялись озадаченными взглядами. Большинство ничего не могли припомнить из разговоров инопланетников: у всех на уме были более важные заботы. Джуд ожидал вовсе не такого объявления и скривился в гримасе.

Все стояли в молчании, пока Жиль не поднял руку и спросил: — Скажи нам, славный Лерос, неужто эти инопланетники обвиняются в каком-то богохульстве?

— Сейчас это решается наверху,— ответил один из двоих жрецов, указывая рукой на вершину.

— Тогда передайте Андреасу, пусть все это там и выясняют! — колко заявил Лерос.— А мне предоставьте продолжить здесь более важные дела.

— Лорд Лерос, прошу прощения. Я вновь повторяю, многие другие и я сам сочувствуем твоим взглядам. Я всего лишь передаю распоряжения.

— Да.— Лерос опять обращался к ожидавшим воинам.— Те, кто наверху, считают вполне естественным беспокоить нас еще одним пустяком. Один из инопланетников, тот самый, кто повел себя словно перепуганная женщина при виде пролившейся крови, куда-то исчез. Полагают, что он все еще на горе, так как патрулирующим на равнине солдатам не удалось его отыскать. Я должен у вас спросить, не видел ли кто-то из вас этого человека прошлой ночью или сегодня.

Жиль заявил, что он не видел. Остальные семеро, теперь уже вовсе потерявшие интерес к разговору, также дали невнятные отрицательные ответы.

Лерос повернулся к жрецам.— Разве эти инопланетники не носят с собой переговорные устройства, чтобы держать связь друг с другом даже на удалении в несколько километров? Как это мог один из них потеряться, если ему легко можно было сообщить другим о себе?

Один из жрецов сказал: — Такое устройство было найдено возле корабля. Этот трус, видно, обронил его. Во всяком случае, мне думается, что он и не хочет, чтобы

его нашли. Там же были обнаружены еще более странные предметы и теперь происходит еще кое-что, о чем нам не сказали.— Последние слова жрец произнес почти шепотом. Жиль изобразил на лице такую же сильную скуку, как у других окружавших его бойцов. Он смотрел в сторону сидевшего на дереве маленького летающего существа, сам же тем временем вслушивался, стараясь не пропустить ни одного слова.

Жрец продолжил свой тайный, как он считал, разговор с Леросом: — Говорят, что остальные инопланетники гостят на территории храма, однако никто не верит, будто они остаются там по своей воле. С тех пор, как они туда прибыли, очень немногие видели их там. Будто бы одна из их женщин удерживается на корабле. И еще, самое удивительное — один человек, имени которого я не могу назвать, рассказал мне чрезвычайно удивительный слух: полубог Мжолнир вышел, чтобы сразиться с инопланетниками, и один из инопланетников его убил.

Лерос издал звук отвращения и повернулся спиной.— А я почти начинал верить в эти россказни, которые ты принес.

— О, я и сам не доверяю этому слуху про Мжолнира. Ни в коем случае! Ясно, это — богохульство. Но все-таки что-то странное творится, что-то связанное с этими пришельцами, и правду об этом нам не говорят.

— Пусть все это так. Но это не касается ни меня, ни нашего турнира.— Лерос искоса глянул вверх на дорогу.— Когда можно ожидать хорошей пищи и напитков, а также новых слуг?

Третий жрец теперь выглядел еще более несчастным, чем прежде.— Лорд Лерос, я снова должен дать тебе такой ответ, который тебе будет неприятен.

Лерос быстро повернулся к нему.— Что еще такое? Его тон был угрожающим.

— Похоже, Внутренний круг внезапно забыл о турнире. Не то, чтобы они были заняты другим, а просто им сейчас нет никакого интереса к нему. Я не смог добиться обещания, что будет улучшен рацион пищи для вас. Я видел Андреаса очень недолго, и он был занят совершенно другими вопросами, не знаю, чем именно. Он мне сказал: — Прикажи Леросу продолжать этот его спектакль и заканчивать побыстрее! — Как я мог еще расспрашивать Верховного жреца?

Рука Лероса потянулась инстинктивно к бедру, где обычно на ремне у воинов висел меч, но ощутила только гладкое одеяние жреца.— Мой спектакль? Он так именно и сказал?

— Клянусь, так и сказал.

— Ну, тогда я смогу расспросить Андреаса, что это за приказы он выдает.— Лерос говорил с холодным гневом, но спокойным и взвешенным тоном.— Верховный он там жрец или нет. Что еще он хочет отнять у нас? Почему бы не всех наших рабов и не всю нашу пищу, отчего бы не нашу одежду и оружие впридачу? — Жрецы выглядели так, как будто пытались не слышать. Затаив дыхание, Жиль весь обратился в слух.

Лерос продолжал: — Разве не известно каждому, что этот турнир задуман как угодный Торуну и достойный его, необходимый для выбора такого человека, который заслуживает обожествления? Разве эти восемь оставшихся победителей, каждый из них, не есть лучшие...— Здесь Лерос прервался, не находя слов. Казалось, у него началось удушье. Наконец, он сумел глубоко вздохнуть и закончил: — Очень хорошо. Я должен отправиться туда и сам расспросить его по всем этим делам. Кто-то из вас двоих побудет пока здесь, чтобы не оставлять этих людей без руководства.

Повернувшись затем к восьми ожидающим воинам, Лерос сменил свой злой взгляд на печальную и отеческую улыбку.— Дорогие мои господа — славные воины. На время я вынужден покинуть вас. Хотите ли сейчас продолжить борьбу в новом круге или же подождете, пока я вернусь? Я иду наверх добиваться для вас подобающего обслуживания. Неизвестно, когда я вернусь обратно.— Воины неуверенно посматривали один на другого. Жиль чуть было не начал говорить, но сдержался. Его мысли метались в голове, он лихорадочно пытался взвесить разные возможности. Он хотел бы получить передышку, но не очень большую.

Видя их неуверенность, Лерос взглянул на высокий бронзовый щит солнца, пытавшегося пробиться сквозь туман. Затем он произнес: — Ждите меня до полудня. Если я не вернусь к этому времени с более достойным снабжением и лучшими почестями для вас — или не пришлю сообщение — тогда продолжайте борьбу, как сможете.— Вручив список имен участников состязания

жрецу и подозвав других следовать за ним, он быстрым шагом направился вверх.

Длинное утро тянулось медленно. До полудня воины стояли или ходили, тихо переговариваясь по двое-трое. Наконец, когда стало ясно, что полдень наступил и уже миновал, а от Лероса нет никаких сообщений и не видно никаких признаков его возвращения, замещавший его жрец прокашлялся и подозвал всех восьмерых собраться вместе. Произнося небольшую речь не очень уверенным голосом, он представился как Елгир и объявил, что может огласить состав поединков, если они готовы к бою.

— Давайте будем продолжать,— произнес Ванн Кочевник. Прочие согласно кивнули. Ожидание и неуверенность они переносили хуже, чем удары. Все заняли места вокруг арены.

Елгир взял список имен и снова прокашлялся.

— Чарльз Прямой — Фарли из Эйкоска.

Чарльз и Фарли приблизились с противоположных сторон ринга, двигаясь почти лениво. В центре они аккуратно соприкоснулись оружием, выражая уважение друг к другу, затем вступили в осторожное единоборство. Раненая левая рука Фарли, на которую сам Лерос аккуратно наложил шину и повязку, похоже, не причиняла ему особых беспокойств, если не считать того, что он начал бой с одним мечом, оставив кинжал висеть на поясе.

Постепенно соперники прибавили быстроты и силы в свои движения и их длинные мечи зазвенели почти музыкально. Они, казалось, были одинаково сильны в этом состязании. Но вот сверкающий, как драгоценный камень, клинок Фарли обрушился в стремительном обманном движении, которое он еще не использовал на ранних этапах турнира. Чарльз хотел парировать удар, но удара-то и не последовало, и тут же он пропустил уже настоящий, смертельный удар, и разом грохнулся наземь с коротким возгласом от боли.

— Жиль Коварный — Джуд Исакссон!

Как и раньше, Джуд быстро бросился вперед. Жиль, похоже, был настроен не так активно, но в целом этот бой начался в более высоком темпе, чем предыдущий. Оба участника отличались проворностью. Но никто не хотел перейти к чисто атакующим действиям. Постепенно более агрессивным сделался Жиль, его длинный

меч бросался в атаку то выше, то ниже круглого щита, которым прикрывался его более низкий противник, однако успеха не имел. Но затем удары Исакссона посыпались так густо и быстро, что Жилю пришлось тратить энергию на их отбивание, а затем отступить для начала ответной атаки.

Конец наступил внезапно, когда Жиль был прижат к ограждению бойцовской арены, нависавшему над склоном. Сверкнул клинок Джуда, всего лишь вспышка света, и Жиль схватился за грудь, крикнул сдавленно и упал. На крутом травянистом наклоне его тело соскользнуло и прокатилось метров двадцать, пока не зацепилось за куст, который на мгновение остановил его падение. Но потом оно снова освободилось и начало скользить дальше. Жрец сделал указующий кивок и хромой раб с кувалдой начал долгий спуск вниз по обрыву.

— Омир Келсумба — Рахим Сосиас!

Черный великан, казалось, даже стал еще больше, когда выступил на арену. Он опять почти с нежностью убаюкивал свой огромный топор двумя руками. Против него толстячок Сосиас с кривым мечом выглядел ужасно неравноценным противником. Но первую кровь пролила именно его сабля. Это была легкая рана, почти прикосновение острием к внешней стороне бедра Келсумбы. Расчет Сосиаса был точным, ответный удар топором только разорвал край его свободной верхней накидки.

Полученная рана возбудила чернокожего человека, и теперь Сосиас был вынужден отпрыгивать назад, его животик при этом сотрясался, когда он с изумительной скоростью вытанцовывал свои движения. Топор вздымался вверх и вспыхивал, падая вниз, вздымался и вспыхивал снова, двигаясь со скоростью и четкостью легкого меча, хотя против него не устоял бы при соударении самый тяжелый меч. Легкий шепот восхищения пролетел по кольцу зрителей.

Сосиас опять попытался резануть по бедрам или только притворился, что делает попытку. В этот раз ответный удар прошел несколько дальше вслед за ним, но все же он каким-то чудом ухитрился остановиться в самый критический момент и ускользнул нетронутым. В его левой руке появился спрятанный нож, но сейчас он не мог приблизиться и использовать его.

Просто так выжидать и пытаться уклоняться от топо-

ра было бы самоубийственной тактикой. Сосиас должен был попробовать начать новую атаку. Однако большой топор поймал его на встречном движении и снес ему все лицо. Томас Граббер, стоявший, опираясь на свое копье, на удалении около десяти метров, почувствовал, как на руку ему упали теплые капельки крови.

— Томас Граббер — Ванн Кочевник!

Ванн со своей на вид неуклюжей хваткой длинного меча встал против Томаса, который пробными движениями делал выпады вперед своим тяжелым копьем. Ванн не тратил силы в попытках перерубить копье, чье бронированное древко уже доказало свою прочность в нескольких поединках. Поначалу бой развивался довольно медленно, оба противника двигались осмотрительно, совершая много ложных приемов и не пытаясь затевать серьезную атаку.

Через некоторое время опытному глазу — а за поединком наблюдали как раз такие глаза — стало очевидно, что Ванн не мог полностью избавиться от привычки в паузах держать свой меч притворно неуверенно. Понятно, что затем он хватал его правильно, причем с удивительной быстротой, однако частица времени меньше, чем одно сердцебиение, все же уходившая на эту коррекцию, была больше того, что можно было позволять в сражении такого высокого уровня. Неловкая хватка не была естественной для Ванна, вроде забавного способа держать топор у Келсумба, а служила специально отработанной приманкой, позволявшей застать противника врасплох. В таком качестве сейчас она была совершенно излишней, и Ванн очень хорошо это знал. Он и не хотел пользоваться этим трюком, но нервы и мускулы забывали об этом и привычно повторяли фальшивую позу.

Томас несколько раз оценивал эти расслабления и восстановления, а потом улучил момент, когда длинный меч после нижнего удара слегка обвис в руках соперника. Со звуком удара дубинкой копье пробило обветшавшую рубаху Ванна и его туловище немного выше пояса, увешанного жуткими трофеями. На лице Ванна возникло выражение бессмысленного огорчения, когда он увидел яркий фонтан собственной крови. И через минуту лицо уже ничего не выражало.

Фарли из Эйкоска, уходивший с этого смертельного ринга в компании трех равных ему, чтобы продолжить

медленное восхождение на гору, испытывал беспокойство от мрачного чувства, что боги позабыли о горстке уцелевших в борьбе. Оглянувшись через плечо у следующего поворота дороги, он увидел застывающие тела четырех жертв сегодняшнего дня, лежащие возле арены, и рядом одинокую фигуру человека в серой одежде и с кувалдой у пояса, принявшегося копать скромную яму, которая станет общей могилой для всех четырех.

Идущий рядом с Фарли Исакссон тоже часто оглядывался. Похоже, что и он был чем-то встревожен. Фарли уже хотел было поделиться своим беспокойством, но не зная толком как выразить его словами, так ничего не сказал.

Впереди на несколько шагов совершал подъем на этот, казалось, бесконечный холм Омир Келсумба, тяжелый топор которого уже был чистым и невинным, как инструмент лесоруба. Его мысли были далеко отсюда — с его маленькими больными детками и женой. Когда-нибудь, когда он победит в этом турнире, то станет почти богом.

Раньше еще у него появлялись сомнения, но теперь он обрел уверенность, что выиграет. С каждой победой он становился сильнее. Келсумба почувствовал божественную силу, наполняющую его. С тех пор, как он достиг своего полного роста, еще ни одному человеку не удалось устоять против него и никто впредь не сможет. Когда закончится турнир, он станет богом, а боги могут исцелять также хорошо, как убивать. Когда он займет свое место по правую руку от Торуна, богиня исцеления не сможет отказать ему и дарует исцеление его детям. Никогда еще не умирали дети богов в лачугах от несчастий и плохих болезней.

Томас Граббер поднимался в гору, шагая шаг в шаг рядом с Омиром Келсумбой, и не догадываясь о его мыслях. Несмотря на то, что вся жизнь его прошла среди жестокости и насилия, охотником за преступниками, Томас все еще время от времени впадал в состояние почти парализующего страха перед телесными ранами и смертью. Требовался железный контроль, чтобы его не выдать. Страх охватил его и сейчас вместе с предчувствием, что в следующем бою он должен проиграть. Перед глазами у него постоянно стояло широкое лезвие топора Келсумбы, на которое он и не осмеливался взглянуть. Томас уже достаточно хорошо изучил свой страх,

чтобы знать, что он рассеется, если ему удастся сдерживать его до той минуты, пока он по-настоящему не выйдет на арену против своего соперника. После этого все будет в полном порядке. Времени для страха просто не останется. Теперь же, когда он продолжал взбираться наверх, ему оставалось сурово успокаивать себя, пытаясь отогнать все мысли.

Дорога привела к двум башням, с которых часовые сдержанно отсалютовали проходившим воинам.

— Частный парк богов,— пробормотал вслух Томас, оглядываясь вокруг на ходу. Дорога стала шире и по ее обеим сторонам появились узкие гравийные дорожки, за которыми одним непрерывным манящим ковром расстилался специально выращенный зеленый слой вьющегося травяного покрытия.

— Да,— произнес позади почтительный голос Фарли из Эйкоска.— Я думаю, что мы вполне можем увидеть здесь среди деревьев самого Торуна.

Никто не ответил. Вскоре сопровождавший их жрец Елгир объявил остановку и увел их в сторону от дороги. Почва была мягче, чем раньше, а площадь лагеря — еще меньше. Наступила ночь тихая и спокойная, было тихо, как в могиле, или вроде этого.

IX

После пиршества Шенберга, Де Ла Торре, Афину и Селесту отвели в их удобные отдельные комнаты. Однако весь путь они проделали под охраной и уже нельзя было делать вид, что они свободные посланцы. Ни с кем из них не обращались грубо, но всех обыскали и отобрали коммуникаторы.

Разговаривать с ними никто более не пробовал. Андреас ушел от них, а остальные не хотели реагировать на их протесты и вопросы.

Пока их вели из храма назад в комнаты, они постарались перекинуться несколькими словами. Шенберг посоветовал своим товарищам: — Чего бы они от нас ни хотели, в свое время они заявят об этом сами. А пока что важно, чтобы мы все были в целости и сохранности.

— Оскар, мы тебя поддержим,— сказала ему Афина. На фоне ее решительного лица Селеста и Де Ла Торре выглядели бледными и перепуганными.

Шенберг подмигнул ей. Вслед за этим их развели по отдельным комнатам. Он слышал, как дверь заперли на ключ и засов. Его личный слуга не появлялся, а когда он выглянул сквозь оконную решетку, то заметил поставленного у двери стражника. Шенберг растянулся на уютной кровати и начал размышлять. Вскоре он встал и попробовал передать что-то способом перестукивания по каменной стене, отделявшей его комнату от комнаты Афины. Но ответа не последовало. Возможно, каменная кладка была слишком толстой.

Спал он на удивление хорошо и чувствовал себя заметно отдохнувшим, когда рано утром его разбудили. Явился эскорт солдат, чтобы отвести его к Андреасу. Шенберг энергично отправился в их окружении. Через одну из задних дверей они вошли в храм и опять спустились на несколько ступеней. Однако на этот раз они вошли в каменную комнату, напоминающую камеру, куда серый утренний свет пробивался через единственное окно, расположенное в самом верху. За столом восседал Андреас. Охранники приветствовали Верховного жреца и вышли. Шенберг остался наедине со старым и безобразным жрецом. Из них двоих Андреас был тоньше и биологически намного старше, но за поясом пурпурного одеяния у него висел кинжал и весь его вид выражал абсолютное безразличие к тому, что с ним рядом оказался более сильный человек, только что ставший ему врагом.

Еще прежде, чем закрылась дверь за солдатами, Шенберг заговорил: — Если ты умен, Андреас, то немедленно должен нас освободить.

Андреас молча указал на кресло, но Шенберг остался стоять. Тогда Верховный жрец произнес: — До того, как я смогу отпустить вашу охрану, я должен получить заверения, что ты будешь сотрудничать с нами в одном деле, в котором мы собираемся использовать твой корабль. Твое добровольное сотрудничество оказало бы большую помощь, хотя и не решающую.

— Удерживая меня и моих друзей в тюрьме, нельзя заставить нас хотеть сотрудничества. И еще, что стало с остальными двумя членами нашего отряда — что случилось с ними?

Андреас сложил руки на столе перед собой.— Девушка заперта в своей каюте на твоем корабле. Она должна давать успокаивающие ответы по радио с корабля, на тот редкостный случай, если другой звездолет появится здесь и попытается связаться с Орионом.

— Вчера вечером твои люди угрожали ей, запугивали ее, и когда она говорила со мной, то не осмелилась рассказать о случившемся.

— Она оценила разумность сотрудничества,— мягко произнес Андреас.— Что касается вашего труса, то он еще все в бегах. Возможно, он не попадет в большие неприятности и вернется в поисках пищи сегодня или завтра. Я не желаю унижать моих воинов приказами искать этого человека.

После краткого молчания Шенберг уселся в кресло, ранее предложенное ему.— Что именно ты хочешь от меня?

— Ответов на некоторые вопросы о твоем корабле, особенно о его двигателе, и полетов на корабле для нас, когда потребуется.

Наступила небольшая пауза.— Придется тебе рассказать немного подробнее. Я не намерен влипнуть в серьезные неприятности с галактическими властями.

Верховный жрец покачал головой.— Сейчас единственная власть, с которой тебе придется считаться, это — я. Все другие, за пределами этой планеты, могут быть сильными для своих миров, но им нет никакого дела до происходящего здесь, даже если бы они и знали об этом.

Шенберг немного расслабился, положил ногу на ногу.— Это правда, но только наполовину, Андреас. Им нет дела до таких охотничьих полетов, как мой нынешний, уж это точно. Не настолько они их волнуют, чтобы тратить силы и время на предотвращение таких попыток. Точно также их мало волнует, если я буду стоять и наблюдать за ходом вашего турнира — или даже принимать в нем участие, если бы мне оказали такую честь. Однако им вовсе не безразлично, поверь мне, если бы я вдруг принял участие в одной из ваших войн, используя инопланетное оружие, или даже используя только корабль, но с целью помощи в каких-то ваших военных делах. Совершить что-либо подобное — для меня серьезный риск, причем это не риск в бою, пойми, от которого настоящий мужчина не должен укло-

няться, а риск общественный после возвращения к своим людям, риск бесчестия. Ты сам человек чести и правильно оценишь, по какой причине я не смогу оказать вам помощь.

— Я самым торжественным образом заверяю тебя, что никто вне этой планеты не узнает, что ты здесь делаешь.

— Извини, но я не могу этому поверить. Я — не единственный охотник, прилетающий на эту планету. Рано или поздно здесь окажется торговый или военный корабль. Нельзя полностью заставить умолкнуть всех твоих врагов здесь на планете, а они не упустят шанса пожаловаться на звездолет, который безо всякого на то повода начал вдруг уничтожать их. И станет известно, что корабль-то мой. Я говорю об этом прежде всего потому, что ты мне можешь не поверить, когда я скажу, что земные власти в любом случае будут встревожены, если я не вернусь из путешествия вовремя.— Шенберг небрежно поднял руку и бегло взглянул на часы-календарь.

Андреас еле заметно улыбнулся.— На Земле и в остальных мирах никому не известно, где ты сейчас. Если даже они и начнут тебя разыскивать, то никак не на моей планете.

Шенберг не колебался с ответом ни секунды. Пока он не проявлял ни малейших признаков испуга.— Ты жестоко ошибаешься, Верховный жрец, если мне не веришь. Но давай пока позабудем об этом. Вернемся к твоим намерениям. Допустим, я сейчас сижу в кресле командира в кабине управления моего корабля, а ты, например, стоишь, склонившись надо мной и держишь нож у моего горла. Куда полетим?

— Шенберг, я вовсе не собираюсь приставлять тебе нож к горлу. Уж во всяком случае, не в твоей кабине управления, где тебя может охватить безрассудное желание на что-то нажать не так и попытаться разрушить мои планы. У нас есть жрец, который бывал на космических кораблях. И мы не настолько невежественны в этих вопросах, как ты, наверно, предполагаешь... Я подумал, что ты можешь захотеть участвовать в приключениях военного типа. Де Ла Торре хотел бы, но он не подготовлен. Я расспрашивал других людей из вашей компа-

нии и верю им, когда они признаются в полном незнании двигателя корабля и способов пилотирования.

— Это верно. Здесь пилот только я.

— Удовлетвори мое любопытство, расскажи мне, как бы смогли остальные вернуться домой, если бы тебя убил ледниковый зверь?

— Ну, с этим делом справился бы автопилот. Ему только следует задать цель движения и он доставит корабль прямо к любому обжитому миру, на выбор. Ваш жрец, который был на звездолетах, должен быть в курсе этого. Я понимаю так, что тебе нужны совсем другие виды пилотажа.

— Да. Но главное — некоторые подробности о двигательной установке.

— Расскажи мне, для чего это все и, может быть, я смогу сообщить тебе некоторую информацию.

Глаза Андреаса пристально изучали его, без гнева, но стараясь проникнуть вглубь. Это длилось довольно долго.— Возможно, лучше всего будет другое.— Старый жрец вздохнул.— Возможно, другими методами... Скажи, как на тебя действуют угрозы пыток и увечий?

Шенберг приподнялся и наклонился вперед, пристально глядя на жреца.— Слушай меня, Верховный жрец, там у себя, в большом мире, я — большой и могущественный человек. Ты что, думаешь каждый там имеет свой звездолет и отправляется, куда только пожелает? Я имею уговор с несколькими другими могущественными и жестокими людьми. Они заботятся о моей безопасности. Они отомстят в случае моей смерти или исчезновения... И вот они-то как раз знают в точности, где я и когда должен вернуться. За каждую порцию боли, доставленной мне по твоим приказаниям, ты испытаешь две, а то и десять таких порций боли такого же или другого сорта. Мои друзья и я можем стереть в порошок твой город и твой храм, если нас на это спровоцировать.

Двое мужчин еще продолжали смотреть в упор друг на друга, когда в дверь постучали. Она отворилась и показалась голова одного из членов Внутреннего круга, который стал делать какие-то знаки Андреасу. Другие дела требовали к себе внимания.

Верховный жрец вздохнул и встал. Он наклонил свою голову, похожую на обтянутый кожей череп и, улыбаясь, изобразил приветствие Шенбергу.— Инопланетянин, ты — сильный человек и тебя трудно запугать.

И все же я думаю, надо будет это сделать. Подумай пока о том, что я сказал, а скоро мы поговорим еще раз.

* * *

Суоми был напуган.

Он не просто боялся, что его поймают солдаты Андреаса, которые вчера захватили корабль и Барбару, а также, несомненно, без труда задержали других четырех инопланетян, ничего не подозревавших. Нет, проведенная ночь в зарослях дала Суоми достаточно времени для размышлений. Было о чем подумать и помимо происшедших накануне событий.

Несколько часов назад он покинул чащобу, где вчера, выбившись из сил, остановился после стремительного бегства. Сейчас он лежал, скорчившись, плохо прикрытый какой-то редкой растительностью наподобие кустарника, рядом с дорогой, идущей в гору. Лежал, наблюдал и выжидал — чего, точно не знал и сам. В голове блуждала смутная надежда увидеть какого-нибудь одинокого путника, к которому он мог бы обратиться в надежде получить какую-то помощь.

Иногда на смену этой приходила другая фантазия. Тогда он представлял проходящий мимо грузовой караван, подобный недавно увиденному им, упавший незамеченным на дорогу мешок с овощами или мясной окорок, а также себя, через минуту выскакивающего и хватающего добычу. Пока что он не смог найти практически ничего съестного среди деревьев и в зарослях. Он не ел почти ничего уже более суток.

Хотелось пить — несмотря на дождевую воду, которую он слизывал с листьев. После вчерашнего падения Суоми сильно хромал. Его беспокоила спина. Он подозревал, что в одном из небольших порезов на ноге началось инфекционное воспаление, несмотря на принятые перед отлетом с Земли меры иммунологической защиты.

Заросли, в которых он спрятался после своего бега, были настолько густые и обширные, что, казалось, человек может там оставаться необнаруженным до тех пор, пока преследователи не захотят выделить не менее сотни человек для его поимки. Но, возможно, никто и не преследовал Суоми. На чужой планете ему было совершенно некуда идти. Он был почти уверен, что его длительная свобода, если можно так выразиться, объясня-

лась только лишь тем, что не делалось особых попыток его окружить. Он не мог поверить, чтобы воины планеты Охотников так уж сильно боялись его ружья, поэтому, вероятнее всего, они его не искали, так как происходили более важные события. Осознав, что в зарослях он не сможет ничего предпринять, Суоми вышел оттуда. Он просто обязан всех предупредить о своем открытии. Временами казалось, что все это может быть грандиозной мистификацией, шуткой, как при обряде посвящения в какой-то кружок. Но затем он вспоминал свои совершенно четкие и мрачные размышления прошедшей ночью и холод охватывал его среди теплого дня. Но боялся он не только за себя и даже не только за людей, прилетевших вместе с ним с Земли. Перед взором Суоми все еще стоял совершенно отчетливо разбитый панцир робота и обломки вывалившихся из него деталей. И тут же, среди частей, изготовленных кустарно, *были*...

— Спокойно, инопланетянин,— тихо раздался чей-то голос совсем близко сзади него.

Он резко обернулся и нацелил ружье на довольно низкого человека с волосами песочного цвета, стоявшего возле дерева в шести или восьми метрах с поднятыми мускулистыми руками и открытыми ладонями, что могло означать только мирные намерения. Человек был одет в серую одежду, которую Суоми привык видеть на рабах горы Богов, а за перепоясавшей его толстой веревкой торчала большая кувалда. Убийца поверженных гладиаторов. Однако он выглядел несколько выше и лицо стало более открытым и привлекательным.

— Что тебе нужно? — *Суоми крепко сжимал ружье,* а глаза быстро обшаривали окружающий их лес. Но никого не было видно. Раб пришел один.

— Хочу поговорить немного с тобой.— Голос его был спокойный и миролюбивый. Очень медленно он опустил свои руки, но не двинулся с места.— И, быть может, договориться о совместных действиях против наших общих врагов.— Он указал на вершину горы кивком головы.

Да разве так могут говорить рабы на этой планете? Суоми не мог поверить в то, что услышал. Он вообще не мог припомнить, чтобы кто-то из них говорил в его присутствии. Суоми остался настороже.— Как ты меня нашел?

— Подумал, что в это время ты можешь оказаться

где-нибудь поблизости от дороги и готовишься к тому, чтобы сдаться. Я уже час разыскиваю тебя и, полагаю, что едва ли кто-нибудь еще занимается этим же.

Суоми кивнул.— Я тоже так подумал. Но кто ты? Ты же не похож на раба.

— Все верно. Я — не раб. Но об этом потом. Давай, уйдем подальше в лес, а то кто-нибудь нас заметит с дороги.

Теперь Суоми смог расслабиться, опустил трясущимися руками ружье и последовал за незнакомцем в глубину леса, где они, присев на корточки, продолжили разговор.

— Прежде всего, скажи мне,— сразу потребовал незнакомец,— как мы можем помешать Андреасу и его воровской шайке воспользоваться похищенным у вас кораблем?

— Я не знаю. Где мои товарищи?

— Их удерживают в храме, а в каких условиях, я не знаю. Ты выглядишь плохо. Я бы предложил тебе еды и питья, но у меня нет ничего с собой. Для чего, по-твоему, Андреасу нужен ваш корабль?

— Я не знаю точно,— покачал головой Суоми.— Если это нужно только Андреасу, то, наверное, он замышляет какие-то обычные военные действия для завершения покорения всей этой планеты. Может быть, он надеется, что на нашем корабле есть орудия массового поражения. Но это вовсе не так.

Человек пристально взглянул на Суоми.

— Как тебя понимать: если это нужно только Андреасу?

— А ты слышал о берсеркерах?

Ответом был непонимающий взгляд и затем только слова:

— Конечно, это — легендарные машины смерти. Они-то тут причем?

И тут Суоми начал рассказывать о своей схватке с человекообразной машиной. Его слушатель был весь внимание.

— Я слышал какой-то разговор о том, что Мжолнир выходил будто бы на бой и был убит,— размышлял человек в сером. Так что, получается, ты уничтожил берсеркера?

— Не совсем так. Не целиком и не всего. Такое вот ружье было бы вообще бесполезным против настоящего

человекоподобного берсеркера. Но внутри разбитого тела той машины я нашел вот что.— Он вытащил из кармана небольшой запаянный ящичек из блестящего металла. Из ящичка выходил толстый серый кабель, который веером расходился на бесконечное число тончайших волокон в том месте, где его срезало силовым импульсом.— Это твердотельный электроядерный прибор, иными словами — часть искусственного мозга. Судя по его размеру и числу волокон в этом кабеле, я бы сказал, что два-три таких прибора, правильно подключенных, вполне могли бы управлять роботом, который способен совершать всякие механические действия получше человека. И при этом он может выполнять простые приказы и сам принимать простые решения.

Незнакомец взял ящичек и с сомнением взвесил его на ладони.

Суоми продолжал: — Множество твердотельных электроядерных приборов делается на Земле и в других технологических мирах. Я видел огромное число их разновидностей. Но знаешь, сколько из них близко походили на этот? Всего один. И тот я видел в музее. Это была часть берсеркера, захваченная во время космического сражения у Каменистой россыпи, в далеком прошлом.

Человек поскреб пальцем свой подбородок и вернул ящичек Суоми.— Не могу представить, чтобы легенда стала реальностью.

Суоми захотелось схватить его и потрясти.— Берсеркеры очень даже реальны, можешь мне поверить. Что, по твоему, стало причиной разрушения технологии ваших предков здесь на планете Охотников?

— В детстве нас учили, что наши предки были слишком гордые и сильные, что они сами не захотели зависеть от всяких машин. Да, еще в легенде говорится, что была война против берсеркеров.— Это — не легенда, а история.

— Ну, пусть история. А как было по-твоему?

— Вот эта-то война и отрезала ваших предков от всей остальной Галактики и погубила всю технику здесь — как ты сейчас выразился, они были крепкими мужчинами и женщинами, которые поняли, что могут обойтись без множества хитрых машин. Да, это жизнь заставила их обходиться без техники. Ну, по крайней мере, все верили в то, что с победой Карлсена здесь

были уничтожены все берсеркеры или их прогнали отсюда. Но, может быть, один-то и уцелел, или хотя бы и не весь целиком, а его неживой разум остался, когда вся прочая его механическая оболочка была разрушена или сломана. Возможно, этот берсеркер до сих пор здесь.

Незнакомец продолжал слушать, но большого впечатления на него рассказ Суоми не произвел. Суоми решил объяснять более подробно и продолжил: — На других планетах существовали культы злых мужчин и женщин, которые поклонялись берсеркерам, словно богам. Я могу только предполагать, что и на Охотничьей планете такие люди могли быть пятьсот лет назад. И вот после сражения они где-то находят своего разбитого бога, спасают его и прячут. Создают вокруг него тайный культ, в тайне же ему поклоняются, и так поколение за поколением. Они молятся смерти и готовят приближение такого дня, когда смогут уничтожить всякую жизнь на этой планете.

Человек провел сильными, нервными пальцами по своим волосам песочного цвета.— Но если ты прав, то есть еще что-то помимо фигуры Мжолнира? Берсеркер не уничтожен?

— Я не сомневаюсь, что существует нечто большее. Настоящий мозг берсеркера, по-видимому, состоял из множества таких маленьких предметов и из других компонентов тоже. Возможно, они вставили в Мжолнира только лишние детали. Или это сделали люди-ремесленники, работая по указаниям берсеркера.

— Тогда почему здесь вообще должен находиться настоящий берсеркер, как ты утверждаешь? У Андреаса есть много очень хороших мастеров-ремесленников. Они на него работают и, возможно, они просто использовали части от разрушенного берсеркера при создании фигуры Мжолнира — да и Торуна тоже. Он кивнул сам себе.— И это же хорошо объясняет, почему люди клятвенно утверждают, будто бы наяву видели во дворе храма, как Торун шествовал рядом с Верховным жрецом.

— Извини меня, но это невозможно, чтобы какой-либо человек-ремесленник на этой планете сконструировал такого робота, какой напал на меня. И не важно, какие бы детали ни были использованы. Можешь ли ты хотя бы представить, какие задачи программирования придется решать при проектировании машины, способной бегать, сражаться, карабкаться по скалам как чело-

век? Даже лучше человека. Да ни один человек не поднялся бы на скалу в том месте, где это сделала машина, всего за несколько минут, заколачивая по пути колья в скалу. А трудности создания соответствующей механической части? Нет. На Земле, на Венере, еще на нескольких планетах имеются люди и вспомогательные средства для проектирования таких роботов. Здесь такое сотворить мог только вполне работоспособный мозг берсеркера.

Некоторое время оба молчали, раздумывали, присматривались друг к другу. Суоми переменил положение тела и привалился спиной к стволу дерева. Раненая нога пульсировала. Наконец, житель Охотничьей планеты промолвил: — Допустим, берсеркер существует здесь, как ты утверждаешь, а жрецы горы Богов им пользуются. Ну и что?

— Ты ничего не понимаешь! — Суоми едва не схватил его за оборванную рубаху, чтобы встряхнуть.— Скажи лучше, это он ими пользуется. Ну, как мне тебе объяснить, что такое берсеркер? — Он вздохнул и в изнеможении откинулся назад, чувствуя отчаяние и крайнее истощение. В самом деле, как передать тому, кто даже ни разу не видел изображения на пленке или в голограмме, понятие о веках массового разрушения, приносимого берсеркерами при их появлении в Галактике, задокументированные свидетельства ужасов, пережитых конкретными людьми? Целые планеты были стерилизованы, целые солнечные системы опустошались неживым врагом. Тысячи и десятки тысяч людей погибали во врем экспериментов, которые берсеркеры проводили с одной целью — определить, почему эти странные двуногие выходцы с Земли, эти комки протоплазмы так сопротивляются и противодействуют Основной аксиоме, заложенной в программы берсеркеров: жизнь — это болезнь материи, подлежащая ликвидации повсеместно. Все это происходило здесь, да и сейчас еще продолжается где-нибудь в тысяче световых лет и более отсюда, на внешних рубежах небольшого участка Галактики, контролируемого человеком.

Суоми спокойно произнес: — Если наш корабль захватил действительно берсеркер, то это сделано с одной лишь целью — каким-то образом уничтожить на этой планете всяческую жизнь.

— Но ты сказал, что на корабле нет оружия массового поражения.

— Я имел в виду, что их нет в обычном смысле слова «оружие». Но зато там есть двигатель, доставивший нас всех сюда в межзвездном пространстве.— Суоми задумался.— Если корабль спрятать, скажем, под этой горой и внезапно запустить двигатель на полную мощность, то гора эта может взлететь на воздух и все на ней погибнут. Но для берсеркера этого недостаточно, если он сможет найти способ наделать больших бед.

Готов поспорить, что если хорошенько поработать над двигателем, то из него удастся соорудить такое оружие, которое сможет стерилизовать целую планету. Может быть, загрязняя атмосферу радиоактивностью. Не обязательно, чтобы это оружие было немедленного действия. Здесь, возможно, не будет другого межзвездного корабля еще целых пятнадцать обычных лет. Никто здесь не сможет обратиться за помощью извне, даже если станет понятно, что происходит!

Человек в сером, наконец, заволновался. Он осторожно встал и огляделся, затем снова присел. Пальцами он сжимал рукоятку кувалды, как бы в нетерпении, порываясь вытащить ее из пояса и броситься в бой.— О, боги! — бормотал он.— Это должно подействовать, правда это или неправда, неважно!

— Подействовать? Что должно подействовать?

— Подействовать против жрецов горы Богов должен слух о том, что они собираются использовать двигатель захваченного корабля, после чего наш воздух станет отравленным. О том, что настоящий правитель горы Богов — берсеркер, который намеревается уничтожить весь мир. Если удастся убедить людей в этом, они будут на нашей стороне!

— Да, я верю, что все это так. Но разнести эти слухи по всей планете можно лишь за долгое время.

Человек с кувалдой взглянул наверх к вершине горы, скрытой за деревьями.— Я не думаю, что надо будет добираться до дальних мест. Пока. Как все это изложить убедительно? Давай подумаем. Пятьсот обычных лет назад здесь был флот берсеркеров. Их прогнал полубог Карлсен. Жрецы почему-то всех сейчас спрашивают, упоминали ли имя Карлсена инопланетники или нет. Вроде бы все сходится. Теперь...

И вот здесь Суоми, к великому изумлению обитателя Охотничьей планеты, наконец-то, по-настоящему схва-

тил его за рубаху.— Они об этом расспрашивали? — рявкнул Суоми.— Значит, все сходится! — После этого они еще полчаса обсуждали свои дальнейшие планы.

X

Четыре оставшихся участника турнира были разбужены рано. Спали они на мягком травянистом ковре в том месте, которое Томас Граббер назвал частным парком богов. На рассвете здесь разразился шум и гам маленьких крылатых тварей, каждая из которых защищала свой кусочек территории от посягательства других. Фарли из Эйкоска, разбуженный шумом этого миниатюрного турнира, некоторое время наблюдал за ним, а потом, внезапно вспомнив, где он находится, повернул лицо вверх, глядя сквозь лесопарк на вершину горы.

Там в свете раннего утра белые стены выглядели тусклыми и призрачными. Он знал, что позже, при полном освещении они засияют ослепительно белым светом. Всю свою жизнь он с жадным интересом слушал, когда это удавалось, рассказы путешественников, побывавших в этом городе. И то, что он сам теперь видит перед собой эти белые стены, наполняло его душу благоговейным трепетом.

Там живет Торун.

Там живет настоящий подлинный Торун.

С самого момента пробуждения Фарли в это утро в нем быстро нарастало чувство нереальности происходящего. Он не мог полностью поверить, что находится здесь на вершине горы, что так далеко продвинулся в турнире. (Как бы обрадовался, наконец, его отец, если бы его сыну удалось стать победителем большого турнира!). Чувство нереальности оставалось и во время утреннего ритуала богослужения, и во время их жалкого завтрака из холодных лепешек, оставшихся от вчерашнего. Немой раб, прислуживающий им, жестами отказал им в чем-то лучшем на завтрак, так как здесь не было сушняка для разведения костра и приготовления пищи.

Второй раб куда-то ушел, возможно, на поиски дров. Лерос пока еще не вернулся. Жрец Елгир, который для

Фарли все еще был чужим, выглядел закоченевшим и неопрятным после ночи, проведенной на открытом воздухе. Он заговорил извиняющимся тоном о том, что заблаговременно не был приготовлен ринг для борьбы.

Елгир посоветовался с воинами и выбрал ровную площадку. Рабу приказали срывать растительное покрытие и утаптывать землю, как можно лучше. Эта работа заняла несколько часов и пока раб трудился, все остальные сидели и наблюдали.

Фарли не страдал от нетерпения. Но эта задержка стала еще одним отклонением от сценария и все это для него делалось еще более нереальным, чем прежде. Однако ринг был, наконец, подготовлен. Елгир прошептал свои молитвы и подошло время первой паре бойцов занять исходное положение перед схваткой.

— Фарли из Эйкоска — Джуд Исакссон!

Теперь оба они оказались внутри круга, из которого выйти сможет только один из них. Но когда Джуд двинулся к нему навстречу, медленнее, чем обычно, Фарли вдруг подумал, что сама смерть здесь должна быть необычной. Ведь это происходит почти что под окнами зала Торуна. Разве проигравший в этом поединке может умереть, как обычный человек, как забиваемое животное? Неужели он не сможет вместо этого просто взглянуть на свою зияющую рану и признать свое поражение, с приветствием и учтивым поклоном. И, словно покидая поле для безопасных тренировочных занятий, просто уйти прочь среди деревьев, где, возможно, его встретит вышедший к ему Мжолнир или Карлсен, или даже сам Торун?

В глазах Фарли сверкнуло солнце, отразившееся на клинке кривого меча. Джуд постепенно разогревался, начиная нападать с его обычной яростью.

Неожиданно Фарли почувствовал себя свободно и расслабленно. Он был проворнее и сильнее, чем когда-либо в своей жизни. Как будто он вдохнул в себя бессмертие богов только лишь потому, что дышал одним воздухом с ними.

Он с легкостью отразил сабельный удар, как бы не стараясь, но это была совсем не небрежность. И затем он пошел вперед, выбирая наилучший способ, чтобы убить. Фарли то заносил свой длинный меч слишком высоко, то опускал его слишком низко, то давал клинку отлететь совсем далеко в сторону. Со стороны это выглядело,

будто его позиция слабела и он даже начинал почти наяву слышать гневный окрик своего отца. Но все же это была не небрежность ведения боя. Сегодня это было совсем другое. Какую бы тактику ни избрали для него капризы и его нервы — все служило только победе. Он был обречен на победу. Клинок его всегда возвращался в правильное положение как раз вовремя, чтобы отразить саблю. А во время атаки его длинный меч подбирался все ближе и ближе к источнику жизни Джуда.

Для Фарли конец казался предопределенным и только неожиданность, с которой он наступил, несколько его удивила. Он стоял почти разочарованный окончанием поединка, а умирающий Джуд на земле, казалось, хотел что-то сказать. Но его жизнь слишком быстро вытекла из него и слова не прозвучали.

Жрец Елгир прокашлялся: — Омир Келсумба — Томас Граббер! — Сегодня для оглашения имен ему не нужен был список.

Стоя в стороне, Фарли вдруг поразился тем фактом, что в этом круге впервые не будет новых победителей, которые встали бы рядом с ним, изредка отпуская шуточки или комментируя ход поединков. Наблюдая в одиночестве, если не считать жреца, он увидел безоблачное счастье на лице Келсумбы. Очевидно, это был второй из воинов, чувствовавший сегодня благосклонность богов к себе. Совершенно иначе было на душе у Томаса Граббера. Даже до начала обмена ударами его выражение было, как у человека, уже знающего заранее, что он будет побежден.

Двое быстро сошлись в центре ринга. Топор сверкнул с беззаботной уверенностью в том, что Келсумба вскоре окажется равным среди богов.

Копье полетело навстречу стремительно, как бы от отчаяния и безнадежности, однако точно и уверенно, словно его направила рука бога. Невероятно, но этим борьба и закончилась.

Или еще не закончилась? Келсумба продолжал драться, хотя был пробит насквозь тяжелым копьем. Топор его продолжал подниматься и падать, хотя и гораздо медленнее. Томас был пока без повреждений. Однако вместо того, чтобы пятиться назад и ждать, пока не умрет его соперник, он по какой-то причине предпочел броситься вперед и вступить в ближний бой. Когда два человека сцепились в борьбе, то из них двоих улыбался

по-прежнему Омир, а на лице у Томаса было написано отчаяние. Но очень быстро стало ясно, что сильнее был вовсе не Омир, по крайней мере, после того, как он был пронзен копьем. Однако только после того, как Томас вырвал у противника топор и нанес им решающий удар, выражение отчаяния исчезло с его лица.

Затих звон оружия, от которого давно уже умолкли ссорившиеся крылатые существа. В лесу наконец-то стало спокойно и тихо.

Когда Шенберг был около полудня вновь приведен к Андреасу, тот сидел в той же позе, что и в прошлый раз. Верховный жрец начал говорить, как только они остались наедине: — Ввиду того, что мысли о пытках не вызвали у тебя надлежащего и немедленного ужаса и я подозреваю, что применение их могло бы спровоцировать тебя на какие-то необдуманные попытки дезинформировать нас по вопросам, касающимся корабля, я решил, что следует принять крайние меры для твоего устрашения. Ты сам этого добивался.— Андреас вновь улыбался, очевидно, довольный своим острословием.

Шенберг уселся, нисколько не впечатлившись услышанным. Он произнес: — Ну и как это ты собираешься меня устрашать?

— Просто скажу кое-что.

— Андреас, этак я начну терять к тебе всяческое уважение. Если уж угрозы, высказанные тобой прежде, не достигли желаемого эффекта, то не поможет и какой-то шепот о неких великих и безымянных ужасах. Этими штучками ты меня не запугаешь. Точнее, ты вообще не сможешь меня запугать, по крайней мере, таким способом, каким хочешь этого добиться.

— Ну, а мне думается, я смогу. Мне думается, что я знаю, чего по-настоящему может бояться такой человек, как ты.

— И что же это?

— Пожалуй, я добьюсь своей цели, произнеся перед тобой всего одно только слово.— Андреас игриво хлопнул ладонями.

Шенберг ждал.

— Это слово — его имя.

— Торун. Я это знаю.

— Вовсе нет. Торун — это игрушка. А мой бог — настоящий.

— Ну, хорошо. Говори свое страшное слово! —

Шенберг поднял брови с почти веселым вопрошающим видом.

Андреас прошептал три слога.

Шенберг не сразу ухватил смысл сказанного. Сперва он был просто в недоумении.— Берсеркер,— повторил он, откинувшись в кресле с недоумевающим лицом.

Андреас ждал, спокойно и уверенно, ибо его бог пока что никогда не подводил.

Шенберг произнес:

— Ты хочешь сказать... а-а я начинаю понимать. Значит, он действительно был здесь целых пятьсот лет и вы ему служите?

— Вскоре я собираюсь преподнести богу Смерти специальную жертву, состоящую из людей, нам более не нужных. Могу показать это и тебе, тебя это должно убедить.

— Да, я верю, что ты можешь мне показать это. Я тебе верю. Хорошо. Это, конечно, расставляет все по-другому, но отнюдь не так, как тебе хочется. Уж если я не захотел помогать в местной войне, то никак не намерен содействовать массовому уничтожению.

— Шенберг, когда мы покончим с этой планетой — а мы это сделаем — когда она уже будет умирать, мой бог обещает, что двигатель корабля можно будет легко восстановить для того, чтобы вывести его снова в космос и, после нескольких лет странствий, достичь другой звезды, планеты, у которой загрязнены мерзкими нечистотами жизни. Я и немногие другие члены Внутреннего круга отправимся в это путешествие, продолжая нести ношу отвратительной жизни в наших собственных телах, чтобы мы смогли избавить от нее множество обитателей иных миров. На твоем корабле имеются аварийные системы восстановления, которые обеспечат нас в достаточной степени питанием и прочим на многие годы.

Этот полет, как я уже сказал, продлится много лет. Если ты не согласишься сотрудничать со мной с этого же момента, ты полетишь с нами как пленник. Ты не умрешь. Есть способы предотвратить и самоубийство, как уверяет мой хозяин, разные там методы обработки твоего мозга. Он займется этим, когда у него будет на это время.

Ты будешь нам полезен в этом предприятии, ибо нам потребуется слуга. Тебя не будут мучить — то есть, не

слишком сильно за один раз. Я позабочусь, чтобы твои страдания не были слишком острыми, что позволило бы тебе отличать один день твоего существования от другого. Я сам могу умереть до того, как закончится наше путешествие. Но некоторые мои помощники молоды и они будут исправно исполнять мои приказы. Я понимаю, что вы — земляне, живете долго. Я думаю, что ты — как это называли древние земляне? — лишишься рассудка. Никто и никогда не оценит твоих подвигов. Некому будет оценивать. Но я предполагаю, что ты смог бы продолжать свое существование до возраста в пятьсот лет.

Шенберг не шевелился. Но теперь на его правой щеке дернулась мышца. Голова слегка наклонилась, плечи обвисли.

Андреас изрек: — Я бы сам предпочел увидеть, как ты воспримешь услышанное энергично. Или с благородным видом. Если ты будешь сотрудничать в моих планах, для тебя можно устроить другое будущее. Тебе нужно лишь помогать нам делать то, что мы будем делать и без тебя.

Если поможешь нам, я дам тебе,— Андреас поднял руку с едва разделенными большим и указательным пальцами,— один только мизерный шанс, в самом конце. Ты не победишь, но сможешь сделаешь попытку и умрешь достойно!

— Какой еще шанс? — Голос Шенберга звучал теперь тихо и безнадежно. Он часто моргал глазами.

— Дам тебе меч, позволю тебе сделать попытку пройти с ним через одного из моих бойцов, дойти до берсеркера и порубить его на куски. Его кабели весьма уязвимы для такого нападения.

— Ты этого никогда не допустишь! Это же твой бог!

Андреас молча ждал.

— Как я могу убедиться, что ты действительно это допустишь? — Слова вылетали, как будто бессознательно.

— Ты теперь знаешь, что я сделаю в случае твоего отказа сотрудничать с нами.

Молчание в небольшой комнате повисло надолго.

Всего три человека, не считая раба или двух, остались на ногах под приятной тенью деревьев парка богов, где кроме них никого не было. Фарли и Томас стояли друг против друга, глаза их встретились, как будто у

двух незнакомцев, случайно столкнувшихся в необитаемой местности, где каждый из них не рассчитывал никого встретить. В стороне жрец давал приказания рабам. Затем комья земли полетели с лопаты, начавшей копать новую могилу.

Фарли опустил глаза на то, что лежало на земле. Джуд не улыбнулся, глядя на свою рану, и не отправился на блаженную прогулку среди деревьев. Келсумба тоже не смеялся на пути к бесконечному пиршеству среди богов. Фарли не хотелось оставаться на этом месте и смотреть, как их сваливают в неглубокую яму. Чувствуя, как медленно пропадает ощущение своей неуязвимости, он повернулся и в который раз начал подниматься вверх по дороге.

Томас Граббер, все еще вытирая свое копье, молча пошел сзади в дружелюбном настроении. Они шли впереди жреца. В этом месте тротуар дороги был очень гладким и хорошо ухоженным. Он был аккуратно огражден камнями, уложенными таким образом, что это напомнило Фарли некоторые парадные дорожки в большом поместье его отца.

Затем с удивительной обыденностью, как показалось Фарли, они миновали последние деревья леса и огибали последний поворот дороги. Открылась аллея, и по обеим сторонам вдалеке показались сады и парки. Впереди дорога пролегала через тридцать-сорок метров хорошо ухоженной лужайки и затем упиралась в город-крепость богов. Дверь, к которой вела эта дорога, была сделана из массивных бревен, скрепленных кованым металлом. Сейчас она была плотно закрыта. Высокая стена города под лучами солнца выглядела ослепительно белой. Теперь Фарли находился достаточно близко, чтобы увидеть, из каких огромных и тяжелых камней она сложена. Он удивился, как же надо было их протравливать или раскрашивать, чтобы добиться такого эффекта, что они выглядели выточенными из кости.

Внутри у него ничего не шевельнулось, когда перед собой он увидел главную цель их борьбы — дворец, где жил Торун. Чувство бессмертия быстро улетучивалось из него.

— Томас,— произнес он, призывая остановиться.— Все это как-то слишком заурядно.

— Что ты имеешь в виду? — дружелюбно переспросил Томас, останавливаясь рядом.

Фарли молчал. Ну как объяснить свое разочарование? Он и сам плохо понимал, что с ним происходило. И он сказал первое, что пришло на ум: — Нас было шестьдесят четыре, а теперь мы остались с тобой вдвоем.

— А как иначе могло быть? — резонно спросил Томас.

Через скалы у ворот, ведущих к Торуну, пробились и проросли несколько сорных растений. У обочины дороги лежали лепешки высохшего помета каких-то вьючных животных. Фарли откинул голову назад и закрыл глаза. Он застонал.

— Что с тобой, приятель?

— Томас, Томас. Ну а ты что видишь здесь, что ты чувствуешь? У меня вот появились неожиданные сомнения.— Он взглянул на своего спутника, как бы взывая о помощи.

Томас покачал головой.— О, мой друг, нет никаких сомнений в нашем будущем. Нам с тобой суждено драться, а потом один из нас пройдет живым через эти ворота.

Ворота были перед ними — грубо сработанные обыкновенные ворота, укрепленные полосами кованого металла, изношенные слегка в нижней части от трения ног проходящих сквозь них мужчин и женщин, рабов и животных. За такими воротами просто не могло быть ничего, существенно отличавшегося от того мира, в котором находился сейчас Фарли и в котором прошла вся его жизнь. Если же он дойдет до ворот храма, будет ли хоть что-то особенное там внутри?

Жрец Елгир, которого они оставили позади, теперь подошел к ним и, бросив на Фарли взгляд с неловкой улыбкой, прошел дальше. Несомненно, какой-то невидимый наблюдатель за стенами заметил приближение жреца, так как в этот момент ворота слегка приоткрылись изнутри. Другой жрец высунул голову и смерил Фарли и Томаса безразличным взглядом.— Из них кто-нибудь ранен? — спросил он у Елгира.

— У одного повреждена ладонь, нельзя пользоваться кинжалом. Но вроде бы его мало это беспокоит. У второго рассечена рука. Ничего серьезного — мышца не затронута.— Два жреца принялись переговариваться тихими голосами и Фарли не смог расслышать, о чем. Между тем другие головы, явно аристократические, начали появляться над стеной. Было очевидно, что их владельцы стояли на каком-то высоком пьедестале с

внутренней стороны стены. Двух финалистов турнира Торуна рассматривали, как рассматривают рабов на аукционе. Томас Граббер закончил вытирать свое копье и теперь стоял, опираясь на него, переступая с одной ноги на другую и вздыхая.

— Прикажи подождать двоим участникам,— небрежно бросил кто-то за стеной.— Верховный жрец передал, что он собирается присутствовать на финальном поединке. Сейчас он занят каким-то специальным жертвоприношением богам.

XI

После разговора с человеком в сером (чье имя он так и не узнал), Суоми вздохнул одновременно с облегчением и от усталости, когда добрался до подножия небольшой горы и не был обнаружен и схвачен людьми Андреаса. Необходмо было как-то ухитриться снова попасть на корабль, прежде чем он мог надеяться предпринять что-либо. Ни в коем случае нельзя было попадаться, пока он не достигнет горы — места стоянки корабля.

Судя по показаниям индикатора на казенной части ружья, в нем оставалось энергии только на шесть выстрелов. Суоми *мог выбросить оружие еще в лесу, если* бы не боялся,что какой-нибудь глупец наткнется на него и случайно убьет себя *или еще кого-то. Он предлагал* ружье человеку в сером, когда они собирались расставаться, однако тот отказался.

— Я должен оставаться рабом,— сказал житель планеты Охотников.— Ни один раб не может принести в город подобный предмет без того, чтобы его сразу же не стали расспрашивать. Кроме того, я не знаю, как им пользоваться, и пусть лучше у каждого будет свое оружие.

— Ну, что ж, каждому свое,— ответил Суоми, протягивая руку для прощального рукопожатия.— Удачи тебе с твоим оружием! Надеюсь встретиться там, в городе.

Сейчас у подножия холма Суоми заметил, что уже была протоптана дорожка, ведущая от нижней части

подъемной тропы и далее вверх к лесу, в направлении города. Он также обнаружил, что не осталось никаких следов разбитого робота. Он даже сначала не мог определить место, где тот лежал. Затем Суоми понял, что массивное дерево, поверхность которого была повреждена выстрелами ружья, вообще было спилено. На его месте остался пень со следами недавней аккуратной работы пилой, а поверхность среза была замазана грязью, чтобы она не выглядела свежей. Само дерево каким-то образом было убрано. Здесь явно были потрачены большие усилия для уничтожения всяких признаков происшедшего. Но неизбежно несколько человек было занято этой работой по очистке и хотя бы один из них, видимо, проговорился, в результате чего человек в сером уже знал о происшедшем в виде слухов. Но это и к лучшему!

Достигнув начала подъема, Суоми высвободился из ружейного ремня и сбросил оружие на землю. К своей радости, он обнаружил, что подъемная веревка была все еще на своем месте. Поборов свой дурацкий порыв повернуться в последний момент и убежать, чтобы опять прятаться в лесу, Суоми стиснул зубы, взялся за веревку и начал карабкаться вверх. Из-за слабости и боли теперь он вынужден был держаться обеими руками даже на той легкой части склона, на которой прежде он мог быстро подниматься на одних ногах.

Суоми продвинулся еще совсем немного, когда сверху показался солдат, который глянул вниз, увидел Суоми и начал кричать. Суоми не обращал внимания на крики и продолжал медленно взбираться наверх. Крики не прекращались. Суоми взглянул вверх и увидел, что солдат поднял копье и готовился бросить его.

— Если ты проткнешь меня этой штуковиной,— наконец закричал Суоми,— тебе придется меня тащить. Посмотри на меня хорошенько! Неужто я так опасен, что испугал тебя? — Мышцы его живота напряглись в предчувствии удара копьем, но его не последовало. Крик прекратился и уже в другом месте послышался разговор. Раздавались и другие мужские голоса. Суоми не старался разобрать, о чем они говорили и больше вообще не смотрел вверх. Чувствуя головокружение от голода и усталости и ноющую боль в ране, он преодолевал скалистый подъем, казавшийся ему бесконечным, пока, наконец, не смог подтянуться и выбраться на

ровную горизонтальную поверхность в конце тропы.

Когда Суоми поднялся, то заметил почти под ногами пенистый матрас, но никаких следов Барбары не было видно. Полдюжины людей, четыре солдата и два жреца, одетые в платья с пурпурной каймой, окружили Суоми, выкрикивая угрозы и приказания, почти сталкивая его с холма вытянутыми мечами и нацеленным копьем. Наконец, один из жрецов повысил голос и сразу установился порядок. Солдаты опустили свои оружия, проворно раздели Суоми и обыскали его, затем порылись в его одеждах и швырнули их назад ему.

— Что вы сделали с девушкой, которая была здесь? — спросил он во время обыска. Никто не ответил ему.

— Ведите его в корабль! — приказал солдатам один из жрецов.

— Надо бы вначале включить коммуникатор и спросить у Андреаса,— предложил второй. После небольшого обсуждения они пришли к соглашению и отвели Суоми по трапу к открытому входному люку. Там они оставили его на некоторое время, при этом двое солдат держали его за руки. Его сторожа были необычно крупными и сильными людьми. И после первоначального переполоха при его захвате теперь они выполняли приказания точно и быстро.

Суоми хотелось сесть, но он не был уверен, удастся ли ему после этого встать. Он слышал голоса со стороны кабины управления. Это было похоже на разговор при помощи коммуникатора между кораблем и еще каким-то другим местом. Оказывается, десантники Андреаса обладали большей технической смекалкой, чем Суоми мог предполагать. Это уже хуже!

Вскоре один из жрецов возвратился из кабины управления и остановился перед Суоми, критически осматривая его.— Андреас занят жертвоприношением. Пожалуй, этого надо отвести в корабль и запереть в его каюте. Здесь уже все осмотрено много раз — оружия тут нет. Инопланетянин, что-то ты плохо выглядишь.— Мне бы поесть немного...

— Ну, уж голодом морить мы тебя не станем. Хотя потом ты можешь пожалеть об этом.— Он подал знак солдатам отвести Суоми внутрь корабля.

У входа в кабину управления жрец обернулся: — В этом месте держите его особенно крепко!

Они отвели его в кабину управления и совершенно правильно старались держать его покрепче. Иначе еще оставалась призрачная надежда, что он сможет броситься на панель управления двигателем и, прежде чем его схватят, уничтожить корабль. Но теперь не было никакой надежды — руки его были крепко схвачены и вырваться он не смог бы и в самые лучшие свои дни. А уж этот день был отнюдь не самый лучший в его жизни!

В большом центральном пилотском кресле сидел еще один жрец.

На экране перед ним были лица двух человек, которые, похоже, находились в тускло освещенной каменной комнате. На заднем плане виднелся какой-то жрец, а впереди был Шенберг.

— Итак,— говорил жрец, сидевший в кресле пилота, обращаясь к экрану,— ты сказал, что если корабль наклонится больше, чем на десять градусов во время ручного управления, то автопилот включится автоматически?

— Да,— произнесло изображение Шенберга на экране.— Если только искусственная гравитация выключена. Отклонился на десять градусов и получай режим автопилота.

— Шенберг! — закричал Суоми.— Не помогай им. Они подчиняются берсеркеру! Не делай ничего, что они просят!

Лицо Шенберга отреагировало, хотя почти бесстрастно, он повел глазами, возможно, прослеживая прохождение Суоми по кабине управления на портативном экране, взятом с корабля. Сопровождающие Суоми не пытались ни заткнуть ему рот, ни тащить его быстрее.

— Шенберг! Здесь берсеркер!

На экране глаза Шенберга закрылись. Лицо его выглядело смертельно усталым. В корабль донесся его утомленный и даже скучный голос: — Суоми, я знаю, что делаю. Иди с ними, куда надо. Не усложняй ситуацию хуже, чем она есть на самом деле.

Окруженный охраной, Суоми вышел из кабины управления в узкий проход, ведущий к каютам и двинулся быстрым шагом. Двери большинства комнат и отсеков были распахнуты, открывая сцены беспорядка, однако дверь комнаты Барбары была закрыта. У этой

двери стоял, прислонившись и со скучающим видом, солдат.

— Девушка там? — спросил Суоми. И на этот раз никто не ответил ему. Он подумал, что теперь уже не имеет значения, там она или нет.

Его сторожа откуда-то знали, где его комната — возможно, они обнаружили его имя на каком-нибудь предмете внутри его каюты, а может быть, Шенберг зачем-то рассказал им все подробности о корабле. Когда Суоми впихнули в комнату, он увидел в ней такой же беспорядок, как и в других ранее увиденных комнатах, да и чего было ожидать после нескольких тщательных обысков. Было непохоже, чтобы они разбивали что-нибудь преднамеренно. Неплохо и это!

Его оставили одного и закрыли за ним дверь. Несомненно, снаружи тоже будет стоять, прислонившись, стражник. Поскольку комната не предусматривалась в качестве тюремной камеры, то дверь в ней запиралась только изнутри. К сожалению, она не предусматривалась и как крепость. Хотя дверь была толстой и звуконепроницаемой, скорее всего, пара вооруженных решительных людей могла бы быстро ее взломать. Тем не менее Суоми спокойно закрыл замок.

Затем он встал рядом со своей койкой, где в стене была встроена панель управления внутренней связью, и замер с поднятой рукой. Можно попробовать связаться с Барбарой таким способом. Но что он ей мог сказать? Кто-то из врагов вполне мог находиться в ее комнате и услышать все. Пытаться успокаивать ее, вселять в нее какую-то надежду — все это было бесполезно и даже хуже того. Он перевел регулятор в положение приема без ответной передачи и оставил его так.

После этого он налил себе стакан холодной воды из небольшой раковины. Открыл медицинский ящичек, выбрал антибиотик и обезболивающее. Там же он отыскал медицинскую повязку для самой болезненной из его ран — царапины на ноге, которая почему-то воспалилась. После этого, только лишь взглянув на долгожданную уютную постель, он прошел к маленькому письменному столу, где хранил свои личные камеры и звукозаписывающий аппарат. Эти предметы, как и все остальное, были осмотрены и разбросаны. Он открыл ящики и порылся в углах. Все было в беспорядке, но, казалось, не пропало и не было разбито ничего из того,

что ему было сейчас нужно. Суоми вздохнул с облегчением, и этот вздох сменился новой фазой волнения. Пора было сесть и заняться работой.

* * *

В своем подземелье, глубоко запрятанном под храмом, берсеркер ощутил отдаленное пение пяти знакомых мужских голосом где-то наверху. Оттуда же донеслись звуки движения четырнадцати человеческих ног. Манера ходьбы соответствовала таким процессиям, которыми люди обычно начинали свои жертвенные ритуалы. Привычный анализ звуков позволил берсеркеру распознать среди участников процессии не только пятерых из знакомых ему приближенных, но и два других незнакомых ему человеческих организма — один мужской и один женский. Принудительно и вместе с тем привычно берсеркер сконцентрировался всеми своими датчиками на незнакомом мужчине, который слегка спотыкался, ступая босыми ногами на верхней части длинной каменной лестницы, явно незнакомой ему, когда процессия начала свой спуск из храма Торуна. Так же, как он обычно делал это при появлении любого незнакомого мужчины, берсеркер попытался идентифицировать его с другим мужчиной, чьи персональные характеристики хранились с наивысшим приоритетом в его банках данных.

Со времен его поломки и почти полного уничтожения в битве, происшедшей пятьсот две целых семьдесят две сотых стандартных лет назад, чувствительные датчики берсеркера притупились и настолько потеряли достоверность, что стали немногим лучше человеческого зрения и слуха. Но процессия постепенно приближала неизвестного мужчину и вероятность его идентификации с главной целью быстро уменьшалась до совершенно незначительного уровня. Берсеркер мог теперь переключить свое внимание на другие предметы.

В электроядерном мозгу берсеркера не было ни удивления, ни нетерпения, но там определенно было понимание того, что некоторые события значительно более вероятны, чем другие. Следовательно, в этом смысле берсеркер как бы удивился, когда вычислил, что сегодня ему должны поднести две человеческие жертвы вместо одной человеческой или просто животного, как часто это случалось.

За все время, прошедшее с того боя, когда он был подбит, с тех пор как человеческая доброта на этой планете спасла его от разрушения и начала предлагать ему почести, берсеркер всего несколько раз получал более одной жертвы сразу. Пролистывая сейчас свои банки памяти и сравнивая данные, он обнаружил, что такие случаи неизменно совпадали с периодами особых эмоциональных волнений среди его почитателей.

Один такой случай совпал с празднованием окончательной победы над особо упорным вражеским племенем, победы, достигнутой благодаря выполнению военного плана, подготовленного берсеркером для своих последователей и переданного им в виде божественной команды. Тогда за один день ему были принесены в жертву семьдесят четыре человеческих организма, все из побежденного племени. В другой раз многочисленные жертвоприношения были преподнесены ему при совершенно другом настроении тех, кто его совершал. Тогда они умоляли о помощи, ибо это был период великого голода. Из этого бедствия берсеркер вывел своих последователей и их племя, наведя их на мысль разграбить богатые земли и начертав для них маршрут похода, в чем помогли ему старые боевые карты поверхности этой планеты. А сейчас он вычислил, что успешный захват звездолета и приближающееся завершение долгих попыток найти способ стерилизации этой планеты должны были также вызвать сильные эмоции среди нынешнего поколения его добровольных прислужников.

Берсеркер не воспринимал эмоции и только под действием особых обстоятельств он пытался работать с тем, чего не понимал. Например, модели стимуляции и реакции, именуемые страхом и страстью, поначалу казались легко вычисляемыми в людях, так же как в животных, обладавших менее опасным интеллектом. Но за период более пятисот лет попытки добиться успешного контроля за человеческой психологией, чтобы использовать эти модели для манипуляции человеческими организмами, не дали абсолютного результата. Берсеркер раз за разом погружался в глубины и сложности поведения, недоступного его пониманию. Принимать поклонения означало пытаться использовать такие модели, которые были еще более глубокими и сложными, и все это было чрезвычайно ненадежным средством достижения его цели. Но лучших средств не было и

только после захвата звездолета начало казаться что, наконец-то, дело идет к успешному завершению.

Теперь процессия завершила спуск по лестнице и входила в комнату берсеркера. Первым вошел Верховный жрец Андреас, одетый по такому случаю в красно-черное платье, после того как бело-пурпурные одеяния служителя Торуна были тайно сброшены наверху, в храме Торуна. Одеяния, в которых Верховный жрец появился для служения своему истинному богу, были густо и неустранимо запачканы ржавыми пятнами старой крови.

Вслед за Андреасом вступили Гус Де Ла Торре и Селеста Серветус, их запястья были связаны за спиной. Одеты они были во все белое, на головах у них были надеты венки из живых цветов, которым суждено было быть разбросанными на полу для увядания. Далее следовали четыре жреца из Внутреннего круга, на которых ради намеченного обряда также были надеты платья красно-черного цвета, тоже перепачканные кровью, как и у Верховного жреца.

Андреас и остальные четверо, выполнявшие обряд жертвоприношения, начали совершать привычные поклоны и петь литании, в то время как жертвы, как обычно, наблюдали это с неуверенностью и нарастающим страхом. Берсеркер давно заметил, что применяемые в этих ритуалах слова и действия несколько изменялись, пока шли стандартные столетия и долгие планетарные годы. Однако постепенно они становились все более замысловатыми. Сейчас он был спокоен. Он давно понял, что чем меньше он говорит во время церемонии, тем лучше. Тем самым он не только уменьшает риск смутить своих почитателей и нарушить их иллюзии, произнеся что-то, не совпадающее с их непостижимым психологическим настроем, но и увеличивает свою важность и значительность, которую так ценят люди и тем выше, чем реже он высказывается.

Двое жрецов взяли музыкальные инструменты и теперь ритм барабана и завывание трубы смешались с песнопением. Музыка воздействовала и изменяла ритм альфа — волн мозга, а также ритмы других биологических процессов у всех присутствующих людей.

— Гус, помоги мне! Помоги! О, боже! Нет, нет не-е-е-ет!

Так закричала женщина, полностью разглядев, нако-

нец, покрытый пятнами алтарь, расположенный как раз перед ней, и, очевидно, осознав его назначение, как раз в тот момент, когда два *жреца, которые не играли на* инструментах, приблизились, чтобы сорвать с нее венки и одежды и приковать ее цепями на камнях. Берсеркер спокойно взирал, не смогут ли Гус или Боже (кем бы ни были эти объекты) прийти на помощь женщине, хотя из опыта, насчитывающего семнадцать тысяч двести шестьдесят один случай подобных воплей о помощи, он знал, что такая вероятность была исчезающе малой. Женщину прикрепили к алтарю и помощь не пришла к ней. Ее пронзительные крики не прекращались, когда Андреас вытащил острый инструмент и удалил из ее живого тела наиболее близко связанные с воспроизводством жизни и питанием младенцев органы. Он бросил их перед берсеркером, демонстрируя символический и подлинный триумф смерти над самими источниками жизни. Затем более глубоко было произведено вскрытие ее живота и из ее организма извлечен центральный кровеносный насос, после чего женщина почти мгновенно прекратила функционировать.

Теперь наступило время второй жертвы лечь на алтарь.

— Нет. Послушайте, друзья мои, я с вами. Нет, нет. Только не я. Ну как это так? Подождите. Давайте поговорим, вы делаете ошибку. Я буду за вас! — И вслед за этим бессловесный, безнадежный крик, когда его ноги были выдернуты из под него и его голого швырнули на камни.

Зачем должен мужской организм продолжать такую отчаянную борьбу, когда он должен ясно понимать, что шанс благоприятного результата такой борьбы уже астрономически мал? Но вот, наконец, мужчина *прикован* цепями.

— Я буду вам помогать! Я сделаю все, что вы захотите. О! А! Нет! Пожалейте меня, пожалуйста...— Еще один крик и его органы воспроизводства также удалены и брошены в кровавое месиво женских частей и затем ткани его живота разошлись под *острым ножом в руках* Верховного жреца, а затем его сердце, еще пульсирующее, протянуто в дар богу Смерти.

— Это хорошо, это приятно,— произнес берсеркер, обращаясь к пяти покрытым кровью и сияющим от счастья мужчинам, умиротворенно стоявшим перед ним.

Стихли барабан, труба и голос. В комнате воцарилась тишина. Пятеро, продолжавших нести на себе груз жизни, постепенно переходили в состояние эмоционального расслабления.

— Я удовлетворен,— повторил берсеркер.— Теперь ступайте и подготовьте перемещение звездолета ко мне сюда, чтобы мы смогли начать подключение моих проводов к его системам управления. Только когда это будет сделано, сможем мы начать перестройку его двигателя.

— Сегодня или завтра, О, Смерть, мы доставим тебе звездолет,— сказал Андреас.— Как только мы убедимся, что Лашез может уверенно управлять им, мы опустим его в эту шахту. Завтра мы также приведем сюда новую человеческую жертву.

— Это будет хорошо.— В этот момент берсеркер обнаружил вероятность новой проблемы.— Многие ли из ваших людей удивлены или любопытствуют относительно корабля? Есть ли беспокойства из-за его появления?

— Некоторое любопытство замечено, о, Смерть, но я с этим разберусь. Сегодня в полдень произойдет событие, после которого люди не смогут ни о чем другом ни думать, ни говорить. Торун выйдет в город и проявит свою силу.

Берсеркер попробовал вычислить возможные результаты такого события и обнаружил, что не может успешно справиться с многочисленными абстрактными фактами.— В прошлом ты всегда с осторожностью выпускал Торуна напоказ.

— Лорд Смерть, толпа не сочтет божественным созданием никого, ежедневно появляющегося на улице. Однако будущее Торуна в любом случае недолговечно. Самое большое — одна тридцатая жизни старого человека — и народам этого мира больше не будет нужен никакой бог, вернее никакой бог, кроме тебя.

Берсеркер решил в этом вопросе довериться своему доброму прислужнику. До сих пор он никогда не подводил своего бога.— Пусть будет так, верный Андреас. Продолжай служить Смерти так, как считаешь лучше.

Андреас низко поклонился и вслед за этим люди начали ритуал прощания, куда входила и уборка сотворенного им беспорядка.

Берсеркер привычно рассчитал, что за сегодняшний день прибавились две смерти, что было хорошим, хотя

и скромным достижением. Однако, как обычно, при этом затраты времени и энергии на ритуальные жертвоприношения были значительными, а это было уже нехорошо.

Берсеркер никогда не требовал ни боли, ни страха. Убийство, простое убийство без конца, до тех пор, пока жизнь еще существует — вот все, что он хотел. Он совершенно не требовал, чтобы кому-то причиняли боль, которая по сути была проявлением жизни и, следовательно, для него была злом.

Он позволял проведение пыток только потому, что причинять другим боль так нравилось людям, которые служили ему.

XII

Два финалиста турнира все еще продолжали ждать за городскими воротами.

— Томас, почему с нами так обходятся? Совсем не обращают внимания. Почему мы должны здесь ждать, словно торговцы или музыканты, или актеры, без всяких почестей? Разве мы не стали теперь почти богами или же это просто какая-то последняя стадия испытания?

— Мой глупый высокородный друг! — произнес Томас с симпатией и продолжил после долгой паузы.— Ты еще всерьез думаешь, что там есть боги?

— Я — Фарли давно уже не мог усидеть на месте от беспокойства, а тут он вообще вскочил на ноги от мучившей его мысли.— Помоги мне, Торун! Я уже ничего не знаю.— Его признание в сомнениях надолго повисло в воздухе, для Фарли время тянулось бесконечно, но и за это время, насколько он мог судить, Торун ничего не сделал.

— Эй, вы, там! — Внезапно заорал Фарли на жрецов, которые все еще разглядывали их из-за стены. Изумленные глаза повернулись к нему. Жрец Елгир ушел недавно в город, обещая вскоре вернуться.

— Что? — неуверенно откликнулся один из них.

— Мы теперь равные богам или же нет? Какую встречу вы подготовили для нас? Лерос узнает обо всем

и сам Верховный жрец тоже! — Тут он замолчал, как будто внезапно наткнулся на невидимую стену и его пылающий гнев сгорел так же быстро, как и вспыхнул.

— Томас,— прошептал он.— Ты слышал, что я сейчас сказал? Не Торун узнает, а Верховный жрец узнает. Я теперь знаю, в кого я верю.— И опять его лицо стало гневным, но на этот раз спокойным и горестным.— И зачем я тогда здесь?

Его громкий протест произвел некоторый эффект на жрецов и один из них начал говорить успокоительно, чуть ли не извиняясь. Но Фарли не желал слушать. Продолжая обращаться к Томасу, он спросил: — Скажи-ка, а что будет, если мы с тобой решим не драться? Повернемся к ним спиной и займемся каждый своим делом?

Томас был охвачен страхом и смотрел злым взглядом, покачивая головой в молчаливом осуждении. Но Фарли прорвало. С нарочитым презрением он повернулся спиной ко всем и начал удаляться. Томас бросил быстрый взгляд на жрецов и прочитал в их глазах желание того, чего они хотели. Фарли не прошел еще и десяти шагов, как Томас догнал его и преградил ему путь. Уже не в первый раз Фарли удивился тому, как легко передвигается такой тяжеловесный человек.

— Томас, давай мирно уйдем отсюда.

Но тот опустил копье и покачал головой.— Этому не бывать!

— Да брось ты! Если тебе еще не надоело сражаться, то, несомненно, нам еще предстоит заниматься этим по дороге. Эти добренькие дяди, изображающие из себя богов, пошлют за нами своих солдат и вряд ли мы доберемся до подножия горы живыми. Но мы умрем в настоящем бою, как подобает мужчинам, и не станем умирать на потеху обманщикам. Пойдем!

В Томасе все еще не было злости, однако настроен он был решительно.— Фарли, я собираюсь остаться живым и доказать этим людям, что я — самый сильный воин в нашей стране. Если же я не одолею тебя, то мое доказательство будет неполным. Вперед! Давай сразимся!

Копье было давно уже опущено и теперь Фарли увидел легкое движение плеча Томаса. Он понял, что последует удар. Фарли выхватил свое оружие и в то же время отпрыгнул, уворачиваясь от копья. Фарли вступил в бой, другого выхода не было. Когда он ударил

своим мечом, то рука его была, как всегда, сильной. Однако чего-то сейчас *не хватало или в характере, или* в душе.

Он не чувствовал страха. Все дело было в том, что он хотел просто уйти и не участвовать в этом обмане. Его ноги несли его по направлению к идущей вниз дороге вместо того, чтобы устремлять его вперед для борьбы и убийства. Внезапно он почувствовал, что его живот распорот копьем.

Фарли обнаружил, что он лежит лицом вниз на мягком покрытии. Неплохо, произнес его отец, протягивая руку, чтобы помочь ему встать, но тебе следует больше упражняться. О, отец. Я так сильно старался. Затем Фарли увидел себя беззаботно идущим по зеленому парку Богов, но белые стены были у него сзади, а не спереди и направлялся он прямо к себе домой.

Когда Томас убедился, что последний побежденный в этом турнире был мертв, он наклонился и снова принялся вытирать свое копье. Он очищал копье дорогим плащом Фарли, ткань которого все равно уже была испорчена за несколько дней и ночей под открытым небом и в многочисленных сражениях.

Когда оружие было настолько чистым, насколько он мог этого добиться, Томас снова прикрепил к копью ремень и закинул его за плечо. Те же самые лица продолжали наблюдать за ним из ворот и с верха стены. Они смотрели с легким одобрением, словно зеваки, увидевшие уличную потасовку. Никто из людей не промолвил ни слова.

— Ну вот,— провозгласил Томас, чувствуя какое-то раздражение,— вы все видели. Вот он я перед вами! Шесть поединков против *самых лучших бойцов всего* мира — и все они мертвы, а у меня только одна *легкая* царапина.

— Андреасу не понравится, что он не увидел последний поединок,— произнес кто-то. Другой крикнул Томасу: — Потерпи немного. Скоро должен подойти Верховный жрец. Если хочешь, можешь войти в ворота.

Томас решил захватить с собой в город Фарли в качестве трофея, как символ всех своих побед. Он присел и с ворчанием поднял еще теплое обмякшее тело на ноги. Фарли оказался тяжелее, чем можно было судить по его некрупной фигуре и к городским воротам Томасу пришлось ступать медленными и тяжелыми шагами.

Ворота распахнулись перед ним после того, как он немного постоял перед ними с быстро растущим нетерпением.

Внутренний облик города сразу же его разочаровал. Ворота выходили на маленькую вымощенную камнем площадь шириной около двадцати метров. Площадь полностью была окружена зданиями и стенами, которые были немного ниже внешней стены города, через которую он только что прошел. Во внутренних стенах было видно несколько ворот, но все они были или закрыты, или за ними возвышались другие стены. В результате не было ничего интересного ни с одной стороны. Еще несколько людей высокого и низкого звания смотрели на Томаса со стен и из окон. Не видя, куда бы ему направиться, Томас наклонился и аккуратно опустил свой кровоточащий груз.

Поблизости журчал небольшой фонтан. Томас подошел к нему, чтобы напиться, видя, что никто не стремится поднести ему забродившее молоко или вино. Люди на стенах перестали его разглядывать и расходились по своим делам. Время от времени появлялись другие, смотрели на него и также уходили прочь. Тут и там сновали рабы, занятые своими поручениями. Караван вьючных животных вошел через внешние, все еще открытые ворота, и миновал Томаса, едва не толкая его.

Человек, который со стены пригласил его войти, теперь куда-то исчез. Томас огляделся, но рядом некого было даже обругать за плохое обращение. Неужели он должен рыскать по всему городу наугад, хватая прохожих за руки и расспрашивая, куда ему идти? Где большой зал Торуна? Меня там ждут.

Они сказали, что скоро должен прийти Верховный жрец. Томас с достоинством уселся на краю фонтана и спокойно сидел там пока по площади медленно скользили тени, покорные движению солнца. В какой-то момент в его мысли вторглись урчащие и глотающие звуки. Маленькое голодное домашнее животное наткнулось на забытое всеми тело Фарли. Томас быстро поднялся, сделал пару шагов и пнул зверька под ребра так, что тот пролетел до середины площади. После этого он снова вернулся к фонтану и застыл в неподвижном ожидании.

Когда он, наконец, услышал приближающиеся шаги и поднял голову, чтобы высказать свой гнев, то обнару-

жил, что это был всего лишь Лерос, ссориться с которым было нечего. Лерос выглядел болезненно или, по крайней мере, заметно старше, чем всего несколько дней назад.

Стоя перед ним с разведенными руками, Лерос пробормотал: — Я очень сожалею, Лорд Томас. Говорят, что скоро придет Андреас, но я не знаю, как он планирует тебя встретить. Если бы я был Верховным жрецом, все было бы иначе. Позволь мне поздравить тебя с победой.

Томас поднялся в полный рост.— Где Верховный жрец Андреас? — громко воскликнул он, оглядывая безымянные лица на стенах и в окнах. Внезапно их количество стало увеличиваться, с каждым моментом все больше людей выглядывало на площадь. Что-то должно было произойти. Зрители все прибывали.— Ну, так где же он? Мне уже надоело такое скверное обращение?

— Говори уважительнее! — резко оборвал его высокий человек с царственным видом, стоявший в безопасном месте на высокой внутренней стене.

Томас смерил его взглядом и решил продолжать в том же духе. Он хорошо знал, что именно такая манера дает лучшие результаты.— Уважительнее? Сейчас я сам — бог, верно? Или, по крайней мере, полубог! А вот ты, судя по твоему виду, всего лишь человек.

— Правильно сказано,— сурово произнес Лерос, обращаясь к человеку на стене. Тот выглядел рассерженным, но прежде чем он сумел сказать что-то в ответ, по площади пробежал какой-то шепот и общее внимание переключилось на другое. Самые маленькие и наиболее замысловато украшенные из внутренних ворот, выходивших на площадь, открылись изнутри. Послышался скрип шагов по аккуратной каменистой дорожке, открывшейся за этими воротами, и оттуда вышел высокий человек с костлявым лицом, в одежде которого было больше пурпурного, нежели белого. По реакции окружающих Томас понял, что это Андреас.

— Ты, должно быть, Томас Граббер,— приветливо кивая ему, произнес Верховный жрец уверенным голосом человека, привыкшего командовать.— Вижу, что ты завершил турнир раньше времени. Жаль, что я так ничего и не увидел. А особенно финальный круг. Но неважно. Торун удовлетворен.— Андреас снова кивнул, демонстрируя свою улыбку.— Он настолько доволен, что ре-

шил оказать тебе особую честь, даже сверх того, что было обещано вначале.

— Ну, вот так-то лучше.— Томас слегка поклонился Верховному жрецу, а затем встал еще выше, чем прежде.

Улыбка жреца мало чем отличалась от оскала зубов во рту черепа.

— Тебе предстоит сразиться в бою, о котором все настоящие воины могут только мечтать. Я надеюсь, что ты готов к этому. Но что я говорю, конечно, как истинный воин, ты должен быть всегда готов.

— Я-то готов,— проворчал Томас, между тем проклиная себя мысленно, за то, что обманулся первыми ласковыми словами.— Но я закончил сражение в турнире Торуна. Я — победитель.— Он слышал, как все вокруг затаили дыхание. Очевидно, никто не разговаривал таким тоном с повелителем мира — Верховным жрецом Торуна. Но Томас теперь уже не хотел просто склонить голову и быть обычным человеком. Он должен занять по праву заслуженное им место и не уступать его.

Андреас изумленно уставился на него и голос его стал более жестким.— Тебе предстоит биться с самим Торуном! Или ты предпочитаешь войти в его зал, не пролив ни капли крови, целым и невредимым? Я в это не могу поверить.

Ропот голосов теперь резко усилился от начавшихся громких споров и обсуждений. Что имел в виду Верховный жрец? Неужели Торун может появиться для поединка со смертным человеком?

Для Томаса пока все это было лишено какого-либо смысла и это ему не понравилось. Однако, глядя на умного и опытного Андреаса, уверенно владевшего ситуацией, он решил, что надо бы умерить свою собственную дерзость. Он еще раз поклонился Верховному жрецу и произнес: — Господин, я хотел бы поговорить с тобой наедине, если это позволительно.

— Никаких разговоров не может быть! — ласково сказал Андреас. Он слегка повернул голову, прислушиваясь, и снова улыбнулся.

За воротами, из которых вышел Андреас, гравий снова заскрипел под тяжелыми шагами. Так громко гравий мог скрипеть только под необычайно большим весом. Над низкой стеной появилась верхняя часть головы с копной всклоченных темных волос, а ноги, должно быть, касались земли метрах в трех ниже самой головы.

Ни один человек не мог быть таким высоким. С непривычной слабостью в коленях Томас начал думать, что за свой цинизм он, наконец-то, получит по заслугам. Наивные набожные людишки, оказывается, были правы все это время. Мертвецы турнира, забытые, похороненные и сожженные за последнее время, вскоре пройдут перед ним с хохотом.

В воротах перед Томасом появилась фигура, наклонившаяся, чтобы выйти наружу.

Торун.

XIII

Голова его с лохматыми темными волосами была перевязана золотой лентой. Меховая накидка огромных размеров едва покрывала его гороподобные плечи, его удивительный меч, почти столь же длинный, как копье Томаса, висел у пояса. Все было в точности, как говорилось в легендах. Но вот лицо его ...

Торун как будто ни на кого не смотрел, взгляд его был направлен куда-то поверх головы Андреаса и поверх головы Томаса. Он смотрел в направлении все еще распахнутых внутренних ворот (в них сейчас стоял прихрамывающий раб с кувалдой, который сам выглядел так, будто думал, что взор Торуна нацелен прямо на него) и озирал окружающий мир ужасными немигающими глазами. Когда Торун остановил свое движение, он более совсем не шевелился, ни разу даже не переменил своего положения и не шевельнул пальцем, как будто превратился в статую.

Андреас больше ничего не говорил. Или же, если и произнес что-либо, то Томас не услышал. Вместо этого Верховный жрец уклонился в сторону, молча и подобострастно, хотя и с очевидным удовольствием и уступил дорогу могучей фигуре бога. Глаза бога пришли в движение, хотя голова оставалась совершенно неподвижной — теперь Торун направил свой взгляд на Томаса. Глаза и в самом деле немного светились изнутри, как это бывает с глазами животных, когда с ними встретишься ночью при отраженном свете. Свечение было

красно-оранжевого цвета. Быстро оглядевшись, Томас понял, что глаза уставились именно на него, поскольку больше рядом никого не было. У одной из стен площади он заметил Лероса, распростертого в глубоком благоговении, также как несколько других людей прямо на стенах и на земле.

Десятки людей наблюдали за ними сейчас, людей в белых одеждах и серых лохмотьях. Те, кто оказался в центре площади, разбегались в стороны, залезали на возвышения, стараясь уйти с дороги. Почти на каждом лице был написан благоговейный страх. Один только Фарли уставил свой взор в небеса.

И тут Торун двинулся вперед. Хотя движения его были достаточно проворными и казались вполне естественными, даже элегантными, все же почему-то оставалось впечатление, что перед ним статуя. Возможно, причиной тому было лицо, которое было совершенно нечеловеческое на вид, хотя каждая отдельная деталь была правильной по форме. Не выглядело это лицо и божественным — разве только богам полагалось быть на вид менее живыми, чем люди. Однако шаги Торуна были очень широкими и решительными. Томас увидел, как длинный меч бесконечно долго выходит из ножен одновременно с приближением бога, и как раз вовремя опомнился. Он отпрыгнул назад из-под полоснувшего дугой меча, который издал тихий и заунывный свист, падая в ударе, способном рассечь напополам человека, словно сорняк. Скрытые в бороде губы воинственного бога, наконец, открылись и раздался оглушительный боевой клич. Это был странный и ужасный звук, столь же нечеловеческий, как и светящиеся, немигающие глаза и неживое лицо. Томас своевременно перевел копье в боевое положение и механически выставил его, чтобы отразить следующий удар Торуна. Когда меч бога обрушился на него, то в обеих его руках вспыхнула ноющая боль, а бронированное копье едва не вырвалось из крепко сжимающих его ладоней. Это было похоже на ночной кошмар, когда снится, что ты снова ребенок, а на тебя нападает взрослый воин. Зрители оживились. Кем бы или чем бы Торун ни был, его сила намного превосходила силу любого человека.

Торун продвигался методично и неспешно. Отступая и кружа, Томас понимал, что должен сейчас выбрать для себя тактику и провести самую блистательную битву в своей жизни.

Начав сражаться в своей самой блистательной битве, Томас вскоре был вынужден признать, что положение было безнадежным для него. Его самые яростные атаки отбрасывались легко и без усилий, в то время как удары мечом Торун наносил с такой убийственной силой и точностью, что было ясно — долго отбивать эти атаки или уворачиваться от них невозможно. От одних только страшных ударов меча по копью его руки уже страшно устали и онемели. Он продолжал сжимать копье обеими руками, словно дубину, и постепенно отступал, пытаясь между тем отыскать эффективную стратегию, подметить какую-нибудь слабость в обороне своего чудовищного противника. Сейчас уже Томаса ни в малейшей степени не волновал вопрос — был ли его соперник богом, человеком или чем-то иным.

Наконец, Томас изловчился и после хорошего обманного движения, за которым последовал отличный выпад, вонзил острие копья в густой мех туники Торуна. Однако он сразу же почувствовал, как копье отскочило от какого-то твердого бронированного покрытия под одеждой. Мгновение внезапной надежды сгорело так же быстро, как и появилось. Вокруг него зрители ахнули от изумления при виде его кажущего успеха, но сразу же дружно выдохнули, когда пошатнувшийся перед ними мир вновь встал на свое место. Торун был *непобедим.*

Однако у Томаса еще оставалась искра надежды. Если уж ему удалось нанести копьем один точный удар, то он сможет попасть и еще раз. Если покрытые мехом грудь и живот неуязвимы, то куда же ему бить? Может быть, в лицо? Нет. Можно стать несколько дальше — и это будет даже менее самоубийственно — и попробовать бить по ногам. Томас заметил, что суставы открытых и, кажется, незащищенных коленей Торуна не были покрыты кожей, как на человеческих ногах. Вместо этого в них виднелись тонкие и быстро двигающиеся трещины, как будто ноги принадлежали добротно изготовленной марионетке. Открывавшиеся коленные сочленения представляли собой очень маленькую и к тому же двигающуюся цель, однако это должно было вызвать не больше трудностей, чем те крылатые насекомые, которых Томас иногда поражал копьем для практики.

Поскольку лучшего плана пока *не было, Томас начал* делать ложные движения *вверх, вниз, снова вверх* и затем вложил всю свою силу и мастерство в низкий

выпад. Его глаза и руки не подвели. Острие копья точно нашло маленький промежуток, уже начинавший сужаться при разгибании ноги Торуна.

По древку копья пробежала сильная вибрирующая волна и отчетливо послышался скрежет металла. Торун наклонился, но не упал. Где-то хлопнула дверь и вокруг наступила тишина. Верхушка наконечника копья отскочила назад, ярко сверкнув в том месте, где ее острие было отломано.

Ничто не нарушало молчание, возникшее, когда Торун едва не потерял равновесие. Колено Торуна застыло в полусогнутом положении. Правитель всего мира был ранен и слышен был только царапающий скрежет его поврежденной ноги, когда он продолжал свое движение вперед. Он наступал медленнее, чем прежде, но по-прежнему неудержимо. Томас опять начал отступать и заметил наверху стены стоящего Андреаса. Лицо Верховного жреца потемнело как грозовая туча, одна рука была наполовину вытянута, словно лапа хищного зверя, как будто он хотел наброситься, но не смел.

Прихрамывающий бог снова приблизился к человеку-противнику. Вновь и вновь огромный меч Торуна стремительно сверкал с неутомимой жестокостью, оттесняя Томаса назад и еще назад, в сторону и опять в сторону на маленьком пространстве, где проходил поединок. Собираясь вновь ударить по раненому колену, Томас делал обманные движения вверх и вниз, опять вверх, но тут страшный удар меча по копью сбил его с ног и чуть совсем не убил Томаса. Торуна нельзя было дважды поймать на одну и ту же уловку.

Томас отчаянно перекатился в сторону. Торун наклонился с неестественной быстротой и уже был почти над ним. Томас поджал ноги и отскочил как раз вовремя. Ну, что, Томас? Не прыгнуть ли и пойти врукопашную? Ну, уж нет, против такого врага. С таким же успехом можно затеять борьбу с живущим на севере ледниковым чудовищем или с самим ледником.

Томас еще как-то умудрился не потерять свое копье и продолжал отбивать удары меча бронированным древком. Однако он больше не мог уже собраться с силами для нового выпада. А меч продолжал теснить его назад, еще назад, в сторону и вновь в сторону. Теперь уже и зрители в белых одеждах снова обрели дар речи.

Томас подумал, что не сможет теперь надолго оття-

гивать неизбежный конец. Выбившийся из сил и шатающийся, он в отчаянии поднял руки, пытаясь своим несокрушимым копьем вновь поймать безжалостный удар меча. Это столкновение снова сбило его с ног. Мир вокруг медленно-медленно начал кружиться, когда он упал, перевернувшись в воздухе. При этом он еще успел подумать, ждет ли его встреча с настоящим Торуном, когда он будет убит этой хромающей подделкой.

При падении Томас сильно ударился и какое-то время не мог двигаться. Он наконец-то потерял свое копье. Оно лежало на расстоянии ладони от его пальцев на пыльной площади, но взять его снова было одним из самых трудных и величайших достижений в жизни Томаса.

Убивающая машина замедлила свое прихрамывающее движение, как бы сомневаясь, не одержана ли уже победа. Но затем, переваливаясь,словно краб, она вновь устремилась вперед. Томас привстал на одно колено и выставил копье вперед. Внезапно вновь прекратился шум и тут только Томас понял, как громко все это время орали зрители, требуя его смерти. Сверкающие, но безжизненные глаза Торуна внимательно его оценивали. Чего сейчас ждал бог войны? Томас с усилием поднялся на ноги, зная, что следующий взмах меча или еще один взмах несомненно будет последним. Затем боковым зрением он увидел одетую в серое фигуру, приближающуюся откуда-то со стороны. Она двигалась, прихрамывая, как будто бы кошунственно передразнивала походку раненого Торуна. Свинцовая кувалда раба уже была небрежно занесена, чтобы вышибить мозги Томасу.

Томас был готов встретить смерть, но, боже мой, это было уже слишком! Он же еще не упал и не лежит беспомощный! Томас повернулся, собираясь проткнуть раба копьем, пока Торун, недоумевая, оставался в нерешительности.

Напрягая мышцы для убийственного броска, Томас первый раз близко взглянул в лицо раба и тут же мгновенно остолбенел от увиденного. А одетый в серое Жиль Коварный шагнул в сторону уверенным и быстрым движением, без всякой хромоты, после чего со всей силой воина запустил тяжелой кувалдой по поврежденному колену Торуна.

Лязгнул металл. Сверкнувшая дуга нового удара мечом, уже начатого Торуном, неуклюже надломилась

и отвернула в сторону от Томаса и Жиля. Металлические грохочущие звуки на этом не затихли. Медленно, но неестественно чудовище опустилось и присело, согнув левое колено под неправильным углом. Оно осталось в сидячем положении, торс его стоял прямо, а лицо смотрело на своих неприятелей не изменившимся, но теперь внезапно поглупевшим выражением.

— Томас! — крикнул Жиль. Он отскочил как раз вовремя от следующего удара, который Торун, все еще сидевший, нацелил на него.— Давай с двух сторон, Томас! Прикончим его!

И тут, впервые закричав своим воинственным криком, хриплым и гортанным, Томас быстро двинулся, чтобы замкнуть задуманное ими окружение. Боковым зрением он увидел, что никто из толпы зрителей не собирался вмешиваться. Для всех окружающих поистине наступил ад кромешный, их белые одеяния замелькали в беспорядочном движении, голоса надрывались возбужденными возгласами. Среди них был Лерос, безмолвно стоявший, сложа руки, совсем близко от места схватки, и взиравший на происходящее с полной сосредоточенностью. Томас взглянул на стоящего на стене Андреаса. Верховный жрец размахивал руками и, казалось, выкрикивал какие-то приказания, однако безумное возбуждение уже достигло такой степени, что нельзя было разобрать ни единого человеческого слова.

Даже искалеченный, Торун почти ни в чем не уступал своим противникам. Ни копье, ни кувалда не могли выбить тяжелый меч из его не знающей усталости руки. Он поворачивал сидящее тело с удивительной скоростью, успевая встретить то одного атакующего, то другого.

Поймав взгляд Жиля, Томас проревел: — Вместе! Давай! — И они бросились на Торуна разом с двух сторон. Меч обрушился на Томаса, и он сумел вновь отбить его только потому, что Торун в сидячей позе не мог вложить свой вес в удар. Но даже от такого удара Томас сперва подумал, что его предплечье сломалось на куски. Но в это время Жиль подобрался совсем близко, размахнулся как для забивания свай и изо всех сил обрушил свою кувалду на шею Торуна сзади.

Такой удар раздробил бы вдребезги голову любого человека. Косматые волосы Торуна разлетелись в стороны, огромная голова дернулась, торс его слегка покач-

нулся, а державшая меч рука замедлила свое движение. В этот момент затупленное копье Томаса вонзилось в правый глаз бога, который вылетел словно свечка с легким звоном, как будто копье пробило стекло. Опять ударила кувалда, на этот раз по руке, державшей меч. Торун не выронил меч, однако теперь держал его под неестественным углом.

Великан умирал медленно и постепенно, скорее безразлично, чем героически, безмолвно и бескровно. Ужасные удары копья и молота приводили к постепенной потере функций, к нарастающей очевидности того, что Торун может быть побежден, к неотвратимому превращению его тела в мертвую груду изломанного металла, стекла и меха.

Но даже после того, как массивное тело было безнадежно повержено, когда изрубленное лицо бога было оскорбительно прибито к земле рядом с фонтаном, рука с мечом все еще пыталась сражаться, нанося время от времени смертоносные удары. Сильный укол копьем разъединил ее пальцы и гигантский меч выпал из ладони с глухим звуком. Эта рука еще продолжала свои взмахи, а ее разбитые пальцы рывками хватали пустоту, когда Томас и Жиль посмотрели друг на друга, опустили свои орудия и затем повернулись, вместе приветствуя окруживших их зрителей.

Шум толпы замер и сменился оглушительной тишиной. Для Томаса молчание длилось слишком долго. Он заметил, что Андреаса больше не было видно, а с ним исчезло еще несколько человек. Но большинство все еще наблюдали, словно загипнотизированные, за беспомощными, но упрямыми движениями руки Торуна. Томас подошел и отбросил ногой меч подальше от бога.

Люди начинали поворачивать глаза к Лerосу, который сейчас оставался старшим жрецом среди всех присутствующих. Явно под действием сильных эмоций он сделал два шага вперед и протянул руку вперед к упавшему великану. Однако Лерос был все еще слишком ошеломлен, чтобы найти слова, он просто крепко стиснул кулак вытянутой руки, и она бессильно опустилась вниз.

Наконец, молчание прервал Жиль. Указывая на разбитого великана, он прокричал: — Это существо — не ваш любимый Торун. Это не может быть он! Андреас и его Внутренний круг обманывали всех вас! — Толпа

ответила криками, в которых явно преобладало согласие с ним. Однако один голос выкрикнул, адресуясь к Жилю: — Кто ты такой, чтобы вмешиваться и творить здесь такое? Агент Братства! Шпион!

Жиль поднял руку и дождался тишины, чтобы ответить.— Очень хорошо, пусть я шпион, агент, кто угодно. Но то, что я вам здесь показал, не может быть ничем иным, кроме правды. Называйте меня, как хотите. Но станете ли вы меня называть богом, раз я победил в бою другого бога? И каким же богом я должен быть, чтобы одолеть самого Торуна? — Он поднял лицо к ясному небу и сотворил священный знак.— Великий Торун, отомсти богохульцам, замыслившим этот обман! — И он вновь указал туда, где вдребезги разбитый Торун все так же двигал одной рукой в жалком подобии боя.

Несколько человек с обнаженными кинжалами — более крупного оружия не было видно в толпе — подошли и окружили Жиля. Они забрали у него кувалду и стояли, взяв его под стражу, но по приказанию Лероса больше ничего не делали. Жиль не протестовал и не сопротивлялся, но гордо стоял со сложенными руками. Лерос еще немного посмотрел на останки Торуна, все никак не выйдя из шока, затем подозвал к себе двоих-троих присутствовавших здесь же знатных мужчин и отвел их на угол площади. Там они сразу же погрузились в серьезный разговор. Большинство остальных зрителей, удивляясь и споря друг с другом, начали толпиться вокруг поверженной фигуры, которая была для них богом.

Жиль Коварный взглянул на Томаса и неожиданно осветился удивительно радостной улыбкой для человека, находившегося в столь сомнительном положении.— Лорд Томас,— обратился к нему Жиль,— кажется, ты теперь стал чемпионом среди богов, а не только среди людей.

— Пусть так. Но разве ты не претендуешь на свою долю награды, какой бы она ни оказалась? — Томас приблизился к Жилю, к которому почувствовал симпатию.

— Я? Никогда. Ты честно выиграл первенство и мне нечего требовать.

Томас кивнул, удовлетворенный услышанным. Но его заботило другое — стоя рядом с Жилем, он беспокойно оглядывался вокруг. В нем нарастало чувство, что

как чемпион турнира и признанный победитель фальшивого Торуна он должен что-то делать, как-то утверждать свою власть. Может быть, ему нужно пойти и присоединиться к разговору вокруг Лероса и заставить жрецов слушать его, но что он им скажет? Сейчас он сознавал, что не имеет ни малейшего понятия о самой сути происходящего вокруг. Но это ему удастся скорее выяснить, подумал он, если он останется с Жилем, которому, вполне возможно, вскоре понадобится его ответная помощь и придется вести переговоры. Во всяком случае, Томасу было гораздо легче разговаривать с другим воином, чем со жрецами.

— Почему ты оказался здесь и каким образом? — спросил он у своего коренастого товарища.— Насколько я помню, ты ведь умер.

Улыбка Жиля потускнела и превратилась в простой изгиб губ.— Ты видел, как Джуд ударил меня, а я свалился вниз с обрыва.

— Так ты даже и не был ранен?

— Не был. Понимаешь, я убедил Джуда, что мне нужен был только шанс уйти с турнира. Он был немного циник и поверил мне. Кроме того, он был рад возможности получить победу без борьбы и поступил в точности по плану, предложенному мной. Ему нужно было только немного сдерживать свои удары, также как и мне.

Его меч срезал всего несколько нитей с моей одежды, до того как я свалился с обрыва. Я заметил еще раньше, что таскавший повсюду свою кувалду раб был моего роста, такого же цвета волос и вот это как раз и навело меня на мой план. Когда этот раб спустился, он думал, что я мертв, а я поджидал его в кустах и выполнил работу вместо него. Я нарядился в его лохмотья, взял его веревочный пояс и кувалду, а заодно и перенял его хромоту. И затем уже потащил его вверх, чтобы похоронить в моей хорошей одежде. К этому времени вы все уже двинулись вперед, как я и предполагал.

После этого я почти не показывался в вашем лагере. Мой партнер-раб был нем и настолько глуп, что не заметил превращения — а может быть, он был достаточно хитер и просто сделал вид, что ничего не заподозрил, даже когда разглядел происходящее. Никто из оставшихся бойцов вообще не смотрел на меня, с тех пор как я оказался в серых лохмотьях — и так было до той

поры, пока ты сейчас не глянул на меня, когда решил, что я подбираюсь к тебе с кувалдой.

Томас покачал головой удивленно.— Но ты очень рисковал.

— Этот риск был не так велик, как если бы я вышел в честном поединке против тебя или Келсумбы, или Фарли. Я-то как раз решил, что именно тот риск был слишком велик.

— И все же, затея твоя довольно странная,— промолвил Томас.— Зачем ты начал всю эту игру? Зачем — ? — Он указал на останки того, что прежде было Торуном.

— Я хотел разоблачить весь этот обман, показать, что за ним стояло. Точнее, что и сейчас стоит за ним, так как мы пока что разрушили только малую часть.— Жиль огляделся. Когда он начал свой рассказ, его слушали только Томас и пара охранников с кинжалами, а теперь вокруг собралось много народа. Он продолжил говорить уже более громким голосом: — Мы все теперь знаем, что это существо не было Торуном. Оно было только лишь творением чего-то другого. Чего-то такого, само существование которого на планете Охотников вызвало бы презрение и отвращение всего внешнего мира, если бы там, стало об этом известно.

— Что это за позорная вещь, о которой ты говоришь? — Этот вопрос задал Лерос, который закончил свое совещание с другими знатными жрецами и уже некоторое время слушал рассказ Жиля.

— Я говорю об одном из древних врагов наших предков, о берсеркере,— произнес Жиль. Затем он кратко передал свой разговор с Суоми в лесу.— Если Андреас не заставил умолкнуть инопланетников, которых он удерживает в храме, они смогут подтвердить, что он похитил у них корабль. Возможно, они смогут и рассказать, с какой целью.

— Почему мы должны верить этим пришельцам, а не Верховному жрецу? — выкрикнул кто-то с вызовом.

Жиль еще раз повысил голос.— Инопланетники не притаскивали с собой этого фальшивого Торуна. А вот Андреас и его жрецы Внутреннего круга уже много лет используют его, чтобы дурачить верных почитателей Торуна. Ни один мастер на планете Охотников не сумел бы один изготовить такое, точно также как никто не смог бы здесь построить звездолет. Не могло это суще-

ство быть и подлинным богом, ибо в этом случае даже Томас Граббер не смог бы его победить. Ну и чем же еще эта штука может быть, если не берсеркером, а точнее его частью? Если уж это не берсеркер, то быть может, Верховный жрец и его Внутренний круг смогут объяснить, что же это такое! Я бы спросил их сейчас, если бы они были здесь. Но они исчезли, как только увидели, что их хитроумная машина обречена.

Лерос мрачно кивнул.— Настало время нам задать Андреасу несколько неприятных вопросов, если еще не поздно.— Поднявшийся ропот одобрения быстро прекратился, потому что люди хотели услышать, что еще скажет Лерос. Тот продолжил: — Однако, я думаю, что не тебе указывать, что мы должны спрашивать. Чей агент ты, коварное создание? — Жиль пожал плечами и охотно признал: — Меня сюда послали те, кого вы называете Братство. Но при чем тут это, честный Лерос? Сегодня я не рассказал вам и не показал ничего, кроме очевидной правды. И я вижу теперь, что наше Братство воюет не с народом горы Богов, а только с Внутренним кругом и его предводителем.

Лерос проворчал что-то, возможно, слегка смущенный столь быстрым ответом, наполовину убежденный им, и наполовину успокоенный его спокойствием. Однако прежде чем он смог ответить, его отвлекло возвращение какого-то человека, очевидно, ранее посланного узнать, что происходит в храме. Этот посланец сообщил, что двери и ворота, ведущие к комплексу храма, заперты и забаррикадированы изнутри, а солдаты дворцовой охраны под непосредственным командованием Верховного жреца занимают все прилегающие территории. Андреас не вышел, однако велел передать, что все шпионы, предатели и одураченные ими будут скоро трепетать перед его гневом.

— Он не хочет отвечать на справедливые вопросы? — воскликнул Лерос.— Он не желает объяснить, почему он осмелился выдавать эту ... эту тварь... перед нами за бога?

— Нет, Лорд Лерос, он не захотел.

— Тогда все понятно,— вскричал Лерос.— Андреас больше не может выступать от имени Торуна! Великий Торун, будь с нами сейчас! Будь с нами, ибо мы готовимся в бою доказать, кто может тебе служить по-настоящему!

Вслед за этими словами раздались крики, молитвы, повсюду слышался деятельный шум — люди бросились вооружаться, торопливо обсуждали планы организации нападения, спорили о том, следует ли кого-либо из военных командиров, о которых было известно, что они находятся в полях неподалеку, вызывать вместе с их войсками, чтобы просить их или приказать им выбить Андреаса из храма. Последнее предложение было отвергнуто криками. Томас сообразил, что солдаты, засевшие сейчас в храме, представляли собой слишком небольшую силу, чтобы долго удерживать его против восставших горожан. Ладно, пусть стратеги спорят, а он разберется, что нужно делать, когда дело дойдет до драки.

Обнаружив, что он вновь остался на время более или менее наедине с Жилем, Томас сказал ему: — Спасибо тебе за то, что ты вступил в схватку с чудовищем, я этого не забуду.— Томас начинал понимать, насколько умен оказался Жиль, и осознавать, что ему самому понадобятся мудрые советы, чтобы удерживать властные позиции среди этих людей.

— Я буду только рад, лорд Томас, если моя помощь тебе понадобится для чего-нибудь.

— Зачем Братство прислало тебя сюда?

Жиль сделал легкое движение головой, как бы осуждая сам себя.— Я оказался лучшим бойцом, которого они смогли найти. Меня послали на турнир от одного из районов, находящихся практически под их контролем. Конечно, они надеялись, что я выйду победителем в турнире, чтобы затем действовать против горы Богов, занимая какое-то важное место прямо на ней. Но задолго до окончания турнира, я понял, что мне не победить. Ты и некоторые другие воины были явно сильнее меня. И тогда я придумал план, где использовал Джуда Исаксона... но, скажи мне, Лорд Томас, а ты почему здесь оказался?

— Я? — Томас был удивлен.

— Да. Я не думаю, что ты когда-либо верил, что здесь настоящий Торун, который наградит тебя бессмертием. Я рассказал истинную причину моего участия в турнире. А в чем твоя причина?

— Хм. Ну, драться — это мое ремесло. Да, это было опасно, как любая настоящая драка, но я надеялся победить. Я еще никогда не встречал человека, который

устоял бы против меня в поединке один на один.

Жиль был просто в восхищении.— А тебе не приходило в голову подумать, что каждый из нас мог совершенно честно сказать о себе то же самое? Каждый из всех шестидесяти четырех?

Томас заморгал.— Нет,— произнес он медленно.— Нет, я как-то об этом не задумывался.— Неожиданно он вспомнил крайнее изумление на безбородом лице умирающего молодого Брама. Было ли это во втором круге или в третьем? Он уже не помнил, но, казалось, это было очень давно.

Он поднял руку над плечом и погладил висевшее за спиной тяжелое копье. Придется заказать новое. Мало того, что у этого сломалось острие, так еще и древко было все в зазубринах и ослаблено, так как его стальные защитные полосы перекрутились и растянулись под рубящими ударами меча Торуна.— Я мечтал о власти, хотел быть среди тех, кто правит миром с вершины этой горы.

Жиль подсказал: — Ты думал, что они затевают турнир для того, чтобы самый лучший воин этого мира пришел сюда и стал чемпионом горы Богов. А уж став этим воином, ты бы имел большую власть и богатство.

— Да. Почти что так и было.

— Неплохо отгадал, верно? Я тоже верил, что у турнира есть подобная цель, хотя некоторые детали были мне непонятны... во всяком случае, мы, похоже, ошибались. Андреас и его Внутренний круг так или иначе обманывали всех. Простых воинов — бесхитростной историей про богов, а нас — тем, что давали нам вообразить, будто мы умнее других и можем понять истинную цель.

Томас разразился страшными ругательствами, упоминая всех богов, которых смог сразу припомнить.— Тогда зачем же на самом деле они устраивали турнир? Андреас со своей бандой даже и не смотрели на нас — ни для того, чтобы аплодировать нашему искусству, ни для наслаждения нашими страданиями. И никому ведь не позволялось смотреть, за исключением нескольких жрецов да еще инопланетников. Ну зачем, скажи, зачем надо было проповедовать и понуждать нас убивать друг друга?

— Они хотели бессмысленного убийства,— пояснил Жиль,— потому что на самом деле они не поклоняются

Торуну, в котором воплощены и жизнь,и доблесть,и какая-то цель, кроме разрушения. Они никогда бы не смогли заставить народные массы поклоняться их подлинному богу, который есть не что иное, как Смерть. Торун ценит женщин и вино, красивые сказания и яства. Особенно он почитает мужество, которое делает возможными все остальные доблести. А они поклоняются смерти и эта смерть воплощена в берсеркерах, смерть без чести или цели, просто смерть.— Жиль замолчал и покосился на тело Торуна, лежащее вниз лицом на земле в грязи возле фонтана неподалеку от уставившегося в небо трупа Фарли. Затем Жиль продолжил: — Нет, это еще не все. Ты совершенно прав, почему это Андреас и его люди и сами не смотрели за ходом турнира, где могли бы наслаждаться убийствами, и другим смотреть не давали? Только пришельцам разрешили прийти... а пока те смотрели, их корабль был захвачен. Не в этом ли все дело? Лучшие герои нашей планеты сражались и умирали только для того, чтобы заманить сюда инопланетников с их кораблем.

Послышался крик, подхваченный множеством голосов не только на площади, но и по всему городу. В воздухе появился корабль инопланетников.

XIV

Корабль поднялся очень плавно. И когда это произошло, Суоми был просто застигнут врасплох. Перед этим он даже задремал за своим столом, положив голову на руки. И в первый момент пробуждения у него возникло ужасное чувство, будто корабль уже идет на посадку, что полет окончен, а его единственный шанс для решительных действий пришел и прошел.

Он торопливо повернулся, чтобы глянуть на экран монитора на переборке рядом с панелью управления корабельной связью, установленной в его каюте. С облегчением он заметил, что полет определенно еще не завершен. Теперь на экране появилось изображение кабины управления Орионом. Жрец высокого ранга занимал центральное кресло пилота, склонившись над

панелями управления и приборами в позе крайней сосредоточенности. Вокруг Лашеза сидели или стояли с нервным видом другие жрецы и солдаты, держась за первые попавшиеся твердые опоры. Разглядывая дальнюю сторону кабины управления, Суоми мог видеть проход вплоть до входного отсека, в дальнем конце которого все еще был открыт главный наружный люк. Вести корабль в таком состоянии было вполне возможно, если, конечно, не использовалась ни большая скорость, ни большая высота. Один солдат стоял прямо внутри входного отсека, выглядывая вниз через открытую наружную дверь. Предположительно, его поставили там для страховки, на случай отказа экранов в кабине управления, или (что было гораздо более вероятно) на случай затруднений у пилота-новичка во время оценки ситуации по экранным образам.

Полет явно должен был быть недолгим по времени. По всей видимости, берсеркер находился где-то рядом и его верные человеческие прислужники сейчас намеревались доставить захваченный звездолет прямо к нему. Затем уже они смогут серьезно заняться делами на корабле. Взяв на себя управление, берсеркер мог подключиться к бортовым компьютерам, подчинить их своему мозгу и овладеть всевозможными системами корабля, превратив их в свои продолжения. И затем уже двигатель... его превращение в машину смерти можно будет совершить на горе Богов, если удастся, или же берсеркер может сам полететь вместе с компанией верных ему людей в какое-то безопасное место на необитаемом севере и там подготовиться к уничтожению всего мира.

На экране в своей каюте Суоми мог наблюдать многое из того, что отображалось на больших экранах в кабине управления. Он спал недолго, так как за окнами все еще был яркий день. Суоми видел на экранах, как плавно удалялись лесистые склоны горы Богов, затем они слегка наклонились. Тотчас же Суоми ощутил, как Орион накренился в руках неопытного пилота, едва начав движение по курсу к вершине горы. Они не станут возиться с искусственной гравитацией для такого низкого и медленного полета в атмосфере.

Голоса людей, находившихся в кабине управления, а также переговаривающихся с ними вне корабля, отчетливо раздавались в каюте Суоми, попадая в нее по корабельной связи.— Шенберг,— напряженно говорил

Лашез,— у нас горит желтый свет на панели системы жизнеобеспечения. Ты можешь это объяснить?

— Дайте мне посмотреть,— донесся усталый голос Шенберга, но самого его Суоми не видел со своего места. После небольшой паузы, наверное, пока переключали экран, чтобы Шенбергу было лучше видно, тот продолжал: — Ничего серьезного. Просто дает сигнал, что главный люк открыт и предохранительные блокировки отключены, чтобы можно было лететь в таком состоянии. Это всего лишь предупреждающий сигнал, чтобы не забыть и не помчаться в космос с открытой дверью. Было ясно, что Шенберг, какое бы давление на него ни оказывали, помогал им очень старательно.

Теперь корабль шел над городом, проплывая, словно воздушный шар с бесшумным двигателем всего в нескольких метрах над самыми высокими крышами.— Выше, Лашез! — крикнул властно голос другого человека и Суоми увидел жреца высокого ранга в пурпурно-белой одежде, нервно поворачивающегося в кресле пилота и управляющего кораблем дергающимися движениями бледных рук. Корабль резко пошел вверх и столпившиеся вокруг Лашеза люди, уцепившись за кресла и попавшиеся под руку опоры, глазели на него с испугом. Затем рывок вверх закончился и корабль завис в свободном падении так, что сердца людей замерли. Вслед за этим, проделав еще несколько колебательных движений вверх-вниз, Орион вернулся в более или менее управляемое состояние.

— Следовало дать мне больше времени для тренировки! — лихорадочно заговорил пилот.

— Нет времени на это! — оборвал его властный голос. Теперь Суоми узнал голос Андреаса, доносившийся откуда-то извне.— Торун побежден, а Лерос и несколько агентов Братства возбудили толпу. Мы сейчас погрузим нашего дорогого господина и повелителя на корабль и отвезем в безопасное место на севере вместе с нашими пленниками. Все будет в порядке, Лашез, если только ты сможешь вести корабль точно. Заходи сейчас над храмом.

Лашез теперь контролировал себя по экрану, показывавшему обстановку непосредственно под кораблем. Суоми, фактически смотревший Лашезу через плечо, увидел странное зрелище, важность которого вначале до него не дошла. Возле самого большого здания в центре

города — видимо, это и был храм, так как сейчас корабль завис прямо над ним — на другом, значительно более низком строении, быстро рушилась крыша, разбираемая прямо изнутри. То тут, то там возникали руки и ладони, убиравшие частицы крыши с краев быстро растущего пролома. Внутри показались очертания тонких подмостей, на которых, очевидно, стояли работники. Внутри сооружения была кромешная темнота, ее нисколько не рассеивали даже лучи солнца, ярко освещавшие улицы и стены вокруг. Суоми потребовалось несколько секунд, пока он сообразил, что это была одна сплошная очень глубокая яма, дно которой было гораздо ниже уровня городских улиц.

— Пусть поторопятся с крышей,— послышался умоляющий голос Лашеза.

— Ты что, уж прибыл туда? — перебил его голос Андреаса, в котором сейчас отчетливо слышалось напряжение.— Я не думаю, что ты уже точно находишься в нужном положении.

Суоми увидел теперь маленькие, но возбужденные группки людей в белых одеждах, которые бежали по улицам, опоясавшим весь комплекс храма. Они рассыпались так, словно хотели его окружить. Кое где виднелись сверкавшие мечи — солдаты в униформе перебегали по стенам храма. Тут внимание Суоми привлекла яркая черточка стрелы, летящая с улицы к стене, затем еще две, выпущенные в ответ в противоположном направлении. Быть может, это тот человек в сером, со своим грандиозным замыслом проникнуть в город переодетым под раба, чтобы поднять там восстание, сумел все же более преуспеть в своем деле, чем Суоми считал возможным.

Что касается самого Суоми, то все, что было в его силах, он сделал за своим рабочим столом и теперь наступила пора готовиться к самой борьбе. Осознавая какую-то нереальность в своих движениях, он взял собранный им недавно маленький приборчик, питаемый от батарейки, быстро пересек свою небольшую комнату и забрался внутрь спального ложа. Вытянув руку, он переключил регулятор внутрикорабельной связи в положение РЕЧЬ. Сюда все еще доносились голоса других людей. Но теперь и он мог вступить в разговор с ними, хотя они не могли его видеть. Однако он все еще не был готов.

Койку в каюте можно было трансформировать в специальное ложе для того, чтобы легче переносить ускорение движения космического корабля. Эта потребность могла возникнуть в случае неисправности системы искусственной гравитации во время полета в глубинах космоса. Сейчас полностью подготовить к этому положению койку было неосуществимо, но Суоми улегся, потянул на себя центральную секцию защитного экрана-прокладки и зафиксировал ее на защелках. Он лежал там, держа наготове свой портативный звукозаписывающий аппарат, задав на нем максимальную громкость. Так он лежал, скованный страхом и напряжением, едва дыша и не зная даже точно, хватит ли у него смелости осуществить задуманное. Плохо было не то, что его затея могла, осуществившись, его же и погубить. Вполне вероятным было вообще не добиться никакого результата и всего лишь заслужить медленное и ужасное наказание от победоносного Андреаса — и это было настолько возможно, что для него даже попробовать использовать этот шанс было очень опасным и ужасным делом.

Повернув голову, Суоми еще даже мог видеть свой комнатный экран. Лашез постепенно подводил корабль к огромной яме, несомненно намереваясь опустить его вниз. Разборка крыши до самого карниза была уже завершена. Хлипкие подмостки, оставленные внутри, будут пробиты, как паутина, бронированным телом Ориона. Все было спланировано и организовано самым лучшим образом. Андреас и его люди, должно быть, готовились к захвату корабля долго и тщательно.

Кто надоумил их подготовить яму, подсказал им требуемые размеры для того, чтобы она надежно могла принять именно такой тип космического корабля, который люди вероятнее всего используют, отправляясь в тайные охотничьи экспедиции? Конечно же, это их господин и обожаемый повелитель, Смерть... Смерть знала все размеры и формы человеческих звездолетов, ибо она уже тысячу лет сражалась с ними.

Лашез в своем кресле пилота продолжал обмениваться отрывистыми фразами с людьми, ожидающими и направляющими его снизу, и поглядывать в открытый люк. Орион начал снижаться. Ниже, еще ниже — но исходная позиция была выбрана неточно и Лашезу пришлось выровнять корабль и направить его снова вверх, поднимая за собой тонкий шлейф белой пыли в том месте, где

твердый корпус корабля слегка коснулся высокого карниза храма и обрушил вниз целую груду камней.

Теперь корабль поднимался вверх, затем он едва заметно ушел в сторону и вновь начал снижение. Лашез, по-видимому, был прирожденным техником и оператором для машин различного рода. Во всяком случае, осваивался он очень быстро. На этот раз медленный спуск был точнейшим.

Удерживая палец на кнопке включения своего воспроизводящего устройства, Суоми мысленно блуждал в глубинах различных вариантов ожидающего его исхода — в основном, в безднах внезапной смерти или постепенного медленного поражения. Но иногда он взлетал на вершины желанного триумфа. Одновременно какой-то частью своего сознания он удивлялся, таким ли были ощущения, которых так сильно желали Шенберг и другие охотники, а также выходившие на поединок участники турнира, когда привычное за всю жизнь существование начинало трепетать и дорога была каждая переживаемая минута.

Он чувствовал, что может принять любой исход. Он способен сделать то, что должен сделать. Корабль опускался в шахту. Теперь важно точно выбрать момент и применить верную тактику. Вблизи дна они вполне могут отключить двигатель и тогда придется ждать слишком долго. А сейчас, пока корабль только входит в верхнюю часть шахты, они находятся скорее снаружи, чем внутри, поэтому еще слишком рано.

Суоми ждал целую вечность — корабль уже, наверное, опустился на четверть глубины.

А сейчас, пожалуй, на половину глубины. Вечность подходит уже к концу.

Сейчас! И сразу же почти немыслимое облегчение от того, что умственное напряжение теперь окончено: — Суоми коснулся выключателя на маленькой коробочке, зажатой в руке.

Голос Карлсена, злой и незабываемый, многократно усиленный, загремел по внутрикорабельной системе связи, прошел по радиосвязи из кабины управления наружу, вырвался из открытого люка, прогрохотал с такой громкостью, что докатился до близлежащих частей города: — ГОВОРИТ ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. ГРУППЕ ВЫСАДКИ ПРИГОТОВИТЬСЯ. НАЙТИ БЕРСЕРКЕРА!

Дальше были другие слова и команды, но их уже заглушил иной голос, который мог принадлежать только самому берсеркеру. Этот голос гудел и рычал из какого-то укромного места: — ПОЛНЫЙ ХОД! АНДРЕАС, ИМЕНЕМ ВЕЛИКОЙ СМЕРТИ, ДАЙ ПОЛНЫЙ ХОД! НЕМЕДЛЕННО УБЕЙТЕ ИОГАННА КАРЛСЕНА, ОН ДОЛЖЕН БЫТЬ ГДЕ-ТО НА БОРТУ КОРАБЛЯ, Я ПРИКАЗЫВАЮ ТЕБЕ, ЛАШЕЗ, ДАЙ ПОЛНЫЙ ХОД СЕЙЧАС ЖЕ! УБЕЙТЕ ИОГАННА КАРЛСЕНА, УБЕЙ...

Но в этот момент и голос берсеркера был заглушен, похоронен, задавлен, уничтожен жесточайшим взрывом, происшедшим из-за полного включения мощности корабельного двигателя, так как это было сделано не только глубоко внутри гравитационного ядра планеты, но также и в корабле, почти буквально уже погребенном под громадной массой горы Богов. Суоми надежно защитился экраном — прокладкой внутри своего ложа, да вдобавок он пытался удерживаться, как только мог, но все-таки его трясло и бросало, словно перемалывало в пасти ледникового зверя. Он был выброшен плашмя, ударился о переборку около своей койки, был отброшен снова и только ремни спасли его от смертельного удара о противоположную переборку каюты. Освещение в комнате погасло, но тут же над дверью засветилось аварийное освещение.

Вслед за этим внезапно прекратилось ускорение. Наступила тишина. Затем последовало удивительно долгое падение. Наконец, оно окончилось еще одним сокрушительным ударом, грохочущим и жестким, но все же гораздо более понятным и преодолимым для человека с точки зрения физики, чем тот первый удар от взорвавшегося двигателя.

Корабль словно подпрыгнул и вновь ударился о поверхность, закачался, сначала сильно, затем слабее и, наконец, остановился, еще подрагивая, приняв в итоге положение под наклоном в сорок градусов. После этого все стихло. Экран в каюте Суоми был мертв, лишь на поверхности еще вспыхивали местами точки электронного шума.

Суоми отстегнул себя от койки и полез по крутому склону пола по направлению к двери. Он не сумел убрать незакрепленные предметы перед началом своего сражения, и в результате в комнате был страшный

беспорядок и полный разгром. Однако не было видно признаков повреждения основных несущих конструкций. От этого, вероятно, корабль спасла прочность его корпуса.

Дверь каюты резко распахнулась, когда он открыл замок, и внутрь ввалилось мертвое или бессознательное тело солдата. Ноги его волочились и, по-видимому, были переломаны. Суоми высунул голову в проход, осмотрелся и прислушался. Все было тихо, в свете аварийных ламп не было заметно никакого движения. Пол, переборки и потолки — все было также не повреждено.

Он повернулся к лежащему охраннику и решил, что тот все-таки мертв. Чувство вины или триумфа придет, наверное, позже, подумал Суоми. Сейчас же он только соображал, стоит ли ему вооружиться мечом, мирно покоившимся в ножнах этого охранника. В конце концов Суоми там его и оставил. В его руке меч вряд ли кому-то поможет и меньше всего ему самому.

Он начал колотить в дверь каюты Барбары Хуртадо и, когда слабый голос отозвался, Суоми открыл дверь и влез внутрь. Она сидела в замешательстве среди калейдоскопического беспорядка разноцветных одежд, выпавших из стенного шкафа, привалившись к стулу, который, по-видимому, был прикреплен к полу. На ней было надето нелепое мягкое платье, а ее темные волосы спутались в беспорядке.

— Кажется, у меня сломана ключица,— слабо промолвина она.— А вообще, пожалуй, нет. Я могу двигать рукой.

— Это я все натворил,— произнес Суоми.— Извини. Никак не мог тебя предупредить.

— Ты? — Она подняла в удивлении брови.— Здорово! А эти мерзавцы, их ты тоже сильно тряхнул?

— Надеюсь, что сильнее. В этом-то и был весь смысл. Хочешь, пойдем и взглянем сами? Идти-то ты можешь?

— Очень бы хотела пойти и увидеть их переломанные тела. Но думаю, не смогу. Они же приковали меня к моей койке и, наверное, поэтому меня не убило здесь. Что они только не заставляли меня делать! А меня еще всегда интересовало, что за люди солдаты. И вот, наконец, узнала.

— Тогда я пойду, осмотрю все.

— Не оставляй меня одну, Карлос!

Обстановка в кабине управления была очень скверная или совсем чудесная, смотря с какой точки зрения. Она находилась ближе к двигателю, чем каюты, подумал Суоми. Прикрепленный к центральному мягкому креслу Лашез лежал, откинувшись, с открытыми глазами и раскинутыми руками. Суоми не заметил ран, однако было очевидно, что человек мертв. При такой аварии интенсивный локальный поток нейтронов, вполне вероятно мог возникнуть в момент разрушения полей двигателя. Это Суоми где-то вычитал раньше. Лашез погиб, несомненно, счастливой смертью, слепо повинуясь своему богу. Не исключено, что он верил или надеялся, что и впрямь убивает Иоганна Карлсена во имя великой Смерти...

Лашеза окружали жрецы и солдаты, которые помогали и наблюдали за его действиями. Они не были пристегнуты к креслам. Был ли здесь нейтронный поток или нет, но все эти люди сейчас сильно напоминали несчастных неудачников турнира. По крайней мере, сегодня берсеркер получил богатый урожай загубленных человеческих жизней. Некоторые еще дышали, но ни от кого уже не исходила опасность для Суоми.

Главный люк все еще был распахнут, заметил Суоми, глядя на него из кабины управления. Однако, вход был полностью завален обломками белых камней и тяжелыми расщепленными бревнами — возможно, это были части от храма или чьего-то дома. Видимо, немало людей погибло снаружи корабля, также как и внутри его. Но все же гора Богов не была взорвана и, несомненно, много людей на ней все-таки остались живы. Кто бы ни остался у власти, они рано или поздно начнут раскопки, пытаясь проникнуть в корабль, может быть, с желанием отомстить за разрушения.

С некоторыми трудностями Суоми возвратился в каюту Барбары и изловчился принять сидячее положение рядом с ней.— Выход завален. Видно, придется нам тут ждать вместе.— Затем он вкратце обрисовал картину массовой гибели захватчиков корабля.

— Карлос, будь хорошим мальчиком, дай мне обезболивающий порошок из моей аптечки и что-нибудь попить.

Он вскочил.— Да, конечно. Извини, я не подумал. Воды?

— Да, сначала воды. Потом что-нибудь другое, если в моем баре не все разбилось.

Они так и сидели вместе в ее комнате, когда через полчаса после шумных работ по откапыванию и расчистке завалов у входного люка, в открытых дверях каюты показался Лерос с группой вооруженных людей с обнаженными мечами в руках и в полной боевой экипировке. Суоми, вслушивавшийся в их приближающиеся шаги с фатальной обреченностью, поднял взгляд на Лероса и закрыл глаза, не находя в себе сил видеть, как на него обрушится меч.

Но ничего на него не обрушилось. Он ничего не слышал, кроме какого-то звона и шума, а когда открыл глаза, то увидел Лероса и его спутников стоящими перед ним на коленях в позе поклонения, которая плохо получалась у них на столь круто накренившемся полу. Среди них был и человек в серой одежде, вооруженный сейчас мечом вместо кувалды и выглядевший несколько менее благоговейно и почтительно настроенным, чем все остальные.

— О, Лорд полубог Иоганн Карлсен,— в глубоком поклоне произнес Лерос,— ты — не робот, а живой человек и даже более того. Прости нас за то, что мы не узнали тебя, когда ты ходил среди нас! Прими также нашу вечную признательность за новую победу над нашим старым врагом. Ты раздавил машину смерти прямо в ее тайном логове, а вместе с ней и *большинство* ее прислужников. Хочу *тебя обрадовать известием* — я лично вырезал сердце у суперпредателя Андреаса.

И тут именно Барбара спасла его.— Лорд Карлсен ранен и оглушен,— произнесла она.— Помогите нам.

Спустя пять дней полубог Иоганн Карлсен, который когда-то был Карлосом Суоми, и Афина Паулсон — оба в добром здравии — сидели за маленьким столом в углу внутреннего двора храма. Укрывшись от полуденного солнца планеты Охотников под углом разрушенной стены, они наблюдали, как постепенно, добравшись уже до середины глубины, шла работа по расчистке от обломков и камней, выполняемая рабами. Там внизу на глубине пятидесяти — шестидесяти метров от храмового комплекса, покоился корабль, засыпанный грудами обломков разрушенных зданий. После саморазрушения двигателя Орион навсегда остался там.

Помимо поклонников культа Смерти, погибших

внутри корабля или позднее казненных Леросом, в результате катастрофы было убито, по меньшей мере, еще двадцать человек, в большинстве своем не подозревавших даже о существовании берсеркера. Однако Суоми мог теперь спать спокойно, потому что живы и невредимы остались миллионы ни в чем неповинных людей на всей этой планете.

Афина сказала: — Так вот, Оскар в конце концов объяснил мне, как все это вышло. Они ему пообещали шанс, возможность — если он с ними станет сотрудничать — сражаться, пробиться и дойти до берсеркера, чтобы разрушить его.

— И он поверил в это?

— Он говорил, что знал, насколько это был маленький шанс, но ведь и ничего лучшего не было. Иначе его вообще не допустили бы к кораблю. Ему пришлось сидеть в камере и отвечать на вопросы, задаваемые Андреасом и Лашезом. И, кстати, берсеркером тоже. Шенберг даже как-то говорил прямо с ним.

— Все ясно.— Суоми сделал глоток перебродившего молока из позолоченного кубка. Может быть, для Шенберга этот напиток и оказался вреден, а вот он обнаружил, что его желудок воспринимает это питье нормально, а вкус его даже начал нравиться.

Афина сидела за столиком напротив, глядя на него почти мечтательно.— Карлос, я все никак не могла тебе рассказать о своих мыслях,— проговорила она тихим низким голосом.— Все это придумано настолько просто и незатейливо. О, конечно, я имею в виду «просто» в смысле «классически». И даже блестяще.

— Хм?

— Я про то, как ты использовал свои записи с голосом Карлсена и победил.

— А, вон ты о чем. Так это действительно просто — склеить вместе отдельные записные слова, составить из них фразы, которые берсеркер должен оценить, как очень угрожающие. Главное здесь было в том, чтобы берсеркер узнал этот голос и поэтому начал бы предпринимать самые крутые и жестокие действия, на которые только был способен. И все это, чтобы убить Карлсена, забывая обо всем остальном, не опасаясь и даже охотно желая при этом уничтожить себя самого.

— Но так все это прочувствовать, понять — это же блестяще! А какая требуется смелость, чтобы это осуществить.

— Ну, да. Когда я узнал, что его прислужники расспрашивали про Карлсена без всякой на то видимой причины, мне пришло в голову, что мы можем иметь дело с одной из тех машин-убийц, с берсеркером, специально запрограммированным для охоты на Карлсена. Даже, если это был всего лишь обычный берсеркер — ха, боже, что я говорю? — Тогда уничтожение Карлсена тоже имело бы очень высокую оценку или приоритет с точки зрения его программы. Возможно, даже более высокий приоритет, чем уничтожение всего населения какой-нибудь небольшой планеты. Я рискнул поставить на то, что он должен попросту забыть обо всех прочих планах и решиться на уничтожение корабля, что он сочтет вполне вероятным, будто бы Карлсен каким-то образом спрятан на Орионе с секретной десантной командой.

— Ну, уж это звучит, словно бред сумасшедшего.— Затем, волнуясь, Афина попыталась загладить прозвучавшую критическую интонацию.— То есть, я хочу сказать — ...

— Да все правильно. Это и есть бред сумасшедшего. Однако, насколько мне известно, берсеркеры никогда особенно не блистали в деле предсказания поведения людей. Может, он решил в конце концов, что Андреас его предал.

Бог Торун во плоти, ранее известный как Томас Граббер, царственно вошел во дворик с другой стороны, за ним шествовали жрецы и скульптор, делавший на ходу наброски для новой статуи с копьем. Суоми слегка приподнялся со стула и поклонился Торуну. Торун ответил улыбкой и вежливым поклоном.

Карлос и Томас поняли друг друга удивительно хорошо. Народ нужно было успокоить, поддержать порядок в обществе в такое кризисное время. Действительно ли, Лерос и другие благочестивые вожди верили, что сейчас рядом с ними прогуливаются бог и полубог? Очевидно, да. По крайней мере, какой-то частью своего разума и, по крайней мере, настолько долго, насколько их вера идет на пользу их намерениям. И, может быть, в каком-то смысле Карлсен все еще был среди них.

Возможно также, что человек с волосами песочного цвета, ныне именуемый Жиль Канцлер, ставший посто-

янным спутником и советником Торуна, в большой степени повлиял на то, что жители горы Богов сравнительно спокойно пережили потрясения последних нескольких дней. Но для Братства в этом пользы не было. Хотя, думал Суоми, скорее всего мир, возглавляемый Братством, не был бы ничем лучше, чем станет мир горы Богов без своего тайного злого демона.

Неподалеку Шенберг расхаживал возле своего разрушенного корабля. Барбара Хуртадо рядом с ним слушала, как он давал указания рабам по правильной расчистке завалов. Он гооворил уверенным тоном, так как специально оценил обстановку и стал чем-то вроде эксперта. Накануне вечером он все это рассказывал Суоми. То место, куда указывал сейчас Шенберг, отводилось для складирования обломков согласно математически рассчитанного, высоко эффективного плана. Лерос и победившая группа чуть было не убили Шенберга, как коллаборациониста, и только вмешательство полубога Карлсена спасло ему жизнь и вернуло свободу.

После того, что произошло с Селестой Серветус и Гусом Де Ла Торре — их изуродованные тела были обнаружены на вершине небольшого холма, получившегося из костей и черепов людей и животных, в склепе глубоко под храмом — Суоми уже не мог винить ни Шенберга, ни кого-либо другого за коллаборационизм. Шенберг рассказал ему о придуманной им сказке, по которой безжалостные земляне должны прилететь, чтобы отомстить за него, сказке, которая, увы, была лишь просто обманом. Однако Суоми все же чувствовал, что Шенберг, что-то не договаривает и между ним и Андреасом произошло нечто такое, о чем он предпочитает не вспоминать.

Ну, да бог с ним. Корабль был поврежден основательно, а уцелевшие члены охотничьей экспедиции вынуждены теперь оставаться на этой планете, по всей вероятности, на неопределенное количество земных лет, до тех пор пока сюда не заглянет какой-нибудь звездолет.

Афина сделала глоток холодной воды из своего изящного кубка, а Суоми выпил еще немного перебродившего молока из своего. Она провела самое опасное время взаперти в отведенной ей комнате, где ее никто не беспокоил — может быть, на следующий день ей предстояло стать очередной жертвой — до того момента,

пока не разбился Орион и до ее ушей не донесся грохот рухнувшего храма. Но даже это только слегка встряхнуло ее. Ей было особенно тяжело от того, что она — независимая, привыкшая полагаться только на себя женщина — волей случая была вынуждена пассивно отсиживаться, как героиня старинных времен, пока где-то вокруг нее сражались мужчины.

— Карл, какие у тебя планы на будущее?

— Мне кажется, что здешние горожане рано или поздно устанут от частого появления среди них полубога Карлсена и остается только надеяться, что это не случится раньше, чем здесь появится какой-нибудь корабль. Но я думаю, что до тех времен он сможет, как говорится, достойно исполнить свою роль.

— Да нет же, я говорю о планах Карлоса Суоми.

— Хорошо.— Неожиданно он подумал о том, мог ли кто-нибудь из местных жителей еще до недавних бурных событий слышать, как она называла его Карл, что случалось нередко. Могло ли это повлиять на то, что его так удачно спутали с другим. А впрочем, все равно.

Хорошо. Всего несколько дней назад планы Карлоса Суоми на будущее тесным образом были связаны с Афиной, но все это было еще до того, как он увидел, что она со страстным интересом наблюдает за смертельными поединками мужчин.

Нет. Очень жаль. Конечно, теперь он сам убил больше людей, нежели она видела убитых — и все же, фактически, он оставался пацифистом, даже в большей степени, чем прежде, а вот о ней этого уж никак не скажешь. Во всяком случае, именно так все ему сейчас представлялось.

А еще Барбара. Сейчас она продолжает слушать разглагольствования Шенберга, но время от времени она поглядывает в сторону Суоми. Суоми теперь хотел, чтобы у нее будущее сложилось хорошо и удачно. Прошлую ночь они провели вместе. Они смеялись над своими ушибами и царапинами, сравнивали синяки. И все же... она только лишь девушка для развлечений. Нет, в его жизни ничего не изменится, если он ее больше никогда не увидит.

Так какие же у него планы на будущее, как выразилась Афина? Ну, множество других рыб еще плавает в земных морях или, если можно это перефразировать, скромно обитает под покровом вуали за белыми стенами

города на горе Богов. Ему по-прежнему нужна женщина и даже в более широком смысле, чем прежде.

Шенберг почему-то показывает рукой на небо. Может быть, он считате, что его гора обломков будет настолько высокой? Но тут и Барбара запрыгала в возбуждении. Тогда и Суоми взглянул в небо и увидел корабль.

Вслед за этим все они начали бегать, кричать, искать аварийный радиопередатчик, который Шенберг заставил вытащить из Ориона и держать поблизости. Но какие-то услужливые люди планеты Охотников переместили передатчик куда-то в лучшее место. Хотя, впрочем, оно и не потребуется. Уже было видно, что корабль быстро снижается, привлеченный белым городом, лежащим поверх горы, словно маяком. Да уже и Орион сверху был виден. Спускающийся корабль походил на серебристую сферу, почти такую же, как судно Шенберга. Земляне и жители планеты Охотников энергичными жестами показывали место для посадки на расчищенном возле груды обломков пятачке.

Опустились посадочные опоры, замолк двигатель, открылся люк и выкатился трап. На его ступенях появился высокий человек, который, вероятно, вырос под куполом на Венере, судя по его характерной бледности. Длинные его усы имели форму, столь излюбленную проживающими на Венере выходцами с Земли. Успокоенный многочисленными знаками дружеских приветствий, он спустился на середину трапа и надел защитные очки, спасаясь от ярких полуденных лучей солнца.— Как дела, ребята? Стив Кемальчек, Венера. Скажите, что тут случилось, землетрясение, что ли?

Торун и Верховный жрец Лерос пока еще решали, кто будет произносить официальную приветственную речь. Между тем Суоми подошел поближе к трапу и сказал запросто: — Да что-то вроде того. Но сейчас все под контролем.

Человек еще больше обрадовался, услышав знакомый акцент землянина.— Так ты с Земли, точно? А это — ваш корабль. Успели уже поохотиться? Я только что с севера, нащелкал там целую кучу голограмм с трофеями... Потом покажу.— Он понизил голос и сказал более конфиденциальным тоном.— Да, вот еще что, этот турнир и впрямь такой, как о нем болтают? Он ведь еще не кончился, правда? Где он тут проходит?

СОДЕРЖАНИЕ

Берсеркер
3

Брат Берсеркер
191

Планета Берсеркера
369

Литературно-художественное издание

Саберхаген Фред

БЕРСЕРКЕР-I

Романы

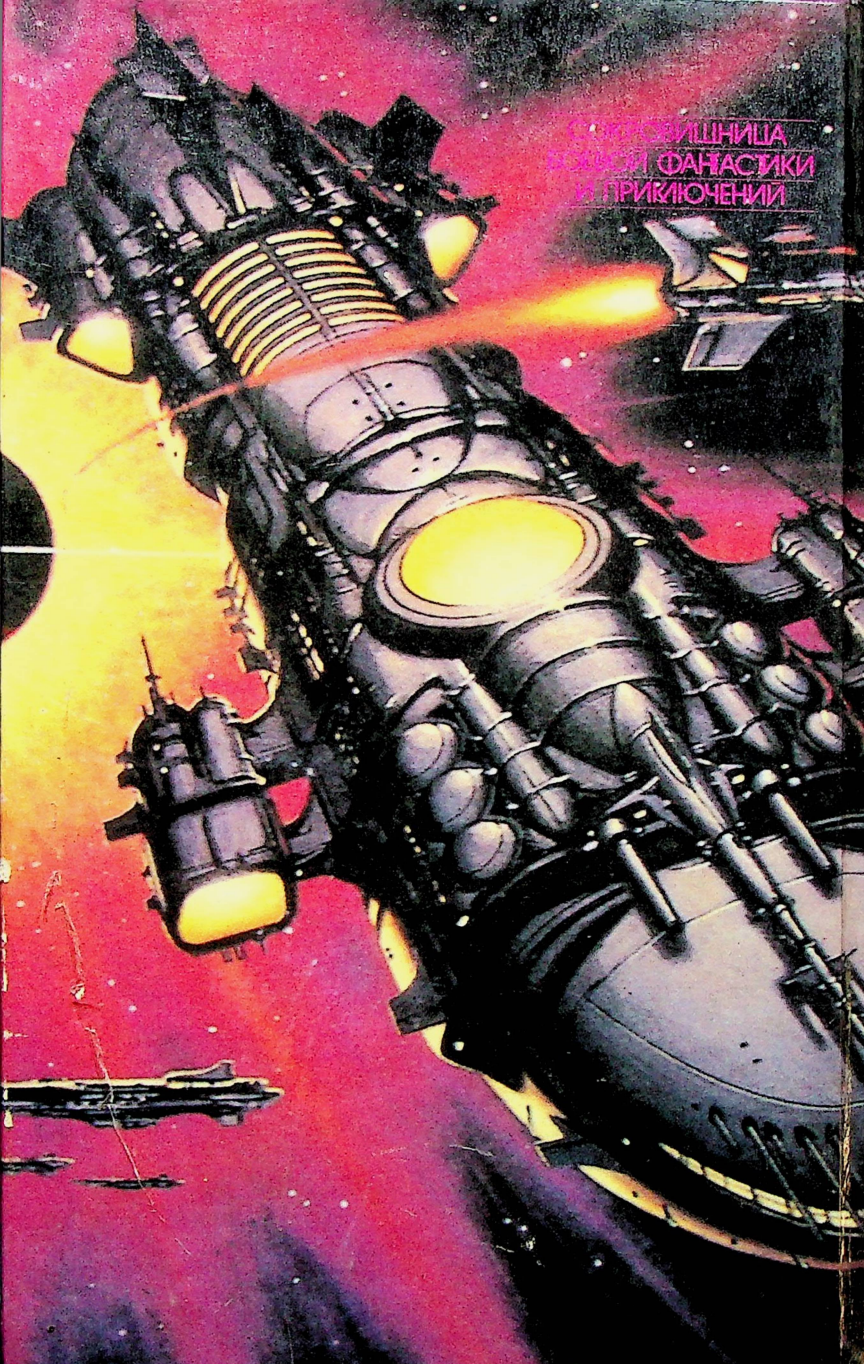
Ответственный за выпуск *В. В. Тарасенко*
Редакторы *Н. В. Иванов, П. Н. Рыбкин*

Сдано в набор 21.06.94. Подписано в печать 8.08.94. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 28,56. Усл. кр.-отт. 29,4. Тираж 50 000 экз. Заказ 1153.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 040432. 214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии производственно-коммерческого предприятия «Дилер». 220746, Минск, пр. Машерова, 23—415.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ